ПОЛИТОЛОГИЯ

Библиотека
журнала
Неприкосновенный
запас

Bálint Magyar, Bálint István Madlovics

THE ANATOMY OF POST-COMMUNIST REGIMES

A Conceptual Framework

CENTRAL EUROPEAN UNIVERSITY PRESS
2020

Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Концептуальная структура

Том 2

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2022

УДК 316.325
ББК 60.521.8
М13

Редактор серии
Т. Вайзер

Мадьяр, Б., Мадлович, Б.

М13 **Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Том 2** / Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович; пер. с англ. Ю. Игнатьевой под ред. А. Решетникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 888 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1738-4 (т. 2)
ISBN 978-5-4448-1739-1
ISSN 1815-7912

После распада Советского Союза страны бывшего социалистического лагеря вступили в новую историческую эпоху. Эйфория от краха тоталитарных режимов побудила исследователей 1990-х годов описывать будущую траекторию развития этих стран в терминах либеральной демократии, но вскоре выяснилось, что политическая реальность не оправдала всеобщих надежд на ускоренную демократизацию региона. Ситуация транзита породила режимы, которые невозможно однозначно категоризировать с помощью традиционного либерального дискурса. Балинт Мадьяр и Балинт Мадлович поставили перед собой задачу найти работающую аналитическую модель и актуальный язык описания посткоммунистических режимов. Так появилась данная книга, предлагающая обновленный теоретический инструментарий для анализа акторов, институтов и динамики современных политических систем стран Центральной Европы, постсоветского региона и Китая. Как в автократиях нейтрализуются институты демократического публичного обсуждения? Почему Китай можно назвать «диктатурой, использующей рынок»? В чем разница между западными популистами и популистами из посткоммунистических стран? Вот лишь небольшой список вопросов, на которые дает ответы эта книга. Балинт Мадьяр — венгерский социолог, политик, бывший министр образования и культуры Венгрии. Балинт Мадлович — венгерский политолог, экономист и социолог, MA in political science Центрально-Европейского университета.

УДК 316.325 + 94(439)«1989/201»
ББК 60.521.8 + 63.3(4Вен)64

Иллюстрация на обложке: © Picture by IADA on iStock

© Bálint Magyar, Bálint Madlovics, 2022
© Ю. Игнатьева, перевод с английского, 2022
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

5. Экономика

5.1. ГИД ПО ГЛАВЕ

В Главе 5 речь пойдет об **экономических феноменах, которые представлены в виде сравнительного анализа**. Этот анализ дан в тексте в соответствии с логикой Таблицы 5.1, которая содержит множество групп концептов, рассортированных по трем полярным типам из шести идеальных типов режимов нашей треугольной концептуальной схемы.

Глава 5 начинается с обсуждения термина «реляционная экономика», который является отправной точкой для анализа экономик шести режимов идеального типа. Суть реляционной экономики заключается в том, что государственные решения вытекают из отношений государственных и частных акторов, которые могут принимать как правовые формы, например формальное лоббирование, так и незаконные, например взяточничество и другие виды коррупции. В Части 5.3 представлена типология и анализ разновидностей сговора, включая типологию коррупции и типологию брокеров-коррупционеров. В этой же части мы также приводим (1) комплексный анализ трансформации коррупции в Венгрии (после того, как режим сменился с патрональной демократии на патрональную автократию), включающий в себя анализ больших объемов данных, (2) критику мировых показателей коррупции, (3) описание криминальной экосистемы, то есть того, как (криминальные и действующие в рамках закона) публичные акторы сосуществуют с (санкционированными и несанкционированными) криминальными публичными акторами, (4) анализ отношений в коммунистических диктатурах, включая блат или «экономику взаимных одолжений», и (5) культурное обоснование низовой коррупции и подобных отношений (таких как гуаньси в Китае) в посткоммунистическом регионе.

Таблица 5.1: Экономические феномены в трех полярных типах режимов (с названиями частей и глав)

	Либеральная демократия	Патрональная автократия	Коммунистическая диктатура
Реляция (Отношение)	отношения между экономическими и политическими элитами добровольны (лоббирование)	отношения между экономическими и политическими элитами принудительны (патронализм)	отсутствует
	представительство интересов	смешение интересов	подавление интересов
	добровольная коррупция; коррупция на свободном рынке	принудительная коррупция; криминальное государство	добровольная коррупция; блат (через членов номенклатуры)
	системоразрушающая коррупция	системообразующая коррупция	системосмазывающая коррупция
	нет санкционированной противоправности (только несанкционированная) в криминальной экосистеме	санкционированная + несанкционированная противоправность в криминальной экосистеме	нет санкционированной противоправности (только несанкционированная) в криминальной экосистеме
Государственное вмешательство	нормативное государственное вмешательство (минимальная амплитуда произвола)	дискреционное государственное вмешательство (максимальная амплитуда произвола)	отсутствует (центральное планирование)
	нормативно-закрытые рынки	дискреционно-закрытые рынки	отсутствует (нет частных рынков)
	получателями ренты являются группы интересов	получателями ренты являются патрональные сети	отсутствует (нет частного предпринимательства)
	общие + секторальные налоги	общие + секторальные + дискреционные налоги	отсутствует (нет налоговых поступлений из частной сферы в публичную)
	активные механизмы контроля (нейтральное надзорное вмешательство)	неисправные механизмы контроля (надзорное вмешательство как оружие)	отсутствует (бюрократическая координация экономики)
Собственность	происходит в результате приватизации при смене режима	происходит в результате посткоммунистического перераспределения собственности	происходит в результате коммунистической национализации
	рейдерский захват	централизованное корпоративное рейдерство	экспроприация
	имущественные права де-юре и де-факто совпадают; нормативное вмешательство в экзогенные имущественные права	имущественные права де-юре и де-факто не совпадают; дискреционное вмешательство в экзогенные имущественные права	имущественные права де-юре и де-факто совпадают; экзогенные имущественные права отсутствуют (монополия государственной собственности)
	покупатели и продавцы; обмен по рыночной стоимости	хищники и жертвы; захват по стоимости в фазе выслеживания, в фазе охоты и по трофейной стоимости	отсутствует (нормативная экпроприация)
	частная собственность	власть-собственность	государственная собственность
Экономические системы	рыночная экономика; конкурентный рынок	реляционная экономика; реляционный рынок	командная экономика; административный рынок
	регулируемая рыночная кординация	реляционное перераспределение рынка	бюрократическое распределение ресурсов
	капитализм	политический капитализм (мафиозный капитализм)	социализм

В Части 5.4 мы рассматриваем проблему государственного вмешательства. Излагая общие принципы для анализа государственного вмешательства в режимах с частными рынками, от либеральной демократии до патрональной автократии, мы объясняем, каким образом регуляционное и бюджетное вмешательство различаются в патрональных и непатрональных системах. Говоря о регуляционном вмешательстве, мы подробно раскрываем методы формирования и получения ренты в различных режимах, а также рассматриваем, как бюджетное вмешательство влияет на нормативные и дискреционные функции налогообложения и расходов.

Часть 5.5 посвящена понятию собственности. Она начинается с отступления, в котором мы рассказываем об истории политической реорганизации структуры собственности в посткоммунистическом регионе, а затем описываем различные методы и мотивы приватизации (при смене режима). После этого следует описание хищничества или изъятия неденежной частной собственности для личной выгоды в посткоммунистическом регионе в рамках концепции имущественных прав, а также проводится различие между экзогенными и эндогенными правами и рассматриваются методы, с помощью которых эти права нарушаются и/или распределяются. Здесь мы опираемся на существующую литературу о хищничестве, особенно на анализ Вахаби, посвященный «трофейной стоимости» объектов. Для нашего исследования мы расширили эту теорию, введя два новых термина: «стоимость в фазе выслеживания» и «стоимость в фазе охоты» (которая относится к соответствующей фазе хищничества).

Наконец, Часть 5.6 вносит вклад в литературу, посвященную сравнительному анализу экономических систем. В ней мы определяем доминирующий экономический механизм работы конкурентных рынков, то есть регулируемую рыночную координацию (с опорой на Корнаи), а также различаем два типа перераспределения (с опорой на Поланьи): бюрократическое

перераспределение ресурсов, то есть доминирующий экономический механизм административных рынков, и реляционное перераспределение рынка, то есть доминирующий экономический механизм реляционных рынков. После этого следует описание корректирующих механизмов плановой экономики (в коммунистических диктатурах), деформирующих механизмов рыночной экономики (в либеральных демократиях) и аннексионных механизмов, которые трансформируют конкурентные рынки в реляционные (в патрональных автократиях). Эта часть также включает в себя описание модифицирующих механизмов реляционных рынков (таких как финансовые махинации) наряду с анализом экономик, присущих трем режимам промежуточного типа. В частности, мы посвящаем значительный раздел динамическому балансу трех экономических механизмов в диктатурах с использованием рынка (и в качестве хрестоматийного примера приводим Китай). Завершается глава обсуждением типов политического капитализма, начиная от «капитализма для корешей» и заканчивая мафиозным, а также освещением обоснованности этих концептов в целом и кратким изложением некоторых нюансов этой главы.

5.2. РЕЛЯЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА КАК ПОЛЕМИКА С НЕОКЛАССИЧЕСКИМ СИНТЕЗОМ

Сравнительный анализ экономических феноменов удобнее всего проводить в рамках принципов толкования экономической теории. Такие явления, безусловно, уже были описаны посредством экономических теорий, а экономические модели, разработанные для конкретных ситуаций, точно описывают процессы и поведение участвующих в них акторов. Но даже если их допущения несколько расходятся с реальностью, эти модели могут все же быть иллюстративны в том смысле, что их можно использовать в качестве приблизительного ориентира или точки отсчета для понимания общей логики экономических явлений, ведь, по меткому выражению экономиста-статистика Джорджа Бокса, «все модели ошибочны, но некоторые из них полезны»[1]. В этом отношении модели в общем-то похожи на идеальные типы. Отсюда следует, что для осмысления посткоммунизма должны применяться наиболее близкие к реальным режимам идеальные типы, и таким же образом могут быть найдены экономические теории, которые наиболее близки к реалиям этого региона[2].

Начиная со второй половины XX века, центральной темой экономической мысли была полемика с фундаментальными

1 *Box G., Draper N.* Empirical Model-Building and Response Surfaces. New York: Wiley, 1987. P. 424.

2 Поиск подходящей теории является принципиально важным моментом для экономистов, если необходимо провести экономический анализ региона. Однако мы хотим прояснить, что главная цель этой главы — не экономический анализ, а создание однозначных средств выражения для проведения такого анализа [▸ *Введение*].

представлениями. **Отправной точкой для экономистов стал «ортодоксальный» неоклассический синтез**, объединивший микроэкономику (анализ отдельных экономических акторов и их рыночного взаимодействия) и макроэкономику (анализ общенациональных экономических явлений и международной торговли) в единое целое экономической теории[1]. В последние десятилетия в экономической литературе появился ряд новых, так называемых **неортодоксальных школ экономической мысли**, которые, впрочем, сохраняют микро-макроструктуру, но ставят под сомнение аксиоматические допущения, присущие моделям неоклассического синтеза[2].

Экономическая теория, которую мы используем, также является неортодоксальной. Мы называем ее «реляционная экономика», и, насколько нам известно, отдельная школа экономической мысли обозначается этим термином впервые. Кроме того, теории, которые мы включаем в это понятие, обычно не связаны друг с другом, несмотря на то, что они действительно представляют собой последовательную полемику с неоклассическим синтезом. Мы можем это показать, поместив реляционную экономику в ряд других неортодоксальных экономических школ. Для целей нашей структуры не требуется приводить полный список этих школ. Нас интересуют только те из них, что находятся в одной «лиге» с реляционной экономикой, то есть те, что **ставят под сомнение одну из основных аксиом неоклассического синтеза**. Мы выделяем три такие аксиомы, которые касаются (1) экономических акторов, (2) рынка, состоящего из обмена между акторами, и (3) государства (Схема 5.1)[3].

[1] Подробнее об этом см. фундаментальный труд: *Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д.* Экономика. М.: Вильямс, 2012.

[2] *Colander D., Holt R., Rosser B. Jr.* The Changing Face of Mainstream Economics // Review of Political Economy. 2004. Vol. 16. № 4. P. 485–499.

[3] Подробнее на эту тему см.: *Mearman A., Berger S., Guizzo D., eds.* What Is Heterodox Economics? Conversations with Leading Economists. New York: Routledge, 2019.

Схема 5.1: Три возражения против неоклассического синтеза, которые ставят под сомнение три его основные аксиомы

• **Поведенческая экономика ставит под сомнение неоклассическую аксиому об экономических акторах, то есть о рациональности их выбора**. Проще говоря, рациональность в экономике означает, что принимается то решение, которое приносит максимальную прибыль (и минимальные затраты). Модели неоклассической микроэкономики подразумевают, что люди рациональны, потому что (1) поведенческие отклонения от рациональных вариантов решения случайны и в итоге статистически дополняют друг друга, и (2) те, кто ведет себя иррационально, несут потери и в перспективе оказываются вытеснены с рынка, то есть иррациональные акторы перестают быть его участниками, а наполняют его именно рациональные акторы[1]. Поведенческая экономика ссылается на психологию и утверждает, что иррациональность не случайна, но закономерна, и функционирование рынков определяют, как правило, такие явления, как эвристика

[1] *Friedman D.* The Methodology of Positive Economics // Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 3–43.

и когнитивные искажения (боязнь потери / *loss aversion*, создание условий / *framing*, эффект «якоря» / *anchoring* и т. д.)[1]. Поэтому поведенческая экономика считает, что в экономических моделях неоклассическая аксиома рациональности **должна быть сформулирована с учетом так называемой ограниченной рациональности.**

• **Институциональная экономика ставит под сомнение неоклассическую аксиому о рынке, то есть о том, что обмен происходит на основе спроса и предложения.** Неоклассический синтез утверждает, что всякий раз, когда (1) участник рынка имеет A и оценивает его дешевле, чем B, и (2) другой участник рынка имеет B и оценивает его дешевле, чем A, между ними происходит добровольный обмен A на B. Это объясняется тем, что первый участник считает выгодным обмен своего менее ценного A на более ценный B, и наоборот, другой предпочтет обменять менее ценный для него B на более ценный A[2]. Институциональная экономика утверждает, что это не всегда так (1) из-за наличия или отсутствия институтов (таких как имущественные права, договоры и социальные нормы), а также (2) из-за транзакционных издержек, то есть всего, что стоит на пути добровольного обмена между людьми[3]. Таким образом, институциональная экономика считает, что неоклассическую аксиому о том, что только личные предпочтения или спрос и предложение регулируют распределение

[1] См. научно-популярные издания о поведенческой экономике: *Ариели Д.* Позитивная иррациональность: Как извлекать выгоду из своих нелогичных поступков. М.: Альпина Паблишер, 2019; *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014; *Талер Р.* Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо, 2017.

[2] *Varian H. R.* Intermediate Microeconomics: a Modern Approach. New York: W. W. Norton & Company, 2014. P. 15–17, 582–590.

[3] *Coase R.* The Problem of Social Cost // The Journal of Law & Economics. 1960. № 3. P. 1–44; *North D. C.* Transaction Costs, Institutions, and Economic History // Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1984. Vol. 140. № 1. P. 7–17.

ресурсов, **необходимо дополнить акцентом на существующие и меняющиеся ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие**[1].

• **Реляционная экономика ставит под сомнение неоклассическую аксиому о государстве, то есть о том, что его роль заключается в исправлении фиаско рынка** (*market failure*). Основываясь на принципе рациональности, неоклассическая микроэкономика приходит к выводу, что государство должно вмешиваться в свободный рыночный обмен, только когда рынок терпит фиаско, то есть когда рациональность индивидов не приводит к рациональности группы (когда каждый человек принимает правильное решение, а группа при этом принимает неправильное решение)[2]. Наиболее распространенными примерами здесь служат загрязнение окружающей среды и недопроизводство общественных благ, таких как уличные фонари и дамбы. Расширяя определение фиаско рынка, макроэкономика добавляет, что для исправления общенациональных провалов, таких как экономические кризисы, инфляция и безработица, необходимо вмешательство государства[3].

Реляционная экономика полагает, что предписания о том, куда должно вмешиваться государство, игнорируют фактические механизмы политики и ошибочно подразумевают, что, если государство вмешивается, то оно теоретически применяет оптимальные меры, выработанные экономистами. Вместо необоснованных предположений о «всезнающем великодушном диктаторе»[4] реляционная экономика утверждает, что

1 *Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. № 3. P. 595–613.

2 *Friedman D.* Market Failure: An Argument For and Against Government // The Machinery of Freedom: Guide to a Radical Capitalism. New York: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. P. 256–261.

3 *Acocella N.* The Foundations of Economic Policy: Values and Techniques. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 122–171.

4 *Holcombe R.* Make Economics Policy Relevant: Depose the Omniscient Benevolent Dictator // The Independent Review. 2012. Vol. 17. № 2. P. 165–176.

(1) политики ведут себя так же, как все другие люди, и как и экономические акторы, могут быть более или менее меркантильны, (2) их мотивации формируются в русле взаимоотношений публичных и частных акторов, и (3) таким же образом принимаются политические решения[1]. Следовательно, реляционная экономика **считает необходимым** расширить неоклассическую аксиому, рассматривающую государство как институт исправления рыночных фиаско, **дополнив ее анализом реально существующих процессов и феноменов (взаимосвязей), которые влияют на приятие государственных решений**, а также анализом последствий этих решений с точки зрения взаимосвязей.

Помимо того, что все три упомянутые неортодоксальные школы оспаривают базовые неоклассические аксиомы, между ними есть еще два сходства. Во-первых, все они утверждают, что неоклассическая мысль, опирающаяся на методологический индивидуализм, не учла, что на предпочтения и действия индивидов может влиять группа, и в силу этого она тоже должна быть предметом экономического анализа[2]. Во-вторых, что более важно для нашей книги, **все три направления обращают внимание на реальность**, то есть на реальное положение дел участников рынка, структурирующих рынок социальных институтов и государственных акторов. Они призывают включить эти идеи в экономическую теорию, чтобы она лучше отражала эмпирическую реальность[3].

1 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2015.

2 *Tomer J.* What Is Behavioral Economics? // The Journal of Socio-Economics. 2007. Vol. 36. № 3. P. 463–479; *Hodgson G.* The Approach of Institutional Economics // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36. № 1. P. 166–192; *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 44–71.

3 Неудивительно, что этим неортодоксальным школам есть чему друг у друга поучиться: институциональная экономика берет на вооружение идею ограниченной рациональности, а реляционная экономика в значительной степени опирается на теорию транзакционных издержек.

В рамках нашей структуры **наиболее подходящей для посткоммунистического региона теорией является именно реляционная экономика**. Это не означает, что идеи других школ (или других неортодоксальных школ, которые мы не упомянули) не могут применяться для анализа этих стран. Скорее мы утверждаем, что реляционная экономика может дать наиболее полное представление о функционировании посткоммунистических режимов, поскольку **другие, представленные выше направления экономической мысли не могут описывать государства, которые руководствуются принципом элит**. Следовательно, пока мы относимся к государству как к великодушному актору, который исправляет фиаско рынка и служит общему благу, исключается сама возможность того, что государство исходит не из принципа общественных интересов. Однако, как мы отмечали в Главе 2, государства в посткоммунистическом регионе (и в частности, мафиозные государства) часто реализуют принципы интересов элит, и игнорирование этого факта не позволило бы точно описать посткоммунистические режимы.

Можно возразить, что «реляционная экономика» — это избыточный неологизм. В конце концов, теория общественного выбора уже отвергает неоклассическую аксиому о государстве, когда утверждает, что альтернативой свободному рынку любых продуктов или услуг является «политический рынок», а ответ на вопрос о том, дает ли он тот желаемый результат, которого не может достичь частный рынок, зависит от угла зрения[1]. Кроме того, мы используем множество уже существующих теорий о получении ренты, регуляционном вмешательстве, хищничестве и коррупции. Зачем нужен новый термин? Во-первых, в отличие от теории общественного выбора **реляционная экономика представляет собой не экономический анализ политических процессов,**

[1] Подробнее на эту тему см. основополагающую работу: *Buchanan J., Tollison R.* The Theory of Public Choice–II. University of Michigan Press, 1984.

но политический анализ экономических процессов[1]. Говоря точнее, нас интересует то, как функционирует экономика, которая испытывает значительное воздействие нормативных актов и других типов государственного вмешательства, и чем она отличается от экономики в режимах с иной степенью разделения сфер социального действия. В определенном смысле реляционная экономика — это направление политической экономии, которое сочетает в себе сравнительный анализ режимов и экономический анализ. С помощью первого можно описать формальные и неформальные отношения публичных и частных акторов в шести режимах идеального типа, а второй опирается на это описание для анализа функционирования экономики.

Во-вторых, и это более важно, реляционная экономика — это общая отправная точка для теорий о получении ренты, коррупции и так далее, она направляет их в одно русло, где те в свою очередь становятся отправными точками для более масштабной теории. Другими словами, **«реляционная экономика» — это всеобъемлющая концепция, в которой теории, разработанные для западных экономик, можно расширить и применять для анализа посткоммунистических режимов** или политических систем, где сферы социального действия не отделены друг от друга, а акторы объединяются в неформальные патрональные сети. Если быть более точным, теории общественного выбора были разработаны в США и в основном анализировали западные правительства, влияние крупного бизнеса на политику и экономические и социальные последствия государственного фаворитизма[2].

1 Теория общественного выбора тесно связана с теорией рационального выбора в политологии. См.: *Dunleavy P.* Democracy, Bureaucracy and Public Choice: Economic Approaches in Political Science. New York: Routledge, 2016.

2 Две работы, которые анализируют одни и те же феномены с разных идеологических позиций: *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015; *Stockman D.* The Great Deformation: The Corruption of Capitalism in America. New York: Public Affairs, 2013.

Осмысляя экономические феномены в трех режимах полярного типа, можно начать с литературы о формальных и добровольных отношениях и провести анализ неформальных и принудительных отношений в патрональных режимах. Таким образом, **вертикальные отношения патрон — клиент можно проанализировать по аналогии с горизонтальными непатрональными отношениями**, что позволит нам различить их и сформулировать важные выводы об экономике в посткоммунистическом регионе. В следующей части мы рассмотрим основные виды этих отношений и дадим типологию коррупции, обозначив перед этим, чем она отличается от действий, не ведущих к формированию коррупционных отношений, например лоббирования.

5.3. РЕЛЯЦИЯ

5.3.1. Основные определения: реляция, сотрудничество, сговор

В разговорном языке «реляция» означает связь, отношения. Для нашей структуры мы приводим более узкое определение этого понятия, исключая те явления, которые находятся за пределами сферы реляционной экономики:

• ***Реляция*** *— это тип отношений между людьми, который является неформальным / незаконным и/или связывает людей, формально принадлежащих разным сферам социального действия.*

Хотя в существующей литературе нет стройной концепции реляции, а области знания, которые мы объединили в отдельную школу экономической мысли, не рассматриваются как единое целое, «Политический капитализм» Рэндалла Дж. Холкомба является здесь важным исключением[1]. Холкомб не использует термин «реляционная экономика», но закладывает для нее фундамент, разрабатывая теорию «политического капитализма». Его основной вклад состоит в объединении таких общепризнанных концепций, как теория общественного выбора и теория элит, в последовательную экономическую теорию, которая описывает механизм принятия экономических решений в целом и объясняет, почему определенные группы имеют для государства больший приоритет, чем другие (см. Текстовую вставку 5.1). Анализируя США и их развитую систему лоббирования, Холкомб отмечает, что в либеральных демократиях, где сферы социального действия отделены друг от друга, существуют веские основания экономического характера, согласно которым в процессе

1 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018.

принятия политических решений экономическая элита сотрудничает с политической. По его мнению, демократические общества делятся на два класса: «массы» и «элиты», а основным различием между ними являются транзакционные издержки участия в принятии политических решений. В либеральных демократиях интересы масс могут представлять (a) избранные, преданные идее политики, (b) организованные группы интересов, включая лоббистов, или (c) они сами, посредством выборов. Можно с уверенностью утверждать, что в режимах такого типа у людей есть средства и стимулы участвовать в политической жизни, если они чувствуют, что их интересы не представлены, и в конечном счете — в духе неоклассической экономической теории — «равновесие политически активных групп» поддерживается, если эти акторы постоянно вовлекаются в политическое участие[1]. Но, как отмечает Холкомб, для политического участия, то есть для реализации пунктов (a), (b) или (c), необходимо мобилизовать и организовать большое количество людей, у каждого из которых мало для этого стимулов. Это связано с тем, что (1) индивидуально они почти ни на что не могут рассчитывать и/или (2) они практически не влияют на результат и в случае групп интересов получают преимущества успешного лоббирования независимо от участия («бесплатная езда»). Следовательно, по мнению Холкомба, массы являются группой с высокими транзакционными издержками. Элиты же — это группа с низкими транзакционными издержками, потому что они являются либо политиками, либо членами экономической элиты, то есть представляют собой относительно небольшой круг людей, каждый из которых может извлечь более крупную выгоду из благоприятных нормативных актов и чье индивидуальное участие имеет больше веса в процессе лоббирования, чем участие одного гражданина

1 *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 250–253.

из миллионов[1]. В результате мы получаем систему, в которой всякий раз, когда возникает вопрос, кому стоит отдать предпочтение и за чей счет элиты принимают решение, которое приносит им выгоду, распределяя издержки среди масс. «Экономическая элита, — пишет Холкомб, — влияет на экономическую политику правительства и стремится к тому, чтобы нормативные акты, государственные расходы и структура налоговой системы использовались для поддержания ее статуса в экономике», тогда как «политическая элита, реализующая эти меры <...>, находит поддержку среди экономической элиты, которая помогает первой сохранять свой статус <...>. Элиты сотрудничают, чтобы использовать свою политическую и экономическую власть в целях сохранения своих позиций на вершине политической и экономической иерархий»[2].

Текстовая вставка 5.1: Теоретические основы реляционной экономики

Теория элит, разработанная социологами и политологами, описывает способность элит объединяться в сети, чтобы управлять политическими и экономическими институтами в своих интересах. Однако эта теория практически не объясняет механизмы, с помощью которых элиты осуществляют это управление. Теория общественного выбора заполняет этот пробел посредством входящих в нее теорий, касающихся групп интересов, поиска ренты и нормативного захвата, которые описывают применяемые элитой механизмы. Однако теория общественного выбора, которая при анализе принятия политических решений использует индивидуалистский подход, не рассматривает тот факт, что элиты способны получать ренту и захватывать нормативные органы. Теория элит заполняет этот пробел, поэтому в комплексе теория элит и теория общественного выбора

1 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 72–96.

2 Ibid. P. 1.

> в контексте политических процессов объясняют, кто извлекает выгоду из политического процесса и какие механизмы они используют для получения этих выгод. Строительные блоки теории политического капитализма хорошо известны в общественных науках[1].

С точки зрения отношений (или реляций), в этой теории есть три важных аспекта. Во-первых, мы (как и Холкомб) не случайно использовали слово «класс», ведь в рыночной экономике либеральных демократий **формирование групп тех, кто получает выгоды, и тех, кто несет издержки, является рыночным феноменом**. Даже если Холкомб и не уделяет чрезмерного внимания экономике транзакционных издержек, и мы полагаем, что коллективные действия и поведение избирателей не зависят исключительно от индивидуального анализа затрат и выгод[2], ясно, что (1) наличие или отсутствие определенных групп интересов не является результатом добровольного решения участвующих сторон. Кроме того, (2) тогда как «массы» или неорганизованные группы имеют возможность голосовать и выбирать в конце каждого срока, кого они хотят, организованные группы интересов могут на повседневной основе влиять на принятие решений и тратить на это больше ресурсов, чем обычные люди, и (3) бизнес-группы имеют чрезвычайно большое влияние на процесс принятия демократических решений[3]. Таким образом, из логики рынка или его «невидимой руки» [► 2.6] вытекает, какие группы частных акторов формируют более прочные отношения с публичной сферой

1 *Holcombe R.* Political Capitalism: How Economic and Political Power Is Made and Maintained. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 170.

2 См. пример конструктивной критики этого метода: *Green D., Shapiro I.* Pathologies of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science. Yale University Press, 1994.

3 *Gilens M., Page B.* Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12. № 3. P. 564–581; *Dal Bó E.* Regulatory Capture: A Review // Oxford Review of Economic Policy. 2006. Vol. 22. № 2. P. 203–225.

или какие из них могут направить процесс принятия политических решений в благоприятное для них русло.

Второй аспект, который тесно связан с первым, заключается в том, что **отношения между политической и экономической элитами являются добровольными** и взаимовыгодными. Кроме того, в либеральных демократиях идеального типа лоббирование, как правило, является законным и регулируемым, что делает реляцию прозрачной для общественности[1]. Наконец, третий аспект, который необходимо отметить на основании работы Холкомба, заключается в том, что **вознаграждение этих двух элитных групп служит укреплению их формальных позиций в каждой из отделенных друг от друга социальных сфер, к которым они принадлежат** [▸ 3.2]. Другими словами, хотя элиты и сотрудничают, акторы не пересекают границы сфер социального действия друг друга: **предприниматели не становятся в том числе политиками, а политики не становятся предпринимателями.** Добиваясь выгодных для себя правовых норм, члены экономической элиты не становятся частью элиты политической [▸ 3.7.1.1]. Конечно, экономическая элита имеет огромное влияние на процесс принятия политических решений, и в либеральных демократиях идеального типа могут существовать такие институты, как Американский законодательный совет (*ALEC*), в рамках которого члены законодательного собрания и участники частного сектора сотрудничают в разработке типовых законопроектов, которые могут быть внесены для обсуждения в законодательных органах штатов[2]. Однако даже в этом

1 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 76–77. Ср.: *McGrath C.* Lobbying in Washington, London, And Brussels: The Persuasive Communication of Political Issues. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Pr, 2005.

2 *Greeley B., Fitzgerald A.* Pssst ... Wanna Buy a Law? // Bloomberg Businessweek. 02.12.2011. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-12-01/pssst-dot-wanna-buy-a-law. Также см.: *Pogátsa Z.* A Neoliberalizmus Politikai Gazdaságtana [Политическая экономия неолиберализма] // Neoliberális Hegemónia Magyarországon: Elemzés És Kritika [Неолиберальная гегемония в Венгрии: анализ и критика]. Budapest: Noran Libro, 2019. P. 50–73.

случае правительственные решения принимаются не главными предпринимателями, а политиками, которые могут свободно отклонять предложения лоббистов и органов примирения так же, как и свободно игнорировать попытки влияния неэлит. Если они принимают эти предложения, то, как правило, это подразумевает добровольный обмен нормативных актов на взносы в пользу избирательной кампании либо (относительно незначительные) личные выгоды[1], которые используются в процессе принятия политических решений и/или не превращаются в производственный капитал либо частные экономические единицы (компании и т. д.). Таким образом, члены политической элиты не становятся частью экономической элиты: сферы социального действия взаимосвязаны, но при этом остаются отделены друг от друга.

Мы называем тип добровольных отношений, которые служат укреплению формального положения участников в отделенных друг от друга социальных сферах, к которым они принадлежат, «сотрудничеством»:

• ***Сотрудничество*** *— это тип реляции, при котором актор или группа акторов, де-факто и де-юре принадлежащих к экономической сфере, и актор, де-факто и де-юре принадлежащий к политической сфере, устанавливают добровольные и формальные / законные связи.*

Холкомб использует термин «сговор» для описания сотрудничества экономических и политических элит на взаимовыгодной основе[2]. Однако добровольные отношения, которые он анализирует, осуществляются через лоббирование, то есть формальный и легализованный процесс. В нашем

[1] *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 78; *Pogátsa Z.* A Neoliberalizmus Politikai Gazdaságtana [Политическая экономия неолиберализма]. P. 58–59. Что касается «относительно незначительных» выгод, то здесь Холкомб приводит в пример трудоустройство члена семьи в индустрии, где заняты лоббисты. Такая выгода очевидным образом не сопоставима с богатством полигархов и их приемных политических семей (см. Текстовую вставку 3.1 [▸ 3.3.3]).

[2] *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 1.

понимании «сговор» подразумевает более неформальные отношения:

- ***Сговор** — это тип реляции, при котором актор или группа акторов, формально принадлежащих к экономической сфере, и актор или группа акторов, формально принадлежащих к политической сфере, устанавливают неформальные / незаконные связи.*

Три принципиально важные особенности отличают сговор от сотрудничества. Во-первых, **участвующие в нем стороны принадлежат к формально разделенным социальным сферах, которые могут быть связаны неформально**. Во-вторых, **реляция между двумя элитами может быть как добровольная, так и принудительная**. Если сделка добровольная, экономика отношений мало чем отличается от ситуации, описанной Холкомбом: для добровольного установления связи обе стороны должны предложить друг другу что-то ценное. Такие отношения, где ни одна из сторон не может принудить другую к обмену (**свободный вход**) или заставить ее продолжать совершать обмен (**свободный выход**), можно описать как **горизонтальные** и **непатрональные**. Однако если транзакция принудительна, экономика отношений значительно отличается, поскольку тогда на наличие связи влияет исключительно расчет затрат и выгод агрессора. Такие отношения, в которых одна сторона может заставить другую совершить обмен (**несвободный вход**) и продолжать в нем участвовать (**несвободный выход**), можно описать как **вертикальные** и **патрональные**. Таким образом, в случае принудительных транзакций **отношения политических и экономических элит представляют собой внерыночный феномен**, который не подчиняется логике свободного рынка. Формирование группы внутри сети бенефициаров является **результатом не невидимой руки рынка, а видимой руки патрона**. Если участников связывают неформальные, а также принудительные отношения, члены экономической элиты становятся частью

политической (см. олигархи [► 3.4.1]), а члены политической, в свою очередь, становятся частью экономической элиты (см. полигархи [► 3.3.3]).

5.3.2. Сговор и коррупция: вариант типологии

5.3.2.1. Обоснование аналитической структуры[1]

Как было упомянуто выше, реляция и коррупция тесно взаимосвязаны. Мы используем определение коррупции, приведенное в Части 2.4.4, то есть понимаем под ней «злоупотребление вверенными полномочиями в целях личной выгоды». «Вверенные полномочия» в данном контексте означают власть, формально делегированную государственным институтам, а «злоупотребление» этой властью происходит тогда, когда она используется в личных целях (обычно незаконно). Это может происходить с вовлечением частных лиц или по их заказу, то есть через частно-государственный сговор. Несомненно, **результатом такого сговора является коррупция, как следует из ее определения**. Однако коррупция может иметь место и без всякого сговора, как в случае с хищением[2]. Но все же несмотря на то, что этот внутренний тип коррупции встречается в посткоммунистическом регионе, по своей сути он мало отличается от похожих явлений, присущих и западным режимам. Поэтому именно на примере коррупционного сговора можно исследовать различия на уровне идеальных типов, которые,

[1] Данная попытка систематизации и типологизации коррупции ставит во главу угла структуру этого феномена. Пример функционалистской типологии (части тех же явлений, которые исследуем мы) можно найти: *Jávor I., Jancsics D.* Corrupt Governmental Networks // International Public Management Journal. 2012. Vol. 15. № 1. P. 62–99.

[2] *Vargas-Hernández J. G.* The Multiple Faces of Corruption: Typology, Forms and Levels // Organizational Immunity to Corruption: Building Theoretical and Research Foundations. 2013. P. 134.

в свою очередь, обусловлены степенью разделения сфер социального действия.

Чтобы смоделировать коррупцию, нам необходимо подвергнуть ее определение «социологической дезагрегации», то есть выделить ключевые элементы и измерения, по которым могут различаться разные типы коррупции. Одну из таких дезагрегаций проводит Диего Гамбетта, который интерпретирует коррупцию как **проблему принципала-агента**[1]. Он утверждает, что в коррупцию вовлечены три основных актора: **доверитель** (Д), который является принципалом и наделяет кого-то властью; **поверенный** (П), который является агентом, наделяемым властью; и **развратитель** (Р), который инициирует коррупционный обмен, чтобы добиться реализации своих личных интересов через получение «определенных ресурсов, на предоставление которых П *не получал* от Д разрешения в рамках их договоренности»[2]. Внутри этой конструкции главным нарушителем является П, который злоупотребляет своим положением ради личной выгоды, игнорируя волю своего принципала Д, наделившего его властью (именно поэтому коррупция считается одним из проявлений проблемы принципала-агента). Гамбетта также отмечает, что развратитель и поверенный могут быть как двумя разными лицами, например при получении взятки, так и одним и тем же человеком (П = Р), как в случае с уже упомянутым выше хищением, когда поверенный решает злоупотребить своим положением ради получения выгоды для себя и ни для кого иного[3].

Несмотря на свою очевидную интеллектуальную ценность, модель, предложенная Гамбеттой, не рассматривает случаи,

1 *Gambetta D.* Corruption: An Analytical Map // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook. Budapest; New York: CEU Press, 2002. P. 33–56. Еще одним выдающимся примером работы по неоинституционалистскому моделированию коррупции, безусловно, является: *Groenendijk N.* A Principal-Agent Model of Corruption.

2 *Gambetta D.* Corruption: An Analytical Map. P. 35.

3 Ibid. P. 40–41.

когда **официальное лицо одновременно является и агентом, и принципалом**. В то же время внутри государственного бюрократического аппарата только те, кто находятся в самом низу, могут считаться агентами в чистом виде, а идеальными принципалами могут быть только люди на самом верху[1]. Все, кто находятся посередине, являются (прямыми или опосредованными) принципалами тех, кто под ними, а также (прямыми или опосредованными) агентами тех, кто находится выше в иерархии.

Отсюда вытекают две проблемы, в связи с которыми множество разновидностей коррупционного сговора, присущих посткоммунистическому региону, не может быть описано в простой конструкции принципала — агента. Во-первых, если мы определяем коррумпированного актора как только лишь агента, а его непосредственного начальника — как его принципала, то ситуация лишается контекста того государства, в котором совершается акт коррупции. Контекстный анализ должен учитывать, что актор является как принципалом, так и агентом, и в связи с этим необходимо помещать его на соответствующий уровень государственной иерархии. Если этого не делать, то мы получим бесконтекстный анализ коррупции, при котором ее сравнительная типология, возникающая на разных уровнях государственной иерархии, становится невозможной. Вторая, тесно связанная с первой проблема заключается в том, что конструкция Гамбетты исключает возможность сетевой коррупции, поскольку фокусируется только на трех типах акторов. Так, если П в рамках иерархической структуры государства находится не в самом ее низу, то есть не является только лишь агентом, но также

[1] Но в демократических режимах они, конечно, являются и агентами тоже — агентами людей, избравших их в качестве своих представителей. См.: *Katz R.* No Man Can Serve Two Masters: Party Politicians, Party Members, Citizens and Principal–Agent Models of Democracy // Party Politics. 2014. Vol. 20. № 2. P. 183–193.

и Д, он может использовать своих подчиненных (своих П) в качестве посредников для содействия в коррупционной сделке[1]. Иначе говоря, можно сказать, что эта вторая проблема исключает возможность того, что **доверитель может быть также и развратителем**, что особенно распространено в посткоммунистическом регионе, где коррупция навязывается сверху вниз.

В теории более сложная модель принципала — агента может охватить случаи сетевой коррупции на уровне государства. Однако мы полагаем, что на практике для создания наиболее прозрачной типологии посткоммунистической коррупции необходимо построить аутентичную **аналитическую структуру**. Для этого следует начать с **акторов**, принимающих участие в коррупционной сделке, учитывая (1) как частных, так и публичных акторов, при условии, что нас интересует коррупционный сговор, а также (2) иерархию публичных акторов. Исходя из этого, можно выделить три типа акторов по уровню их формальной позиции: **частные акторы, административные служащие** и **правительственные акторы**. Два последних типа принадлежат к сфере политического действия, однако крайне важно отделять их друг от друга, поскольку государственное администрирование (бюрократия) осуществляет законы, контролирует их соблюдение и участвует в регулярной работе государственных институтов, тогда как правительственные акторы создают законы и регулируют государственное администрирование[2]. Все три уровня формальных позиций можно разделить на подуровни, однако для нашего исследования следует провести единственное различие: между **акторами**, принадлежащими к **элитам**

1 Ср.: *Jávor I., Jancsics D.* Corrupt Governmental Networks.

2 Отсюда вытекает различение «административная коррупция» и «захват государства» в литературе о коррупции. См.: *Knack S.* Measuring Corruption: A Critique of Indicators in Eastern Europe and Central Asia // Journal of Public Policy. 2007. Vol. 27. № 3. P. 256.

и принадлежащими к **неэлитам**. Общее определение элит и неэлит можно найти в начале Главы 2 [▸ 2.2.2]. Здесь же нас интересует отличие между ними в зависимости от трех упомянутых выше уровней:

• **среди частных акторов** неэлитами являются обычные граждане либо мелкие или средние предприниматели, а элитами — главные предприниматели или олигархи;

• **среди административных служащих** неэлиты — это чиновники, задача которых быть в непосредственном, повседневном контакте с частными гражданами, тогда как элиты — это начальники чиновников из неэлит (то есть главы правительственных департаментов или государственных организаций, которые с точки зрения граждан остаются в тени);

• **среди правительственных акторов** неэлиты — это члены законодательных или контрольно-надзорных органов местного самоуправления, которые не являются частью исполнительной власти, тогда как элиты — это главы центрального или местного правительства, такие как мэр, премьер-министр или президент[1].

С точки зрения Гамбетты, частные акторы могут быть только развратителями (Р), административные служащие из неэлит могут быть развратителями или поверенными (Р и/или П), а все остальные акторы могут быть развратителями, поверенными или доверителями (Р, П и/или Д). В категориях сфер социального действия «частные акторы из элит» во многом синонимичны «экономической элите», хотя они могут включать акторов из элит, принадлежащих к общинной социальной сфере. Кроме того, частные неэлиты включают в себя неэлиты из экономической и общинной сфер социального действия (таких как граждане). Что касается государственного сектора, правительственные акторы

[1] В либеральных демократиях в число государственных акторов, принадлежащих к элите, также входят лидеры правящих партий, которые не являются членами парламента.

входят в политические элиты, а административные служащие — в политические неэлиты.

Из нашего определения сговора следует, что вторая, важная в рамках аналитической структуры особенность коррупционного сговора — это тип **неформальных / незаконных отношений** между акторами. Мы можем классифицировать их по **трем измерениям**. Первое — это **роль актора** в коррупционных сделках: он может быть либо (a) **запрашивателем**, который инициирует акт коррупции; либо (b) **поставщиком**, который злоупотребляет своим формальным положением; либо (c) **посредником**, который выполняет определенные задачи для любой из сторон и/или обеспечивает проведение коррупционной сделки (часто в качестве агента поставщика). Опять же, с точки зрения Гамбетты, запрашиватель — это Р, тогда как поставщик и посредник — это две разновидности П: поставщик — это П, который добровольно вступает в коррупционную связь, а посредник — это тот, кто получает указания от своего Д[1]. Кроме того, учитывая точку зрения Гамбетты о том, что П и Р могут быть одним и тем же человеком, стоит признать, что один актор может выполнять несколько ролей и быть запрашивателем и поставщиком одновременно. Это тот случай, когда кто-то использует свою формальную должность для построения коррупционной сети при условии, что на этом уровне коррупция монополизирована. Те, кто находятся ниже коррумпированного актора в иерархии, получают указания действовать в целях обеспечения коррупции, но им запрещено отвечать на какие-либо коррупционные требования для личной выгоды.

[1] Мы не включаем в нашу модель доверителей в качестве непосредственно доверителей, потому что если коррупция — это проблема принципала — агента, и поверенный злоупотребляет своим положением против воли доверителя, то это значит, что доверитель не является частью данной коррупционной сети. А если доверитель является ее частью, то он либо запрашиватель, либо поставщик, либо посредник более высокого уровня.

«Товар», который поставляют поставщики (и который запрашивают запрашиватели) — это дискреционное отношение со стороны государственных институтов, которое по закону должно быть нормативным и расценивать всех одинаково. Дискреционный подход может привести к (a) прямым выгодам, таким как получение лицензии или заключение госконтракта по завышенной стоимости, и в таком случае поставщик приносит выгоду в один прием, игнорируя требования закона для предоставления такой выгоды, либо (b) к косвенным выгодам, когда влиятельный актор (например, правительственный актор из элит) заставляет кого-то другого приносить выгоду запрашивателю. Крайне важно отметить, что одна из косвенных выгод, которые приносят поставщики, — это **крыша** [▸ 3.6.3.1], которая в этом контексте подразумевает **отключение механизмов контроля на дискреционной основе**. Другими словами, поставщик, особенно если речь идет о коррупционном сговоре на высоком уровне, предоставляет прикрытие для коррупционной деятельности, то есть гарантирует, что контролирующие инстанции, такие как местные инспекции или полиция, пренебрегут своими обязанностями и закроют глаза на незаконные действия. Несомненно, крыша также может быть прямой выгодой, если взятку получает актор из контролирующей инстанции[1].

Второе измерение для классификации коррупционного сговора в рамках нашей аналитической структуры — это **регулярность** актов коррупции. С этой точки зрения, коррупционные сделки между определенными акторами могут совершаться время от времени, и тогда их условия обговариваются в каждом конкретном случае, или на постоянной основе, что подразумевает более длительные отношения между акторами, включающие ряд последовательных транзакций. Наконец, третье измерение, как мы отмечали выше, предполагает

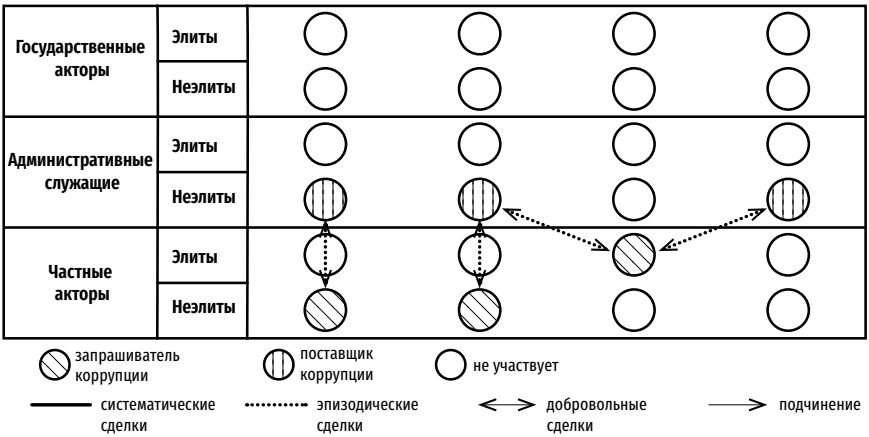
1 *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 86.

добровольность или принудительность отношений. Принудительные отношения в аналитической структуре можно также обозначить как **подчинение** или патрональные отношения (или патрональное подчинение), в рамках которых (1) при совершении коррупционной сделки воля одного участника (патрона) имеет большее значение, чем воля другого (клиента), и (2) из таких отношений нет **свободного выхода** в том смысле, который мы определили выше.

5.3.2.2. Добровольная коррупция: коррупция на свободном рынке, протекция для корешей и сговор, инициированный государственным органом

Дав определения акторам и типам связей между ними, мы можем построить аналитическую структуру. На шести схемах ниже (Схемы 5.2–7) последовательность кружков представляет акторов режимов идеального типа, а при помощи заливок и стрелок мы пытаемся отразить **модели коррупции** идеального типа, то есть как акторы разных уровней связаны друг с другом. Эти схематические изображения не должны пониматься чересчур узко: например, что в коррупции на свободном рынке всегда участвует частный актор из элит, который связан с двумя административными служащими из неэлит (потому что именно этот случай изображен на схеме). Скорее, их следует рассматривать как примеры данной модели коррупции, которые иллюстрируют их типичную структуру и виды коррупционных сделок. Другой важный момент, который необходимо отметить: **мы не определяем масштаб и охват этих моделей коррупции**, то есть для каждой из них может быть характерна различная частота применения и концентрация в регионах страны. В связи с этим мы поясняем, как эти модели могут появляться (1) **на местном уровне**, в одном государственном институте и (2) **на национальном уровне**, что подразумевает, что преимущественно

Схема 5.2: Схематическое изображение коррупции на свободном рынке



эта модель характеризует все случаи обмена, совершаемые определенными акторами данного режима. Более подробное описание должно рассматривать аспект масштаба коррупции как переменную, тогда как (1) и (2) являются двумя конечными точками шкалы.

При помощи нашей аналитической структуры мы даем определение **шести типам коррупционного сговора**. Эта часть посвящена **трем типам добровольного** коррупционного сговора, и **первый** из них — это коррупция на свободном рынке (Схема 5.2):

• ***Коррупция на свободном рынке*** *— это тип коррупции, при которой частные акторы вступают в сговор с административными служащими из неэлит, а заключаемые ими коррупционные сделки совершаются добровольно и несистематически. Тогда как сговор может инициировать любая из сторон, коррупционную сделку инициирует (запрашивает), как правило, частный актор, а административный служащий является ее поставщиком.*

В случае коррупции на свободном рынке частные интересы неправомерно влияют на решения центральных и местных органов власти в вопросах распределения ресурсов, госзакупок, концессий и установления норм. В результате этого

влияния заключаются незаконные бартерные сделки между разрозненными частными акторами и низовыми администраторами государственной бюрократии из неэлит (офисными служащими, полицейскими и т. п.). Коррупция на свободном рынке состоит из **ряда разрозненных явлений**: ответственное должностное лицо принимает или запрашивает взятку в денежном или ином выражении для рассмотрения дела тем способом, который выгоден частному актору. Государство может считаться «коррумпированным», если такие случаи широко распространены [▸ 2.4.4], либо если гражданские, административные или деловые вопросы можно решить только с помощью **взятки**. В таком случае коррупция на свободном рынке осуществляется не только на местном уровне, но носит общенациональный характер. Тем не менее следует отметить, что даже если эта модель коррупции распространена по всей стране, такие коррупционные сделки на свободном рынке совершаются **эпизодически**, то есть происходят от случая к случаю, когда кто-то решает принять в них участие, и при этом действия одной из сторон не носят организованный групповой характер. Случаи коррупции на свободном рынке являются также с обеих сторон **добровольными**. С этой точки зрения, не имеет значения, запрашивают ли взятку члены государственной администрации или просто принимают ее. Как говорится в определении, коррупционные услуги предоставляют злоупотребляющие своим положением члены государственной администрации, тогда как частные акторы, которые пользуются их услугами, требуют таких сделок. Обе стороны могут свободно отклонять предложение коррупционных услуг, хотя, отказавшись от них, честный частный актор может оказаться в невыгодном положении по сравнению с коррумпированными частными акторами (особенно если модель распространена по всей стране).

Термин «**свободный рынок**» в названии этой модели отчасти обозначает добровольные сделки между людьми [▸ 2.6],

а также подразумевает, что коррупционные возможности доступны не только ограниченному кругу людей. Таким образом, коррупция на свободном рынке является коррупцией с «**открытым доступом**», то есть любой человек, имеющий достаточное количество (денежных) ресурсов, может вступать в коррупционные отношения такого рода. Кроме того, открытый доступ обуславливает **конкуренцию со свободным входом**. Если коррупционный спрос и предложение многочисленны, частные акторы могут конкурировать в плане размера взятки, которую они предлагают, а публичные акторы — в плане размера взятки, которую они просят[1]. Там, где монополия более вероятна, например в государственных конкурсных закупках, конкурировать могут только частные акторы, а публичные акторы могут извлекать из этого более высокую ренту. Естественно, незаконный характер таких сделок способствует образованию структурного пробела между коррупционным спросом и предложением, что зачастую диктует необходимость брокера-коррупционера, который обеспечивает функционирование рынка коррупции [▸ 5.3.3.2][2].

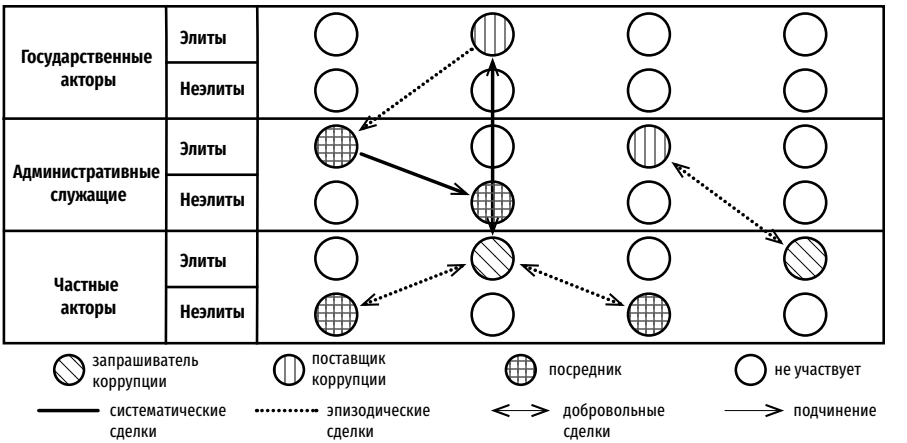
Вторая модель добровольной коррупции — это протекция для корешей (Схема 5.3):

• ***Протекция для корешей*** *— это тип коррупции, при которой частные акторы из элит вступают в сговор с административными служащими или государственными акторами из элит, а заключаемые ими коррупционные сделки совершаются добровольно и могут носит либо несистематический, либо систематический характер (иногда с участием административных служащих и частных акторов из неэлит в качестве посредников). Тогда как сговор может инициировать любая*

1 *Diaby A., Sylwester K.* Corruption and Market Competition: Evidence from Post-Communist Countries // World Development. 2015. № 66. P. 487–499.

2 *Jancsics D.* «A Friend Gave Me a Phone Number»: Brokerage in Low-Level Corruption // International Journal of Law, Crime and Justice. 2015. Vol. 1. № 43. P. 68–87.

Схема 5.3: Схематическое изображение протекции для корешей



из сторон, коррупционную сделку инициирует (требует), как правило, частный актор, а государственный актор является ее поставщиком.

«**Кореш**» в нашем понимании — **это человек, который имеет неофициальные добровольные связи с административным служащим из элит или государственным актором**, который дает своему корешу привилегии в конкуренции за государственные должности или услуги[1]. Другими словами, кореш — это закадычный друг, приятель, что подразумевает отсутствие каких-либо подчиненных или патронально-клиентарных отношений[2]. Неформальные добровольные отношения **могут складываться задолго до конкретной коррупционной сделки**, например, если речь идет о давней дружбе, семье или коррумпированных деловых связях. В таких случаях мы можем использовать термин «**непотизм**» в качестве **особого подтипа протекции для корешей**. Однако существуют также случаи данной модели коррупции, **не предполагающие непотизм**, то есть когда **связь между частным и государственным акторами формируется для одной**

[1] Ср.: *Khatri N., Tsang E. W. K., Begley T.* Cronyism: A Cross-Cultural Analysis.

[2] Crony // Merriam-Webster.com. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/crony.

конкретной ситуации. В обоих случаях определяющим признаком протекции для корешей, который отличает его от захвата государства, является **добровольный характер** отношений. В некотором смысле протекция для корешей — это союз равных, «клиентарно-клиентарные отношения»[1], в которых ни одна из сторон не может заставить другую продолжать заключать коррупционные сделки в будущем, даже если эти люди вступают в сговор ради личной выгоды несколько раз. **Если мы говорим о корешах, это означает, что между сторонами не образуются цепочки зависимости (то есть нет патрональных отношений)**. Обе стороны вступают в отношения добровольно, в собственных интересах, и могут свободно выйти из них, если сочтут этот вариант более выгодным.

Если протекция оказывается **на местном уровне**, при участии одного государственного актора или института, она является, как правило, **несистематической**. Даже если участники знакомы в течение продолжительного времени, они используют накопленный социальный капитал для проведения каждой коррупционной сделки индивидуально, без стремления делать это на регулярной основе. Однако по мере того, как протекция для корешей **начинает распространяться и преобладать по всей стране**, коррумпированные отношения могут стать постоянными, поскольку **систематизируются в сеть** корешей. В своей книге «Неформальная политика в посткоммунистической Европе» Михал Клима подробно анализирует этот феномен в Чехии. По его мнению, чешской политической жизни свойственны взаимовыгодные альянсы между крупными предпринимателями и членами партии (хотя и не в полном составе), где обе стороны действуют по принципу централизации власти и накопления личного состояния. Эти неформальные сети, которые опутывают политическую сферу снизу доверху, осуществляют смешение

[1] *Klíma M.* Informal Politics in Post-Communist Europe: Political Parties, Clientelism and State Capture. London; New York: Routledge, 2019. P. 13–15.

сфер социального действия, поскольку политические акторы значительно влияют на экономическую деятельность, а экономические акторы — на политическую, хотя и не настолько всесторонне, как в случае мафиозного государства (см. Текстовую вставку 5.2). По сути, протекция для корешей похожа на коррупцию на свободном рынке. Главное отличие состоит в том, что протекция проникает на самые высокие уровни политической сферы, где задействованы административные служащие из элит и государственные акторы. В коррупционных сделках на свободном рынке заинтересованные в них акторы обращаются к тому актору, который непосредственно принимает решения, например о том, кому продать собственность или кто должен выиграть государственный тендер. В случае протекции для корешей акторы обращаются к тому, кто решает, какое имущество выставлять на продажу или для какого проекта объявлять государственный тендер. **Кореш и его политический партнер находятся в разных сегментах, но на одном уровне социальной иерархии**: они оба влиятельны на своем жизненном пути и используют позиции, чтобы вступить в сговор для взаимной выгоды.

Текстовая вставка 5.2: Систематическая протекция для корешей и ее влияние на политику

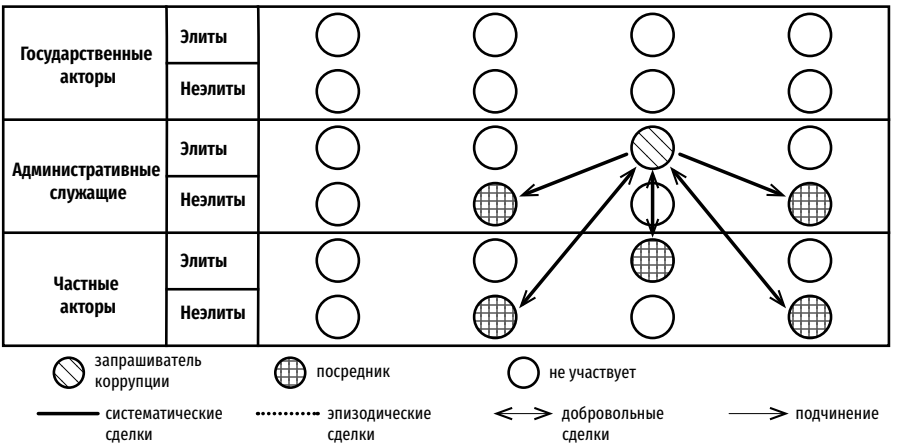
Неформальные структуры, которые никто не выбирал, часто обладают большей властью, чем парламент и правительство, но в то же время действуют через них. <...> На их вершине находятся неофициальные государственные начальники или олигархи, которые работают в симбиозе с ключевыми представителями политических партий. Позиции центральных руководителей могут занимать высокопоставленные политики и национальные лоббисты или крестные отцы или представители крупнейших корпоративных конгломератов. В этих кругах решения по широкому спектру неформальных обменов услугами принимаются за закрытыми дверями. Помимо классического распределения крупнейших

> национальных тендеров и проектов из европейских фондов, эти сети также определяют поствыборный состав кабинета или, в других случаях, отставку правительства. [В результате] значительная часть партийной элиты демонстрировала двойственную лояльность, то есть лояльность не только по отношению к своей партии, но и к конкретному непрозрачному бизнесу. Именно эта двойная лояльность часто обнаруживала противоречия, что ухудшало партийную дисциплину, то есть негативно сказывалась на сплоченности партийных фракций в парламенте и многопартийных коалиций. <...> В то же время эта завуалированная лояльность непрозрачным компаниям вызвала растущее недовольство общественности и недоверие к политической элите. <...> Этот процесс системным образом ухудшает работу всех элементов политической системы и экономики, а также подрывает политическую культуру[1].

Еще одно отличие протекции для корешей от коррупции на свободном рынке заключается в периодической систематизации, а также в наличии **посредников** в коррупционных сделках. Для оказания протекции государственные акторы могут использовать подведомственную им **государственную администрацию**, которая получает распоряжение отдавать определенным людям приоритет при рассмотрении их дел. Именно административные служащие из элит, как правило, напрямую связаны с государственными акторами и в целях содействия коррупционной сделке могут использовать своих подчиненных, то есть акторов из неэлит, работающих в государственном аппарате. Такое злоупотребление формальными и законными вертикальными связями превращает их в **незаконное подчинение**, где административные служащие из элит выполняют волю государственных акторов, а административные служащие из неэлит — волю своих боссов из элит.

1 *Klíma M.* Informal Politics in Post-Communist Europe. P. 10, 15, 27.

Схема 5.4: Схематическое изображение сговора, инициированного государственным органом



В науке и в разговорной речи понятие «протекция для корешей» иногда используется для указания на то, что государство использует свои полномочия для обслуживания особых интересов, которые являются следствием лоббирования[1]. С одной стороны, такое сравнение объяснимо, потому что и в протекции, и в лоббировании участвуют частные акторы из элит, которые формируют добровольные отношения с акторами из политической сферы. С другой стороны, **протекция отличается от лоббирования**, потому что в основе первой лежат неформальные / незаконные отношения и сделки и она предполагает **приоритет для конкретных людей, а не для определенных отраслей или групп интересов** [▸ 5.4.2.3].

Третья модель добровольной коррупции — это сговор, инициированный государственным органом (Схема 5.4):

• ***Сговор, инициированный государственным органом*** — *это тип коррупции, при которой административные служащие из элит (руководители государственных организаций)*

1 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 3–4; *Henderson D. R.* The Economics and History of Cronyism // Mercatus Center at George Mason University. 27.07.2012. URL: https://www.mercatus.org/system/files/Henderson_economics_history_cronyism.pdf.

вступают в сговор с частными акторами, а заключаемые ими коррупционные сделки совершаются добровольно и носят систематический характер (с использованием административных служащих из неэлит в качестве посредников). И сговор, и сделки инициирует (запрашивает) административный служащий, который также является поставщиком коррупции.

В отличие от коррупции на свободном рынке, где запрашиватель и поставщик коррупционных услуг принадлежат к разным сферам социального действия, в случае коррупции, исходящей от государства, **роли поставщика и запрашивателя выполняет один человек**, поскольку здесь злоупотребляет своим положением административный служащий из элит, который делает это для собственной выгоды. Если точнее, в таких сделках участвуют, как правило, большинство или все члены правления государственного предприятия, которые решают «незаконно „продать" ресурсы собственной организации. Чтобы беспрепятственно управлять этим процессом, им необходимо сформировать внутренние неформальные сети. Организации, захваченные этими местными элитами, „проедают" свои собственные ресурсы, что значительно снижает их эффективность и производительность. <...> **Принадлежащие к элите участники** этих коррумпированных соглашений обладают широкими полномочиями по выбору **поставщиков и других деловых партнеров** своей организации. Наиболее типичный способ выкачивать ресурсы из системы — **получать откаты** от этих партнеров в обмен на утверждение заказов на поставки по завышенным ценам» (выделено нами.— *Б. М., Б. М.*)[1]. Такие соглашения в отличие от протекции для корешей не могут образовывать общенациональные сети, но всегда включают в себя местные, хотя сами соглашения могут быть широко распространены, если они свойственны большинству организаций (коррумпированного) государства.

[1] *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State. P. 133–134.

Частные акторы, участвующие в коррупционных сделках, **добровольно вступают в сговор с акторами, принадлежащими к государственным организациям**, и получают от них заказы по завышенной стоимости, при этом такие сделки совершаются **регулярно**. Так, руководители государственных организаций налаживают **механизм**, с помощью которого они могут систематически направлять бюджетные ресурсы своей организации в частные руки. Как правило, такие схемы работают более продолжительное время, чем аналогичные схемы на частных предприятиях, в результате так называемого мягкого бюджетного ограничения государственных организаций[1], несмотря на то, что они постоянно находятся под угрозой проверок со стороны внутренних и внешних контролирующих организаций государства. **Деактивация механизмов контроля** на как можно более длительный срок — это один из ключевых компонентов сохранения коррупционных сетей, который достигается в результате сговора, инициированного государственным органом, множеством способов, включая взяточничество и «техницизм». Как отмечает Янчич, с помощью таких экспертов, как «специалисты среднего звена, юристы, бухгалтеры, инженеры и экономисты организации», организаторы коррумпированной сети могут объявлять тендеры по индивидуальному заказу таким образом, что выиграть их может только конкретный частный актор [▸ 4.3.4.2]. Примером такого тендера, который упоминает Янчич, может служить госзакупка автомобилей, объявленная налоговым управлением в 2009 году в Венгрии. По его словам, тендерная документация «включала в себя сложное описание обязательных параметров автомобилей <...>. Эти параметры полностью совпадали с описанием конкретной модели одного конкретного автопроизводителя»[2].

1 *Kornai J.* The Soft Budget Constraint.

2 *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State. P. 134.

5.3.2.3. Принудительная коррупция: захват государства снизу вверх и сверху вниз и криминальное государство

Несмотря на то, что добровольная коррупция действительно часто встречается в посткоммунистическом регионе, главный принцип организации неформальных связей основывается там, как правило, на **патронально-клиентарных отношениях и подчинении**. Доминантные акторы добиваются подчинения других, стоящих ниже в иерархии акторов, путем создания неформальных сетей, которые начинают эксплуатировать формальные институты в качестве фасада. Именно такие случаи принудительной коррупции мы рассматриваем ниже.

Руководствуясь существующими исследованиями по данной теме, мы используем общий термин «захват» («присвоение») в контексте принудительной коррупции и определяем его следующим образом:

• ***Захват*** *— это форма коррупции, включающая принудительные элементы, относящиеся лишь к какой-то части социального действия захватчика. Другими словами, захват описывает только ограниченное количество случаев принудительной коррупции.*

В академической литературе, посвященной коррупции, под «захватом» понимается скрытое и незаконное подчинение государственных функций реализации специальных интересов экономических элит[1]. Добавляя необходимый контекст к этому определению, мы выделяем три возможных варианта захвата. Во-первых, как подсказывает нам этимология слова «захват», в такой ситуации должен присутствовать кто-то, кого захватывают, то есть тот, кого некий захватчик принуждает действовать определенным образом. Таким образом, мы сужаем наше определение до принудительной коррупции. Во-вторых, мы выделяем три вида захвата, включая и такие, которые обычно не запрашиваются и не инициируются

[1] Anticorruption in Transition: A Contribution to the Policy Debate. Washington: World Bank, 01.01. 2000. P. 3.

экономическими элитами. В этом мы расходимся с теми, кто привязывает понятие «захват государства»[1] к экономическим элитам. Наконец, мы добавляем оговорку о том, что захват, как правило, всегда является неполным. С одной стороны, отсутствие такого ограничения может привести к тому, что любая автократия или диктатура, стремящаяся показать себя с демократической стороны, то есть подменяющая демократический режим своими псевдодемократическими конструкциями, может быть расценена как захват государства[2]. С другой стороны, мы хотим избежать путаницы и разделить случаи, когда олигархи захватывают некоторую часть государства, чтобы получать ренту, и случаи, когда то же самое делает однопирамидальная патрональная сеть приемной политической семьи с целью превратить все государство в организованную преступную группу[3]. Теоретически последний случай можно назвать «полным захватом», а первый — «частичным захватом», но на практике эти два случая проще разграничить, если определение захвата предварительно сужено до частичных случаев.

Главным смысловым измерением для разграничения видов захвата является его **направленность**. Можно выделить (a) захват снизу вверх, когда запрашивателем коррупционной сделки является частный актор, и (b) захват сверху вниз, когда запрашивателем коррупционной сделки является публичный актор.

1 TI. Corruption Perceptions Index 2017 — Full Source Description // Transparency International, 2018. URL: http://files.transparency.org/content/download/2183/13748/file/CPI_2017_Technical%20Methodology%20Note_EN.pdf.

2 Действительно, по определению захват также должен являться неформальным / незаконным, так как он предполагает сговор, но даже этот момент преодолевается некоторыми автократическими операциями по передаче власти, перекраивающими всю законодательную основу в целях прерывания легальной процедуры правопреемственности.

3 Показательный пример смешения этих тем см.: *Innes A.* The Political Economy of State Capture in Central Europe // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52. № 1. P. 88–104.

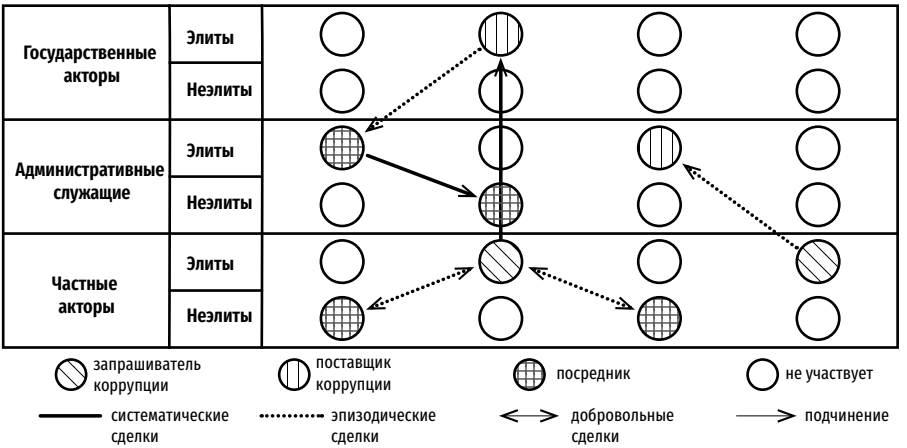
Ниже мы описываем **три типа принудительной коррупции, первым** из которых является захват государства снизу вверх (Схема 5.5), то есть то, что в существующей литературе часто называют просто «захватом государства»[1]:

• ***Захват государства снизу вверх*** *— это тип коррупции, при котором частные акторы внутри элит вступают в сговор с административными служащими и государственными акторами, также принадлежащими к элите, для проведения принудительных коррупционных сделок время от времени или на постоянной основе (иногда с вовлечением административных служащих и частных акторов из неэлит в качестве посредника). Как сам сговор, так и коррупционная сделка инициируются (запрашиваются) частным актором, а удовлетворяются государственным актором.*

В случае захвата государства снизу вверх процесс кооперации между акторами усложняется не только со стороны коррупционного предложения, но и со стороны коррупционного спроса, учитывая, что в частном секторе участниками коррупционных сделок являются **олигархи или лидеры организованных преступных групп** (**ОПГ**). Несмотря на то, что и те и другие являются частными лицами и относятся к экономической элите, необходимо отличать их друг от друга. Лидер ОПГ обычно занимается незаконной экономической деятельностью (торговля наркотиками, проституция, незаконная торговля нефтью, вымогательство, крышевание и т. п.) на незаконных условиях. Между ним и представителями власти формально существует конфликт, и он пытается вовлечь их в зону своего влияния, используя незаконные средства (взятки, угрозы, шантаж, а иногда и физическое насилие). Олигарх в посткоммунистических режимах обычно пытается добиться

[1] Примером выдающегося исследования на эту тему является: *Hellman J., Jones G., Kaufmann D.* Seize the State, Seize the Day: State Capture and Influence in Transition Economies // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. № 4. P. 751–773.

Схема 5.5: Схематическое изображение захвата государства снизу вверх



незаконной поддержки для законной во всех других смыслах экономической деятельности, прибегая к коррупции[1]. На примере такого отличия мы можем провести грань между **криминальным захватом государства** — то есть захватом государства снизу вверх, осуществляемым лидером ОПГ, и **олигархическим захватом государства** — то есть захватом государства снизу вверх, проводимым олигархом.

Захват государства снизу вверх — это аналог протекции для корешей с использованием принуждения, при котором коррупция проникает в самые высокие слои государственной властной вертикали и окончательно подчиняет некоторых политических акторов экономической элите[2]. Подчинение

[1] *Sajó A.* Clientelism and Extortion: Corruption in Transition // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook. Budapest; New York: CEU Press, 2002. P. 16.

[2] Клима утверждает, что то, что мы называем протекцией для корешей, является «инструментом для захвата всего государства через установление непрямого контроля над основными элементами политической системы. Только таким образом можно добиться конечной цели, то есть безраздельного обладания всей полнотой власти с возможностью эксплуатировать государственные ресурсы на всех уровнях. Другими словами, захват партии является основополагающим элементом и необходимым условием для полномасштабного захвата государства». Однако Клима определяет захват государства на основании масштаба, а не фактора принуждения: протекция для корешей

может осуществляться в результате шантажа или вымогательства; также чиновник может продать себя (или полномочия, закрепленные за его официальной должностью) в услужение за определенную сумму денег. Кто-то может возразить, что в последнем случае сговор происходит на добровольной основе. Однако в результате подобной сделки **административный служащий** (например, начальник полиции или глава государственного предприятия) **или государственный актор** (например, политик) **теряют возможность свободного выхода**, потому что частный актор, инициировавший сговор, может всегда принудить представителя власти к сотрудничеству, угрожая придать огласке факт коррумпированности последнего. Поэтому с момента «продажи» представитель власти вынужден использовать свои официальные полномочия в угоду «хозяину» вне зависимости от того, согласен он с ним или нет. И поскольку возможность свободного выхода представляется нам ключевым аспектом добровольных отношений, мы считаем все коррупционные сделки, проистекающие из подобных неформальных договоренностей, принудительными.

Ситуация, которую мы описали, показывает, что **захват государства снизу вверх может быть постоянным** (а также эпизодическим). Это заставляет нас провести еще одно различие между захватом государства снизу вверх и влиянием, которое оказывают большие государственные предприятия, часто доставшиеся государству в наследство от коммунистических режимов и также устанавливающие постоянные отношения (иногда эксплуатационного толка) с государственными акторами[1]. Главное различие проявляется как раз в момент самого

может распространиться на все государство, но даже в этом случае она не будет подпадать под наше определение захвата государства до тех пор, пока не станет принудительной (что, безусловно, может случиться). См.: *Klíma M.* Informal Politics in Post-Communist Europe. P. 26.

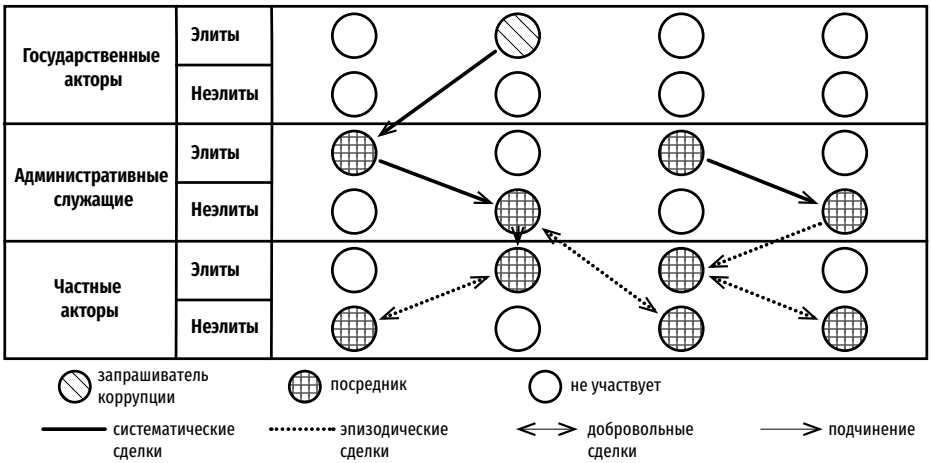
1 *Hellman J., Jones G., Kaufmann D.* Seize the State, Seize the Day. P. 760–763.

сговора: мы может говорить о смешении сфер социального действия именно потому, что между государством и олигархом-захватчиком нет формальных отношений собственности. В случае с большими государственными предприятиями такие отношения есть: сами предприятия управляются государственными служащими, и поэтому их деятельность может рассматриваться как разновидность внутригосударственного лоббирования или коррупции без сговора.

В захват государства снизу вверх могут вовлекаться посредники как с уровня административных служащих, так и из частного сектора. Что касается последних, посредниками обычно являются подрядчики и поставщики, добровольно сотрудничающие с олигархом, как постоянно, так и эпизодически (они, соответственно, тоже становятся бенефициарами незаконных схем олигарха). Административные служащие обычно находятся в подчиненной позиции по отношению к государственным акторам, потому что последние могут всегда их просто устранить, если они не выполняют формальные правила (законы) или неформальное волеизъявление захваченных политиков. Однако важно подчеркнуть, что даже если цепочки постоянной вассальной зависимости присутствуют **не только на местном уровне, а охватывают всю страну**, захват государства останется частичным: то есть он будет включать в себя большое количество отдельных захватов, но никогда не перерастет в полное присвоение государства одной неформальной сетью [▸ 2.4.4]. В подобных условиях всегда остается место для плюрализма, и **политическая конкуренция может продолжаться**. Передача власти все еще возможна на конституционных условиях, а экономическая элита сохраняет относительную независимость, так как никто из ее членов не привязан к определенным политическим акторам навечно [▸ 3.4.1.3].

Второй тип принудительной коррупции — это захват государства сверху вниз (Схема 5.6):

Схема 5.6: Схематическое изображение захвата государства сверху вниз



• ***Захват государства сверху вниз*** *— это тип коррупции, при котором государственные акторы вступают в сговор с экономическими акторами, используя аппарат управления, и систематически или время от времени заключают с ними принудительные коррупционные сделки. Как сам сговор, так и коррупционная сделка инициируется (запрашивается) административным служащим, который также является ее поставщиком.*

Захват государства сверху вниз может инициироваться как одним единственным актором (например, мэром местной администрации), так и группой лиц (например, политической партией). В обоих случаях **патрональное принуждение распространяется в первую очередь на работников госаппарата, а во вторую — на экономических акторов**. Это подразумевает некую последовательность событий: во-первых, конкретный человек или группа лиц становятся государственными акторами; во-вторых, он или они патронализируют тот государственный институт, частью которого они становятся, создавая возможность свободно использовать (принудительные) механизмы государственного управления по своему усмотрению; и, в-третьих, эта новообретенная

власть используется ими в целях патронализации экономических акторов. Естественно, некоторые экономические акторы вступают в такие отношения добровольно, и те из них, чья деятельность не зависит напрямую от захваченного сегмента государственного управления (например, местного правительства, министерства и т. п.), могут выбрать не вступать в добровольную коррупционную сделку. Однако те, чья деятельность невозможна без поддержки захваченного сегмента, вынуждены принимать условия, которые выставляют их местные патроны.

Так как часть государственного управления превращается в рэкет, организованный ее начальниками (то есть сверху вниз), подчиненная им иерархия внутри этой структуры, по сути, наполняется их клиентами, что приводит к **патронализации**. Захваченная часть госаппарата попадает под управление неформальной патрональной сети, систематически играющей по неформальным правилам и игнорирующей формальные.

Тем не менее **попытки захвата государства сверху вниз часто сталкиваются с рядом ограничений** в силу того, что обычно ни один патрон не обладает всей полнотой власти в определенной политической системе. Это, в свою очередь, ограничивает возможность каждого из них беспрепятственно использовать инструменты государственного управления: как правило, они могут пользоваться такими инструментами внутри своей собственной государственной сферы, то есть **тех полномочий, которыми они наделены формально**, но патронализация других сфер обычно слабо реализуема[1]. Первым последствием таких ограничений является то,

[1] Хорошей иллюстрацией этого является дело Чжоу Юнкана, который занимался рэкетом внутри китайского государственного аппарата и постоянно расширял свою неформальную сеть по мере того, как шаг за шагом продвигался вверх по служебной лестнице и получал возможность патронализировать все новые и новые сферы управления. См.: *Zhu J.* Corruption Networks in China. P. 36–39.

что скоординированная коррупция, требующая кооперации между несколькими государственными институтами, как правило, бывает затруднена. Во-вторых, положение патрона зависит от перемен в политической жизни государства. Если на выборах побеждает оппозиция, патрон может легко быть смещен со своей должности, что сразу же лишит его практической возможности дальше поддерживать деятельность своей патрональной сети. Это в особенности относится к тем посткоммунистическим режимам, где конкуренция политических партий часто является лишь фасадом для конкуренции патрональных сетей [▸ 3.3.7]. Наконец, отсутствие монополии на власть также означает, что патрону бывает не так легко обойти институциональные сдержки. Конституционные ограничения на чрезмерную концентрацию власти вкупе с отлаженной работой правоохранительных органов обычно позволяют сдерживать деятельность неформальных сетей и не дают их патрону заполучить всю полноту власти, которую тот может легко использовать для превращения государства в свое частное владение[1].

Для определения **последнего типа принудительной коррупции** мы заимствуем понятия, относящиеся к уже описанному нами явлению «**криминального государства**». Главным их отличием друг от друга является то, что криминальное государство, как правило, характеризует всю политическую систему целиком, тогда как криминально-государственная модель (Схема 5.7) проявляется только в малых масштабах:

• ***Криминально-государственная модель*** *— это форма коррупции, при которой государственные акторы, являющиеся членами элит, вступают в сговор с экономическими акторами, также принадлежащими к элите, и используют весь госаппарат под ними для постоянного проведения принудительных коррупционных сделок. Как сам сговор, так и коррупционная*

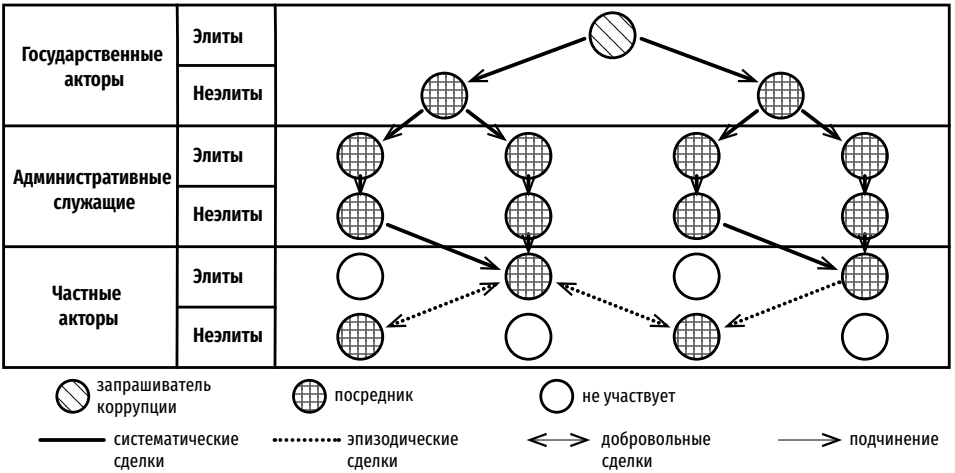
[1] *Hale H.* Formal Constitutions in Informal Politics: Institutions and Democratization in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2011. Vol. 63. № 4. P. 581–617.

сделка в данном случае инициируется (запрашивается) административным служащим, который также является ее поставщиком.

Главным отличием между захватом государства сверху вниз и криминальным государством является **концентрация полной и безраздельной политической власти над определенной территорией в одних руках**. Имея такое количество власти, верховный патрон может полностью отключить систему сдержек и противовесов и превратить (центральное и местные) правительства в коммерческие проекты своей приемной политической семьи. Используя терминологию Гамбетты, это единственная система, в которой **роли доверителя, поверенного и развратителя сочетаются в лице одного человека — главного патрона, и нет никакого «невинного» конечного доверителя или другого центра власти над ним**. Эта черта кардинально отличает такой вид коррупции от захвата государства, который — в силу своей частичности — всегда подразумевает присутствие конечного и невовлеченного доверителя на самом верху (которого предают его поверенные).

В отличие от предыдущих случаев, которые мы делили только на локальные и общегосударственные, мы выделяем **три типа криминально-государственной модели, исходя из ее охвата**. Во-первых, существует **локальная** модель, когда в качестве государственного актора выступает мэр, который патронализирует все местное правительство, превращая его в рэкет или фактически в «государство внутри государства». Знаменитым примером такой модели **географически локализованного патронального рэкета** (хоть этот пример взят и не из посткоммунистического региона) является дело Кевина Уайта, который был мэром Бостона на протяжении шестнадцати лет (1968–1984 годы) и построил криминально-государственную модель внутри своего муниципалитета, патронализировав фактически все уровни

Схема 5.7: Схематическое изображение криминально-государственной модели



(Комментарий: все государственные акторы подчинены своему верховному патрону, то есть главе исполнительной власти. Мы решили не обозначать каждого государственного актора в виде кружка в целях большей ясности)

бостонского муниципального управления[1]. Во-вторых, криминально-государственная модель может применяться на **общегосударственном уровне и затрагивать одновременно большое количество локальных правительств, превращая их в патрональные рэкеты** и становясь преобладающим способом организации управления в субъектах определенного государства. Пожалуй, можно утверждать, что современный Китай состоит из множества клептократических и мафиозных «субгосударств», управляющихся по криминально-государственной модели, что создает риск «мафизации» партии-государства [▸ 5.6.2.3]. Наконец, криминально-государственная модель может **работать на уровне центрального правительства**, когда сам верховный патрон сосредоточивает в своих руках всю полноту государственной власти и успешно проводит полный захват государства. Такой тип

[1] *Schabert T.* Boston Politics: The Creativity of Power. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989.

государства мы изначально назвали криминальным государством, и он же является одним из измерений мафиозного государства в патрональной автократии [▸ 2.4.5].

Криминальное государство создается через выстраивание однопирамидальной патрональной сети. Во-первых, **акторы внутри государственных административных органов лишаются своей возможности предлагать коррупционные сделки** частным акторам или принимать взятки в обмен на предоставление благоприятствующих условий. Вместо этого, они полностью подчиняются воле верховного патрона и создают благоприятствующие условия лишь для тех, на кого указывается свыше, то есть для клиентов верховного патрона. Во-вторых, построение единой пирамиды означает конец мультипирамидальной системы и соревновательности, характерных для захвата государства сверху вниз. Когда режим начинает функционировать на основании криминально-государственной коррупционной модели, это означает, что политическая оппозиция, включая официальные партии и НПО, полностью нейтрализуются, превращаясь, по сути, в то, чем все формальные институты становятся по отношению к патрональной сети, — в простые фасады.

В-третьих, процесс строительства единой пирамиды распространяется и на частный сектор, который вынужден подчиниться законодательным и надзорным инструментам, теперь полностью сконцентрированным в руках верховного патрона. Используя свою монополию на власть, верховный патрон **лишает автономии самых крупных предпринимателей и олигархов**, пытаясь их дисциплинировать и одомашнить, а также включить их в свою вертикаль подчинения [▸ 3.4.1.4]. При этом сеть субподрядчиков и поставщиков распространяется за пределы этих патронально-клиентарных отношений и достигает нижних уровней частного сектора, что означает, что плата за крышу внутри частного сектора взимается как с элит, так и с неэлит [▸ 6.2.2.3].

5.3.3. Сравнительная типология коррупции: общие измерения и исследование проблемы трансформации коррупции на конкретном примере

5.3.3.1. Разделение сфер социального действия и прочие измерения

В Таблице 5.2 мы резюмируем все главные характеристики шести типов коррупции. Мы также добавили в таблицу еще одно измерение: «характер коррупции». Оно встречается в существующей литературе и помогает отличить незначительные коррупционные сделки на свободном рынке, заключаемые между частными акторами и мелкими чиновниками, не принадлежащими к элитам, — то есть **мелкую коррупцию** — от крупномасштабных сделок с огромной прибылью, заключаемых между государственными акторами внутри криминально-государственной модели, то есть **крупной коррупции**[1].

Кто-то может возразить, что протекцию для корешей можно также назвать «крупной коррупцией», как, собственно, и захват государства снизу вверх, тогда как сговор, инициированный государственным органом, не всегда подразумевает более крупные суммы коррупционных денег, чем протекция для корешей. На подобное возражение у нас есть два ответа. Во-первых, в своем описании коррупции мы используем идеальные типы, а значит, мы стремимся не к тому, чтобы точно описать каждый конкретный случай, а к тому, чтобы обозначить систему координат, с помощью которой эти случаи можно исследовать [▸ *Введение*]. Во-вторых, нам кажется, что,

[1] Мы благодарны Йожефу Петеру Мартину за то, что он обратил наше внимание на этот важный аспект. Также см. определение крупной коррупции, которое дает *Transparency International*: TI. What Is Grand Corruption and How Can We Stop It? // Transparency International (blog). 21.09.2016. URL: https://www.transparency.org/news/feature/what_is_grand_corruption_and_how_can_we_stop_it. Ср.: *Moody-Stuart G.* Grand Corruption: How Business Bribes Damage Developing Countries. Oxford: WorldView, 1997.

Таблица 5.2: Главные характеристики шести типов коррупции (типы принудительной коррупции отмечены серым цветом)

	Характер коррупции	Тип входа сторон в коррупционную сделку	Распределение коррупционных сделок	Направленность коррупционной деятельности	Экономическая природа коррупции	Регулярность и масштаб коррупционных действий	Способ коррупционного обмена
Коррупция на свободном рынке	Мелкая коррупция	Добровольный	Нецентрализованное	Горизонтальная	Конкурентная	Эпизодические и частичные	Взятка
Протекция для корешей		Добровольный	Нецентрализованное	Горизонтальная	Конкурентная	Эпизодические / постоянные и частичные	Взятка
Сговор, инициированный государственным органом		Добровольный	Нецентрализованное	Вертикальная (сверху вниз)	Олигопольная / локально-монопольная	Эпизодические и частичные	Взятка
Захват государства снизу вверх		Принудительный	Умеренно централизованное	Вертикальная (снизу вверх)	Олигопольная / локально-монопольная	Эпизодические / постоянные и частичные	Взятка
Захват государства сверху вниз		Принудительный	Частично централизованное	Вертикальная (сверху вниз)	Олигопольная / локально-монопольная	Постоянные и частичные (цепочки вассальной зависимости)	Плата за крышу
Криминально-государственная модель	Крупная коррупция	Принудительный	Централизованное	Вертикальная (сверху вниз)	Монопольная	Постоянные и общие (цепочки вассальной зависимости)	Плата за крышу

с точки зрения идеальных типов, сговор, инициированный государственным органом, является примером более крупной коррупции, чем протекция для корешей, потому что первый тип является **системным**, и в его рамках выстраиваются стабильные каналы для увода бюджетных средств в частные руки, охватывающие всю государственную организацию.

Эти две мысли приводят нас к необходимости сделать важную оговорку. Литература о коррупции обычно использует понятия «системной» и «эндемичной» коррупции как синонимы, когда говорит о «коррупции, интегрированной в политическую, социальную и экономическую системы в качестве неотъемлемых элементов этих систем»[1]. Однако такой взгляд не позволяет нам отличить случаи, когда коррупция становится повсеместной, от тех случаев, когда она целенаправленно трансформируется в единую коррупционную систему усилиями некоего организатора на самом верху. Например, к первому случаю могут относиться такие социально принятые формы коррупции на свободном рынке, как «денежная благодарность», существующая в большинстве посткоммунистических стран Восточной Европы (пациенты регулярно доплачивают сверху докторам и медсестрам в государственных поликлиниках и больницах, так как без подобной доплаты бывает почти невозможно добиться нормального обслуживания)[2]. Такие сделки не организованы в единую систему, происходят нерегулярно и только при личной встрече, а каждая пара акторов, вовлеченных в коррупционный обмен, не принадлежит ни к какой коррупционной сети. Очень

[1] *Beke M., Cardona F., Blomeyer R.* Political and Other Forms of Corruption in the Attribution of Public Procurement Contracts and Allocation of EU Funds: Extent of the Phenomenon and Overview of Practices. Brussels: European Parliament Policy Department, 2013. P. 27.

[2] *Kornai J.* Hidden in an Envelope: Gratitude Payments to Medical Doctors in Hungary // The Paradoxes of Unintended Consequences. Budapest: CEU Press, 2000. P. 1–15; Patients Bearing Gifts // The Economist. 24.03.2015. URL: https://www.economist.com/europe/2015/03/24/patients-bearing-gifts.

важно отличать такие сделки от сговора, инициированного государственным органом, захвата государства сверху вниз и снизу вверх, а также от криминально-государственной модели. Во всех последних случаях коррупция систематизирована неким актором, то есть организована как совместное функционирование или сеть с постоянными связями и сложной коррупционной моделью. Поэтому мы считаем необходимым провести следующее различие:

- **Коррупцию можно назвать эндемичной**, если она становится социальной нормой, то есть неформально принятым поведенческим стандартом, разделяемым большинством социальных акторов. При этом она не подкреплена организующими усилиями центральной политической воли и приводит лишь к довольно большому количеству нерегулярных коррупционных транзакций между разными людьми.
- **Коррупцию можно назвать системной**, если она становится системой, то есть коррупционной машиной с постоянными связями. При этом она подкреплена организующими усилиями центральной политической воли и приводит к регулярным коррупционным транзакциям между определенными людьми.

Антонимами эндемичной и системной коррупции являются «**эпизодическая**» и «**несистемная**», соответственно. Как пишет Жан Картье-Брессон, в случае несистемной коррупции «не существует правил игры, а коррупционный обмен по своей природе нестабилен и совершается между акторами, которые изначально не знакомы друг с другом. В таких условиях существует высокая неопределенность как по отношению к сумме транзакции, так и по отношению к ее результату»[1]. С другой стороны, при систематизации коррупция выводится на уровень «политического, экономического и социального обмена. Происходит организация коррупции

[1] *Cartier-Bresson J.* Corruption Networks, Transaction Security and Illegal Social Exchange // Political Studies. 1997. Vol. 45. № 3. P. 466.

социальными сетями, что позволяет по-настоящему институциализировать этот процесс»[1].

Еще одним измерением типологии коррупции, представленной в Таблице 5.2, является **способ коррупционного обмена**. В этом смысле необходимо различать два разных типа платежа: взятка и плата за крышу.

- ***Взятка*** *— это тип денежного или иного вида платежа, осуществляемого неформально и добровольно в обмен на предоставление коррупционной услуги.*
- ***Плата за крышу*** *— это тип денежного или иного вида платежа, осуществляемого неофициально и под давлением, проявляющемся в актах вымогательства со стороны патрона.*

К категории взяток относятся любые взятки и откаты, выплачиваемые в рамках коррупции на свободном рынке и протекции для корешей. Плата за крышу вымогается у подчиненных посредников из частного сектора или административных служащих, которые могут получать не вознаграждения за сопровождение коррупции, а возможность сохранить свою позицию и не попасть под преследование в рамках политически выборочного правоприменения. В то время как взятка обычно выплачивается в денежной форме, плата за крышу при захвате государства сверху вниз или в криминально-государственной модели, как правило, подразумевает выполнение определенных услуг и обязанностей подчиненными акторами.

Еще одним типологическим измерением коррупции является ее **регулярность и продолжительность**. В коррупции на свободном рынке сговор заканчивается сразу же, как только заканчивается сам коррупционный акт, а его участники получают то, чего добивались. В случае успеха частный актор получает интересующую его услугу, а административный служащий — взятку. Когда речь идет о протекции для корешей, обмен между сторонами не обязательно происходит синхронно.

[1] *Cartier-Bresson J.* Corruption Networks, Transaction Security and Illegal Social Exchange. P. 466.

Как пишут исследователи этого вопроса, взаимоотношения между корешами обычно основываются на взаимности, подразумевающей, что «сторона А делает нечто ценное для стороны Б, не зная, когда Б окажет А ответную услугу (и окажет ли ее вообще), или что сторона А отвечает взаимностью на ранее оказанную Б услугу»[1]. Таким образом, **протекция для корешей** может расцениваться как **обоюдная инвестиция во взаимные одолжения**, осуществляемая и принимаемая добровольно обоими участниками процесса. В случае с криминально-государственной моделью ситуация отличается, потому что в ней присутствуют патронально-клиентарные отношения, внутри которых клиенты находятся в принудительно подчиненном положении. В сформировавшейся однопирамидальной патрональной сети, «плата» подставному лицу, осуществляемая в виде компаний, которые номинально передаются этому лицу, никак не компенсируется верховному патрону сразу после их передачи. Но поскольку на практике верховный патрон сохраняет свою власть над собственностью подставного лица, в дальнейшем он может распоряжаться ею, как ему вздумается.

Два других **измерения**, тесно связанные с предыдущим, это **автономность,** которая определяет возможность свободного входа участников в коррупционные отношения, **и зависимость**, которая описывает возможные опции выхода из коррупционных отношений. Когда коррупционные сделки происходят нерегулярно, как бывает при добровольных формах коррупции, автономность участников полностью сохраняется, а отношений зависимости не возникает. **Когда транзакции происходят регулярно, вероятность возникновения зависимости увеличивается**, особенно потому, что чем более незаконными являются действия коррупционеров, тем легче обеим сторонам сделки прибегнуть к шантажу, принуждающему продолжить коррупционную деятельность. **Принудительный**

1 *Khatri N., Tsang E. W. K., Begley T.* Cronyism: A Cross-Cultural Analysis. P. 62.

сговор также, очевидно, подразумевает зависимость, так как даже вход одной из сторон в такой сговор не является добровольным. Что касается автономии, частичный характер захватов государства позволяет некоторым их участникам сохранить относительную автономию, переговорную позицию и конкурентоспособность. Однако **в криминально-государственной модели монопольным обладателем автономии является верховный патрон.** Это означает, что, во-первых, он единственный актор режима, который фактически никому не подчиняется, а во-вторых, он может делегировать частичную автономию с ограниченным набором полномочий субпатронам из своей патронально-клиентарной сети. Таким образом, **субпатроны являются одновременно патронами и клиентами**: клиентами по отношению к главному патрону и патронами по отношению к клиентам, находящимся на более низких уровнях приемной политической семьи. Важно отметить, что если речь идет о сравнении разных типов коррупции, то такие случаи характеризуются скорее вымогательством со стороны политических акторов по отношению к частным акторам и налогоплательщикам (через договоры или, как происходит в криминальном государстве, привилегии для подчиненных олигархов), чем притязаниями частных акторов по отношению к политическим, которые направлены снизу вверх.

Наконец, **в случаях коррупции на свободном рынке и протекции для корешей смешение сфер социального действия остается частичным и нерегулярным**. Поэтому мы можем, несмотря на (эпизодическое) присутствие случаев добровольной коррупции, рассматривать эти режимы с коррумпированным государством как режимы с преимущественно разделенными сферами социального действия. Такая позиция обоснована, потому что, с точки зрения идеальных типов, как и в случае с лоббированием, выгоды, приобретенные политическими акторами, обычно остаются в их собственной социальной сфере, что означает, что политические акторы не примеряют на

себя роль рыночных игроков. До тех пор, пока коррупция не подразумевает постоянные взаимоотношения, постоянного смешения сфер социального действия не происходит.

Как только коррупционные отношения становятся постоянными, а патрон, находящийся внутри одной сферы социального действия, приобретает власть внутри другой сферы через формальные полномочия своего клиента [▸ 3.2], **смешение сфер социального действия также становится постоянным и потенциально системообразующим свойством такого политического режима**. Это происходит в случае сговора, инициированного государственным органом, а также во всех трех типах принудительной коррупции. **Члены экономической элиты**, формально не включенные в сферу политического действия, приобретают неформальную политическую власть и **становятся олигархами**. **Члены политической элиты**, формально не включенные в экономическую сферу, приобретают неформальную экономическую власть и **становятся полигархами**. Безусловно, степень смешения варьируется от случая к случаю. При захватах государства, которые всегда остаются частичными, лишь некоторые экономические акторы становятся олигархами, а политические — полигархами, что означает, что внутри каждой сферы остаются части, не подвергшиеся смешению. **И только в случае криминально-государственной модели происходит полное смешение политической и экономической сфер социального действия**, а ее верховный патрон становится главным полигархом и получает полный контроль над всей экономикой через свою однопирамидальную патрональную сеть.

5.3.3.2. Типология брокеров-коррупционеров

Говоря о коррупционных схемах идеального типа, мы упростили картину, представив отношения между акторами как непосредственные контакты между ними. Это упрощение

было сделано для ясности, чтобы основные свойства различных типов коррупции не потерялись за переизбытком деталей. Однако теперь мы можем раскрыть этот момент подробнее и отметить, что, хотя прямые контакты между акторами возможны, в целом стороны коррупционных сделок обмениваются информацией и управляют коррупционной сетью зачастую косвенно, через посредников. В Главе 3 мы уже представляли этот тип актора, который обозначили как **брокера-коррупционера**. Напомним, что брокер-коррупционер в качестве посредника связывает участников коррупционной сделки или в качестве специалиста по праву легитимирует незаконные коммерческие сделки [▸ 3.4.2].

Наличие брокеров-коррупционеров и брокеров в целом **вызвано так называемыми структурными разрывами**, то есть разницей между фактическим и формальным / юридическим положением акторов, желающих участвовать в коррупционных сделках[1]. Как отмечает Янчич, такие сделки «имеют значительно более высокие транзакционные издержки, чем законные экономические операции, поскольку акторы вынуждены втайне от всех находить своих компаньонов по коррупции. Кроме того, если один из них нарушает условия коррупционной сделки, другой не может получить помощь от правовых институтов, таких как полиция или судебные органы, чтобы принудить его к исполнению первоначальных условий. Все эти факторы делают коррупционные сделки особенно рискованными. Брокеры-коррупционеры играют важную роль в снижении этих рисков и шаткости соглашений, а значит, и уменьшают транзакционные издержки коррупции. Они помогают свести партнеров по коррупции друг с другом и выступают гарантами в случае низкого уровня доверия между ними. В некоторых случаях они обеспечивают полную конфиденциальность

[1] *Burt R.* Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

своим принципалам, скрывая их реальную личность от другой стороны»[1].

Тогда как структурные разрывы в целом **можно найти в основании любого типа коррупции**, различные ее формы содержат разные типы этих разрывов, и потому для проведения сделок используются разные типы брокеров-коррупционеров. В Таблице 5.3[2] приведена их типология с указанием (1) типа коррупции, для которого их участие наиболее характерно; (2) их принципала, то есть персоны идеального типа, на которую они работают; (3) структурных разрывов, требующих посредничества; (4) их основных функций и (5) акторов, которых брокеры включают в сеть, чтобы преодолеть структурный разрыв и сделать коррупционную сделку, а также извлечение из нее прибыли возможными.

Итак, первый тип — это независимый брокер:

• ***Независимый брокер*** *— это брокер-коррупционер, который не принадлежит ни к какой конкретной сети власти (политической, экономической или патрональной). Другими словами, его услугами может воспользоваться любой человек, независимо от его связей во властных кругах. Его основная функция — находить для коррупционного спроса подходящее предложение на низких уровнях государственного управления.*

Если речь идет о коррупции на свободном рынке, незаконный характер заключаемых сделок порождает **структурный разрыв между коррупционным спросом и предложением**. Частный актор не знает, кто из административных служащих коррумпирован (то есть кого можно подкупить и кто заслуживает достаточного доверия), тогда как административные служащие не могут рекламировать свои коррупционные услуги клиентам. Для связи этих акторов и появляется независимый брокер, который обеспечивает коррупционный спрос

[1] *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State. P. 131–132.

[2] Мы глубоко признательны Давиду Янчичу за комментарии и дополнения к этой таблице.

Таблица 5.3: Типология брокеров-коррупционеров. Переработанный материал на основании работы: Jancsics D. From Local Cliques to Mafia State. P. 129–147.

	Тип коррупции	**Принципал брокера**	**Структурный разрыв между...**	**Основные функции брокера**	**Акторы, которых брокеры включают в сеть**
Независимый брокер	Коррупция на свободном рынке, протекция для корешей	Частный актор (элиты или неэлиты), административный служащий (неэлиты)	коррупционным спросом и предложением	Обеспечение коррупционного спроса предложением	Не существует
Брокер группы корешей		Частный актор (элиты), административный служащий (элиты), государственный актор (элиты или неэлиты)			
Брокер государственного органа	Сговор, инициированный государственным органом	Административный служащий (элиты)	системной коррупцией и законностью	Отключение механизмов контроля	Частные предприниматели (подрядчики), отмывальщики денег
Брокер олигарха	Захват государства снизу вверх	Частный актор (элиты)		Отключение механизмов контроля, надзор за коррупционной сделкой	Политики, отмывальщики денег
Брокер полигарха	Захват государства сверху вниз	Государственный актор (элиты или неэлиты)		Отключение механизмов контроля, надзор за коррупционной сделкой	Частные предприниматели, отмывальщики денег
Учрежденческий куратор	Захват государства сверху вниз, криминально-государственная модель	Государственный актор (элиты)		Противодействие экономической ответственности	Не существует
Проектировщик коррупции		Частный актор (элиты) или государственный актор (элиты)		Официальное оформление незаконных сделок	Частные предприниматели (подрядчики), отмывальщики денег
Экономическое подставное лицо		Частный актор (элиты) или государственный актор (элиты)	состоянием олигарха / полигарха и его формальным положением	Хранение незаконного состояния, противодействие экономической ответственности	Не существует

подходящим предложением, делая коррупцию на свободном рынке возможной[1]. Услуги независимых брокеров могут быть полезны в тех случаях протекции для корешей, которые не имеют покровительственной составляющей, например, когда частный актор из элиты хочет заключить разовую сделку с представителем политической элиты, но не знает, к кому обратиться и нуждается в гарантиях, что сделка будет соответствовать всем оговоренным условиям, а его конфиденциальность будет соблюдена.

Противоположностью независимого брокера является брокер-представитель, четыре подтипа которого приведены в таблице[2]:

• ***Брокер-представитель*** *— это брокер-коррупционер, который принадлежит к конкретной сети власти (политической, экономической или патрональной). Другими словами, его услугами пользуются люди, принадлежащие к конкретной сфере власти, или иногда определенный человек, олигарх или полигарх.*

• ***Брокер группы корешей*** *— это брокер-представитель, который участвует в протекции для корешей, предоставляя услуги любой из сторон, будь то частный или публичный актор. Его основная функция — находить для коррупционного спроса подходящее предложение на высших уровнях государственного управления.*

• ***Брокер государственного органа*** *— это брокер-представитель, услугами которого пользуется принадлежащий к элитам административный служащий, который запрашивает коррупционную сделку в ходе сговора, инициированного государственным органом. Его основная функция — отключение механизмов контроля, а также привлечение отмывальщиков денег и частных предпринимателей, которые становятся постоянными*

[1] *Jancsics D.* «A Friend Gave Me a Phone Number».

[2] *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State. P. 131–136.

субподрядчиками коррумпированной государственной организации.

- ***Брокер олигарха** — это брокер-представитель, услугами которого пользуется принадлежащий к элитам частный актор (олигарх) в ходе захвата государства снизу вверх. Его основная функция — отключение механизмов контроля, а также налаживание связей между отмывальщиками денег и политиками, получающими коррупционные предложения от олигархов через брокера. Кроме того, он осуществляет надзор за коррупционной сделкой.*
- ***Брокер полигарха** — это брокер-представитель, услугами которого пользуется государственный актор (полигарх) в ходе захвата государства сверху вниз. Его основная функция — отключение механизмов контроля, а также привлечение отмывальщиков денег и частных предпринимателей, получающих коррупционные предложения от полигархов через брокера. Кроме того, он осуществляет надзор за коррупционной сделкой.*

Фактически, мы дали определение брокерам, которые характерны для четырех типов коррупции, последовательно представленных в Таблице 5.2. **Брокер группы корешей** больше всего похож на независимого брокера, поскольку он тоже организует несистематические сделки между незнакомцами. Однако между ними есть два отличия: (1) брокер группы корешей не является независимым, потому что он регулярно оказывает свои услуги определенному актору, и (2) он находит для коррупционного спроса подходящее предложение на высоких уровнях социальной иерархии.

Три других типа брокеров-представителей обеспечивают проведение сделок в рамках системной коррупции, то есть в ходе сговора, инициированного государственным предприятием, а также захвата государства сверху вниз и снизу вверх. В каждом из этих случаев акторы знают, к кому обратиться с предложением коррупционной сделки, а в ходе

захвата они могут даже использовать принуждение для выстраивания своей коррупционной схемы. **Структурный разрыв, для преодоления которого требуются брокерские услуги, состоит в наличии этой схемы и противоречащего ей действующего законодательства**, то есть брокеры необходимы для отключения механизмов контроля. «По мере своего роста, — пишет Янчич, — коррупционные сети сталкиваются с возрастающими внешними рисками со стороны различных институтов, таких как судебные и налоговые органы, аудиторские организации и средства массовой информации. Одной из основных задач брокеров-представителей является связь с этими внешними институтами и отключение их механизмов контроля. Это означает, что самые влиятельные акторы <...> имеют во многих местах своих „инсайдеров". Такие брокеры способны защитить коррупционную сеть от властей и помешать проведению расследования»[1].

Другой функцией брокеров в системных коррупционных сделках является **сокрытие доходов, полученных от коррупции, путем привлечения (международных) отмывальщиков денег**[2]. В отличие от протекции для корешей, где не происходит системного выкачивания государственных средств, системная коррупция требует наличия «коррупционных прачечных», то есть схем по отмыванию денег[3], встроенных в коррупционную сеть. Таким образом, эту функцию брокеров-коррупционеров можно рассматривать как особый случай отключения механизмов контроля, однако здесь предполагается **участие в сети новых акторов**, а именно тех, кто предлагает услуги по отмыванию денег.

[1] *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State. P. 135.

[2] *Cooley A., Heathershaw J., Sharman J. C.* Laundering Cash, Whitewashing Reputations.

[3] Конечно, кланы могут нанимать брокера для отмывания денег, полученных в ходе единичной сделки, но мы полагаем, что такая ситуация не представляет собой идеальный тип.

Брокеры олигархов и полигархов, предоставляющие услуги при захвате государства снизу вверх и сверху вниз, соответственно, представляют интересы своих принципалов в их сферах неформального влияния. Они содействуют включению акторов, политиков или предпринимателей в коррупционную сеть, а также выполняют роль надзирателей за исполнением коррупционных неформальных «контрактов» и беспрепятственного потока услуг при отсутствии официальных проверок. Поскольку такие брокеры-представители могут влиять на механизмы контроля, по сути, они могут, хотя и в ограниченной мере, инициировать выборочное правоприменение, **отключая механизмы контроля в отношении заслуживающих доверия коррумпированных участников сети и вновь активируя их, когда кто-то нарушает свое слово**. «Если [коррупционный] платеж задерживается, организаторы коррупции могут накладывать различные виды санкций [на частных акторов]: органы власти могут отказаться принять счет-фактуру фирмы, заморозить ее банковские счета, а аудиторские организации могут начать непредусмотренную проверку»[1].

Посредничество в принудительных коррупционных сделках также отличается от такового в **непринудительных**, потому что в последнем случае обе **стороны могут иметь собственных брокеров-представителей**. Однако **при принудительной коррупции** или когда добровольные узы взаимовыгодной торговли заменяются принудительными патронально-клиентарными цепями, **брокера имеет только доминантный актор**, тогда как подчиняющиеся ему акторы, как правило, теряют возможность диктовать свои условия и вынуждены подчиняться приказам патрона через принуждение.

Если рассматривать стабильную систему присвоенного сверху вниз государства или криминального государства,

1 *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State. P. 136.

например в каком-либо местном самоуправлении, то можно заметить, что ей свойственны три других типа брокеров. О двух из них речь уже шла в предыдущей главе сразу после того, как мы дали общее определение для брокера-коррупционера:

- ***Учрежденческий куратор*** *— это брокер-коррупционер внутри системы государственного управления, услугами которого пользуется патрон (в рамках неформальной патрональной сети). Его основная функция — противодействие юридической ответственности, то есть обеспечение необходимых бюрократических условий для проведения незаконных сделок и их защита.*
- ***Проектировщик коррупции*** *— это брокер-коррупционер вне системы государственного управления, услугами которого пользуется патрон (в рамках неформальной патрональной сети). Проектировщиками коррупции могут быть как индивиды, например брокеры-коррупционеры, налаживающие работу (международных) коррупционных прачечных, так и фирмы, главная функция которых — способствовать процессу передачи государственных средств в частные руки.*

Третий (и последний) тип брокера-коррупционера, который не был представлен ранее в качестве такового, это **экономическое подставное лицо**. Этот тип акторов может, несомненно, рассматриваться как особый тип брокера-представителя, который **призван преодолевать структурный разрыв между формальным положением олигарха / полигарха и его фактическим состоянием**[1]. Кроме того, как отмечает Янчич, экономическое подставное лицо также выполняет функцию противодействия экономической ответственности, то есть он «может выступать в роли козла отпущения, что снижает риски для олигарха. Когда что-то идет не так, [подставное лицо] несет ответственность за налоговые, зарплатные

[1] Ibid. P. 140–142.

или ипотечные долги подставной компании, тогда как ее реальный владелец остается в тени. Существует множество примеров схем, когда компания [подставного лица] <...> терпела банкротство и не могла оплатить услуги других предпринимателей и поставщиков. В таких случаях пострадавшие фирмы никогда не получают свои деньги, поскольку у подставной компании нет никаких активов, ведь они опустошаются до объявления о ее банкротстве»[1].

5.3.3.3. От коррупционного риска до нормализации коррупции в госзакупках: пример Венгрии

В то время как абстрактная дискуссия о типах коррупции, которую мы вели до сих пор, помогла заложить аналитические основания для изучения коррупции как явления, теперь полезно будет поближе взглянуть на конкретные **примеры**, помогающие проиллюстрировать описанные выше различия между разными типами коррупции. Первым делом мы приводим более общее описание процедуры госзакупок и объясняем, как определенная переменная — уровень завышения цены — зависит от типа коррупции. Затем мы обращаем более пристальное внимание на то, как изменялся процесс проведения тендеров на госзакупки в Венгрии с 2009 по 2015 год. На основании анализа имеющихся данных мы приходим к выводу, что в Венгрии сформировалось криминальное государство.

Мы выбираем Венгрию в качестве примера по трем основным причинам. Во-первых, Венгрия является посткоммунистическим государством, которое в указанный выше период превратилось из патрональной демократии в патрональную автократию, и одним из главных признаков этого превращения было появление системной коррупции в виде

[1] *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State. P. 141–142.

криминального государства. Во-вторых, в то время как многие постсоветские патрональные автократии часто опираются на природные ресурсы как источник подлежащей распределению ренты [▸ 7.4.6.1], Венгрия не богата природными ресурсами. Поэтому патрональные акторы вынуждены опираться на такие ресурсы, как деньги Евросоюза и государственные инвестиции, обычно извлекаемые через систему госзакупок [▸ 7.4.6.2]. В-третьих, и что, пожалуй, важнее всего, в Венгрии есть то, чего нет во многих других патрональных автократиях — доступ к большим массивам данных о госзакупках. Как правило, данных, прямо указывающих на коррупционную деятельность, не существует, поэтому исследователи этого феномена обычно основывают свои выводы либо на подробном изучении институциональных механизмов в определенном политическом режиме, либо на индексе восприятия коррупции, измеряемом через социологические опросы предпринимателей или рядовых граждан. Однако несмотря на то, что модель изучения коррупции, основанная на мозаичном наборе подробных описаний конкретных примеров и правовом анализе, безусловно, является полезной, метод, который смог бы точно подтвердить факт ведения коррупционной деятельности криминально-государственного типа на основании анализа большой выборки индивидуальных транзакций, несомненно, дал бы нам более точное представление об этом феномене. Попытки осуществить подобный анализ, как правило, наталкиваются на ряд ограничений, самым главным из которых является тот факт, что информация о решениях, принимаемых во время проведения госзакупок, обычно не собирается в базы данных, доступные для детального изучения. Однако исследование большого набора данных, которое провел Иштван Янош Тот из Будапештского центра исследования коррупции, предоставляет собой уникальную для посткоммунистического региона возможность увидеть своими глазами признаки наличия государственной

коррупции, осуществляемой сверху вниз, на примере базы данных, включающей в себя информацию о более чем 120 тысячах тендеров на госзакупки, проведенных в 2009–2015 годах[1]. Информация, которую мы приводим ниже, основана на подсчетах Тота и его коллег.

В более общих терминах процесс госзакупок, то есть **деятельность, направленная на достижение целей публичной политики через проведение открытых торгов**, может быть разделен на три стадии[2]:

1. претендерная стадия, включающая в себя оценку потребностей (разработка управленческой модели и конкретного проекта внутри нее) и планирование торгов;

2. тендерная стадия, включающая в себя приглашение на тендер, получение и обработку заявок, а также заключение договора с победителем;

3. посттендерная стадия, включающая в себя апелляции (предъявляемые комиссии по госзакупкам или суду) и эпизодические расследования, проводимые контрольными государственными органами, обладающими необходимыми полномочиями для наложения официальных санкций (Государственное надзорное управление, Управление государственного аудита, Государственный прокурор).

В либеральных демократиях все три фазы отделены друг от друга не только по содержанию, но и в плане участников и исполнителей. Несмотря на то, что разные стадии относятся к разным областям компетенции и уровням правительства, в демократическом контексте разделение стадий позволяет

1 Competitive Intensity and Corruption Risks: Statistical Analysis of Hungarian Public Procurement — 2009–2015. Data and Descriptive Statistics // Corruption Research Center Budapest, 2016. URL: http://www.crcb.eu/?p=943. Еще одним примером исследования, похожего на наше, является: *Fierăscu S.* Redefining State Capture: The Institutionalization of Corruption Networks in Hungarian Public Procurement. Bucharest: Editura Eikon, 2019.

2 *Beke M., Cardona F., Blomeyer R.* Political and Other Forms of Corruption in the Attribution of Public Procurement Contracts and Allocation of EU Funds. P. 29.

добиться прозрачности процедуры, а также заставляет правительство придерживаться установленных законом правил и организовывать честную конкуренцию под давлением как самих членов правительства, так и независимых надзорных органов.

В таких условиях **главным полем для коррупционной деятельности является тендерная стадия**. Именно на этом этапе запрашиватель коррупции (участник тендера) встречается с поставщиком коррупции (член оценочной комиссии). Коррупционное предложение делается добровольно, а стоимость услуги компенсируется взяткой. В таком виде эта деятельность похожа на **коррупцию на свободном рынке**, так как предполагаемый победитель тендера не навязывается сверху, и некоторый уровень конкуренции сохраняется в том, что касается размера взятки. Взятка или добавочный доход иногда включаются в **завышенную цену предложения**. Однако другие участники тендера могут предложить свою цену ниже той, на которую договорились участники коррупционной сделки, что устанавливает некоторое ограничение на их аппетиты. Так, участник оценочной комиссии не может объявить победителем участника, предложившего заоблачную цену. Это в интересах обеих сторон, так как проигравшие, а также те, кто по какой-то причине не был допущен к торгам, могут оспорить необоснованное решение и быть объявленными победителями тендера по решению Комиссии по госзакупкам или суда (на посттендерной стадии). Поэтому в подобном случае **уровень завышения цены ограничивается обстоятельствами**, напоминающими свободный рынок, где возможность оспаривания рыночно нецелесообразных решений оказывает сдерживающее влияние на коррумпированных акторов.

Уровень завышения цены может возрастать, если, например, в сговоре участвуют не только конкурсант и член тендерной комиссии, но и человек, готовящий тендерную документацию, а также если проводятся какие-либо манипуляции

со сроком подачи заявки и другими чисто техническими моментами (на претендерной стадии). Так происходит в случае **протекции для корешей** или **захвата государства снизу вверх**, при которых намеренно затрудняется работа независимых надзорных органов в силу того, что сама тендерная процедура прописана так, что большая часть потенциальных конкурентов отсекается вполне «законно». Также в случаях **сговора, инициированного государственным органом**, и **захвата государства сверху вниз** у инициатора коррупции есть доступ к стадиям проведения госзакупок на той ограниченной территории, которой он управляет, включая тендерную и, возможно, претендерную стадии. Однако несмотря на то, что такие формы коррупции могут способствовать организации тендеров, в которых желаемый участник, скорее всего, победит, они, как правило, **не приводят к бесконтрольному завышению цены предложений, потому что надзорные органы все еще могут вернуть необоснованно исключенных конкурсантов в игру**.

Наконец, **уровень завышения цены может быть полностью бесконтрольным** только в условиях **криминального государства**, где инициатор коррупции — верховный патрон — имеет возможность влиять на все три стадии проведения госзакупок. Управляющая рука мафиозного государства мониторит и координирует планирование тендеров, приглашение к участию в них, а также оценку отдельных лиц и компаний. Она также не забывает позаботиться о том, чтобы проигравшие участники ни при каких обстоятельствах не смогли добиться удовлетворения своих апелляций. Кроме того, она **гарантирует, что аудиторы и правоохранительные органы не могут накладывать взыскания** на составителей тендерной документации и участников оценочной комиссии за их предвзятые решения. Они попутно уничтожают возможность появления коррупции на свободном рынке, так как при таком раскладе победителя тендера

выбирают уже не члены оценочной комиссии, а вся система оценки и управления целиком. **Оценщик больше не подкупается, а скорее вознаграждается возможностью сохранить свой статус**.

Бесконтрольному завышению цены способствуют ситуации, когда саму госзакупку сложно стандартизировать (например, закупка информационных технологий). В случаях, когда предметом сделки является что-то, что легче поддается стандартизации (например, услуги, оборудование и материалы внутри строительной сферы), завышение цены часто производится задним числом: посредством увеличения стоимости работ в силу «непредвиденных обстоятельств» и «дополнительного объема работ». (Естественно, при такой системе централизованного коррупционного сговора, победители тендеров всегда допускаются и к дальнейшим торгам несмотря на то, что они случайно или намеренно доказали свою неспособность заранее оценить объем предстоящих работ.)

Стоит отметить, что в такой ситуации **понятие «коррупционный риск»**, часто используемое в существующей литературе на данную тему, **полностью теряет всякий смысл**. Ведь слово «риск» подразумевает, что по умолчанию государство подчиняется принципу общественных интересов и всячески пытается реализовать общественное благо, проводя госзакупки, но при этом существует риск, что некоторые коррумпированные акторы из частного сектора, а также девиантные государственные служащие могут попытаться помешать реализации этой цели. В случае криминального государства мы, напротив, можем говорить о полной **«нормализации коррупции»**, когда она становится обычным порядком вещей, а стремление к осуществлению общественных интересов — девиацией. Действительно, в системе координат криминального государства скорее можно говорить о риске того, что девиантный государственный служащий вдруг решит действовать в интересах общества вместо того, чтобы покорно исполнять

возложенную на него функцию сопровождения или осуществления коррупционной сделки[1].

Резюмируя вышеизложенное, **полностью бесконтрольное завышение цены при госзакупках возможно лишь внутри криминального государства, полностью управляемого государственным центром**. Таким образом, уровень завышения цен при проведении тендеров на госзакупки может указывать на присутствие или отсутствие коррупционного давления сверху вниз, что, в свою очередь, позволяет подкрепить количественно и отделить такой тип режима — патрональную автократию — от других более «привычных» и распространенных типов коррумпированных режимов. Для патрональной автократии коррупция является основополагающим элементом системы, тогда как для других типов режимов она представляет собой лишь неприятный побочный эффект.

Описав процесс того, как коррупция проникает на разные стадии проведения тендеров на госзакупки, уместно будет обратиться **к конкретному примеру Венгрии**. Стоит, однако, отметить, что в этом случае существуют некоторые ограничения на описание полностью достоверной картины функционирования криминального государства, вызванные **изменениями и манипуляцией венгерским законом о госзакупках после 2010 года**, результатом чего стало сокращение объемов госзакупок, которые возможно проводить без политического

[1] Естественно, в криминальном государстве все еще существует коррупционный риск в том смысле, что девиантные государственные служащие могут попытаться удовлетворить свои собственные интересы в ущерб интересам приемной политической семьи [▸ 5.3.4.2]. Однако понятие «коррупционный риск» нужно использовать с особой осторожностью в этом контексте, потому как здесь речь идет не о ситуации, в которой какая-то государственная должность, главной целью которой является служение общественным интересам, эксплуатируется для извлечения личной выгоды, как считают многие исследователи коррупционного риска, а о ситуации, в которой уже коррумпированный чиновник может быть коррумпирован в другом направлении.

вмешательства и дискреционных решений[1]. Эти изменения действительно отразили в полной мере установление и укрепление криминального государства. Сумма государственных средств, которые можно потратить без проведения тендера, была увеличена; временной период для подачи заявки был сокращен; в то время как относительный вес цены предложения опустился до 50%, тогда как остальная часть финальной оценки отдана на откуп политически мотивированной комиссии, отталкивающейся от так называемых качественных (то есть субъективных) критериев. Все вышеперечисленные изменения создали возможности для осуществления ручного управления со стороны правительства, а также для построения крупномасштабных систем государственного перераспределения и широких сетей клиентов[2].

Другой аспект данного феномена заключается в том, что после 2010 года чиновникам нижнего и среднего уровня больше не позволяется заниматься коррупцией на местах. Муниципальные институты и уполномоченные инстанции подверглись централизации и теперь подлежат тотальному политическому надзору со стороны вышестоящих чиновников, вследствие чего возможность осуществлять коррупционные сделки была отобрана у чиновников низшего и среднего уровней и закреплена за центральным государственным аппаратом[3]. В то же время в случае особо крупных инвестпроектов государство имеет почти неограниченную власть определять те или иные инвестиции как стратегически важные или обосновывать затраты, ссылаясь на национальную безопасность.

1 TI. Black Book: Corruption in Hungary 2010–2018. Budapest: Civitas Institute and Transparency International Hungary. 29.03.2018. URL: https://transparency.hu/wp-content/uploads/2018/03/Black-Book_EN.pdf. P. 18–29.

2 TI. Black Book. P. 18–29.

3 *Hegedüs J., Péteri G.* Közszolgáltatási Reformok És a Helyi Önkormányzatiság [Реформы государственного аппарата и органов местного самоуправления] // Szociológiai Szemle. 2015. Vol. 25. №2. P. 90–119; *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 156–158.

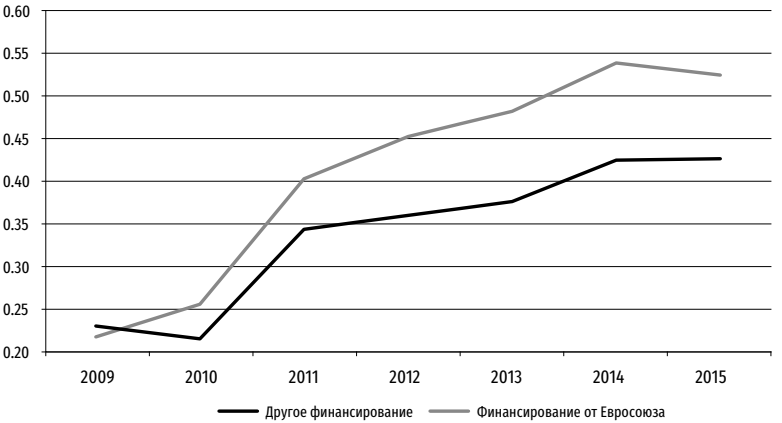
Эти приоритетные проекты не подпадают под стандартные законы о проведении госзакупок[1].

Для начала, не предполагая заранее, что в Венгрии сформировалось криминальное государство и нормализовалась коррупция, мы предлагаем взглянуть на изменения **коррупционного риска**, традиционно измеряемого на основании присутствия конкуренции и публичного объявления о проведении торгов. Мы наблюдаем **резкое увеличение** этого показателя после 2010 года. Как видно на Схеме 5.8, показатель, связанный с госзакупками, использующими деньги Евросоюза, был на уровне 0.21 в 2009 году. К 2011 году он вырос до 0.4 и достиг максимального значения 0.54 в 2014 году. Однако несмотря на то, что сами эти цифры могут потенциально указывать на системное, качественное изменение в процедуре проведения госзакупок, теоретически такую тенденцию можно объяснить участившимися случаями обычной коррупции и захвата государства как организованными государственными акторами, так и обходящимися без координации из единого центра.

Во-вторых, можно взглянуть на **изменение доли приглашений на торги, не афишируемых публично**. Данные

1 TI. Black Book. P. 28. По состоянию на момент написания этой книги ситуация изменилась еще радикальнее, приблизившись к криминальному государству идеального типа. В 2016 году правительство наделило себя полномочиями одобрять все тендеры на сумму, превышающую 300 млн форинтов (900 тыс. евро), а в конце 2018 года было создано несколько контролируемых государством агентств, чьей функцией стала организация и проведение тендеров в сфере строительства, спорта и информационных технологий на сумму свыше 700 млн форинтов (2,1 млн евро); в 2021 году деятельность компаний, ответственных за техническое выполнение и консультирование государственных закупок, была централизована и фактически монополизирована государством, что в мафиозных государствах означает все более очевидное совпадение ролей подрядчика и инспектора (иногда того, кто объявляет тендер). См.: *Szabó Y.* Purgatorbánium; *Brückner G.* Az állam váratlanul beszántja a teljes hazai közbeszerzési piacot [Государство внезапно захватило весь рынок государственных закупок] // Telex.hu. 05.02.2021. URL: https://telex.hu/gazdasag/2021/02/05/az-allam-varatlanul-beszantja-a-teljes-hazai-kozbeszerzesi-piacot.

Схема 5.8: Коррупционный риск при проведении госзакупок в Венгрии, 2009–2015 годы (общее число закупок: 118 843). Источник: Будапештский центр исследования коррупции, 2016

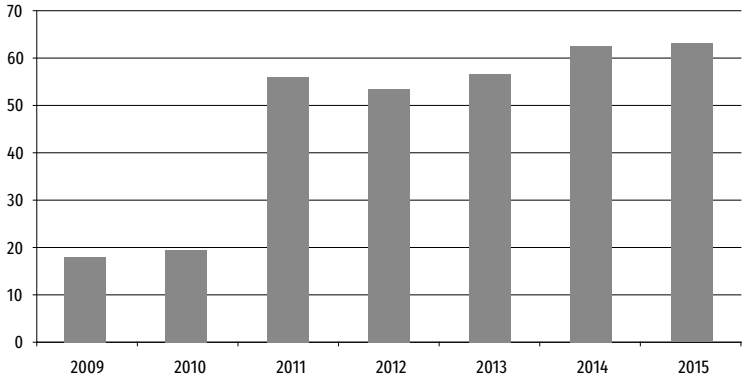


Пояснение: Индекс коррупционного риска равен нулю, если при проведении госзакупки имела место довольно сильная конкуренция, а также ей предшествовало публичное объявление о проведении торгов. Если же госзакупка была проведена без предварительного публичного объявления и при ее проведении не наблюдалось существенной конкуренции, то индекс коррупционного риска равняется единице. Промежуточное значение 0,5 присваивается в тех случаях, когда отсутствует только один из факторов — либо конкуренция, либо объявление

Будапештского центра исследования коррупции показывают, что если в 2009 году лишь одна пятая часть приглашений к участию в тендерах не публиковались в открытом доступе, то к 2015 году доля таких приглашений составляла четыре пятых от их общего количества (Схема 5.9). Такой резкий скачок в количестве тендеров, не афишируемых публично, требует одобрения и активных действий со стороны чиновников (как минимум) среднего уровня. Самым безобидным объяснением этого тренда может служить наступление следующего эволюционного этапа в процессе захвата государства снизу вверх, так как факт большого количества тендеров, не объявленных публично, свидетельствует о наличии налаженных коррупционных каналов.

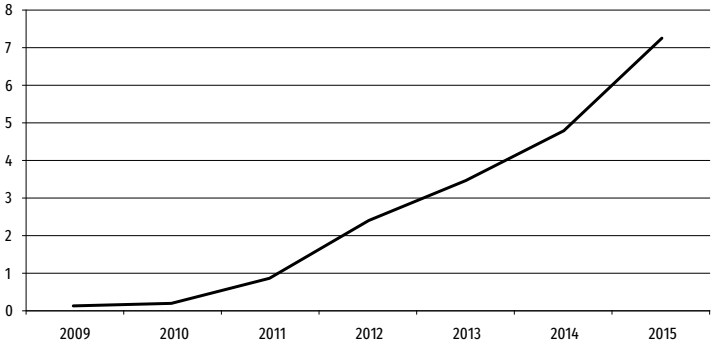
С экономической точки зрения, более пристальное изучение тендерных заявок с завышенной ценой указывает на

Схема 5.9: Доля госзакупок, проведенных в рамках тендеров, не объявленных публично, в их процентном соотношении к общему количеству тендеров на госзакупки в Венгрии, 2009–2015 годы (Общее число закупок: 121 849). Источник: Будапештский центр исследования коррупции, 2016



существенные различия между захватом государства снизу вверх и криминальным государством в том, что касается торгов, не объявляемых публично. На самом деле, решения о том, стоит ли делать публичное объявление о проведении тендера, а также о том, какого типа тендеры (открытые, договорные или ограниченные) должны использоваться при распределении государственных денег и денег Евросоюза, принимаются на уровне государственного правительства. Если правительство решит, что определенные типы госзакупок привлекают большое количество неполных предложений или предложений с очевидно завышенной стоимостью, оно теоретически может сделать все для того, чтобы такие тендеры проводились открыто и публично, а также объявлялись заранее. Учитывая тот факт, что даже для объявленных тендеров срок подачи заявки можно сделать практически невыполнимым, можно заключить, что существует некий механизм, с помощью которого будущие победители торгов регулярно получают информацию, необходимую для составления тендерной заявки до того, как тендер будет объявлен публично. Пожалуй, этот механизм можно назвать «тендерным замыканием». И он применяется еще до обсуждения

Схема 5.10: Ценовая деформация при проведении госзакупок в Венгрии, 2009–2015. Источник: Будапештский центр исследования коррупции, 2016



Пояснение: Среднеквадратичная погрешность стоимости контрактов на госзакупки в Венгрии по отношению к теоретическому распределению (по закону первой цифры Бенфорда) по годам, 2009–2015 годы, общее число закупок: 123 224

рассылки приглашений к участию и подгонки описания искомой услуги или продукта под конкретных лиц или конкретные компании [▸ 4.3.4.2]. Таким образом, тендерное техническое задание четко подгоняется под предложение от организации, которая уже заранее была выбрана победителем. Такая практика не является набором несвязанных эпизодов, а представляет собой крупномасштабную схему, одобренную на самом верху.

Кто-то может поспорить, что вышеописанный тренд все еще может являться последствием захвата государства снизу вверх или сверху вниз, так как сговора между автором тендера и членом оценочной комиссии, с одной стороны, и участником торгов — с другой, должно быть достаточно для осуществления подобных схем. Однако **уровень неконтролируемого завышения цены**, представленный на Схеме 5.10 и взлетевший на несколько порядков за исследуемый временной промежуток, не подтверждает гипотезу о частичном захвате государства.

Стоимость договоров по госзакупкам, заключенных в 2015 году, демонстрирует намного более высокую погрешность, чем в любой из предыдущих периодов. Цены

тендерных предложений стали настолько далеки от цен, которые обычно формируются на свободном рынке, что такое изменение нельзя больше объяснить качественной трансформацией коррупционных сделок или простым увеличением объема коррупции. Масштаб изменения также больше на поддается объяснению через увеличение влияния на процесс госзакупок тех рынков, которые являются более коррумпированными по своей природе. **Таким образом, взлет уровня коррупции намного лучше объясняется присутствием централизованной организации и политической воли, нежели спонтанными процессами на свободном рынке**. В итоге приведенные цифры показывают, как коррупционный риск на свободном рынке перетек в нормализованную коррупцию, организуемую криминальной группой, которая управляется государством[1].

Пожалуй, уместным завершением разговора о Венгрии может быть обсуждение **конкретных данных о нормализации коррупции: то есть шансов на победу, которые имеют компании, аффилированные с приемной политической семьей**. Как объясняет Тот, если мы знаем, сколько раз та или иная компания побеждает и проигрывает, можно определить общую вероятность победы для этой компании, используя простую формулу (вероятность = количество выигранных тендеров /

[1] Согласно Тоту и Хайду, введение нового типа госзакупок с низкой прозрачностью, но довольно простым управлением — это еще один фактор, подкрепляющий такую тенденцию. Венгерский закон о госзакупках был изменен в 2011 году, когда в него были внесены поправки, касающиеся закупок ниже 25 млн форинтов (75 тыс. евро), что привело к увеличению ценовой деформации и риска (санкционированной или несанкционированной) коррупции. См.: *Tóth I. J.*, *Hajdu M.* Versenyerősség, társadalmi veszteségek és a 25 millió forintos értékhatár rejtélye: 2009–2016 közötti magyar közbeszerzések statisztikai vizsgálata. [Интенсивность конкуренции, социальные потери и загадка порога в 25 млн форинтов: Статистический анализ государственных закупок Венгрии с 2009 по 2016 год] // Working Paper. CRCB Working Papers, 2017. URL: http://www.crcb.eu/wp-content/uploads/2017/09/t25_2017_paper_170927.pdf.

количество проигранных тендеров)[1]. По этой формуле **компании, принадлежащие главному экономическому подставному лицу Виктора Орбана Лёринцу Месарошу** [▸ 5.5.4.3], имеют самые высокие шансы на победу в тендерах на строительные работы (на уровне 9.9). Этот показатель намного превышает шансы известных зарубежных компаний, таких как *Colas* (1.78), *Strabag* (2.57) или *Swietelsky* (1.61). Если взглянуть на проекты, финансируемые из средств Евросоюза, Месарош имеет даже бóльшие шансы на победу, точнее, **28-кратный шанс на временном промежутке между 2011 и 2018 годами (два поражения против 56 побед)**. Также если мы взглянем на то, как эти шансы менялись со временем, то обнаружим, что шансы главных игроков строительного рынка на победу по большому счету не изменились, тогда как шансы компаний Месароша буквально взлетели в 2017–2018 годах, когда они достигли 46-кратного значения (одно поражение против 46 побед)[2]. Эти данные прямо указывают на то, что коррупционный «риск» превратился в нормализованную коррупцию, единственным риском внутри которой является маловероятный сценарий, что компания Месароша может проиграть тендер. Когда государство превращается в мафиозное государство, его главными мотивами становятся концентрация власти и личное обогащение политической элиты. Именно эти мотивы должны стать основанием для исследования политических действий в такой среде, а не идеал непредвзятого политика, заботящегося преимущественно об общественном благе и противопоставляющего себя коррумпированным административным служащим, время от времени злоупотребляющим своими полномочиями для достижения личной выгоды [▸ 7.4.7].

1 Мы благодарим Иштвана Яноша Тота за то, что он предоставил нам точные цифры по количеству выигранных и проигранных тендеров.

2 *Tőth I.J.* Nyolc Ábra Egy Magyar Csodáról [Восемь примеров венгерского чуда] // G7 (блог). 21.05.2019. URL: https://g7.hu/kozelet/20190521/nyolc-abra-egy-magyar-csodarol/.

5.3.4. Измерение масштабов коррупции, криминальная экосистема и роль коррупционных средств в выживании режима

5.3.4.1. Критика мировых показателей коррупции

Подобно гибридологии, которая либо игнорирует наличие патрональных сетей, либо воспринимает их как отклонение от демократического идеала, **исследования коррупции также обычно предполагают, что коррупция — это девиация**, которую правительства и формальные институты пытаются устранить в стремлении к эффективной и более рациональной государственности[1]. С одной стороны, такой подход подразумевает превосходство формального над неформальным, что означает, что в первую очередь государственные чиновники действуют и думают в соответствии со своим правовым положением, а незаконные злоупотребления властью носят лишь вторичный характер. С другой стороны, этот подход аналогичен подходу неоклассической макроэкономики, который утверждает, что государство всегда действует по принципу общественных интересов и, соответственно, стремится снизить ненадлежащее использование государственных средств. Такие допущения, свойственные многим традиционным подходам в области исследования коррупции, включая те, на которых базируются **мировые показатели коррупции**, не позволяют осмыслить большинство из описанных нами типов коррупции, кроме коррупции на свободном рынке. Поэтому эти показатели **не подходят для описания специфики коррупции в посткоммунистическом регионе**.

1 *Baumann H.* A Failure of Governmentality: Why Transparency International Underestimated Corruption in Ben Ali's Tunisia // Third World Quarterly. 2017. Vol. 38. № 2. P. 467–482; *Fougner T.* Neoliberal Governance of States: The Role of Competitiveness Indexing and Country Benchmarking // Millennium. 2008. Vol. 37. № 2. P. 303–326.

Для подтверждения нашей точки зрения стоит поближе взглянуть на один из самых популярных показателей — на **Индекс восприятия коррупции** от *Transparency International*[1]. Он представляет собой составной индекс, ежегодно публикуемый для большинства стран мира. Как мы упоминали ранее, общее определение коррупции, которое предлагает *Transparency International*, это «злоупотребление вверенными полномочиями в целях личной выгоды», «в которых замешаны государственные должностные лица, государственные служащие и политические деятели»[2]. Однако, несмотря на широкое определение, в действительности *Transparency International* определяет более узкий диапазон типов коррупции. Если конкретнее, явления, которые пытается зафиксировать этот индекс, можно разделить на три группы. Первая — это рядовые случаи коррупции, когда неизвестно, кто инициирует злоупотребление властью или ради чьей выгоды это происходит. К ним относятся «использование государственных средств в личных целях» или «преобладание чиновников, использующих государственные должности в личных целях». Во вторую группу входят конкретные случаи, такие как «подкуп», «замена меритократического распределения государственных должностей непотизмом» и «захват государства для удовлетворения узких частных интересов». Наконец, наибольшая группа явлений, на которых фокусируется Индекс восприятия коррупции, это институциональные гарантии: «способность правительств сдерживать коррупцию», «эффективные законы о раскрытии финансовой информации», «правовая защита для осведомителей и журналистов» или «доступ гражданского общества к информации, касающейся государственных дел»[3].

[1] Более детальный анализ Индекса восприятия коррупции см.: *Magyar B., Madlovics B.* From petty corruption to criminal state.

[2] TI. Индекс восприятия коррупции за 2011 г. Часто задаваемые вопросы // URL: http://transparency.ee/cm/files/lisad/2_cpi2011_faqs_ru.pdf.

[3] TI, Corruption Perceptions Index 2017 — Full Source Description.

Общим для этих трех групп является вышеупомянутое допущение, что коррупция — это отклонение от нормы. В таком контексте государство понимается согласно его формальному определению: как институт, работающий преимущественно для общественного блага, где есть некоторые подчиненные, которые отклоняются от этой цели и злоупотребляют своим положением, запрашивая или принимая взятки и назначая своих корешей без законных на то оснований. Соответственно, две формы злоупотреблений, которые здесь рассматриваются, это влияние частных интересов на содержание законов и правил, то есть, в наших терминах, захват государства снизу вверх, и влияние на их применение, то есть, в наших терминах, коррупция на свободном рынке[1]. Помимо этого, явления из третьей группы подразумевают, что государство действительно стремится к преследованию коррупции, просто оно может быть «не способно» делать это или в нем могут отсутствовать формальные правила, которые при их наличии помогли бы преодолеть неформальное влияние на ситуацию в целом.

Тот факт, что *Transparency International* рассматривает коррупцию как отклонение, означает, что Индекс восприятия коррупции не способен адекватно отображать существование различных видов коррупции, особенно тех ее форм, которые исходят от представителей власти. Эти массивы данных по-прежнему дают лишь ограниченное представление о масштабах коррупционных сделок, вероятно, инициированных под принуждением частными акторами, и о том, перерастут ли они в стадию захвата государства снизу вверх на системной основе. Однако они не дают представление о ситуациях, когда инициатором коррупционной сделки является не компания и не административные служащие или государственные администраторы, которые могут заниматься вымогательством,

[1] Для обозначения коррупции на свободном рынке *Transparency International* использует термин «административная коррупция».

а само криминальное государство. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, приведем следующий пример: **показатели коррупции в мире учитывают опросы частных акторов на предмет того, должны ли они подкупать чиновников, чтобы «добиться цели»**, например, чтобы выиграть тендер на госзакупки. Но в этом опросе **не учитывается ситуация, когда у предпринимателя даже нет шанса подкупить кого-либо, ведь госзакупки уже распределены сверху**, а государственные чиновники должны просто утвердить выбранного клиента главного патрона в качестве победителя. Описанная модель криминального государства может наблюдаться в таких странах, как Венгрия, которые находятся в середине рейтинга стран от *Transparency International*, а также в таких странах, как Россия или посткоммунистические страны Центральной Азии, которые находятся внизу этого рейтинга[1].

5.3.4.2. Отношение криминального государства к несанкционированной противоправности

Оптика показателей мировой коррупции настроена так, чтобы отображать коррупцию на низких уровнях государства. Из этого следует, что **криминальные государства получают свои места в рейтингах** в соответствии не с фактическим масштабом коррупции в них, которая должна включать в себя коррупцию, исходящую от высших эшелонов власти, а **в зависимости от того, насколько они успешны в устранении коррупции на нижних уровнях**. Если криминальное государство принимает решительные меры в отношении коррупции на свободном рынке, оно может получить более высокий рейтинг, чем криминальное государство, которое не интересуется ей в достаточной мере или, возможно, даже подпитывает ее, при том что оба государства являются коррумпированными по своей сути.

1 TI. TI, Corruption Perceptions Index 2017 — Full Source Description.

Таким образом, мы приходим к более широкому вопросу об **отношении криминальных государств к несанкционированной противоправности**. Как уже говорилось выше, криминальное государство подразумевает, что верховный патрон, то есть глава исполнительной власти, управляет государством как организованной преступной группой, и, соответственно, члены неформальной патрональной сети занимаются незаконной деятельностью, которая является частью надлежащего функционирования государства. Однако они могут делать это, только если эту противоправность санкционировал, то есть разрешил, верховный патрон (крыша [▸ 3.6.3.1]). Таким образом, акторы, которые занимаются незаконной деятельностью за пределами патрональной сети и без разрешения верховного патрона, действуют в рамках несанкционированной противоправности.

У верховного патрона должен быть какой-то определенный подход или стратегия по отношению к несанкционированной противоправности, случаи которой варьируются от несистематических коррупционных сделок до формирования конкурирующих преступных группировок и кланов (которые могут даже способствовать развитию друг друга)[1]. Описывая возможные подходы, стоит обратиться к Чарльзу Тилли и его фундаментальному труду «Доверие и правление», в котором он анализирует сосуществование формальных государственных структур и неформальных «сетей доверия» (*trust networks*) (преступные банды, тайные общества, религиозные секты и т. д.)[2]. Тилли понимает это сосуществование как

[1] Показательным является дело Аслана Гагиева и его криминального клана под названием «Семья», члены которого принадлежали к преступному миру, а также к политической сфере, включая министров и высокопоставленных сотрудников правоохранительных органов. См.: *Anin R.* The Brotherhood of Killers and Cops // Organized Crime and Corruption Reporting Project (OCCRP). 03.092018. URL: https://www.occrp.org/en/daily/28-ccwatch/ccwatch-indepth/8539-the-brotherhood-of-killers-and-cops. Подробнее о кланах см. Главу 3 [▸ 3.6.2.1].

[2] *Tilly C.* Trust and Rule. New York: Cambridge University Press, 2005.

воплощение идущего снизу вверх отношения частных акторов к государству и исходящего сверху отношения государства к частным акторам. Типы низовых коррупционных сделок, хотя и не обязательно подразумевающие наличие «сети», но, безусловно, неформальные и требующие доверия сторон, Тилли обозначает либо как (a) «укрывательство» (*concealment*), когда акторы стремятся избежать «обнаружения и манипулирования властями», либо как (b) «клиентарность» (*clientage*), когда акторы получают «защиту со стороны промежуточных уровней власти <...> за определенную цену»[1]. В свою очередь, государство, по мнению Тилли, может выбирать из **трех «режимов контроля»: репрессии, толерантность и помощь**, которые соответствуют негативному, нейтральному и положительному отношению со стороны государства[2].

Кроме этих трех мы можем добавить **четвертый режим**: **поглощение** уже существующих незаконных группировок и сетей и их интеграция в криминальное государство путем замены и подчинения принадлежащих к ним акторов. Этот **режим** качественно **отличается от** трех **других**, поскольку те **не лишают сети доверия независимости**: скорее они рассматривают их как закрытые, автономные образования, с которыми государство либо борется, либо не обращает на них внимания, либо помогает им, но не предпринимает попыток реорганизовать их внутреннюю работу и заставить их членов служить новому хозяину. **Поглощение**, напротив, означает **лишение их независимости**, в результате чего верховный патрон получает контроль над сетью доверия, ее управлением и доходами. Когда независимость сети сломлена, она перестает выполнять **задачи по своему усмотрению** и начинает выполнять **заказы только** от верховного патрона. Так сеть доверия встраивается в однопирамидальную патрональную сеть, построенную на подчинении.

1 Ibid. P. 34.

2 Ibid. P. 103–107.

Криминальное государство идеального типа выбирает отношение **толерантности** и оставляет коррумпированные сети в покое, если затраты на репрессии / поглощение превосходят выгоды от них: например доход, который можно получить в случае обретения контроля над сетью. При этом государство становится на путь **репрессий** и пытается устранить низовую коррупцию, если усматривает в определенной сети конкурента и угрозу своей стабильности. Репрессии представляют собой традиционное отношение к несанкционированной противоправности в классической мафии и также наиболее типичны для посткоммунистических режимов, находящихся в сфере влияния Европейского союза. Действительно, «плата за крышу» возникает тогда, когда люди, живущие в подчинении мафии, вынуждены платить деньги в обмен на ликвидацию частного бандитизма, то есть в обмен на то, что мафия не позволяет их грабить никому, кроме себя[1]. **В мафиозном государстве основная часть «неупорядоченной» коррупции на свободном рынке** аналогичным образом **устраняется** либо путем разрушения уже существующих сетей (репрессии), заключения с ними соглашения и обложения их налогом через переговоры (помощь), либо путем встраивания их в единственную организованную преступную группу в государстве (поглощение).

Если криминальное государство выбирает **режим помощи**, оно заключает соглашение с существующей сетью и начинает собирать с нее налог, не посягая ее независимость. Другими словами, лидеры сети (или, скорее, наиболее важные члены или «главари банды») сохраняют свое положение и могут продолжать выполнять свои задачи, а власти криминального государства не преследуют их, если сеть платит налоги и остается в пределах границ деятельности, которая была ранее согласована. Используя термин Тилли, мы можем

[1] *Gambetta D.* The Sicilian Mafia.

обозначить этот вид сосуществования как **посредническую автономию** [▸ 2.2.2.2].

Когда криминальная сеть сталкиваются с ситуацией, в которой верховный патрон стремится расправиться со своими врагами, более разумным для нее поведением является согласие на посредническую автономию, нежели борьба с попытками установить над ней господство. Однако если она (a) борется с попыткой установить над ней господство, или (b) нарушает условия своего неформального соглашения, или (c) представляет собой серьезную угрозу монополии на власть приемной политической семьи, то такая сеть либо подвергается репрессиям, либо претерпевает поглощение. **В случае поглощения** под контролем верховного патрона оказывается ранее децентрализованный коррупционный бизнес. Эта ситуация аналогична национализации правомерной деятельности конституционным государством, после чего политическая элита может централизовать или децентрализовать монополизированную функцию. В мафиозном государстве, где коррупция является одной из основных функций государства, эта монополизированная функция может быть **централизованной или децентрализованной**. Если она централизована, это означает, что верховный патрон сам управляет этими сетями и облагает их налогом; если она децентрализована, то возможности для проведения коррупционных сделок передаются лояльным субпатронам в форме «**поблажек**» или «**системы франчайзинга**». Такая система означает не что иное, как санкционирование противоправности, если коррупционный доход, который можно получить, не превышает определенного размера[1]. (Те, кто получает коррупционные

[1] Как пишут Леденёва и Баез-Камарго, «[региональные] „каналы“ находятся под неформальным, но неустанным контролем. Как гласит русский анекдот, „государственных чиновников ловят не за то, что они воруют, а за то, что воруют не по чину“» *(Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 57).

возможности, могут, в свою очередь, на местном уровне собирать и монополизировать различные каналы для осуществления коррупции.) Объем коррупционных поблажек ограничен, причем не только географически, но и в плане характера экономической деятельности. Верховный патрон централизует коррумпированные предприятия в рамках уже централизованных отраслей, приносящих высокую прибыль, таких как добыча природных ресурсов, и децентрализует коррумпированные предприятия, связанные с отраслями, для которых характерны низкая централизация и более низкие доходы, такие как некоторые виды розничной деятельности[1]. (Кроме того, когда криминальное государство решает прибегнуть к поглощению, верховный патрон и субпатрон могут также выстроить новые, альтернативные коррупционные сети, которые функционируют в соответствии с существовавшими ранее моделями.)

До этого момента мы рассматривали отношение криминального государства к коррупционным сетям. Однако среди несанкционированных противоправных акторов мы также находим **преступников**, которые занимаются незаконной деятельностью как таковой, а не потому, что злоупотребляют вверенными им полномочиями (грабеж, контрабанда, торговля людьми, торговля наркотиками и оружием и т. д.). **Верховный патрон может демонстрировать такое же отношение и к ним**. На протяжении всей истории, по мнению Тилли, «[власти], сталкивающиеся с хищными сетями доверия, такими как пираты и бандиты, выбирали, как правило, отношение к ним в диапазоне от репрессий через принудительные меры (ведя с ними борьбу напрямую) до оказания помощи посредством капитала (нанимая их в качестве каперов или наемников)»[2]. Верховный патрон в таких случаях

1 Ср.: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 227–238.

2 *Tilly C.* Trust and Rule. P. 105.

может выбирать репрессии, если он не заинтересован в преступной деятельности или считает ее слишком рискованной (как, например, в Венгрии)[1]. Однако репрессии применяли в России, где преступные группировки, распространенные в период олигархической анархии, систематически подвергались атакам в ходе формирования однопирамидальной патрональной сети. В своей книге под названием «Ничто не правда и все возможно» Питер Померанцев задокументировал случай Виталия Дёмочки, бывшего бандита, ставшего кинорежиссером, наглядно демонстрируя, как путинское мафиозное государство решило **покончить с анархической несанкционированной преступностью** и заменить ее централизованным контролем патриархального главы приемной семьи, подобно классической мафии, упомянутой выше (см. Текстовую вставку 5.3).

Текстовая вставка 5.3: Бандит-режиссер и верховный патрон

В один из съемочных дней, когда шла работа над важной сценой, Виталий снял для этого целый рынок. В этой сцене молодого Виталия и его банду полиция хватала с поличным на рынке, когда они вымогали деньги у продавцов. Продавцы играли сами себя, а полицейских наняли, чтобы они играли полицейских. <...> Его банда была также и съемочной группой. Кто осмелился бы опоздать на площадку, когда на ней командуют профессиональные убийцы? <...> Три года назад я видел его последний раз. Но многое напоминало мне о нем. Каждую неделю на останкинских каналах разыгрывается небольшое представление. Президент сидит во главе длинного стола. По обе стороны от него сидят губернаторы регионов: западного, центрального, северо-восточного и так далее. Президент по очереди указывает на них, и они отчитываются о том, что происходит в их владениях. «Террористы распоясались, пенсии не выплачиваются,

1 *Tóth D., Gál L. I., Kőhalmi L.* Organized Crime in Hungary // Journal of Eastern-European Criminal Law. 2015. № 1. P. 22–27.

> топлива не хватает...» Губернаторы выглядят окаменевшими. Президент играет с ними, чистый Виталий. «Ну, если вы не можете навести у себя порядок, мы всегда можем подыскать другого губернатора...» Я долго не мог вспомнить, что мне напоминает эта сцена. Но потом я понял: да она же прямо из «Крестного отца», когда Марлон Брандо собирает главарей мафии из пяти районов. <...> И это соответствует имиджу Кремля и [президента Путина]: он одет как мафиозный босс (черная рубашка-поло, поверх которой черный костюм), а его эффектные фразы происходят из бандитского жаргона («мы и в сортире их замочим»). Я усматриваю здесь следующую логику политтехнологов: кого люди уважают больше всего? Бандитов. Так давайте сделаем нашего лидера похожим на бандита, пусть он ведет себя как Виталий. [Позднее] Виталий приехал на вокзал, чтобы встретить меня. [Он сказал:] «Я залег на дно. Стараюсь не показываться в Москве: слишком много ментов, которые хотят проверить документы. В моем городе всех убрали, всех до последнего из моей банды. Мне не с кем было бы снимать, даже если бы я смог собрать деньги»[1].

С другой стороны, в современной России, при более консолидированном путинском режиме [▸ 4.4.3.2] **криминальные группировки** довольно часто **привлекаются** для выполнения определенных задач. По сути, эти преступники становятся силовыми предпринимателями, которые вступают в принудительное партнерство с верховным патроном, не представляя угрозы его монополии на насилие [▸ 2.5.1]. Такие группировки могут выполнять различные услуги, от поддержания порядка до запугивания и устранения конкурентов. В таких случаях отношения государства и организованной преступности взаимовыгодны и ведут к взаимному укреплению[2]. То же самое можно наблюдать и в отношении **российских хакеров**.

[1] *Pomerantsev P.* Nothing Is True and Everything Is Possible. New York: Public Affairs, 2014. P. 30–32.

[2] *Stephenson S.* It Takes Two to Tango.

Как сообщает Даниил Туровский, бывшие «мятежные» компьютерные пираты превратились в «солдат Путина». После российско-грузинского конфликта 2008 года и их участия в нем, на тот момент добровольного и патриотически мотивированного, хакеры «регулярно участвуют в работе, иногда под принуждением и в результате угроз уголовными делами»[1]. Лояльность хакеров, используемая как против иностранных акторов, так и против внутренней оппозиции, обеспечивается, говоря на нашем языке, выборочным правоприменением и компроматом. В их случае, как и в случае с членами приемной политической семьи, шантаж и защита идут рука об руку. Как пишет Туровский, «среди русскоязычных хакеров существуют некие секретные правила. [Одно] из них — „Не работать на домене .ru“ <...>. Есть и другие, несекретные правила: если вы взламываете и находите что-то, что может заинтересовать „режим“, поделитесь с ним этой находкой, а когда они просят вашей помощи в патриотических вопросах, сотрудничайте. Отказ следовать этим негласным правилам считается уголовным преступлением»[2].

В то время как в некриминальных государствах организованная преступность может участвовать в криминальном захвате государства и присваивать определенные элементы государственного сектора (как, например, в Китае)[3], в криминальном государстве **верховный патрон может регулировать деятельность организованной преступности** или поглощать ее, предоставляя ей возможность постоянно играть существенную роль в политической системе. В качестве примера здесь можно упомянуть черногорского олигарха Мило Джукановича, которого прокуратура Неаполя

1 *Turovszkij D.* Orosz hekkerek: Így lettek lázadókból Putyin katonái [Русские хакеры: как бунтари стали солдатами Путина]. Budapest: Athenaeum, 2020. P. 147.

2 Ibid. P. 158.

3 *Wang P.* The Increasing Threat of Chinese Organised Crime // The RUSI Journal. 2013. Vol. 158. № 4. P. 6–18.

связывала с организованной преступной группировкой, занимающейся контрабандой сигарет в 2003 году[1]. Примером соглашения с криминальной сетью, согласно информации, собранной одним из авторов этой книги, является ситуация, когда в 2016 году в Узбекистане узбекское криминальное государство урегулировало вопрос незаконного обмена валют криминальными организациями (которые ранее разработали эту систему в стране). Можно сказать, что люди, занимавшиеся незаконным обменом валют в Узбекистане, добились посреднической автономии, так что государство проявило к ним отношение, обозначенное как помощь. Узбекская полиция разрешила эту преступную деятельность, и при этом те же полицейские подключились к сети незаконного обмена валюты, собирая «налоги» с тех, кто им занимается, а деньги были доставлены через начальника полиции, то есть местного субпатрона, верховному патрону. Полученную прибыль распределили среди участников сети[2].

Итак, если подвести итог, то мы можем использовать терминологию Тилли для описания различных форм сосуществования криминального государства и разновидностей несанкционированной противоправности (Таблица 5.4). По его мнению, их можно понять в рамках концептуального пространства, которое охватывает три идеальных типа отношений: (1) **сегрегация** незаконных элементов от публичной сферы (например, когда государство относится к ним враждебно); (2) **установленная через соглашение связь** между незаконными элементами и публичной сферой (например, в случае

1 *Griffiths H.* Smoking Guns: European Cigarette Smuggling in the 1990's // Global Crime. 2004. Vol. 6. № 2. P. 185–200.

2 Подробнее об узбекском организованном надпольe и его связях с организованным подпольем см.: *Chayes S.* Thieves of State: Why Corruption Threatens Global Security. New York: W.W. Norton & Company, 2015. P. 101–117. С 2016 года ситуация могла измениться, так как в конце 2019 года Узбекистан отменил оставшиеся валютные ограничения (то есть узбекский сум теперь можно свободно обменивать).

Таблица 5.4: Режимы контроля над несанкционированной противоправностью и их последствия в криминальном государстве

	Действия криминального государства в отношении несанкционированной противоправности	**Форма сосуществования (последствия действий государства)**
Репрессии	борьба / ограничения	сегрегация (устранение несанкционированной противоправности или «частного бандитизма»)
Толерантность	предоставление свободы действий	сегрегация (прекращение притеснений незаконных акторов)
Помощь	соглашение	установленная через соглашение связь (посредническая автономия незаконной сети / преступники предоставляют свои услуги в качестве силовых предпринимателей)
Поглощение	лишение независимости	интеграция (незаконная сеть управляется приемной политической семьей)

посреднической автономии); и (3) **интеграция** незаконных элементов в публичную сферу[1]. В случае некриминального государства интеграция означала бы, что акторы, прибегающие к несанкционированной противоправности, то есть к любой незаконной деятельности, теперь признаются законом. В криминальном государстве интеграция означает поглощение либо ситуацию, когда незаконная сеть остается таковой, но в дальнейшем ею управляет приемная политическая семья.

5.3.4.3. Криминальная экосистема: национальный и мировой уровень

В предыдущей части мы описали типы сосуществования незаконных элементов, включая санкционированную и несанкционированную противоправность. Для описания

[1] *Tilly C.* Trust and Rule. P. 30–36.

противоправного сообщества акторов мы предлагаем использовать термин «криминальная экосистема»[1]:

• ***Криминальная экосистема*** *— это сообщество публичных и частных акторов вне закона, действующих как система на территории определенного географического региона.*

Сегрегация, связь, установленная через соглашение, и интеграция описывают основные **модели криминальных экосистем** в определенном режиме. При сегрегации в криминальном государстве мы можем наблюдать экосистему сильного криминального государства с несанкционированной противоправностью малых или средних масштабов либо потому, что государство делает все возможное, чтобы устранить ее (репрессии), либо потому, что она была настолько незначительной, что криминальное государство оставило ее без внимания (толерантность). В случае связи, установленной через соглашение, криминальная экосистема может быть описана, если воспользоваться метафорой из биологии, как **паразитический симбиоз**: приемная политическая семья регулирует деятельность существующих незаконных сетей и вынуждает их подчиняться и платить налог. Взамен такие сети сохраняют свою независимость, а их незаконный бизнес освобождается от притеснений со стороны правоохранительных органов и других правовых институтов. Наконец, в случае интеграции криминальное государство трансформирует криминальную экосистему таким образом, что ранее несанкционированная противоправность становится санкционированной и расцветает под управлением приемной политической семьи.

[1] Мы заимствовали термин «криминальная экосистема» у Мойзеса Наима, который использует его в статье как фигуру речи, но не дает ему определение. См.: *Naím M.* Mafia States. Без какой-либо связи с нашей темой этот термин также использовался в научной литературе по киберпреступности. См., например: *Yang C. et al.* Analyzing Spammers' Social Networks for Fun and Profit: A Case Study of Cyber Criminal Ecosystem on Twitter // Proceedings of the 21st International Conference on World Wide Web, 2012. P. 71–80.

Мы можем расширить наше понимание криминальной экосистемы двумя способами. Первый из них вытекает из того факта, что до этого момента мы описывали несанкционированных незаконных акторов как группы или объединения, которые связаны с другой группой, приемной политической семьей. Однако динамику криминальной экосистемы можно также проанализировать на индивидуальном уровне, сосредоточив внимание на **индивидуальном пути от незаконной частной сферы к публичной**. В отношении этого феномена социолог Светлана Стивенсон цитирует Жана-Франсуа Байарта и отмечает, что грамшианские понятия «молекулярного процесса» сплавки и «взаимной ассимиляции» могут использоваться, когда люди из частной сферы (1) переходят в публичную «через личные сети, обмен услугами и экономические возможности, а также членство в благотворительных организациях и политических партиях» и (2) встраиваются в высшие уровни государственной бюрократии»[1]. Так, в посткоммунистических режимах можно было наблюдать, **подобно зеркальному отражению криминализации государства, декриминализацию бывших членов преступного подполья**, которые стали частью публичной сферы и начали политическую карьеру. Примером тому может служить бывший молдавский верховный патрон Владимир Плахотнюк, которого Интерпол и занимающиеся расследованиями журналисты обвиняют в связях с российской мафией, а также в отмывании денег, торговле людьми, вовлечении в проституцию и причастности к «эскадронам смерти», ответственных за убийство нескольких криминальных элементов[2]. В момент вхождения в сферу политической деятельности такие акторы, **как правило, перестают быть криминальными авторитетами**, то есть акторами, ведущими незаконную экономическую

[1] *Stephenson S.* It Takes Two to Tango. P. 414. Также см.: *Bayart J.-F.* The State in Africa: The Politics of the Belly. Cambridge; Malden, MA: Polity, 2009.

[2] *Miller A.* Moldova under Vladimir Plahotniuc.

деятельность с незаконным доступом к ней, и **превращаются в олигархов или полигархов**, то есть акторов, осуществляющих законную экономическую деятельность с незаконным доступом к ней. Такие индивидуальные трансформации и переход из криминального подполья в криминальное надполье характерны для политических систем, переживших смену режима, а после нее период олигархической анархии.

Второй способ расширения поля для анализа криминальных экосистем вытекает из того факта, что до этого момента мы определяли «географический регион» как определенную политическую систему, иными словами, речь шла о **национальных криминальных экосистемах**. Противоположностью им являются **мировые криминальные экосистемы**, которые включают в себя незаконные элементы по всему миру и работают как система. С одной стороны, это означает, что полигархи и олигархи из разных стран связаны друг с другом либо добровольно и для взаимной выгоды, либо в результате принудительного подчинения более могущественному верховному патрону[1]. С другой стороны, олигархи и полигархи могут быть связаны также с международными преступными организациями или сетями. Как указывает Оливер Буллоу, это необходимо, потому что, хотя члены приемных политических семей могут заниматься **воровством** и внутри страны, они должны **скрывать** эти деньги либо от властей, либо от общественности. Кроме того, они хотят их **тратить**[2]. Таким образом, олигархи и полигархи при содействии брокеров-коррупционеров [► 5.3.3.2] используют схемы для **отмывания денег**, в которых участвуют финансовые институты по всему миру, предлагающие услуги хранения денег без лишних вопросов

1 Ср.: *Deák A.* Captured by Power: The Expansion of the Paks Nuclear Power Plant // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 323–344; *Bullough O.* The Dark Side Of Globalization // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 25–38.

2 *Bullough O.* The Dark Side Of Globalization. P. 33.

к вкладчикам и не отвечая на вопросы властей (см. Текстовую вставку 5.4)[1]. По мнению Александра Кули, Джона Хизершоу и Джейсона Шармана, услуги, предлагаемые для этих целей как криминальному подполью, так и криминальному надполью, можно разделить на две группы[2]:

Текстовая вставка 5.4:
Мировая криминальная экосистема

Такое количество денег [нельзя] спрятать под матрацем или передать во время рукопожатия. Управление такими большими суммами [требует] банков, готовых принять деньги, не задавая лишних вопросов <...> и способов, с помощью которых политики могут использовать свои незаконные средства для покупки предметов роскоши. <...> И это становится возможным благодаря оффшорным финансовым услугам. <...> Человек с грязными наличными деньгами может купить яхту, используя банковский счет в Швейцарии, который контролируется фондом в Лихтенштейне, который находится под контролем ограниченного партнерства в Великобритании, которое принадлежит компании в Белизе, которая принадлежит трасту на Маршалловых островах. Количество возможных юрисдикций практически безгранично, и каждая из них дополнительно скрывает взаимосвязь между воровством и расходами. <...> Бессмысленно спрашивать, является ли Россия клептократией. Более уместно рассмотреть вопрос о том, каким образом российские элиты являются частью целой клептократической системы, посредством которой их хищения из государственного бюджета через шотландские ограниченные партнерства и банки Молдовы или Латвии связаны с лондонским рынком недвижимости[3].

1 Подробнее о знаменитой российской схеме встроенной коррупционной прачечной см.: *Miller A.* Moldova under Vladimir Plahotniuc. P. 125–152.

2 *Cooley A., Heathershaw J., Sharman J. C.* Laundering Cash, Whitewashing Reputations. P. 42–44.

3 *Bullough O.* The Dark Side Of Globalization. P. 28–34.

• **оффшорные финансовые услуги**, которые особенно необходимы на этапе сокрытия денег. В число таких услуг входит хранение незаконных средств в банках, а также «систематическое использование подставных компаний» состоятельными людьми, олигархами и полигархами, «которые хотят сохранить свою личность в тайне». О постсоветских странах авторы пишут, что «оффшорный аутсорсинг и построение государства были тесно связаны, а режимы и правящие семьи накапливали личные состояния, направляя на иностранные счета ренту, полученную от государственных активов, таких как предметы потребления, иностранная помощь и продажа предприятий советских времен или прибыль от них»;

• **мировая бездонная бочка недвижимости**, которая особенно необходима на стадии расходов. Авторы поясняют, что «как только деньги „очищены“ через сети компаний, их владельцы могут использовать их для достижения [своих] общественных или политических целей и <...> удовлетворения бизнес-интересов». Таким образом, они превращают мировой рынок элитной недвижимости, который авторы называют «бездонной бочкой» из-за того, что «иностранные граждане вкладывают в него миллиарды долларов ежегодно, смешивая там незаконные и законные средства, в активы, которые защищены западными законами о собственности».

Последнее предложение особенно важно, поскольку оно указывает на ироничную ситуацию, когда для **нормального функционирования** криминальному государству **требуется наличие некриминальных государств**, поскольку последние ограничены в своем доступе к частным экономическим предприятиям, либо потому что (a) государственные институты не находятся в руках одного верховного патрона, который мог бы использовать их хищническим образом, либо (b) потому что страна является либеральной демократией, где **владельцы подставных компаний защищены всеми институтами и законами, разработанными для отделения рынка от политической**

сферы социального действия. Такое положение дел широко эксплуатировали приемные политические семьи и отдельные преступники, от Венгрии до России и Центральной Азии[1].

5.3.4.4. Использование коррупционных средств: потребление, накопление и инвестирование в экономику и политику

Мы подробно описали различные формы сговора и коррупционных механизмов, однако уделили недостаточно внимания **непосредственному результату и цели коррупции — деньгам**. До этого мы рассматривали проекты госзакупок как один из источников ренты, а в дальнейшем будут подробно рассмотрены и другие методы накопления личного состояния (присущие рентоориентированному, клептократическому и хищническому государствам [▸ 2.4.3]). Однако мы не рассматривали способы применения коррупционных денег. А между тем, как мы упоминали выше, причина, по которой члены приемных политических семей вынуждены участвовать в схемах по отмыванию денег, заключается в том, что они хотят тратить, то есть использовать свои деньги в различных целях после их извлечения из государственного бюджета.

Среди этих целей можно выделить **четыре разновидности типичного применения коррупционных денег приемными политическими семьями**:

• **потребление**, то есть прямая трата средств на товары и услуги для удовлетворения прихотей олигархов и полигархов (покупка предметов роскоши, таких как автомобили, яхты, дома, наручные часы и т. д.)[2];

[1] *Cooley A., Heathershaw J.* Dictators Without Borders: Power and Money in Central Asia. New Haven: Yale University Press, 2017.

[2] *Dawisha K.* Putin's Kleptocracy; *Brückner G.* Étel-ital, autók, ruhák: fogyasztanak a NER aranyifjai [Еда, напитки, автомобили и одежда: на что тратят деньги нувориши из NER] // Index.hu. 19.12.2017. URL: https://index.hu/gazdasag/2017/12/19/etel-ital_autok_ruhak_-_igy_elnek_a_ner_aranyifjai_iii./.

• **накопление**, то есть аккумулирование денежных средств на оффшорных счетах и в формально частных руках экономических подставных лиц [▸ 3.4.3] для (1) будущего потребления и (2) различных непредвиденных ситуаций (включая потенциальное отстранение от власти)[1];

• **инвестирование в экономику**, то есть использование денежных средств для формирования экономического аппарата приемной политической семьи, который состоит из экономических подставных лиц, оффшорных фирм и разнообразных только что основанных и захваченных политической семьей компаний-трофеев [▸ 5.5.4][2];

• **инвестирование в политику**, то есть использование денежных средств для формирования политического аппарата приемной политической семьи, который состоит из СМИ, партии — «приводного ремня», (фейковых) «оппозиционных» партий и политиков, чиновников, ГОНГО, аналитических центров и т. д.

Коррупционные деньги и патрональные способы их применения **играют существенную роль в выживании приемных политических семей** как в патрональных демократиях, так и автократиях. Пожалуй, кроме разве что потребления, которое (особенно если оно выставляется напоказ) может скорее привести к потере популярности и снижению шансов на выживание[3], три остальных способа способствуют продлению срока жизни неформальных патрональных сетей. Первый, наиболее очевидный способ, направленный на их поддержа-

1 *Yuichi Kono D., Montinola G.* Does Foreign Aid Support Autocrats, Democrats, or Both? // *The* Journal of Politics. 2009. Vol. 71. № 2. P. 704–718.

2 *Brückner G.* Mibe fektetnek a NER-lovagok? [Во что инвестируют лидеры NER?] // Index.hu. 05.01.2018. URL: https://index.hu/gazdasag/2018/01/05/a_ner-lovagok_beruhazasi_befektetesi_szokasai_iv._resz/.

3 Ср.: *Lyebyedyev Y., Makhortykh M.* #Euromaidan: Quantitative Analysis of Multilingual Framing 2013–2014 Ukrainian Protests on Twitter // 2018 IEEE Second International Conference on Data Stream Mining Processing (DSMP), 2018. P. 276–280.

ние, — это **инвестирование в политику**, при помощи которого главные патроны могут расширять свою политическую империю, особенно через вовлечение в этот процесс СМИ. В патрональных демократиях конкурирующая патрональная сеть, независимо от того, обладает она полнотой власти или нет, используя собственные средства массовой информации, которые формально находятся в частных руках [▸ 5.5.3.5], может гарантировать, что ее повестка будет на слуху на общенациональном уровне. По той же причине СМИ играют важную роль и в патрональных автократиях, однако там однопирамидальная патрональная сеть доминирует на (частном) медиарынке, расставляет политические приоритеты и занимается как позитивной, так и негативной пропагандой (например, криминализацией оппозиции, выпуском сюжетов о нелояльных или выбранных в качестве объекта атаки акторах), независимо от того, обладает она властью или нет. Это означает, что, если верховный патрон был отстранен от власти мирным путем и при этом не был вынужден покинуть страну и возвратить материальные активы своей сети, он может продвигать через свою медиаимперию предпочтительную для него повестку, которая может даже подготовить почву для его возвращения во власть [▸ 4.4.4].

Второй способ, продлевающий срок жизни патрональной сети, — это **накопление**. Если в патрональных демократиях неформальная патрональная сеть лишается власти в пользу своего конкурента, ее выживание принципиально для воспроизводства политической системы. Циклические изменения и их неослабевающий потенциал необходимы для поддержания динамического равновесия патрональных демократий [▸ 4.4.2], которое обеспечивается через предотвращение господства какой-либо одной патрональной сети и недопущение ситуации, при которой одна из недавно созданных правящих патрональных сетей может полностью лишить активов (экономических и политических) своих конкурентов. Когда

господствует только одна патрональная сеть, то есть в патрональных автократиях, наблюдается та же ситуация, в первую очередь потому, что **накопленное состояние и компании находятся не в руках партии правящей элиты, а в руках формально частных акторов**. Это означает не только то, что такая партия и ее формальное руководство не влияют на способы расходования этих денег в реальности (отсюда и название: партия — «приводной ремень» [▸ 3.3.8]). С точки зрения ее выживания, накопление средств в формально частных руках **обеспечивает безопасность имущества на случай смены режима**. Здесь можно провести аналогию с упомянутыми выше некриминальными государствами, которые уважают права собственности по западному образцу и не могут конфисковать или заморозить иностранные банковские счета представителей власти криминальных государств. Так же обстоят дела и с новой демократической правящей элитой (в маловероятном случае ее прихода к власти), поскольку она привержена легально-рациональной легитимности и правам собственности западного типа и не может просто экспроприировать активы приемной политической семьи. **Приемная политическая семья**, несомненно, **обладает необходимыми ресурсами, либо для того, чтобы сбежать**, если олигарх / полигарх должен покинуть страну, **либо перестроить и сохранить свою неформальную структуру**, если приемная политическая семья теперь вытеснена в оппозицию. Олигархи приемной политической семьи все еще могут финансировать неформальные патрональные сети и управлять своими СМИ, оказывая влияние на страну. Кроме того, накопление может быть полезно в периоды экономических кризисов [▸ 7.4.7.3], когда члены приемной политической семьи все еще могут кормиться у принадлежащей ей «кормушки», и таким образом ее шансы на поражение снижаются. Как отмечают Померанцев и Вайс, оффшорные финансовые институты упрощают отмывание денег автократа, что «радует элиты,

одновременно давая [верховному патрону] рычаг, который может быть применен против них в любой момент, обеспечивающий их лояльность и вызывающий у них подходящую степень паранойи»[1].

Хотя перемещение коррупционных денег за границу дает преимущества легализации этой добычи под защитой западных правовых систем, оно также выводит их из-под юрисдикции приемной политической семьи. Это можно назвать серьезным недостатком, если речь идет об **инвестировании в экономику**, где дискреционное вмешательство государства является важнейшим компонентом успешного функционирования компаний приемной политической семьи [▸ 5.5.4.3]. Поэтому инвестирование происходит как во внутреннюю, так и во внешнюю экономику, при том что **национальные компании участвуют в производстве коррупционных денег, а также способствуют выживанию патрональной автократии**. Поскольку члены приемной политической семьи прибирают к рукам все стратегические отрасли и инфраструктуру, они приобретают **рычаги влияния на экономических акторов внутри страны и за рубежом**. В первом случае по мере расширения экономической империи **все больше и больше людей начинают работать в компаниях приемной политической семьи** либо в качестве наемных работников, либо подрядчиков. Таким образом, большое количество избирателей и их семей получают стимул для поддержки правящей политической элиты, поскольку они могут (не без оснований) рассматривать ее в качестве основной причины процветания компании их работодателя, тогда как возможная смена режима может вполне представлять собой угрозу их трудоустройству [▸ 6.2.2.3]. Что касается иностранных акторов, то наиболее важным источником рычагов, способствующих выживанию режима путем создания более благоприятной

1 *Pomerantsev P., Weiss M.* The Menace of Unreality. P. 22–23.

геополитической обстановки, является **асимметричная взаимозависимость, возникающая через глобальные рынки**. Если существуют определенные важные товары, которые поставляет в страну только одна конкретная патрональная автократия, и при этом эта автократия не находится в зависимом от этой страны положении, подобные рычаги влияния имеются у нее в наличии. Такие страны становятся фактически клиентами верховного патрона, по крайней мере в той степени, в которой они не могут (политически) позволить себе слишком высокие цены на товары, поставляемые приемной политической семьей. Россия активно использовала такие рычаги влияния, например занимаясь «газпромовской дипломатией» через дискреционный контроль над своими поставками природного газа и нефти [▸ 7.4.3.2][1].

5.3.5. Реляция в коммунистических диктатурах

5.3.5.1. Тотальное подчинение и три экономики

До этого момента мы рассматривали реляцию в капиталистической среде, то есть в тех политических системах, где есть свободный рынок, и сравнивали различные случаи сговора частных акторов с публичными. Мы показали, как можно подойти к понимаю коррупции, когда сферы социального действия отделены друг от друга, и как из этого может возникнуть ситуация, когда сферы социального действия смешиваются. **Теперь**, чтобы представить полную картину, **мы обратимся к коммунистическим диктатурам, где сферы социального действия слиты**. При таком положении дел **социальные акторы полностью подчинены** партии-государству, но формальным образом, что подразумевает однопартийную систему и монополию государственной собственности.

[1] *Lough J.* Russia's Energy Diplomacy // Briefing paper. The Means and Ends of Russian Influence Abroad Series. Chatham House, 2011.

Из этого следует, что, в отличие от описанных выше ситуаций, в коммунистических диктатурах **отсутствуют частные экономические акторы**, при том что права частных общинных акторов тоже ограничены.

Чтобы понять тип коррупции и ее роль в коммунистических диктатурах, необходимо рассмотреть, какие уровни составляют коммунистическую экономику. Мы полагаем, что в таких режимах сосуществуют три экономические модели[1]. Государственная собственность является основой «**первой экономики**» и определяющей силой экономической системы, которая установилась после волны национализации (коллективизации). Если существует частный бизнес, который допустим в ограниченной мере и при этом связан с государственным сектором, то он представляет собой «**вторую экономику**», которая исправляет рыночные дефекты, порожденные плановой экономикой, в довольно удивительных ипостасях: в мелкой торговле, в сфере обслуживания и в семейных хозяйствах при сельскохозяйственных кооперативах, так называемых приусадебных хозяйствах.

«**Третья экономика**» может использоваться для обозначения **множества рыночных приемов,** которые возникали на фоне экономики всеобщего дефицита и **сопровождались коррупционными сделками**. Самые различные формы неформальности, как закономерной, так и полученной по запросу, практически равномерно пронизывали все общество: от вахтеров до чиновников и партработников. В условиях дефицитной экономики, которая сопутствует государственной монополии, практически во всех экономических отношениях у кого-то имелись предлагавшиеся к продаже вещи, услуги или компетенции принятия дискреционных решений, за которые можно было получить чаевые, взятку или коррупционную

1 *Juhász P.* Társadalmi Együttműködés Az Első, a Második És a Harmadik Ökonómiában [Общественное сотрудничество в условиях первой, второй и третьей экономики] // Fogyasztói Szolgáltatások. 1981. № 4.

ренту. Это объясняется тем, что эта система действовала по принципу псевдоравенства, поскольку в условиях экономики, основанной на монополии государственной собственности, возможности нелегитимного обогащения высших руководителей были тоже сильно ограничены, в то время как сотни тысяч людей на нижних уровнях системы могли собирать «ренту» благодаря имевшимся у них минимонополиям.

Текстовая вставка 5.5: Блат и «экономика одолжений»

<...> блат — это знакомый или друг, через которого можно достать некоторые дефицитные товары или услуги, дешевле или лучшего качества. Кроме того, блат — это отношения взаимного обмена, [а также] особая форма неденежного обмена, своего рода бартер, основанный на личной дружбе. Он работал там, где не работали деньги. В условиях плановой экономики деньги в коммерческих сделках не являлись основным элементом, и дела улаживались через каналы взаимной помощи, по бартеру. [Помимо] официальной карточной системы распределения продовольствия и привилегий, предоставляемых государственной распределительной системой различным профессиональным слоям, каждый работник имел особого рода доступ, который можно было обменять на блат. Относительная малозначительность денег в командной экономике породила эту специфическую форму, напоминающую нечто среднее между товарным обменом и практикой дарения. <...> Советский блат был похож на гуаньси в Китае <...>, но не имел аналогов на Западе. Одна из причин этого заключается в том, что использование неформальных каналов в обществе советского типа не было вопросом выбора. Это была принудительная практика, обусловленная постоянным дефицитом[1].

В научной литературе о Советской России для обозначения таких сделок и отношений в рамках третьей экономики

1 *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 33–36.

используется термин «**блат**». Как пишет Алена Леденёва в своей знаменитой книге «Российская экономика одолжений», блат был незаменим в жестких условиях плановой экономики, ведь в Советском Союзе без бартера товаров и услуг на основе неформальных личных отношений было практически ничего невозможно получить, начиная от белого фарфорового унитаза до оплачиваемой работы (см. Текстовую вставку 5.5). Тем не менее важно отметить, что, хотя «блат» является историческим термином, обозначающим явление, которое наблюдалось в Советском Союзе, он также присущ коммунистическим диктатурам идеального типа, для которых характерно подавление частных рынков в пользу центрального планирования.

В то время как блат в коммунистических режимах облегчает жизнь людей, **функция коррупции** в коммунизме заключается не просто в том, что она позволяет «добиться поставленной цели» более удобным способом. Основную функцию коррупции в плановой экономике можно обозначить как **системосмазывающую**, поскольку она дает возможность потребителям удовлетворять свои потребности в рамках системы, которая не была разработана для реализации потребительских желаний (центральное планирование). В плановой экономике разговорное выражение «подмазка» приобретает буквальное значение: **без смазки экономического аппарата система была бы фактически парализована**. Обязательный для функционирования режима характер этих взаимных одолжений, которые можно поместить в любое место на шкалу между законными и незаконными практиками, делают эту сеть коррупционных сделок негласно принятым в обществе договором [▸ 5.6.1.5].

5.3.5.2. Блат в сравнении с другими формами коррупции

Определив коррупцию как злоупотребление государственными должностями в личных целях, необходимо сделать оговорку, что **не каждая сделка внутри третьей экономики,**

основанная на отношениях блата, также является коррупцией[1]. Например, если определенное действие совершается в обход любых государственных должностей, его нельзя назвать коррупцией. Однако если блат имеет место либо (a) между государственными служащими, например между руководителями государственных компаний и высокопоставленными чиновниками из номенклатуры через посредничество толкачей, либо (b) между государственным служащим и актором из какой-то другой сферы социального действия, то мы имеем дело с коррупцией, совершаемой, соответственно, по сговору и без.

Кроме того, необходимо отличать блат от так называемых экономических преступлений, которые по большому счету являлись коммунистическими эквивалентами хищений в посткоммунистических режимах[2]. В случае экономических преступлений (как и в случае хищений) коррупционный спрос и предложение, или поставщик коррупции и ее главный бенефициар, по сути, являются одним и тем же лицом, которое злоупотребляет своей государственной должностью в целях личного обогащения. Блат, в свою очередь, всегда подразумевает межличностное взаимодействие (обмен), и тот, кто время от времени злоупотребляет своей государственной должностью, чтобы сделать кому-то одолжение, это не тот же самый человек, от которого исходит спрос на коррупционную сделку.

Таким образом, мы можем противопоставить блат другими формам коррупции по признакам наличия или отсутствия коррупционного сговора, а также разделения коррупционного спроса и предложения (Таблица 5.5). В нашем понятийном вокабуляре нет другого типа коррупции без

[1] Леденёва приводит сравнительный анализ блата, с одной стороны, и взяточничества и коррупции, с другой. См.: *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours. P. 39–47.

[2] *Łoś M.* Economic Crimes in Communist Countries // Comparative Criminology. Beverly Hills: Sage Publications, 1983. P. 39–57.

Таблица 5.5: Сравнительная типология коррупции по признакам наличия или отсутствия коррупционного сговора и разделения коррупционных спроса и предложения

	Коррупционные спрос и предложение...	
	разделены	**объединены**
коррупция без сговора (осуществляемая акторами из одной сферы социального действия)	• блат между государственными служащими (через толкачей)	• экономические преступления (в коммунистических диктатурах) • хищение
коррупционный сговор (осуществляемый акторами из разных сфер социального действия)	• блат между государственными служащими (из номенклатуры) и частными лицами • коррупция на свободном рынке • протекция для корешей • захват государства снизу вверх	• сговор, инициированный государственным органом • захват государства сверху вниз • криминальное государство

сговора с разными участниками, кроме блата между государственными служащими. С другой стороны, блат по сговору похож на другие типы коррупционных сговоров с разделенными спросом и предложением: в частности, коррупцию на свободном рынке, протекцию для корешей и захват государства снизу вверх. В правой колонке нашей таблицы, содержащей типы коррупции, в которых спрос и предложение не разделены, мы выделяем экономические преступления и хищения как типы коррупции без сговора, а также сговор, инициированный государственным органом, захват государства сверху вниз и криминальное государство как типы коррупции, подразумевающие наличие сговора[1].

1 В Таблицу 5.5 мы не включили измерение систематичности коррупционных сделок, а также мы описали блат только в его межличностной форме. Однако в Главе 1 мы указали на то, что такого рода взаимоотношения могут принимать системный характер [▸ 1.4.1], а блатные сети часто имеют «главаря», который контролирует поток продуктов и услуг. Экстремальные случаи, когда доступ к ресурсам возможен только через сеть, в простонародии называются «блатным миром», внутри которого главари решают абсолютно все, включая вопросы жизни и смерти.

Для лучшего понимания экономических механизмов коррупции в коммунистических и капиталистических экономиках имеет смысл обратиться к типологии Корнаи, в которой он различает **коррупцию покупателя** и **коррупцию продавца** (что имеет довольно высокую аналитическую ценность, даже несмотря на то, что Корнаи определяет коррупцию намного шире, чем мы). Согласно Корнаи, рыночная экономика является «рынком покупателя», так как именно желания покупателей в ней ставятся во главу угла. Продавцы конкурируют между собой, прибегают к инновациям и используют другие разнообразные инструменты для привлечения большего количества покупателей. С другой стороны, плановая экономика коммунистических диктатур представляет собой «рынок продавца», где во главу угла ставятся желания продавцов. А покупатели вынуждены конкурировать, чтобы заполучить расположение конкретных продавцов, монополизировавших определенные отрасли на своих позициях внутри номенклатуры[1]. Данное разделение отражает разницу в природе коррупции или, по крайней мере, в коррупции низкого уровня, влияющей на распределение продуктов. В условиях рынка покупателя, существующего в либеральных демократиях, коррумпируется продавец, так как именно стремление продавца склонить большее количество покупателей к коррупционным сделкам (например, не выдавая чек по завершении сделки, чтобы сэкономить на налогах) с целью продать больше продуктов, которые при нормальных условиях и полном отсутствии коррупции остались бы нераспроданными, является главной движущей силой этой системы. В условиях же рынка продавца, характерного для коммунистической диктатуры, в свою очередь, коррумпируется покупатель, так как именно усилия покупателя, направленные на расположение к себе определенных

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 273–280.

продавцов с целью склонить их к коррупционной сделке (например, через дополнительный платеж «под столом»), чтобы заполучить таким образом желаемый продукт, который являлся бы дефицитным и в обычном, некоррумпированном социалистическом режиме, лежат в основе этой системы взаимоотношений[1].

5.3.5.3. Влияние смены режима на динамику коррупции

В случаях, когда рынок покупателя внезапно превращается в рынок продавца, то есть во время смены режима, **структура неформальных взаимоотношений также подвергается трансформации. В посткоммунистическом регионе** смена режима привела к беспрецедентному увеличению неравенства не только в плане богатства, но и в плане появления должностей, предоставляющих широкий простор для коррупции. Так как экономика дефицита сошла на нет внутри частного сектора, главное поле для коррупционной деятельности переместилось обратно в каналы деловых отношений, существующих между частными и публичными акторами. Однако в этой новой ситуации клиент перестал быть скромным потребителем внутри старого коммунистического режима, а постепенно превратился в непреклонно богатеющего члена бизнес-кругов, пройдя путь от мелкого арендатора коммерческой недвижимости, принадлежащей государству, до олигарха, заказывающего внесение поправок в законодательство. Другими словами, более демократичная и «эгалитарная» природа коррупционного блата была замещена элитарной моделью.

Ниже мы перечисляем **изменения в практике блата**, последовавшие за сменой режимов:

[1] Там же. С. 281–284.

• **сужение круга потенциально коррумпированных акторов и конец массового характера этого явления**, а также фактическая привязка блата к государственным должностям и политической элите;

• **трансформация процесса принятия решений в зонах, где присутствуют неформальные отношения**: преимущества, связанные с повседневным потреблением, были устранены, тогда как помощь государства, связанная с конкуренцией по накоплению благ, вышла на первый план (приватизация, госзакупки на государственном и местном уровнях, тендеры, переквалификация недвижимости, выдача разрешений и т. п.);

• **значительное увеличение потенциальной прибыли от индивидуальных коррупционных сделок:** речь шла уже не о приобретении из-под полы некоего дефицитного продукта посредством умасливания продавца государственного магазина, а о приобретении целых предприятий, которые эти продукты производили, вместе с сетью магазинов, которые их продавали — и все из средств государственного займа;

• **постоянное разведение ролей в неформальных сделках**: время, когда «каждый» мог быть одновременно и «инициатором», и «поставщиком» коррупции, играя свою роль в обществе дефицита, прошло; теперь инициаторы коррупции, предлагающие сделки государственным служащим, в основном являются частными лицами.

Резюмируя вышеизложенное, **формальное разделение сфер социального действия** помогло создать западноподобные ситуации, внутри которых **формально частные лица** вступают в сговор с формально государственными служащими. Но поскольку разделение сфер остается лишь номинальным, **ранее сформированные неформальные сети проникают в новообретенную капиталистическую среду** и помогают создать более сложные комбинации коррупционных сговоров по сравнению с западной практикой, включая захват государства сверху вниз и криминальное государство.

5.3.6. Культура реляции в посткоммунистическом регионе: от семейных обязательств до блата и гуаньси (guanxi)

Реляцию в посткоммунистическом регионе можно описать в абстрактных терминах, но вряд ли ее можно понять как социальное явление без **учета контекста социальной культуры**. Мы уже подчеркивали это в Главе 1, где речь шла об эффекте колеи, который указывает на культурные детерминанты централизованных и монополизированных форм коррупции, происхождение однопирамидальных патрональных сетей и причины, по которым коррупция представляет собой нечто большее, чем коррупционные сделки снизу вверх, и имеет все признаки коррупции в формате сверху вниз. Сосредоточив внимание на более низких уровнях коррупции и неформальности, мы можем выявить присущие еще докоммунистической эпохе культурные элементы, которые сохранялись в течение коммунистического и посткоммунистического периодов и с различной интенсивностью проявлялись в западной и восточной частях региона.

Культурные детерминанты коррупции можно обнаружить, обратив внимание на те **социальные институты, где предоставление благ на дискреционной основе является легитимным и воспринимается как норма**. В докоммунистическую эпоху в целом и до разделения сфер социального действия в частности существовало два таких института: **семья и дружба**. Они **похожи** по трем причинам:

- они оба предусматривают предоставление **услуг дискреционным образом**, а это означает, что членам семьи и друзьям отдается бóльшее предпочтение, чем другим членам общества на основании их личности;
- для них обоих характерны **взаимные обязательства**, то есть каждая услуга, совершаемая А для Б подразумевает

неявное, не оговоренное соглашение о компенсации, которая тем не менее ожидается в будущем [▸ 3.2];

• им обоим свойственны **сильные связи**, то есть эти отношения являются давними, эмоционально насыщенными и/или интимными (взаимное доверие) [▸ 6.2.1.1][1].

С другой стороны, они **отличаются** друг от друга в трех отношениях:

• **в основе семьи лежат родственные связи**, тогда как друзья не связаны кровными узами;

• **дружба — это предмет выбора**, а семейные узы не приходится выбирать (если человек рождается в семье);

• **оказание помощи членам семьи обязательно**, а друзьям — нет[2].

Культура семейных обязательств[3] связана с тем фактом, что до появления государства всеобщего благоденствия основными поставщиками этого благоденствия были семьи, а также «сети социальной защиты». Члены семьи помогали друг другу сводить концы с концами, и, по сути, богатство семьи рассматривалось как общая собственность, которая должна быть распределена между членами более или менее равным и справедливым образом[4]. Дружба могла выполнять аналогичную функцию, особенно когда между друзьями наблюдалось существенное неравенство в плане их уровня благосостояния, и один помогал другому. Пользуясь терминологией классического исследования Джереми Буассевейна, мы называем такие

[1] *Грановеттер М.* Сила слабых связей.

[2] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах; *Boissevain J.* Patronage in Sicily // Man. 1966. Vol. 1. № 1. P. 18–33.

[3] Естественно, член семьи не был обязан помогать всем, с кем имел родственные отношения. Скорее это касалось близкого семейного круга. Например, в Европе XIX века семейные обязательства «распространялись на кровных родственников, вплоть до троюродных братьев и сестер, поскольку именно в пределах такой степени родства Церковь запрещает браки». См.: *Boissevain J.* Patronage in Sicily. P. 19.

[4] *Gladstone D.* Before Beveridge: Welfare Before the Welfare State. London: Institute for the Study of Civil Society, 1999.

формы дружбы **патронажем** (*patronage*), который **следует отличать от патронализма и патронально-клиентарных отношений**, рассматриваемые в предыдущих частях нашей книги. Разница заключается в том, что, хотя патронаж — это асимметричные отношения, в которых «характер обмениваемых услуг может значительно варьироваться»[1], это также и (1) отношения, в которых обе стороны являются друзьями и добровольно устанавливают сильные связи, следовательно, не только (2) условный «патрон» вправе решать, оказывать ли помощь условному «клиенту», который является главным бенефициаром этих отношений, но и (3) «клиент» может отказаться от предложения «патрона». Напротив, патронально-клиентарные связи в патрональных сетях представляют собой (1) принудительные отношения, в которых (2) патрон является главным бенефициаром, а (3) клиент не вправе отклонять «предложения» (приказы) патрона. В общем, можно сказать, что **патронаж и патронализм отличаются друг от друга с точки зрения позиций власти: в патронаже более богатый друг помогает, но не господствует, тогда как патрон в патрональной сети руководит ею и выбирает, помогать или нет**.

По мере модернизации общества и создания все большего числа безличных и профессиональных институтов государственной бюрократии возникает **несоответствие между культурой дискреционности**, которая проявляется в традиционных социальных институтах семьи, дружбы, патронажа и патронализма, и **недавно появившейся культурой нормативности**. Как отмечает Хантингтон, коррупция «в модернизирующемся обществе отчасти есть не только результат отклонения поведения от принятых норм, сколько отклонение норм от установившихся форм поведения [:] согласно традиционным понятиям многих обществ, чиновник обязан награждать членов своей семьи и давать им работу»[2]. **На Западе**,

1 *Boissevain J.* Patronage in Sicily. P. 18.

2 *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. С. 76–77.

где модернизация, а также разделение сфер социального действия протекали на протяжении многих веков, институциональные изменения шли достаточно медленно, чтобы культурные изменения могли за ними поспевать. Проще говоря, **этика могла развиваться рука об руку с законностью**. Следуя за традиционными нормами, дискреционность постепенно утратила свою социальную легитимность, а система взаимного обмена услугами внутри семьи в рамках публичной сферы претерпела переоценку и стала восприниматься как безнравственное и незаконное злоупотребление своим положением[1]. Однако **в странах, где социальные изменения происходили быстрее, разрыв между этикой и законностью был больше**, чем при медленных и постепенных изменениях, а у этики не было достаточно времени или стремлений принять чужеродные практики, приспособленные к существующим структурам.

В интересующих нас странах **первая резкая смена** социальных институтов произошла после 1917 года вместе с **установлением коммунистических режимов**. В результате этого **существовавшие сети сильных связей** — семья, дружба, патронаж и патронализм — **были частично ликвидированы** (там, где в основе лежал дворянский или «буржуазно-капиталистический» классовый статус участников), а **частично расширились через бесчисленное множество слабых связей** в рамках системы блата[2]. Этика акторов и законность системы не соответствовали друг другу и не могли соответствовать с учетом того, что ригидность командной экономики прак-

[1] Там же. С. 75–77; *Khatri N., Tsang E. W. K., Begley T.* Cronyism: A Cross-Cultural Analysis.

[2] Члены номенклатуры также не пользовались семейными связями. Неслучайно прием на работу происходил для них в индивидуальном, а не в семейном порядке (как это делается в приемной политической семье), ведь предполагалось, что член номенклатуры должен быть бюрократически лоялен партии, а не сетям сильных связей в виде семьи. Часто этот выбор между семьей и партией нужно было демонстрировать в форме эффектных акций, таких как расправа с членом семьи или принуждение его выполнять приказы номенклатуры от имени партии.

тически не позволяла сводить концы с концами без неформальных, а часто и коррупционных отношений, то есть блата. В странах, где культура семейных обязательств была особенно сильно выражена, блат отчасти сохранил свой привычный формат и продолжал процветать даже после окончания командной экономики. Так случилось в Китае, где система гуаньси выросла из существующих сетей сильных связей при диктатуре Мао Цзэдуна и с тех пор не перестала быть важной частью повседневной жизни Китая (см. Текстовую вставку 5.6).

Текстовая вставка 5.6: Культура гуаньси в Китае

Китайское слово «гуаньси» означает буквально «отношение» или «связь». Оно также отсылает нас к важному аспекту современной китайской культуры: необходимости «использовать» гуаньси, то есть личные или социальные связи, для улаживания дел, приобретения дефицитных товаров или получения доступа к некоторым возможностям. В этом смысле гуанси — это двухсторонние отношения социального обмена, в которых один человек помогает другому, а взамен другой остается должен ему социальную услугу. Таким образом, на практике система гуаньси похожа на обмен подарками между двумя людьми, в которой присутствуют чувства или добрые намерения (проявление человечности), взаимное обязательство помогать друг другу и ожидание возмещения в будущем. Подарки [и] услуги <...> являются объектами обмена, а долг в некоторых случаях может быть погашен через несколько лет. <...> Практика гуаньси проистекает из традиционного внимания китайской культуры к социальным связям и межличностной этике взаимных обязательств. Конфуцианские классические тексты сплошь состоят из обсуждений взаимного долга и обязательств, присущих различным социальным ролям и отношениям, а также обсуждений этики и этикета отношений дара и отношений хозяина и гостя в ходе ритуалов и приемов[1].

1 *Mayfair Y.* Guanxi (China) // The Global Encyclopaedia of Informality. Vol. 1. London: UCL Press, 2018. P. 75–76.

Несомненно, тот факт, что в Китае переход от командной экономики к рыночной с конца 1970-х годов происходил постепенно, также способствовал преемственности социальных норм между коммунистическим и посткоммунистическим периодами. Однако в странах советской империи после **смены режима** и распада СССР произошла **вторая резкая смена** социальных институтов. В то время как **западные стандарты законности**, то есть формальные демократические институты и частная экономика, **были установлены там в короткие сроки, западные этические стандарты не могли быть полностью усвоены,** и модели социальной этики и поведения догоняли институциональные изменения не везде с одинаковой скоростью. С одной стороны, там, где институты претерпели не такие сильные изменения и где в экономике преобладало бюрократическое управление (например, в государственной системе здравоохранения), блат продолжает свое существование, хотя для преодоления дефицита в новой капиталистической среде он трансформировался главным образом в денежную форму[1]. С другой стороны, традиционные семейные обязательства людей, занимающих государственные должности и позиции более низкого уровня, больше не являются социально приемлемыми. Добровольные типы коррупции, скорее, приняли вид безличных деловых связей, как на Западе.

1 *Kornai J.* Hidden in an Envelope.

5.4. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

5.4.1. Общие принципы

5.4.1.1. Характер государственного вмешательства: нормативность и дискреционность

Поскольку характерная черта государства — это монополия на легитимное применение насилия, то из этого следует, что характерной формой государственной деятельности является применение этого насилия. Если оно применяется к экономическим акторам или в рамках экономической сферы социального действия, такое положение можно обозначить как государственное вмешательство:

• ***Государственное вмешательство*** *— это деятельность государства на частном рынке, которая предполагает государственное принуждение для (a) совершения недобровольных сделок или (b) предотвращения добровольных.*

Первый момент, который следует здесь отметить, заключается в том, что государственное вмешательство означает **использование государством принудительных, внерыночных средств в экономике** [▸ 2.6]. В стабильной политической системе [▸ 2.2.1] государство по определению является единственным актором, который может делать это на законных основаниях, и именно то, что политические акторы могут использовать власть в социальном взаимодействии, отличает их от экономических и общинных акторов. Второй и тесно связанный с первым момент заключается в том, что, хотя государство, как и частные лица, может участвовать в добровольных сделках, например когда оно занимается торговлей или приватизацией [▸ 5.5.2], в наших терминах это нельзя обозначить как государственное вмешательство. В таких случаях

вмешательство государства в функционирование рынка ничем не отличается от вмешательства какого-либо актора, поскольку оно использует рыночные (а не внерыночные) механизмы.

В-третьих, государственное вмешательство в принципе возможно только в капиталистических экономиках, поскольку оно по определению требует наличия частного рынка, в который может вмешиваться государство. Поэтому в этой части мы не будем рассматривать коммунистические диктатуры и плановую экономику, где партия-государство регулярно использует принуждение в экономике, а частный рынок и вовсе ликвидирован в пользу централизованного планирования [▸ 5.6]. Наконец, опираясь на базовые принципы реляционной экономики, можно сказать, что **характер государственного вмешательства определяется отношениями между частными и публичными акторами**. Ниже мы подробно раскрываем эту мысль, используя типологию отношений, представленную в предыдущей части.

Начнем с **либеральной демократии** и конституционного государства. В этом типе режима **основной формой реляции** является **сотрудничество**, при котором группы интересов лоббируют определенные направления политики, а политики решают, какую из них следует принять во внимание. В этом и заключается **принцип общественных интересов**, которым руководствуется конституционное государство, согласно определению, приведенному в Главе 2. Кроме того, мы полагаем, что **общественные интересы состоят из определенных интересов конкретных групп**, а принцип общественных интересов означает, что эти группы вовлечены в прозрачный и формализованный процесс представления своих интересов, а также в процедуру принятия решений.

Эти **группы**, которые могут стать **мишенями** для государственного вмешательства, определяются положением в общественной структуре, то есть отвечают **нормативным критериям**, которым может теоретически соответствовать любой

член общества. Другими словами, такая группа может быть отраслью, классом, меньшинством, причем они определяются на основе абстрактного критерия, независимо от их персональных качеств. Всем гарантировано одинаковое отношение: каждый, кто соответствует критерию, автоматически входит в группу[1]. Из-за того, что людей можно отнести к группам, подвергающимся государственному вмешательству по нормативному критерию, конституционное государство рассматривает их таким же образом и вмешивается нормативно.

• ***Нормативное вмешательство*** *— это тип государственного вмешательства, которое направлено на социальную группу, соответствующую определенным критериям, независимо от того, кто конкретно к ней принадлежит. Другими словами, нормативное регулирование зависит от объективных и формальных критериев, не позволяющих относиться к людям поразному на основании их личности (безличное отношение, без двойных стандартов).*

Другими словами, нормативность означает, что государство проводит публичную политику, которая направлена на социальные явления, то есть на тех, кто входит в определенную социальную группу, и не связана с конкретными людьми. Проще говоря, нормативное вмешательство безлично, в соответствии с чем конституционные государства «систематически предоставляют гражданам и организациям услуги и блага на безличной основе <...>, то есть не обращая внимание на <...> идентичность и политические связи руководства организаций»[2]. **Получают выгоды или несут**

[1] Для функционирования государству требуется признавать людей членами определенных групп. Оно регистрирует людей как безработных, предпринимателей (определенной отрасли) или в каком-либо еще качестве, чтобы знать, к кому применять соответствующие законы. Однако, как правило, в конституционном государстве это несущественная техническая составляющая, а государственный аппарат действительно включает в группу всех тех, кто соответствует конкретному критерию.

[2] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 208.

убытки от нормативного вмешательства **все те, кто попадает в соответствующую социальную группу**.

С другой стороны, **коррупция есть не что иное, как проявление дискреционного отношения**. Люди, занимающие государственные должности, для того и участвуют в коррупционном сговоре, что могут сделать то, чего по закону сделать нельзя, то есть получить приоритетное по сравнению с другими людьми обращение. **Даже если законы, предусматривающие государственное вмешательство, формально нормативны, коррупция делает государственное вмешательство дискреционным**.

Влияние коррупции на государственное вмешательство зависит от того, насколько коррумпировано государство. **Чем больше степень его коррумпированности, тем более дискретным становится государственное вмешательство**, а коррупция все менее походит на отклонение от нормального функционирования государства. Чтобы сформулировать это более точно, следует обратиться к нашей терминологии государств с различным правовым статусом, приведенной в Главе 2. В Таблице 5.6 показано, какие формы коррупционного сговора из нашей типологии являются преобладающими в коррумпированном, плененном и криминальном государствах. (Слово «преобладающие» означает здесь, что помимо той формы, которую мы указываем как доминирующую в конкретном типе режима, в нем могут практиковаться и другие формы коррупции, однако только те, которые расположены ниже по иерархии. Это означает, что в плененном государстве может быть коррупция на свободном рынке, но в коррумпированном государстве не может быть присвоения государства, поскольку если бы это было так, то такое государство по определению должно было бы называться плененным.)

Отправная точка для понимания **государства** соответствует определению конституционного государства либеральных демократий, поскольку в нем **цели законодательного**

Таблица 5.6: Статус коррупции в государствах с различным правовым статусом

	Политический режим (тип государства)	**Доминирующая форма коррупционного сговора**	**Цели законодательного органа**	**Цели доминирующего института (тип)**	**Дискреционное обращение, возникающее, когда коррупция...**
Государство	Либеральная демократия (конституционное государство)	• коррупция на свободном рынке (эпизодическая)	нормативные	нормативные (формальные государственные законы)	не является целью ни законодательного органа, ни доминирующего института (неструктурное отклонение)
Коррумпированное государство		• коррупция на свободном рынке (эндемичная)	нормативные	нормативные (формальные государственные законы)	не является целью ни законодательного органа, ни доминирующего института (неструктурное отклонение)
Плененное государство		• сговор, инициированный государственным органом • протекция для корешей • захват государства снизу вверх • захват государства сверху вниз	дискреционные	нормативные (формальные государственные законы)	является целью законодательного органа, но не доминирующего института (структурное отклонение)
Криминальное государство	Патрональная автократия (мафиозное государство)	• криминальное государство	дискреционные	дискреционные (неформальные патрональные решения)	является целью и законодательного органа, и доминирующего института (норма / один из основных элементов)

органа, который создает законы или управляет какой-либо структурной единицей государства, совпадают с **целями доминирующего института** — в данном случае с формальными законами, которые предоставляют фактическую основу для политических действий и представляют собой нормативное вмешательство. Единственное условие, при котором эти **цели не выполняются**, это **наличие коррумпированного государственного чиновника**, который в разрозненных коррупционных сделках на свободном рынке предоставляет определенным людям дискреционное обслуживание. Такое положение дел можно назвать **неструктурным отклонением**, поскольку цели государства (то есть цели как законодательного органа, так и доминирующего института) противоречат подобной деятельности.

В коррумпированном государстве статус коррупции такой же, хотя коррупция на свободном рынке приобретает уже эндемичные черты. В плененном государстве, однако, случаи (a) сговора инициированного государственным органом, (b) протекции для корешей, (c) захвата государства снизу вверх или (d) захвата государства сверху вниз предполагают, что здесь у законодательного органа другие цели, поскольку теперь он предоставляет дискреционное обслуживание. В тех случаях, когда его цели, то есть дискреционность, не совпадают с целями доминирующего института, то есть нормативностью, коррупцию можно рассматривать как **структурное отклонение**.

Наконец, четвертый вариант представляет собой такой тип, когда дискреционность является целью как законодательного органа, так и доминирующего института. В этом случае роль доминирующего института берет на себя неформальная сеть, в результате чего **коррупция превращается из отклонения в норму** или даже более того — в **основополагающий элемент** режима. Именно так обстоят дела в **криминальных государствах**, которые, как мы отмечали в Главе 2,

являются центральным элементом мафиозного государства патрональных автократий [▸ 2.4.5]. **Стимулом для мафиозных государств,** в противоположность принципу общественных интересов, **являются интересы элит**, что подразумевает двойной мотив концентрации власти и накопления состояния приемной политической семьи. В отличие от нормативных групп конституционных государств, которые подвергаются государственному вмешательству, в мафиозных государствах такие **группы** определяются степенью их лояльности неформальной патрональной сети. Этот **критерий дискреционный**, и ему могут отвечать только определенные члены общества, то есть те, кого одобрил верховный патрон. Другими словами, государство стремится обслуживать определенные интересы приемной политической семьи, а критерием для включения в эту группу является персональное принятие. Невозможно автоматически войти в состав приемной политической семьи, а значит, каждый оценивается на индивидуальной основе и на основании этой оценки принимается или не принимается в политическую семью.

Поскольку выбор группы для государственного вмешательства совершается дискреционно, мафиозное государство осуществляет его соответственно:

• ***Дискреционное вмешательство*** *— это форма государственного вмешательства, направленная по решению главы государства (например, верховного патрона) на определенных людей (например, приемную политическую семью или ее врагов). Другими словами, дискреционное регулирование опирается на субъективные и неформальные критерии и позволяет относиться к людям в зависимости от их личности (персональный подход и двойные стандарты).*

Другими словами, дискреционность означает, что политика государства носит патрональный характер и направлена на конкретных индивидов. Такое вмешательство, в отличие от нормативного, персонально. **Конкретные лица, на которых**

оно направлено, получают выгоды или несут убытки, а мишенью для него в патрональных автократиях становится тот, на кого (дискреционно) укажет верховный патрон.

Государственное вмешательство может быть дискреционным как формально, так и неформально. **Формальное дискреционное вмешательство подразумевает отсутствие равенства перед законом**, когда в самих писаных законах упоминается конкретное лицо или компания, например когда они освобождаются от нормативного вмешательства (правовые нормы, налоги и т. д.). **Неформальное дискреционное вмешательство подразумевает отсутствие равенства после закона**, когда писаные законы сами по себе нормативны, но для реализации дискреционного подхода или изменения правовой базы используются неформальные отношения. Это делается всякий раз, когда дело касается того, кто, по мнению верховного патрона, не должен быть затронут.

Системный характер дискреционности в процессе государственного вмешательства прямо пропорционален масштабам коррупционного сговора и, следовательно, напрямую зависит от отсутствия разделения сфер социального действия. Такой вывод можно сделать, опираясь на определения используемых здесь концептов, поскольку, если проложить мысленный вектор от государства к криминальному государству, по мере движения от одного к другому, коррупционный сговор возникает на все более высоких уровнях, а публичная и частная сферы все больше смешиваются. В «государстве» идеального типа существует нормативное вмешательство без дискреционности в позитивном или негативном смысле. Однако чем более дискреционным становится характер вмешательства или чем более высоких уровней достигает коррупционный сговор, тем больше возможностей возникает для предоставления и получения прерогативного обращения. Наконец, в криминальном государстве **амплитуда произвола** достигает своего максимума [▸ 2.4.6]. Однако это не означает,

что криминальное государство совсем не использует никакое нормативное вмешательство. Напротив, когда возникает коррупция, дискреционное вмешательство как часть арсенала государства дополняет, а не заменяет нормативное. «Амплитуда» выражает здесь **диапазон выбора между различными видами вмешательства**, или, другими словами, способность государства осуществлять негативное и позитивное вмешательство по прихоти правящей политической элиты (или ее главы). **Чем шире амплитуда произвола, тем больше вариантов дискреционных решений доступно представителям власти**, а частные случаи государственного вмешательства размещаются между двумя конечными точками амплитуды.

Мы не приводим здесь схему, изображающую амплитуду произвола, поскольку ее можно найти в Главе 2 (Схема 2.2). На этой схеме есть горизонтальная ось с точками D1, D2 и т. д. Она показывает, как изменяются характер и масштабы произвола в зависимости от типа государства. Можно предположить, что эти изменения качественные, то есть типы могут быть представлены в дискретном виде, а не в непрерывном. Однако понятия «более высокий» и «более низкий» уровни, употребляемые в контексте коррупции, — это нечто большее, чем просто игра слов: **чем более высокий уровень мы рассматриваем, тем больше решений оказываются дискреционными и тем шире амплитуда произвола**. В коррумпированном государстве дискреционное вмешательство может достигать только правоприменительного уровня, и в нем не существует посредников коррупционных сделок, которые действовали бы дискреционно под принуждением. Следовательно, в этом типе государства нет коррупционных сетей, поскольку каждый коррумпированный административный служащий действует в рамках коррупции на свободном рынке (мелкая коррупция). В плененном и криминальном типах государства дискреционное вмешательство достигает высших уровней власти: оно становится структурным или основополагающим

элементом, а в крупных коррупционных сетях задействовано большое число посредников, которые связывают формально не связанных друг с другом акторов и институты государственного механизма (крупная коррупция)[1].

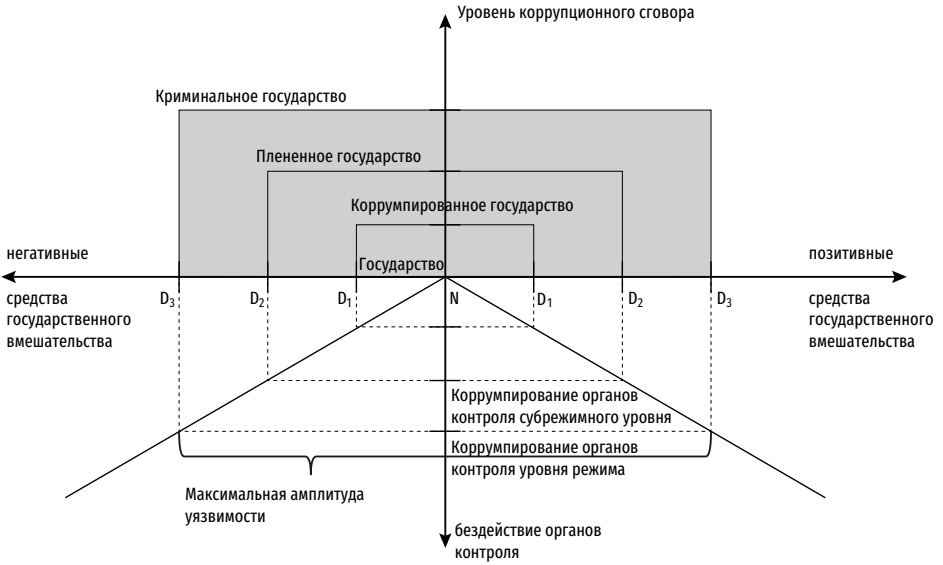
Если обобщить сказанное, **то разницу между государством идеального типа и криминальным государством можно представить как разницу между стремлением создать правила игры и стремлением построить патронально-клиентарную сеть**. В криминальном государстве патрональные отношения обусловливают государственное вмешательство, которое, в свою очередь, приводит к колоссальным выгодам и благосостоянию одних и суровым взысканиям и обнищанию других. Вместо рыночной экономики конкурирующих автономных акторов, насаждается реляционная экономика зависимых [▸ 5.6].

5.4.1.2. Инструменты государственного вмешательства

Описав характер государственного вмешательства, мы можем обратиться теперь к инструментам его применения. Для этого нам следует ответить на вопрос: что в реальности делают политические акторы, когда они нормативно или дискреционно вмешиваются в частную экономику? Ответ на него будет разным для государств с различным правовым статусом, что можно проиллюстрировать с помощью графика, аналогичного графику на Схеме 2.2 (Схема 5.11). Принципиальным отличием, однако, здесь является то, что на схеме из Главы 2 по мере движения к криминальному государству характер государственной деятельности (вмешательства) меняется, то есть

[1] На Схеме 2.2 расстояния между каждыми двумя соседними точками (тип государства) равны. Однако это условие не входит в наше определение, в котором принципиальным моментом является только то, что эта функция строго монотонно возрастает. Насколько велико это расстояние в реальности — вопрос эмпирического исследования каждого конкретного случая (тип политики).

Схема 5.11: Корреляция между инструментами государственного вмешательства, уровнем коррупционного сговора и бездействием органов контроля



Условные обозначения: N: нормативное вмешательство: бюджетное / регуляционное / с отъемом собственности; D_1: дискреционное применение вмешательства; D_2: дискреционное вмешательство субрежимного уровня: бюджетное / регуляционное / с отъемом собственности; D_3: дискреционное вмешательство высокого уровня: бюджетное / регуляционное / с отъемом собственности (Примечание: пунктирные линии добавлены для ясности. Надзорное вмешательство включено в каждый из четырех пунктов.)

в разных типах государства отличается и качественно, и количественно. Но, как мы отмечали ранее, **инструменты государственного вмешательства не сменяют, но дополняют друг друга** в разных типах государства. Иначе говоря, чем более высоких уровней достигает коррупция, тем больше инструментов становится доступно политическим акторам, при том что инструменты, применяемые при коррупции более низкого уровня, сохраняются, в соответствии с общим характером государственного вмешательства, описанным выше. Точнее, **в коррумпированном государстве** государственные акторы применяют нормативные инструменты, а коррумпированные

административные служащие влияют на это применение, но первые все еще имеют решающее значение, поскольку последние не принимают новые законы, а лишь налагают незаконное право вето на применение существующих норм. **В пленном государстве** политические акторы, принадлежащие к элитам, используют вмешательство дискреционно, а не коррумпированные — нормативно, тогда как некоторые случаи применения дискреционных инструментов, которые в коррумпированном государстве использовались независимыми административными служащими, здесь входят в компетенцию посредников из коррупционных правительственных сетей. Наконец, **в криминальном государстве** все административные служащие встроены в однопирамидальную патрональную сеть и по указанию верховного патрона дискреционно оказывают влияние на применение инструментов вмешательства, при том что нормативные случаи вмешательства сосуществуют с дискреционными и приспособлены для удовлетворения потребностей приемной политической семьи.

Что касается содержания законов, то, хотя для различных капиталистических экономик ученые разработали различные типологии государственной деятельности[1], в рамках нашего исследования мы предлагаем ту, которая приведена ниже. По нашему мнению, **государственное вмешательство** делится на четыре основные группы:

- **регуляционное вмешательство**, включающее в себя государственное регулирование, например надзор, запреты или ограничение доступа к рынку через субсидирование монополий;
- **бюджетное вмешательство**, включающее в себя любое вмешательство, которое является частью процесса перерас-

[1] Пример типологии в парадигме «разновидностей капитализма» см.: *Levy J. D.* The State after Statism: From Market Direction to Market Support // The State After Statism: New State Activities in the Age of Liberalization. Cambridge: Harvard University Press, 2006.

пределения доходов, например взимание налогов и последующие государственные расходы;

• **вмешательство с отъемом собственности**, то есть государственное отчуждение (национализация) неденежного имущества, такого как земля или компании частных акторов;

• **надзорное вмешательство**, включающее в себя работу различных контролирующих инстанций государства, таких как полиция и налоговая служба.

Надзор, как правило, не считается одной из форм государственного вмешательства, поскольку в неоклассической макроэкономике государство прибегает к вмешательству для реализации общественного блага, а наличие надзорных органов — это лишь техническая сторона дела, предоставляющая средства или механизмы контроля, которые делают возможными три других типа (нормативного) вмешательства. Однако эти инстанции в ходе обязательных проверок используют государственное принуждение, что делает их агентами государственного вмешательства даже в либеральных демократиях[1]. По мере движения от конституционного государства в сторону криминального, эти инстанции все меньше выполняют свою контрольную функцию и все больше становятся инструментами политически выборочного правоприменения [▸ 4.3.5]. В экономике такие надзорные органы могут применяться для дискреционного формирования определенной среды для деятельности экономического актора: например он может проходить постоянные (налоговые или иные) проверки или никогда им не подвергаться, на него могут налагаться или не налагаться штрафы и т. д. Короче говоря, **надзорное вмешательство становится не гарантией нормативности, а инструментом дискреционности** [▸ 4.3.5, 5.5.4].

Из этого следует, что, по мере движения от низких форм коррупции к высоким, надзорное вмешательство становится

1 Ср.: *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 135–137.

все более коррумпированным. Таким образом, тогда как бездействие контрольных механизмов является одним из ключевых условий для успешных коррупционных сделок, коррупция в более широком смысле подразумевает, что **контролирующие органы вынуждены принимать сторону коррумпированных акторов**, закрывая глаза на коррупцию с их стороны (**крыша**) и чрезмерно вмешиваясь в деятельность тех, на кого нацелено государственное вмешательство.

В нашей точке отсчета, которую мы обозначили как «**государство**», **контролирующие органы работают должным образом**, а государство применяет **все четыре типа вмешательства нормативным образом**. В **коррумпированном государстве** коррупция на свободном рынке может стать эндемичной только в том случае, если механизмы контроля отключены на местном уровне, то есть акторы, ответственные за предотвращение коррупции в пораженной ею сфере государственного управления, игнорируют преобладание в ней коррупционных связей. Следовательно, становится возможен **дискреционный запрет на применение нормативного государственного вмешательства**, как правило, в обмен на взятку (откат).

В условиях коррумпированного государства коррумпированные контролирующие органы нечасто применяются для поражения определенной цели, поскольку административные служащие участвуют в коррупционных сделках лишь изредка, и происходят они по инициативе частного сектора. Конечно, некоторые акторы могут попытаться использовать контролирующие органы для снижения конкуренции со стороны других коррумпированных акторов, но поскольку каждый такой актор связан только с несколькими контролирующими органами, и ни один из них не контролирует всю инстанцию целиком, такое проявление враждебности может привести к потере коррупционного бизнеса для обеих сторон. Иначе обстоят дела в **плененном государстве**, где **дискреционные решения о применении государственного вмешательства**

принимаются на субрежимном уровне, то есть в сфере, находящейся в ведении одного подразделения государственного аппарата (государственная организация, министерство, муниципалитет и т. д.), которую они могут локально монополизировать для проведения в ней коррупционных сделок. По мере развития более устойчивых коррупционных схем коррумпированные акторы могут монополизировать местный рынок или просто заключать сделки, которые не могли бы быть заключены без угрозы выборочного правоприменения, чему содействуют брокеры-коррупционеры в рамках государственной иерархии. Наконец, в **криминальном государстве все виды вмешательства могут быть дискреционными, при том что механизмы контроля выведены из строя на уровне режима**. Формально контролирующие институты становятся неформальным оружием в руках верховного патрона, который может инициировать как надзорное вмешательство, так и централизованное хищничество, используя бескровные средства государственного принуждения.

Наряду с амплитудой произвола, которая расширяется по мере того, как государственное вмешательство становится все более и более дискреционным, мы также можем обнаружить непрерывное увеличение **амплитуды уязвимости**. С точки зрения **негативного государственного вмешательства**, то есть такого, которое направлено на ущемление прав или причинение ущерба определенным экономическим акторам, уязвимость означает коррумпированность контрольных механизмов и способность **акторов, подверженных атаке, защитить себя через привлечение формальных институтов**. Чем ближе государство к криминальному типу, тем больше возможностей у коррумпированных акторов для использования надзорного вмешательства в собственных интересах, и, следовательно, тем к меньшему количеству автономных правовых институтов могут обращаться подвергающиеся атакам акторы в надежде, что у тех есть возможность и желание их защищать (через

применение эффективных механизмов контроля)[1]. С точки зрения **позитивного вмешательства**, то есть такого, которое направлено на улучшение положения определенных экономических акторов, уязвимость означает зависимость **приоритетных акторов от государства как единственного источника их благосостояния**. В условиях рыночной экономики, свободной от дискреционного вмешательства, потребители выбирают покупать или воздерживаться от покупки, поэтому именно они решают, какой бизнес выживет и будет успешно развиваться, а какой будет вынужден прекратить существование. Суть дискреционного вмешательства заключается именно в том, чтобы изъять эту власть из рук потребителей и передать ее политическому актору, который с ее помощью сможет вознаграждать экономических акторов. Однако **чем в большей степени успех экономического актора является результатом дискреционного вмешательства, а не конкурентоспособности и рыночной эффективности, тем меньше этот актор может сохранять и преувеличивать свое состояние автономно** и тем больше он становится зависимым от правящей политической элиты и ее дискреционных одолжений. Возможно, некоторые клиенты обладают предпринимательскими навыками, при помощи которых в условиях свободного рынка они могли бы получать прибыль, особенно если они вступают в коррупционные отношения под принуждением, а не выбирают их добровольно, предпочитая их существующему рынку [▸ 5.3.2.3]. Тем не менее роль клиента в патрональной сети, как правило, предполагает более высокую прибыль и требует меньше (инновационных) усилий, чем роль предпринимателя в конкурентной борьбе [▸ 5.5.4.3], что означает, что те же акторы не смогли бы скопить такое же состояние без дискреционной поддержки. Кроме того, как справедливо указывает Тамаш Галлаи, кон-

[1] Ср.: *Easter G.* Revenue Imperatives: State over Market in Postcommunist Russia // The Political Economy of Russia. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. P. 60–61.

курентоспособные бизнесмены, как правило, обладают упрямым, независимым характером, что также подразумевает слабую переносимость зависимого положения, чего нельзя сказать о клиентах в патрональной сети[1]. Общий смысл заключается в том, что чем обширнее дискреционное вмешательство, тем шире амплитуда уязвимости. **Разница между коррумпированным и криминальным типами государства — это разница между единичными, отдельными коррупционными сделками и вассальной, патрональной зависимостью.**

В последующих частях мы подробно останавливаемся на двух из четырех типов государственного вмешательства: регуляционном и бюджетном. Что касается надзорного вмешательства, то, во-первых, мы уже анализировали политически избирательное правоприменение в предыдущей главе [▸ 4.3.5], а во-вторых, несколько предыдущих абзацев были посвящены видам и влиянию надзорного вмешательства. Мы не выделили для надзорного вмешательства отдельную часть, поскольку оно имеет более общий характер, чем три других типа, и фактически заключает их в себе. Что касается вмешательства с отъемом собственности, мы решили описать его в контексте понятия собственности в следующей части, где мы предлагаем более широкую аналитическую основу для осмысления национализации и прав собственности [▸ 5.5].

5.4.2. Регуляционное вмешательство: разновидности создания ренты

5.4.2.1. Основные определения

Регуляционное вмешательство в широком смысле означает использование государственного принуждения для предотвращения свободного обмена между людьми. Например, государство,

[1] *Gallai T.* Mennyire veszélyes Oroszország a Nyugat szabadságára? [Насколько Россия угрожает свободе Запада?] // Neokohn. 30.11.2019. URL: https://neokohn.hu/2019/11/30/mennyire-veszelyes-oroszorszag-a-nyugat-szabadsagara/.

опираясь на свою монополию на легитимное применение насилия, может запретить продажу определенного товара или установить ограничения на их цену[1]. Типичным примером **контроля цен** является закон о минимальном размере оплаты труда, который устанавливает минимальный уровень оплаты, ниже которого трудовой найм запрещен. Что касается **ограничений на продажу товаров**, то в них входит (a) **полный запрет**, когда никто не может продать или купить товар, и (b) **частичный запрет**, когда товар могут купить или продать только те, у кого есть на это разрешение. Подобные разрешения могут принимать различные формы, от лицензий на право ведения профессиональной деятельности и соблюдения законодательства об охране труда и защите прав потребителей до прямого **субсидирования** определенных производителей, которые были выбраны для ведения **монополизированной** государственной деятельности[2]. Таким образом, как частичный запрет, так и контроль цен означают **запрет**, поскольку в таких условиях некоторые виды экономической деятельности оказываются запрещены, в частности деятельность тех, кто не получил на нее «добро» от государства. На регулируемом рынке бизнесом могут заниматься только те, кто отвечает требованиям государства; всем остальным в принудительном порядке запрещается продавать и/или покупать (делать предложения). Несанкционированный обмен на регулируемом рынке подлежит уголовному преследованию со стороны государства[3].

В результате частичного запрета **появляются барьеры для входа** на определенный рынок, уже существующие участники которого в большей или меньшей степени защищены от потенциальных конкурентов, которым, в свою очередь,

1 *Rothbard M.* Man, Economy, and State with Power and Market: The Scholar's Edition. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 2011. P. 1075.

2 Пример метаанализа см.: *Dal Bó E.* Regulatory Capture: A Review.

3 *Stigler G.* The Theory of Economic Regulation // The Bell Journal of Economics and Management Science. 1971. Vol. 2. № 1. P. 13.

приходится оплачивать фиксированные издержки, прежде чем они смогут начать конкурировать. С точки зрения тех, кто хочет войти на рынок, регуляционное вмешательство — это частный случай **закрытия открытого рынка**. Вебер различает открытые и закрытые социальные отношения. По его мнению, отношение «называется открытым вовне, если и поскольку участие в социальном действии, которое его конституирует, согласно смыслу этого действия и регулирующему его порядку не запрещено никому, кто к этому способен и склонен. <...> Закрытым вовне оно является, если и поскольку <...> регулирующие его порядки исключают или ограничивают участие, или связывают его с определенными условиями»[1]. Основываясь на этом различии, мы предлагаем следующие определения для закрытого и открытого рынков:

• ***Открытый рынок*** *— это тип рынка, вход на который для новых участников не зависит от решений государства или уже существующих участников.*

• ***Закрытый рынок*** *— это тип рынка, вход на который для новых участников зависит от решений государства или уже существующих участников.*

С экономической точки зрения, определение открытого рынка ближе всего к определению совершенной конкуренции, с той лишь разницей, что в последней нет никаких барьеров для входа[2], тогда как на открытом рынке такие барьеры могут быть, но они создаются не государством или существующими участниками (например, расходы на обучение или покупка оборудования для бизнеса). В свою очередь, определение закрытого рынка ближе всего к определению монополии, с той лишь разницей, что монополия подразумевает единственного продавца, тогда как на закрытом рынке может быть много продавцов, если привилегированное право входа на рынок предоставляется

[1] *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 100–101.

[2] *Вэриан Х.* Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход. М.: ЮНИТИ, 1997. С. 424–426.

большому числу акторов. Таким образом, «закрытость» представляет собой не единственный набор условий, а целый ряд: **чем труднее преодолеть барьеры, создаваемые государством или участниками рынка, тем рынок более закрытый**.

Хотя наше определение учитывает возможность того, что рынок могут закрыть частные акторы[1], в данный момент нам важно обратиться к государственному вмешательству и тем случаям, **когда закрытые рынки создаются при помощи законодательства**. Регуляционное вмешательство приносит выгоды должностным лицам, которые, в частности, могут сократить производство и повысить цены, одним словом, при прочих равных условиях могут добиться **более высоких прибылей** благодаря (частичной) защите от потенциальной конкуренции[2]. Взяв за основу идеи Селеньи и Михайи, мы называем разницу между прибылью, полученной на открытом и закрытом рынках, рентой[3].

• ***Рента*** *— это прибыль, возникающая в условиях отсутствия конкуренции. Другими словами, рента — это разница между (1) доходом, который мог бы быть получен на открытом рынке, и (2) фактическим доходом, полученным в условиях закрытого для определенных участников рынка.*

В этом смысле рента отражает «**размер стоимости упущенных возможностей**. Это означает, что как доход, так и себестоимость следует рассматривать с точки зрения упущенных

1 Наиболее наглядно это проявляется в случае, когда возможность войти на рынок зависит от наличия прав собственности на тот тип актива, который не может получить никто, кроме участников рынка, например запатентованные технологические инновации или принадлежащий частному лицу природный ресурс, который не имеет приемлемых аналогов. *Szelényi I., Mihályi P.* Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality. P. 64.

2 *Вэриан Х.* Микроэкономика. Промежуточный уровень. С. 452–456.

3 *Szelényi I., Mihályi P.* Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality. P. 57–58. Хотя наши определения открытого и закрытого рынков похожи на те, что предлагают Селеньи и Михайи, все же они не идентичны им. Тем не менее рынок, который мы определяем как закрытый, также подпадает под их определение закрытого рынка.

возможностей. [Таким образом], доход от продажи какого-либо ресурса — это не фактический доход от его продажи, а потенциальный доход в случае, если бы ресурс был продан по рыночной цене. Другими словами, это то, что можно было бы получить, если бы ресурсы использовались эффективно. Кто-то может возразить нам, сказав, что **разница между тем, что потенциально можно заработать на продаже определенного количества ресурса, и фактическим доходом, полученным от этой продажи,** это упущенный доход и, следовательно, ее не следует анализировать как часть общей ренты. Однако мы настаиваем, что эта „упущенная" сумма является одной из важнейших составляющих ренты, и **само ее наличие свидетельствует о решениях, принимаемых при использовании благ**» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1].

В литературе есть несколько определений ренты, которые шире по смыслу, чем наше, и ближе к понятию, которое ввел Адам Смит, а именно к ситуации, когда можно «пожать, не посеяв», то есть получить материальные ценности без их создания[2]. Однако большинство возможностей для этого проистекают из того, что правительства закрывают открытые рынки, и специализирующиеся на ренте экономисты действительно изучают преимущественно такие случаи[3]. Таким образом, использование нашего определения ренты не подразумевает отказа от того, которое принято в существующей литературе. Скорее, для нашего исследования мы находим его более подходящим, поскольку в нем уделяется особое внимание режимам и тому, как структура политической власти влияет на экономические механизмы.

[1] *Gaddy C., Ickes B.* Russia's Dependence on Resources // The Oxford Handbook of the Russian Economy. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. P. 311.

[2] Пример метаанализа см.: *Szelényi I., Mihályi P.* Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality. P. 25–51.

[3] *Congleton R. D., Hillman A. L.* Companion to the Political Economy of Rent Seeking. Northampton: Edward Elgar Pub, 2015.

5.4.2.2. Нормативно- и дискреционно-закрытые рынки

На регулируемом рынке, то есть на рынке, который был закрыт государством через регуляционное вмешательство, именно государство решает, кто получит возможность участвовать в конкуренции. **Если в основе решений государства лежат нормативные критерии**, то такой **рынок** является **нормативно-закрытым**. Нормативные критерии **заранее определены в формальных законах**, и, хотя они и создают барьеры для входа на рынок, любой, кто им отвечает, автоматически допускается к участию в конкуренции. Типичным примером нормативных критериев являются различные **лицензии**, такие как лицензия на право ведения профессиональной деятельности или разрешение на импорт. Их владельцы получают ренту, которая образуется вследствие того, что интенсивность конкуренции искусственно занижается[1].

В конституционном государстве, где отсутствует коррупция, к участию в конкуренции должны быть допущены все, кто отвечает формальным критериям. **Если публичный актор может дискриминировать некоторых участников**, то есть (a) допустить актора, который не соответствует необходимым критериям (дискреционное вознаграждение), и (b) не допустить того, кто им соответствует (дискреционное наказание), то такой **рынок** называется **дискреционно-закрытым**. Чтобы стать участником рынка в коррумпированном государстве, требуется дать взятку административному служащему, а если кто-то отказывается платить, то за этим следует недопуск, независимо от того, были ли соблюдены формальные критерии. Таким образом, вместо нормативного сбора ренты, который осуществляется в условиях не коррумпированного аппарата управления, здесь возможности для ее сбора становятся

[1] *Стиглер Дж.* Теория экономического регулирования // *Стиглер Дж.* Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. С. 197–249.

персонализированными[1]. Однако **в коррумпированном государстве амплитуда произвола относительно невелика**, что означает, что размер запрашиваемой взятки ограничен, равно как и возможности административных служащих менять условия сделки и дискреционно отказывать кому-либо в доступе к рынку, несмотря на то, что он выплатил условленный откат. **С политической точки зрения,** это можно объяснить тем, что (1) **ни один коррумпированный актор не способен отключить все механизмы контроля** или использовать органы государственного принуждения в качестве посредника в коррупционной сети, и (2) **каждому административному служащему предоставляется автономия**, то есть он не получает приказы сверху о том, кому конкретно нужно предоставить преимущества, а кому причинить вред, и может «свободно» участвовать в коррупционных сделках. Из этого вытекает **экономическое обоснование** ограниченного размера взяток и относительной надежности коррупционных соглашений, а именно **конкурентная природа коррупции на свободном рынке**. В целом, поскольку административных служащих с аналогичными полномочиями существует очень много, поставщики коррупции не являются монополистами и могут быть многочисленны. Как пишет Холкомб, «если <...> разрешения на ввоз могут предоставлять десятки таможенных пунктов в нескольких портах въезда, то в случае отказа в первом из них, получатели ренты могут обратиться во второй (или третий) пункт. Между несколькими таможенными пунктами возникает конкуренция в предоставлении ренты <...>, что сокращает размер отката, который они могут потребовать»[2]. При таком положении вещей высокий уровень конкуренции и низкий уровень дискреционности, который могут допустить политические акторы на закрытых рынках,

1 *Kaufmann D.* Corruption: The Facts // Foreign Policy. 1997. № 107. P. 114–131.
2 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 115.

могут даже обуздать коррупцию, так что она станет хотя и неформальным, но все же фиксированным барьером для входа на рынок. Этот барьер предприниматели могут расценивать как «специальный таможенный сбор», почти как если бы он был закреплен законодательно[1]. Тем не менее тот факт, что процессом принятия решений все еще руководит коррумпированный административный служащий, содержит в себе потенциальный **риск наличия дискреционности**, что означает, что рынок все еще следует считать дискреционным, хотя он довольно близок к нормативно-закрытому типу[2].

В плененном или криминальном государстве дискреционно-закрытый рынок, где коррумпированные акторы имеют возможность осуществлять **дискреционное регуляционное вмешательство** (на уровне режима или субрежимном уровне), совершенно иной. В отличие от нормативного вмешательства, такого как выдача лицензий, дискреционное вмешательство нацелено на конкретных акторов и либо предоставляет им вознаграждение, либо наказывает. Существует четыре идеальных типа дискреционного регуляционного вмешательства с использованием как неформальных, так и формальных инструментов (на практике эти типы могут совмещаться):

1. Формально-дискреционный подход. Государство может принимать дискреционные законы, такие как законы по индивидуальному заказу [▸ 4.3.4.2], при помощи которых оно предоставляет определенной фирме конкурентное преимущество, например освобождает ее от ранее существовавшего или вновь введенного нормативного требования, которое другие (уже существующие и потенциальные конкуренты) должны выполнять. Или, наоборот, ставит ее в невыгодное

1 Вебер также пишет, что коррупция становится затруднительной, прежде всего когда взятки «крайне непостоянны», а коррупционные сделки «представляют собой результат вырождения нерегламентированного права взимания платежей» (*Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 1. С. 278).

2 Ср.: *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 135–137.

положение тем, что принуждает к исполнению требований, не обязательных для других.

2. Неформальный дискреционный подход. Конкурентное преимущество (или невыгодные условия) может быть предоставлено и через применение неформальных инструментов, например комбинацию требований и выборочного правоприменения (надзорное вмешательство). В теории все фирмы должны соблюдать законы, но на практике механизмы контроля либо отключены (дискреционное вознаграждение), либо более активно применяются в отношении конкурентов олигарха или подставных лиц (дискреционное наказание).

3. Монополизация рынка. Преференциальные требования проще всего сделать дискреционными, если допустить к участию на существующем рынке только тех, кто находится в привилегированном положении. После того как при помощи регуляционного вмешательства рынок был «зачищен», олигарху или подставному лицу предоставляется монопольное право на поставку определенного товара, подкрепляемое государственным принуждением.

4. Создание рынка. Наконец, государство может создать рынок, вовлекая частных лиц в ранее несуществующую экономическую деятельность. После этого в ходе формально нормативной конкуренции за право производить определенные товары (и извлекать ренту), которая сдерживается неформальными средствами, олигарху или подставному лицу предоставляется монопольное право на осуществление этой деятельности.

Как мы отмечали в предыдущей главе, непосредственное применение дискреционных законов, хотя и встречается[1],

[1] Например, в России в 2007 году «был фундаментальным образом пересмотрен закон о государственных корпорациях, предоставляющий конгломератам [олигарха] налоговые льготы, широкие послабления в плане соответствия требованиям и независимость от местных государственных органов с точки зрения ведения бизнеса» (*Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged. P. 111).

но все же менее распространено, чем опосредованное применение дискреционного права, то есть создание законов по индивидуальному заказу. В целом эта практика и формальный дискреционный подход, как правило, требуют деактивации на уровне режима таких механизмов контроля, как конституционный суд, который может аннулировать требования, нарушающие принцип конкурентного нейтралитета. Следовательно, такой подход практикуется чаще всего в криминальном государстве, но не в плененном. Так или иначе **целью дискреционного регуляционного вмешательства являются дискреционно-закрытые рынки**, деятельность на которых разрешается только избранным, а все остальные либо исключаются из этого процесса, либо вынуждены выполнять такие правила и требования, от которых клиенты освобождены.

До этого момента мы сравнивали нормативно- и дискреционно-закрытый типы рынков, взяв за основу разновидности государственного вмешательства. Второй критерий, по которому их можно сравнить, это выгода для **инкумбентов**. При **нормативных требованиях** выгоды и убытки **нормативны и не подлежат исключению**. Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к такому феномену, как тариф, который является классическим примером создания ренты в либеральных демократиях и на деле представляет собой не что иное, как регуляционное требование оплатить взнос (налог) за вход на внутренний рынок[1]. Тариф можно трактовать как барьер для доступа к какому-либо товару, который негативно влияет на всех, кто этот товар производит (нормативность), и дает преимущества всем национальным производителям, действующим теперь в условиях более слабой конкуренции (неисключаемость). С другой стороны, в случае четырех типов дискреционного регуляционного вмешательства, которые мы выделяем, а также дискреционного подхода, возникающего

1 *Tullock G.* The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft // Economic Inquiry. 1967. Vol. 5. № 3. P. 224–232.

в коррумпированном государстве в результате эпизодических коррупционных сделок, круг получающих выгоды сужается до запрашивателей коррупционных услуг. Дискреционное обращение предоставляется только тем, кто платит за преференциальное к себе отношение, либо тем, кого в этом качестве утвердит патрон, тогда как другие участники рынка несут убытки (нормативно) по сравнению с коррумпированными акторами, получившими конкурентное преимущество. Таким образом, можно сказать, что в условиях **дискреционно-закрытого рынка выгоды являются дискреционными и могут быть исключены.**

Третий критерий, который мы используем для сравнения нормативно-закрытых рынков с дискреционно-закрытыми, это назначение **платежей**, получаемых публичными акторами от частных за различные услуги, связанные с извлекаемой рентой. По нашему мнению, существует три разновидности оплаты государственных услуг: (1) плата за вход на закрытый рынок, (2) плата за создание ренты и (3) плата за сохранение ренты, то есть за то, чтобы выгодный (нормативно или дискреционно) статус-кво не менялся[1]. На нормативно-закрытом рынке первый тип представляет собой **нормативный сбор**, взимаемый органами государственного управления за такие услуги, как предоставление права заниматься определенной профессиональной деятельностью (выдача лицензий или сертификатов и т. д.)[2]. Что касается (2) и (3) типов, то политики могут требовать взятку или каких-то незначительных личных выгод, но прежде всего они используют эти реляции для укрепления своего политического положения

[1] В литературе требование этого третьего типа платежа называется извлечение ренты. См.: *McChesney F.* Money for Nothing: Politicians, Rent Extraction, and Political Extortion. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

[2] Бывает так, что государства не требуют оплаты подобных административных услуг. В этих случаях можно сказать, что запрашиваемый платеж нормативно равен нулю.

[▸ 5.3]. Политические выгоды включают в себя, как правило, финансирование избирательных кампаний группами интересов, которые предоставляют таким образом конкурентное преимущество политику или политической партии[1]. На дискреционно-закрытом рынке **коррумпированного государства** в качестве **взятки** коррумпированным административным служащим выступает только первый тип. **Однако в случаях захвата государства сверху вниз или криминального государства**, где формируются неформальные патрональные сети, взятки, а также финансирование избирательных кампаний не наблюдаются вовсе. Как отмечает Григорий Явлинский, «использование ресурсов частного бизнеса для получения выборных должностей [в патрональных автократиях] довольно проблематично, поскольку авторитарная „вертикаль власти" контролирует выборы, а также и в первую очередь потому, что очень немногие выборные должности предоставляют какую-либо реальную власть и свободу действий»[2] [▸ 4.3.3, 4.3.4.4]. Таким образом, здесь можно выделить три других типа платежей, которые могут запрашивать патроны:

1. **Личные выгоды** в форме платы за крышу;

2. **Экономические выгоды** в форме неформального приобретения частичных прав собственности на имущество пользующегося привилегиями экономического актора (то есть этот актор становится подставным лицом патрона [▸ 5.5.3.5], который теперь неформально обладает, по крайней мере, частью его собственности);

3. **Патрональные выгоды** в форме лояльности патрону и готовности выполнять его неформальные приказы.

Наконец нормативно- и дискреционно-закрытые рынки различаются по **характеру извлечения ренты** (*rent-seeking*).

1 Пример выдающейся работы на эту тему см.: *Grossman, G., Helpman E.* Protection For Sale // Working Paper. National Bureau of Economic Research, 1992. URL: http://www.nber.org/papers/w4149.

2 *Yavlinsky G.* The Putin System: An Opposing View. P. 103–104.

Хотя термин «извлечение ренты» стал также обозначать деятельность по сбору ренты, в своем первоначальном экономическом смысле он означал прежде всего попытки участников рынка убедить правительство установить барьеры для входа на рынок для своей выгоды (то есть их усилия, направленные на поиск ренты)[1]. Хотя в **конституционном государстве** рынки становятся закрытыми из-за применения регуляционного вмешательства и исключения некоторых потенциальных конкурентов, поиск ренты остается **открытым и конкурентным**, то есть государство не устанавливает барьеры для поиска ренты как такового[2]. Любой может лоббировать снизу вверх предпочтительные для него требования, а у правительства нет заранее составленного списка победителей (и проигравших), которым предоставляются привилегии сверху вниз, независимо от их лоббистских усилий[3]. Однако это приводит к явлению, которое в литературе об извлечении ренты обозначается как **рассеивание ренты** (*rent dissipation*)[4]. Чтобы получить ренту, группы интересов тратят ресурсы на лоббирование, и эта деятельность сокращает их приобретения. Иначе говоря, они не просто извлекают ренту, но должны заплатить за это сумму, которая на конкурентном рынке, где несколько групп интересов ведут борьбу за определенные возможности, может даже равняться

1 Пример выдающейся работы на эту тему см.: *Buchanan J., Tollison R., Tullock G.*, eds. Toward a Theory of the Rent-Seeking Society. College Station: Texas A & M University, 1980.

2 Холкомб утверждает, что в демократической среде высокие транзакционные издержки (взимаемые не государством) являются в глазах масс барьером для доступа к извлечению ренты, и именно поэтому элита практически всегда получает ренту за счет масс. См.: *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 111–115.

3 Пример метаанализа борьбы за извлечение ренты см.: *Long N. V.* The Theory of Contests: A Unified Model and Review of the Literature // Companion to the Political Economy of Rent Seeking. Northampton, MA: Edward Elgar Pub, 2015. P. 19–52.

4 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 102–115.

размеру самой ренты[1]. Другими словами, прибыль, которую получатели ренты извлекают из своего предоставляемого государством положения, должна также учитывать стоимость приобретения этого положения. Таким образом, объем их ренты в результате конкуренции снижается, и происходит ее рассеивание.

Очевидный способ сократить рассеивание ренты — это создать барьеры для доступа к извлечению ренты, то есть сделать так, чтобы рынок извлечения ренты стал **закрытым и неконкурентным**. Как отмечает Холкомб, «[извлечение ренты], осуществляемое теми, кто ее создает, должно ограничивать конкуренцию за эту ренту, так что не вся рента подвергается рассеиванию. <...> **Создание такого барьера для доступа укладывается в логику автократий, потому что автократу это выгодно**» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[2]. Насчет того, что представляет собой этот барьер, Холкомб полагает, что он может быть установлен «путем ограничения доступа к ренте только для близких соратников автократа <...> или для тех, кто предлагает выплатить автократу определенную сумму в обмен на возможность извлекать ренту»[3]. Таким образом, последний вариант подпадает под определение таких моделей коррупции, как протекция для корешей или захват государства снизу вверх, тогда как первый вариант можно наблюдать, когда автократ может по своему усмотрению распоряжаться всеми ветвями власти и закрывать рынки (то есть в криминальном государстве).

1 Основная литература об извлечении ренты утверждает, что группы интересов готовы тратить суммы, достигающие величины самой ренты (то есть они могут получить только обычную прибыль, как в условиях совершенной конкуренции). Опираясь на поведенческую экономику, Холкомб утверждает, что для этого требуется рискованное поведение, а оно маловероятно, поэтому наиболее вероятным здесь является небольшое рассеивание ренты. См.: *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 107–110.

2 Ibid. P. 112.

3 Ibid. P. 107.

Таблица 5.7: Сравнение нормативно- и дискреционно-закрытых рынков

	Нормативно-закрытый рынок	**Дискреционно-закрытый рынок**
Решение о предоставлении входа или недопуск	нормативное	дискреционное
Формальность требований	формальные	формальные / неформальные
Выгоды и издержки должностных лиц	нормативные (отраслевые) и не подлежат исключению	дискреционные (персонализированные) и могут быть исключены
Плата за вход (не подлежит исключению)	• нормативная плата	• личные выгоды (откат / плата за крышу) • экономические выгоды (права собственности) • патрональные выгоды (лояльность)
Плата за создание (и сохранение) ренты	• политические выгоды (например, финансирование кампаний) • личные выгоды (откат)	
Характер извлечения ренты	открытый / конкурентный (отсутствует устанавливаемый государством барьер для входа)	закрытый / неконкурентный (государство устанавливает барьер для входа)

В качестве итога изложенному в Таблице 5.7 приведены основные характеристики нормативно- и дискреционно-закрытых рынков. Наша терминология похожа на терминологию Норта и его соавторов, поскольку предлагаемое ими сравнение порядков открытого и ограниченного доступа («естественных государств») применимо также к режимам с нормативно- и дискреционно-закрытыми рынками [▸ 2.4.6]. В отношении получения ренты в либеральных демократиях мы, несомненно, менее оптимистичны, чем авторы, но мы согласны с их утверждением о том, что «создание ренты, которое приносит выгоду только узкой группе интересов, <...> гораздо менее вероятно в обществе открытого доступа, чем в естественном государстве. Напротив, создание ренты, которое приносит выгоды большой, охватывающей широкие

слои населения группе <...> произойдет с гораздо большей вероятностью в обществе открытого доступа, чем в естественном государстве»[1].

5.4.2.3. Получатели ренты: от групп интересов до патрональных сетей

Ренту получают, как правило, те, кто в ней заинтересован. Иначе говоря, здесь уместно вспомнить основную предпосылку реляционной экономики, а именно, что политические решения вытекают из реляций, то есть акторы, которые могут извлечь выгоду (или понести убытки) из каких-либо норм и требований, заинтересованы действовать соответственно и с учетом этого пытаются влиять на деятельность государства.

В либеральных демократиях этим занимаются, как правило, **группы интересов**, основной функцией которых является представление интересов законным и прозрачным способом [▸ 4.3.2.3]. Теоретически, образовывать группы интересов в либеральных демократиях могут общинные акторы (такие как граждане или церкви), политические акторы (такие как мэры или губернаторы) и экономические акторы (такие как работодатели или работники)[2]. На практике же наиболее активными в этом плане являются экономические акторы и большой бизнес, которые оказывают влияние на сферу политического действия. Это объясняется тем, что, помимо транзакционных издержек на получение доступа к извлечению ренты, о которых речь шла выше, простым людям не так очевидно, как изменение нормативно-правовой базы скажется на их повседневной жизни, учитывая, что напрямую такие изменения влияют именно на отрасли промышленности, тогда как люди ощущают на себе их последствия

[1] *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 73.

[2] *Berry J. M., Wilcox C.* The Interest Group Society. London: Routledge, 2018.

лишь опосредованно. По мнению Холкомба, «нормативные требования часто облегчают формирование групп, поскольку благодаря им занятые в регулируемой отрасли люди могут увидеть, что у них есть общие интересы в том, чтобы избежать затрат и извлечь выгоды, которые возникают в связи с этими требованиями»[1].

Исходя из сказанного, теперь мы сфокусируемся на состоящих из главных предпринимателей экономических группах интересов, которые иначе называются **бизнес-группами**. Характерные черты этих групп можно вывести из их определений, а также из исследования Холкомба. Во-первых, в бизнес-группы **входят предприниматели из одной отрасли**. Другими словами, бизнес-группы однородны с точки зрения сферы деятельности своих членов, то есть **связаны с определенным сектором экономики**. Кроме того, члены группы и сам сектор по определению находятся в **отделенной сфере социального действия**, а именно в экономической сфере, которая формально / юридически связана с политической сферой через **лоббистов**.

Во-вторых, следует повторить то, что уже говорилось при анализе нормативно-закрытых рынков: что **нормативное вмешательство**, а также **выгоды и убытки** членов группы **нормативны**. Этот момент принципиально важно учитывать не только для того, чтобы различать получателей ренты на нормативно- и дискреционно-закрытых рынках, но еще и потому, что **неисключаемость** выгод можно в полной мере понять только в этом контексте. С этой точки зрения неисключаемость означает, что представитель какой-либо отрасли, который может даже не входить в бизнес-группу (либо быть ее членом, но не вести активную деятельность), все еще получает выгоды от успешного лоббирования, если к его фирме предъявляются те же

1 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 83.

требования, что и к фирмам более активных членов. Таким образом, следствием неисключаемости может быть «безбилетный проезд», что часто трактуется как препятствие для формирования групп интересов[1]. Тем не менее, как правило, это не такая значительная проблема для бизнес-групп, где персональное участие предпринимателей имеет больший вес в борьбе за покровительство государства[2].

Нормативность требований и выгод в либеральных демократиях хорошо отражена в знаменитой статье Джорджа Стиглера, где описаны четыре способа использования власти конституционного государства в пользу групп интересов[3]. Стиглер полагает, что (1) прямые денежные переводы, (2) регулирование деятельности новых конкурентов, (3) регулирование деятельности поставщиков товаров-заменителей и (4) контроль над ценами — это способы, при помощи которых государство может помочь участникам рынка в получении более высоких прибылей. Все они кроме первого представляют собой нормативное вмешательство, благодаря которому каждый, кто производит определенный продукт или принадлежит к какому-либо экономическому сектору, получает выгоды. Единственное, что можно дискреционно предоставлять конкретным лицам и компаниям, это первый способ — прямые денежные переводы. Тем не менее Стиглер отмечает, что «отрасль, достаточно влиятельная, чтобы получать преференции от государства, как правило, не использует свое влияние для получения денег», поскольку «если список бенефициаров не может быть ограничен приемлемыми средствами, то сколько бы субсидий ни получала отрасль, они все распределяются среди растущего числа конкурентов»[4].

1 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 81–83.

2 Пример метаанализа теорий влияния групп интересов в условиях либеральных демократий см.: *Gilens M., Page B.* Testing Theories of American Politics.

3 *Stigler G.* The Theory of Economic Regulation.

4 Ibid. P. 5.

За тем исключением, что Стиглер рассматривает «отрасли экономики», а не «человека» или «компанию», его наблюдения описывают либеральную демократию идеального типа, где эффективные формальные законы и конкуренция между различными фракциями не позволяют конституционному государству предоставлять привилегии отдельным конкретным лицам[1].

Последней характерной чертой бизнес-групп идеального типа является то, что они представляют собой **горизонтальные альянсы независимых акторов**. Иначе говоря, несмотря на то, что в некоторых процедурах лоббирования одни члены группы оказываются более влиятельны, чем другие, в группе никто не занимает подчиненное положение. Кроме того, в отличие от некоторых других групп интересов, таких как созданные и/или поддерживаемые государством ассоциации («палаты»), членство в бизнес-группах носит не обязательный характер. Будучи частью какой-либо отрасли, главные предприниматели имеют возможность бесплатного войти в нее (и бесплатно ее покинуть).

В патрональных режимах характеристики получателей ренты существенно отличаются. Они вытекают из отсутствия разделения сфер социального действия в целом и того, что в качестве основных экономических акторов вместо предпринимателей здесь выступают **олигархи** [▸ 3.4.1]. Теоретически вероятность того, что независимые олигархи образуют горизонтальный альянс и сформируют «группу интересов», которая будет отличаться от групп интересов в рыночных экономиках только средствами давления на правительство (поскольку они будут использовать неформальные, а также формальные средства), не исключена. Однако (1) это возможно только в переходных режимах, таких как олигархическая анархия или патрональная демократия, где ни один

1 *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 112.

политический актор не обладает неограниченной властью (и где олигархи могут быть независимы [▸ 3.4.1.3]), и (2) даже при таких обстоятельствах более вероятно, что олигархи встроятся в конкурирующие патрональные сети и будут бороться между собой, чем организуют независимую «группу интересов»[1].

Бизнес-группы, основной единицей которых является предприниматель, имеет смысл сравнить с неформальными патрональными сетями, основной единицей которых является олигарх (Таблица 5.8). В отличие от бизнес-групп, патрональные сети **состоят из олигархов, принадлежащих к разным отраслям**. Другими словами, с точки зрения деятельности своих членов, патрональные сети неоднородны, из чего следует, что они **не привязаны к определенной отрасли**. Можно сказать, что неформальные патрональные сети «всеядны» в том смысле, что они, как правило, не ограничены каким-либо одним сектором экономики и владеют крупными портфелями во всех секторах, из которых они смогли извлечь ренту[2]. Кроме того, патрональные сети состоят из акторов, принадлежащих к **смешанным сферам социального действия**, то есть полигархам, а также олигархам (и подставным лицам), которые пользуются посредническими услугами различного рода **брокеров-коррупционеров**, реализующих **сговор, основанный на общих интересах**.

Во-вторых, здесь стоит повторить то, о чем уже говорилось при рассмотрении дискреционно-закрытых рынков: **регуляционное вмешательство**, а также **выгоды и убытки** членов группы являются **дискреционными**. Что касается первого, то требования направлены не на определенный сектор или отрасль, а на конкретные личности, и только те, кто признает власть верховного патрона, могут стать частью

1 *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged. P. 106.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 98–110.

Таблица 5.8: Основные характеристики бизнес-групп и патрональных сетей

Бизнес-группа	**Неформальная патрональная сеть**
состоит из акторов из **отделенной социальной сферы** (**предпринимателей**, принадлежащих к экономической сфере)	состоит из акторов из **смешанных социальных сфер** (**олигархов** и **полигархов**)
сфера деятельности участников **гомогенна**	сфера деятельности участников **не однородна**
связана с определенной отраслью	**не связана с определенной отраслью** («всеядность»)
использует услуги **лоббистов** для **продвижения своих интересов**	использует услуги **брокеров-коррупционеров** для реализации **сговора на основе общих интересов**
соответствующие государственные требования **нормативны**	соответствующие государственные требования **дискреционны**
выгоды и убытки **не подлежат исключению**	выгоды и убытки **могут быть исключены**
сплоченность группы обусловлена **деятельностью в одной отрасли и общими выгодами**	сплоченность группы обусловлена принадлежностью к **одной сети вассальной зависимости**
горизонтальный альянс независимых акторов	**вертикальные патрональ-но-клиентарные отношения зависимых** акторов

уже существующей сети. Совсем иначе обстоят дела в бизнес-группах, где выход на рынок в целом и бизнес-группа, а также процесс лоббирования в частности, нормативны и, как правило, могут осуществляться всеми, у кого есть соответствующие материальные средства. Кроме того, тогда как выгоды и убытки групп интересов не подлежат исключению, для членов патрональной сети они могут быть **исключены**. Это означает, что верховный патрон, который принимает окончательное решение обо всех предоставляемых привилегиях и налагаемых наказаниях, может благоволить одним олигархам, при этом не отдавая предпочтения другим, в результате дискреционного регуляционного вмешательства, а также широкой амплитуды произвола, связанной с верховным патроном.

Подводя итог, можно сказать, что в отличие от горизонтальных отношений групп интересов, патрональные сети идеального типа олицетворяют **вертикальную природу патронально-клиентарных отношений между зависимыми акторами**. Таким образом, в либеральных демократиях, где сферы социального действия отделены друг от друга, бизнес-группы — это объединения членов экономической элиты, тогда как члены политической элиты организуются в группы другого типа: партии [▸ 3.3.7–9]. Напротив, в патрональных автократиях, где сферы социального действия смешаны, политические и экономические элиты сливаются, и формируется неформальная патрональная сеть, или, иначе, приемная политическая семья. Поэтому **если в либеральных демократиях лоббирование очевидным образом отличается от коррупции, то в патрональных автократиях они сливаются в одно целое**[1]**.**

5.4.2.4. Сбор ренты государством: рентоориентированное государство

Теперь, когда мы рассмотрели понятие ренты, создаваемой государством, и извлечения ренты, мы можем перейти к концепту, представленному в Главе 2, а именно рентоориентированному государству. Используя термины из предыдущей части, можно сказать, что **рентоориентированное государство — это государство, которому свойственно поведение получателя ренты, то есть оно закрывает рынки для собственной выгоды**[2]. Государство является локализованным монополистом целого ряда (государственных) услуг и собирает

1 Ср.: *Laki M.* A Trafikpiac Folytatódó Átalakítása 2014 És 2017 Között [Продолжающаяся реструктуризация рынка табачной продукции в 2014–2017 годах] // Külgazdaság. 2017. Vol. 61. № 7–8. P. 46–73.

2 *Conybeare J. A. C.* The Rent-Seeking State and Revenue Diversification // World Politics. 1982. Vol. 35. № 1. P. 25–42.

налоги, чтобы их финансировать. Если при этом размер налога превышает сумму, равную стоимости этих услуг на открытом рынке, то это означает, что государство использует чрезмерное налогообложение и собирает ренту [▸ 2.4.4]. Расходование этих дополнительных ресурсов в целях личного обогащения, оказание протекции корешам или непотизм — то, за что общество никогда не стало бы платить, — называется фаворитизмом. Наиболее распространенные примеры включают в себя расширение государственной бюрократии / компаний и раздача должностей с высокими зарплатами друзьям или однопартийцам; расходование налоговых средств на дополнительные льготы для политиков; или предоставление финансовой помощи конкретным фирмам[1]. Эти перечисленные выгоды, которым свойственна дискреционность, а также чрезмерное налогообложение не всегда идут вразрез с законом. Часто они возникают вместе с расширением государственного сектора и увеличением количества государственных должностей, которые можно раздавать членам партии (например, позиции на государственных и контролируемых государством предприятиях)[2].

Необходимо отметить, что рентоориентированное государство **не следует путать с «государством-рантье»**. Этот термин используется в литературе для обозначения ситуации, при которой государство получает значительную часть своих доходов от добычи нефти или аналогичных прибыльных ресурсов, «находящихся в свободном доступе»[3]. В этом заключается важнейшее отличие нашего определения от принятого в литературе: в традиционном понимании использование природных ресурсов, таких как нефть или природный

1 О партийном фаворитизме см.: *Kopecký P., Spirova M.* «Jobs for the Boys»? Patterns of Party Patronage in Post-Communist Europe.

2 *Kozarzewski P., Bałtowski M.* Return of State-Owned Enterprises in Poland.

3 *Schlumberger O.* Rents, Reform, and Authoritarianism in the Middle East // Internationale Politik Und Gesellschaft. 2006. № 2. P. 43–57.

газ, считается «пожинанием плодов без посева», а следовательно, — сбором чистой ренты[1]. По нашему мнению, эксплуатация природных ресурсов не является сбором ренты как таковым, поскольку размер ренты равняется разнице между прибылью на существующем и открытом рынках. Тем не менее «государство-рантье», понимаемое в общепринятом смысле, может быть также рентоориентированным в наших терминах. Об этом свидетельствует исследование Клиффорда Гэдди и Барри Икеса, посвященное анализу ренты, извлекаемой из природных ресурсов России в том смысле, как мы ее понимаем[2]. По их мнению, энергетическую ренту России генерируют пять составляющих: заявленные расходы, превышающие стоимость расходов на открытом рынке, который авторы называют «естественной стоимостью» производства; ценовые субсидии; формальные налоги; неформальные налоги, которые мы называем платой за крышу [► 5.3.3.1], выплачиваемые в виде контрактов по завышенным ценам; и прибыль предприятия за вычетом налогов. Авторы отмечают, что эти выгоды распределяются между несколькими акторами, включая Путина и региональных патронов, а также поступают в государственный бюджет и к формальным владельцам энергетических компаний, которые скрывают часть прибыли, чтобы использовать ее в личных целях и не допустить ее изъятия приемной политической семьей[3].

В то же время ренту порождает закрытый характер международных энергетических рынков, которые в каждой стране функционируют в рамках множества правил и соглашений. Следовательно, государства, обладающие ресурсами, могут извлекать ренту и в нашем понимании (хотя и не в том объеме,

1 *Pikulik A.* Belarus, Russia, and Ukraine as Post-Soviet Rent-Seeking Regimes // Stubborn Structures. P. 489–505.

2 Или, скорее, ее более формализованная версия. См.: *Gaddy C., Ickes B.* Russia's Dependence on Resources. P. 311–312.

3 Ibid. 317–324.

как если бы мы считали рентой всю их прибыль). Можно даже утверждать, что международный энергетический рынок является дискреционно-закрытым, поскольку, помимо соблюдения нормативных положений, выход одной страны на энергетический рынок другой зависит также от политической обстановки и господствующей геополитики энергетического рынка [▸ 5.3.4.4][1]. В некоторых случаях даже страны, осуществляющие лишь транзит энергоносителей, могут стать рентоориентированными. Как отмечает Алексей Пикулик, географическое положение Беларуси и Украины «позволило обеим странам оказывать значительное давление на Россию и извлекать крупную ренту», что они рассматривали как «довольно обдуманную стратегию. <...> Об этом можно судить по предложению, внесенному в 1993 году на саммите в Массандре, согласно которому России предлагалось списать Украине ее долги за газ в обмен на аренду севастопольского порта и продажу России Черноморского флота. Другим примером является покупка согласия Беларуси на участие в интеграционных проектах с Россией, предполагающих щедрые дотации в энергетические проекты (Союзное государство России и Беларуси, Таможенный союз и т. д.)[2]».

В Таблице 5.9 показаны возможные комбинации рентоориентированного государства с другими типами государств, которые мы рассматривали в этой главе (коррумпированное / плененное / криминальное). Исходя из определений каждого из этих типов можно сделать вывод, что идеальный тип «государства», а также коррумпированное государство может быть рентоориентированным. В свою очередь,

1 *Stulberg A. N.* Out of Gas?: Russia, Ukraine, Europe, and the Changing Geopolitics of Natural Gas // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. № 2. P. 112–130; *Deák A.* Captured by Power: The Expansion of the Paks Nuclear Power Plant.

2 *Pikulik A.* Belarus, Russia, and Ukraine as Post-Soviet Rent-Seeking Regimes. P. 497.

Таблица 5.9: Точки пересечения между уровнями толкования государственной деятельности с точки зрения присвоения собственности и законности

Присвоение собственности / Законность	Государство	Рентоориентированное государство	Клептократическое государство	Хищническое государство
Государство	+	+		
Коррумпированное государство		+	+	
Плененное государство			+	+
Криминальное государство				+

коррумпированное и плененное государства могут незаконно создавать либо извлекать ренту, что делает их потенциально клептократическими государствами. Наконец, плененное или криминальное государства достигают уровня государства хищнического типа [▸ 2.4.3, 5.5.4–5].

5.4.3. Бюджетное вмешательство: виды налогообложения и расходования

5.4.3.1. Основные определения

Бюджетное вмешательство означает осуществляемую **государством принудительную реорганизацию благосостояния** — денежной и неденежной собственности. В отличие от регуляционного вмешательства, которое не допускает проведения определенных видов рыночных сделок за один прием, бюджетное вмешательство представляет собой скорее **ряд действий**, сочетающих в себе принудительное государственное вмешательство и непринудительные бюджетные расходы[1]. Среди принудительных действий наиболее важным источником дохода любого государства является налогообложение.

[1] *Acocella N.* The Foundations of Economic Policy. P. 247–275.

• ***Налог** — это один из видов государственного вмешательства, обязывающий частного актора — налогоплательщика — передавать государству часть личного состояния в рамках законного функционирования экономической системы этого государства (на систематической основе).*

Налоги можно классифицировать по нескольким критериям[1]. Однако поскольку мы собираемся рассматривать бюджетное вмешательство с точки зрения нормативности и дискреционности, то критерий, который будет интересовать нас больше всего, это **субъект налогообложения**, то есть владелец активов, подлежащих налогообложению. По этому критерию мы выделяем три типа налогов:

• **общий налог,** который платит широкая общественность, то есть акторы из множества секторов экономической и общинной сфер (подоходный налог, налог на добавленную стоимость и т. д.);

• **секторальный налог**, который платят экономические акторы из одного сектора экономики (налог на банковские и телекоммуникационные услуги, налог на фастфуд и т. д.);

• **дискреционный налог**, который в рамках промышленного сектора платит (a) один экономический актор или (b) небольшая группа акторов (компания, НПО и т. д.).

В своей юридической кодификации все три вида налогов используют нормативные критерии для определения того, кто им облагается. Но эти три типа различаются также и по тому, кого они затрагивают, то есть кто в действительности платит налог в рассматриваемой экономике. Налог называется секторальным, если речь идет об индустрии, где действует множество экономических акторов, которые должны платить его в массовом порядке. Что касается дискреционного налога, то нормативные критерии для него задаются и изготавливаются по индивидуальному заказу таким образом, что только

[1] Наиболее распространенную в литературе типологию см.: *Gruber J.* Public Finance and Public Policy. New York: Worth Publishers, 2009. P. 524–527.

один актор или небольшая группа акторов вынуждены его платить (или их налоговое бремя как минимум непропорционально более тяжелое, чем у кого-либо еще в том же секторе экономики) [▸ 4.3.4.2].

После того как частные акторы уплатили налоги, государство расходует эти поступления[1]. Статьи государственных расходов можно разделить на две обширные группы: денежные трансферы и государственные услуги.

• ***Денежный трансфер*** *— это вид государственных расходов, при котором государство напрямую передает налоговые средства определенным людям (группам) либо в форме наличных денег, которые получатель может потратить любым образом по своему усмотрению, либо в форме какого-либо ваучера, который можно потратить только на определенные товары или услуги.*

• ***Государственные услуги*** *— это вид государственных расходов, при котором государство опосредованно передает налоговые средства определенным людям (группам людей) в форме товаров или услуг для населения, на производство которых оно тратит деньги.*

Хотя ни один из двух видов государственных расходов не подразумевает принуждения как такового, они входят в принудительное распределение и, следовательно, считаются частью государственного вмешательства.

В конституционном государстве бюджетное вмешательство является нормативным, как с точки зрения налогообложения, так и с точки зрения расходов. Так, в либеральных демократиях даже бизнес-группы, как правило, стремятся приобрести выгодное регуляционное, а не бюджетное вмешательство, поскольку последнее часто бывает недифференцированным и ориентировано в основном на население в целом,

[1] *Acocella N.* The Foundations of Economic Policy. P. 329–349. Естественно, государство может накапливать средства, которые все равно будут израсходованы когда-либо в будущем.

а не на определенные экономические отрасли[1]. Кроме того, даже при взимании секторальных налогов полученные налоговые поступления часто имеют целевую направленность, то есть предназначаются на конкретные цели в рамках того сектора, из которого они были получены. Следовательно, такое распределение не слишком подходит для групп интересов, которые желают направить налоговые средства из другого сектора экономики в свой[2].

В коррумпированном государстве бюджетное вмешательство остается нормативным, но его реализация становится дискреционной, преимущественно за счет подкупа налоговых инспекторов и связанных с ними контролирующих органов государства. Поскольку налоги являются основным источником дохода государства, крайне важно, чтобы оно могло бороться с подобными тенденциями, хотя зачастую оно не способно это делать. Такая ситуация сложилась в России при Борисе Ельцине, когда государство было слишком слабым, а также частично плененным, поэтому центральные власти не могли должным образом обеспечивать соблюдение налогового законодательства. И только в путинскую эпоху были приняты меры по повышению эффективности сбора налогов (см. Текстовую вставку 5.7). Однако помимо защиты от налоговых проверок путем отключения механизмов контроля на более высоких уровнях, коррумпированные акторы **в плененном государстве** тоже могут предоставлять дискреционное бюджетное вмешательство, в том числе выдавать средства из региональных бюджетов определенным корешам или клиентам и пытаться изменить налоговые правила на уровне режима в рамках общего законодательства. Легче всего дискреционное

1 *Holcombe R., Boudreaux C.* Regulation and Corruption // Public Choice. 2015. Vol. 164. № 1. P. 75–85.

2 *Wyrick T.L., Arnold R.* Earmarking as a Deterrent to Rent-Seeking // Public Choice. 1989. Vol. 60. № 3. P. 283–291; *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 192–195.

бюджетное вмешательство реализуется **в криминальном государстве**, где верховный патрон контролирует все ветви власти, может взимать налоги, распоряжается бюджетом и принимает решения о расходах государства.

Текстовая вставка 5.7: Налоговые реформы в России при Путине

Попытки России получать доходы через [налогообложение] поначалу не были успешны. По мере того как в конце 1990-х годов государство все глубже погружалось в пропасть финансового кризиса, администрация Ельцина предъявила угрозу принуждения крупнейшим налоговым должникам на прибыль предприятий, но не смогла вселить в них достаточный страх, чтобы снижение доходов прекратилось. Однако после финансового кризиса 1998 года <...> бывший руководитель налоговой полиции, который утверждал, что «люди должны научиться бояться», возглавил правительство. <...> Политическое решение держать принуждение на длинном поводке было очевидным в [следующих] сферах налогообложения: [во-первых], чтобы увеличить объем собираемых налогов, особенно с крупных корпораций, ранее находившихся под защитой политических патронов, система налоговых органов подверглась внутренней реструктуризации. <...> Во-вторых, полиция играла более заметную роль в извлечении доходов. <...> В-третьих, тонкая грань юридической формальности, разделяющая уклонение от налогов и уход от налогообложения в рамках закона, была стерта полицией и прокуратурой, которые постановили, что любые нарушения налогового законодательства <...> должны приводить к одинаковым наказаниям. <...> Во время первого путинского срока Россия снова заявила о своих финансовых интересах в рамках переходной экономики и, начав использовать государственное принуждение, возвратилась к извлечению доходов[1].

1 *Easter G.* Revenue Imperatives: State over Market in Postcommunist Russia // The Political Economy of Russia. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. P. 57–61.

5.4.3.2. Налогообложение и его функции

Если обратить внимание на доходную часть бюджетного вмешательства, то можно отметить, что государства различаются в зависимости от функций, которые выполняет налогообложение. Эти функции можно поделить на две группы. Первая из них — это **нормативные функции**, которые выполняются через использование налогообложения в качестве нормативного государственного вмешательства. При этом группы субъектов налогообложения определяются на основе нормативных критериев, и все, кто им соответствует, входят в эти группы. Литература, посвященная традиционной экономике (государственное финансирование), основное внимание в которой уделяется нормативному государственному вмешательству, выделяет две такие функции. Первая и самая важная — это **получение доходов**. Как уже упоминалось ранее, налогообложение является для государства одним из основных источников дохода, необходимых для осуществления различных денежных переводов и использования ресурсов (государственные услуги). Вторая нормативная функция налогообложения — это **межсекторальная дискриминация**, которую можно иначе назвать экономическим наказанием. Она представляет собой ситуацию, при которой государство расценивает определенный вид экономической деятельности (сектор) как общественно вредный и отдает предпочтение другим альтернативам. Оно находит свое выражение в государственных пошлинах на ведение вредной деятельности, которые вводятся, чтобы сделать ее более затратной для тех, кто ее выбирает. Как следствие, аналогичные, но безвредные виды деятельности (сектора) получают конкурентное преимущество. В конституционном государстве примеры такого рода мер можно условно разделить на две группы, в зависимости от того, с какой точки зрения государство определяет какую-либо деятельность как вредную:

(a) с точки зрения индивида или (b) с точки зрения общества (отрицательный внешний эффект)[1]. Для первой группы примером может быть налог на фастфуд, с помощью которого производство здоровой пищи получает конкурентное преимущество; для второй группы — налоги на бензин или автомобили, которые делают более экологически чистые способы передвижения более привлекательными[2]. Кроме того, налоги на вызывающие зависимость товары, такие как алкоголь или табак, хотя и принадлежат к группе (a), часто взимаются и для получения дохода, поскольку государство может облагать их налогом по высокой ставке без снижения на них спроса (так как спрос на вызывающие привыкание товары неэластичен).

Вторая группа **функций — дискреционные**, которые выполняются через использование налогообложения в качестве дискреционного государственного вмешательства. В этой группе можно выделить три разновидности таких функций[3]:

- **внутрисекторальная дискриминация**, цель которой построить неравное игровое поле для конкурентов внутри одного сектора экономики, где одни акторы облагаются налогом, а другие, выбранные дискреционным образом бенефициары, — нет (либо в значительно меньшей степени);
- **овладение рынком**, цель которого вытеснить действующего актора(ов) с рынка и освободить его для дискреционно выбранного бенефициара;
- **политическое наказание**, цель которого наказать определенных акторов для решения политических задач, либо

[1] *Gruber J.* Public Finance and Public Policy. P. 121–146.

[2] Существует несколько видов налогов, для которых трудно определить категорию однозначно. Например, налог на фастфуд обычно относят к группе (a), тогда как потребление фастфуда тоже имеет негативные внешние последствия: чем большее количество людей нуждается в государственном здравоохранении, тем больше денег приходится тратить на него государству.

[3] *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 195–204.

завоевать симпатию избирателей, либо встроить независимого олигарха-конкурента в иерархию патрональной сети.

Налоги, используемые для выполнения дискреционных функций, имеет смысл сравнить со **штрафами**, которые имеются в каждом государстве и которые представляют собой не что иное, как дискреционные платежные обязательства, налагаемые на конкретных людей за нарушение закона. Это означает, что штрафы — это (1) несистематические обязательства, которые (2) должны выплачиваться за нарушение формальных нормативных правил, и которые (3) налагаются в ходе нормативного процесса, затрагивающего всех, кто отвечает нормативному критерию правонарушения[1]. В свою очередь, налоги, взимаемые для реализации дискреционных целей, хотя и являются обязательствами по дискреционным платежам, подразумевают (1) постоянные обязательства за (2) нарушение неформальных, дискреционных правил (неформальной патрональной сети), которые (3) налагаются в ходе дискреционного процесса, затрагивающего тех, кто был дискреционно выбран для этого верховным патроном.

В Таблице 5.10 показано, как нормативные и дискреционные функции могут выполняться через применение различных видов налогообложения. **Общие налоги** используются **преимущественно для получения доходов**. Это связано не только с тем, что общий налог можно распределить среди большого числа людей, каждый из которых должен заплатить ничтожную по сравнению с общим собранным доходом сумму, но и с тем, что такой способ не позволяет выполнять никакие другие функции, так как общий налог не подразумевает различий между секторами или акторами. **Секторальные налоги используются в первую очередь**

[1] Сказанное относится к государству идеального типа, в котором отсутствует коррупция. В криминальном государстве штрафы могут также систематически использоваться против конкретного актора как часть дискреционного надзорного вмешательства.

Таблица 5.10: Три типа налогов и функции, которые они могут выполнять

	Получение дохода	Межсекторальная дискриминация	Внутрисекторальная дискриминация	Овладение рынком	Политическое наказание
Общий налог	+++	–	–	–	–
Секторальный налог	++	+++	–	++	–
Дискреционный налог	+	–	+++	+++	+++

Условные обозначения: +++: основная функция; ++: вторичная функция; +: третичная функция. Белый фон обозначает нормативные функции, а серый — дискреционные

для межсекторальной дискриминации, во вторую — для получения доходов, и кроме этого могут использоваться при **овладении рынком**. Наконец, **дискреционные налоги отлично подходят для выполнения любой из трех дискреционных функций**. С точки зрения бюджета такие налоги приносят незначительные доходы, и все, что они призваны делать, это негативно влиять на конкретные компании и лица. Наиболее существенно здесь то, что целью таких налогов, помимо увеличения доходов бюджета, является не реализация общественных интересов, а служение интересам элиты приемной политической семьи, удержание власти и накопление состояния.

Тогда как в государстве идеального типа налоги взимаются только для выполнения нормативных функций, **налоги с дискреционными функциями появляются в государствах плененного и криминального типа**[1]. Это не значит, что все налоги становятся дискреционными: даже мафиозные государства получают значительную часть своих доходов от нормативного налогообложения и в значительной степени полагаются на методы перераспределения, используемые

[1] В коррумпированном государстве нет дискреционного бюджетного вмешательства, но только дискреционная реализация нормативного вмешательства.

конституционными государствами[1]. Об этом можно утверждать на основании того, что, как указано на Схеме 5.11 выше, государства с коррупцией более высокого уровня не отказываются от применения типов государственного вмешательства более низких уровней, а дополняют их новыми. Среди рассмотренных выше типов, которые добавились в арсенал криминального государства, новыми являются (1) дискреционный налог и (2) секторальные налоги, выполняющие функцию овладения рынком.

5.4.3.3. Способы и модели государственного расходования

Теперь обратимся к расходной части бюджета. Чтобы различать политику перераспределения в различных типах режимов, необходимо выделить два аналитических уровня: (1) **способы государственного расходования**, под которыми понимаются направления денежных потоков (то есть то, какие группы людей получают выгоды) и то, как расходуются налоговые средства на денежные переводы и государственные услуги, и (2) **модели расходования**, в которые входят различные способы перераспределения, в зависимости от конкретной ситуации и режима. Иначе говоря, если «способы» — это «средства», любое из которых может в различных комбинациях использоваться в разного рода режимах, то «модели» обозначают комбинации этих способов, наиболее присущие определенным типам режимов.

В Таблице 5.11 кратко описаны три способа расходования средств государством идеального типа. Первый — это **эгалитарный способ**, при котором блага изымаются у богатых и передаются бедным, то есть переходят от самой богатой

[1] Эту мысль можно встретить в подробной рецензии на одну из наших ранних публикаций о мафиозном государстве. См.: *Váradi B.* Nothing But a Mafia State? // Brave New Hungary: Mapping the «System of National Cooperation». Lanham: Lexington Books, 2019. P. 303–310.

Таблица 5.11: Способы расходования государственных средств идеального типа (серый фон обозначает дискреционный способ)

	Бенефициары	Форма государственного расходования	
		Денежные переводы	**Государственные услуги**
Эгалитарный способ	**бедные** (группы с доходом ниже среднего)	**прямые выплаты** (например, субсидии нуждающимся)	***выполнение*** **перераспределительной функции** (равенство возможностей)
Элитистский способ	**богатые** (группы с доходом выше среднего)	**прямые выплаты** (например, субсидии главным предпринимателям), **опосредованные выплаты** (например, снижение налогов)	***искажение*** **перераспределительной функции** (увеличение неравенства)
Способ дойной коровы	**правящая политическая элита** (субрежимный и режимный уровни)	**прямые выплаты** (например, субсидии членам правящей политической элиты, завышение цен), **опосредованные выплаты** (например, освобождение от налогов)	***игнорирование*** **перераспределительной функции** (превращение деятельности в денежные переводы)

половины населения (либо одной пятой, одной десятой и т. д.) к другой, более бедной. В конституционных государствах целью такого перераспределения является достижение не материального равенства, а равенства возможностей или «ограничение сферы неравенства»[1]. Об этом можно судить по форме расходования, свойственной эгалитарному способу: прямые денежные переводы (например, субсидии и другие пособия, предоставляемые по принципу нуждаемости), с одной стороны, и здравоохранение, образование и другие государственные услуги, ориентированные на равенство возможностей в целом и потребности незащищенных групп в частности — с другой[2].

[1] *Tobin J.* On Limiting the Domain of Inequality // The Journal of Law & Economics. 1970. Vol. 13. № 2. P. 263–277.

[2] *Grand J. Le.* The Strategy of Equality: Redistribution and the Social Services. London: Routledge, 2018.

Второй **способ — элитистский** — противоположность эгалитарного. Здесь власть используется для перераспределения благ от бедных к богатым посредством прямых (например, субсидий главным предпринимателям) и опосредованных выплат (например, снижение налогов для людей с доходами выше среднего), а также оказания таких видов государственных услуг, которые усиливают неравенство в обществе, а не уменьшают его. Если сравнить два этих способа, то можно утверждать, что **эгалитарный выполняет перераспределительную функцию, а элитистский искажает ее**. Функция здесь рассматривается не с нормативной, эгалитарной точки зрения, а с точки зрения обоснованности перераспределения как такового[1].

Третий способ перераспределения идеального типа — это **способ дойной коровы**. «Дойная корова» в литературе о коррупции обозначает источник денег, который могут «доить» коррумпированные акторы[2]. В нашем случае дойная корова — это не что иное, как государство, будь то местное правительство регионального уровня (как, например, в случае плененных государств), или национальное правительство на уровне режима (как, например, в криминальных государствах). Если говорить о расходах, то в отличие от эгалитарного и элитистского способов, где целью являются определенные группы — бедные и богатые, соответственно — цель расходования в рамках способа дойной коровы дискреционна, а налоговые средства перенаправляются и расходуются в пользу правящей политической элиты. Таким образом, можно утверждать, что **эгалитарный и элитистский способы нормативны, тогда как режим дойной коровы представляет собой дискреционный способ** государственного расходования.

1 *Barr N.* Economics of the Welfare State. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 22–40; *Ferge Z., Tausz K.* Social Security in Hungary: A Balance Sheet after Twelve Years // Social Policy & Administration. 2002. Vol. 36. № 2. P. 176–199.

2 *Jávor I., Jancsics D.* Corrupt Governmental Networks.

Передача государственных доходов в руки бенефициаров при использовании способа дойной коровы осуществляется через прямые денежные переводы (например, субсидии и завышение цен на государственных тендерах) и опосредованные денежные переводы (например, освобождение от налогов). А способ дойной коровы по сути **превращает государственные услуги в денежные переводы**, что означает, что государственные товары и услуги имеют смысл до тех пор, пока их можно доить, а правящая политическая элита может извлекать из них деньги. Таким образом, здесь **перераспределительная функция не выполняется и не искажается, а игнорируется**.

Власти, как правило, **меняют модели расходования средств, перед приближением очередных выборов**, поскольку они являются своего рода политическим «чрезвычайным положением», когда те, кто в ходе избирательного срока в целом не имеет прямого доступа к принятию политических решений, то есть массы простых людей с избирательным правом, получают возможность выбрать своих представителей во власти. По сравнению с этим периоды **внутри избирательного срока** представляют собой более привычное положение дел, когда правящая политическая элита может сфокусироваться на более узких группах (нормативно) или даже на отдельных акторах (дискреционно), а не на всем электорате[1].

С точки зрения государственных расходов, разницу между периодом выборов и избирательным сроком можно выразить через противопоставление регулярной **поддержки** и случайных **подарков**. Регулярная поддержка предоставляется в течение избирательного срока, когда власти по своему усмотрению выбирают, кому оказывать предпочтение и принимают для этого соответствующие политические меры. При этом в период выборов власти должны уделить электорату большее

1 *Mesquita B. B. de* et al. The Logic of Political Survival. Cambridge: The MIT Press, 2004. P. 37–76.

внимание и через поддержку избирателей оправдать их ожидания, следовательно, можно сказать, что по такому случаю они дарят подарки[1].

В конституционном государстве правящая политическая элита поддерживает **нормативно выбранные социальные группы нормативными способами государственного расходования в ходе избирательных сроков.** Власти могут быть либо эгалитарными, либо элитистскими (или даже действовать в рамках универсального социального обеспечения, предоставляя блага как бедным, так и богатым), в зависимости от их идеологической точки зрения, а также давления групп интересов. Но цели расходования они определяют по нормативным критериям[2]. В таких государствах способ дойной коровы может применяться только как отклонение от нормы, поскольку государство подчинено принципу общественных интересов. **Период выборов характеризуется наличием подарков**, но также и нормативными бюджетными расходами: группы либо бедных, либо богатых, которым ранее не оказывались привилегии (или оказывались в меньшей степени), получают льготы в форме прямых или опосредованных денежных переводов, цель которых — убедить людей голосовать за инкумбентов.

В мафиозном государстве приемная политическая семья руководствуется принципом интересов элит, что предполагает наличие двойного мотива аккумуляции власти и богатства. Из этого следует, что **в ходе избирательных сроков в качестве регулярной поддержки они применяют (1) способ дойной коровы** в пользу членов однопирамидальной патрональной сети, в которой верховный патрон стремится

[1] Пример выдающейся работы на тему циклов избирательной активности см.: *Rogoff K., Sibert A.* Elections and Macroeconomic Policy Cycle // The Review of Economic Studies. 1988. Vol. 55. № 1. P. 1–16.

[2] *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism; *Barr N.* Economics of the Welfare State.

максимально увеличить дискреционные бюджетные льготы и наказания, и (2) **элитистский способ**, необходимый для того, чтобы держать на расстоянии те социальные группы, которые (a) слишком многочисленны, чтобы верховный патрон мог иметь с каждым из их членов личные, патрональ-но-клиентарные отношения, но которые (b) являются более политически активными и (c) имеют возможность противостоять режиму, влиять на общественное мнение, поддерживать оппозиционные партии и т. д.[1] Что же касается тех, кто не принадлежит ни к одной из этих групп, то есть людей с доходом ниже среднего и не входящих в патрональную сеть, то режим их просто игнорирует — это укладывается в понятие аморальной семейственности приемной политической семьи [▸ 3.6.2]. Таким образом, в мафиозном государстве идеального типа **элитистский способ проявляется только в период выборов в виде несистематических подарков** тем голосующим социальным группам, которые игнорируются в течение самого избирательного срока, например пенсионерам и сельскому бедному населению[2].

1 В целом можно сказать, что чем состоятельнее избиратель, тем легче мафиозному государству лишить его этого состояния, и, таким образом, представители власти могут скорее опираться на методы нарушения целостности, чем на элитистский способ расходования.

2 *Golosov G.* Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // Demokratizatsiya. 2013. Vol. 21. № 4. P. 459–480.

5.5. СОБСТВЕННОСТЬ

5.5.1. Политическая реорганизация структуры собственности в посткоммунистическом регионе

Когда экономические акторы взаимодействуют, они делают это как **владельцы собственности**, поскольку могут оперировать только своим имуществом, то есть тем, что они могут использовать и контролировать. Таким образом, **экономическая система — это система собственности**, а ее владельцы и доминирующая форма (формы) собственности являются определяющими чертами экономики[1].

После распада Советского Союза экономика и в странах посткоммунистического региона, и в странах Запада считалась **капиталистической экономикой смешанного типа**, то есть **сочетала в себе преобладание частной собственности** (когда большинство экономических активов принадлежат частным акторам) и **существенное государственное участие**[2]. Что касается последнего, мы уже рассматривали различия между государственным вмешательством в либеральных демократиях и патрональных режимах. Однако относительно первого, для понимания различий с точки зрения собственности, нам необходимо прежде всего рассмотреть, каким образом **возникла частная собственность** или, даже в большей степени, как появились **крупные владельцы частной собственности**.

На Западе с начала XVIII века и на закате меркантилизма свободная торговля и предпринимательство привели

1 Пример выдающейся работы на эту тему см.: *Demsetz H.* Toward a Theory of Property Rights // Classic Papers in Natural Resource Economics. London: Palgrave Macmillan UK, 2000. P. 163–177.

2 *Nelson R.* Capitalism as a Mixed Economic System // The Oxford Handbook of Capitalism. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. P. 277–298.

к появлению частных капиталистов, в значительной степени независимых от политической сферы. К XIX веку западные государства начали более нормативно защищать права собственности и реже выбирать тех, кто приобретет выгоду от экономики[1], что имело первостепенное значение для (1) разделения сфер политической и экономической деятельности и (2) **развития структуры собственности преимущественно за счет рыночных сил**[2].

В то же время **на Востоке** создание частной собственности и современного капитализма было гораздо более **политически обусловленным процессом**. Так обстояли дела уже в эпоху промышленной революции[3], но по-другому и быть не могло, когда после распада советской империи необходимо было восстанавливать институт частной собственности. Это объясняется тем, что собственность не просто не была защищена, как, например, в те времена, когда западные государства не защищали права собственности должным образом, но и вовсе была запрещена в коммунистических диктатурах[4]. Недостаточно было начать защищать права частной собственности (хотя страны, сменившие режим, не добились должным образом даже этого)[5]: необходимо было трансформировать бывшую государственную собственность в частную, чтобы она смогла начать функционировать как капитал в экономическом смысле. В рамках организованного сверху процесса приватизации **государство выбирало тех, кто станет собственниками**; или, по крайней мере, те, кто могли бы стать собственниками (1), должны были получить

1 *Kemp T.* Industrialization in Nineteenth-Century Europe. London; New York: Longman, 1985.

2 *Raico R.* The Theory of Economic Development and the European Miracle.

3 *Pomeranz K.* The Great Divergence; *Henderson W.O.* Industrial Revolution on the Continent.

4 *Szelényi I.* Capitalisms After Communism.

5 *Viktorov I.* Russia's Network State and Reiderstvo Practices.

свою собственность от государства в соответствии с государственными правилами и (2) вести свою деятельность в правовой среде, созданной параллельно с приватизацией. Теоретически это могло бы привести, по выражению одного экономиста-транзитолога, к «отделению частной сферы жизни от публичной, то есть относительной независимости частной экономической деятельности от политики»[1]. Однако в действительности оба упомянутых выше условия получения собственности были далеки от нормативности и политической непредвзятости[2]. Результатом стало **отсутствие разделения сфер политического и экономического социального действия**, которое приобретало разные формы в различных посткоммунистических странах.

Политика и экономика в странах интересующего нас региона всегда были тесно переплетены, однако, моментом, когда процесс разделения сфер социального действия западного типа был окончательно остановлен и заморожен, стала **первая политическая реорганизация структуры собственности, а именно коммунистическая национализация**. Придя к власти, коммунисты развернули (1) обычную **национализацию**, то есть захват средств производства и передачу их в собственность государства, и (2) **коллективизацию**, то есть принудительную централизацию сельскохозяйственного производства в колхозах[3]. В соответствии с **идеологическими и политическими целями** марксизма-ленинизма, капиталистический класс собственников средств производства был назначен врагом и ликвидирован, тогда как недавно созданная государственная собственность была пущена в ход при социалистическом централизованном

1 *Bokros L.* Accidental Occidental. P. 81.

2 *Soós K.A.* Politics and Policies in Post-Communist Transition: Primary and Secondary Privatisation in Central Europe and the Former Soviet Union. Budapest; New York: CEU Press, 2011.

3 *Iordachi C., Bauerkamper A., eds*. The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe.

планировании[1]. **Экономической целью** коммунистической национализации была форсированная индустриализация и модернизация[2], которые номинально проводились под марксистско-ленинскими лозунгами об уничтожении капитализма и эксплуатации рабочего класса и крестьянства[3].

После краха коммунистических диктатур страны с государственной экономикой пережили **вторую в регионе политическую реорганизацию структуры собственности,** а именно **приватизацию при смене режима**. Определение «при смене режима» довольно важно в этом контексте, и не только с исторической точки зрения, поскольку в отличие от приватизации государственных корпораций на Западе, которая принимает форму прозрачных рыночных сделок, заключаемых в случаях их неэффективной работы, либо если публичная политика не достигла поставленных политических целей, приватизация — это **процесс создания класса собственников и частной экономики** после коммунизма (см. Текстовую вставку 5.8). Приватизация при смене режима мало чем отличалась от коммунистической национализации в том смысле, что это тоже была **всеобщая трансформация структуры собственности**, то есть смена экономической системы путем изменения доминирующего типа собственности. С другой стороны, некоторые акторы хотели извлечь личную выгоду из процесса приватизации, **экономические мотивы** которого — смена типа собственности — были извращены **политическим стремлением** трансформировать власть[4]. Это стремление, конечно, было различным у тех, кто хотел трансформировать свою номенклатурную власть, и тех, кто хотел обрести (политико-экономические) новые властные

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 136–156.

2 *Swianiewicz S.* Forced Labour and Economic Development; an Enquiry into the Experience of Soviet Industrialization. London; New York: Oxford University Press, 1965.

3 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 75–87.

4 *Frydman R., Murphy K., Rapaczynski A.* Capitalism with a Comrade's Face.

полномочия, не будучи при этом членом номенклатуры. Кроме того, приватизация также имела **идеологическую цель**, а именно восстановление справедливости для тех людей, кто в ходе национализации лишился своей собственности, с одной стороны, и тех, кого коммунистическая диктатура лишила свободы, — с другой[1].

Текстовая вставка 5.8: Значение приватизации при смене режима

В контексте трансформации командной экономики в рыночную <...> понятие «приватизация» означает не только приватизацию нескольких, хоть и ведущих государственных предприятий. Она также включает в себя закономерное появление и развитие новых частных фирм, что гораздо важнее, чем денационализация уже существующих государственных, унаследованных от предыдущей коммунистической системы компаний. Она подразумевает приватизацию экономики всей страны. В теории она должна приводить к фундаментальным изменениям в деятельности предприятий и структуре стимулов для руководителей, стоящих во главе как частных, так и государственных фирм. Таким образом, приватизация национальной экономики означает, что погоня за прибылью и стремление собственников — основных игроков на рынке — повысить рыночную стоимость имущества, являются вопросами исключительной важности. <...> Предполагается, что приватизация заставляет предприятия действовать в первую очередь в интересах своих частных владельцев <...>. С этого момента отдельные экономические организации перестают существовать как лишь административные единицы неделимого громадного государственного образования; они прошли стадию восстановления и являются предприятиями[2].

1 *Klaus V.* Renaissance: The Rebirth of Liberty in the Heart of Europe. Cato Institute, 1997.

2 *Bokros L.* Accidental Occidental: Economics and Culture of Transition in Mitteleuropa, the Baltic and the Balkan Area. Budapest; New York: CEU Press, 2013. P. 80–81.

Приватизация имела ключевое значение для создания класса собственников, а также установления господства частной собственности, что является одной из предпосылок для создания рыночной экономики западного типа. Однако приватизация и образовавшаяся капиталистическая среда не только не способствовали разделению экономической и политической сфер, но и не обладали в глазах общественности необходимой **легитимностью**. Во-первых, **люди, как правило, воспринимали приватизацию как грабеж**, то есть видели в ней схему, при помощи которой номенклатура либо люди с правильными связями завладели государственной собственностью в обмен на ничтожные суммы, скопив таким образом огромные состояния и «при свете дня воруя богатство, принадлежащее всей нации»[1]. Так, в России слово «прихватизация» стало ключевым в соответствующем политическом дискурсе[2]. Во-вторых, из-за отсутствия у людей на внутреннем рынке личных сбережений новыми собственниками чаще всего становились иностранцы, у которых был капитал и которые начинали свой бизнес с покупки предприятий или увеличения их капиталов. Как правило, это касалось многонациональных корпораций, особенно в странах Центральной и Восточной Европы. Этот процесс можно легко расценить как «**распродажу» страны иностранцам**, а приватизаторов — как «слуг международного капитала». Наконец, приватизация и крах коммунистической системы имели серьезные **косвенные последствия для посткоммунистических обществ**. Для тех, кого непосредственно затронула безработица или кто после смены режима испытывал перед ней страх, сталкиваясь с негативными последствиями растущего социального неравенства, необходимость перераспределения

1 Ср.: *Радыгин А.* Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. М.: Республика, 1994.

2 *Galuszka P.* Red-Handed Russia // Business Week. 1993. № 3300. P. 14–15; *Granville J.* «Dermokratizatsiya» and «Prikhvatizatsiya».

богатства могла возникать снова и снова, поскольку собственность, полученная через «коллективную жертву», досталась в итоге «коммунякам» и «иностранным транснациональным корпорациям». Данные, собранные Тимоти Фраем и его коллегами в 2006 году, подтверждают эту точку зрения. Рассчитав средневзвешенные значения для населения трех исторических регионов, они получили следующие данные: только 18% в православном регионе и 17% — в исламском высказали мнение, что структура собственности, созданная в результате приватизации, не требует изменений. Для западно-христианского региона эта цифра также составила лишь 20%. В противоположность этому, доля тех, кто выступал за повторную национализацию ранее приватизированной собственности и последующем сохранении ее в руках государства, составляла 22% в западно-христианском регионе, 34% — в православном и 48% — в исламском[1].

Дефицит легитимности отношений собственности в экономиках посткоммунистических стран часто приводил либо к активной легитимации, либо к пассивному принятию людьми **третьей политической реорганизации структуры собственности: перераспределения посткоммунистической собственности**. Если коммунисты отменили частную собственность, а приватизаторы восстановили ее, верховные патроны однопирамидальных патрональных сетей в посткоммунистическом регионе **патронализируют частную собственность** либо ту собственность, которая ранее принадлежала другим патрональным сетям («репатронализация»). Наиболее важное отличие патронализации от первых двух типов политической реорганизации заключается в том, что она по большей части **направлена на изменение скорее неформальной, чем формальной структуры собственности**. Сюда

[1] Наши расчеты (с учетом населения стран) на основе: *Frye T.* Property Rights and Property Wrongs. P. 191; The World Factbook 2006. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 2006.

часто входит изменение и формальной собственности, с применением различных **хищнических** средств [▸ 5.5.3–4] для передачи активов из рук независимых предпринимателей или олигархов-конкурентов лояльным членам семьи или государству, которое находится под неопатримониальным контролем верховного патрона [▸ 2.4.2]. Хищничество является наиболее явным воплощением процесса реорганизации собственности, которое также требует упомянутой выше активной легитимации[1]. Однако смысл экономической патронализации заключается в том, чтобы сменить неформального собственника активов или гарантировать, что никакие существенные активы не окажутся в руках конкурирующих патрональных сетей и сохранятся в собственности приемной политической семьи. Помимо формальной передачи собственности, этого можно также добиться через **принуждение к лояльности**, то есть через подчинение олигархов и главных предпринимателей (захват олигарха [▸ 3.4.1]) и превращение их в лояльных акторов, а не через захват их собственности и передачу ее какому-либо уже лояльному актору. Любой из этих способов позволяет **верховному патрону стать фактическим владельцем собственности**, поскольку он может распоряжаться трофеем с вершины патрональной иерархии. Активы теперь находятся в патрональной собственности, а не в руках автономных акторов или конкурентов.

Если сосредоточить внимание на формальной передаче собственности, то можно заметить, что посткоммунистическое ее перераспределение **значительно отличается от других типов реорганизации собственности в истории**. Если мы посмотрим на страны за пределами этого региона, то, например, корпоративные автократические режимы Южной Европы не сменили экономическую элиту. Конечно, экспроприация

[1] *Mihályi P.* Votes, Ideology, and Self-Enrichment: The Campaign of Re-Nationalization After 2010 // Brave New Hungary: Mapping the «System of National Cooperation». Lanham: Lexington Books, 2019. P. 185–210.

имущества, принадлежащего евреям, была исключением, однако новый слой собственников не сформировался, а награбленные состояния просто еще больше обогатили существующий христианский средний класс. Экспроприация собственности была нормативной по расовому признаку[1], как было нормативным и распределение собственности, которое осуществлялось среди широкого круга недискриминируемых групп[2]. Кроме того, в диктатурах советского типа вся (производственная) собственность была экспроприирована у владельцев капитала, поэтому утрату имущества можно считать нормативной по классовому признаку. Сформировавшиеся там элиты носили чисто политический характер. Их материальное вознаграждение, как указывалось ранее, заключалось не в личном обогащении, а в более выгодном положении: высокой оплате труда, улучшенных условиях жизни, возможности получать квартиры или дачи, возможности делать покупки в магазинах, входящих в закрытую для посторонних систему, доступе к дефицитным вещам и множестве других привилегий. Но как бы ни были желанны эти преимущества и привилегии для тех, кому они не были доступны, они не могли привести к накоплению значительных состояний. Однако совсем другая ситуация сложилась **при посткоммунистическом перераспределении собственности, где хищничество было не нормативным, а дискреционным** и произвольным[3]. В таких условиях захват видит своей целью не дискриминируемые по нормативному признаку группы, а определенных собственников и их компании, которые затем целенаправленно передаются конкретным лояльным членам приемной семьи. Те, кто получают дискреционное вознаграждение, могут

1 *Beker A.*, ed. The Plunder of Jewish Property during the Holocaust: Confronting European History. Basingstoke: Palgrave, 2001.

2 *Aly G.* Hitler's Beneficiaries: Plunder, Racial War, and the Nazi Welfare State. New York: Henry Holt and Company, 2008.

3 *Madlovics B.*, *Magyar B.* Post-Communist Predation.

накапливать колоссальные состояния от перераспределенных в их пользу трофеев (а также от законного и незаконного извлечения ренты [▸ 2.4.3] через трофейные компании [▸ 5.5.4]).

Рассматривая как формальную, так и неформальную передачу собственности, можно сказать, что перераспределение посткоммунистического периода **отличается от других периодов (1) масштабами и (2) длительностью**. Что касается (1) масштабов, то ранее, в рамках нормативных процессов реорганизации собственности трансформировалась вся экономика: либо вся частная собственность — в государственную (коммунистическая национализация), либо вся государственная — в частную (приватизация при смене режима). Напротив, при перераспределении собственности в посткоммунистический период **патронализируется**, как правило, **не вся экономика**, а только те сектора, которые политически и экономически целесообразно и возможно патронализировать[1]. На основании этого такие ученые, как Михайи, который специализируется на формальной передаче прав собственности в Венгрии, утверждают, что этот процесс похож на уже проводившиеся реорганизации лишь заявленными идеологическими целями, но не своим экономическим значением[2]. Однако сравнение обосновано даже без рассмотрения его идеологической вывески (см. ниже). Во-первых, посткоммунистическое перераспределение собственности включает в себя неформальную, а также формальную ее передачу, что означает, что ее масштабы больше, нежели если бы мы рассматривали только формальную реорганизацию собственности в рамках юридических имущественных отношений по

[1] Детерминанты патронализации рассматриваются в нашей модели хищничества [▸ 5.5.4.1].

[2] *Mihályi P.* Az Orbán-Korszak Mint a Nemzeti Vagyon 6. Újraelosztási Kísérlete [Эпоха Орбана как шестая попытка перераспределения национального богатства] // Műhelytanulmányok. Budapest: MTA Közgazdaság- és Regionális Tudományi Kutatóközpont Közgazdaság-tudományi Intézet, 2018.

западному образцу. Во-вторых, перераспределение посткоммунистической собственности **закладывает основы реляционной экономики, что подразумевает новые экономические механизмы для всей экономики** [▸ 5.6]. Это сравнимо с тем, как коммунистическая национализация закладывает основы плановой экономики, а приватизация при смене режима — рыночной.

Что касается (2) длительности, то здесь важны два аспекта. Во-первых, в отличие от двух других форм политической реорганизации собственности, **перераспределение посткоммунистической собственности происходило не во всех странах региона**. В действительности этот процесс шел только там, где сформировались однопирамидальные патрональные сети (а также хищнические государства), которые могут дискреционно захватывать собственность по принципу патрональной лояльности[1]. Однако отсутствие разделения сфер социального действия способствует тому, что когда приемная политическая семья приходит к власти, даже при наличии мультипирамидальных сетей, перемены в экономической политике происходят в пользу правящей политической элиты, и результатом этого часто становится передача собственности в частные руки. Во-вторых, в **патрональных автократиях процесс перераспределения посткоммунистической собственности непрерывен и не имеет конца**. Это обусловлено тем, что экономика патронализирована не целиком. Поскольку некоторые ее сектора могут функционировать автономно, фирмы или предприниматели, выбранные в качестве потенциальной добычи хищническим государством, могут появиться в любой момент [▸ 5.5.4]. В общем и целом, по мере того как меняются обстоятельства, меняются и факторы, определяющие ценность актива. Таким образом, актив,

1 *Melvin N.* Authoritarian Pathways in Central Asia: A Comparison of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and Uzbekistan // Democracy and Pluralism in Muslim Eurasia. London; New York: Routledge, 2004. P. 119–142.

который остается нетронутым в течение какого-то времени, может быть выбран верховным патроном для перераспределения чуть позже, в зависимости от его текущих политических и экономических соображений.

Если обобщить вышеизложенное, то **экономические и политические цели** этого процесса отражают принцип интересов элит, то есть **накопление богатства**, поскольку патронализация предполагает перераспределение собственности между акторами, связанными по принципу реляции, и **умножение власти**, поскольку патронализация способствует монополизации патрональных сетей посредством изъятия активов у сторонних лиц в пользу членов этих сетей. **Идеологической вывеской** для перераспределения посткоммунистической собственности является «конец смены режима», либо путем (a) «введения диктатуры закона» вместо прежней олигархической анархии, если она имела место, либо через (b) «формирование национальной буржуазии» и правосудие, в рамках которого «активы, приватизированные обманным путем, изымаются у бывших коммунистов»[1]. Эти, а также другие основные черты всех видов политической реорганизации структуры собственности приведены в Таблице 5.12.

Альтернативно процессы реорганизации собственности можно осмыслить, если провести аналогию с первоначальным накоплением капитала, как его описывает Карл Маркс в первом томе «Капитала». Аналогия основывается на появлении нового слоя собственников, которые, чтобы стать доминирующими акторами в экономике и основой новой экономической системы или режима, вероятно, используют недобросовестные средства[2]. Тем не менее мы предпочитаем

[1] *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 290–304.

[2] *Szelényi I.* Capitalisms After Communism; *Holmstrom N., Smith R.* The Necessity of Gangster Capitalism: Primitive Accumulation in Russia and China // Monthly Review. 2000. Vol. 51. № 9. P. 1–15; *Sárközy T.* Illiberális Kormányzás

Таблица 5.12: Три типа политической реорганизации структуры собственности в посткоммунистическом регионе

Коммунистическая национализация (ликвидация частной собственности)	**Приватизация при смене режима** (восстановление частной собственности)	**Посткоммунистическое перераспределение собственности** (патронализация частной собственности)
трансформация типа собственности (из частной в государственную)	трансформация типа собственности (из государственной в частную)	передача частной собственности (от автономных / конкурирующих акторов патрональным)
национализация, коллективизация	приватизация	хищничество / принятие в семью
направлена на группы по классовому признаку	направлена на группы по типу собственности	направлена на группы по принципу лояльности патрону
экономическая цель: модернизация через принудительную индустриализацию **политическая цель:** нейтрализация или ликвидация класса собственников	**экономическая цель:** управление предприятием по принципу рыночной экономики **политическая цель:** трансформация власти	**экономическая цель:** накопление богатства (управление предприятием по принципу реляции) **политическая цель:** накопление власти (монополизация патрональных сетей)
идеологическая вывеска: «диктатура пролетариата», «конец эксплуатации рабочего класса и крестьянства»	**идеологическая вывеска:** «правосудие», «восстановление рыночной экономики»	**идеологическая вывеска:** «прекращение процесса смены режима», «построение национальной буржуазии»

использовать термин «политическая реорганизация собственности», потому что (1) он фокусируется на функционировании режимов, что лучше укладывается в логику нашего исследования, и (2) он является более широким по смыслу и, следовательно, способен охватывать ситуации,

a Liberális Európai Unióban: Politikailag Igen Sikeres Túlhajtott Plebejus Kormányzás — a Harmadik Orbán-Kormány, 2014–2018 [Нелиберальное управление в либеральном Европейском союзе: Политически успешное, чрезмерное и вульгарное управление — третье правительство Орбана, 2014–2018]. Budapest: Libri Kiadó, 2019. P. 302–311. Также см. части 26–33 в труде: *Маркс К.* Капитал.

которые в действительности сильно отличаются от первоначального накопления, как его понимал Маркс. Применение марксистских аналогий для описания коммунистической национализации могло бы привести к путанице, поскольку национализация упраздняла, а не создавала частную собственность, тогда как конфискованные активы использовались в дальнейшем в социалистической экономике, а не в капиталистической (согласно нашим понятиям [▸ 5.6])[1]. Приватизация при смене режима включала в себя (1) ликвидацию государственной собственности и (2) управление процессом смены режима, тогда как в определении, предложенном Марксом, (1) собственность изымается у частных акторов (крестьян), а (2) сильный и стабильный режим получает права собственности на землю (огораживание). Наконец, во время первоначального накопления капитала, по мнению Маркса, происходит его перетекание между доиндустриальным (сельскохозяйственным) и индустриальным секторами, которое сопровождается сменой владельцев. Однако в посткоммунистическом перераспределении в условиях контролируемой смены владельцев уже накопленного капитала его модернизационный потенциал отсутствует. Кроме того, бенефициарами хищничества становятся не предприниматели: это не та ситуация, когда кто-то зарабатывает «свой первый миллион» нечестным путем, а потом все равно участвует в конкурентной борьбе по правилам рынка. Вместо предпринимателей возникают олигархи и подставные лица, последний миллион которых такой же «грязный», как и первый. С точки зрения своей социальной функции, они являются лишь сборщиками ренты, которые, будучи уполномочены верховным патроном и получая различные субсидии, ведут свою деятельность, маскируясь под бизнесменов [▸ 3.4.1.2].

[1] Но см.: *Burdekin R.* Preobrazhensky's Theory of Primitive Socialist Accumulation // Journal of Contemporary Asia. 1989. Vol. 19. № 3. P. 297–307.

5.5.2. Совокупность основных черт приватизации: технократические и не технократические мотивы[1]

Приватизация при смене режима была чрезвычайно сложным процессом, который очень по-разному проходил в разных странах. Некоторые из этих различий были количественными: хотя на 2002 год частный сектор в странах с переходной экономикой обеспечивал более 60% их ВВП, степень приватизации в них варьировалась от высокой, как в Венгрии, Польше и Эстонии, до умеренной, как в Румынии, Украине и России, и низкой, как в Молдове, Беларуси и Узбекистане[2]. Однако более интересными, с нашей точки зрения, являются **качественные различия**, то есть широкий спектр методов, при помощи которых проводилась приватизация.

В этой части мы приводим **типологию методов приватизации в зависимости от ее мотивов**. Как упоминалось ранее, таких мотивов может быть три: экономический, идеологический и политический, и каждый из них включает несколько методов, которыми располагают приватизаторы. Конечно, на практике ни одна правящая элита не ограничивается одним мотивом, и поэтому ни в одной стране собственность партии-государства не была приватизирована единым образом. Однако в аналитических целях можно выделить мотивы приватизации при смене режима идеального типа и методы, применяемые для их реализации. Этот прием дает набор концептов, которые можно использовать, чтобы рассказать историю приватизации каждой страны посткоммунистического региона или, другими словами, описать **совокупность основных черт приватизации** в рассматриваемой стране, соотнеся ее практику со списком, который мы приводим.

[1] Мы признательны Карою Аттиле Шоошу за его помощь и дополнения к этой части.

[2] *Lane D.* Post-State Socialism. P. 22–23.

5.5.2.1. Технократическое измерение: открытость рынка приватизации и ее объект

Существует три **экономических цели** приватизации при смене режима, как, впрочем, и любой приватизации. Первая — **изменение системы стимулов** для менеджеров (собственников) экономических единиц через включение мотива прибыли. Как пишет Корнаи, в коммунистических диктатурах «[никакая] часть прибыли государственной фирмы не переходит автоматически в карманы этих [менеджеров], и, в свою очередь, они не должны покрывать из своих карманов никакие убытки государственной фирмы. Поскольку связь между „своим карманом“ и остаточным доходом государственной фирмы полностью отсутствует, те, кто в других отношениях имеют решающий голос при распределении остаточного дохода, с этой точки зрения вообще не являются реальными собственниками»[1]. Такое положение предполагалось изменить посредством приватизации, чтобы менеджеры (собственники) могли зарабатывать или нести убытки в зависимости от их успеха на рынке и, следовательно, были бы мотивированы производить продукцию в интересах клиентов, а не в интересах центрального планировщика. Во-вторых, приватизация — это способ **увеличить доходы бюджета**, что было немаловажно, когда налоговые доходы государств резко упали из-за того, что после транзита экономика перешла в рецессию. В-третьих, приватизацию можно проводить в целях **возобновления экономического роста**, который может быть стимулирован инвестированием в производство со стороны заинтересованных частных собственников[2].

В основе всех этих целей лежит **технократический мотив экономической эффективности**. И все эти практики приватизации можно проанализировать по двум критериям:

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 100.

[2] *Bokros L.* Accidental Occidental. P. 84.

(1) **объект приватизации** и (2) **открытость рынка приватизации для аутсайдеров** по отношению к правящей элите. Объект приватизации имеет значение при создании механизмов регуляции промышленности после приватизации. Следовательно, к таким конкурентным отраслям, как розничная торговля, необходимо подходить иначе, чем к естественным монополиям или олигополистическим рынкам, таким как природные ресурсы или банковское дело, которые требуют, как правило более жесткой нормативно-правовой среды[1]. Что до открытости рынка приватизации, то этот критерий имеет значение, поскольку (1) конкуренция между потенциальными инвесторами в условиях строгих требований должна приводить к производству более качественных товаров по более низкой стоимости, чем если бы рынок был закрыт для аутсайдеров, а приватизированный актив был заранее закреплен за конкретным экономическим актором, и (2) более высокая конкуренция ведет к более низкому **потенциалу коррумпированности**, то есть снижает вероятность того, что нормативное решение о том, кто приватизирует актив, превратится в дискреционное. В принципе, чем сложнее процедура и чем более дискреционны решения государства о сделках, тем выше потенциал коррумпированности[2].

В зависимости от объекта приватизации можно выделить четыре метода ее реализации (Таблица 5.13)[3]. Первый можно обозначить как **передачу деятельности на контрактной основе**, при которой **государство приватизирует какую-либо деятельность**, то есть возлагает на частный рынок производство определенного товара или услуги вместо того, чтобы производить их самостоятельно. Во многих странах дороги, школы

1 *Bokros L.* Accidental Occidental. P. 113–126.

2 *Kaufmann D., Siegelbaum P.* Privatization and Corruption in Transition Economies // Journal of International Affairs. 1997. Vol. 50. № 2. P. 419–458.

3 *Arakelyan V.* Privatization as a Means to Property Redistribution in Republic of Armenia and in the Russian Federation. Tampere: Tampere University Press, 2005. P. 82–85.

Таблица 5.13: Методы приватизации в зависимости от ее объекта (технократическое измерение)

	Что приватизируется?	**Отношение государства к бизнесу после передачи собственности**	**Экономическая форма, возникающая после передачи собственности**
Передача деятельности на контрактной основе	Деятельность	Потребитель	Искусственная монополия
Франчайзинг (лицензирование)	Концессия	Законодательный орган	Искусственная монополия (олигополия)
Прямая приватизация (частичная)	Предприятие (+ активы)	Партнер	Конкурирующая фирма (с потенциальным вмешательством государства в ее управление)
Прямая приватизация (полная)	Предприятие + активы	–	Конкурирующая фирма

и правительственные здания строят частные подрядчики. Кроме того, государство часто привлекает на контрактной основе исполнителей в такие сектора, как транспорт, общественная безопасность и рекреация[1]. В этом случае государство играет роль **потребителя** на частном рынке, а услуги предоставляются в форме **искусственной монополии**, поскольку в случае передачи деятельности на контрактной основе государство не просто покупает товар или услугу, которые обычно можно купить на рынке, а заключает контракт на государственную деятельность. Один из главных аргументов в пользу того, что государство не должно вести свою деятельность как монополист, заключается в том, что при заключении контрактов среди участников тендера возникает конкуренция, которая позволяет государству снижать затраты и минимизировать чрезмерное налогообложение [▸ 2.4.3].

Второй метод можно обозначить понятием **франчайзинг (лицензирование)**, и оно описывает ситуацию, когда **госу-**

[1] *Arakelyan V.* Privatization as a Means to Property Redistribution in Republic of Armenia and in the Russian Federation. P. 82.

дарство приватизирует концессию, то есть дает частным фирмам особую монопольную привилегию на производство и поставку определенной услуги (или ее части). Франчайзинг встречается особенно часто, если речь идет о товарах, обладающих свойствами естественной монополии[1], например коммунальных услугах, однако он также применяется, если государство хочет следить за данной деятельностью, исходя из общественных или иных интересов, например в случае азартных игр или табачной промышленности[2]. В условиях франчайзинга государство берет на себя роль особого **законодательного органа** для определенной отрасли (особого в том смысле, что оно регулирует эту отрасль больше и по другим правилам, чем остальные частные предприятия), а экономическая форма лицензируемой деятельности является искусственной монополией или олигополией.

Третий метод можно обозначить как **частичную прямую приватизацию**. В этом случае **государство приватизирует предприятие, а также его активы, но лишь до определенной степени** (то есть государство все еще остается акционером новой частной компании, но, как правило, миноритарным). Этот метод при частном управлении зачастую порождает неопределенность. По утверждению Кароя Аттилы Шооша, после смены режима «компании в России и Украине были приватизированы без земли, которая находилась в государственной собственности. В Словении возникла похожая неопределенность из-за своеобразного миноритарного активизма со стороны государственных органов, который заключался в том, что государственные и полугосударственные фонды кооперировались между собой и приобретали миноритарные пакеты некоторых предприятий, опираясь при этом на поддержку самого государства, игравшего роль главного управляющего,

[1] Ibid. P. 83–84.

[2] *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 230–238.

законотворческого и контролирующего органа»[1]. Следовательно, с технократической точки зрения, этот метод можно применять только к естественным монополиям и так называемым стратегическим отраслям[2]. При частичной прямой приватизации государство берет на себя роль **партнера** в управлении компанией, которая, однако, принимает экономическую форму конкурирующей фирмы (с потенциальным вмешательством государства в ее управление).

И, наконец, **когда государство приватизирует предприятие, но не становится его акционером**, то это метод **полной прямой приватизации**. Как отмечает Лайош Бокрош, с технократической точки зрения, он используется преимущественно в конкурентном секторе (производство, переработка пищевых продуктов, розничная торговля и т. д.), поскольку «государство <...> не способно реструктурировать, реорганизовать и усовершенствовать крупное количество коммерческих предприятий, а затем эффективно управлять ими»[3]. Именно этот урок можно было извлечь из развития плановых экономик: государство не способно эффективно управлять конкурирующими предприятиями и действовать в интересах потребителей[4]. При полной прямой приватизации предприятия становятся полностью частными, а после их передачи в собственность никакой реляции между государством и бизнесом не сохраняется. Таким образом, предприятие, ставшее частной собственностью, принимает экономическую форму независимой конкурирующей фирмы.

Теперь мы предлагаем обратиться к **открытости рынка приватизации** и относящимся к этому измерению пяти различным методам, которые мы перечисляем в порядке возрастания от самых мелких до самых высоких **барьеров для входа**

1 *Soós K. A.* Politics and Policies in Post-Communist Transition. P. 150.
2 Ibid. P. 122–124.
3 *Bokros L.* Accidental Occidental. P. 93.
4 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 256–289.

Таблица 5.14: Методы приватизации в зависимости от открытости ее рынка (технократическое измерение)

	Барьеры для входа	Открытость для аутсайдеров	Потенциал коррумпированности
Приватизация выпуска акций	Незначительные финансовые вложения	Открытый	Низкий
Публичный аукцион	Необходимость иметь крупный капитал	↓	↓
Публичный тендер	Необходимость соответствовать множеству критериев	↓	↓
Аукцион с ограниченным участием	Приглашение	↓	↓
Договорная продажа	Необходимость получить назначение от правящей политической элиты	Закрытый	Высокий

или от самых открытых до самых закрытых для аутсайдеров рынков (Таблица 5.14). Первый — это **приватизация выпуска акций**, когда государственное предприятие приватизируется не в один прием, а через открытую продажу акций (на фондовой бирже). В этом случае единственный барьер для входа — это незначительные финансовые вложения, необходимые для покупки акций[1]. Второй метод, когда государственное предприятие продают в ходе одной сделки, а сама процедура прозрачна и открыта для участия, мы называем **публичным аукционом**[2].

В обоих упомянутых случаях рынок приватизации является **открытым** в том смысле, как мы определили его в Части 5.4.2.1, потому что что любой человек может войти на него и конкурировать за приватизируемую собственность вне зависимости от решения государства. Рынок приватизации

[1] *Jones S. et al.* Share Issue Privatizations as Financial Means to Political and Economic Ends // Journal of Financial Economics. 1999. Vol. 53. № 2. P. 217–253.

[2] *Arakelyan V.* Privatization as a Means to Property Redistribution in Republic. P. 85.

приобретает уже **нормативно-закрытый характер** в случае **публичных тендеров**, когда государство позволяет участвовать в них не всем, а только тем, кто отвечает множеству критериев (как правило, при передаче деятельности на контрактной основе или франчайзинге). Где-то между нормативно- и дискреционно-закрытым рынками находится четвертый метод, **аукцион с ограниченным участием**, когда для участия в нем требуется приглашение от государства. Теоретически приглашение можно получить на основании нормативного критерия, но на практике в таких условиях высок риск дискреционности. Наконец, рынок приватизации становится **дискреционно-закрытым** в случае **договорных продаж**, когда того, кто получает приватизируемую собственность, назначает правящая политическая элита[1].

5.5.2.2. Мотивы не технократического свойства: установление справедливости и трансформация власти

Технократические мотивы, ориентированные на эффективность, более свойственны приватизации в тех странах, где рыночная экономика устоялась, чем в странах, где происходит смена режима. Помимо того, что достижение экономической эффективности входило в намерения далеко не всех приватизаторов[2], приватизация в технократическом ключе была в ряде случаев просто не доступна, и у этого есть четыре основных причины[3]:

1 *Arakelyan V.* Privatization as a Means to Property Redistribution in Republic. P. 86. Степень открытости имеет статус «по умолчанию», что означает отсутствие коррупции в процессе приватизации государства. Если коррупция возникает, она может превратить любой рынок приватизации в дискреционно-закрытый.

2 Обзор литературы на эту тему см.: *Soós K. A.* Politics and Policies in Post-Communist Transition. P. 25–29.

3 *Frydman R., Rapaczynski A.* Privatization in Eastern Europe: Is the State Withering Away? Budapest; New York: Oxford University Press, 1994.

• во время смены режима **не существовало пригодной для этого правовой среды** (за исключением пары стран Центральной Европы), которая могла бы в достаточной степени гарантировать защиту частной собственности, а также обоснованные и прозрачные правила передачи государственной собственности в частные руки;

• крах коммунистического строя часто сопровождался **прекращением функционирования государственного контроля**, в результате чего решения о распределении государственной собственности принимались с использованием политических механизмов и государственного аппарата, которые не были стабильны и не учитывали неустойчивость своего положения;

• **отсутствовал финансово устойчивый внутренний спрос**, поскольку в условиях государственной монополии и командной экономики никто не мог накопить необходимые для этого активы;

• когда административный рынок и командная экономика выходят из строя, **невозможно определить точную стоимость бывшей государственной корпорации** в рыночной среде, которой прежде даже не существовало. Ведь, как известно, ни цена продуктов, ни затраты на производство, ни собственно спрос и предложение не были сформированы рыночными силами. (Несомненно, можно предположить, что добывающая промышленность, цены в которой, по сравнению с международными, были занижены, принесла бы значительную прибыль тем, кто смог ее присвоить[1].)

Одним словом, **не технократические мотивы приватизации** возникали как намеренно, так и вынужденно. Два наиболее важных из них — это **установление справедливости**, то есть устранение несправедливости коммунистической диктатуры через передачу собственности ее законным

[1] Ср.: *Nureev R.* Power-Property as a Path-Dependence Problem.

владельцам, и **трансформация власти**, то есть либо преобразование власти коммунистической номенклатуры в посткоммунистическую экономическую власть, либо использование приватизации для личной выгоды новых акторов.

Мы выделяем четыре метода приватизации, которые, хотя и включают экономические аспекты, в первую очередь обусловлены идеологической целью установления справедливости (Таблица 5.15). Первый и самый простой способ сделать это — вернуть собственность тем, у кого ее забрали, то есть **реприватизация**. В процессе установления справедливости при реприватизации временной точкой возврата является структура собственности того периода, который предшествовал национализации / коллективизации, а целью этого процесса является предоставление национализированной собственности тем, кто в качестве бывших владельцев имеет на нее права. И хотя этот метод **в теории выглядит просто, его реализация** оказывается **намного более сложной**. С одной стороны, маловероятно, что реприватизация может способствовать экономической эффективности, так как дети (или внуки) тех, у кого было конфисковано имущество, вынужденные десятилетиями зарабатывать на жизнь в условиях плановой экономики, скорее всего, не являются наиболее подходящими акторами для современного и эффективного управления этими единицами. С другой стороны, что, с точки зрения установления справедливости, пожалуй, даже более важно, за десятилетия коммунистической национализации практически никакая собственность не сохранилась в первоначальном виде: многие старые здания были снесены или полностью реконструированы; новые здания были построены на части апроприированных земель; изъятые средства производства были амортизированы и т. д. Вследствие этого восстановление первоначального состояния объектов собственности было, как правило, нецелесообразным (а часто и невозможным), и не всегда было ясно, что именно должно

Таблица 5.15: Методы приватизации с точки зрения установления справедливости (идеологическая цель)

	Точка возврата для установления справедливости	**Основания легитимности приватизируемой собственности**	**Состав приватизируемой собственности**
Реприватизация	Период, предшествовавший национализации / коллективизации	Бывшие владельцы	Бывшее имущество
Компенсация	Период, предшествовавший национализации / коллективизации	Бывшие владельцы	Альтернативное имущество
Инсайдерская приватизация (МЕВО)	Период, предшествовавший смене режима	Владельцы активов	Альтернативное имущество
Свободная раздача гражданам (ваучеры)	Период, предшествовавший смене режима	Граждане	Альтернативное имущество

быть возвращено (и кому). В силу этих обстоятельств противники реституции утверждали, что «частные претензии часто бывают сложны и растянуты по времени и без необходимости замедляют процесс приватизации»[1]. Неслучайно в большинстве стран реприватизация ограничивалась преимущественно недвижимостью (например, сельскохозяйственными угодьями), а производственные активы затрагивала лишь в ограниченном объеме[2].

Второй метод установления справедливости предлагает решение обозначенных выше проблем. В результате **компенсации** бывшие владельцы получают не само конфискованное у них имущество, а некое альтернативное имущество, сравнимое по стоимости с прежним (национализированным). Это «альтернативное имущество» могло принимать форму так называемых компенсационных ваучеров, которые были в ходу в Венгрии и Словении, и могли быть использованы

1 *Arakelyan V.* Privatization as a Means to Property Redistribution in Republic. P. 82.

2 *Bokros L.* Accidental Occidental. P. 88–89.

в приватизационных сделках. «Эти ваучеры повысили спрос на акции всех предприятий, — пишет Шоош, — и средних, и крупных. Однако их влияние на структуру спроса, вероятно, было незначительным, поскольку их можно было свободно продавать и покупать; они даже котировались на фондовых биржах <...>. Цены на компенсационные ваучеры колебались в зависимости от роста „приватизационного предложения“ и от периодически меняющихся условий их использования в ходе приватизации. Однако их цена всегда была ниже их номинальной стоимости. Они осели в семьях и других хозяйственных единицах, которые так или иначе стремились приобрести приватизированные активы. Купив ваучеры по сниженным ценам, покупатели могли приобрести эти активы несколько дешевле»[1].

Третий метод можно назвать **инсайдерской приватизацией**, которая также известна как **выкуп бизнеса менеджерами (MEBO)**[2]. В отличие от двух уже описанных методов, точкой возврата для установления справедливости является не предшествующий национализации период, а момент перед сменой режима, поскольку «компания принадлежит тем, кто ее работает», если перефразировать расхожее выражение. Таким образом, при применении этого метода государственные предприятия могли быть переданы управляющим активами, в числе которых менеджмент и остальные сотрудники. Последние имели сильные позиции в Польше, а первые — в России, что свидетельствует о «двойном преимуществе, которое дает этот метод, а именно о возможности реализации и политической популярности»[3]. Однако в других странах, таких как Венгрия, где выкуп бизнеса зачастую совершался путем сговора, тот факт, что менеджмент происходил из слоя

1 *Soós K. A.* Politics and Policies in Post-Communist Transition. P. 29.

2 *Arakelyan V.* Privatization as a Means to Property Redistribution in Republic. P. 87–88.

3 Ibid. P. 87.

лояльных предыдущему режиму технократов, способствовал дефициту легитимности процесса приватизации. И действительно, в таких случаях приватизация обычно приводила к появлению «красных» и «зеленых» баронов внутри корпораций, которые либо платили менеджерам за отказ от должности, либо массово освобождали от обязанностей сотрудников этих корпораций. Этот процесс, как правило, совпадал с трансформацией определенных корпоративных подразделений в новые компании, связанные с менеджментом, что часто приводило к крушению крупных государственных (преимущественно промышленных) корпораций и увольнению значительной части их сотрудников.

Наконец, **свободная раздача гражданам** или массовая ваучерная приватизация основывалась на том принципе, что единственно возможные владельцы национализированной собственности — это люди, то есть граждане страны[1]. Таким образом, через выпуск приватизационных ваучеров или «купонов» в одночасье были созданы миллионы новых собственников. Эти граждане могли инвестировать полученные ваучеры в компании или в так называемые чековые инвестиционные фонды (ЧИФы)[2]. ЧИФы находились под контролем либо оставшихся в государственной собственности банков (как в Чехословакии), либо государственного приватизационного агентства (как в Румынии), либо под безнадзорным инсайдерским контролем в том случае, если по инициативе лиц с хорошими связями им удавалось собрать ваучеры граждан. «Последняя схема представляла собой самый неблагоприятный вариант и приводила к масштабным злоупотреблениям»[3].

1 *Lewandowski J.* The Political Context of Mass Privatization in Poland // Between State and Market: Mass Privatization in Transition Economies. World Bank Publications, 1997. P. 35–39.

2 *Arakelyan V.* Privatization as a Means to Property Redistribution in Republic. P. 95.

3 *Bokros L.* Accidental Occidental. P. 90.

Кроме того, этот процесс привел к значительной **фрагментации прав собственности**, и поэтому не способствовал какому-либо существенному росту благосостояния индивидов. Рыночная цена на недвижимость упала, что позволило некоторым лицам воспользоваться этим и сосредоточить в своих руках собственность, а затем политизировать свои активы.

Здесь мы приходим к рассмотрению политической цели приватизации, а именно к **трансформации власти номенклатуры** и передачи ее в частные руки. Эта цель не подразумевала конкретных методов, поскольку процесс по своей природе должен был быть неформальным. Скорее она предполагала злоупотребления в процессе приватизации в целом, что означает, что некоторые из ранее описанных и изначально нормативных методов были превращены в дискреционные акторами, действующими в разных направлениях.

С точки зрения направления, в котором на практике происходит искажение процесса приватизации, можно выделить три метода (Таблица 5.16). Первый — это **трансформация власти снизу вверх**. При применении этого метода мотивы государства являются технократическими, а приватизация представляет собой открытую конкуренцию, что означает, что победитель в приватизационных торгах заранее неизвестен. **Центральной воли, которая могла бы координировать передачу власти номенклатуры, не существовало**. **При этом активы были присвоены**. Не всегда их присваивали наиболее подходящие для этого экономические акторы с надлежащими навыками управления. **В основном это были члены номенклатуры, а также аутсайдеры с нужными связями, ведь они обладали конкурентным преимуществом**, поскольку, как мы упоминали ранее, не было никакого хорошего способа определить реальную рыночную цену коммунистической государственной собственности, так как она эксплуатировалась не в капиталистической среде и за пределами частного рынка. Следовательно, в ходе приватизации при смене режима

Таблица 5.16: Методы приватизации с точки зрения трансформации власти (политическая цель)

	Тип злоупотреблений	Длительность	Бенефициары
Трансформация власти снизу вверх	Использование незаурядного социального и интеллектуального капитала	Одноступенчатый процесс	Аутсайдеры (+ номенклатура) в больших количествах
Горизонтальная трансформация власти	Помощь в концентрации собственности во время вторичной приватизации	Многоступенчатый процесс	Номенклатура (+ аутсайдеры) в больших количествах
Трансформация власти сверху вниз	Прямая трансформация («государство приватизирует само себя»)	Одноступенчатый процесс	Номенклатура в малых количествах

наличие ценной инсайдерской информации, социального капитала или сетей сильной связи [▸ 6.2.1] могло использоваться для того, чтобы прибрать к рукам ценные активы. Как полагает Селеньи, в Центральной Европе «при приобретении богатства и получении должностей в посткоммунистических режимах социальный капитал был, несомненно, важнее политического. Личные связи и информация о компаниях, подлежащих приватизации, дополняли борьбу рыночных сил. Приватизационные агентства часто выставляли на аукционе фирмы по ценам ниже их реальной стоимости, и, чтобы получить о ней точную информацию, нужно было иметь связи, как с руководством предприятия, так и в приватизационном агентстве»[1].

Второй метод мы называем **горизонтальной трансформацией власти**. При его применении передача власти номенклатуры происходит не в один дискретный прием, а в ходе многоступенчатого процесса. Первый шаг представляет собой нормативную «первичную приватизацию», которая проводилась, как правило, в форме инсайдерской приватизации или свободной раздачи гражданам (ваучеров), что привело

1 *Szelényi I.* Capitalisms After Communism. P. 43. Также см.: *Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э.* Построение капитализма без капиталистов.

к чрезвычайно рассеянной структуре собственности. Но в последующие годы проводилась так называемая вторичная приватизация, в рамках которой люди продавали свои ваучеры, а приватизированные ранее активы концентрировались в руках все меньшего количества людей. В таких странах, как Чехия, этот процесс был нормативным, то есть происходил на свободном рынке без вмешательства государства с целью сделать членов номенклатуры бенефициарами вторичной приватизации[1]. Однако в таких странах, как Россия или Украина, где преобладала инсайдерская приватизация, правовая среда, созданная в ходе смены режима, предоставляла преимущества бывшим членам номенклатуры — новым менеджерам предприятий — которые в результате вторичной приватизации могли присвоить власть номенклатуры (см. Текстовую вставку 5.9). В этом процессе довольно многие бывшие члены номенклатуры, вероятно, десятки тысяч, стали доминирующими собственниками средних и крупных компаний, а некоторые из руководителей этих предприятий даже получили неограниченные полномочия, поскольку владели значительными долями в своих экономических единицах. Эти последние акторы после смены режима и стали первыми олигархами[2].

Текстовая вставка 5.9: Первичная и вторичная приватизация в России

Основной метод приватизации, применяемый в России с 1992 года, представлял собой решение, выдвинутое правительством <...> только потому, что в противном случае парламент вообще не принял бы закон о приватизации. Причина была в том, что только такая редакция этого закона соответствовала интересам руководителей предприятий, которые доминировали в парламенте. <...> При

1 *Soós K.A.* Politics and Policies in Post-Communist Transition: Primary and Secondary Privatisation in Central Europe and the Former Soviet Union. Budapest; New York: CEU Press, 2011. P. 105–110.

2 Ibid. P. 141.

ваучерной приватизации акции, помимо переданных или проданных сотрудникам и менеджерам [около 50%], продавались также сторонним инвесторам <...>, однако 29% акций можно было продать только за ваучеры на аукционах. <...> Эти формы собственности были обречены на сокращение <...> по двум причинам <...>. Во-первых, концепция собственности в руках сотрудников имела мало поддержки в системе права, слабые стимулы и незначительное правовое обеспечение. Во-вторых, <...> если защита интересов и прав мелких акционеров слаба, структура собственности имеет тенденцию к высокой концентрации. В таких странах быть маленьким акционером не выгодно. [В ходе вторичной приватизации в] России, Украине и Словении <...> доля участия менеджеров в капитале выросла, а доля обычного персонала снизилась. <...> Рядовые сотрудники были пассивными собственниками, а менеджеры были активны, и, в значительной степени злоупотребляя своими руководящими должностями, постепенно лишили миноритариев их долей в акционерном капитале (как, вероятно, и других владельцев)[1].

Наконец, третий метод — **трансформация власти сверху вниз** — предполагал то, что Ольга Крыштановская и Стивен Уайт описывают как «приватизацию государства государством». Анализируя ситуацию в России, они указывают на несколько случаев, «когда государственные чиновники, используя свои официальные полномочия, [приватизировали] те части государства, за которые [сами] несли ответственность. <...> Этот тип приватизации включал в себя всесторонние изменения в системе экономического управления, банковской сфере и розничной торговле, а также продажу наиболее прибыльных предприятий. Например, министерства превращались в концерны. Министр, как правило, уходил в отставку или становился консультантом того концерна,

1 *Soós K.* Politics and Policies in Post-Communist Transition. P. 8, 51, 106, 109.

который появлялся на месте министерства. Президентом концерна обычно был бывший заместитель министра, а концерн приобретал статус акционерного общества. Акционерами становились, как правило, люди, входящие в высший состав руководства бывшего министерства, а также предприятия, за которые они несли ответственность. Таким образом, имущество министерства становилось частной собственностью его главных должностных лиц; а сами они не просто приватизировали организацию, за которую были ответственны, но и делали это для личной выгоды»[1]. Ситуации такого рода случались до массовой приватизации, масштабы которой были поэтому сокращены. Конечно, экономист Виталий Найшуль, преувеличивал, когда сказал ельцинскому министру, ответственному за приватизацию: «Ваши планы по приватизации российской промышленности никогда не сработают. Все уже приватизировано и отдавать больше нечего», — но у него были на то основания[2].

По мнению Крыштановской и Уайта, партия-государство предоставила советской номенклатуре еще пять привилегий, которые помогли им трансформировать власть непосредственно перед сменой режима. Так, с самых первых шагов экономической реформы они получили исключительные права в следующих видах деятельности: (1) создание совместных предприятий, (2) конвертация активов в денежные средства, (3) выгодные кредиты, (4) сделки с недвижимостью и (5) преимущества при проведении импортно-экспортных операций[3]. Это подводит нас к проблеме **выжившей номенклатуры**, которая и вызвала дефицит легитимности приватизации.

1 *Kryshtanovskaya O., White S.* From Soviet Nomenklatura to Russian Elite. P. 720.

2 Цит. по: *Buiter W.* From Predation to Accumulation? The Second Transition Decade in Russia // Economics of Transition and Institutional Change. 2000. Vol. 8. № 3. P. 606.

3 *Kryshtanovskaya O., White S.* From Soviet Nomenklatura to Russian Elite. P. 716–720.

Если взглянуть на три исторических региона, мы увидим, что в православном регионе российская номенклатура **была** по вышеупомянутым причинам **одной из самых успешных коммунистических элит в плане сохранения своей власти в посткоммунистический период**. Крыштановская и Уайт обнаружили, что 61% бизнес-элит при президенте Ельцине был набран из бывшей номенклатуры, при этом доля членов номенклатуры в правительстве составляла 74,3%, а в высшем руководстве — 75%[1]. Настолько же высокие показатели можно найти только в **исламском историческом регионе**, либо в Азербайджане и бывшей советской Центральной Азии[2]. Однако надо сказать, что выживание номенклатуры было в меньшей степени обусловлено приватизацией или другими привилегиями и в большей степени тем, что (1) первые политические лидеры нового режима были практически в полном составе теми же людьми, что и коммунистические власти, и (2) они выступали против массовой приватизации и за «государство развития» (которое в действительности подчинялось принципу интересов элит, а следовательно, являлось криминальным государством)[3].

Рассмотрим, наконец, **западно-христианский исторический регион**, для чего обратимся к исследованию Ивана и Сони Селеньи[4]. Используя метод репрезентативного опроса, они сравнили успехи трансформации власти в России, Польше и Венгрии (Таблица 5.17). По их утверждению, **из тех, кто входил в экономическую номенклатуру в 1988 году, 56,6% занимали элитные позиции в Польше и 29,2% — в Венгрии пять лет спустя**. В России же эта цифра

1 Ibid. P. 729.

2 *Luong P.J.* Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia.

3 *Melvin N.* Uzbekistan: Transition to Authoritarianism on the Silk Road. Amsterdam: Taylor & Francis, 2000.

4 *Szelényi I., Szelényi S.* Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe.

составила 81,8%[1]. Такие различия между тремя историческими регионами можно, с одной стороны, объяснить разницей в уровне разделения сфер социального действия, а с другой — тем, насколько изменилась политическая элита. Среди членов политической номенклатуры коммунистического режима 67,7%, 27,5% и 21,9% сохранили свои позиции в новой элите России, Польши и Венгрии, соответственно[2]. Как мы уже убедились, экономическая элита сменилась в этих странах примерно в таких же соотношениях. Это объясняется тем, что, **поскольку в коммунистических странах политическая и экономическая сферы были слиты, более низкий коэффициент выживания политической номенклатуры был неразрывно связан с более низким коэффициентом выживания номенклатуры экономической, и наоборот**. Чем больше политических полномочий могли сохранить коммунисты, тем больше своей прежней экономической власти они могли удержать.

5.5.3. Совокупность основных черт патронализации: хищничество и имущественные права

В то время как приватизация создала частные рынки во всех посткоммунистических странах, значительная часть **номинально частной собственности оказалась в руках патрональных сетей** олигархов и полигархов [▸ 5.5.4.2]. Это происходило тремя путями: (а) **через приватизацию** с помощью одного из описанных выше методов трансформации власти;

[1] Селеньи и Селеньи используют другие цифры (и по-другому определяют экономическую элиту), чем Крыштановкая и Уайт. Однако результаты двух пар авторов имеют один и тот же порядок величин и, таким образом, одинаково хорошо подтверждают нашу точку зрения.

[2] *Szelényi I., Szelényi S.* Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe. P. 629.

Таблица 5.17: Где оказалась прежняя экономическая номенклатура. Источник: Szelényi I., Szelényi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe. P. 627

Классовая принадлежность (по состоянию на 1993 год) тех, кто входил в экономическую номенклатуру в 1988 году	**Россия** (N = 60)	**Польша** (N = 263)	**Венгрия** (N = 82)
Элита	81,1	56,6	29,2
Неэлита с подчиненными	13,2	12,6	18,3
Неэлита без подчиненных	1,7	7,2	4,9
В отставке	3,3	23,6	47,6

(b) **через овладение рынком**, то есть использование средств, приобретенных от государства (из бюджета) через коррупционные каналы, для скупки компаний; или (c) **через хищничество**, то есть принудительное изъятие неденежной собственности (компаний и т. д.) у частных акторов при помощи государственного принуждения или услуг силовых предпринимателей [▸ 2.5].

Первые два метода мы уже рассматривали, так что эта часть будет посвящена (c), хищничеству. В Главе 2 мы определили хищничество как принудительную апроприацию неденежной собственности в личных целях [▸ 2.4.3]. Здесь важно подчеркнуть, что, с нашей точки зрения, **не любая принудительная апроприация (частной) собственности является хищничеством**[1]. Напротив, наше определение уже ограничивает это понятие до неденежной собственности, а также в нем присутствует мотив личной выгоды. В отличие от этого, апроприация неденежной собственности для общественной выгоды называется экспроприацией:

• ***Экспроприация*** *— это принудительная апроприация неденежной собственности для общественной выгоды.*

Экспроприация может проводиться **нормативно**, когда имущество изымается у каждого, кто соответствует определенным критериям (которые при этом не уникальны для

1 Ср.: *Vahabi M.* The Political Economy of Predation. P. 41–45.

конкретных людей). В качестве примера здесь можно привести **коммунистическую национализацию** и коллективизацию, когда неденежная собственность (земля, фабрики и т. д.) была нормативно экспроприирована по классовому признаку у таких групп, как капиталисты или «кулаки». Кроме того экспроприация бывает **дискреционная**, что означает, что собственность изымается лишь у некоторых конкретных лиц. Так происходит в рамках национализации, проводимой от случая к случаю, как, например, в либеральных демократиях при **принудительном отчуждении частной собственности**, когда необходимая для общественных целей земля (например, под строительство дорог) экспроприируется у тех, кто оказался ее владельцами[1]. Такое принудительное изъятие осуществляется не для личной выгоды политиков или их собственного потребления, а для общественной пользы и создания товара или услуги, которыми будет пользоваться множество людей. Кроме того, такое дискреционное вмешательство в либеральных демократиях нельзя осуществить без предоставления **справедливой компенсации**, о чем свидетельствует цитата из Пятой поправки к Конституции США, которая гласит, что «частная собственность не должна изыматься для общественного пользования без справедливого возмещения»[2].

При проведении коммунистических национализаций компенсация не предоставлялась, тогда как при перераспределении собственности в посткоммунистический период, которое осуществлялось главным образом путем хищничества, размер компенсации колебался от нуля до рыночной цены актива,

[1] *Stoebuck W.B.* A General Theory of Eminent Domain // Washington Law Review. 1971—1972. Vol. 47. P. 553–608. Кроме того, национализация является общим термином, который обозначает способ государственного участия в захвате собственности, и в этом смысле она проявляется как в экспроприации, так и в хищничестве [▸ 5.5.3.3].

[2] *Sullivan E.* A Brief History of the Takings Clause.

Таблица 5.18: Различные типы принудительного изъятия неденежной собственности

	Для общественной выгоды	**Для личной выгоды**
Нормативное определение объектов	экспроприация (отрасли / рынка или активов у дискриминируемой группы)	хищничество (отрасли / рынка или активов у дискриминируемой группы)
Дискреционное определение объектов	экспроприация (конкретных активов)	хищничество (конкретных активов)

в зависимости от потенциальной стоимости изъятия этого имущества [▸ 5.5.4]. Хищничество, так же как и экспроприацию, можно разделить на две категории по признаку нормативности определения его объектов (Таблица 5.18). В случае нормативного определения речь идет о рассматриваемом ниже рыночном рейдерстве, когда хищническое государство захватывает целые отрасли и через дискреционное регуляционное вмешательство превращает их в монополию определенного актора, который известен заранее. В свою очередь, хищничество конкретных активов рассматривается в следующем разделе, где показано, как и частные, и публичные акторы могут захватывать компании других акторов через принуждение.

5.5.3.1. От силовых предпринимателей до криминального государства: типология рейдерских практик

Перераспределение посткоммунистической собственности включает в себя **хищничество со стороны правящей политической элиты**, которая использует бескровные средства государственного принуждения. **Но хищничество могут инициировать и частные акторы**, например когда организованное подполье и/или олигархи захватывают компании других частных акторов. Общий термин для описания деятельности по захвату компаний в посткоммунистическом регионе — это рейдерство[1]:

1 *Viktorov I.* Russia's Network State and Reiderstvo Practices.

• ***Рейдерство*** *— это тип хищничества, направленный на экономические единицы (фирмы, компании, предприятия и т. д.).*

«Рейдерство» образовано от английского слова *raiding* и означает «принудительное поглощение». Однако было бы неверно пытаться применять здесь этот термин в его западном значении. Хотя **агрессивное поглощение в либеральных демократиях** часто считается неэтичным, оно подразумевает законные действия, против которых активно выступает действующее руководство или совет директоров присоединяемой фирмы[1]. Принудительное поглощение компаний на Западе редко характеризуется незаконным применением власти, а физическое насилие встречается еще реже.

В свою очередь, рейдерство всегда включает в себя незаконные практики и применение насилия для захвата определенных экономических единиц в личных целях. На основании уровня применяемого принуждения можно выделить три типа рейдерства (Таблица 5.19). Первый тип, в рамках которого акторы применяют прямое физическое насилие, то есть когда владелец компании отдает свою собственность «под дулом пистолета», называется черное рейдерство:

• ***Черное рейдерство*** *— это тип рейдерства, которое осуществляется через прямые угрозы или применение физического насилия (нанесение телесных повреждений, вымогательство под угрозой убийства и т. д.). Черное рейдерство инициирует, как правило, либо (a) организованное подполье (преступные группировки), либо (b) конкурирующие предприниматели или олигархи.*

Черное рейдерство — это широко распространенный феномен, обусловленный слабой властью (включая в некоторых случаях несостоявшиеся государства), а также нечеткими

[1] *Schneper W. D., Guillén M. F.* Stakeholder Rights and Corporate Governance: A Cross-National Study of Hostile Takeovers // Administrative Science Quarterly. 2004. Vol. 49. № 2. P. 263–295.

Таблица 5.19: Типы и некоторые особенности рейдерства в постсоветских режимах

Сила государства	Законность рейдерства	Инициатор или клиент корпоративного рейдерства			
		Организованное надполье: верховный патрон (высокопоставленные должностные лица)	**Представители власти среднего, низкого или высокого уровня**	**Конкурирующие предприниматели или олигархи**	**Организованное подполье: преступные группировки**
Сильное государство	Белое рейдерство				
	Серое рейдерство				
Несостоявшееся государство	Черное рейдерство				
Институциональная среда и особенности рейдерской деятельности		Криминальное государство	Коррумпированное / Плененное государство		Несостоявшееся государство
		Однопирамидальная сеть власти	Мультипирамидальная сеть власти		
		Монополизированная	Олигархическая		Конкурирующая
		Захват олигарха	Захват государства		не существует

правовыми условиями, регулирующими имущественное право. Кризис трансформации начала 1990-х годов лишил массы людей их скудных, но стабильных доходов, одновременно открыв возможности для насильственного перераспределения только что приватизированной собственности.

Черное рейдерство **осуществляют члены организованного подполья**, принимая на себя роль силовых предпринимателей. **Когда вместо насилия со стороны частных лиц**[1] **инициаторы рейдерства полагаются на коррумпированные / плененные государственные органы**, это явление можно обозначить как серое рейдерство:

• ***Серое рейдерство*** *— это тип рейдерства, которое осуществляется через применение государственного принуждения в коррумпированном или плененном государстве. Серое рейдерство инициируют, как правило, (a) конкурирующие предприниматели или олигархи, либо (b) представители власти среднего, низкого или высокого уровня, либо (c) высокопоставленные государственные должностные лица.*

Серое рейдерство — это то, что Томас Файерстоун обозначает как «корпоративное рейдерство» в посткоммунистическом регионе. По его мнению, этот феномен можно определить как «конфискацию либо попытку конфискации бизнеса или существенной части его активов через применение нормативного документа, полученного благодаря коррупционным связям, включая, в частности, постановления суда, судебные решения, корпоративные резолюции, уставные и регистрационные документы. Корпоративный рейд выполняется, как правило, в три шага: 1) прибегая к коррупции, рейдер создает или получает нормативный документ, дающий фальшивое имущественное право на какие-либо активы, в большинстве

[1] Законные силовые предприниматели не могут заниматься рейдерством, поскольку рейдерство по определению незаконно. Другими словами, если законного силового предпринимателя нанимают для рейдерства, он по определению становится вне закона.

случаев акции или недвижимость какого-либо предприятия; 2) рейдер производит силовой захват этой собственности; 3) рейдер отмывает конфискованную собственность через ряд подставных компаний, передавая ее так называемому добросовестному приобретателю, у которого затем практически невозможно потребовать ее возвращения. <...> Каждый из этих шагов подразумевает злоупотребление правовой системой»[1].

Инициаторами серого рейдерства **не всегда являются преступные группировки**. Ими могут быть конкуренты в бизнесе или даже представители органов государственной власти более низкого, местного уровня. В первом случае речь идет о корпоративной преступности, стимулированной государством, тогда как во втором случае — о государственной преступности, стимулированной корпорациями[2]. По аналогии с тем, как это делают брокеры-коррупционеры, **брокеры-рейдеры** «предоставляют необходимую профессиональную поддержку, являясь поставщиками профессиональных услуг, такими как юристы или банкиры, которые взимают плату или получают процент от конечной прибыли за содействие в рейде»[3].

Серое рейдерство становится доминирующей формой рейдерства, когда государственные акторы теряют контроль над государственной администрацией, а чиновники начинают использовать власть над экономическими акторами для личной выгоды (как это обычно происходит в слабых государствах и случалось в России и Украине в течение посттранзитного периода олигархической анархии [► 2.5]). Маркус описывает это явление как **бессистемные нарушения имущественных прав со стороны государства**, то есть оно состоит

1 *Firestone T.* Armed Injustice: Abuse of the Law and Complex Crime in Post-Soviet Russia // Denver Journal of International Law and Policy. 2009–2010. № 38. P. 563.

2 *Friedrichs D.* Trusted Criminals. P. 159–162.

3 *Rojansky M.* Corporate Raiding in Ukraine: Causes, Methods and Consequences // Demokratizatsiya. 2014. Vol. 22. № 3. P. 429.

из случайных, несогласованных между собой хищнических действий отдельных акторов[1]. Эти акторы не имеют стратегического видения. Они мыслят в краткосрочной перспективе и присваивают то, что находят привлекательной добычей в данный момент[2]. По мнению Маркуса, эти бюрократические хищники действуют как «пираньи: ненасытные минитвари, столь же смертоносные в группах, как акула, и более уязвимые по одиночке. В отличие от акул, пираньи никогда не координируют свои атаки и обычно нападают на более крупных, чем они сами, существ. Так и в современных развивающихся государствах хищничеством часто занимаются обладающие большими возможностями „мини-твари“: полицейские, партийные функционеры, представители местных администраций, директора государственных предприятий, налоговые инспекторы или официальные представители множества ведомств, обладающих полномочиями препятствовать производственной деятельности (санитарный надзор, противопожарная и общественная безопасность и т. д.)»[3]. Таким образом, это описание показывает, что анархия преобладает не только за пределами государства, где нет монополиста на легитимное применение насилия, защищающего имущественные права, но и внутри него, что приводит к хаотичным, довольно непредсказуемым отношениям между государством и экономическими акторами [▸ 2.6].

Далее Маркус повествует о том, что сохранение способности государственного управления выполнять экономические функции после транзита, которая в некоторой степени

1 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 27–46.

2 Так, в своем исследовании Маркус утверждает, что эти акторы, в терминологии Олсона, превращаются из «оседлых бандитов» в «кочующих бандитов» [▸ 7.4.7.2]. См.: *Markus S.* Secure Property as a Bottom-Up Process: Firms, Stakeholders, and Predators in Weak States // SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2012. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=2143322.

3 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 11.

необходима в период зарождающегося капитализма, является (помимо слабого государства) еще одной предпосылкой захвата власти сверху вниз. В качестве дополнительного фактора можно назвать **низкий уровень кодификации** норм права, который облегчает «пираньям» «ловлю рыбы в мутной воде», если применить здесь двойную метафору. Действительно, скудная кодификация — это хорошо известная проблема сразу нескольких постсоветских стран, особенно в православном историческом регионе[1]. Наконец, стоит отметить, что чиновники в такой ситуации могут легко стать силовыми предпринимателями [▸ 2.5.1]. Опираясь на легитимное применение насилия государством, **административные служащие извлекают выгоду из своих возможностей вымогать деньги** и собственность у определенных экономических акторов либо (a) для личного обогащения, либо (b) в обмен на взятку от конкурирующих предпринимателей или олигархов, которым они предоставляют свои услуги. Вот некоторые позиции из списка услуг, оказываемых российскими чиновниками в середине 2000-х годов (с указанием цен), который приводит Маркус[2]:

- проверка фирмы налоговой службой (4 тыс. долларов);
- решение суда об аресте имущества / запрете на проведение общего собрания акционеров (10–30 тыс. долларов);
- возбуждение уголовного дела против определенных собственников (50 тыс. долларов);
- прекращение уголовного дела через Министерство внутренних дел (30 тыс. долларов);
- обвинительный приговор арбитражного суда против конкретной фирмы (10–100 тыс. долларов);
- арест конкурента по бизнесу через Министерство внутренних дел (100 тыс. долларов);
- рейдерский захват офиса (10–30 тыс. долларов).

1 *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law.

2 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 62. Для краткости мы приводим не все пункты из этого списка.

Вместе с завершением переходного периода олигархической анархии серое рейдерство постепенно утрачивает дух свободной конкуренции и начинает организовываться либо (a) вокруг конкурирующих патрональных сетей, если, стабилизируясь, режим принимает форму патрональной демократии (Украина), либо (b) вокруг однопирамидальной сети, если в стране устанавливается патрональная автократия (Россия). Если продолжить использовать метафору Маркуса, то в последнем случае «пираньи» превращаются в «рыб-чистильщиков», которые могут съедать остатки пищи изо рта акулы, которая допускает такое «воровство», поскольку объем добычи, который достается рыбе-чистильщику, ничтожно мал. В патрональных автократиях все еще возможно децентрализованное серое рейдерство: Маркус ссылается на экспертные оценки, согласно которым в период с 2005 по 2011 год число успешных рейдерских атак доходило до более чем 10 тыс. фирм в год в России (и до 1300 фирм в Украине)[1]. Однако, хотя «чиновники могут встать на пути некоторых потоков доходов, которые иначе могли бы принести выгоду главе государства», «атаки на более фундаментальные права собственности являются прерогативой руководства государства»[2].

Так мы приходим к рассмотрению тех случаев, **когда рейдерство инициирует хищническое государство**, то есть правящая политическая элита, а непосредственным его осуществлением занимаются представители государственного принуждения по приказу властей. Мы обозначаем такое положение дел как **централизованное корпоративное рейдерство**, в рамках которого собственность присваивается высшими властями государства, как правило, по приказу высшего должностного лица исполнительной власти и под его руководством. Этот тип рейдерства становится преобладающим, когда мультипирамидальная патрональная система

1 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 57.
2 Ibid. P. 11.

заменяется на однопирамидальную, а **рейдерство становится инструментом для подчинения олигархов**, которые были ранее относительно независимы и вели борьбу между собой. Здесь речь идет не о захвате государства, а только о **захвате олигарха**, что предполагает монополизацию власти патрональной сетью [▸ 3.4.1.4].

Централизованное корпоративное рейдерство задействует множество разновидностей рейдерства из Таблицы 5.19. **Одна из них — серое рейдерство**, в рамках которого для совершения атаки на конкретную компанию чиновников коррумпируют высшие должностные лица сверху вниз, а не снизу вверх. По мнению Ричарда Саквы, в «классический арсенал» централизованного корпоративного рейдерства входит: «приобретение миноритарного пакета акций, которые затем используются для того, чтобы вмешиваться в существующую систему управления; подача гражданского иска против компании в комбинации с возбуждением уголовного дела против высшего состава ее руководства <...>; и разного рода коммерческие приемы, применяемые группами, так или иначе связанными с рейдером»[1]. Однако автократический верховный патрон, контролирующий законодательную власть, **имеет широкие возможности для использования последнего типа рейдерства** — белого.

• ***Белое рейдерство*** *— это тип рейдерства, которое осуществляется через применение государственного принуждения в криминальном государстве. Этот тип рейдерства инициирует, как правило, организованное надполье, то есть (a) представители власти среднего, низкого или высокого уровня либо (b) верховный патрон как высокопоставленное должностное лицо в государстве.*

Отходя от традиционного употребления этого термина, мы понимаем под «белым рейдерством» разновидность

1 *Sakwa R.* Systemic Stalemate: Reiderstvo and the Dual State // The Political Economy of Russia. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. P. 84.

корпоративного рейдерства, где **вместо злоупотребления правовой средой, она целенаправленно адаптируется и настраивается против индивидов и отдельных компаний**. Однопирамидальная патрональная система через законодательство и указы создает для белого рейдерства «законное» пространство для маневра, как это описано в Главе 4. С одной стороны, особенностью такого законодательства является то, что законы, в отличие от их публично заявленной функции, согласно которой они применяются одинаково ко всем, на самом деле разрабатываются для конкретных лиц или компаний. С другой стороны, эти законы (закон о банкротстве, закон о борьбе с уклонением от уплаты налогов, различные правила безопасности и предписания по защите окружающей среды и т. д.) позволяют доминирующей патрональной сети подталкивать компании, подлежащие рейдерскому захвату, к банкротству при помощи политически выборочного правоприменения [▸ 4.3.5.2]. Таким образом формируется правовая среда, которая соответствует хищническому характеру мафиозного государства и служит его интересам.

В практических случаях применения централизованного корпоративного рейдерства, **белое и серое рейдерство часто дополняют друг друга**. Однако это становится возможным, только если верховный патрон полностью контролирует инструменты государственной власти, так как для этого необходима слаженная работа институтов, ведающих законодательными вопросами (включая принятие указов), налоговых ведомства, спецслужб, прокуратуры и полиции. Монополия на власть, которая, как правило, сосредоточена в руках президента, наделяет его грубой политической силой, позволяющей заменить олигархическую анархию на одну из разновидностей криминального государства, — мафиозное государство. Такая замена была произведена в России вскоре после того, как Путин пришел к власти (см. Текстовую вставку 5.10). Кроме того, подобная попытка была предпринята в Украине

во главе с верховным патроном Виктором Януковичем, когда «министерства стали оружием администрации президента против любого бизнеса»[1].

Текстовая вставка 5.10: Рейдерство и силовики в России

Словом «силовики» <...> обозначают сотрудников спецслужб и представителей вооруженных сил, включая бывших военнослужащих, занимающих руководящие посты в политических и административных органах власти, а также в крупном бизнесе. На федеральном уровне силовики представляют собой ряд более или менее связанных между собой неформальных сетей власти внутри российской правящей элиты <...>. Гипотеза относительно причин рейдерства и его длительного применения, заключается [в том, что] основные рейдерские группы были организованы и контролировались высокопоставленными чиновниками из региональных отделений ФСБ, которые с 2000 года являются истинными бенефициарами крупнейших рейдерских захватов. Именно поэтому прокуроры расследовали лишь малую долю всех рейдов, и лишь пара-тройка рейдеров были осуждены в судах. Этот тезис подтвердили недавние академические исследования, посвященные рейдерству. <...> После восстановленной в 2000 году государственной монополии на насилие проблема криминального захвата бизнеса была в значительной степени разрешена. Однако на смену ему пришло не верховенство права, а ситуация при которой сети силовиков используют судебную власть, государственный аппарат и монополию на насилие для личного обогащения. Силовики смогли удачно монетизировать свой административный ресурс либо путем захвата успешных частных компаний, либо через получение доли денежных потоков, производимых этими компаниями[2].

1 *Rojansky M.* Corporate Raiding in Ukraine. P. 427.

2 *Viktorov I.* Russia's Network State and Reiderstvo Practices: The Roots to Weak Property Rights Protection after the Post-Communist Transition // Stubborn Structures. P. 445–446.

Все посткоммунистические режимы были различны по широте спектра применяемого рейдерства: от белого до черного, от несистематических случаев применения насилия до централизованного и «легализованного» корпоративного рейдерства. **Россия прошла все три стадии** и в итоге (в значительной степени) монополизировала, сконцентрировала и присвоила средства экспроприации, установив централизованную форму корпоративного рейдерства, которая способствует накоплению власти и обогащению. Параллельно с этой централизацией она, парадоксальным образом, создала определенную форму защиты собственности, которая в некоторой степени противоречит партизанским действиям более низкого уровня, применяемым в ходе серого и черного рейдерства[1]. Непременными условиями для защиты имущественных прав в мафиозном государстве являются, во-первых, лояльность верховному патрону, а во-вторых, такое положение людей, входящих в близкие к приемной политической семье круги, при котором у них нет необходимости захватывать чью-либо собственность. Согласно опросам, проведенным в 2008 и 2011 годах, российские менеджеры, владеющие недвижимым имуществом и имеющие при этом личные связи с приемной политической семьей, считали, что их права собственности защищены гораздо надежнее, чем права тех, у кого таких связей не было[2]. Однако несмотря на произвольный характер этой системы, она создает более надежную для защиты имущественных прав обстановку, чем предшествующий ей период олигархической анархии. Если этого требует размер империи, верховный патрон делегирует право на корпоративные рейдерство и коррупцию (за исключением сферы добычи сырья и стратегических отраслей промышленности) региональным губернаторам из приемной

1 *Volkov V.* Violent Entrepreneurs. P. 181–191.

2 *Frye T.* Property Rights and Property Wrongs. P. 77.

политической семьи, которые воспроизводят национальную систему в более мелком масштабе [▸ 2.2.2.2].

В Украине преобладали первые две формы, впрочем корпоративные рейды под руководством президента также приобрели популярность, когда Леонид Кучма, а затем Виктор Янукович предпринимали попытки установления однопирамидальной системы[1]. «Оранжевая революция» и Евромайдан остановили консолидацию этих усилий [▸ 4.4.2.3]. По сути, вакуум, возникший после последней революции в результате распада государства и гражданской войны, на региональном уровне был заполнен временным предоставлением должностей в органах власти доминирующим в регионах олигархам[2]. **В Венгрии**, напротив, благодаря стабильности либерального политического институционального устройства и зрелости правовых институтов, защищающих частную собственность, **никогда не было ни черного, ни серого рейдерства**. Миновав первые две «эволюционные» стадии, Венгрия столкнулась сразу с третьей — **централизованным рейдерством** — поскольку **оно стало активно применяться мафиозным государством, созданным Виктором Орбаном** после 2010 года[3]. И хотя в **бывших советских республиках Центральной Азии** экономика была приватизирована в гораздо меньшем объеме, большинство из этих стран, как и Венгрия, пропустили первые две стадии. Однако в таких странах, как Азербайджан, Казахстан и Узбекистан, монополию верховного патрона на корпоративное рейдерство обеспечивала не институциональная система либеральной демократии, а бывшие коммунистические лидеры, удерживавшие власть на самом высоком уровне.

1 *Rojansky M.* Corporate Raiding in Ukraine.

2 *Konończuk W.* Oligarchs after the Maidan: The Old System in a «new» Ukraine // Policy Paper. OSW Commentary. 2015. № 162. P. 1–8.

3 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 218–238.

5.5.3.2. На пути к патронализации: экзогенные и эндогенные права собственности

Централизованное корпоративное рейдерство является лишь одной из форм хищничества, к которой прибегают хищнические государства. Помимо него при перераспределении собственности в посткоммунистическом регионе применяется множество других методов. Для изучения этих практик, а также результатов процесса патронализации с точки зрения собственности **имущественные права** предоставляют прекрасную аналитическую базу, поскольку (1) в случае принудительной передачи частной собственности происходит нарушение имущественных прав конкретных владельцев, и (2) через рассмотрение того, кто осуществляет имущественные права и какие именно, можно описать результаты патронализации, при которой номинальная собственность и фактическое пользование ею не совпадают (в отличие от, например, либеральных демократий, где они совпадают).

В рамках логики нашего исследования мы различаем две разновидности прав:

- **экзогенные имущественные права**, то есть права, которые регулируют отношение государства к собственности, или то, что государство обязано делать (или не делать) относительно частной собственности;
- **эндогенные имущественные права**, то есть права, которые регулируют отношение владельца к его собственности или то, что он фактически может делать со своим имуществом.

Вероятно, кто-то возразит, что это различие излишне, поскольку эндогенные права включают в себя и экзогенные. Ведь если кто-либо по праву владеет объектом имущества, это как раз и означает, что он может им распоряжаться, а другие люди (без его разрешения) — нет, и такое положение дел приобретает повсеместный характер, только если окружающие уважают это право и не пользуются чужой собственностью.

Однако мы проводим это различие не для того, чтобы выразить нормативную философскую точку зрения, а для того, чтобы представить ясную аналитическую основу для описания конкретных случаев из мировой практики. С аналитической точки зрения, проводить различие между экзогенными и эндогенными правами полезно по двум причинам. Во-первых, помимо того, что государство обязуется не претендовать на собственность ее законного владельца, другие его обязательства могут составлять совокупность экзогенных прав, которые соблюдаются конституционными государствами и нарушаются мафиозными, где практикуется хищничество и патронализация. Во-вторых, с помощью этого различия мы можем красиво разделить наше описание на две части: с одной стороны, на методы хищничества, если сфокусироваться на нарушениях экзогенных прав законных владельцев, и с другой — на последствиях патронализации, если обратить внимание на распределение эндогенных прав между олигархами, полигархами и подставными лицами.

5.5.3.3. Экзогенные права: типы национализации

Здесь мы используем слово «**национализация**» в качестве общего термина, обозначающего различные нарушения экзогенных прав собственников. Однако **не стоит путать посткоммунистическую национализацию** (a) **с коммунистической,** а также (b) **с либерально-демократической**. Национализация в том виде, как она практикуется в посткоммунистических автократиях, что подразумевает экспроприацию частной собственности при помощи принудительных инструментов публичной власти, фундаментально отличается по своим функциям как от своей капиталистической реализации, так и от того, как она функционирует в условиях коммунистической командной экономики, в основе которой лежит монополия государственной собственности. Хотя при капитализме среди мотивов режима

фигурируют также неэкономические цели, эксплуатация национализированной собственности тем не менее вписывается в логику рынка. В свою очередь, в коммунистических режимах акты национализации являются частью политической системы, экономика в которой функционирует довольно единообразно, находясь в собственности партии-государства, где слиты в одно целое политическая и экономическая сферы. Однако **в посткоммунистических автократиях национализация** является частью посткоммунистического перераспределения собственности и служит **как (1) для увеличения благосостояния приемной политической семьи, так и (2) для предоставления регламентированного вознаграждения тем, кто встроен в ее вассальную иерархическую цепочку**.

Чтобы избежать путаницы, мы предлагаем для актов посткоммунистической национализации три категории[1]. Каждая из них охватывает ряд практик, объединенных на основании критерия нарушения одного из трех следующих типов экзогенных имущественных прав (Таблица 5.20):

- ***Горячая национализация*** *— это тип хищничества, который нарушает экзогенные имущественные права, а именно* ***право на безопасность и защиту собственности****. Под этим правом подразумевается обязанность государства в нормативном порядке обеспечивать защиту имущественных прав каждого, кто в нем живет.*

- ***Монополистическая национализация*** *— это тип хищничества, который нарушает экзогенные имущественные права, а именно* ***право на ведение экономической деятельности****. Под этим правом подразумевается обязанность государства не закрывать доступ к частному рынку для тех, кто желает и имеет возможность в нем участвовать, а также не лишать этой возможности тех, кто уже является его участником.*

[1] Необходимо отметить, что рейдерство — это подтип посткоммунистической национализации и обозначает акты, объектами которых являются компании (экономические единицы).

Таблица 5.20: Практики, применяемые при национализации (разновидности нарушений экзогенных имущественных прав) в хищнических государствах

	Нарушение экзогенных прав (тип национализации)	**Форма собственности до ее передачи**	**Форма собственности в ходе ее передачи**	**Форма собственности после ее передачи**
Ренационализация	Право на безопасность и защиту собственности (горячая национализация)	Частная (ранее приватизированная) компания	–	Государственная компания
Деприватизация		Частная доля в частных компаниях	–	Государственная доля в частных компаниях и государственных холдинговых структурах
Бандитская национализация		Частная собственность	Частная собственность под угрозой атаки или мошенничества со стороны государства	Государственная собственность
Транзитная национализация		Частная компания	Государственная компания	Частная компания (патрональная)
Захват рынка	Право на ведение экономической деятельности (монополистическая национализация)	Частная деятельность на основании нормативной лицензии	–	Частная деятельность на основании дискреционной лицензии
Национализация путем получения рынка		Частный рынок	–	Государственная монополия (франчайзинг)
Национализация путем отзыва компетенций		Частная деятельность, уполномоченная местным самоуправлением	–	Частная деятельность, уполномоченная центральным правительством
Холодная национализация	Право на справедливое отношение (холодная национализация)	Частная компания	Частная компания в удушающей экономической среде	Частная компания (патрональная)

• ***Холодная национализация***[1] *— это тип хищничества, который нарушает экзогенные имущественные права, а именно* ***право на справедливое отношение****. Под этим правом подразумевается обязанность государства нормативно относиться ко всем экономическим единицам, облагать их налогом и принимать в отношении них решения по заранее определенным правилам, а не дискреционно или по прихоти правящей политической элиты.*

Теперь, когда мы обозначили три типа национализации, приведем для каждого из них идеальные подтипы (то есть практики). Естественно, примеры из реальной жизни не являются идеальными типами, и в них могут сочетаться различные формы. Однако, чтобы иметь возможность их анализировать, необходимо сначала выделить «чистые» типы национализации, из которых можно затем составить описание более сложных случаев.

Первый **подтип горячей национализации**, которому мы даем определение, это **ренационализация**:

• ***Ренационализация*** *— это тип горячей национализации, при котором государство совершает полный насильственный захват ранее приватизированной компании на длительный период.*

1 Мы конструируем этот термин по аналогии с «холодной коллективизацией». В Польше во время коммунистической национализации в сфере сельского хозяйства руководство страны не обладало достаточной властью, чтобы осуществить коллективизацию крестьянских земель, поэтому они национализировали рынок: государство предотвратило концентрацию земельных владений, и поэтому структура собственности частных хозяйств практически не менялась в период с 1945 по 1970 год; до 1972 года сохранялась система обязательных поставок государству; широко использовались государственные цены; в руках государства находилась торговля сельскохозяйственными орудиями и семенами и т. д. Следовательно, хотя коллективизация земель как таковая не проводилась, совокупность этих практик можно назвать «холодной коллективизацией». См.: *Magyar B.* Post World War II History of Polish Agriculture: Doctoral dissertation, Eötvös Lóránd University (restricted circulation by Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences), 1980.

В контексте посткоммунистических патрональных автократий ренационализация означает применение вмешательства с отъемом собственности в целях личного обогащения. Через передачу права собственности ранее приватизированная компания без каких-либо промежуточных стадий становится государственной[1]. Второй подтип, которому необходимо дать определение — это деприватизация:

• ***Деприватизация*** *— это тип горячей национализации, который предполагает увеличение доли государственного участия в приватизированных компаниях.*

Однако суть деприватизации заключается в принудительном объединении государственных и частных корпораций, принадлежащих некоторым особо важным стратегическим отраслям (например, добыча сырья, военная промышленность или высокотехнологичное производство), в единую государственную холдинговую компанию. Этот метод служит достижению целей приемной политической семьи, то есть накоплению власти и обогащению, при этом не блокируя полностью экономическую деятельность компаний, принадлежащих к этим отраслям. Параллельно этот метод выполняет ряд других важных функций, от обеспечения лояльности до возможности назначать подставных лиц и распределять ренту в долгосрочной перспективе.

В рамках своего эмпирического исследования Люси Черных проанализировала 153 из 200 крупнейших российских компаний, которые на конец 2003 года находились в частных руках. Именно в этом году началось формирование патрональной автократии при Путине [▸ 7.3.3.5], а также была запущена большая волна национализации (посткоммунистического перераспределения собственности). Черных собрала данные о приобретении вышеупомянутых компаний, на долю которых приходилось 36,6% ВВП России, чтобы понять,

1 *Chernykh L.* Profit or Politics? Understanding Renationalizations in Russia // Journal of Corporate Finance. 2011. Vol. 17. №. 5. P. 1240.

какие из них стали объектом поглощения государством в период с 2004 по 2008 год. Она обнаружила, что таких компаний было 26, 19 из них подверглись поглощению (передача управления 14 из них была произведена с мажоритарным пакетом, то есть государство завладело более, чем 50% акций, а 5 — с блокирующим меньшинством, то есть более, чем 25% акций), а поглощение остальных 7 не было завершено до конца 2008 года. Черных установила, что ход национализации в России определялся в основном политическими соображениями, тогда как корпоративная прибыльность и экономическое значение не были систематически связаны с вероятностью национализации. Однако между иском об уклонении от уплаты налогов в отношении частной компании и ее вероятностью стать объектом национализации была обнаружена сильная корреляция, что указывает на политически выборочное правоприменение [▸ 4.3.5.2]. Кроме того, государственные поглощения в России не были направлены против иностранных инвесторов, поскольку большая часть подвергшихся им компаний принадлежала местным владельцам[1].

В двух оставшихся методах горячей национализации заключена промежуточная стадия процесса национализации между имущественным правом человека без патрональных связей и человеком, такие связи имеющим. Эти два метода можно определить следующим образом:

- ***Бандитская национализация*** *— это тип горячей национализации, который предполагает национализацию частных активов после угрозы или мошенничества со стороны государства.*
- ***Транзитная национализация*** *— это тип горячей национализации, который предполагает вмешательство с отъемом собственности, применяемое против определенной компании, которая затем реприватизируется выбранным заранее актором.*

1 *Chernykh L.* Profit or Politics?

Слово «**бандитский**» в названии одного из типов национализации обозначает грабеж среди бела дня, когда жертву заставляют отдать свое имущество под дулом пистолета. Конечно, это не совсем то, чем занимается правящая политическая элита или аппарат хищнического государства, но они, несомненно, используют принуждение, которое проявляется не в насилии, а в виде угроз осуществить бандитскую национализацию. Чтобы проиллюстрировать это, возьмем в качестве примера Венгрию и проведенную там в 2011 году **национализацию частных пенсионных фондов**. Чтобы ликвидация системы частных пенсионных накоплений, которая работала уже более десяти лет, стала возможна, необходимо было накалить обстановку, распространив информацию о том, что частные пенсионные фонды «растрачивают деньги граждан при помощи спекуляций». Поскольку таких сообщений, объявляющих фонды вне закона, было недостаточно, захват подавляющего большинства средств (около 10 млрд евро) необходимо было обеспечить путем запугивания и шантажа членов пенсионного фонда, а также через угрозу потери гарантированных государством пенсий и установление ряда технических препятствий, которые нужно преодолеть, чтобы сохранить членство в частных фондах. В отсутствие какого-либо заметного общественного возмущения члены этих фондов лишились своих сбережений в обмен на сомнительные обещания будущей государственной пенсии[1].

В случае транзитной национализации частная компания, принадлежащая актору, который не входит в состав приемной политической семьи, передается «на временное государственное попечение». Посредством промежуточной фазы (ре)национализации частные средства и имущество оказываются в собственности людей из круга приемной политической семьи. Этот метод применяется прежде всего, когда

[1] *Simonovits A.* The Mandatory Private Pension Pillar in Hungary: An Obituary // International Social Security Review. 2011. Vol. 64. № 3. P. 81–98.

у приемной политической семьи (формально) не хватает частных средств. Тогда состоятельные подставные лица и банки просто скупают компании, что является более простым и менее привлекающим внимание способом поглощения отдельных компаний[1]. Транзитной национализации может способствовать предварительная холодная национализация (см. ниже), вынуждающая владельцев уступить и в итоге уйти с рынка. Чтобы поспособствовать реприватизации внутри приемной политической семьи, государство может предоставлять займы. По сути, «реприватизация, определялась как „повторная приватизация“: национализация уже приватизированных компаний с последующей возможной „честной“ приватизацией»[2].

Монополизирующая национализация включает в себя три подтипа:

• ***Захват рынка*** *— это тип монополизирующей национализации, включающий в себя (a) условия лицензирования, подогнанные под определенных экономических акторов, или (b) дискреционный отзыв лицензии у акторов, конкурирующих на определенном рынке с членами приемной политической семьи.*

• ***Национализация путем получения рынка*** *— это тип монополизирующей национализации, включающий в себя национализацию экономической деятельности или права на нее путем трансформации прежде частнопредпринимательской деятельности в государственную монополию.*

• ***Национализация путем отзыва компетенций*** *— это тип монополизирующей национализации, включающий в себя монополизацию экономической деятельности путем лишения органов местного самоуправления полномочий по привлечению к ней частных акторов.*

1 См, например: *Várhegyi É.* The Banks of the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 295–309.

2 *Chernykh L.* Profit or Politics? P. 1240.

Используя эти практики, государство не лишает владельцев их бизнеса напрямую, но монополизирует соответствующую экономическую деятельность. Типичный случай **захвата рынка** предусматривает, что определенные виды деятельности (например, местный общественный транспорт, управление водными ресурсами, утилизация отходов, торговля металлами и т. д.) разрешается осуществлять только компаниям в государственной или муниципальной собственности. Если говорить о **национализации путем получения рынка**, то она является противоположностью франчайзинговой приватизации, поскольку предоставляет право заниматься рыночной деятельностью только в случае концессии. После захвата рынка хищническое государство может либо (a) перераспределить концессии в процессе децентрализации своей деятельности, либо (b) централизовать деятельность и сделать ее исключительной компетенцией вновь созданной государственной компании, либо (c) централизовать деятельность, но частично приватизировать ее через аутсорсинг [► 5.5.2.1], и тем самым встроить частных акторов более низкого уровня в патрональную сеть приемной политической семьи в качестве субподрядчиков и случайных победителей госзакупок. В любом из этих случаев, деятельностью могут заниматься только те экономические акторы, которые подчиняются приемной политической семье и верховному патрону. Таким образом, национализация путем получения рынка отличается от нормативных изменений в либеральных демократиях, которые также могут вытеснить с рынка конкурентов и нарушить их право на ведение экономической деятельности [► 5.4.2], поскольку после вступления в силу изменений в режимах этого типа деятельность осуществляют люди, не входящие в правящую политическую элиту.

Национализация путем отзыва компетенций предполагает централизацию муниципальных полномочий с целью сконцентрировать в руках верховного патрона право раздавать

государственные подряды в определенных сферах деятельности, благодаря чему он с большей легкостью может отдавать их акторам, выбранным по своему усмотрению. По сути, этот тип национализации следует понимать не как национализацию компетенций, а скорее, как национализацию через компетенции. Концентрируя в своих руках право решать, кто будет осуществлять экономическую деятельность, верховный патрон может распоряжаться определенным сектором экономики, вытесняя из него нежелательных конкурентов и поощряя лояльных членов приемной политической семьи.

Последний тип национализации — это **холодная национализация**, при которой для определенных экономических акторов посредством государственного вмешательства создается неблагоприятная экономическая среда. В частности, государство может (1) использовать регуляционное или бюджетное вмешательство, чтобы препятствовать производственной деятельности и/или (2) регулировать или захватывать определенные рынки в том секторе экономики, в котором ведет свою деятельность актор, выбранный объектом атаки. Мы не выделяем в рамках этого типа подтипы или методы, поскольку их слишком много для создания полезной типологии. Более целесообразным будет подробно описать это явление. В ходе холодной национализации государство экспроприирует рынок определенного сектора экономики, при этом не национализируя напрямую задействованные в нем предприятия. Для этого используются как прямые, так и опосредованные методы, описанные ниже в связи с хищничеством [▸ 5.5.4.1]. Такие меры, как использование государственной власти для установления цен, введение дискреционных налогов или регулирование / ограничение сферы деятельности при помощи законов, разработанных по индивидуальному заказу, предназначены для разорения собственников бизнеса, что необходимо для осуществления постоянной или транзитной национализации в целях поддержания субординации среди ключевых

игроков рынка. Кроме того, они индивидуализируют и внедряют политически ангажированные иерархические цепочки в рыночные отношения, которые в противном случае в целом основываются на безличных связях и экономических расчетах [▸ 6.2.2.3]. Холодная национализация не всегда трансформируется в постоянную или транзитную национализацию, но она расчищает путь для потенциального применения множества способов извлечения ресурсов из бизнеса.

Чаще всего холодная национализация сопровождает процесс, при котором приемная политическая семья приобретает больше должностей в экономическом секторе, а организованное надполье накапливает все большие состояния. Например, среди посткоммунистических стран, которые впоследствии стали членами ЕС, рыночные и экономические привилегии были естественным образом связаны с владением собственностью, часть которой в результате холодной национализации стала государственной. Чем дальше на восток, тем меньше эти привилегии соотносились с зарождающейся частной собственностью. Соответственно, в этих странах перед мафиозным государством стоит задача не ренационализации прав, а, скорее, сохранения их в собственности государства[1].

Если сравнить российский и венгерский опыт, можно увидеть, что для перераспределения рынков на реляционной основе Орбан, как правило, использовал транзитную и монополистическую национализацию [▸ 5.6.1.1][2], в то время как Путин больше опирался на ренационализацию и деприватизацию. Другими словами, в Венгрии в формально частной собственности находится бóльшая доля перераспределенного

1 Эти права могут включать в себя централизованное управление системой распределения сырья и логистикой, а также явление, часто называемое чрезмерным регулированием, которое позволяет представителям власти преследовать и шантажировать предпринимателей через применение разнообразных незаконных методов.

2 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 210–248.

имущества, чем в России, где Путин полагается скорее на прямую государственную собственность[1]. Однако что касается конечного результата, то эти два метода ничем не отличаются, поскольку на деле оба переводят имущество в патрональную собственность [▸ 5.5.1]. То, что один верховный патрон предпочитает формальную частную собственность, а другой — формальную государственную, объясняется степенью консолидации режима. Как мы отмечали в Главе 4, Венгрия является наименее консолидированным режимом среди существующих патрональных автократий, а Россия — наиболее [▸ 4.4.3.2]. **В более консолидированных автократиях верховный патрон может быть уверен, что не утратит власть, а следовательно, контроль над государственными компаниями; в менее консолидированных автократиях безопаснее хранить собственность у формальных частных владельцев, чтобы она не переходила из рук в руки в случае смены правительства**. Таким образом, в последнем случае для верховного патрона целесообразно применять горячую национализацию частных фирм как можно реже, тогда как более уверенный в себе верховный патрон, такой как Путин, может использовать государство для осуществления прав собственности более открыто.

5.5.3.4. Эндогенные права: результат патронализации

В предыдущих частях мы рассмотрели способы, при помощи которых приемная политическая семья распределяет собственность среди своих членов. Теперь обратимся к результатам этого процесса, то есть к структуре собственности,

[1] Таким образом, Фисун говорит о «бюрократическом неопатримониализме» (в дополнение к «олигархическому» варианту), которому свойственны «государственно-бюрократическая монополия и полупринудительная централизация неопатримониального господства в рамках суперпрезидентского режима» (*Fisun O.* Neopatrimonialism in Post-Soviet Eurasia. P. 91–92).

которая формируется вследствие ее посткоммунистического перераспределения.

Анализ отношений собственности в рамках однопирамидальной патрональной сети может быть выполнен на основании статуса **эндогенных имущественных прав**. Ученые, как правило, относят их к «правам собственности», когда определяют, что включает в себя «владение» объектом собственности или что может делать с ней ее владелец. В своей выдающейся статье Эделла Шлэгер и Элинор Остром делят имущественные права на две группы: права пользования (*use rights*) и права контроля (*control rights*)[1]. Среди **прав пользования** они перечисляют следующие:

• **доступ**, то есть право входить в определенный объект собственности;

• **извлечение средств**, то есть право на получение «продуктов» (прибыли) от собственности.

Права контроля, в свою очередь, включают в себя следующие три типа:

• **управление**, то есть право регулировать способы применения собственности и трансформировать ее путем внесения улучшений;

• **исключение**, то есть возможность определять, кто имеет право доступа и как можно передать это право другому лицу;

• **отчуждение**, то есть право продавать или сдавать в аренду права на управление и исключение[2].

[1] *Schlager E., Ostrom E.* Property-Rights Regimes and Natural Resources: A Conceptual Analysis // Land Economics. 1992. Vol. 68. № 3. P. 249–262.

[2] В научной литературе можно найти более обширные перечни прав пользования и контроля, чем приведенный здесь. (Классический пример см.: *Honoré A.* Ownership // Oxford Essays in Jurisprudence. Oxford: Clarendon Press, 1961. P. 107–147.) Причина, по которой мы, несмотря на это, опираемся на работу Шлэгер и Остром, состоит в том, что перечисленных в ней пяти прав достаточно, чтобы описать особенности владения собственностью членами однопирамидальной патрональной сети. Это также означает, что если того требует описание конкретного случая, можно использовать и более обширный список.

Стоит отметить, что мы описываем эти **права как социологический,** а не как юридический **феномен**. Другими словами, нас интересует не то, на что по официальным документам собственники имеют формальное право, а то, что они в действительности могут делать с объектами собственности. **В либеральных демократиях** идеального типа такая дифференциация является излишней, поскольку **формальные и фактические права совпадают**, то есть владелец может делать со своей собственностью именно то, на что у него есть формальное право. Однако **в патрональных автократиях** или в однопирамидальной патрональной сети, возникающей в результате процесса патронализации, **формальные и фактические права расходятся.** Тот факт, что экономический актор является формальным владельцем определенного объекта собственности, не обязательно означает, что он и на деле может пользоваться и управлять своей собственностью.

Чтобы проиллюстрировать это, возьмем для примера экономические единицы идеального типа, которые формально принадлежат экономическим акторам в различных режимах (Таблица 5.21). Если **предприниматель** владеет объектом собственности в условиях **либеральной демократии**, это означает две вещи: во-первых, **он может осуществлять все права пользования и контроля** в отношении этого объекта, и, во-вторых, **политики** (политические акторы в либеральных демократиях) **не могут вмешиваться в то, как он пользуется своими правами**. Именно так работает **разделение сфер социального действия**, когда экономические акторы **полностью независимы** от политических. Конечно, политики прибегают к государственному вмешательству, которое регулирует использование частной собственности. Однако эти **правила**, как мы упоминали выше, являются **нормативными, а также достаточно постоянными** в том плане, что их можно изменить только в результате сложного демократического процесса законотворчества, а не по прихоти политика [▸ 4.3.4]. Таким

Таблица 5.21: Эндогенные имущественные права акторов в либеральных демократиях и патрональных автократиях

		Либеральная демократия		**Патрональная автократия**			
		Формальная собственность = фактическая собственность		**Формальная собственность ≠ фактическая собственность**			
		Нормативное, постоянное вмешательство		**Дискреционное, несистематическое вмешательство**			
Эндогенные права		Предпринима-тель	Политик	Экономическое подставное лицо (низкого или среднего уровня)	Экономическое подставное лицо (элитное)	Олигарх	Полигарх (верховный патрон)
Права пользования	Доступ	+	–	–	+	+	+
	Извлечение средств	+	–	–	–	+ –	+
Права контроля	Управление	+	–	–	+	+	+
	Исключение	+	–	–	–	+ –	+
	Отчуждение	+	–	–	–	+ –	+

образом, нормативные положения не влияют на исполнительные решения экономических акторов, но определяют границы осуществления эндогенных прав, то есть **они не диктуют, что нужно делать, но указывают на то, чего делать нельзя**. Другими словами, нормы конституционного государства формируют игровое поле, на котором могут «играть» экономические акторы, а политические акторы при этом не обладают эндогенными правами на частные компании.

В патрональных автократиях из-за **отсутствия разделения сфер социального действия** складывается иная ситуация. Возьмем в качестве примера двух экономических акторов приемной политической семьи идеального типа: экономическое подставное лицо и олигарха. **Подставное лицо низкого или среднего уровня не обладает правом пользования или контроля в отношении собственности, которой он формально владеет**. Получается, что экзогенными **правами на частную собственность** подставного лица **обладает верховный патрон**, олигарх или полигарх, и это **подставное лицо зависимо от своего патрона**. Основная функция подставных лиц низкого и среднего уровня заключается в юридической персонализации накопленного богатства патрона, то есть в формальном владении его состоянием, которым тот не может владеть по закону. Ситуация в случае **элитного подставного лица** немного отличается, поскольку он также берет на себя роль управляющего подставной компанией. Так, **патрон делегирует ему право доступа к своей собственности и управления ею**, но права на извлечение средств, исключение и отчуждение остаются в руках патрона, который пользуется ими через неформальные связи и подставных лиц.

Чтобы оценить положение **олигарха** в однопирамидальной патрональной сети, необходимо вспомнить, что по сути он является элитным подставным лицом верховного патрона. В силу этого олигархи, с одной стороны, имеют те же права, что и подставные лица высокого уровня, то есть **право**

доступа к своей собственности **и управления** ею. Однако помимо этого у них есть также некоторая **независимость в плане исключения, извлечения средств и отчуждения**. Эта независимость довольно ограниченная, так как **верховный патрон может** по своему усмотрению **завладеть** эндогенными правами на собственность своих олигархов. Вмешательство верховного патрона носит **дискреционный и несистематический** характер: ему не нужно соблюдать какие бы то ни было нормативные правила относительно того, когда можно вмешиваться в исполнительные решения своих клиентов и в какие именно. Кроме того, верховный патрон более или менее нормативно устанавливает **неформальные ограничения** на то, на что они не могут тратить свое формальное состояние. По своему воздействию и характеру эти ограничения аналогичны государственным нормативным актам, с той лишь разницей, что они не кодифицированы и неформально применяются против непокорных через негативное дискреционное вмешательство государства. Типичным неформальным ограничением для олигархов в патрональных автократиях является **запрет на финансирование политических оппонентов** и на создание новых патрональных сетей, поскольку это может привести к нарушению однопирамидального характера приемной политической семьи[1]. Другие неформальные ограничения могут быть связаны с **оттоком капитала и наследованием**, то есть перемещением имущества за границу или в частные руки наследника[2].

Вопрос о наследовании особенно интересен в случае подставного лица: поскольку он не является настоящим владельцем, большая часть имущества, которое формально принадлежало ему, передается не тем, кто был формально с ним связан

1 Ср.: *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged.

2 Billionaires in Moscow Try Building Dynasties for Post-Putin Era // The Moscow Times. 29.01.2019. URL: https://www.themoscowtimes.com/2019/01/29/billionaires-in-moscow-try-building-dynasties-for-post-putin-era-a64319.

(то есть его родственникам или детям), а другим членам, олигархам и подставным лицам приемной политической семьи. Верно и обратное утверждение: **после смерти экономического актора можно узнать, насколько он был автономным владельцем, а насколько лишь подставным лицом**, то есть какая часть капитала на самом деле принадлежала ему, а какая — патрону, который вынужден теперь, после потери подставного лица, которое выполняло роль юридического фасада, перераспределить богатство внутри своей сети. Венгрия служит здесь хорошим примером: после смерти киномагната Эндрю Вайны в 2019 году большая часть его бизнес-империи (включая казино и один из крупнейших коммерческих телеканалов TV2) унаследовала не его вдова, а олигархи и подставные лица приемной политической семьи Орбана[1].

Из предыдущего абзаца следует, что **верховный патрон является конечным собственником всего имущества приемной политической семьи**. Он не всегда пользуется своими правами и делегирует некоторые исполнительные решения своим клиентам, олигархам и полигархам более низкого уровня, если посчитает более децентрализованное управление более эффективным. Однако **верховный патрон обладает фактическим правом распоряжаться любой собственностью**, находящейся во владении семьи, при том что **не имеет на нее никаких формальных прав**. С юридической точки зрения или в глазах наблюдателя, привыкшего к либеральным демократиям, верховный патрон существенно не отличается от политика западного типа; ни один из них не имеет законного права доступа, извлечения средств, управления, исключения или отчуждения в отношении частной собственности экономических акторов. И если в ситуации, когда сферы социального действия разделены, это означает,

1 *Oroszi B.* Fidesz-közeli oligarchákhoz került a Vajna-örökség legjava [Oligarchs near Fidesz get the best of the Vajna heirloom] // HVG.hu. 14.05.2020. URL: https://hvg.hu/gazdasag/20200514_andy_vajna_vagyon_oligarcha_vida_meszaros.

что политик действительно не имеет таких прав, то в условиях, когда сферы смешаны, верховный патрон на деле имеет все права использовать и контролировать частные активы приемной политической семьи.

5.5.3.5. Система власть-собственность: от рыночной экономики к реляционной

В конце предыдущей части мы отметили, что наблюдатель — пусть это будет политолог — который привык к западным демократиям, не может отличить полигарха от политика, поскольку их формальные статусы совпадают. Так же и экономист, привыкший к западным рыночным экономикам, не может отличить предпринимателя от олигарха по тем же причинам. Если рассматривать сферы социального действия так, как если бы они были отделены друг от друга, а совпадение формального и фактического статусов принимать за данность, невозможно понять феномен полигархов и олигархов.

То же верно и в отношении доминирующего типа собственности. **В традиционном экономическом мышлении** преобладает **дихотомия частной и государственной собственности**, и на основании доминирования частной либо государственной собственности и сравниваются экономические системы. В сущности, цель приватизации при смене режима заключалась именно в нормативной трансформации типа собственности, то есть в смене преобладающей государственной собственности на частную, и последующее за этим установление капитализма. Однако если речь идет о посткоммунистических странах и смешанных сферах социального действия, которые порождают описанное выше распределение имущественных прав, дихотомия частного и государственного не соответствует действительности. Следовательно, для обозначения собственности в условиях отсутствия разделения сфер необходимо специальное понятие — власть-собственность:

• ***Власть-собственность*** *— это тип собственности, управление и защита которой осуществляются через неформальные политические связи ее владельца. Политические связи означают, что владелец является либо клиентом, если он владеет собственностью как подставное лицо своего патрона, либо патроном, если он владеет своей собственностью как олигарх или полигарх, а также осуществляет имущественные права на формальную / законную собственность своих подставных лиц.*

Понятие «власть-собственность» широко используется в русскоязычной литературе[1]. Кроме того, установлено, что **преобладание власти-собственности свидетельствует о наличии новой экономической системы**, ведь именно доминирующий тип собственности определяет принципиальную основу этой системы. В условиях командной экономики преобладает государственная собственность, тогда как рыночной экономике свойственно преобладание частной собственности. **Экономику**, где доминирующей формой собственности является власть-собственность, можно назвать **реляционной**.

В Части 5.6 мы проводим сравнительный анализ трех вышеупомянутых типов экономики. Здесь же достаточно процитировать работу Игоря Бережного и Вячеслава Вольчика, которые анализируют развитый режим, основанный на власти-собственности. По их мнению, такой режим заключается в выполнении следующих условий: (1) наделение правами собственности на те или иные объекты возможно при деятельном участии государства как основного агента распределения

1 *Ryabov A.* The Institution of Power&Ownership in the Former U.S.S.R. Рябов дает более широкое определение власти-собственности, под которое подпадают всевозможные формы слияний и смешений экономической и политической сфер, включая феодализм и коммунистические диктатуры. При таком понимании государственная собственность является формальным и безличным типом власти-собственности, тогда как то, что мы обозначаем этим термином, является ее неформальным и личным типом. Однако, хотя этимологически такое расширение оправдано (так как в каждом случае «власть» действительно связана с «собственностью»), для нашего исследования мы сужаем это определение до неформальных отношений.

(перераспределения); (2) собственность может быть отобрана в любое время, если власть (любого уровня) заинтересована в перераспределении этой собственности; (3) государство или иные представители власти получают ренту (в явной или неявной форме) от объектов, включенных в отношения власти-собственности»[1]. Таким образом, первое условие (1) характеризует любую реляционную экономику, третье (3) — клептократические государства, где текущие доходы присваиваются незаконно, а второе (2) — хищнические государства, где незаконно присваивается капитал или источники доходов. Хищнические государства могут заниматься незаконным присвоением капитала как в политических, так и в экономических целях, между которыми в рамках системы власти-собственности трудно провести различие.

5.5.4. Хищничество и экономическая динамика

Стоимость в фазе выслеживания и в фазе охоты, а также трофейная стоимость

5.5.4.1. Хищники и жертвы: динамика передачи собственности при сером и белом рейдерстве

По утверждению экономиста Гарольда Демсеца, в любой экономике «[при] совершении сделки <...>, происходит обмен двумя совокупностями имущественных прав. Эти права часто прикреплены к реальному товару или услуге, но именно стоимость прав определяет стоимость того, что подлежит обмену»[2]. Взяв за основу такой подход, можно сказать, что различные акты обмена между участниками рынка — это не что иное, как **передача имущественных прав**. Этот обмен может быть добровольным / принудительным или формальным /

[1] *Бережной И., Вольчик В.* Исследование экономической эволюции института власти-собственности. С. 116.

[2] *Demsetz H.* Toward a Theory of Property Rights. P. 163.

неформальным и представляет собой передачу из рук в руки совокупности прав.

В рыночной экономике либеральных демократий динамика передачи прав собственности определяется преимущественно **двусторонними, добровольными решениями покупателей и продавцов**. Регуляционное вмешательство ограничивает предложение товаров и услуг, допуская производство только тех из них, которые соответствуют нормативным требованиям государства, а бюджетное вмешательство перераспределяет средства от одних групп к другим. Однако ни одно из них не определяет структуру собственности. Скорее они задают для акторов рамки или исходное положение в плане богатства и возможностей, и эти акторы могут беспрепятственно изменять эти «изначально» распределенные блага через добровольный обмен. Перераспределенная собственность не предполагает каких-либо дополнительных государственных льгот или полной защиты от механизма прибылей и убытков регулируемого рынка. Следовательно, структура собственности формируется в основном за счет добровольных рыночных сделок[1].

Однако **по мере того, как характер передачи собственности меняется с добровольной на принудительную, покупатели становятся хищниками, а продавцы — их жертвами**[2]. Когда акторы играют эти общественные роли, динамику передачи имущественных прав определяют в основном **односторонние принудительные решения хищников**. В патрональных режимах хищниками могут быть либо (a) автономные олигархи (если система не является однопирамидальной), (b) верховные патроны приемных политических семей, либо

1 *Poirot P.L.* Ownership as a Social Function // Toward Liberty: Essays in Honor of Ludwig von Mises on the Occasion of His 90th Birthday. Menlo Park, California: Institute for Humane Studies, 1971. Vol. 2. P. 293–298.

2 Для простоты мы используем термин «жертва» как для компании-жертвы, так и для ее владельца.

(c) субпатроны, которым предоставил право на хищничество их верховный патрон. Если жертвой является экономическая единица (компании и т. д.), то такое хищничество называется рейдерством, а если для его осуществления используются бескровные инструменты государственной власти, то это либо серое рейдерство, преобладающий метод хищничества (a) — автономных олигархов, либо белое рейдерство, преобладающий метод хищничества (b) — верховных патронов, либо комбинация белого и серого, преобладающий метод хищничества (c) — субпатронов.

Поскольку хищнические действия определяются целями хищников, описательную модель[1] лучше всего строить, глядя на эти действия их глазами, то есть **уделяя внимание тем же факторам, которые важны для них**. Именно такой подход предлагает экономист Мердад Вахаби, который проанализировал политическую экономию хищничества в нескольких своих работах[2]. В статье под названием «Позитивная теория хищнического государства» Вахаби различает **экономическую стоимость** актива, то есть его привлекательность на рынке или цену, по которой актив может быть продан в рамках добровольной сделки, и **трофейную стоимость** актива, то есть его привлекательность в глазах хищника или ту часть актива, которую можно передать посредством принудительного поглощения[3]. По его мнению, трофейная стоимость «зависит от *возможности выхода* [из актива]. На эту стоимость влияют два фактора: (1) степень сложности присвоения актива; (2) способность актива избежать присвоения.

[1] Мы предлагаем менее описательную, более теоретическую модель в рамках экономической литературы о хищническом государстве в статье: *Madlovics B.*, *Magyar B.* Post-Communist Predation: Modelling Reiderstvo Practices in Contemporary Predatory States // Public Choice. 2021. № 187. P. 247–273.

[2] *Vahabi M.* The Political Economy of Predation. Определение Вахаби шире, чем наше, но подходит для каждого рассматриваемого нами случая. Ср.: Ibid. P. 41–45.

[3] *Vahabi M.* A Positive Theory of the Predatory State.

С точки зрения противостояния хищничеству, чем более *мобилен* и *невидим* актив (то есть если он обладает некоей скрытой ценностью или его легко спрятать или замаскировать), тем он более устойчив к конфискационной (присваивающей) политике»[1].

Хотя понятие трофейной стоимости чрезвычайно полезно для того, чтобы достоверно описывать динамику хищничества в посткоммунистическом регионе, для него требуется дальнейшая разработка. Хотя мы разделяем мнение Вахаби о том, что активы — в наших понятиях, объекты собственности — необходимо рассматривать так, как это делает правящая политическая элита, с аналитической точки зрения имеет смысл различать стоимость активов в зависимости от того, на какой стадии **хищничества** они находятся. Соответственно, мы выделяем в этом процессе **три последовательные фазы**:

- **фаза выслеживания**, когда хищническое государство находится в поиске жертвы (на этой стадии подлежащий присвоению актив имеет **стоимость в фазе выслеживания**);
- **фаза охоты**, которая начинается, когда жертва выбрана, и предполагает «преследование» жертвы при помощи средств государственного принуждения (на этой стадии подлежащий присвоению актив имеет **стоимость в фазе охоты**);
- **фаза потребления**, которая начинается, когда фаза охоты успешно завершена и жертва оказывается в руках людей, принадлежащих к кругу приемной политической семьи (на этой стадии подлежащий присвоению актив имеет трофейную **стоимость**)[2].

1 *Vahabi M.* A Positive Theory of the Predatory State. P. 157.

2 Необходимо отметить, что в работе Вахаби понятие «трофейная стоимость» обозначает то, что мы называем стоимость в фазе выслеживания, то есть стоимость в момент, предшествующий хищничеству. Мы используем другую формулировку, которая лучше подходит для трехфазного процесса хищничества.

Рассматривая различные типы национализации, а также серое и белое рейдерство [▸ 5.5.3], мы пришли к выводу, что хищник может выбирать из множества жертв, и в каждом типе присутствуют одни и те же три фазы. Тем не менее различные случаи хищничества отличаются деталями. Ниже мы анализируем, вероятно, наиболее типичный его пример — централизованное корпоративное рейдерство. Этот пример типичен не только в эмпирическом смысле, но, что более важно для нашего вокабуляра, в теоретическом. Хищники доиндустриальной эпохи, например разного рода бандиты[1], экспроприировали собственность для личной выгоды, но она интересовала их как добыча: ценные предметы, потенциальные товары, еда, которые можно потреблять или продавать, золото, которое можно использовать как деньги и т. д.[2]

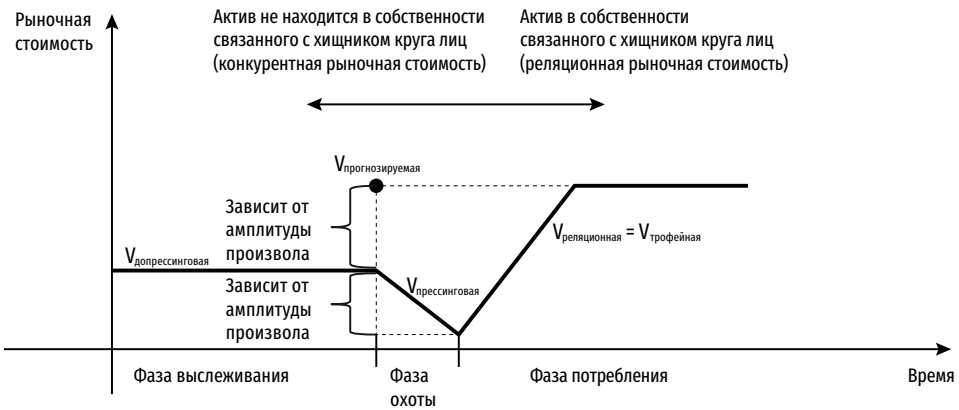
Однако в процессе посткоммунистического хищничества приемная политическая семья захватывает компании не с целью продажи или потребления их (реальных) активов. **Собственность интересует хищника не как добыча, а как капитал**: он использует ее, чтобы выйти на рынок и вести там свою деятельность, получая различные дискреционные услуги от государственного вмешательства на этапе фазы потребления. Руководствуясь этим, можно понять посткоммунистическое хищничество, или, точнее, этот мотив хищнических действий можно смоделировать в рамках трех последовательных фаз.

Далее мы описываем три фазы хищничества, всегда различая стоимость компании (1) на рынке и (2) в глазах хищника (Схема 5.12). В течение **фазы выслеживания** хищническое государство только готовится к активным действиям, поэтому потенциальная жертва все еще функционирует в обычном режиме. Цена, по которой эту компанию можно продать

1 Кочующие и оседлые бандиты, по терминологии Олсона [▸ 7.4.7.2]. Ср.: *Vahabi M.* The Political Economy of Predation. P. 41–89.

2 *Vahabi M.* A Positive Theory of the Predatory State. P. 160–162.

Схема 5.12: Динамика конкурентной и реляционной рыночной стоимости идеального типа



в ходе добровольной сделки, отражает ее **привлекательность на рынке** (**рыночная стоимость** компании) и равняется ее стоимости в отсутствие дискреционного государственного вмешательства. Поскольку компания руководствуется только нормативными требованиями публичной политики, и не подвергается дискреционному вмешательству, ее **стоимость** мы называем **допрессинговой** и обозначаем как V_u.

Однако что является важным **с точки зрения хищнического государства,** так это **стоит ли эта компания того, чтобы заниматься ее захватом**. Таким образом, для хищника значение имеет не та цена, которую он готов заплатить в результате добровольной сделки, а (1) затраты на принудительное поглощение и (2) выгоды, которые он потенциально получит после успешного поглощения. Иначе говоря, то, что хищник считает **стоимостью компании в фазе выслеживания**, показывает, достаточно ли привлекательна потенциальная цель, чтобы стать его реальной жертвой.

Стоимость компании в фазе выслеживания состоит из двух частей. Во-первых, она включает в себя **прогнозируемую цену** компании, то есть выгоды, которых ожидает добиться хищник, если захватит компанию и сможет использовать ее в качестве капитала. Прогнозируемая цена **складывается из**

(1) рыночной стоимости компании и (2) потенциальной защиты со стороны государства[1]. Защита в этом контексте обозначает, что **хищник** после присвоения компании **станет ее защитником**[2] и сможет использовать различные средства приемной политической семьи для увеличения стоимости актива. То есть актив можно поддерживать (1) **прямыми методами**, что означает использование дискреционного государственного вмешательства в пользу компании; и — если хищник является патроном или субпатроном — (2) **опосредованными методами**, например, когда государственные и патрональные СМИ повышают репутацию компании и делают ее более привлекательной для заключения сделок частными акторами. Тем не менее частные акторы в результате применения опосредованных методов редко рассматривают более разрекламированную компанию как более продаваемую: скорее **это сигнал для частного рынка, что теперь компания находится под защитой приемной политической семьи, а значит, достигнет высоких прибылей**, поскольку является объектом дискреционного государственного вмешательства.

Однако не любая экономическая единица одинаково хорошо подходит для извлечения выгоды путем дискреционного вмешательства государства. Исходя из этого, мы выделяем три разновидности потенциала компании, которые учитывает хищник: (a) **рыночный потенциал**, который подразумевает, что однократный бюджетный трансфер или изменение нормативной базы могут так простимулировать ее рост, что она

[1] По мнению исследователей, в России «*рейдерство* практикуется по очевидным экономическим причинам — коррумпированный чиновник или бизнесмен видит прибыльную компанию и просто решает ее забрать» (*Lanskoy M., Myles-Primakoff D.* Power and Plunder in Putin's Russia). Также см.: *Higgins A.* Russia Wants Innovation, but It's Arresting Its Innovators // The New York Times. 22.12.2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/08/09/world/europe/vladimir-putin-russia-siberia.html.

[2] Ср.: *Vahabi M.* The Political Economy of Predation. P. 69–76.

сможет действовать на рынке, получая более высокие прибыли, чем раньше, даже без дополнительной государственной поддержки (единовременное вливание капитала, разрешение на строительство на более приятных условиях, чем до этого и т. д.); (b) **потенциал извлечения ренты**, означающий, что рынок, на котором действует компания, можно регулировать таким образом, чтобы ее владелец мог получать (более высокую) ренту (создавая искусственный спрос на свою продукцию и используя свои технологические возможности в производственной цепочке, которая может создавать ренту и т. д.); и (c) **клептократический потенциал**, что означает, что определенная компания подходит для незаконного извлечения ренты (она может получать госзаказы по завышенной стоимости[1], действовать как часть схемы по отмыванию денег в целях превращения государственных денег в частные и т. д.). При подсчете этих потенциалов хищник также должен учитывать **вероятность того, что он сможет их использовать**, которая зависит от амплитуды произвола [▸ 2.4.6]. Следовательно, если хищничество носит **олигархический** характер, вероятность использования потенциала **мала или умеренна**, потому что олигарх может частично контролировать государственное вмешательство только в условиях плененного государства. В ситуации, когда хищничество **совершает субпатрон**, вероятность **увеличивается**, если он может рассчитывать на дискреционное вмешательство верховного патрона в пользу компании, которой владеет приемная политическая семья. Наконец, если хищничество совершает **верховный патрон, эта вероятность гарантирована**, поскольку он обладает неограниченной властью и может

1 Что касается госзакупок (госзаказов) хищнического государства, их может получить любая подставная компания, созданная верховным патроном. Однако внешние фонды (например, ЕС), как правило, выдвигают квалификационные требования (юридические, технические или связанные с опытом), которые новые компании не могут выполнить.

распоряжаться законодательными органами в целом и государственным вмешательством в частности (максимальная амплитуда произвола).

Прогнозируемую стоимость можно рассчитать по следующей **алгебраической формуле**:

$$V_f = V_{u,t-2} + S_{spp}$$

где V_f — это прогнозируемая стоимость компании, $V_{u,t-2}$ — это допрессинговая стоимость во время фазы выслеживания (то есть ее рыночная стоимость за две фазы до фазы потребления, которую мы принимаем за базисный период), а S_{spp} — потенциальная защита со стороны государства.

Прогнозируемая стоимость становится стоимостью в фазе выслеживания, когда присутствуют еще три фактора:

1. Во-первых, как отмечает Вахаби, стоимость присвоения снижает ценность актива в глазах хищника. В фазе выслеживания, до начала охоты хищническое государство может рассчитать только **потенциальную стоимость присвоения**, определяемую ожидаемым уровнем **сопротивления**, которое хищническое государство может встретить, если войдет в фазу охоты. Другими словами, потенциальные затраты включают (1) ресурсы, которые хищнику потребуется потратить для захвата жертвы, и (2) сопутствующий ущерб, который может нанести охота на жертву. Что касается детерминант (1) и (2), то первая, с одной стороны, включает в себя цену, которую хищник должен заплатить владельцу. С другой — она растет параллельно с **мобильностью** добычи **и невозможностью ее присвоить**. По мнению Вахаби, мобильность означает способность владельцев избежать хищничества, переместив свою собственность в места, недоступные хищническому государству (пряча ее или меняя ее географическое положение)[1]. В свою очередь,

[1] *Soós K. A.* Tributes Paid through Special Taxes: Populism and the Displacement of «Aliens» // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 259–278.

невозможность присвоения обусловлена (a) спецификой активов, что в случае компании означает, что «продолжение инвестирования требует определенных предпринимательских способностей, которых может не быть у хищника, включая маркетинг, финансирование, мониторинг, координацию и умение создавать сети, и (b) тем, насколько **сильна крыша**, защищающая жертву. У некоррумпированного предпринимателя может и вовсе не быть крыши (то есть незаконной политической защиты), но даже члены приемной политической семьи могут столкнуться с ослаблением крыши, если так решит верховный патрон (например, в качестве наказания или тактики по возобновлению конкуренции субпатронов [▸ 2.2.2.2]). Что касается (2), то хищник принимает в расчет **сопутствующий ущерб** только в том случае, если (a) он ощутим на национальном уровне (то есть хищник действует не на местном уровне), если (b) он наделен властью, то есть верховный патрон сети является также и главой исполнительной власти, и если (c) ущерб ставит под угрозу политические позиции и стабильность патрональной сети. Можно выделить три типа ущерба. Первый — это **экономический ущерб**, то есть макроэкономические проблемы, которые может вызвать принудительное присвоение для национальной экономики (то есть электората). Возможность экономического ущерба существует в случае компаний, которые «слишком большие, чтобы обанкротиться», то есть экономических единиц (как правило, финансовых институтов), которые настолько велики и взаимосвязаны с остальной экономикой, что проблемы в их функционировании могут распространиться и на большую часть национальной экономики[1]. Второй тип — это исключительно **политический ущерб**, предполагающий либо внутренние проблемы, если присвоение как таковое встречает активный общественный протест,

[1] *Stern G.H., Feldman R.J.* Too Big to Fail: The Hazards of Bank Bailouts. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004.

либо международные проблемы, если присвоение вызывает дипломатическую напряженность, поскольку ему оказывают противодействие заинтересованные зарубежные страны и/или международные организации. Третий тип — это **общественный ущерб**, когда присвоение и ненадлежащее функционирование бизнеса приводит к таким проблемам в предоставлении услуг населению, что правящая политическая элита теряет свою популярность.

2. Второй фактор, который необходимо учитывать хищнику, это **потенциальная угроза нарушения целостности государства**. Как мы отмечали ранее, «нарушение целостности» обозначает использование принуждения, с тем чтобы заставить текущего владельца передать свой актив (с компенсацией или без нее) [▸ 3.6.3.2]. Если бы мы говорили о черном рейдерстве, нам, вероятно, нужно было бы рассматривать этот эффект как отрицательный, потому что прямое применение насилия в таких случаях рейдерства может потенциально повредить трофей, который после этого можно будет присвоить только в амортизированном состоянии[1]. Однако в случае серого и белого рейдерства нарушение целостности **осуществляется бескровными средствами власти**, которые в действительности представляют собой тот же арсенал государства, что описан выше, только используемый в карательных целях, и которые создают удушающую среду только тогда, когда объект по-прежнему остается жертвой. Таким образом, в нашем случае нарушение целостности имеет не отрицательные, а, скорее, **положительные последствия**, поскольку оно **снижает цену, которую хищник должен заплатить за компанию-жертву ее владельцу**. Степень нарушения целостности или снижение цены, которых может добиться хищник зависит исключительно от амплитуды уязвимости [▸ 5.4.1.2].

1 Часто ущерб наносится не компании-жертве, а ее владельцу (физическое насилие).

3. Наконец, поскольку последствия нарушения целостности, а также предоставление защиты повышают экономическую ценность объекта, он также может иметь политическую ценность, если цель хищничества не (исключительно) экономическая, а политическая. Следовательно, хищничество сулит **потенциальные политические выгоды**, как правило, когда верховный патрон ищет объект для присвоения с целью: (a) ослабить олигарха-конкурента или (зарождающуюся) патрональную сеть, (b) вернуть собственность опального (нелояльного и т. д.) члена приемной политической семьи, (c) использовать актив для политической деятельности (особенно в СМИ), или (d) использовать актив в качестве разменной монеты для укрепления позиций хищника в дальнейших политических или экономических переговорах[1].

Стоимость в фазе выслеживания, то есть ценность или привлекательность потенциальной жертвы, можно рассчитать по следующей **алгебраической формуле:**

$$V_s = V_f + S_{ibp} + P - C_p$$

где V_s — это стоимость компании в фазе выслеживания, V_f — это прогнозируемая стоимость компании, S_{ibp} — потенциальная угроза нарушения целостности государства, P — политические цели, а C_p — потенциальная стоимость присвоения. Стороннему наблюдателю трудно **количественно оценить** политический элемент C_p, а также P, поскольку сами по себе они не имеют денежного выражения и полностью зависят от субъективной оценки верховного патрона (то есть от того, какую цену он готов заплатить, чтобы ослабить олигарха-конкурента и т. д.). Однако когда дело доходит до захвата в ответ на нелояльность, можно утверждать, что для верховного патрона имеет смысл заплатить практически любую цену, чтобы осуществить хищничество (P стремится к бесконечности). Это можно объяснить тем, что если

[1] Примеры см.: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 243–244.

верховный патрон покажет, что не наказывает за нелояльность, его клиенты не будут лояльны, и в итоге он превратится в «хромую утку»[1]. Тем не менее, как мы упоминали в предыдущей главе, это понимание можно расширить с помощью теории игр. В частности, чтобы положить конец нелояльности, для верховного патрона представляется целесообразным принять так называемую стратегию приверженности, то есть показать, что он готов бороться с нелояльностью «не на жизнь, а на смерть», чтобы отвратить от нее своих клиентов [▸ 4.4.3.2].

Уравнение стоимости в фазе выслеживания — это простой **анализ затрат и выгод**: C_p обозначает потенциальные затраты, а все остальные элементы складываются в потенциальную выгоду. Если говорить о технической стороне анализа, то для подсчета потенциальных последствий государственного вмешательства **необходимы инсайдерские сведения**. Как утверждает Маркус, «для подготовительного этапа рейдерства решающее значение имеет следующая информация о компании: структура собственности, подробное описание финансового положения, включая непогашенные долги, список правовых нарушений компании, сведения о трудовых отношениях в компании, личные данные о руководстве и т. п.»[2]. Многие из этих сведений либо доступны государственным органам, либо они могут запрашивать их во время обычных проверок бизнеса[3]. На основании этих данных можно рассчитать потенциальные затраты и выгоды. **Если** в результате расчетов V_s **компании больше ноля, хищническое государство** идеального типа **выбирает ее в качестве жертвы**. Если хищничество используется ради экономической выгоды, выбор падает, как правило, на крупные компании, а большинство мелких и средних предприятий избегают этой участи,

1 *Hale H.* Patronal Politics.
2 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 58.
3 Ibid.

поскольку стоимость их присвоения оказывается выше, чем потенциальная выгода от них[1].

Когда выбор жертвы сделан, хищничество вступает в **фазу охоты**, которая начинается с **неотклоняемого предложения** [▸ 3.6.3.2]. Это предложение — первая цена, которую хищник устанавливает в одностороннем порядке и предлагает за компанию-жертву ее владельцу. **Если**, несмотря на безусловную возможность хищника использовать принуждение, **владелец все же отказывается**, то первый **запускает процесс нарушения целостности**, на разных этапах которого делает новые предложения (по все более низкой цене). Как мы уже упоминали, нарушение целостности выполняется с помощью того же арсенала государственных средств, который может быть использован для увеличения прибыли компании, только теперь он применяется в целях наказания. Следовательно, для реализации хищничества приемная политическая семья может использовать государственное вмешательство (прямые методы), а также государственные и патрональные СМИ (опосредованные методы).

Применение **прямых методов** может включать:

- **обременительное и бессистемное нормативное вмешательство**, например внезапное введение новых правовых норм (регуляционное вмешательство), секторальные или дискреционные налоги (бюджетное вмешательство), ренационализация (вмешательство с отъемом собственности) или увеличение бумажной волокиты [▸ 4.3.5.3] (надзорное вмешательство);
- **дискреционное вмешательство**, такое как неформальное дискреционное обращение (регуляционное вмешательство),

[1] Такая ситуация имела место в Скандинавии в период феодализма. Сельское хозяйство там почти не облагалось налогом, потому что из-за погодных условий средняя урожайность была настолько низкой, что стоимость содержания бюрократического аппарата по сбору налогов была выше, чем сам налог. Используя марксистский язык, профессор Золтан Балог в 1970-х годах называл это «безнадежной прибавочной стоимостью», прежде всего благодаря которой в Скандинавии смогло развиться независимое крестьянство.

прекращение оказания поддержки компании путем отказа размещать государственную рекламу или ее отстранение — неформальное и/или дискреционное — от участия в госзакупках (бюджетное вмешательство), а также экстремально высокие штрафы и постоянное преследование со стороны судебной системы, полиции и налоговых органов (надзорное вмешательство).

Список конкретных методов представлен в прейскуранте, процитированном нами в предыдущей части [▸ 5.5.3.1], для которого Маркус опросил 516 российских и украинских фирм (с 2007 года) и который показывает, какие именно из методов воспринимались как наиболее неизбежные. В среднем наиболее серьезной опасностью со стороны государства оказалось «вымогательство со стороны налоговых органов», за которым следовали «незаконные проверки», «незаконные административные барьеры при получении лицензий» и «незаконные административные барьеры при покупке или продаже земли, недвижимости, активов и т. д.»[1].

По утверждению Маркуса, в ходе фазы охоты серого или белого рейдерства хищники часто пытаются **снизить мобильность жертвы**. Для этого вначале они выполняют **фиксацию активов**. «Если рейдеры охотятся на конкретные активы предприятия, такие как здания, земля или техника, — пишет Маркус, — они стремятся помешать жертве передавать или изменять эти активы после того, как атаки на нее станут очевидны. Часто суды играют здесь основную роль <...>, выдавая временные ордеры на арест имущества (обеспечительные меры) до завершения текущих уголовных дел против предприятия или его владельцев»[2]. Во-вторых, хищники стремятся **нейтрализовать основных собственников**, то есть «ограничить полномочия владельцев активов по принятию

1 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 76.

2 Ibid. P. 58.

решений, предвосхищая их попытки защитить себя. На этом этапе местные государственные инспекции имеют решающее значение: санитарная служба, управление пожарной безопасности и несколько десятков других регулирующих органов могут на законных основаниях закрыть фирму по причине нарушения норм и правил»[1]. Кроме того, хищники способны «организовать против жертвы череду судебных исков, чтобы дезориентировать владельцев и отвлечь их от основной атаки на их активы»[2].

Если говорить об **опосредованных методах** или применении государственных и патрональных СМИ, можно использовать термин «**подрыв репутации**», который означает действия, наносящие ущерб репутации определенного актора. Цель подрыва репутации противоположна отмыванию репутации и заключается в том, чтобы компании, на которую она направлена, было труднее заключать добровольные сделки с потребителями на частном рынке[3]. Таким образом, **когда статус владельца в качестве жертвы становится очевидным, это немедленно наносит ущерб его положению на рынке**, так как другие акторы, не желающие, чтобы на них охотились, будут пытаться избегать контактов с жертвой.

Каждый метод, используемый в процессе нарушения целостности, от угрозы и преследований до атаки, **можно расположить на шкале от сильного к более слабому** [▸ 3.6.3.2]. При **угрозах** реальные действия пока не предпринимаются, а владелец подлежащих захвату активов получает информацию о том, что это произойдет, если он будет продолжать сопротивляться (шантаж через неофициальные каналы). **Преследования** подразумевают применение методов нарушения целостности, но лишь эпизодическое (несистематические

1 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 59.

2 Ibid. P. 60.

3 *MacLeod W.B.* Reputations, Relationships, and Contract Enforcement // Journal of Economic Literature. 2007. Vol. 45. № 3. P. 595–628.

проверки, некоторые попытки подрыва репутации в прессе и т. д.), то есть представляют собой скорее «предупредительные выстрелы», нежели «огонь на поражение». **Атака** предполагает, что методы нарушения целостности применяется постоянно и таким образом, что прибыльная деятельность преследуемой компании становится невозможна.

Угрозы, преследования и атаки **могут быть направлены либо на (a) компанию, либо на (b) личность владельца**, который может подвергаться шантажу по причинам, абсолютно не связанным с компанией, но касающимся его прошлого или его личной жизни (компромат [▸ 4.3.5.2]). Таким образом, **чем больше возможностей имеется для шантажа собственника, тем ниже стоимость присвоения**, потому что собственник с большей вероятностью откажется от своей компании при первом же неотклоняемом предложении, и, таким образом, хищническому государству не придется прибегать к более дорогостоящим преследованиям или атакам. (Кроме того, если владелец сталкивается с непреодолимым принуждением, как происходит в хищническом государстве под руководством верховного патрона, для него является целесообразным принять самое первое предложение, потому что (1) все последующие будут менее выгодны, (2) если он согласится сотрудничать, то хищник с меньшей вероятностью будет относиться к нему враждебно и не будет рассматривать в качестве жертвы другие, принадлежащие ему активы, и (3) его личная свобода пострадает с меньшей вероятностью. «В обмен» на компанию хищник может обещать лишь не посадить в тюрьму ее владельца, который ради этого может даже отдать ее в качестве «подарка».)

В условиях рынка стоимость жертвы начинает падать с началом фазы охоты. В этом случае рыночная стоимость компании изменяется с допрессинговой на **прессинговую стоимость**, которую можно рассчитать по формуле:

$$V_m = V_{u,t-1} - S_{ib}$$

где V_m — это прессинговая стоимость, $V_{u,t-1}$ — допрессинговая стоимость (то есть стоимость компании, если бы она не подвергалась дискреционной деятельности государства) в фазе охоты (предшествующей фазе потребления, которую мы принимаем за базисный период), а S_{ib} — абсолютная стоимость последствий нарушения целостности[1]. Получается, что на этапе охоты **жертва оказывается в ловушке**, поскольку она лишена возможности продать свои активы по допрессинговой рыночной цене. Кроме того, пока компания имеет прессинговую рыночную стоимость, вполне вероятно, что если другие участники рынка поймут, что жертва находится в стадии охоты, они откажутся покупать компанию даже по ее текущей цене. Таким образом, хищник остается единственным возможным «покупателем» жертвы.

В глазах хищника стоимость жертвы в фазе охоты равна рыночной стоимости (рассчитанной выше), скорректированной с учетом политической выгоды и фактических затрат на присвоение, и рассчитывается по формуле:

$$V_h = V_m + P - C$$

где V_h — это стоимость жертвы в фазе охоты, V_m — ее прессинговая стоимость, P — политическая выгода (которая может равняться нулю, если хищничество осуществляется исключительно ради экономической выгоды), а C — фактическая стоимость присвоения. Под последним мы понимаем **реальную стоимость апроприации**, которая складывается из перечисленных выше реализованных действий как потенциальных источников затрат.

Фаза охоты может завершиться двумя способами. Во-первых, **безрезультатно**, если компания не переходит во

[1] Как вариант можно было бы рассчитать фактические последствия нарушения целостности, а затем добавить это (отрицательное) значение к допрессинговому значению. Мы решили рассчитать их именно таким образом — и поставили в уравнение знак минус вместо знака плюс — чтобы смысл уравнения был более понятным.

владение связанного с хищником круга людей (обычно из-за того, что расчеты хищника в фазе преследования оказались неверны и $C > C_p$). Во-вторых, она может закончиться **успехом**, когда компания переходит во владение связанного с хищником круга лиц (обычно, когда $C \leq C_p$). В случае **успешной охоты** эта фаза завершается конфискацией активов, по мнению Маркуса, как правило, в размере 10–20% от действительной стоимости активов, а также закреплением активов за кем-либо, чтобы сделать полученные права собственности не подлежащими пересмотру[1]. Благодаря этому собственность благополучно входит в сферу владения приемной политической семьи, а хищничество вступает в **фазу потребления**. Без дополнительных затрат на присвоение имущества или получения политической выгоды стоимость актива в условиях рынка будет равна его стоимости в глазах хищника. Кроме того, это означает, что актив, который ранее был вне владения связанного с хищником круга лиц, теперь входит в него. На Схеме 5.12 мы использовали зонтичное понятие «**конкурентная рыночная стоимость**» для обозначения **стоимости в условиях рынка, когда актив находится за пределами владения связанного с хищником круга лиц**, то есть допрессинговой и прессинговой стоимости. В свою очередь, стоимость в условиях рынка, **когда актив принадлежит связанному с хищником кругу лиц,** является его **реляционной рыночной стоимостью**. Это предложение можно перефразировать следующим образом: **реляционная рыночная стоимость актива равна его трофейной стоимости**. Она рассчитывается по следующей формуле:

$$V_r = V_b = V_{u,t} + S_{sp}$$

где V_r — это реляционная рыночная стоимость актива, V_b — трофейная стоимость, $V_{u,t}$ — допрессинговая стоимость в фазе потребления, а S_{sp} — деятельность государства по предоставлению защиты. Что касается последнего, то предоставление

1 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 60–61.

защиты — это не что иное, как реализованная часть S_{sp} или фактическое повышение репутации компании, а также реализация ее рыночного, рентоориентированного и клептократического потенциала. Как правило, если хищник является субпатроном или верховным патроном, то S_{sp} повышает прибыль (и стоимость) компании намного эффективнее, чем когда она находится за пределами владения приемной политической семьи. В зависимости от того, какой потенциал имеет приобретенная компания, можно выделить **четыре идеальных типа использования трофейных активов**, любые комбинации которых возможны в реальной жизни:

1. Функционирование на конкурентном рынке после разового стимулирования. Такой сценарий выполняется, когда у компании, как правило, нет значительного рентоориентированного или клептократического потенциала, но есть рыночный, а значит, однократный бюджетный трансфер, или изменение нормативной базы может дать компании импульс, позволяющий получать более крупную, чем раньше, прибыль, как допрессинговым участникам рынка. Средства стимулирования включают в себя однократное вливание капитала, разрешение на строительство с лучшими условиями, а также льготные (государственные) ссуды для более рентабельного накопления капитала. После стимулирования возможны два варианта развития событий:

a. компанией с этого момента управляет член приемной политической семьи, возможно, через подставное лицо (но без дальнейшей постоянной государственной поддержки);

b. компанию продают постороннему лицу по цене, превышающей первоначальную рыночную стоимость до хищничества (допрессинговая стоимость).

2. Сбор ренты при соответствующем дискреционном регуляционном вмешательстве. Встречается чаще всего тогда, когда компания обладает значительным рентоориентированным и/или клептократическим потенциалом. В этом случае

ее не продают, а передают в управление члену приемной политической семьи (возможно, высокопоставленному подставному лицу), предоставляя ему точку доступа к ренте под дискреционной защитой государства. В соответствии с видами дискреционного регуляционного вмешательства, описанными выше [▸ 5.4.2.2], существуют различные сценарии развития для соответствующих трофейных компаний:

a. получение конкурентного преимущества за счет введения государством штрафных санкций для конкурентов (секторальные или дискреционные налоги, регуляционное вмешательство и т. д.);

b. получение конкурентного преимущества через благоприятное дискреционное обращение со стороны государства (законы по индивидуальному заказу, отсутствие регуляционного вмешательства и т. д.);

c. получение поддержки от государства по продвижению на рынке за счет регулирования искусственного спроса на продукцию компании, например (i) через стимулирование спроса государственных компаний или ведомств на продукцию приобретенной компании и обязательное условие вести с ней бизнес (например, использование оборудования, которое продает компания, и т. д.) или (ii) через стимулирование спроса обычных людей на продукцию компании (принуждение работодателей выплачивать определенный процент от заработной платы в виде ваучеров, которые можно использовать преимущественно в трофейной компании и т. д.);

d. получение госконтрактов через дискреционное (и незаконное) объявление компании победителем в тендерах;

e. получение от государства прямого монопольного гранта на осуществление определенной деятельности.

3. Построение или укрепление патрональных сетей при помощи компании. Такой сценарий выполняется, как правило, когда у компании потенциально есть значительные

политические выгоды, например когда компания может быть использована в политических процессах (особенно в СМИ). Однако мы также включаем в эту группу случаи, когда компания применяется для расширения патронально-клиентарной сети в направлении более низких уровней частного сектора через субподрядчиков и поставщиков.

4. **Перераспределение внутри приемной политической семьи.** Этот пункт подразумевает возможную ситуацию, при которой, **если олигарх, получивший трофей, оказывается в немилости, добычей становятся его собственные компании.** Так происходит, если дело касается олигархов-ренегатов, или если внутри приемной политической семьи ведутся мафиозные войны [▸ 3.4.1.4]. В отличие от хищничества ради добычи за пределами собственности приемной политической семьи, этот вариант предполагает ее перераспределение в рядах политической семьи от нелояльных акторов к лояльным. В качестве особого случая перераспределения можно также упомянуть то, что можно назвать «**стрижкой**»: то есть ситуацию, в которой активы покорившегося олигарха или олигарха-попутчика периодически подвергаются хищничеству, но таким образом, что в процессе не уничтожают его (финансово). Наоборот, пока этот актор подвергается циклам кормления и стрижки, он даже может время от времени получать дискреционные выгоды от государства[1]. Эта тактика помогает верховному патрону держать олигархов в узде и не допускать их развития до той степени, которая может угрожать его неограниченной власти [▸ 4.4.3.2].

Стороннему специалисту по экономическому анализу трудно оценить стоимость компаний в фазе выслеживания и охоты, поскольку для этого необходимо учесть субъективные факторы, которые не имеют денежного выражения. Однако он **может отследить динамику допрессинговой,**

[1] Ср. описание «хищничества без уничтожения»: *Vahabi M.* The Political Economy of Predation. P. 69–76.

прессинговой и реляционной стоимости преследуемой компании в ходе трех фаз хищничества (и с помощью этих данных вычислить значения V_u, S_{ib} и S_{sp}). Как правило, тот, кто извне анализирует процесс хищничества, должен увидеть диаграмму, подобную той, что изображена на Схеме 5.12. В фазе выслеживания, при прочих равных, рыночная стоимость компании не меняется; в фазе охоты рыночная стоимость компании начинает падать; а в трофейной стадии стоимость компании начинает расти в результате предоставления ей защиты. Наконец, фаза перераспределения, при прочих равных, потенциально проявляется в снижении рыночной стоимости. Другими словами, динамика, которую может увидеть экономический аналитик, отражает то положение дел, при котором **успех экономических акторов зависит не от невидимой руки свободного рынка, а от грабящей руки верховного патрона** [▸ 2.6].

5.5.4.2. Динамика на макроуровне: структурное и циркулярное накопление имущества

Централизованное корпоративное рейдерство показывает, почему при рассмотрении патрональных автократий **необходимо говорить о «полигархах», а не о «политиках»**. В демократических режимах или даже в клептократическом государстве и при капитализме для корешей [▸ 5.6.3] политик может быть подкуплен и задействован в разного рода коррупционных сделках. Инициаторами таких сделок выступают, как правило, частные акторы, такие как (главные) предприниматели [▸ 5.3.2.2], по принципу «снизу вверх», и в результате предприниматель получает необходимые услуги от государства, а политик получает взятку и использует ее в собственных целях или, возможно, для укрепления своего положения в публичной сфере. Но так предприниматель не становится политиком, а политик — предпринимателем. Они просто участвуют в коррупции. Однако

при централизованном рейдерстве **элемент взятки исчезает**. Именно политический актор решает, что конкретно должно быть присвоено (выслеживание); он угрожает, преследует и/или атакует компанию (охота); а также назначает одного из своих высокопоставленных подставных лиц руководить ею, при этом фактически осуществляя в ее отношении соответствующие права собственности (потребление). Другими словами, **выгода политического актора в процессе хищничества — это сама компания**, которая становится его фактической собственностью в экономической сфере, где его представителем является подставное лицо. **Он получает деньги не в качестве взятки, а в качестве дивидендов**, узаконенной ренты, получаемой незаконным путем [▸ 4.3.4.3]. Само наличие подставных лиц свидетельствует о смешении сфер социального действия, а политический актор, который реорганизует структуру собственности в пользу лояльных подставных лиц и олигархов, по определению является полигархом. Он не получает дипломат с деньгами в обмен на вмешательство в экономику для чьей-то выгоды, но вмешивается в нее ради собственной выгоды, распоряжаясь как экономической, так и политической сферами.

Хищничество в патрональных автократиях — **это не что иное, как частный случай посткоммунистического перераспределения собственности**. Чтобы понять, когда применяется этот метод и как с течением времени меняется динамика реляционной экономики в посткоммунистическом регионе, следует различать два этапа:

- **этап структурного обогащения**, то есть накопление богатства и капитала неформальной патрональной сети за счет перехода к другому типу собственности;
- **этап циркулярного обогащения**, то есть накопление богатства и капитала неформальной патрональной сети путем изъятия имущества у уже существующих (частных) собственников.

Эти категории соотносятся с социологическими понятиями структурной и циркулярной мобильности. Структурная

мобильность обозначает ситуацию, при которой новые рабочие места появляются в определенной профессии посредством увеличения их количества, то есть уже занятые в этой профессии люди могут сохранить свою работу, а число ее выбирающих растет. В свою очередь, циркулярная (или циркуляционная) мобильность означает, что новые рабочие места в определенной профессии возникают за счет замены, то есть новички получают работу уже занятых в профессии, а число выбирающих ее не меняется[1]. Аналогичным образом под **структурным накоплением** мы имеем в виду, что основой обогащения является **приватизация** государственных активов, которые долгое время находились в государственной собственности. В результате этого частный сектор экономики (количество частных собственников) расширяется, и соотношение государственной и частной собственности меняется на национальном уровне. Степень приватизации (*прихватизации*) частично ограничивает потенциальный круг новых собственников, после чего, если государственная власть слаба или терпит крах, начинается насильственное перераспределение собственности по принципу снизу вверх. Однако **если приватизация достигла своих возможных пределов, сфера централизованно распределяемой собственности, которая могла бы быть приватизирована, уменьшается**. Следовательно, если приемная политическая семья желает вознаградить кого-либо собственностью, некоторые **существующие экономические акторы должны быть лишены своего имущества**, чтобы увеличить объем той собственности, которую можно перераспределить. Вот почему возникает потребность в циркулярном накоплении имущества, которое реализуется при помощи описанного выше хищничества. Оно **не влечет за собой изменений в соотношении государственной и частной собственности** на национальном

[1] См.: *Hertel F.* Social Mobility in the 20th Century: Class Mobility and Occupational Change in the United States and Germany. Wiesbaden: Springer, 2016. P. 39–41.

уровне, а только передачу частной собственности от независимых акторов патрональным (то есть **приводит к изменениям внутри власти-собственности**).

Структурное и циркулярное накопление не всегда следуют одно за другим, но могут выполняться одновременно. Однако для дальнейшего анализа поведения приемной политической семьи на этих двух этапах нам необходимо ввести такие измерения, как (1) **патрональная конкуренция и монополия и (2) экономическая сила и слабость приемной политической семьи**. Что касается первого измерения, то под патрональной конкуренцией мы понимаем наличие конкурирующих патрональных сетей, которые могут вести борьбу с приемной политической семьей, а под патрональной монополией — уже состоявшуюся однопирамидальную патрональную сеть. Хищничество в этих случаях выполняется приемной политической семьей следующим образом:

• **в случае патрональной конкуренции она стремится к монополии**, то есть ее хищнические практики на этапе циркулярного накопления направлены в первую очередь на конкурирующие патрональные сети (которые либо уничтожаются, либо встраиваются в иерархию формирующейся единой пирамиды);

• **в случае патрональной монополии она стремится сохранить ее,** то есть ее хищнические практики на этапе циркулярного накопления направлены в первую очередь на автономных или опальных олигархов и главных предпринимателей (потому что они являются либо потенциальными конкурентами, либо единственными оставшимися богатыми бизнесменами в государстве, у которых можно изъять значительный объем имущества).

В свою очередь, измерение экономической силы и слабости касается того, имеют ли члены неформальной патрональной сети стабильную финансовую базу, то есть уже накопили, возможно, путем структурного накопления, имущество,

сравнимое по своим масштабам с имуществом главных предпринимателей страны, или нет и, следовательно, являются финансово слабыми. Хищничество в этих двух случаях выполняется приемной политической семьей следующим образом:

• **в случае экономической слабости она вынуждена опираться на государственное принуждение и ресурсы** (такие как государственные займы, субсидии или транзитную национализацию), поскольку она не способна накапливать имущество путем рыночных приобретений, то есть путем простой скупки конкретных фирм;

• **в случае экономической силы ей не требуется опираться на государственные ресурсы, а только на принуждение**, поскольку она уже способна приобретать компании в обмен на «справедливую» компенсацию.

Мы заключаем слово «справедливая» в кавычки не только потому, что ссылаемся на вышеупомянутую Пятую поправку к Конституции США, хотя обычно именно правящая политическая элита устанавливает цену, по которой владелец вынужден продать свое имущество. Например, в Венгрии бизнесмены, опрошенные в ходе исследования, утверждали, что люди, связанные с Орбаном, захватывают компании с помощью «мафиозных методов», таких как шантаж и экзистенциальные угрозы[1], а журналисты, занимающиеся расследовательской деятельностью, обнаружили, что хищническое государство учредило неформальные «агентства», которые проверяют каждую фирму с оборотом выше 1 млрд форинтов (около 3 млн евро), и выносят решение о том, следует ли ее поглощать[2]. Однако — и это вторая причина, по которой

1 *Sallai D., Schnyder G.* The transformation of post-socialist capitalism — from developmental state to clan state? Greenwich Papers in Political Economy. University of Greenwich: Greenwich Political Economy Research Centre, 2018.

2 *Szabó B.* Tisztességtelen Játék — Így Születnek a Sokmilliárdos NER-Vagyonok [Нечестная игра: так рождается миллиардное состояние NER] // 168 Óra. 10.11.2019. URL: http://168ora.hu/itthon/tisztessegtelen-jatek-igy-szuletnek-a-sokmilliardos-ner-vagyonok-162885.

мы вводим кавычки — такие практики создают для экономических акторов особые стимулы, а сами цены, хотя и кажутся рыночными, на самом деле испытывают на себе эффекты хищничества. Если использовать метафору из естественных наук, то экономические последствия хищничества сродни гравитации небесного тела: хотя другие тела не связаны с ним напрямую, на их движение влияет искривление пространства-времени, которое это тело вызывает. В условиях хищничества даже те компании, которые не подлежат непосредственному присвоению, ведут себя иначе, так что среди прочего они с большей легкостью готовы принимать предложения олигархов или подставных лиц, какими бы несправедливыми они ни были. Как сказал один бизнесмен в процитированном выше исследовании: «Вы принимаете решения, которые не приняли бы в стабильной обстановке. Я даю работу этому человеку, <...> деньги — тому человеку <...> Лишь бы вы оставили меня в покое! <...> Людям повсеместно угрожают или шантажируют их. Посмотрите новости; сколько раз людей выводили в наручниках? В новостях никогда не скажут [sic], виновны эти люди или нет. Так руководителей компаний держат в страхе»[1].

5.5.4.3. Динамика на микроуровне: деформация предпринимательской деятельности и пузыри в реляционной экономике

В предыдущих абзацах речь шла о **микроуровневых изменениях в предпринимательском поведении**. С этой точки зрения, в реляционной экономике хищнического государства **важно не то, какая часть собственности подвергается атакам, а то, что собственность любого человека является потенциальной жертвой**. Хищническое государство может

[1] *Sallai D., Schnyder G.* The transformation of post-socialist capitalism. P. 16.

выбрать любую компанию, если ее ценность в фазе выслеживания больше нуля, и предпринимателям в условиях реляционной экономики необходимо признать, что это влияет на их поведение. Хищническая деятельность, несомненно, является признаком того, что в реляционной экономике имеются порочные стимулы, которые приводят к **деформациям предпринимательского поведения**, а также к расходам на социальные нужды населения. То, что Хеллман и его соавторы пишут о последствиях захвата государства, безусловно, актуально для рассматриваемой нами темы: «[в то время как] отдельные фирмы получают значительные индивидуальные выгоды, остальная экономика испытывает на себе влияние отрицательных факторов»[1].

Среди причин, которые ведут к предпринимательским деформациям, можно выделить несколько идеальных типов[2]:

- **Несоответствие формальных и неформальных правил**. Здесь речь идет о том периоде, когда предприниматели еще не осознали, что государство является хищником, а экономический успех зависит от неформальных патрональных связей. Получается, что экономические акторы расходуют свои ресурсы нерационально, например когда выделяют средства на участие в государственных тендерах или конкурируют за получение ренты, в то время как оба этих рынка на деле зарезервированы (неформально и дискреционно) за членами приемной политической семьи[3].

[1] *Hellman J., Jones G., Kaufmann D.* Seize the State, Seize the Day. P. 753.

[2] Пример анализа деформаций в российской экономике см.: *Krylova Y.* Corruption and the Russian Economy: How Administrative Corruption Undermines Entrepreneurship and Economic Opportunities. London; New York: Routledge, 2018.

[3] Действительно, в большинстве тендеров, которые выигрывают компании приемной политической семьи, предприятия, предлагающие более выгодные условия, исключаются административным путем или вообще не принимают участие. Это результат процесса социализации, в ходе которого частные предприятия усваивают, что нет смысла подавать заявки на тендеры, требующие значительного материального и интеллектуального вклада, если у них нет никакой надежды на победу.

• **Неопределенность**. В дальнейшем, когда акторы осознают, что государство занимается хищничеством, ими движет страх за свою собственность. Например, в России опросы показали, что управляющие недвижимыми активами считали, что их права собственности больше защищены, когда партия Путина «Единая Россия» показала низкие результаты на выборах, что свидетельствует об их осведомленности относительно хищнической природы государства[1]. В таких обстоятельствах экономические акторы и особенно высокомобильный иностранный капитал могут посчитать рынок слишком рискованным и перевести активы в другое государство с более предсказуемым рынком, что приводит к замедлению экономического роста и оттоку оборотного капитала.

• **Бумажная волокита**. Специфическая проблема (сторонних) малых и средних предприятий заключается в том, что, поскольку для стимулирования конкретных компаний хищническое государство создает правовые нормы по индивидуальному заказу, нормативная база становится чрезвычайно сложной и громоздкой. Эту «внешнюю цену хищничества» платят сторонние компании, которые вынуждены тратить средства на улаживание бюрократических вопросов (пытаясь, законно или незаконно, обойти существующие правила).

• **Сокрытие**. Со временем, предприниматели осознают, что главный секрет функционирования в условиях реляционной экономики заключается не в том, чтобы оставаться конкурентоспособным в условиях справедливого рынка, а в том, чтобы не стать частью пищевой цепочки хищнического государства. Таким образом, они получают стимул вкладывать свои ресурсы не в максимизацию производства, а в минимизацию стоимости в фазе выслеживания. Для этого они используют различные приемы двойной бухгалтерии и финансовые схемы [► 5.6.1.4], а крупные компании могут

[1] *Frye T.* Property Rights and Property Wrongs. P. 98–99.

также практиковать «раздвоение личности» или дробиться на небольшие или средние экономические единицы, чтобы слиться с ландшафтом малых и средних предприятий, и тем самым скрыться от выслеживающих глаз хищника.

Используя триаду Хиршмана «голос — выход — верность»[1], можно сказать, что сокрытие — это особый тип выхода. Однако выход можно выполнить и более простым способом: покинуть страну, юридически и/или физически, а также либо уехать самому, либо перевести активы (a) в зарубежное государство или (b) в нелегальную теневую экономику [▸ 5.5.6.3]. Выбирая «верность», «фирма, — как пишет Маркус, — умиротворяет агрессора; она может предлагать государству денежные выплаты или долю в капитале фирмы, например в надежде сохранить большую часть своих прав собственности и продолжать вести бизнес»[2]. В условиях мафиозного государства верность означает либо описанную ранее посредническую автономию, либо стремление быть принятым в приемную политическую семью. В случае последнего экономический актор частично отказывается от своей свободы (например, в плане имущественных прав) в пользу верховного патрона в обмен на снижение риска стать жертвой. Наконец, подавляющая часть вариантов «голоса», практикуемых в либеральных демократиях, в патрональных автократиях деактивированы не только из-за преобладающей сферы коммуникации [▸ 4.3.1.2], но, что более важно, из-за отсутствия независимой и эффективной судебной власти, к которой могут обратиться частные акторы в случае несправедливых атак [▸ 4.3.5]. Однако, по утверждению Маркуса, даже при таких обстоятельствах «фирмы могут противостоять <...> угрозам о лишении имущественных прав через альянсы с заинтересованными лицами, которые могут переложить <...>

1 *Хиршман А. О.* Выход, голос и верность. Также см. *Yakovlev A.* The Evolution of Business.

2 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 36–37.

финансовые или политические издержки на потенциальных агрессоров. Соответственно, защита фирмы может сделать пиар самой угрозы или ее последствий более затратными, а значит, менее выгодными для агрессора. Например, иностранные инвесторы в качестве союзников преследуемого предприятия могут вынуждать чиновников нести издержки путем отзыва выгодных для них инвестиционных проектов. Политические издержки, в свою очередь, уменьшают влияние агрессора <...>; этот процесс может включать в себя предвыборное давление, общественные протесты или закулисное лоббирование со стороны союзников фирмы»[1]. Кроме того, зарубежные связи компании исторически играли важную роль в ее способности отражать даже полномасштабные атаки, например, когда венгерское хищническое государство потерпело неудачу в охоте на телеканал *RTL Klub* (благодаря его связям с Германией)[2].

Еще одна особая разновидность деформации, проистекающая из того, что приемная политическая семья является доминирующим координирующим актором в экономике [▸ 5.6.1.1], — это образование различных **пузырей**. В экономической литературе под «пузырем», как правило, понимают нестабильную ситуацию, которая возникает из-за чрезмерных инвестиций в актив и/или его быстрого расширения, выходящего за рамки возможностей бизнеса[3]. Пузыри **можно дифференцировать по различным критериям и располагать их на шкалах следующего вида**:

• **от общего** — это значит, что пузырь присутствует на каждом рынке, а его сокращение влияет на всю экономику (глобальный экономический кризис), **до частного**, то есть

1 *Markus S.* Property, Predation, and Protection. P. 37–38.

2 *Vásárhelyi M.* The Workings of the Media. P. 517–519.

3 Для обзора примеров см.: *Brunnermeier M. K., Oehmke M.* Bubbles, Financial Crises, and Systemic Risk // Handbook of the Economics of Finance. North Holland: Elsevier, 2013. Vol. 2. P. 221–288.

последующий кризис затрагивает только одного инвестора, актив или сектор;

• **от возникновения в результате безличных рыночных сил**, таких как инфляция или несогласованные действия отдельных инвесторов с завышенными ожиданиями (кризис перепроизводства)[1], **до возникновения в результате личного осознанного решения** вместе с ожиданием субсидий;

• **от государственной корректировки** — после сжатия пузыря государство использует различные средства экономической политики для сглаживания последствий кризиса, **до отсутствия государственной корректировки** — в таком случае последствия кризиса не смягчаются каким бы то ни было государственным вмешательством.

В условиях рыночной экономики государство подчиняется принципу общественных интересов [▸ 2.3] и может соответствующим образом корректировать пузыри, если они терпят провал[2]. Решая проблемы, связанные с пузырями конкурентного рынка, государство может использовать нормативное вмешательство, например контрциклическую фискальную политику, или дискреционное вмешательство, например предоставление финансовой помощи конкретной компании. Но, как правило, в таких случаях даже «фаворитизм»[3] имеет под собой основания не допустить критическую ситуацию в экономике, которая может возникнуть, если позволить компании, такой как банк или крупный работодатель, разориться[4]. Конечно, в большинстве случаев государство позволяет рыночной экономике функционировать по принципу прибылей

1 *Sornette D., Woodard R.* Financial Bubbles, Real Estate Bubbles, Derivative Bubbles, and the Financial and Economic Crisis // Econophysics Approaches to Large-Scale Business Data and Financial Crisis. Springer Japan, 2010. P. 101–148.

2 *Akerlof G. et al.* What Have We Learned? Macroeconomic Policy after the Crisis. London: The MIT Press, 2014.

3 *Mitchell M.* The Pathology of Privilege.

4 *Akerlof G. et al.* What Have We Learned? P. 129–142.

и убытков и может освободить человека от последствий принятия индивидуальных рискованных решений только в случае серьезных внешних эффектов банкротства. Кроме того, **вопрос об участии правящей политической элиты в капитале таких компаний не может даже возникнуть**, поскольку сферы социального действия отделены друг от друга [▸ 3.2]. Лоббистские группы могут обращаться к лицам, отвечающим за принятие решений, а некоторые из их политических решений могут быть поставлены под сомнение, но **политики не оказывают финансовую поддержку сами себе**, своим экономическим подставным лицам или членам своей патрональной сети.

Напротив, **государство в условиях реляционной экономики** патрональных автократий **подчиняется принципу интересов элит**, а значит, вмешивается в кризисные ситуации только в том случае, если это отвечает целям приемной политической семьи, то есть концентрации власти и личному обогащению. Такого рода пузыри, которые связаны также с деятельностью хищнических государств, можно назвать **пузырями реляционного рынка**. Первый тип таких пузырей называется **пузырь коррупционных ожиданий**. Он возникает, когда экономические акторы, не входящие в состав приемной политической семьи, пытаются получить долю от сверхприбылей принадлежащих ей компаний за счет инвестиций (через покупку акций на фондовой бирже). Логично, что это принесет максимальную прибыль, если инвестировать до начала фазы потребления, когда цены еще низкие. Если множество инвесторов знает об этом и вкладывает средства в компанию, ожидающую финансовых вливаний, то цена на ее акции взлетает до небес[1]. Другими словами, ожидания инвесторов основываются не на том, каких рыночных показателей можно

1 См.: *Simon Z.* What's Boosting the World's Best-Performing Stock? // Bloomberg. 17.12.2017. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-07-25/what-s-boosting-the-world-s-best-performing-stock.

ожидать от этой компании, а на том, какую дискреционную помощь она может получить на этапе потребления. Однако (1) поведение хищнического государства зависит от верховного патрона и не поддается точному прогнозированию, поэтому ожидания могут не оправдаться, и (2) чрезмерное количество инвесторов, желающих получить прибыль, влечет за собой чрезмерные инвестиции. Так возникают пузыри. Если приемная политическая семья вообще не вкладывает средства в компанию, представляющую интерес для инвесторов, сокращение пузыря коррупционных ожиданий приводит к обесцениванию уже сделанных инвестиций. Получается, что пузыри коррупционных ожиданий похожи на пузыри конкурентного рынка, вызванные завышенными рыночными ожиданиями и чрезмерными инвестициями, поскольку оба типа возникают как результат воздействия рыночных сил, обусловленных индивидуальными рациональными решениями. Однако у **акторов**, участвующих в пузырях коррупционных ожиданий, эти завышенные ожидания имеют коррупционную природу: они **стремятся получить прибыль, которая возникает не от избытка рынка, а в результате применения внерыночных средств и из-за коррупционной природы реляционной экономики**[1].

Кроме того, пузыри коррупционных ожиданий **могут быть частью пирамидальной структуры приемной политической семьи**. В таких случаях правящая элита намеренно позволяет ожиданиям расти, но в итоге не реализует их. К тому же такие пузыри могут функционировать как способ сбора ренты, поскольку приемная политическая семья накапливает или реинвестирует деньги, полученные во время первоначального быстрого роста инвестиций [▸ 5.3.4.4][2]. Это приводит нас к другому типу пузырей, которые свойственны реляционным

1 Третий тип пузырей ожиданий, типичный для командной экономики и административных рынков, мы рассматриваем ниже [▸ 5.6.2.2].

2 *Gyenis Á.* Családi Munkakör [Семейная работа] // HVG. 12.09.2019.

экономикам, — **трофейным пузырям**. Этот тип представляет собой частный пузырь, связанный с одним из акторов приемной политической семьи, который создает его в результате индивидуального осознанного решения. В качестве иллюстрации этого можно привести пример Лёринца Месароша, слесаря-газовщика из родного села верховного патрона Венгрии Виктора Орбана, который стремительно взлетел на самый верх социальной лестницы. «Этот житель поселка Фелчут, считающийся доверенным лицом Виктора Орбана, за четыре года пробился в число богатейших венгров благодаря заказам на строительство канализации и дорог и победам в государственных тендерах на аренду земли и табачных киосков»[1]. К тому моменту, как Орбан победил на выборах в 2010 году, Месарош почти десять лет владел единственной компанией и накопил скромное состояние около 30 млн форинтов (около 90 тыс. евро)[2]. Однако за годы правления Орбана оно выросло почти в сто раз[3] и на 2013 год составляло примерно в 6,9 млрд форинтов (около 21 млн евро), благодаря чему он занял 88-ю строчку в списке богатейших венгров, а уже в 2018 году стал самым богатым человеком Венгрии с состоянием в 381 млрд форинтов (около 1 млн евро)[4]. Как сообщает *Forbes Hungary*, с 2018 по 2019 год благосостояние семьи Месароша выросло в пять раз, и это самый

1 *Szakonyi P., ed.* A 100 Leggazdagabb 2014. Budapest: Napi Gazdaság Kiadó, 2014. P. 101.

2 Húszmilliót tart Mészáros Lőrinc a párnacihájában [Месарош хранит под матрасом 20 млн. наличными] // Origo.hu. 19.06.2014. URL: https://www.origo.hu/itthon/20140619-nyilvanossagra-hoztak-meszaros-lorinc-vagyonnyilatkozatait.html.

3 *Csurgó D., Szémann T.* Ő a Valódi Gazdasági Csoda [Он — настоящее экономическое чудо] // Index.hu. 20.02.2017. URL: http://index.hu/gazdasag/2017/02/20/meszaros_lorinc_vagyona/.

4 Magyarország 50 leggazdagabb embere — már nem Csányi az első [50 богатейших людей Венгрии — Чаньи больше не занимает первую строчку] // Forbes Magyarország. 28.12.2018. URL: https://forbes.hu/a-magazin/magyarorszag-50-leggazdagabb-embere-mar-nem-csanyi-az-elso/.

быстрый рост за всю историю журнала. На текущий момент они являются «неизбежными экономическими акторами» в строительстве, туризме, тяжелой промышленности, энергетике и сельском хозяйстве[1]. По словам Месароша, в успехе, которого он добился, сыграли роль «милость Бога, удача и Виктор Орбан»[2]. Этот человек, несомненно, является чистейшим продуктом реляционной экономики, а также, по мнению более двух третей венгров, экономическим подставным лицом Орбана[3].

Хотя Месарош с невероятной скоростью сколотил ошеломляющий капитал, он также использовал свою экономическую империю как «дойную корову», получая большую часть прибыли в качестве дивидендов[4]. Между тем его вынужденная экспансия финансировалась за счет ссуд, которые нередко выдавали банки, принадлежащие приемной политической семье[5]. **В условиях рыночной экономики такое**

1 Családi lista 2019 — Forbes [Список богатейших семейных кланов 2019 — Forbes] // Forbes Magyarország. 09.2019. URL: https://forbes.hu/extra/csaladi-lista-2019/. На конец 2019 года состояние Месароша достигало 407,7 млрд форинтов (около 1,23 млрд евро). Az 50 Leggazdagabb Magyar [50 богатейших венгров] // Forbes. 01.2020.

2 A jóisten, a szerencse és Orbán Viktor személye — így vagyonosodott Mészáros Lőrinc [God, luck, and Viktor Orbán — this is how Lőrinc Mészáros got rich] // atlatszo.hu. 03.06.2014. URL: https://atlatszo.hu/2014/06/03/a-joisten-a-szerencse-es-orban-viktor-szemelye-igy-vagyonosodott-meszaros-lorinc/.

3 *Magyar B.* From Free Market Corruption Risk to the Certainty of a State-Run Criminal Organization (Using Hungary as an Example) // Stubborn Structures. P. 477–485.

4 *Fokasz O., Oroszi B.* Protestáló Etika [Протестующая этика] // HVG. 06.06.2019; *Jandó Z.* Mészáros Lőrinc új rekordja: 25,4 milliárd forintot vesz ki a cégeiből [Новый рекорд Лёринца Месароша: 25,4 млрд дивидендов от принадлежащих ему компаний] // G7.hu (blog). 05.06.2019. URL: https://g7.hu/kozelet/20190605/meszaros-lorinc-uj-rekordja-254-milliard-forintot-veszki-a-cegeibol/.

5 *Várhegyi É.* A Bankszektor Elrablása [Рейдерство в банковском секторе] // Mozgó Világ. 2019. № 2. P. 3–14; *Rádi A.* Indebtedness of National Oligarchs Risk Banking System, Experts Say // Atlatszo.hu (blog). 02.02.2018. URL: https://english.atlatszo.hu/2018/02/02/indebtedness-of-national-oligarchs-risk-banking-system-experts-say/.

поведение без надежной экономической базы означало бы, что этот пузырь может с легкостью лопнуть. Вероятно, он лопнул бы задолго до того, как собственность Месароша смогла бы достичь таких астрономических размеров[1]. Однако **этот пузырь не рыночный, а трофейный,** что означает, что он вырос в реляционной экономике под дискреционной защитой приемной политической семьи. Иными словами, **когда хищническое государство предоставляет защиту, оно может «истощить» трофейный пузырь при помощи дискреционного государственного вмешательства**. Такое развитие событий возможно только при нормальных обстоятельствах, когда у верховного патрона есть достаточно времени, чтобы вмешаться, прежде чем пузырь лопнет (так как это может произойти из-за внешнего потрясения, такого как война, экономический кризис или пандемия). Как бы то ни было, трофейный пузырь возникает неслучайно, поскольку с его помощью приемная политическая семья помогает сама себе: она включает в себя как нуждающегося в поддержке олигарха (подставное лицо), владеющего активами, так и главу исполнительной власти, который применяет государственную власть с максимальной амплитудой произвола [▸ 2.4.6]. Для «истощения» пузырей используются те же методы, о которых уже шла речь, когда мы моделировали различные варианты развития событий в ходе фазы потребления. В их числе (с упоминанием примеров из недавней истории про Месароша) можно назвать следующие[2]:

- изменение нормативно-правовой базы (после того, как Месарош приобрел площадки для кемпинга на озере Балатон,

1 *Laki M.* A Mészáros-Vállalatcsoport: Adalékok a Fidesz-Közeli Vállalkozások És Vállalkozók Működéséhez [Дело группы компаний Месароша. Необычное деловое поведение компаний, связанных с «Фидес»] // Külgazdaság. 2019. Vol. 63. № 9–10. P. 65–100.

2 Другие примеры см.: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства; Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State.

строительные нормы и правила были изменены таким образом, чтобы он мог строить там гостиницы[1], а НДС на услуги проживания был снижен с 15 до 8%)[2];

• дискреционное предоставление государственных субсидий и ссуд (многие приобретения Месароша финансировались государственными банками, включая Eximbank и MKB[3], которые были до этого присвоены хищническими методами)[4];

• передача государственных средств компании через государственные проекты (основная доля прироста благосостояния Месароша приходится на проекты государственных закупок, подавляющее большинство из которых финансируется из фондов ЕС)[5];

• создание искусственного спроса на продукцию трофейной компании (государство запустило программу льготного

1 *Nagy G. M.* Club Rezsim: Mészáros Lőrincék Átszabják Balatonaligát [Клубный режим: Месарош Лёринц и его друзья реформируют Балатоналигу] // Magyar Narancs. 09.02.2019. URL: https://magyarnarancs.hu/belpol/club-rezsim-121640.

2 *Balla G.* Nem kell több vendég Mészárosnak ahhoz, hogy újabb milliárdokat keressen a szállodáival [Чтобы зарабатывать миллиарды на гостиничном бизнесе, Месарошу не нужны гости] // hvg.hu. 0706.2019. URL: https://hvg.hu/kkv/20190607_Nem_kell_tobb_vendeg_Meszaros_Lorincnek_ahhoz_hogy_milliardokkal_tobbet_keressen_a_szallodaiparban.

3 *Medvegyev G.* Állami hitelekből hízik Mészáros Lőrinc birodalma [Империя Лёринца Месароша счет государственных займов] // 24.hu. 30.09.2017. URL: http://24.hu/fn/gazdasag/2017/09/30/allami-hitelekbol-hizik-meszaros-lorinc-birodalma/.

4 *Várhegyi É.* A Bankszektor Elrablása [Рейдерство в банковском секторе]; *Király J.* A Magyar Bankrendszer Tulajdonosi Struktúrájának Átalakulása [Трансформация структуры собственности венгерской банковской системы] // Közgazdasági Szemle. 2016. Vol. 63. № 7–8. P. 725–761.

5 *Erdélyi K.* The Mészáros Empire Won Public Tenders Worth €826 Million Last Year, 93 Percent of Which Came from European Union Funds // Atlatszo.hu (blog). 17.01.2019. URL: https://english.atlatszo.hu/2019/01/17/the-meszaros-empire-won-public-tenders-worth-e826-million-last-year-93-percent-of-which-came-from-european-union-funds/; *Dunai M.* How Europe's Taxpayers Will Bankroll Viktor Orban's Friends and Family // Reuters. 15.03.2018. URL: http://www.reuters.com/investigates/special-report/hungary-orban-balaton/.

отдыха для бедных семей, которых размещали в отелях Месароша и Тиборца, зятя Орбана)[1].

В заключение следует в более общих терминах охарактеризовать **специфическую микроуровневую динамику с точки зрения подставных и трофейных компаний**. Те, кто обладает властью-собственностью в реляционных экономиках, отличаются от обычных частных собственников следующими свойствами. Во-первых, **у них необычайно быстрая фаза роста**. В результате дискреционной деятельности государства по предоставлению защиты предприятия приемной политической семьи становятся «национальными лидерами» почти сразу после того, как попадают к ней в собственность. Подставные компании способны выигрывать крупномасштабные государственные контракты без соответствующих компетенций или базового капитала, а при необходимости получать ссуды на довольно выгодных условиях без какого-либо покрытия капитала. Во-вторых, периоды **расширения или сокращения их деятельности совпадают не с экономическими, а с политическими циклами**. Поскольку успех этих компаний зависит от верховного патрона, они чрезвычайно уязвимы перед ним и его угрозами, которые он реализует, если те выказывают нелояльность. В-третьих, **будучи победителями государственных тендеров, они, по сути, являются административными координаторами по извлечению ренты, а не по техническим вопросам**. Эти компании обычно выполняют роль точек доступа к государственным контрактам и сотрудничают с такими крупными субподрядчиками или партнерами, которые в условиях нормальной конкуренции могли бы выполнять условия госконтракта самостоятельно. Координатор по извлечению ренты чаще всего создает

[1] *Tamásné Szabó Z.* Club Aliga: 350 milliót kasszírozhatnak Mészárosék a nagycsaládos üdülésből [Club Aliga: Месарош может получить 350 млн форинтов от льготного отдыха многодетных семей] // 24.hu. 09.08.2019. URL: https://24.hu/fn/gazdasag/2019/08/09/club-aliga-nagycsaladosok-erzsebet-program-nyaralas/.

систему с большим количеством уровней субподрядчиков, чем того требует техническая координация той же задачи. Уязвимость субподрядчиков, которые находятся у основания пирамиды, подтверждается тем фактом, что они работают как аутсорсинговые компании-изгои, практически не имея прибыли. Кроме того, невыплаты субподрядчикам и другие нарушения контракта не влекут за собой запрета на дальнейшее участие компании в госзакупках.

В-четвертых, **размер налогооблагаемой прибыли в совокупном доходе таких компаний значительно превосходит показатели предприятий из той же сферы, которым государство не оказывает поддержки**. Эта разница указывает на то, что компания высасывает средства из государства и занимается извлечением ренты. В-пятых, **размер дивидендов, выплачиваемых из облагаемой налогом прибыли компании, намного превосходит дивиденды компаний, не получающих политической поддержки и действующих в условиях рынка**. Подавляющую часть прибыли, если не всю ее целиком, компании, участвующие в честной рыночной конкуренции, особенно стартапы и развивающиеся компании, реинвестируют в бизнес, что абсолютно естественно при расширении сферы деятельности, которая требует инвестиций, и при вероятных рыночных колебаниях[1]. Однако в компаниях олигархов или подставных лиц бремя необходимых инвестиций в оборудование перекладывается на партнера по вынужденному консорциуму или субподрядчика. При этом любые риски, связанные с возможными колебаниями рынка, устраняются благодаря стабильным, политически мотивированным контрактам. Эти два фактора сами по себе косвенно указывают на то, что эти компании-победители в большинстве случаев существуют только для извлечения ренты, и если политическая обстановка изменится, их можно будет ликвидировать

[1] Пример метаанализа см.: *Avanzi B.* Strategies for Dividend Distribution: A Review // North American Actuarial Journal. 2009. Vol. 13. № 2. P. 217–251.

без каких бы то ни было потерь. Наконец, **если в отношении успешного бизнеса, не связанного с приемной политической семьей, предпринимаются попытки хищничества, в отношении компаний, принадлежащих лояльным олигархам и подставным лицам, они не предпринимаются никогда**. Так, наиболее заметным признаком подставной компании, принадлежащей полигархам или олигархам ближнего круга, является тот факт, что она еще ни разу не подвергалась атакам, и при этом очевидно имеет положительную стоимость в фазе выслеживания. Если положительная стоимость сторонней компании на этапе выслеживания является достаточным основанием для хищничества, то в контексте компаний приемной политической семьи за стоимость «в фазе выслеживания» мы приняли бы то, что на самом деле является трофейной стоимостью, ведь на компанию никогда не велась охота, потому что она никогда не выходила за пределы собственности приемной политической семьи. Очевидный разрыв между слабой политической позицией формальных владельцев и их неприкосновенностью также является ключевой характеристикой подставных компаний.

5.6. СРАВНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

То, что после распада Советского Союза наступит «конец истории», предсказывали не только политологи. Симеон Дянков и его соавторы в своей знаменитой статье[1] писали, что **сравнительная экономика** прошла тот же путь, что и политология. В эпоху холодной войны сравнительная экономика была занята сопоставлением капитализма в лице либеральных демократий на Западе и социализма в лице коммунистических диктатур на Востоке. В дальнейшем крушение последних, а также переход практически всех социалистических стран к капитализму рассматривались как историческая победа рыночной экономики над плановой. Дянков и его соавторы утверждали, что эта ситуация придает сравнительной экономике новый смысл: вместо сравнения двух крупнейших систем, капитализма и социализма, новая текущая повестка диктует необходимость сравнивать «разновидности капитализма»[2].

Такой подход, подразумевающий наличие «разновидностей капитализма», был впервые разработан для западных экономик, а затем ученые стали использовать его в качестве универсальной системы, которую можно применять и для стран, принадлежащих другим цивилизациям. Но все же мы не можем полностью согласиться с ним по двум причинам. Во-первых, поскольку режим коммунистической диктатуры составляет

1 *Djankov S. et al.* The New Comparative Economics // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. № 4. P. 595–619.

2 Ср.: Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Обсуждение этого вопроса см.: *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 20–43.

неотъемлемую часть нашей концептуальной структуры, являясь одним из полярных типов, мы не можем игнорировать и его экономическую систему, социализм, и фокусироваться исключительно на разновидностях капитализма. Во-вторых, существует проблема, о которой уже шла речь в Части 5.5.4.5, а именно, что **преобладание власти-собственности является свидетельством экономической системы нового типа**, которая в западном понимании не является ни социалистической, ни капиталистической. На формальном уровне в этой новой системе преобладает частная собственность, но на неформальном — *де-факто* частная собственность на деле тесно связана с политической властью. Таким образом, описание этой системы в парадигме «разновидностей капитализма» так же некорректно, как и описание патрональных автократий в парадигме «разновидностей демократии», то есть при помощи подтипов демократии (в гибридологии)[1]. С одной стороны, применение этих категорий кажется обоснованным, потому что на формальном уровне система состоит из тех же институтов, что и исходный концепт. С другой — их применение неоправданно, потому что на неформальном уровне система обладает совершенно иными, конструирующими ее характеристиками, которые оказываются важнее, чем ее формальное устройство. Следовательно, осмысление патрональных автократий как одной из модификаций демократии или системы власти-собственности как одного из вариантов капитализма несет в себе риск отождествления их и их отличительных черт с системами западного типа, что затрудняет понимание их истинной природы. Чтобы преодолеть эту трудность, для описания формального и фактического устройства различных систем собственности мы используем разные термины. С точки зрения формального устройства, мы определяем капитализм и социализм следующим образом:

[1] См., например: *Bogaards M.* De-Democratization in Hungary: Diffusely Defective Democracy.

• ***Капитализм*** *— это экономическая система, для которой характерно преобладание формальной частной собственности на средства производства.*

• ***Социализм*** *— это экономическая система, для которой характерно преобладание формальной государственной собственности на средства производства.*

Ранее мы уже объясняли, почему определение этих двух важнейших систем основывается на их формальных характеристиках, а именно потому что сравнительная экономика в целом и парадигма разновидностей капитализма в частности определяет их таким образом. И действительно, если сосредоточиться только на них, то в посткоммунистическом регионе можно найти множество типов капитализма[1]. Кроме того, различия между формальными отношениями собственности в социалистических экономиках указывают на «разновидности социализма» в странах до смены режима, от классической сталинской модели до югославской и венгерской моделей реформированного типа[2].

В противоположность этому, наша типология, основанная на фактических формах собственности, различает экономику следующих типов:

• ***Плановая экономика*** *— это экономическая система, для которой характерно преобладание фактической государственной собственности на средства производства.*

• ***Рыночная экономика*** *— это экономическая система, для которой характерно преобладание фактической частной собственности на средства производства.*

• ***Реляционная экономика*** *— это экономическая система, для которой характерно преобладание фактической власти-собственности на средства производства.*

1 *Lane D., Myant, M., eds.* Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries; *Bohle D., Greskovits B.* Capitalist Diversity on Europe's Periphery.

2 Эта мысль принадлежит Корнаи, см.: *Kornai J.* Foreword // The Journal of Comparative Economic Studies. 2015. № 10. P. 1–10.

В коммунистических диктатурах формальный социализм — это, по сути, то же, что и фактическая плановая экономика. В режимах этого типа то, что формально является государственной собственностью, в действительности таковой и является, а правящая политическая элита (номенклатура) управляет средствами производства не по неформальным каналам, а открыто и формально. В свою очередь, **экономика рыночного и реляционного типов — это две разновидности капитализма**, поскольку в них обеих преобладает частная собственность.

Здесь стоит сделать небольшое уточнение. «Плановая экономика» не единственный термин, которым в литературе обозначается экономика социалистических стран. Помимо него существуют также «командная экономика» и «дефицитная экономика» (которые мы тоже иногда используем в этой книге). Можно применять любой из трех терминов, однако каждый из них делает акцент на различных аспектах социалистического строя. «Плановая» обозначает устройство экономики (центральное планирование); «командная» — форму правления или бюрократический патронализм, свойственный таким системам. Наконец, «дефицитная» отсылает к последствиям системы для людей-объектов социалистической экономики[1].

Возвращаясь к **трем типам экономики**, необходимо отметить, что они, особенно капиталистические, **редко бывают однородными**. Неслучайно, когда речь идет об отношениях собственности, мы всегда используем слово «**преобладает**». Например, реляционная экономика состоит из множества различных сегментов, и некоторые из них действительно находятся в частных руках, что напоминает рыночную экономику западного типа, тогда как другие являются частными лишь формально, а на деле функционируют по принципу

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 256–289.

власти-собственности. По этой причине для описания сегмента имеет смысл использовать другое понятие, чем для описания целого. Сегмент можно описывать при помощи термина «**рынок**». Рынок — это сегмент экономики, отдельная отрасль или экономический сектор, в рамках которого экономические акторы производят товары для одного и того же набора потребителей (или удовлетворяют один и тот же спрос). Рынки являются **строительными блоками, из которых состоит экономика**, понятие, которое мы можем использовать для описания целого. Таким образом, экономика — это не что иное, как совокупность рынков в рамках определенного государственного устройства и под властью этого государства.

Соответственно, можно выделить три типа экономики не только с точки зрения отношений собственности, но и по тому, **какой тип рынка в них доминирует**. Для **плановой экономики** характерно доминирование так называемых **административных рынков**; в **рыночной экономике** преобладают **конкурентные рынки**. Наконец, **реляционной экономике** свойственно преобладание **реляционных рынков**.

5.6.1. Административный, конкурентный и реляционный типы рынков

5.6.1.1. Доминирующие экономические механизмы

Сосуществование рынков в целом и экономических акторов в частности можно описать понятием **экономические механизмы**. Если объяснить его суть простым языком, то экономический механизм сообщает о том, **кому какая собственность принадлежит** или как распределяются ее части (совокупность прав собственности) в конкретной экономике. Экономические механизмы нельзя рассматривать в отрыве от типа собственности: последний в значительной степени определяет первые, потому что структуры собственности разных типов создают для владельцев различные стимулы,

подталкивающие их действовать и сосуществовать с другими акторами общества определенным образом[1].

При осмыслении экономических механизмов мы опираемся на идеи Карла Поланьи, с одной стороны, и Яноша Корнаи — с другой. В своем знаменитом эссе «Экономика как институционально оформленный процесс» Поланьи различает, прежде всего, «формальное» и «содержательное» описание экономики (Таблица 5.22)[2]. По его мнению, экономисты неоклассической школы описывают экономику формально: с точки зрения спроса и предложения, рационального выбора и главным образом цен. Следовательно, утверждает Поланьи, такое описание лучше всего подходит для «ценообразующих рынков», то есть для современной экономики, которая распределяет товары и услуги — в наших понятиях отвечает на вопрос: «кому какая собственность принадлежит» — на открытых рынках и среди тех, кто готов платить за них цену. Но рассматривая другие типы экономики (в случае Поланьи — доиндустриальной эпохи), необходимо понимать, что существуют и другие механизмы, которые обнаруживаются только в том случае, если мы описываем их в соответствии с их социологической сущностью (отсюда «содержательное описание»). «Процесс», который фигурирует в названии эссе — это не что иное, как «перемещения» товаров на микроуровне, включая «пространственные перемещения» (производство и транспортировка товаров) и «перемещения путем присвоения» (добровольные «транзакции» и принудительное «распоряжение»)[3]. В свою очередь, то, как эти процессы «оформлены институционально», отражает экономические механизмы макроуровня. Поланьи выделяет три типа базовых структур этих механизмов: симметрию, централизованность

1 *Kornai J.* The Soft Budget Constraint; *Корнаи Я.* Инновации и динамизм.

2 *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс.

3 Там же. С. 66.

Таблица 5.22: Экономика как институционально оформленный процесс по Карлу Поланьи

Формальное описание (ценообразующие рынки)	**Содержательное описание** (экономика в целом)					
Неоклассическая экономика	**Институциональное оформление** (Так как экологические, технологические и социетальные элементы взаимосвязаны и уравновешивают друг друга)		**Процесс** (Материальные элементы, которые переходят из рук в руки или меняют местоположение)			
	Формы интеграции:	Типы структур:	Пространственные перемещения		Перемещения путем присвоения	
					Товарное обращение	Товарное администрирование
	• реципрокность • перераспределение • обмен	• симметрия • централизованность • рынок	Транспортировка товаров	Производство товаров	Транзакция (из рук в руки)	Распоряжение (одностороннее присвоение)

и рынок, с которыми соотносятся три «**формы интеграции**»: **реципрокность, перераспределение и обмен**, соответственно. Как отмечает Поланьи, «[реципрокность] обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах; перераспределение представляет собой акты „стягивания" товаров центром с их последующим перемещением из центра; под обменом подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы»[1].

С нашей точки зрения, три формы интеграции Поланьи являются экономическими механизмами, поскольку они обозначают три основных варианта того, как объекты собственности переходят из одних рук в другие. Обратимся теперь ко второму заявленному выше автору, Яношу **Корнаи**, который в своем фундаментальном труде, посвященном сравнению экономических систем, рассматривает «**механизмы координации**»[2]. Согласно его определению, «природа политической власти, господствующая идеология и отношения собственности, взятые вместе», составляют механизм координации, который «обеспечивает координацию деятельности вовлеченных в нее лиц и организаций»[3]. Корнаи определяет каждый механизм координации по следующим критериям: (1) «кто является его участниками», (2) «какие между ними существуют отношения», (3) «какие потоки информации между ними содействуют координации» и (4) «какие мотивы поощряют лиц и организации участвовать в процессе координации»[4]. На основании этих критериев он выделяет пять основных типов механизмов[5]:

1 *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс. С. 68.

2 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 117–135. Кроме того, он сам отмечает сходства (а также различия) между своим подходом и подходом Поланьи (Там же. С. 122).

3 Там же. С. 117.

4 Там же.

5 Там же. С. 117–121.

• **бюрократическая координация**, то есть субординационные отношения, в которых индивид или организация координирует других индивидов или организации через (формальные) вертикальные связи (например, армия или крупная фирма);

• **рыночная координация**, то есть прямые отношения или горизонтальные связи, в рамках которых индивиды «равны с юридической точки зрения» и берут на себя роль продавцов и покупателей, причем продавец добровольно соглашается передать что-либо покупателю (например, магазин или фондовая биржа);

• **самоуправляемая координация**, участники которой — это «находящиеся в одинаковом положении и обладающие равными правами члены самоуправляемых ассоциаций», а для выполнения координационных функций члены ассоциации избирают управляющий орган (и могут его распустить) (например, автономный университет или профессиональная ассоциация);

• **этическая координация**, в рамках которой «доноры» добровольно передают ресурсы получателям, движимые альтруизмом или какими-либо другими мотивами доброй воли (например, организация по оказанию помощи);

• **семейная координация**, при которой участники, связанные семейными узами, формируют разнообразные связи в рамках уже заданных семейных рамок (например, домашнее хозяйство).

Если рассматривать экономику с точки зрения форм интеграции Поланьи или механизмов координации Корнаи, то в ней всегда есть **доминирующий механизм**, тогда как остальные являются **подчиненными**. Иначе говоря, **в каждом обществе все механизмы существуют одновременно**: ни реципрокность, ни перераспределение, ни обмен полностью не исключаются в пользу какого-либо одного механизма. Аналогичным образом в каждой системе сосуществуют пять

основных механизмов координации Корнаи, и ни один из них не пропадает целиком. Скорее какой-то один механизм становится доминирующим, что означает, что он характерен для большинства обменов, тогда как другие ограничиваются подчиненной ролью и характеризуют лишь малую часть обменов. На микроуровне функционирование любого рынка можно описать как действие, во-первых, доминирующего механизма и, во-вторых, подчиненных механизмов, тогда как на макроуровне **тип экономического механизма, который доминирует на большинстве рынков, является доминирующим механизмом экономики.**

Теперь, когда мы определили, что такое доминирующий механизм, мы можем выделить его в трех представленных нами типах экономики. Так, доминирующим механизмом **плановой экономики** является **бюрократическое перераспределение ресурсов**. Слово «бюрократический» относится здесь к бюрократической координации Корнаи, которую он также отмечает как «наиболее широко и действенно применяемый механизм» в социалистической системе, где вся сфера экономического действия, то есть все рынки, составляющие экономику, сливаются со сферой политического действия в монолитном бюрократическом единстве[1]. В свою очередь, «перераспределение ресурсов» обозначает центральное планирование распределения ресурсов. В плановой экономике партия-государство решает в масштабах всей экономики: (1) что производить, (2) как использовать продукцию, (3) кто должен работать, где и за какую зарплату, (4) куда следует вкладывать средства, (5) где следует проводить технические разработки, (6) какую часть продукции следует продавать за границу и (7) как должны работать финансовые институты[2]. Это означает, что, как правило, большая часть ресурсов в экономике распределяется в соответствии с центральным планом.

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 123.

2 Там же. С. 137–139.

Доминирующим механизмом **рыночной экономики** является **регулируемая рыночная координация**. Здесь «рыночная координация» означает то же, что и в теории Корнаи, а именно добровольные решения продавцов и покупателей, которые в конечном счете составляют прибыль и убытки предприимчивых людей и, таким образом, координируют их действия через систему стимулов[1]. Однако, характеризуя экономики современных стран, мы не можем игнорировать тот факт, что они «регулируются» центральным органом власти, и в сегодняшних либеральных демократиях смешанная экономика является нормой (см. Текстовую вставку 5.11). Координация участников рынка или, точнее, объем предложения товаров и услуг сокращается при помощи регуляционного вмешательства, в соответствии с которым мы считаем рыночную координацию в современных рыночных экономиках регулируемой[2].

Текстовая вставка 5.11: Капитализм как смешанная экономическая система

В капиталистической экономике принято считать, что коммерческие фирмы являются главными действующими лицами, ответственными за поставку товаров и услуг. Желания людей рассматриваются в первую очередь как индивидуальные и домашние потребности и вкусы, и предполагается, что потенциальные покупатели товаров и услуг решают, что они будут покупать и у кого, за свои деньги и исходя из своих собственных предпочтений. <...> Однако такое устройство рынка далеко не повсеместно, и его редко можно встретить в чистом виде. [Многие] виды деятельности и отрасли, которые обычно считаются рыночными, на самом деле имеют смешанную структуру управления. Например, как продукты, так и методы производства фармацевтических компаний подвергаются

1 *Mises L.* Profit and Loss.

2 Дальнейшее обсуждение этого вопроса см.: *Dahl R. A.* Why All Democratic Countries Have Mixed Economies // Nomos. 1993. № 35. P. 259–282.

> регуляции, а государственные средства идут на фундаментальные исследования, на которые опираются фармацевтические компании в своих разработках. Регулируются многие аспекты деятельности авиакомпаний, правительство контролирует систему управления воздушным движением, а аэропорты в значительной степени финансируются государственными органами и часто им принадлежат. Большинство старых «коммунальных услуг» все еще подлежат регуляции и иногда субсидированию. <...> Устройство рынка — это широко используемая и полезная структура управления. Во многом это связано с тем, что оно может работать по-разному, и дополняться другими разнообразными механизмами. Однако как обувь одного размера не подходит для всех ног, так и единый режим отраслевого управления не может справиться с огромным разнообразием человеческой деятельности. Современные экономики состоят из множества очень разных отраслей, которые регулируются по-разному. Один способ организации и управления не может подходить для всех них[1].

Наконец, доминирующий механизм **реляционной экономики** — это **реляционное перераспределение рынка**. Имеет смысл сравнить этот механизм с обоими из вышеупомянутых, начав с перераспределения другого типа. **Бюрократическое перераспределение ресурсов** в плановой экономике осуществляется на основе целевых показателей: в центральном плане производственные цели выражены в конкретных цифрах единиц природопользования[2]. По сравнению с этим, в реляционной экономике рынки и возможности извлекать ренту перераспределяются без предварительно заданных целевых показателей (отсюда «рыночное перераспределение»). Другими словами, **приемная политическая семья определяет только рынок и структуру собственности, но не**

[1] *Nelson R.* Capitalism as a Mixed Economic System // The Oxford Handbook of Capitalism. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. P. 278–280.

[2] *Bokros L.* Accidental Occidental. P. 33.

структуру производства. Два средства, при помощи которых в патрональных автократиях осуществляется реляционное перераспределение рынка, это дискреционное вмешательство и централизованное корпоративное рейдерство. Первое применяется в этих целях, поскольку, согласно определению, как раз и означает, что акторы, которым патрон отдает предпочтение, получают возможности извлекать ренту, тогда как другие экономические акторы, а именно (a) те, кто хочет стать участниками рынка, и (b) уже существующие участники, которые не пользуются расположением патрона, — подвергаются дискриминации (отсюда «пере»-распределение). Что касается централизованного корпоративного рейдерства, то современное хищническое государство рассматривает компанию не как добычу, а как капитал, то есть как средство доступа к рынку и ведения коммерческой деятельности под дискреционной защитой верховного патрона [▸ 5.5.4]. Таким образом, централизованное корпоративное рейдерство — это специфическое средство перераспределения рынка, при котором рыночная доля компании присваивается членами приемной политической семьи в качестве потенциальной возможности извлекать ренту.

В сравнении с регулируемой рыночной координацией, реляционное перераспределение рынка также создает стимулы, однако центральный актор здесь другой: **экономические акторы должны приспосабливаться не к желаниям покупателей, а к воле верховного патрона**. На первый взгляд, эта логика аналогична теории извлекающих ренту предпринимателей. Согласно этой теории, экономические акторы при получении прибыли в экономике с чрезмерным государственным вмешательством в меньшей степени зависят от потребителей и в большей — от политиков, дающих им возможность извлекать ренту, и начинают использовать предпринимательские инновации и прогнозировать спрос так, чтобы угодить политикам, а не потребителям. Тем не менее

эта теория применима к либеральным демократиям и рыночным экономикам, поскольку предполагает, что сотрудничество и решения о рыночной стратегии носят добровольный характер [▸ 5.3.1]. Однако в основе реляционного перераспределения рынка лежит неформальный патронализм, то есть принудительная коррупционная сеть. Ее смысл в том, что акторы, такие как олигархи и подставные лица, должны подчиняться приказам верховного патрона, который дискреционно перераспределяет рынки между клиентами на основании их лояльности и собственных стратегических (политических) предпочтений [▸ 7.4.7.2]. **Рыночную конкуренцию заменяет конкуренция внутри приемной политической семьи**: тогда как в условиях регулируемой рыночной координации актор А превосходит в конкурентной борьбе актора Б, если покупатели считают продукцию Б недостаточно качественной, при реляционном перераспределении рынка А может завладеть рынком Б, если верховный патрон считает лояльность или стратегическое значение Б недостаточно ценными. В свою очередь, экономические акторы, не входящие в приемную политическую семью, постоянно находятся в фазе выслеживания и хищничества (в качестве потенциальных жертв) и могут избежать централизованного корпоративного рейдерства не через формальное лоббирование, а через неформальное принятие в семью. В рамках политического предпринимательства экономические акторы видят политическую сферу как нормативно закрытый рынок для использования политической власти в своих интересах. В реляционной экономике политическая сфера — это дискреционно закрытый рынок, где одна группа акторов, состоящая из принятых в семью лиц, должна конкурировать за благосклонность верховного патрона, а другая группа, состоящая из не принятых в семью аутсайдеров, находится под постоянной угрозой стать жертвой и лишиться своих рынков через их перераспределение в пользу приемной семьи [▸ 5.4.2].

При рассмотрении экономических механизмов в трех типах экономики, необходимо снова акцентировать внимание на слове «доминирует». Экономика может включать в себя любой из описанных выше механизмов: в рыночной экономике обычно присутствует небольшая доля бюрократического перераспределения ресурсов (наиболее очевидное средство такого перераспределения — это государственные и муниципальные компании и инвестиции) и, возможно, даже реляционное перераспределение рынка. Но они остаются подчиненными механизмами по отношению к доминирующей регулируемой рыночной координации. Приведем лишь один пример из исследования 2016 года, которое показало что «**в Великобритании** <...> потенциал политического влияния на решения центрального правительства о заключении контрактов, [с точки зрения] механизмов институционального контроля, ограничен. Недавние институциональные реформы в целом усилили этот контроль и повысили прозрачность. Тем не менее мы обнаружили, что около **10% рынка контролируют компании, которые выигрывают тендеры на условиях, свидетельствующих о партийном фаворитизме**. **В Венгрии, напротив**, институциональная система сдержек и противовесов намного слабее и не может противостоять систематическим попыткам повышать политическое влияние в сфере госзакупок. Влияние на рынки госзакупок становится очевидным в нашем количественном анализе контрактов, который показывает, что около **50–60% рынка** контролируется компаниями, которые выигрывают на условиях, указывающих на партийный фаворитизм»[1]. Так, исследователи находят признаки того, что Венгрия не является «партийной»

[1] *Dávid-Barrett E., Fazekas M.* Corrupt Contracting: Partisan Favouritism in Public Procurement. Hungary and the United Kingdom Compared // Working Paper. ERCAS Working Papers. European Research Centre for Anti-Corruption and State-Building. 07.2016. URL: https://www.againstcorruption.eu/wp-content/uploads/2016/07/WP-49-Corrupt-Contracting.pdf. P. 7.

Таблица 5.23: Рыночная, реляционная и плановая типы экономики

Капитализм		**Социализм**
Рыночная экономика	Реляционная экономика	Плановая экономика
Экономика, не встроенная в политику	Экономика, встроенная в патрональные отношения	Экономика, встроенная в бюрократический аппарат
Регулируемая рыночная координация	Реляционное перераспределение рынка	Бюрократическое перераспределение ресурсов
• регулируемая • безличная • нормативная • преобладают конкурентные рынки	• неформализованная • субъективная • дискреционная • преобладают реляционные рынки	• формализованная • безличная • нормативная • преобладают административные рынки
Невидимая рука безличных рыночных сил	Видимая рука патрона, вмешивающаяся в рыночные силы	Центральное планирование номенклатуры в обход рыночных сил
Горизонтальная	Вертикальная	Вертикальная

страной, поскольку решения принимает приемная политическая семья Орбана, а не партия «Фидес» (которая представляет собой лишь приводной ремень); а также не порождает «фаворитизм», поскольку взаимодействие акторов между собой носит не добровольный характер. Но что действительно преобладает, так это реляционное перераспределение рынка (и его отсутствие в Великобритании), что также подтверждают ранее проанализированные данные из Венгрии [▸ 5.3.3.3].

В Таблице 5.23 приведены основные характеристики трех типов экономик. Как уже отмечалось, плановая экономика относится к социалистической системе, а рыночная и реляционная — к капиталистической. **В плановой экономике** вопрос, «кому какая собственность принадлежит», решается **центральным планированием номенклатуры в обход рыночных сил.** Используя предложенное Поланьи понятие встроенности (*embeddedness*) относительно степени отделения сферы экономического действия от сфер политического и социального действия[1], можно сказать, что в плановой экономике

1 *Polányi K.* The Great Transformation. P. xxiii–xxviii.

экономическая сфера **встроена в бюрократический аппарат**, поскольку вся экономика подчинена сфере политического действия через формальные связи номенклатурной бюрократии (партии-государства). **В рыночной экономике**, напротив, на вопрос, «кому какая собственность принадлежит», отвечает **невидимая рука рынка**, то есть не персонифицированная совокупность добровольных решений частных акторов в регулируемой среде [▸ 2.6]. Поскольку здесь государственное регулирование является нормативным и безличным, экономическим акторам не приходится участвовать в политике, чтобы защитить свои права [▸ 2.4.6], а рынок можно рассматривать как **не встроенный в политику**. Наконец, **в реляционной экономике** решение о том, «кому какая собственность принадлежит», принимает **«видимая рука» верховного патрона**, который вмешивается в действие рыночных сил и **встраивает** капитализм **в патрональные отношения**, то есть патрональзирует экономику и таким образом подчиняет ее интересам приемной политической семьи[1].

5.6.1.2. Социализм: административный рынок

В последующих частях мы рассматриваем **модифицирующие механизмы** доминирующего рыночного механизма трех рынков идеального типа. Мы называем модифицирующими механизмами **любой механизм**, экономический или какой-либо иной, который приводит к изменениям в распределении, присущим доминирующему механизму. Таким образом, модифицирующие механизмы, хотя и сосуществуют с доминирующим

[1] Шайринг и Сомбати используют выражение «авторитарная повторная встроенность» (*authoritarian re-embedding*) для описания патрональзации посткоммунистических экономик (которые ранее, во время смены режима прошли через «неолиберальное отделение»). См.: *Scheiring G., Szombati K.* The Structural Trap of Labour Politics in Hungary // Rupture Magazine. 04.08.2019. URL: https://rupturemagazine.org/2019/08/04/the-structural-trap-of-labour-politics-in-hungary-gabor-scheiring-kristof-szombati/.

механизмом, не тождественны подчиненным механизмам, поскольку последние (1) всегда являются экономическими механизмами и (2) не всегда вступают в конфликт с доминирующим механизмом и могут существовать параллельно с ним. Однако, как мы увидим далее, общая **цель модифицирующих механизмов как раз и состоит в том, чтобы внедрить новый, отличный от доминирующего экономический механизм**.

Для начала рассмотрим социализм и свойственную ему экономическую систему. Соответственно, тип рынка, который мы здесь описываем, это административный рынок:

• ***Административный рынок*** *— это сегмент экономической системы, в котором преобладает фактическая государственная собственность. Административный рынок — доминирующий тип рынка в плановой экономике (где главным экономическим механизмом, лежащим в основе функционирования административных рынков, является бюрократическое перераспределение ресурсов).*

Модифицирующие механизмы административного рынка, несомненно, являются корректирующими механизмами, что означает, что они исправляют недочеты распределения ресурсов центрального планировщика и, следовательно, способствуют продлению сроков существования режима [▸ 4.4]. Как следует из Таблицы 5.24, корректирующие механизмы включают в себя **коррекцию сверху вниз**, когда механизм направлен на исправление тех недостатков распределения, которые считают проблематичными высокопоставленные члены номенклатуры, однако все же **большинство корректирующих механизмов направлены снизу вверх**. Жесткость центрального планирования и возникающий в результате дефицит практически парализовали бы систему и сделали бы ее невыносимой для людей-объектов, если бы ее невозможно было скорректировать с помощью определенных механизмов[1]. Это касается как

[1] *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours.

Таблица 5.24: Корректирующие механизмы социалистических рынков

Модифицирующие механизмы социалистических рынков				Суть механизма
Корректирующие механизмы (бюрократического перераспределения ресурсов)	Сверху вниз		Экономические кампании	Вытеснение поставленных центром целей, которых невозможно достичь через повседневные правовые практики бюрократии
	Снизу вверх	Со стороны предложения (члены номенклатуры низкого и среднего уровня)	Плановая сделка	Извлечение дополнительных ресурсов через двусторонние переговоры (сделки)
			Заниженное планирование	Извлечение дополнительных ресурсов посредством однонаправленных «скрытых методов» (мошенничество, ложные отчеты)
			Бартер	Добровольный обмен товарами между экономическими единицами равными по статусу
		Со стороны спроса (обычные люди-объекты)	Очередь, списки ожидания	Отсрочка потребления (изменение предпочтений потребителей)
			Блат	Незаконное и/или неформальное получение товаров и услуг посредством взаимных одолжений или дополнительных платежей

обычных людей, которые прибегают для этого к уже упоминавшемуся ранее блату, так и членов номенклатуры низкого и среднего уровня, таким как руководители государственных предприятий, которые вынуждены пользоваться услугами толкачей и участвовать в различного рода корректировках снизу вверх, иногда даже для того, чтобы выполнить план.

Из всех корректировок сверху вниз наиболее важными являются экономические кампании. Такие кампании в коммунистических режимах не следует путать с кампаниями либеральных демократий, которые можно рассматривать как особые случаи маркетинговой деятельности [▸ 4.3.3.1]. Говоря

о кампаниях в коммунистических диктатурах, необходимо рассматривать их как принудительное средство, которое политическое руководство применяет по отношению к населению в целях, достижения которых нельзя требовать на законных основаниях или выполнение которых не может быть обеспечено обычной правовой практикой госаппарата[1]. Такая ситуация возникает, **когда никто в рассматриваемой социальной или административной единице напрямую не заинтересован в достижении централизованно поставленной цели.** Соответственно, в ходе кампании, направленной на решение определенной проблемы, повседневная правовая практика бюрократического аппарата приостанавливается, и он выходит за рамки собственных юридических полномочий и «этических стандартов». Однако это не является нарушением закона или ошибкой со стороны части бюрократии или одного из ее членов. Скорее, это **инициированное и скоординированное центральным аппаратом обязательное нарушение закона**, которое необходимо совершить всем членам уполномоченного на то сегмента администрации, в тех масштабах и том направлении, которые указывает центр. Коммунистическая кампания — это ряд действий, предпринимаемых правящей политической элитой с целью **координации государственной бюрократии, как если бы это было (мобилизационное) политическое движение**, но управляемое сверху.

1 Пример существующей литературы на английском языке см.: *Yu F. T. C.* Campaigns, Communications, and Development in Communist China // Communication and Change in the Developing Countries. Honolulu: East-West Center Press, 1967. P. 195–215; *Liu A. P. L.* Communications and National Integration in Communist China. University of California Press, 1975; *Soós K. A.* Informal Pressures, Mobilization, and Campaigns in the Management of Centrally Planned Economies // Economics of Planning. 1987. Vol. 21.№ 1. P. 39–48. Описание кампаний в последующих абзацах основано на исследованиях, которые один из авторов этой книги проводил в Венгрии, а также в Международном научном центре им. Вудро Вильсона в конце 1980-х годов. См.: *Magyar B.* Kampányok a Falusi Térben Az Ötvenes Évek Elején [Деревенские кампании начала 1950-х годов]: рукопись. Будапешт, 1986.

Кампания — это особая форма принуждения, применяемая извне определенного рынка, цель которой — нормативная реорганизация распределения на этом рынке. Наиболее важными типами кампаний, которые проводятся с этой целью, являются (1) **кампании по извлечению**, с помощью которых номенклатура пытается извлечь какой-либо ресурс (кампании обязательных поставок, кампании по уплате налогов, подписные кампании на государственные облигации, производственные соревнования и т. д.); (2) **регуляционные кампании**, при помощи которых номенклатура пытается регулировать некоторые аспекты производственного процесса в централизованно планируемой экономике (посевные, уборочные и молотильные кампании, кампании по привлечению вкладов и т. д.); и (3) **кампании структурных преобразований**, с помощью которых номенклатура стремится реорганизовать определенные отрасли экономики (коллективизации, кампании по слиянию промышленных предприятий, кампании по консолидации сельскохозяйственных кооперативов и т. д.). Каждую кампанию из этих трех групп можно проанализировать в соответствии с несколькими измерениями:

- **по характеру целевой аудитории**: существуют кампании, где (a) группа, на которую они направлены, находится внутри проводящего кампанию госаппарата (например, кампании по стимуляции бдительности или кампании очищения), (b) группа, на которую они направлены, это население в целом, и в проведении кампании участвует большее количество институтов (например, кампании обязательных поставок), и (c) большинство граждан вынуждено действовать против остальных как мобилизующая сила (например, кампания коллективизации);
- **по длительности**: существуют кампании (a) с заранее определенной продолжительностью (например, кампании обязательных поставок) и такие, в которых нет заранее установленного конечного срока (например, некоторые кампании

коллективизации), (b) короткие (например, кампания гособлигаций) и длительные (например, компании по извлечению), а также (c) те, что можно продлить (например, некоторые кампании обязательных поставок) и те, которые продлить нельзя;

• **по признаку периодичности**: существуют кампании, которые проводятся (a) нерегулярно и время от времени (например, кампании по стимуляции бдительности и увеличению рабочей силы) и (b) регулярно, в соответствии либо с естественными производственными циклами (например, кампании по организации обязательных сельскохозяйственных работ), либо с политическими циклами (например, регуляционные кампании);

• **по признаку применяемых наказаний, если цели кампании не были достигнуты**: существуют кампании, в которых отсутствие ожидаемых результатов влечет либо (a) коллективное наказание (например, когда целую деревню временно лишают права на продажу сельскохозяйственной продукции, если она не выполняет свои обязательства по обязательным поставкам), либо (b) индивидуальное наказание (например, внесудебные карательные меры или публичное унижение).

Последнее измерение, по которому можно различать кампании, заключается в том, **какого базового права они лишают** и так ограниченных в правах **индивидов или организации**. (Поскольку все коммунистические кампании предполагают некоторое нарушение прав, в целом их можно определить как **кампании с приостановлением прав**.) Кампании по извлечению нарушают свободу распоряжаться своей законной собственностью; регуляционные кампании посягают на независимость предприятий, а также частных лиц. Кампании структурных преобразований ограничивают или нарушают целый ряд закрепленных законом прав одновременно, от права на объединения до и без того строго ограниченного права на частную собственность.

Далее рассмотрим **корректирующие механизмы снизу вверх**. Они могут исходить с двух сторон бюрократического рынка: **со стороны предложения**, то есть изнутри номенклатуры, со стороны ее членов среднего и низкого уровня, которые должны производить товары и услуги в соответствии с требованиями центрального плана, **и со стороны спроса**, то есть от обычных людей, желающих получать товары и услуги на административных рынках.

Что касается первого, стоит прежде всего упомянуть два тесно связанных между собой метода: **плановую сделку и заниженное планирование**. В обоих случаях **руководители государственных предприятий,** по мнению Корнаи, заинтересованы в получении «как можно менее напряженного плана и как можно большего объема трудовых и материальных ресурсов для его выполнения»[1]. На первом этапе это ведет к заниженному планированию, поскольку они **отчитываются о меньшей мощности и большей потребности в ресурсах, чем это соответствует действительности**. Но **поскольку центральные планировщики знают о такой тенденции** и начинают завышать план на 10 или 20%, по сравнению с тем, что они сами считают реалистичным, далее возникает необходимость в **плановой сделке**. Через толкачей руководители государственных предприятий начинают вести переговоры (инициируют сделку) для того, чтобы сделать условия плана более мягкими, при том что планировщики хотят выжать из предприятий максимум и заставить их производить, если не больше, то хотя бы столько же, сколько в предыдущем году («планирование от достигнутого»)[2]. Как отмечает Корнаи, «аналогичный процесс торга неизбежно происходит в рамках любого отношения начальника и подчиненного в иерархии <...> по поводу любого решения, которым вышестоящая

[1] *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 148.

[2] Там же. С. 149.

организация чего-либо требует от нижестоящей и (или) что-нибудь ей выделяет», тогда как «реальный результат торга во многом зависит от властных отношений между начальником и подчиненным»[1]. Следовательно, заниженное планирование и плановая сделка — это два основных механизма, которые существуют практически на всех иерархических уровнях номенклатуры.

Таким образом, заниженное планирование входит в более широкий спектр явлений, которые в Советском Союзе назывались **приписками** (**ложными отчетами**). Леденёва резюмирует типологию приписок, предложенную Стивеном Шенфилдом, следующим образом: (1) **занижение отчетности**, когда бухгалтеры занижали данные о выпуске продукции, чтобы избежать потенциально неудачного производственного периода в будущем; (2) **завышение отчетности**, при помощи которого данные о выполненном плане завышались, чтобы избежать наказания или получить премию либо повышение; (3) **подделка данных о заработной плате**, с помощью чего компенсировалась нехватка квалифицированной рабочей силы; (4) **пересортица товара**, при которой, если один вид продукции был израсходован сверх нормы, можно было заявить, что деньги были использованы для покупки другого материала или услуги; и (5) **заимствование из производимой продукции**, когда вместо того чтобы брать цифры из воздуха, фабрика оценивала объем еще не законченного производства в конце планового периода, значительно завышая его показатели[2].

Последний корректирующий механизм снизу вверх со стороны предложения на административном рынке — это

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 149–150.

2 На основе: *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 147–148. Также см.: *Shenfield S.* Pripiski: False Statistical Reporting in Soviet-Type Economies // Corruption: Causes, Consequences and Control. London: Francis Pinter, 1983. P. 239–258.

бартер. Руководители госпредприятий прибегают к нему, чтобы решить проблему нерационального распределения между собой, без вовлечения центрального планировщика. Таким образом, между экономическими единицами происходит добровольный натуральный обмен. **Со стороны спроса** на административном рынке существует два типа корректирующих механизмов. Во-первых, обычные люди могут вносить коррективы при помощи **живых очередей или списков ожидания**, когда для преодоления дефицита они откладывают свое потребление до того момента, пока товар не будет доступен. Таким образом, проблема дефицита решается за счет того, что люди меняют свои предпочтения: тогда как в обычных условиях они хотели бы получить товар или услугу как можно раньше, здесь они приспосабливаются к обстоятельствам дефицита и меняют свои временные предпочтения[1]. Во-вторых, проблему дефицита можно решить и не меняя своих предпочтений, если существуют возможности для **блата**. Как мы писали в Части 5.3.5.1, под блатом подразумеваются неформальные (а иногда и незаконные или коррупционные) бартерные сделки между людьми, которые заключают, чтобы приобрести желаемый товар, который невозможно получить в условиях централизованного планирования[2].

5.6.1.3. Капитализм: от конкурентного рынка до реляционного

Целью каждого корректирующего механизма снизу вверх является преодоление лимитирующих факторов плановой экономики, и в особенности дефицита, вызванного нерациональным распределением ресурсов, которое не отвечает потребностям людей. Иначе говоря, что эти механизмы

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 196, 257.

2 В понятие блата мы также включаем черные рынки, которые свойственны плановой экономике идеального типа.

направлены на **устранение разрыва между распределением центрального планировщика и распределением, которое удовлетворяет спрос людей-объектов**. Однако необходимо понимать, что распределение, в основе которого лежит спрос, то есть положение, при котором производятся те товары, которые люди готовы покупать, и не производятся те, что они покупать не готовы, является рыночной координацией. Таким образом, выделенное жирным шрифтом предложение выше, можно переформулировать так: **корректирующие механизмы снизу вверх подталкивают бюрократическое перераспределение ресурсов и административный рынок к рыночной координации и конкурентному рынку**.

Конкурентный рынок мы определяем следующим образом:

• ***Конкурентный рынок*** *— это сегмент экономической системы, в котором преобладает фактическая частная собственность. Конкурентный рынок — доминирующий тип рынка в рыночной экономике (где главным экономическим механизмом, лежащим в основе функционирования конкурентных рынков, является регулируемая рыночная координация).*

Из этого определения следует, что, хотя корректирующие механизмы снизу вверх направлены на установление рыночной координации, **административные рынки** в итоге **не становятся конкурентными**, поскольку преобладание фактической (и формальной) государственной собственности не заменяется на преобладание фактической частной собственности. Однако **в случае конкурентных рынков**: (a) некоторые модифицирующие механизмы не меняют фактический тип собственности и, таким образом, считаются только **деформирующими механизмами**, но (b) существуют модифицирующие механизмы, которые превращают фактическую частную собственность во власть-собственность. В последнем случае речь уже идет об **аннексионных механизмах**, которые превращают изначально конкурентные рынки в реляционные и, следовательно, «аннексируют» их в пользу реляционной экономики.

Среди **деформирующих механизмов** можно также выделить спускаемые сверху вниз и исходящие снизу вверх (Таблица 5.25). В качестве первых можно рассматривать два типа государственного вмешательства, посредством которых собственность переходит из одних рук в другие, а именно через **бюджетное вмешательство** и **вмешательство с отъемом собственности**. Как мы подробно излагали выше, бюджетное вмешательство подразумевает перераспределение частной (денежной) собственности через налогообложение и расходование, тогда как вмешательство с отъемом собственности предполагает передачу частной (неденежной) собственности в руки государства через национализацию. Таким образом, оба метода корректируют распределение совокупностей прав собственности, которое порождает доминирующий механизм, то есть регулируемая рыночная координация[1]. Существует три типа деформирующих механизмов, исходящих снизу вверх. Первый из них — **лоббирование**. Можно возразить, что понимание лоббирования как деформирующего механизма нелогично, поскольку выше мы описывали лоббирование как процесс идеального типа, присущий либеральным демократиям, при помощи которого формируются нормативные требования. Такова отправная точка реляционной экономики. Однако мы полагаем, что лоббирование — это именно деформирующий механизм, так как оно свидетельствует об изменениях в поведении экономических акторов: **вместо стремления к прибыли**, что подразумевает под собой функционирование бизнеса в соответствии с регулируемой рыночной

1 Мы рассматриваем регуляционное вмешательство как нечто, что целиком определяет игровое поле экономики. Таким образом, оно является частью доминирующего координирующего механизма (отсюда «регулируемая» рыночная координация). Что касается надзорного вмешательства, то некоторые из его разновидностей действительно приводят как к деформации, так и к аннексии, однако, поскольку оно применяется как отдельный метод вмешательства в рамках дискреционного вмешательства, мы не включаем его сюда и рассматриваем его далее как часть аннексии, совершаемой сверху вниз.

Таблица 5.25: Деформирующие и аннексионные механизмы капиталистических рынков

Деформирующие механизмы капиталистических рынков			Суть механизма
Деформирующие механизмы (регулируемой рыночной координации)	Сверху вниз	Бюджетное вмешательство	Принудительное перераспределение богатства (нормативное)
		Вмешательство с отъемом собственности	Принудительное присвоение богатства (национализация)
	Снизу вверх	Лоббирование	Законное сотрудничество государственных и экономических акторов
		Теневая экономика	Незаконное сотрудничество экономических акторов (уклонение от налогов, незаконный найм и т. д.)
		Добровольная коррупция	Сговор между государственными и экономическими акторами
Аннексионные механизмы (реляционного перераспределения рынка)	Снизу вверх	Захват государства снизу вверх	Незаконный захват государственных акторов
	Сверху вниз	Политическая патронализация + патримониализация	Патрональное присвоение и вассализация политических институтов и акторов
		Экономическая патронализация + патримониализация	Патрональное присвоение и вассализация экономических единиц и акторов
		Общественная патронализация (холодная патронализация)	Патрональное присвоение и (косвенная) вассализация общественных акторов

координацией, **бизнес-группы занимаются поиском и извлечением ренты**, а значит, стремятся увеличить свою прибыль не за счет обслуживания потребителей, как при регулируемой рыночной координации, а за счет корректировки доминирующего экономического механизма в свою пользу[1].

[1] *Buchanan J. M.* Rent Seeking and Profit Seeking // Toward a Theory of the Rent-Seeking Society. Texas A & M University, 1980. P. 3–16.

Второй тип — это **теневая экономика**, которая представляет собой не что иное, как незаконное сотрудничество экономических акторов в обход государственного права, регулирующего рыночную координацию. Среди прочего сюда входят такие явления, как незаконная торговля, нелегальный найм и различные способы уклонения от налогов[1]. Наконец, третий деформирующий механизм регулируемой рыночной координации снизу вверх — это **добровольные формы коррупции**. Коррупция на свободном рынке, протекция для корешей и сговор, инициированный государственным органом, — все эти средства направлены на изменение преобладающего способа распределения собственности в пользу тех, кто ими пользуется, деформируя в целом нормативный экономический механизм конкурентных рынков в целях дискреционного обслуживания интересов [▸ 5.3.2.2].

Что касается **аннексионных механизмов**, то здесь необходимо перечислить процессы, которые превращают фактическую частную собственность во власть-собственность, а регулируемую рыночную координацию — в реляционное перераспределение рынка. Иначе говоря, мы рассматриваем механизмы, которые в капиталистической среде превращают конкурентный рынок в реляционный:

• ***Реляционный рынок** — это сегмент экономической системы, в котором преобладает фактическая власть-собственность. Реляционный рынок — доминирующий тип рынка в реляционной экономике (где главным экономическим механизмом, лежащим в основе функционирования реляционных рынков, является реляционное перераспределение рынка).*

Среди аннексионных механизмов снизу вверх можно найти первый тип принудительной коррупции, а именно **захват государства снизу вверх**. Как мы отмечали в Части 5.3.2.3,

1 Обзор этих явлений см.: *Schneider F., Enste D.* The Shadow Economy: An International Survey. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

этот механизм включает в себя принудительный захват государственных акторов олигархами или криминальными авторитетами, которые используют свое влияние для реляционного перераспределения рынка: они стремятся использовать для этого государственную власть либо с помощью средств дискреционного регуляционного вмешательства, либо через привлечение какого-либо политика к участию в сером или белом рейдерстве. В свою очередь, аннексионные механизмы сверху вниз — это **политическая патронализация и патримониализация**, с одной стороны, и **экономическая патронализация и патримониализация** — с другой. Поскольку в условиях реляционных рынков отсутствует разделение между политической и экономической сферами, при формировании и функционировании мафиозных государств патрональных автократий в посткоммунистическом регионе эти два метода идут рука об руку. Путем политической патронализации и патримониализации верховный патрон концентрирует власть в своих руках, и это в случае государственного вмешательства позволяет ему оперировать с самой широкой амплитудой произвола. Отсюда вытекает и экономическая патронализация и патримониализация, поскольку верховный патрон может использовать полученную власть для реляционного перераспределения рынка. Проще говоря, подчинение политической сферы дает ему возможность «перехватить» невидимую руку своей грабящей рукой [▸ 2.6] и распоряжаться сферой экономического действия целиком. Наконец, такое положение дел влечет за собой то, что мы рассматриваем в следующей главе под названием **общественная патронализация**, а **также «холодная патронализация»**, обозначая акторов, которые не патронализируются приемной политической семьей напрямую, но выбирают сотрудничество с ней, поскольку в порядках ограниченного доступа альтернативные варианты действий для них не доступны [▸ 6.2].

5.6.1.4. Модифицирующие механизмы реляционной экономики: двойная бухгалтерия и финансовые махинации

В связи с тем, что аннексионные механизмы превращают конкурентные рынки в реляционные, реляционное перераспределение рынка является доминирующим механизмом реляционной экономики. Тем не менее **реляционное перераспределение рынка сопровождается несколькими модифицирующими механизмами**, о чем свидетельствует поведение тех, кто не входит в политическую семью. Это, действительно, не малая доля экономики: по оценкам экспертов, **неформальный сектор**, воплощающий эти модифицирующие механизмы, составляет как минимум половину ВВП России[1]. Как пишет Явлинский, неформальной экономике свойственна «деятельность, которая не всегда скрыта, но все же осуществляется вне или в нарушение установленных законом правил, например фиктивное неисполнение платежных обязательств, незаконные или нетрадиционные формы платежей, <...> ложный экспорт, получение незаслуженных льгот и т. д. Эти явления преобладают в том сегменте экономики, который скрыт от бухгалтерского учета и налогообложения, но помимо этого они в значительной степени присутствуют в государственной деятельности. Неофициальная экономика не существует в отрыве от официальной или легальной экономики. Скорее, **она пронизывает легальную экономику, внося свои коррективы и специфику в поведение фирм, которое нельзя объяснить с точки зрения законодательства и формальных правил экономической деятельности**» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[2].

Увидев слово «коррективы», кто-то может провести параллели между описываемыми посткоммунистическими явлениями и корректирующими механизмами социалистических

[1] *Yavlinsky G.* Realeconomik: The Hidden Cause of the Great Recession (and How to Avert the Next One). New Haven; London: Yale University Press, 2013. P. 109.
[2] Ibid.

рынков. Однако мы не считаем их «корректирующими механизмами», потому что в отличие от коррекции изъянов социализма модифицирующие механизмы реляционной экономики **не являются необходимыми для выживания системы. Скорее, они необходимы для выживания экономических акторов, не входящих в приемную политическую семью**. Если говорить точнее, Леденёва называет два мотива, которые порождают эти массовые «низовые практики»[1]:

• **компенсировать недостатки государственных и рыночных институтов**, что означает, что фирмы делают все возможное, чтобы выжить, сохранить бизнес или свой успех, для чего действуют, исходя из «здравого смысла»;

• **предотвратить ситуацию**, в которой фирма **станет жертвой хищнического государства**.

Таким образом, можно сказать, что первая мотивация касается проблем, проистекающих из формальных институтов (или их отсутствия), тогда как вторая — из неформальных институтов правящей элиты. Чтобы представить связанные с этими проблемами практики, мы кратко излагаем главу из книги Леденёвой «Как на самом деле работает Россия»[2]. Хотя эта книга целиком посвящена российской экономике в целом и первым 15 годам после транзита в частности, результаты ее исследования не привязаны к конкретной стране или периоду. Скорее, они касаются патрональных режимов, которым свойственны серое и белое рейдерство, ненадежные правовые и финансовые институты и низкий уровень доверия к экономическим и политическим институтам в целом[3].

Чтобы компенсировать институциональные недостатки, экономические акторы часто действуют в обход государства и (а) платят частному актору за услугу, которую государство не

1 *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 143–147.

2 Ibid. P. 142–163.

3 Ср.: *Kornai J., Rothstein B., Rose-Ackerman S.* Creating Social Trust in Post-Socialist Transition.

оказывает в нужном качестве или количестве, и/или (b) разрабатывают схемы, чтобы избежать выполнения обременительных правил, а также произвольных и грабительских налогов, которые сделали бы функционирование конкурентной экономики невозможным. В контексте пункта (a) Леденёва определяет следующие практики, «предназначенные для заключения внешних сделок [компании]: исходящие потоки капитала и плата за услуги крупных внешних организаций, таких как таможенные службы, железнодорожные ведомства, региональные администрации или частные охранные компании. В этих схемах для оплаты услуг, защиты, компенсации налогов или для передачи взяток и политически обусловленных платежей часто используются фирмы-посредники. Наиболее сложные схемы подразумевают несколько этапов транзакций между по меньшей мере десятком на первый взгляд независимых экономических субъектов»[1]. Что касается пункта (b), Леденёва описывает одну из сложных схем оттока капитала с участием сети компаний и отмечает, что «общая идея подобных финансовых схем состоит в том, чтобы скрыть любую прямую связь между компанией и относящимися к этим схемам операциями. Право собственности на активы скрывается за счет того, что средства переводятся через посредников, тогда как несущие ответственность компании, лишаются активов, и ничего не теряют»[2]. По ее утверждению, такие практики вырабатываются не только для незаконного получения прибыли, уклонения от налогов и вывода средств за рубеж. Скорее, «собственники считают, что хранить средства на иностранных счетах более безопасно, чем инвестировать во внутреннюю экономику»[3]. Кроме того, как пишет Леденёва, соглашаясь с журналисткой Юлией Латыниной, «налоги выкачивают коррумпированные чиновники, как это происходит в случае всех государственных

1 *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 149.
2 Ibid. P. 150–154.
3 Ibid. P. 152–153.

фондов. Однако если деньги уйдут в оффшор, они не будут украдены, и вернутся обратно на предприятие»[1].

С другой стороны, «вывод активов может сыграть важную роль в защите компании от захвата. Когда кто-то пытается получить контроль над компанией <...>, и при этом точно известно, что решения суда будут предвзяты <...>, компания может предпочесть вывести свои активы. Структуру собственности (то есть контрольные пакеты акций этой компании и ее дочерних предприятий) можно трансформировать. Здания, принадлежащие компании, и юрисдикции могут переходить из рук в руки (смена владельца). Все контракты, по которым компания должна получать платежи, объединяются в контракт „по выкупу долга“ <...>, так что после этого любые поступающие средства переводятся на счет другой фирмы, которая опосредованно принадлежит менеджменту (отвлечение платежа) <...> и т. д.»[2].

Это подводит нас ко второму мотиву, лежащему в основе модифицирующих механизмов, а именно к **предотвращению хищничества**. Как мы писали выше, решающим моментом фазы выслеживания является получение инсайдерской информации, то есть сведений о том, что представляет собой компания и сколько она стоит. Этого можно избежать с помощью таких приемов, как[3]:

• **занижение прибылей** (Леденёва цитирует постсоветскую поговорку: «Если у компании есть прибыль, то у нее плохой бухгалтер»)[4];

• **двойная бухгалтерия** («по меньшей мере одна бухгалтерская книга существует для внутреннего корпоративного использования, и одна — для налоговой инспекции»);

1 *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 155. Также см.: *Латынина Ю.* Охота на изюбря. М.: Олма-Пресс, 2003.

2 *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 153.

3 Ibid. P. 148–159.

4 Ibid. P. 142.

• **корпоративное «раздвоение личности»** («фирмы <...> защищают себя при помощи сложной финансовой сети, которая состоит как минимум из двух подставных компаний <...>, созданных специально для того, чтобы направлять активы в руки закрытого клуба акционеров или менеджеров компании и скрыть истинные выгоды от владения компанией. В таких схемах также используется способ разделения (матрешка), при котором компания-большая матрешка принадлежит более мелкой внутри нее, а та, в свою очередь, принадлежит более мелкой внутри нее и т. д.»);

• **вывод активов** (описан выше);

• **финансовые схемы** («выведение прибыли из бухгалтерских книг при помощи подставных компаний, оффшоров, страховых компаний и поддельных контрактов»).

Если резюмировать сказанное, Леденёва пишет, что финансовые схемы «**позволяют субъектам рыночных отношений защищать свою собственность и предпринимательскую деятельность** от требований рыночных реформ, самоуправных решений налоговых инспекторов, коррумпированных властей и в целом деформированной институциональной базы. С точки зрения компаний, финансовые схемы представляют собой **стратегию выживания**. Действительно ли их наличие можно обосновать необходимостью, можно ли определить границу между необходимостью и манипулированием, и являются ли долгосрочные последствия этих необходимых практик скорее вредными, чем полезными для прибегающих к ним институтов, — все эти вопросы требуют дальнейших исследований» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1]. Леденёва предполагает, что «ответы на них будут отличаться, в зависимости от отрасли, размеров и руководителей компании», однако, она обращает внимание и на проблемы общего характера. В частности, подделка официальной документации приводит к **проблемам**

[1] Ibid. P. 159–160.

статистического измерения, делая оценку масштабов неформальной экономики традиционными методами практически невозможной. Она также подчеркивает, что «финансовые схемы в нынешних масштабах свидетельствуют о прочной сети лиц, заинтересованных в дальнейшем существовании этой сети, что, в свою очередь, способствует воспроизводству запутанной структуры собственности и не до конца определенных имущественных прав. <...> Таким образом, наличие финансовых схем создает **порочный круг: они компенсируют недостатки формальных институтов и позволяют вести бизнес, но в то же время подрывают эти институты и снижают их эффективность**» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1]. Получается, что «вынужденные инновации»[2] посткоммунистических предпринимателей, не входящих в приемную политическую семью, действительно подрывают конкурентную рыночную практику. Следовательно, реляционное рыночное перераспределение вызывает деформацию поведения даже тех акторов, которые не интересны государству как жертвы, и заставляет в том числе непосредственно не затронутые секторы реляционной экономики отходить от рыночной координации, присущей экономикам рыночного типа [▸ 5.5.4.3].

5.6.1.5. Коррупция: от модифицирующего механизма к доминирующей функции

Несанкционированная противоправность — еще один модифицирующий механизм реляционных рынков. Он является деформирующим механизмом, который подразумевает деятельность независимых преступников, а также несанкционированное злоупотребление служебным положением [▸ 5.3.2.2, 5.3.4.2]. **Коррупция** появляется как на реляционных, так и на

[1] *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 161.

[2] Ср.: *Laki M.* Kényszerített Innováció: Műszaki Fejlesztés Az Eladók Piacán [Принудительные инновации: техническое развитие на рынке продавцов].

конкурентных рынках через акторов, которые коррумпируют изначально коррумпированную среду в целях получения личной выгоды, так же как и на административных рынках, когда государственные институты практикуют блат. Однако в трех политических системах статус и функции коррупции различны.

Как мы отмечали в Части 5.3.6.1, **коррупцию** на социалистических рынках мы называем **системосмазывающей**. Такое название согласуется с нашим термином «корректирующий механизм», а также разговорным выражением «подмазка», которое приобретает свое значение в условиях административных рынков: если механизм не подмазать, то вся плановая экономика будет парализована, а люди-объекты будут вынуждены постоянно испытывать дефицит практически на все товары (на всех рынках). Это государство вряд ли будет устойчивым, а такие корректирующие механизмы, как блат и системосмазывающая коррупция в его составе, делают систему временно жизнеспособной и пригодной для жизни[1].

В свою очередь, **коррупцию** на конкурентных рынках мы называем **системоразрушающей**, главным образом потому, что она разрушает конкурентные механизмы этих рынков. При рыночной координации производителям необходимо конкурировать за потребителей, поскольку последние вправе отклонить предложения первых. Таким образом, выживают и процветают на рынке те производители, кто может продавать свою продукцию с прибылью, а величина прибыли зависит от того, насколько хорошо предприниматели удовлетворяют рыночный спрос[2]. Однако коррупция разрушает эту логику, поскольку государство предоставляет коррумпированным акторам дискреционные преимущества (регулирующее и надзорное вмешательства и т. д.). Так экономические акторы могут получить конкурентное преимущество на рынке не благодаря

1 *Simis K.* USSR: The Corrupt Society: The Secret World of Soviet Capitalism. New York: Simon & Schuster, 1982.

2 *Mises L.* Profit and Loss.

своей способности удовлетворять рыночный спрос и лоббировать свои интересы в рамках прозрачного процесса — что и называется конкуренцией — а потому, что им помогает государство через незаконное вмешательство. Дискреционные одолжения от государства дискриминируют одних экономических акторов в пользу тех, кто коррумпирует государственных акторов и, следовательно, разрушает логику конкуренции, оказывая деструктивное воздействие на конкурентные рынки.

Наконец, несмотря на то, что на реляционных рынках можно обнаружить вредоносную коррупцию в форме несанкционированной противоправности, характерной для них доминирующей формой коррупции является **системообразующая коррупция**. Такой тип коррупции уже носит системный и монопольный характер, а также является нормой режима, поскольку дискреционное вмешательство отвечает интересам как законодательного органа, так и доминирующего института [▸ 5.4.1.1]. Верховный патрон управляет государством как преступной организацией, а приемная политическая семья извлекает различные дискреционные выгоды от коррупции, которая является одной из доминирующих, хотя и неформальных, функций государства.

5.6.2. Смешанная рыночная экономика

Динамический баланс трех экономических механизмов в диктатурах с использованием рынка[1]

5.6.2.1. Экономика в промежуточных типах режима

Каждый из рассмотренных выше трех типов экономики соответствует одному режиму полярного типа. **Либеральным демократиям свойственна рыночная экономика; коммунистическим диктатурам — плановая; а патрональным автократиям — реляционная экономика**. Однако если речь идет

[1] Мы в долгу перед Марией Чанади за ее комментарии и дополнения к этой части.

о промежуточных типах режимов — патрональной демократии, консервативной автократии и диктатуры с использованием рынка — описание их с точки зрения доминирования определенного типа рынка не отвечает нашим целям. Так, во всех этих режимах экономика рыночная, а это означает, что большинство их рынков являются конкурентными в том смысле, который описан выше. Однако все эти типы рыночной экономики отличаются от экономики либеральных демократий тем, что другие (подчиненные) типы рынков имеют в них различное значение. **В либеральных демократиях неконкурентные рынки играют второстепенную роль**, то есть их функционирование в значительной степени подчинено конкурентным рынкам. Другими словами, именно конкурентные рынки «руководят» экономикой, а административные или реляционные рынки зависят от них. Однако **в промежуточных типах режимов** доминирование конкурентных рынков не столь устойчиво, а **неконкурентные рынки приобретают все большее значение**.

Для **консервативных автократий** характерна экономика рыночного типа, но в них доля контролируемых государством рынков значительно выше, чем в либеральных демократиях идеального типа[1]. Следовательно, их экономику можно описать как **«смешанную» рыночную экономику с (более или менее значительным) большинством конкурентных рынков и (более или менее значительным) меньшинством административных**. Тем не менее в консервативных автократиях идеального типа нет реляционных рынков, а коррупция

1 О расширении государственного сектора в Польше, что приближает эту страну к консервативно-автократической модели, см.: *Kozarzewski P., Bałtowski M.* Return of State-Owned Enterprises in Poland; *Rohac D.* Authoritarianism in the Heart of Europe // American Enterprise Institute, 2018. URL: http://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/07/Authoritarianism-in-the-Heart-of-Europe.pdf. P. 5–6. Кроме того, существуют либеральные демократии с аналогичной (или еще большей) долей контролируемых государством рынков, хотя это для них и не типично.

не становится чем-то большим, чем деформирующий механизм. Свойство, которое отличает консервативные автократии от патрональных, заключается как раз в том, что правящая политическая элита не проявляет патронального характера и доминирует только в сфере политического действия через формальные каналы правящей партии. Иначе говоря, в консервативных автократиях отсутствуют аннексионные механизмы сверху вниз: несмотря на то, что правящая политическая элита обладает необходимым для установления криминального государства условием, а именно монополией на власть, она не делает этого, потому что подчиняется не интересам элит, а принципу реализации идеологии [▸ 2.3.1].

Патрональные демократии являются симметричной противоположностью консервативным автократиям. **Если в последних правящая политическая элита может, но не хочет устанавливать мафиозное государство, то в патрональных демократиях она хочет, но не может этого сделать.** Правящие политические элиты патрональных демократий проявляют патрональный характер и действуют по принципу интересов элит, но им не достает монополии на власть. Соответственно, аннексионные механизмы в целом и экономическая патронализация и патримониализация в частности осуществляются лишь частично, а режим может достичь только уровня плененного государства. Конкурирующие патрональные сети захватывают определенные рынки и превращают их в реляционные (и в таких случаях правящая патрональная сеть всегда наиболее успешна), но экономика в целом не приобретает реляционный характер. Скорее, ее можно описать как **«смешанную» рыночную экономику с (более или менее значительным) большинством конкурентных рынков и (более или менее значительным) меньшинством реляционных.**

Что касается **диктатур с использованием рынка**, то они чуть более сложны в этом отношении. Хотя формально их экономика является капиталистической, а также рыночной,

то есть большинство их рынков функционирует в соответствии с регулируемой рыночной координацией, это суждение — просто статистический факт, который не объясняет ее сути. Экономика диктатуры с использованием рынка, классическим примером которой в посткоммунистическом регионе является Китай, демонстрирует **динамический баланс трех экономических механизмов**, взглянув на который почти невозможно определить, какой тип рынка доминирует, то есть «руководит» другими (подчиненными) типами.

В следующих частях мы более подробно остановимся на этой политической системе. Теоретически диктатура с использованием рынка могла бы развиться из экономик и режимов нескольких типов[1], но в посткоммунистическом регионе она всегда вырастала из коммунистических диктатур, с одной стороны, сохраняя партию-государство и пресекая политическую оппозицию, а с другой — допуская отчасти свободное функционирование экономической сферы. Далее речь пойдет об этом варианте диктатуры с использованием рынка.

5.6.2.2. Бюрократическое перераспределение ресурсов и регулируемая рыночная координация: сеть партии-государства меняет модель, но не меняет режим

Для анализа режимов, возглавляемых партией-государством, Мария Чанади предложила сравнительную модель[2]. Она пишет, что ее **интерактивные модели партии-государства** (***Interactive Party-State (IPS) model***) «являются теорией, которая построена по принципу снизу вверх и содержит сходства и различия партий-государств с точки зрения того, как

[1] Ср. с описанием «капиталистических диктатур»: *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 30–33.

[2] Подробнее на эту тему см. ее фундаментальное исследование: *Csanádi M.* Self-Consuming Evolutions: A Model on the Structure, Self-Reproduction, Self-Destruction And Transformation of Party-State Systems Tested in Romania, Hungary, and China. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2006.

реализуются структурные характеристики распределения власти, интерпретируемые как сети. Люди, которые отвечают за принятие решений в партии, государстве и экономике, находятся в тесной взаимосвязи, либо подчиняясь, либо продвигая свои интересы. В результате этого возникает специфический процесс принятия решений <...>. Основными элементами, свойственными сети партии-государства, являются: 1. партийная иерархия, которая монополизирует политическую сферу. 2. Государственная иерархия, которая монополизирует экономическую сферу, а следовательно, извлечение и распределение ресурсов. 3. Связанные между собой цепочки подчинения, которые берут начало в партийной иерархии и являются ее инструментами власти, и проникают в структуры должностей, деятельность и организации, которые не входят в партийную иерархию. 4. Структурная обратная связь, как внутри партии и государственных иерархий, так и между государственными и партийными иерархиями»[1].

Эта модель отвечает целям нашего исследования, потому что позволяет определять и сравнивать то, как сферы политического и экономического действия взаимосвязаны в коммунистических диктатурах и диктатурах с использованием рынка. Чанади выделяет **три модели сети партии-государства идеального типа**, которые различаются на основе того, как переговорные возможности, определяемые как способность извлекать, привлекать и распределять (экономические) ресурсы, а также противостоять государственному вмешательству, распределяется между акторами (Таблица 5.26)[2]. Та модель, которую она называет «**самоэксплуатацией**», соответствует

[1] *Csanádi M.* China in Between Varieties of Capitalism and Communism // Discussion Paper; Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences, 2016. URL: http://www.mtakti.hu/file/download/mtdp/MTDP1604.pdf. P. 8.

[2] *Csanádi M.* Interpreting Communist Systems and Their Differences in Operation and Transformation as Networks. Budapest: Centre for Economic and Regional Studies, 2014. URL: http://econ.core.hu/file/download/mtdp/MTDP1427.pdf.

Таблица 5.26: Разновидности распределения власти идеального типа в интерактивных моделях партии-государства (IPS). Источник: Csanádi M. Interpreting Communist Systems and Their Differences in Operation and Transformation as Networks. Budapest: Centre for Economic and Regional Studies, 2014. P. 21

Черты	**Самоэксплуатация** (например, Северная Корея и все первоначальные)	**Саморазрушение** (например, Венгрия с 1956 года)	**Самоустранение** (например, Китай с 1979 года)
Распределение власти	централизованное извлечение и распределение, централизованные взаимосвязанные потоки, незначительная обратная связь	централизованное извлечение и распределение, централизованные (или децентрализованные) взаимосвязанные потоки и активная обратная связь	частично централизованное извлечение и распределение, и либо централизованные, либо децентрализованные взаимосвязанные потоки с обратной связью
Переговорные возможности акторов в сети	слабые возможности для привлечения и противодействия	избирательно сильные возможности для привлечения и противодействия	избирательно сильные возможности для привлечения и противодействия, за счет обратной связи и децентрализованных альтернативных ресурсов
Ограничения самовоспроизводства	крайне затруднено	иногда затруднено	часто затруднено
Способы извлечения ресурсов	принудительная реорганизация ресурсов	реформы по мобилизации ресурсов (децентрализации) внутри сети	мобилизация ресурсов и реформы по созданию ресурсов внутри и за пределами сети
Экономическое развитие	принудительный рост тяжелой промышленности до физических пределов	экономический спад и эскалация реформ внутри сети	экономический рост за пределами сети, спад внутри сети и эскалация реформ за пределами сети
Легитимность и отступление	растущее напряжение, отступления не происходит, стремительный крах	снижение легитимности партии, относительное и абсолютное постепенное отступление из политической сферы	сохранение партийной легитимности, относительное и абсолютное постепенное отступление из экономической сферы

коммунистической диктатуре идеального типа. В ней вся **власть сконцентрирована** в руках номенклатуры высшего уровня. Центральные планировщики координируют бюрократический процесс перераспределения ресурсов, не получая обратной реакции, так как находящиеся в их подчинении индивиды имеют ограниченные возможности для противодействия или торга. К этому можно добавить, что плановая экономика является **закрытой тоталитарной производственной структурой** в том смысле, что (1) конкретному производителю разрешается производить только то, на что у него есть разрешение (целевые показатели можно перевыполнять, но открыть новое частное предприятие невозможно), и (2) официальных рынков, на которых товары, произведенные сверх плана, можно было бы продавать и покупать по рыночным ценам, не существует. Отсюда следует, что эта модель описывает **коммунистические диктатуры и плановую экономику идеального типа**, которые были характерны для Советского Союза при Сталине, для Восточной Европы и Китая 1950-х годов, для Румынии до революции 1991 года и Северной Кореи в настоящее время[1]. На этом этапе нет необходимости подробно останавливаться на модели **саморазрушения**, поскольку она не соответствует ни одному из наших идеальных типов режимов как таковому (скорее, коммунистические диктатуры по мере приближения к типу диктатуры с использованием рынка могут в нее трансформироваться)[2]. Разновидность, на которой следует остановиться подробнее, это **самоустранение**, которое Чанади рассматривает как один из способов функционирования коммунистической диктатуры, но мы понимаем ее как идеальный тип диктатуры с использованием

1 *Csanádi M.* China in Between Varieties of Capitalism and Communism. P. 10.

2 *Csanádi M.* The «Chinese Style Reforms» and the Hungarian «Goulash Communism» // Discussion Paper. Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences, 2009. http://econ.core.hu/file/download/mtdp/MTDP0903.pdf.

рынка. Как было заявлено в названии этой части, эволюция коммунистических диктатур в диктатуры с использованием рынка предполагает смену модели без смены режима, что означает, что система остается диктатурой, и в политической сфере партия-государство сохраняет свою гегемонию [▸ 7.3.1]. Однако, хотя в модели самоэксплуатации основными чертами сети партии-государства являются (1) централизация власти и (2) закрытая тоталитарная производственная структура, процесс трансформации означает, что партия-государство утрачивает именно эти две характеристики. В условиях диктатуры с использованием рынка **власть**, которую мы понимаем как бюрократическое планирование перераспределения ресурсов, **децентрализуется, а производственная структура** в рамках системы партии-государства **становится более открытой**.

В Китае этот процесс проходил через серию постепенных реформ[1]:

• больше полномочий по принятию решений (о производстве, маркетинге, инвестициях, персонале и т. д.) было делегировано акторам субнационального уровня и государственным предприятиям, что привело к распространению горизонтальных связей внутри системы;

• были распущены сельскохозяйственные кооперативы и введена система ответственности домашних хозяйств, в результате чего взаимосвязанные цепочки сети, входившие ранее в состав кооперативов, оказались в подвешенном состоянии;

• были сокращены объем и количество обязательной продукции, установлены более высокие цены на госзакупки;

• была введена система двойных цен, позволяющая продавать сверхплановую продукцию по рыночным ценам (сначала в сельском хозяйстве в 1970-х годах, а затем в промышленности с начала — середины 1980-х годов);

1 *Pei M.* From Reform to Revolution. P. 85–117; *Csanádi M.* China in Between Varieties of Capitalism and Communism. P. 20–23.

• рынок стал «открытым», поскольку предпринимательство было разрешено за пределами сети как в форме прямых иностранных инвестиций, так и в форме новых частных предприятий внутри страны (включая инвестиции с нуля).

Все это объясняет, как **бюрократическое перераспределение ресурсов и регулируемая рыночная координация сочетаются друг с другом и образуют динамический баланс.** Частная рыночная экономика возникает параллельно с уже существующей плановой, поскольку партия-государство, которая контролировала производство и перераспределяла ресурсы в коммунистический период, передает часть производственной деятельности частному сектору. Соответственно, в условиях новых конкурентных рынков регулируемая рыночная координация остается весьма чувствительной к динамике первоначальной сети. Чтобы проиллюстрировать это, рассмотрим такое явление, как **инвестиционный «перегрев»**, который был вызван новой экономикой и который повторял инвестиционный «перегрев», типичный для сетей партии-государства[1]. В коммунистических диктатурах центральные планировщики стремятся ускорить экономический рост за счет расширения инвестиционной деятельности. Если их план переоценивает возможности экономики, что часто случается из-за плановых сделок и ложных отчетов, то сеть сталкивается с жесткими производственными ограничениями, а нехватка ресурсов вынуждает партию-государство остановить расширение. Это приводит к системе инвестиционных циклов[2], которую можно, пожалуй, назвать «административно-рыночным пузырем», возникающим в результате раздутых

1 *Csanádi M.* Systemic Background of Local Indebtedness and Investment Overheating during the Global Crisis in China // Journal of Chinese Economic and Business Studies. 2015. № 13. P. 162–166; *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 214–219.

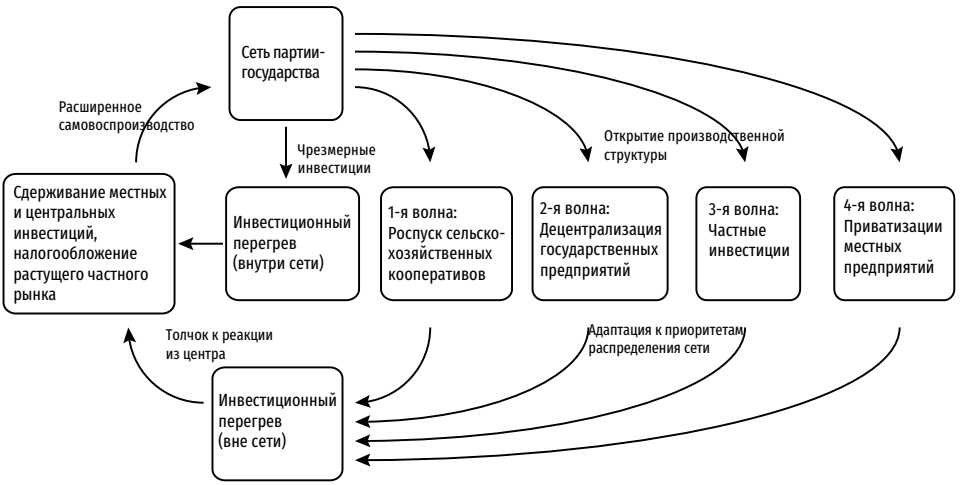
2 *Bauer T.* Investment Cycles in Planned Economies // Acta Oeconomica. 1978. Vol. 21. № 3. P. 243–260.

плановых ожиданий, по аналогии с чрезмерными коррупционными ожиданиями на реляционных рынках и чрезмерными рыночными ожиданиями на конкурентных рынках [▸ 5.5.4.3]. Однако в условиях диктатуры с использованием рынка инвестиционные циклы увеличиваются и используются для **расширенного самовоспроизводства** сети. С одной стороны, они увеличиваются, так как конкурентные рынки за пределами сети пытаются приспособиться к приоритетам сети в распределении вместо того, чтобы адаптироваться к фактическому рыночному спросу. В результате увеличивается амплитуда, и если это происходит с отставанием, то и продолжительность инвестиционного перегрева. С другой стороны, партия-государство может теперь не только «нажать на тормоз» в плане инвестиций, но и обложить налогом развивающиеся рынки, испытывающие перегрев. Это означает, что жесткие производственные ограничения смягчаются, а сеть становится способна к расширенному самовоспроизводству, которое сопровождается ростом конкурентных рынков, находящихся в равновесии. Схема 5.13 условно изображает этот проходивший в Китае процесс, выделяя последовательные волны возникновения частных рынков в результате реформ. (Впрочем, здесь важно отметить, что эти волны отделены друг от друга только в аналитических целях, и то, что мы описываем как вторую и третью волны, возникало в ходе последующих волн снова и снова, в разных формах и с различной интенсивностью.)

Тем не менее сеть партии-государства по-прежнему в большой степени регулирует новую экономику и контролирует некоторые стратегические отрасли[1]. По словам Марка Шепана, китайскую экономику можно охарактеризовать как «сосуществование государственных предприятий и частных

[1] В Китае в их число входят банковское дело, телекоммуникации и добыча природных ресурсов. См.: *Csanádi M.* China in Between Varieties of Capitalism and Communism. P. 16.

Схема 5.13: Инвестиционные циклы в китайской диктатуре с использованием рынка



Примечание: первая волна была однократным расширением, тогда как другие волны расширяли частную экономику параллельно с последующими

компаний, которые активно конкурируют между собой», так как в обеих группах можно найти компании: (1) государственные и финансируемые государством и (2) рыночные и ориентированные на конкуренцию[1]. Далее Шепан поясняет, что **для оказания влияния на компании государственные органы используют следующие шесть традиционных методов[2]:**

• **перевод прибыли через государственную собственность**, что означает, что акции компании, принадлежащие центральному или местному правительству, находятся под контролем комиссии по управлению активами;

• **административные назначения через кадровую систему Коммунистической партии Китая (КПК)**, в рамках которой (1) Комитет по контролю и управлению государственным

[1] *Szepan M.* 4.5 Government Involvement in the Chinese Economy // China's Political System / ed. by S. Heilmann. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 209.

[2] Ibid. P. 210–212.

имуществом (*SASAC*) несет официальную ответственность за назначение на ключевые позиции на государственных предприятиях, и (2) руководящие должности высшего и даже среднего звена в соответствующих фирмах предоставляются, как правило, только членам КПК;

• **банковское кредитование и финансирование**, при помощи которого государство может оказывать значительное влияние на государственные и частные компании через распределение капитала;

• **финансирование через промышленную политику**, поскольку Китай проводит активную промышленную политику с учетом специфики государств;

• **нормативные требования (санкции и т. д.)**, аналогичные регуляционному вмешательству в экономике рыночного типа [► 5.4.2];

• **госзакупки, когда государство является ключевым заказчиком.**

На настоящий момент партийные организации внедрили в экономику Китая 60–70% частных компаний, владельцами которых являются как иностранцы, так и граждане страны, а некоторые из руководителей крупных частных компаний были приняты в государственную партию[1]. Эти случаи следует рассматривать как гарантии, то есть как возможность государства вмешиваться, которая преумножает юридическую ответственность за счет ответственности в отношении субстантивно-рациональных целей партии-государства (имеется в виду так называемая партийная этика). Таким образом, эти меры не приводят к восстановлению центрального планирования, и существенная часть рыночной экономики может развиваться за пределами сети[2].

1 *Brant R.* Why Is Jack Ma a Communist Party Member?

2 *Yan X., Huang J.* Navigating Unknown Waters: The Chinese Communist Party's New Presence in the Private Sector // China Review. 2017. Vol. 17. № 2. P. 37–63.

В результате того, что конкурентные рынки имеют возможность расти, **сеть партии-государства устраняется** как в абсолютном, так и в относительном выражении по сравнению с частным сектором. По мнению Чанади, этот «процесс системной трансформации получает продолжение по мере того, как сеть партии-государства как социальная система устраняется из монополизированных сфер деятельности, а за пределами сети возникает новая социальная система. Эта трансформация может носить абсолютный характер, когда в сети происходят физические изменения, например ведение переговоров через каналы сети идет на убыль (сеть опустошается), ограничивается или прекращается. Кроме того, она может быть относительной, когда либо сеть не устраняется, но на этом фоне возникает и расширяется новая сфера (политическая или экономическая), либо скорость отступления сети выше скорости появления сфер, либо и сеть и сфера расширяются, но скорость возникновения последней выше. Относительное или абсолютное самоустранение сети протекает в тесном взаимодействии с возникновением сфер»[1]. Помимо этого можно наблюдать «размывание» принадлежности к сети поскольку «альтернативный капитал, акторы и заинтересованные лица становятся <...> собственниками совместных предприятий, акционерами, членами народного парламента или межведомственных комитетов и т. д.»[2].

На этом этапе логично было бы спросить: з**ачем партии-государству вообще нужны подобные реформы?** В конце концов, хотя она и сохраняет свои ключевые позиции в стратегических отраслях и влияет на появление новых рынков, она все же утрачивает то доминирующее положение, которое есть у нее в условиях плановой экономики в тоталитарной среде коммунистической диктатуры. Кроме того, появление

[1] *Csanádi M.* China in Between Varieties of Capitalism and Communism. P. 18.
[2] Ibid. P. 21–22.

частной экономики и разворот большинства рынков от административного типа к конкурентному влекут за собой независимость и суверенитет личности, которые создают сложности для сохранения ветвей власти партии-государства в неразделенном виде[1]. Ответ на этот вопрос можно найти в Таблице 5.26, если сравнить модель самоустранения с моделями самоэксплуатации и саморазрушения. С одной стороны, в то время как при открытии рынка новые частные акторы действительно могут приобрести более сильные позиции на переговорах с сетью, они также вызывают **увеличение объемов новых ресурсов и экономический рост**. Это помогает партии-государству выжить (в терминах Чанади, самовоспроизводиться), поскольку, чем активнее растет экономика, тем больше ресурсов из нее может извлечь партия-государство, тем выше становится уровень жизни людей и тем дольше партия-государство сохраняет свою легитимность.

С другой стороны, **реформы, имеющие своей целью самоустранение, можно рассматривать как общеэкономическую коррекцию сверху вниз,** которая очень похожа на корректирующие механизмы снизу вверх, о которых говорилось выше. Действительно, новый экономический механизм делает рынок более чувствительным к потребительскому спросу, поскольку люди могут более свободно участвовать в добровольных обменах. Такова была цель и так называемых рыночно-социалистических реформ в Центральной и Восточной Европе, с той лишь разницей, что там производственная структура носила гораздо менее открытый характер. В модели рыночно-социалистической реформы административные рынки лишь имитировали конкурентные рынки, а новых стимулов в виде подлинной частной собственности или рыночной координации так и не появилось (см. Текстовую вставку 5.12). Однако в модели диктатуры с использованием

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 390.

рынка наряду с плановой экономикой появляется и настоящая рыночная экономика с конкурентными рынками[1]. Кроме того, масштабный экономический рост за пределами сети способствует постоянному повышению уровня жизни и создает рабочие места, что вносит свой вклад в легитимность партии-государства (как отмечено в последней строке Таблицы 5.26).

Текстовая вставка 5.12: Рыночный социализм перед сменой режима

Основная идея, питающая [реформы рыночного социализма], заключается в том, чтобы, сохранив в качестве преобладающей общественную форму собственности, превратить рынок если не в основное средство координации социалистической экономики, то, по крайней мере, в дополнение к централизованному планированию, равное по значению бюрократическому механизму. <...> В официальных документах всех реформируемых стран подчеркивается необходимость заинтересовать предприятия в увеличении прибыли. Именно эта идея лежит в основе системы оплаты труда и вознаграждений для менеджеров, в схемах участия работников в прибылях; от прибыли зависят и социальные расходы фирмы. <...> Несмотря на провозглашенные принципы и соответствующие им нормативные документы, заинтересованность предприятия в росте своей прибыли остается слабой <...>. Обеспечение рентабельности не стало вопросом жизни и смерти или главной целью фирмы, поскольку бюджетные ограничения все еще остаются довольно мягкими. <...> В экономике рыночного социализма по-прежнему используются все четыре метода смягчения бюджетных ограничений: 1) мягкое субсидирование, 2) мягкое налогообложение,3) мягкие условия кредитования и 4) мягкое административное ценообразование <...>. Рынок, основанный на частной

[1] Действительно, делегации китайских экспертов подробно изучали «рыночный социализм» в Венгрии. См.: *Vámos P.* A Hungarian Model for China? Sino-Hungarian Relations in the Era of Economic Reforms, 1979–1989 // Cold War History. 2018. Vol. 18. № 3. P. 361–378.

> собственности, <...> устанавливает дисциплину. Соперничество не знает пощады: продавец, не подчиняющийся требованиям «рынка покупателя», обречен на уход из дела. <...> Банки настаивают на возврате предоставленных ссуд, а должник, неспособный обслуживать ипотечный кредит, <...> лишается крыши над головой. Эта жесткость рынка, основанного на частной собственности, отсутствует в частично дерегулированном общественном секторе[1].

В качестве обобщения можно сказать, что две причины, по которым такие реформы проводят, объясняют, почему мы называем этот тип режима **диктатурой с использованием рынка**: сохраняя формальную монополию на власть, **партия-государство (частично) освобождает из-под своего контроля сферу рыночного действия и, таким образом, может пожинать плоды, получая в обмен политическую легитимность, экономическое самовоспроизводство и социальную стабильность**[2].

5.6.2.3. Регулируемая рыночная координация и реляционное перераспределение рынка: трехстороннее давление неформальности на реформированную партию-государство

Тогда как регулируемая рыночная координация — это механизм, который партия-государство внедряет намеренно, **возникновение реляционного рыночного перераспределения является, скорее, непреднамеренным следствием смены модели на диктатуру с использованием рынка**. И хотя в результате этого процесса конкурентные рынки действительно появляются, контекст, в котором это происходит, а также

1 *Корнаи Я.* Социалистическая система: Политическая экономия коммунизма. С. 503, 518, 538–539.

2 Дальнейшее обсуждение механизмов легитимации в Китае см.: *Holbig H., Gilley B.* Reclaiming Legitimacy in China // Politics & Policy. 2010. Vol. 38. № 3. P. 395–422.

создающие их реформы делают их подверженными патрональному присвоению.

Наиболее важным аннексионным механизмом в диктаторских режимах с использованием рынка является **захват государства сверху вниз**, то есть экономическая и политическая патронализация и патримониализация на местном уровне. Смена модели, и особенно два ее основных принципа — децентрализация и открытость производственной структуры — способствуют такому результату следующим образом:

• **децентрализация власти без партийной конкуренции предоставляет партийным лидерам на местах локальную монополию на власть**. Как отмечает эксперт по вопросам борьбы с коррупцией Цзяннань Чжу, «делегирование части ответственности правительствам более низкого уровня в целях оптимизации экономического роста <...> непреднамеренно [приводит] к расширению многих замкнутых „локальных и вертикальных доменов", недоступных для государственного и общественного надзора»[1]. На местном уровне бюрократической патрональной иерархии ресурсы, выделяемые централизованно, а также налоговые поступления от местных зарегистрированных компаний координируют партийные секретари на местах, которые помимо этого контролируют государственные проекты и контракты, финансируемые из этих средств. Следовательно, эти «региональные руководители, особенно в финансово благополучных <...> областях контролируют экономические ресурсы, аналогичные ресурсам национальных государств. При такой широкой сфере ответственности и практически полном отсутствии надзора и подотчетности в авторитарном государстве <...> главы областей и их приближенные могут с большей легкостью использовать свое положение для построения крупных коррупционных сетей»[2].

[1] *Zhu J.* Corruption Networks in China. P. 32–33.

[2] Ibid. P. 32–33.

• **отсутствие партийной конкуренции ведет к политической патронализации и патримониализации**. В рамках явления, которое Чжу называет «фракционностью», бюрократический аппарат местных органов власти трансформируется в неформальную патрональную сеть, «где патроны — это высокопоставленные чиновники, а клиенты — их подчиненные»[1]. Один этот факт уже свидетельствует о захвате государства сверху вниз или даже о локальном криминальном государстве, которое является следствием отсутствия партийной конкуренции. Как отмечает Чжу, «[без] демократических выборов, которые позволяют определить, какие политические элиты более популярны, у патрона может возникать необходимость демонстрировать свою власть через большую группу своих сторонников и клиентов, получающих льготы или продвижение по службе от своего могущественного патрона. Таким образом, и патрон, и его клиенты в ходе политической борьбы стремятся предоставлять друг другу защиту»[2].

• **создание конкурентных рынков на основе административных приводит к тому, что распределение рынка становится дискреционным правом секретарей партий**. Тогда как конкурентные рынки действительно начинают расти за пределами сети партии-государства в связи с тем, что структура производства становится открытой, партия-государство все еще «сохраняет жесткий контроль над большинством инвестиционных проектов и использует власть для выдачи долгосрочных кредитов и предоставления прав землепользования»[3]. Иначе говоря, партия решает, кто может выйти на вновь созданный рынок, а кто нет. При этом необходимо уточнить, что эта власть осуществляется не партией-государством как

1 Ibid. P. 34–35.

2 Ibid. P. 34.

3 Ibid.

таковым. Она тоже децентрализована, поскольку считается, что руководители на местах лучше разбираются в специфике подконтрольной им территории и, соответственно, более компетентны в принятии инвестиционных решений, чем центральное партийное руководство. В подтверждение этого в Китае, по утверждению Чанади, «в 2009 году инвестиции в основной капитал, которые инициировали, контролировали и на которые выдавали разрешения региональные правительства, преобладали во всех секторах экономики, включая производство (95%), недвижимость (98%), строительство (92%), добычу полезных ископаемых (68%) и различные услуги (от 99 до 48%)»[1]. Теоретически местные органы власти могли бы вводить нормативные положения, но при наличии двух приведенных выше факторов эти положения, как правило, носят дискреционный характер, а делегирование полномочий по принятию экономических решений местным органам управления часто приводит к экономической патронализации и патримониализации. Как отмечает Чжу, частные предприниматели «могут даже становиться кошельками местных чиновников и давать взятки для укрепления их политического положения»[2].

Можно выделить два типа государств, в зависимости от коррупционной схемы, которую они используют: **субсуверенное клептократическое и субсуверенное мафиозное государство** [▸ 2.6.2]. В Китае оба эти типа коррупции были широко распространены. Так, Себастьян Хайльманн описывает, с одной стороны, специфическую форму коррупции, которую он называет «сбором дивидендов» и которую в наших терминах можно описать как подтип клептократического

1 *Csanádi M.* China in Between Varieties of Capitalism and Communism. P. 14. Также см.: *Szamosszegi A., Kyle C.* An Analysis of State-Owned Enterprises and State Capitalism in China. Capital Trade, Incorporated for US-China Economic and Security Review Commission. 2011. Vol. 52. P. 33.

2 *Zhu J.* Corruption Networks in China. P. 33–34.

режима. Он пишет, что партийные кадры «регулярно требуют доли прибыли компаний в обмен на административные услуги, способствующие росту этих компаний и укрепляющие их стабильность. Нередко эти компании демонстрируют стремительный рост в сравнительно короткие сроки»[1]. В этом смысле дивиденды можно рассматривать как разновидность платы за крышу [▸ 5.3.3.1], которая связана с плановыми показателями. Такая схема порождает симбиоз интересов членов партии и руководителей (частных) компаний, поскольку обе эти группы заинтересованы в росте компании. Соответственно, для ее роста партийные функционеры стремятся применять государственное вмешательство и регуляционные средства в целях получения более высоких дивидендов. Затем эти средства, как правило, вывозятся из страны в ходе бегства капитала, а после реинвестируются под другим названием, обогащая партийных функционеров и их семьи[2]. С другой стороны, Хайльманн описывает также «хищническую» коррупцию в Китае, которую он определяет как «систематическое хищение государственных и частных активов; потребление или экспорт незаконно присвоенных активов (бегство капитала)»[3]. Хотя это определение хищничества более широкое, чем наше [▸ 2.4.4], оно включает в себя то, что мы понимаем под «хищничеством» при рассмотрении хищнических практик, а также субсуверенных мафиозных государств Китая.

Так или иначе, патрональные сети коррумпированных субсуверенных государств **подчиняют себе конкурентные рынки и на патрональной основе проводят реляционное перераспределение рынка**. Как пишет Чжу, в этой схеме государственного захвата сверху вниз «группы чиновников работают сообща, как мафия <...>. Хотя в некоторых случаях, например

1 *Heilmann S.* 4.8. «Cadre Capitalism» and Corruption // China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 231.

2 Ibid. P. 230–233.

3 Ibid. P. 231.

в коллективном хищении, участвуют только государственные чиновники, коллективная коррупция по большей части предполагает наличие сложных коррумпированных сетей, задача которых состоит в координации интересов должностных лиц из различных бюрократических структур и акторов, не входящих в правительство <...>. В этих случаях основными участниками криминальных сетей [могут быть] частные предприниматели, руководители государственных предприятий, бандиты, губернаторы, партийные лидеры, чиновники и сотрудники правоохранительных органов»[1].

Коррупция, возникшая в Китае после начала реформ, привела к такому результату не сразу. Поначалу это были различные формы добровольной коррупции, такие как коррупция на свободном рынке и протекция для корешей, которые сохраняются в Китае по сей день. Затем, после установления частной экономики коррупция внутри сети партии-государства расширилась и стала принимать новые формы[2]. По утверждению Хайльманна, «китайское государство превратилось в гигантскую площадку для незаконной торговли: директора компаний, секретари партии и руководители органов власти переориентировали средства производства и работу государственного сектора экономики на снабжение вновь созданных рынков; ключевые политические позиции и официальные разрешения стали обмениваться на доли прибыли

1 *Zhu J.* Corruption Networks in China. P. 29. Кроме того, захват государства снизу вверх как один из аннексионных механизмов — не редкость для диктатур с использованием рынка, но носит более бессистемный характер, так как не обусловлен структурными/институциональными особенностями. В условиях диктатуры с использованием рынка захват государства снизу вверх, инициируют, как правило, не олигархи, а криминальные авторитеты и криминальные сети, то есть частные элементы, которые появились не в результате реформ и существовали независимо от них. См.: *Wang P.* The Increasing Threat of Chinese Organised Crime.

2 *Pu X. Z.* How to Block the Connection between «Public Power» and «Private Desires» // CAAS Journal of Political Science. 2009. № 6. P. 31–37; *Zhu J.* Corruption in Reform Era: A Multidisciplinary Review // The SAGE Handbook of Contemporary China. SAGE Publications Ltd., 2018. P. 302–323.

в высокодоходных частных сделках <...>. Высокопоставленные и более мелкие носители власти на всех уровнях партийной бюрократии <...> обогатились, воспользовавшись возможностями, которые предоставлял пока еще несовершенный рынок и такой же правовой режим»[1]. Однако с того момента, как конкурентные рынки были окончательно установлены, а размер частного сектора экономики стал сопоставим с размером сети партии-государства, захват государства сверху вниз стал типичной и наиболее серьезной формой коррупции в стране[2]. Все это, а также изложенная выше теория предполагают, что диктатуры с использованием рынка идеального типа располагают к появлению случаев захвата государства сверху вниз, что делает реляционное перераспределение рынков важным элементом экономики наряду с регулируемой рыночной координацией и бюрократическим перераспределением ресурсов.

Возникновение субсуверенных мафиозных государств и неформальных патрональных сетей является проблемой для высшего партийного руководства не только потому, что государственные средства используются не по назначению. Скорее, члены номенклатуры высокого уровня, принимая во внимание более широкую картину, опасаются **«мафизации» партии-государства**. Даже если неформальные патрональные сети берут начало на уровне субсуверенного правительства, они могут расти и захватывать все больше сегментов партии-государства, если верховный патрон получает доступ к новым позициям в государственной иерархии. В таких случаях главный патрон патронализирует каждый политический институт, находящийся в его подчинении, превращая свою патрональную сеть в приемную политическую семью национального уровня[3].

1 *Heilmann S.* 4.8. «Cadre Capitalism» and Corruption. P. 228–229.

2 *Zhu J.* Corruption Networks in China. P. 28–29.

3 Это хорошо видно на примере Чжоу Юнкана, одного из самых высокопоставленных чиновников Китая, который был обвинен в коррупции. См.: *Zhu J.* Corruption Networks in China. P. 36–39.

Конечно, неформальные патрональные сети создавались и более высокопоставленными членами номенклатуры, которые в китайской литературе именуются «**партией кронпринцев**» (*princelings*). Хайльманн пишет, что эти люди являются «[детьми] и другими родственниками бывших или настоящих партийных функционеров и военнослужащих [и] играют важнейшую роль в политике, вооруженных силах и экономике <...>. „Кронпринцы" Коммунистической партии Китая могут выступать в качестве **глав политически и экономически активных „кланов", которые объединяют правящие позиции в государственном аппарате с предпринимательским стремлением к получению личной выгоды**. <...> В связи с этим их часто считают причастными к организованной коррупции и бегству капитала, и для этого действительно находится предостаточно свидетельств» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1].

Далее Хайльманн отмечает, что «поразительное число кронпринцев было избрано в руководящие органы Коммунистической партии Китая во время партийных съездов 2007 и 2012 годов; результаты голосования показывают, что с этого момента не было никакого противодействия их приходу к власти». В нашей треугольной структуре режимов эта тенденция мафизации предполагает движение вниз от диктатуры с использованием рынка к патрональной автократии: у формальных сетей партии-государства становится все меньше власти, поскольку она переходит в руки неформальных сетей, что в конечном счете чревато **превращением партии-государства в партию — «приводной ремень»**. Возможность такого исхода является прямой угрозой для партии-государства, которая, как напоминает Ведеман, не организовывает коррупцию сверху и не желает перерасти в организованную преступную группу (см. Текстовую вставку 5.13). Неудивительно, что китайские ученые утверждают, что руководство

[1] *Heilmann S.* 3.7. Informal Methods of Exercising Power. P. 185–186.

партии рассматривает сдерживание коррупции в Китае как «борьбу не на жизнь, а на смерть», которую ведет Коммунистическая партия[1]. Таким образом, **мафизация представляет собой вызов самоподдерживающемуся равновесию в диктатурах с использованием рынка** [▸ 4.4], которые, в свою очередь, должны создавать эффективные защитные механизмы, чтобы противостоять этому вызову.

Текстовая вставка 5.13: Коррупция в немафиозном режиме Китая

Коррупция в Китае имеет признаки организованной деятельности. Антикоррупционная кампания Си Цзиньпина выявила обширные сети коррумпированных чиновников, связанных с двумя ключевыми фигурами, которые были впоследствии приговорены к пожизненному заключению: Чжоу Юнканом [...] и Лин Цзихуа. [...] Власти [...] раскрыли ряд локальных синдикатов, во главе которых стояли региональные секретари партии, связанные с сетями Чжоу и Лин. [...] Однако организация этих коррумпированных сетей, вероятно, не достигла того уровня, которого можно было бы ожидать от [мафиозного государства]. Во-первых, коррупцию никто не координировал сверху: хотя и Чжоу, и Лин были влиятельными людьми, ни один из них не был верховным лидером страны, а достоверных доказательств того, что они действовали в качестве приспешников генерального секретаря Ху Цзиньтао, не существует. [...] Во-вторых, существовавшие коррумпированные группировки были относительно слабо организованы. [...] В-третьих, большая часть раскрытых коррупционных сделок [...], похоже, совершалась за пределами какой-либо иерархической организации. Около трети осужденных высокопоставленных чиновников были «вольными тиграми», которые, как оказалось, не были связаны с какими бы то ни было сетями. [...] Наконец, не существует убедительных доказательств, подтверждающих наличие прямой связи

[1] Цит. по: *Heilmann S.* 4.8. «Cadre Capitalism» and Corruption. P. 227.

между крупной коррупцией на самом верху и действиями массы коррумпированных чиновников на низовом уровне. Если крупная коррупция и подталкивала к мелкой, то это происходило потому, что она задавала тон, а не потому, что таков был ее замысел. В целом, свидетельства того, что крупная коррупция в Китае была организованной, существуют, но синдикаты не были монолитной, вертикальной, мафиоподобной структурой[1].

Хотя угроза системоразрушающей коррупции возникает отчасти из-за **отсутствия партийной конкуренции**, этот же фактор **обосновывает и возможность сдерживания этого явления** (а также то, почему экономика в целом необязательно превращается в реляционную). В посткоммунистических странах, где были созданы формально демократические институты и многопартийные системы, неформальные патрональные сети могли регистрировать автономные партии патрона и свободно участвовать в партийной конкуренции, используя партии для связи со сферой политического действия. Однако в условиях диктатуры с использованием рынка те, кто формирует патрональные сети, являются членами партии-государства, поэтому государство может подвергать неформальную патрональную сеть наказанию за нарушение партийной дисциплины[2]. Другими словами, конкуренция между партиями патрона свидетельствовала бы о том, что в государстве есть несколько центров власти, каждый из которых заинтересован в поддержании неформальной политики. В такой среде сложилась бы не вполне дееспособная, политически пропорциональная правоохранительная система [► 4.3.5.1], а полномасштабная атака на неформальные патрональные сети была бы невозможна до тех пор, пока одна из них не получит монополию на власть [► 4.4.2]. Но в условиях диктатуры

1 *Wedeman A.* Does China Fit the Model? // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 92.

2 *Zhu J.* Corruption Networks in China. P. 28.

с использованием рынка номенклатура высшего уровня уже обладает монополией на власть, и поэтому правоохранительные органы на национальном уровне функционируют должным образом[1].

Борьба с реляционными рынками и мафизация государства принимают в Китае форму яростных **антикоррупционных кампаний**. Такие кампании были частью политической жизни на протяжении десятилетий, и, как и классические коммунистические кампании, были направлены на номенклатуру низкого и среднего уровня и продолжались в течение заранее определенного времени. Количественные, а также качественные изменения в кампании, которую в 2012 году запустил генеральный секретарь партии Си Цзиньпин, действительно знаменуют собой борьбу с мафизацией, хотя многие считают их репрессиями против политических оппонентов (что не лишено оснований)[2]. По мнению Чжу, которое совпадает с позицией других исследователей: «Си пытается бороться с коррупцией внутри партии-государства, используя специфические средства для разрушения объединенных коррумпированных королевств, созданных высокопоставленными чиновниками в масштабах всего государства <...>. Следовательно, выраженным признаком этой кампании является жестокая атака на коррупцию на высших уровнях, совершаемую „крупными тиграми“ или высокопоставленными чиновниками на региональном и министерском уровнях или выше, наряду с безжалостным преследованием коррумпированных чиновников низшего уровня, или „мух“»[3]. В комплексе с беспрецедентным количеством арестованных чиновников, кампания пыталась искоренить субсуверенные мафиозные государства,

1 Ср.: *Zhu J.* Corruption in Reform Era: A Multidisciplinary Review. P. 308.

2 *Jiang J., Xu Y.* Popularity and Power: The Political Logic of Anticorruption in Authoritarian Regimes // SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY: Social Science Research Network. 09.08.2015. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=2641567.

3 *Zhu J.* Corruption in Reform Era: A Multidisciplinary Review. P. 317–318.

противодействуя их способности отключать механизмы контроля. Как отмечает политологиня Мелани Манион в одной из своих статей, в Китае в рамках кампании Си Цзиньпина «для расследования коррупции больше не требуется получать разрешение от партийного комитета того же уровня. Вместо этого его инициируют сверху, с одобрения непосредственного начальника [комиссии по проверке дисциплины]. Полномочия назначать и проверять (на благонадежность) глав и заместителей руководителей комиссий по проверке дисциплины теперь возложены на непосредственно вышестоящие комиссии и их организационные отделы»[1]. Это означает, что теперь контроль за властями субсуверенного государства осуществляют не они сами, а номенклатура более высокого уровня.

Наконец, следует подчеркнуть, что диктатуры с использованием рынка из посткоммунистического региона обладают некоторыми **культурными факторами**, которые затрудняют борьбу с неформальными сетями. В Китае этим фактором является такое явление, как **гуаньси**, которое люди нередко считают более важным, чем письменные контракты или обязательства перед государством[2]. В сочетании с более практичными **западными формами коррупции**, такими как коррупция на свободном рынке и протекция для корешей, которые тоже возникли с расширением частного сектора, и **посткоммунистическими формами коррупции**, в частности с описанным выше захватом государства сверху вниз, можно сказать, что правящая политическая элита Китая действительно столкнулась с **трехсторонним давлением неформальности**[3].

1 *Manion M.* Taking China's Anticorruption Campaign Seriously // Economic and Political Studies. 2016. Vol. 4. № 1. P. 8.

2 *Wang P.* Extra-Legal Protection in China: How Guanxi Distorts China's Legal System and Facilitates the Rise of Unlawful Protectors // The British Journal of Criminology. 2014. Vol. 54. № 5. P. 809–830. Также см. описание гуаньси выше в Части 5.3.6.

3 Ср.: *Chang G. M., Tang X. Q.* Improve the Ruling Party's Mechanism of Combating Corruption // CAAS Journal of Political Science. 2007. № 2. P. 45–52.

Таблица 5.27: Противоречия между формальными и неформальными правилами в политике Китая. Источник: Heilmann S. 4.8. «Cadre Capitalism» and Corruption. P. 182

Формальные правила	**Распространенные неформальные правила**
Формализованная система набора кадров	Партийно-патрональные сети и продажа политических должностей
Бюрократическая иерархия и установление универсальных правил	Внутреннее лобби и экономическое регулирование с опорой на клиентов
Право государственной собственности	Неформальная приватизация и неконтролируемая утечка государственных активов
Равенство перед законом	Манипулирование судебной системой в пользу партийных чиновников и их родственников
Финансовая система с обязательным распределением доходов	Удержание доходов местными органами власти, и постоянные переговоры об их распределении

Кроме того, Хайльманн приводит список противоречий между формальными и неформальными правилами политики Китая (Таблица 5.27) и подчеркивает, что коррупция и неформальные практики «оказали разрушительное воздействие на официальные институты партии-государства»[1].

5.6.3. Типы политического капитализма: от капитализма для корешей до мафиозного капитализма

Один из выводов, который можно сделать по итогам предыдущей части, заключается в том, что, хотя определение трех типов экономики по критерию доминирования определенных типов рынков и позволяет сформировать четкие категории, их объяснительная ценность ослабевает по мере того, как подчиненный механизм в экономике приобретает большее значение. Если снова использовать нашу аналогию

[1] *Heilmann S.* 3.7. Informal Methods of Exercising Power. P. 182.

из естественных наук, то можно сказать, что движение небесного тела влияет на движение других тел, даже если оно не связано с ними напрямую. Так и в экономике: хотя подчиненный механизм не является доминирующим, он становится достаточно существенным, чтобы влиять на функционирование доминирующего механизма. В связи с этим следует провести следующее разграничение:

• **подчиненный механизм является маловажным**, если не влияет на работу доминирующего механизма;

• **подчиненный механизм является значительным**, если он влияет на работу доминирующего механизма.

Одна из причин, по которой подчиненный механизм может приобрести большое значение, это если он инициируется сверху вниз или, по крайней мере, **если большое количество государственных акторов участвует в обменах, регулируемых подчиненным механизмом**. Поскольку режим в каждом государстве обладает исключительным статусом, действия правящей политической элиты формируют ожидания и действия частных экономических акторов, даже если механизм, внедряемый правящей политической элитой, не становится доминирующим, а основной характер экономики (то есть доминирующий тип рынка) не меняется.

В соответствии с этими идеями можно вывести ряд понятий, свойственных экономике капиталистического типа, начиная с более коррумпированной рыночной экономики, где государственные акторы участвуют в коррупционной деятельности, но это не становится доминирующим механизмом, и заканчивая полноценной реляционной экономикой, при которой коррупция правящей политической элиты является системообразующей. В качестве общего для этих явлений термина мы используем понятие «политический капитализм»:

• ***Политический капитализм*** *— это капиталистическая экономическая система, в которой государственные акторы участвуют в коррупционном сговоре настолько часто*

и активно, что это влияет на функционирование доминирующего механизма экономики.

Как мы отмечали в начале этой главы, выражение «политический капитализм» — это название книги Рэндалла Дж. Холкомба, которую мы часто цитируем, говоря о реляционной экономике. Однако явления, которые Холкомб описывает с помощью этого понятия, в нашем представлении не подпадают под определение политического капитализма. Он анализирует либеральные демократии и лоббирование, которые, по нашему мнению, являются законным и формальным сотрудничеством, вместо сговора и коррупции, которые фигурируют в нашем определении. Поскольку мы понимаем лоббирование как механизм, деформирующий регулируемую рыночную координацию, его проявления могут быть истолкованы как в лучшем случае реляционный упадок рыночной экономики, но точно не как нечто, что фундаментальным образом меняет характер системы[1].

Мы выделяем четыре идеальных типа политического капитализма в соответствии со следующими четырьмя моделями коррупции, в которых участвуют государственные акторы: протекция для корешей, захват государства снизу вверх, захват государства сверху вниз и криминальное государство (Таблица 5.28). Соответственно, первый тип мы называем капитализмом для корешей:

• ***Капитализм для корешей*** *— это тип политического капитализма, при котором коррупционный сговор с участием государственных акторов является протекцией для корешей. При капитализме для корешей именно кореша инициируют коррупционные сделки, которые принимают форму (1) несистематических коррупционных сделок без вассальных цепочек, (2) рентоориентированного государства со свободной конкуренцией за ренту (свободные вход и выход) и (3) захвата рынка.*

1 Ср.: *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 33–42.

Таблица 5.28: Типы политического капитализма

	Доминирующая форма коррупции	**Инициирующие акторы**	**Типы захвата***	**Тип государства**	**Рынок коррупции**
Капитализм для корешей	Протекция для корешей	Кореша	Захват рынка	Рентоориентированное государство	Свободная конкуренция (свободные вход и выход)
Олигархический капитализм	Захват государства снизу вверх	Олигархи	Захват рынка + государства	Клептократическое государство	
Патрональный капитализм	Захват государства сверху вниз	Полигархи			
Мафиозный капитализм	Криминальное государство	Приемная политическая семья	Захват рынка + государства + олигархический захват	Хищническое государство	Монополия (принятие / изгнание)

* *Ср.: Szelényi I., Mihályi P. Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality. P. 87–101*

Понятие «капитализм для корешей», которое в литературе о коррупции описывало едва ли не все государства, где правящая политическая элита коррумпирована и оказывает дискреционные услуги своим друзьям или членам семьи, стало ходовым выражением[1]. Однако, характеризуя протекцию для корешей, мы уже указывали на то, что слово «кореш» предполагает дружбу, то есть добровольные и горизонтальные отношения, а не принудительные патронально-клиентарные. Стороны вступают в эти коррупционные отношения свободно и так же свободно могут из них выйти. Кроме того, протекция для корешей также подразумевает, что дружеские отношения используются для проворачивания коррупционных сделок лишь изредка, на индивидуальной основе, и не являются частью коррупционной сети, включающей устоявшиеся цепочки по добыванию средств (в виде взяток или платы за крышу).

[1] В качестве примера фундаментальной работы см.: *Kang D.* Crony Capitalism.

Следующий тип — это олигархический капитализм[1]:

• ***Олигархический капитализм*** *— это тип политического капитализма, при котором коррупционный сговор с участием государственных акторов является захватом государства снизу вверх. При олигархическом капитализме олигархи инициируют коррупционные сделки, которые принимают форму (1) систематических коррупционных сделок с локальными / разрозненными вассальными цепочками, (2) рентоориентированного или клептократического государства и (3) захвата рынка и государства.*

Понятием «олигархический капитализм» часто описывают такие посткоммунистические страны, как Россия и Украина[2]. Однако необходимо подчеркнуть, что этот тип не является частью патрональных автократий по определению, поскольку при олигархическом капитализме олигархи захватывают государство снизу вверх, тогда как при патрональной автократии верховный патрон, полигарх (глава исполнительной власти) патронализирует и патримониализирует сферы политического и экономического действия сверху вниз и управляет государством как преступной организацией.

Третий тип мы называем патрональным капитализмом:

• ***Патрональный капитализм*** *— это тип политического капитализма, при котором коррупционный сговор с участием государственных акторов является захватом государства сверху вниз. При патрональном капитализме полигархи инициируют коррупционные сделки, которые принимают форму (1) систематических коррупционных сделок с локальными / разрозненными вассальными цепочками, (2) клептократического*

1 Мы не включаем в определение олигархического капитализма измерение рынка коррупции, потому что это континуум, четкие точки на котором можно отметить только в случаях капитализма для корешей и мафиозного капитализма.

2 *Menshikov S.* The Anatomy of Russian Capitalism // Challenge. 2004. Vol. 47. № 6. P. 1–24; *Bojcun M.* Ukraine: Beyond Postcommunism // Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. 2005. Vol. 13. № 1. P. 9–20.

или хищнического государства и (3) захвата рынка и государства.

Насколько нам известно, термин «патрональный капитализм» ранее не использовался в литературе (ближайшим эквивалентом, вероятно, является понятие «кланового капитализма», применяемое Леонидом Косалсом для описания путинской России)[1]. Однако следует отметить, что не каждая патрональная страна представляет собой **патрональный капитализм**. Этот тип **лучше всего сочетается с патрональными демократиями**, ведь в такой системе можно наблюдать захват государства сверху вниз, который, в свою очередь, остается частным феноменом либо географически ограниченного патронального рэкета, либо неформальных патрональных сетей, власть которых ограничена полномочиями, формально принадлежащими их патронам. Сходство, которое можно обнаружить между ними и патрональными автократиями, состоит в том, что именно неформальные патрональные сети или приемные политические семьи захватывают определенные части государства, выводя из строя локальные механизмы контроля и используя находящуюся в их распоряжении власть клептократическим образом — в целях незаконного извлечения ренты клиентами — или хищническим образом — для присвоения экономических единиц местными предпринимателями или олигархами (если они могут сделать это без помощи общегосударственных институтов надзорного вмешательства).

Наконец, четвертый тип политического капитализма в нашем инструментарии называется мафиозным капитализмом:

- ***Мафиозный капитализм** — это тип политического капитализма, при котором коррупционный сговор с участием государственных акторов является криминальным государством. При мафиозном капитализме приемная политическая семья инициируют коррупционные сделки, которые принимают*

[1] *Kosals L.* Essay on Clan Capitalism in Russia // Acta Oeconomica. 2007. Vol. 57. № 1. P. 67–85.

форму (1) систематических коррупционных сделок с монополизированными и централизованными вассальными цепочками, (2) хищнических государств с распределением ренты сверху (принятие / изгнание) и (3) захват рынка, государства и олигархов.

«Мафиозный капитализм» происходит от понятия «мафиозное государство» и представляет собой единственную систему политического капитализма, которая по определению является реляционной экономикой со свойственным ей фактическим доминированием власти-собственности, а также реляционным перераспределением рынка. Этот тип подчиняется внутренней логике концентрации власти и обогащения, которая в первую очередь определяет действия правящей политической элиты и в соответствии с которой в руках приемной политической семьи при помощи методов мафиозных структур, возведенных в ранг центральной политики, оказывается вся полнота власти в сочетании с постоянно растущим благосостоянием. **Мафиозный капитализм — это идеальный тип (политического) капитализма в патрональных автократиях**, где верховный патрон захватывает: (1) государство, что означает политическую патронализацию и патримониализацию; (2) рынок, что означает экономическую патронализацию и патримониализацию конкурентных рынков; и (3) олигархов, что означает патрональное встраивание ранее автономных олигархов в однопирамидальную иерархическую сеть [▸ 3.4.1.3]. В своем государстве верховный патрон обладает неограниченной властью, что предполагает максимальную амплитуду произвола государственного вмешательства с его стороны и максимальную амплитуду уязвимости со стороны его клиентов. Кроме того, с помощью бескровных инструментов государственной власти верховный патрон может инициировать хищничество в отношении любой компании, если ее стоимость в фазе выслеживания выше нуля, организовать на нее охоту и включить ее в состав собственности приемной политической семьи как добычу.

Если подвести итог, то полезность этих концептов можно оценить, посмотрев на то, что можно было бы увидеть в рассматриваемых процессах, если бы мы сосредоточились исключительно на формальной идентичности акторов и формальной экономической и политической деятельности. И действительно, наблюдателю, привыкшему к либеральным демократиям и неоклассическому синтезу, даже мафиозный капитализм показался бы рыночной экономикой. Классический аналитик увидел бы сотрудничество главных предпринимателей — автономных акторов, стремящихся к экономической выгоде, — и политиков — автономных акторов, реализующих политические цели; он увидел бы обычное налогообложение и государственное регулирование, хотя и применяемое несколько «нетрадиционными» способами; и он определенно предположил бы, что государство действует, исходя из общественных интересов, с возможными отклонениями, но в целом мало чем отличающимися от либеральных демократий. Однако стоит нам надеть очки реляционной экономики и посмотреть на разнообразие неформальных, а также формальных отношений между политическими и экономическими акторами, как мы увидим совершенно иную картину. В ней не политики взаимодействуют с предпринимателями, а полигархи используют подставных лиц, подчиняют себе олигархов, создают реляционные рынки, в которые дискреционно вмешивается государство, — и все это делается для реализации интересов элит. Посредством нашей концептуальной структуры можно выявить истинную природу посткоммунизма, а такие феномены, как власть-собственность и коррупция сверху вниз, могут занять свое законное место в качестве неотъемлемых, определяющих систему элементов, а не неких экзотических побочных эффектов западного в своей основе капитализма.

6. Общество

6.1. ГИД ПО ГЛАВЕ

Шестая глава посвящена **сравнительному анализу общественных явлений**. Этот анализ представлен в тексте в соответствии с логикой Таблицы 6.1, которая содержит множество концептов, рассортированных по трем полярным типам из шести идеальных типов режимов нашего треугольного концептуального пространства.

Эта глава начинается с анализа общественных структур, в особенности тех, которые являются идеальными типами для определенных типов режимов. Используя терминологию Норта и его соавторов, в Части 6.2 мы проводим различие между порядками открытого и ограниченного доступа и анализируем, какое «игровое поле» для формирования социальных связей и сетей между людьми создает государство. Мы рассматриваем закономерности развития сетей в трех режимах полярного типа, включая их предпосылки и влияние на структуру общества в целом и социальную мобильность в частности. В этой же части мы вводим понятие клиентарности и клиентарного общества (в противоположность классу и классовому обществу) и предлагаем оригинальную концепцию для осмысления социального расслоения, а также даем характеристику социальным группам идеального типа, присущим патрональным автократиям.

Поскольку описание клиентарного общества завершается его обоснованием с точки зрения социальной психологии, мы задаемся вопросом, почему люди голосуют за такие режимы, то есть каким образом они сохраняют стабильность. Поскольку основное внимание в нашей книге уделяется патрональным автократиям, мы посвящаем две отдельные части применяющимся в них двум методам: созданию клиентарного общества, описанному в Части 6.2, и идеологии, описанной в Части 6.4. Часть 6.3 между ними играет роль интерлюдии, в которой идет

Таблица 6.1: Общественные явления в трех режимах полярного типа (с названиями частей и глав)

	Либеральная демократия	**Патрональная автократия**	**Коммунистическая диктатура**
Общественные сети	порядок открытого доступа	порядок ограниченного доступа	порядок ограниченного доступа
	сила слабых связей неформальные, передающие информацию связи	сила сильных связей неформальные, передающие влияние связи	сила сильных связей формальные, передающие влияние связи
	общинная сеть отделена от экономической и политической сетей	общинная сеть соединена с экономической и политической сетями	общинная сеть отделена от экономической и политической сетей
	политические/экономические сети предполагают свободные вход и выход	вход в политические/экономические сети и выход из них не являются свободными	вход в политические/экономические сети и выход из них не являются свободными
	безмасштабные социальные сети (рынок и добровольные решения)	небезмасштабные социальные сети (неформальный патронализм и принуждение)	небезмасштабные социальные сети (бюрократический патронализм и принуждение)
	непатрональное классовое общество	неформально патронализированное клиентарное общество	бюрократически патронализированное классовое общество
Стабильность режима	демократическое увещевание масс (идеология играет главную роль, а присвоение — второстепенную)	патрональное увещевание масс (ненасильственные угрозы и идеология играют главную роль, а присвоение — второстепенную)	коммунистическое увещевание масс (принуждение играет главную роль, а идеология и присвоение — второстепенную)
Идеология	управляемая идеологией правящая элита, идеологически нейтральный режим	пользующаяся идеологией правящая элита, режим, пользующийся идеологией	управляемая идеологией правящая элита, режим, управляемый идеологией
	нетелеологическая рациональность	нетелеологическая рациональность	телеологическая рациональность
	ценностная когерентность	функциональная когерентность	ценностная когерентность
	нет врагов народа или стигматизированных групп	меняющиеся враги народа или стигматизированные группы	постоянные враги народа или стигматизированные группы

речь о стабильности политических систем и средствах массового политического увещевания в трех режимах полярного типа.

Часть 6.4 делится на два раздела. Первый из них касается предложения на политическом рынке. Мы различаем политических акторов по признаку их отношения к идеологии, который, в свою очередь, позволяет нам выделить различные типы популистов и режимов. Кроме того, предложение на политическом рынке связано с механизмами применения идеологии в патрональных автократиях, в особенности с эффективным использованием ценностно противоречивых (но функционально согласованных) наборов идеологий в различных государственных ведомствах и идеологических фасадов, отвечающих интересам элит и приемной политической семьи. Второй раздел Части 6.4.2 посвящен идеологическому спросу, то есть тем, на кого призвана воздействовать идеология. Мы указываем на функциональность популизма на Западе и Востоке, после чего даем подробное описание так называемой двусторонней функциональной когерентности в противопоставлении «мы» и «они» (дискурсивных идентичностей, в терминах Эрнесто Лакло). Кроме того, мы разбираем теории заговора и объясняем, почему они так необходимы популистам. В конце Части 6.4, мы пересматриваем определение популизма (начатое в Главе 4) и завершаем его на основе обсуждения идеологий.

Наконец, в Части 6.5 мы фокусируемся на неформальных процедурах управления. Эта часть представляет собой их краткое резюме в двух планах. Во-первых, мы приводим краткий обзор выдающегося исследования Алены Леденёвой и Клаудии Баез-Камарго, посвященного этой теме, а также даем типологию неформальных практик в посткоммунистическом регионе и за его пределами. Во-вторых, выстраивая эту типологию, мы сопоставляем определенные практики неформального управления с понятиями, представленными для описания патрональных автократических режимов в Главах 4–6, и тем самым (частично) обобщаем «анатомические» особенности, свойственные патрональным автократиям.

6.2. Уровень общественных структур

Сети и общественная патронализация

6.2.1. Порядки открытого и закрытого доступа: устранение силы слабых связей

6.2.1.1. Общие определения и порядок открытого доступа либеральных демократий

В нашей книге мы анализируем преимущественно режимы и уделяем особое внимание разработке характеризующих их понятий. Однако когда возникает необходимость включить в нашу структуру общество, это накладывает некоторые серьезные ограничения. Хотя в политике и экономике лишь некоторое количество явлений свойственны не режиму, а конкретной стране (или даже эпохе) [▸ 7.4, Заключение], в сфере общинного действия большинство из них характеризует именно страну. В этой сфере на жизнь и деятельность обычных людей в значительной степени влияют, если не полностью определяют их, история и культура страны. И естественно, что в посткоммунистическом регионе существуют свои особенности, связанные с культурой и историей, о которых мы неоднократно упоминали в нашей книге [▸ 1, 3.6, 5.3.6, 7.4]. Однако в этой главе мы фокусируемся преимущественно на тех социальных явлениях, которые присущи режимам.

В трех полярных типах режимов общества обладают двумя основными чертами идеального типа. Первая черта — это их специфическая степень **разделения сфер социального действия**. В либеральных демократиях экономическая, политическая и общинная сферы отделены друг от друга; в патрональных автократиях они смешиваются; а в коммунистических диктатурах происходит слияние сфер социального действия [▸ 3.2]. Вторая черта — **открытый доступ к ресурсам**. Понятие открытого доступа, которое мы позаимствовали у Норта

и его соавторов [▸ 2.4.6], обозначает наличие доступа к ценным политическим и экономическим ресурсам (земле, труду и капиталу) и деятельности (такой как торговля, образование или участие в политике)[1] у людей за пределами правящей элиты. Как пишут Норт и его соавторы, в порядках ограниченного доступа правящая элита «ограничивает способность индивидов [неэлит] формировать организации», захватывая контроль над вышеупомянутыми ресурсами / деятельностью и предоставляя к ним доступ только собственным членам (как правило, через государственное принуждение). Напротив, в порядках открытого доступа «возможность формировать организации, которые пользуются поддержкой более широкого общества, открыта для всех, кто отвечает минимальным и безличным критериям. В обоих социальных порядках есть публичные и частные организации, но естественные государства ограничивают доступ к этим организациям, а общества открытого доступа — нет»[2].

Либеральные демократии являются порядками открытого доступа. Конечно, государство вводит различные требования к использованию ресурсов и ведению определенной деятельности, что означает, что рынки являются нормативно закрытыми [▸ 5.4.2]. Но здесь важно, что доступ к ним предоставляется не только правящей элите. Безличный, то есть нормативный характер барьеров для входа на рынок гарантирует, что доступ к ресурсам может получить кто угодно, независимо от его связей с правящей элитой (которой часто даже бывает отказано в доступе на основании положения о конфликте интересов). Кроме того, современные либеральные демократии — это также государства всеобщего благоденствия [▸ 2.3.2], декларируемой целью которых является **равенство возможностей**, выражение, сходное по смыслу

[1] Ср.: *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 82.
[2] Там же. С. 40–41.

с открытым доступом, но более сильное. Главный компонент, который необходим конституционному государству для обеспечения открытого доступа, это верховенство права, то есть равенство до и после закона [▸ 4.3.5.1]. В дополнение к этому равенство возможностей также предполагает различные программы публичной политики, цель которых — исключить влияние случайных, незапланированных или незаслуженных факторов на чьи-либо показатели или вознаграждение (доступ к ресурсам)[1]. Получается, что не только правящая элита конституционного государства не пользуется исключительными правом доступа к ресурсам, но и государство стремится предоставить этот доступ людям, не входящим в правящую элиту.

В порядках открытого доступа наиболее важным барьером для входа является наличие или отсутствие у людей желания это сделать или, скорее, осведомленности о существующих возможностях. Таким образом, чтобы осуществить вход, **граждане должны обладать информацией**, поскольку, чтобы действовать целенаправленно и использовать доступную возможность, они должны обладать знаниями. Эту информацию можно получить из различных средств массовой информации, что обеспечивается открытой сферой коммуникации в целом и гарантируемым правом знать в частности [▸ 4.3.1]. Однако информация, которая не является общедоступной, но которую все же получает человек, бывает, как правило, более полезна, особенно когда она касается доступа к ограниченным ресурсам. Это первый вывод, к которому пришел Марк Грановеттер в своей знаменитой статье «Сила слабых связей»[2]. Он отмечает, что наиболее важным источником не вполне публичной информации являются социальные связи:

- ***Социальные связи*** *— это прямая взаимосвязь между членами общества, обладающими информацией или влиянием.*

[1] *Ролз Дж.* Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

[2] *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

В рамках нашей структуры мы определяем «общество» как сообщество людей, живущих под юрисдикцией одного политического режима. Что касается социальных связей, Грановеттер фокусируется на одном из их аспектов, а именно на **силе связей**, которую он понимает как «комбинацию (вероятно, линейную) продолжительности, эмоциональной интенсивности, близости (взаимного доверия) и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь»[1]. Однако такое определение делает понятие связи более узким и, кроме того, содержит ангажированность в пользу либеральных демократий с отделенными друг от друга социальными сферами (которые анализирует Грановеттер). Во-первых, связи не всегда являются взаимными — более того, они **могут быть как принудительными, так и добровольными**. Во-вторых, как отмечал в своих более поздних работах Грановеттер[2], связи могут быть **как основанными на чувствах, так и инструментальными**, а также **формальными и неформальными**. Это означает, что продолжительность и эмоциональная составляющая связей не обязательно определяют их силу. Формальные связи могут принимать вид подлежащих исполнению претензий, которые актор А предъявляет актору Б, что делает связь по определению сильной, независимо от ее эмоциональной составляющей. Неформальные связи также считаются сильными, если они подлежат исполнению (как правило, принудительному), и для их формирования тоже не всегда требуется много времени.

Обобщая широкий корпус литературы на эту тему, Питер Пинг Ли обращает внимание на то, как социальные связи позволяют людям получать доступ к ресурсам, что обычно входит в понятие социального капитала (см. Текстовую вставку 6.1). Это заставляет нас провести различие между **информацией**

[1] *Грановеттер М.* Сила слабых связей. С. 32.

[2] Там же.

и влиянием, которое также следует из работ Грановеттера[1]. Информация и влияние похожи в том, что (1) используются одним человеком в отношении к другому и (2) могут влиять на действия человека в будущем. Однако принципиальное отличие между ними состоит в том, что, хотя **информация обозначает сведения** или данные, которые актор А может лишь передать актору Б, чтобы тот мог принять их во внимание, **влияние означает, что актор А может заставить актора Б принять во внимание его пожелания и действовать в соответствии с ними.** Речь не идет о принуждении, так как влияния можно добиться только через горизонтальное давление общественности в рамках специфического персонализированного процесса (то есть субъективного, аффективного, ориентированного на людей и основанного на чувствах)[2]. Однако наличие влияния, по сути, означает, что человек имеет возможность получить то, чего он не смог бы получить, просто обладая информацией. **Оказывая влияние, можно добиться дискреционных преимуществ в нормативной среде либеральных демократий.** Проиллюстрируем это примером из работы Грановеттера: в порядках открытого доступа только информация о вакансии позволяет человеку «попасть на стартовую линию» вместе с другими претендентами на тот же дефицитный ресурс. Мы описываем здесь ситуацию, характерную для либеральных демократий идеального типа, когда граждане, то есть «безличные категории индивидов, <...> взаимодействуют на обширном поле социального поведения, но при этом им не нужно знать об индивидуальной идентичности партнеров. Идентичность <...> начинает определяться как набор безличных характеристик»[3].

1 *Granovetter M.* Getting a Job: A Study of Contacts and Careers. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

2 *Li P. P.* Social Tie, Social Capital, and Social Behavior: Toward an Integrative Model of Informal Exchange // Asia Pacific Journal of Management. 2007. Vol. 24. № 2. P. 229.

3 *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 40.

Другими словами, не важно, кем лично являются эти люди или какие у них есть сильные связи — то, что имеет значение, это их безличные характеристики, например способности. При этом влияние дает человеку больше шансов на получение доступа к ресурсам прежде всего потому, что именно благодаря своим сильным связям (например, через семью или дружбу) он и входит в контакт со своим потенциальным работодателем.

Текстовая вставка 6.1: Социальные связи и социальный капитал

[На основе имеющихся публикаций] можно выделить пять основных измерений формальности — неформальности <...>: кодификация; формирование; обеспечение исполнения; возможности и персонализация. <...> По этим пяти критериям личное доверие, прочные социальные связи, эмоциональная преданность <...> и интуиция являются сильно-неформальными; <...> религия, культура, этика и трансформационное лидерство слабо-неформальны; право, государство, собственность, иерархия <...> сильно-формальны; рынок и делегирование слабо-формальны. В этих четырех группах можно выделить более сильные и более слабые подгруппы в соответствии с их конкретным содержанием и относительной силой элементов в каждой категории. <...> Я называю социальный капитал неформальным доступом к ресурсам других людей, получаемым благодаря социальным связям. <...> Чтобы определить общую ценность социального капитала, следует объединить два его ключевых измерения. Первое из них, содержание, состоит из двух компонентов: (1) силы доступа к оценке вероятности получить услуги от людей на диадическом уровне и (2) преимуществ доступа к измерению ценности услуг как «бесплатной аренды» чужих ресурсов на диадическом уровне. <...> Второе, измерение структуры, также состоит из двух компонентов: (1) объема доступа к измерению как разнообразия, так и насыщенности всех связей на уровне эго-сети, и (2) позиции доступа к оценке как центральности, так и ранга каждой связи по сравнению с другими связями на уровне

эго-сети. Два этих структурных компонента совместно определяют конфигурацию портфеля услуг. Следовательно, общая ценность социального капитала личности — это сумма мультипликативных функций содержания доступа и структуры доступа[1].

Это приводит нас к вопросу об отделении сферы общинного действия от экономической и политической сфер в режимах идеального типа. **В либеральных демократиях сферы социального действия отделены друг от друга.** Естественно, социальные связи могут формироваться между любыми членами общества, к какой бы социальной сфере они ни принадлежали. Кроме того, как мы писали в Главе 3, индивид может принимать на себя различные социальные роли (выполнять различные типы социального действия), которые относятся к разным сферам [▸ 3.2]. Получается, что общественная сеть человека, внутри которой посредством политических, экономических или общинных действий формируются социальные связи, уже включает в себя акторов из более чем одной сферы. Однако используя наши концепты, упомянутые выше, можно охарактеризовать разделение социальных сфер как ситуацию, **когда между акторами из различных сфер существуют социальные связи, и эти связи могут передавать им информацию, но не влияние.** Несомненно, существуют случаи, когда даже передача информации запрещается, как, например, при инсайдерской торговле (предоставление закрытой информации о компании, которую можно использовать для покупки или продажи ее акций)[2]. Тем не менее, даже если кто-то предоставляет подобную информацию, акторы из разных сфер не должны оказывать друг на друга никакого влияния. Политик может иметь сильные связи со своим зятем (не политиком) и обсуждать с ним его планы

[1] *Li P. P.* Social Tie, Social Capital, and Social Behavior. P. 229–231.

[2] Пример знаменитой работы на эту тему см.: *Kyle A.* Continuous Auctions and Insider Trading // Econometrica. 1985. Vol. 53. № 6. P. 1315–1335.

на будущее в той же сфере социального действия. Однако чего он не должен делать, так это действовать в этой сфере в интересах своего зятя.

Если человек оказывает влияние не только внутри своей сферы, это вызывает **конфликт интересов** и дискриминацию, для предотвращения которых в либеральных демократиях существуют специальные законы. Такие законы входят в число нескольких гарантийных институтов либеральных демократий [▸ 4.4.1], предотвращающих смешение сфер или, по крайней мере, позволяющих обжаловать подобные (единичные) случаи в суде. Поскольку для различных случаев смешения сфер существуют разные наказания, формальный, безличный набор правовых институтов либеральных демократий исключает из вариантов индивидуального поведения возможность формирования сильных связей между акторами из разных сфер. Решение о том, использовать ли свои сильные связи для получения дискреционных выгод, не является предметом свободного выбора человека: ему это попросту запрещено.

Только при наличии ограничивающих условий (1) открытого доступа и (2) отделенных друг от друга сфер социального действия с соблюдаемыми гарантиями нормативности слабые связи могут быть сильными, что подтверждает процитированная выше статья Грановеттера. В ней говорится о том, что, когда определенная информация позволяет кому-либо получить доступ к конкретному ресурсу (в его случае, получить работу), слабые связи оказываются гораздо полезнее, чем сильные. Это объясняется тем, что сильные связи вряд ли дадут ему какую-либо новую информацию о вакансиях (так как члены его семьи или близкие друзья знают о том же, о чем и он), тогда как люди, с которыми его объединяют только слабые связи, например дальние знакомые, с большей вероятностью знают и людей и информацию из тех кругов, с которыми он вообще не знаком. Однако **если говорить о влиянии, то передающие информацию слабые**

связи менее ценны по сравнению с сильными связями, передающими влияние[1]. Кроме того, если бы порядок доступа не был открытым, информация вообще не была бы полезна, поскольку знание о ресурсе не означало бы автоматически, что к нему можно получить доступ. Иными словами, неявное допущение Грановеттера заключается в том, что наличие информации является необходимым и достаточным условием для получения доступа к ограниченному ресурсу или, точнее, для участия в конкуренции за него. Однако в реальности для такой ситуации требуются дополнительные условия.

Из двух ограничивающих условий следует, что перед принятием решения люди **минимизируют тормозящие факторы**. Из шести режимов идеального типа именно либеральные демократии предоставляют людям самый широкий спектр вариантов решений, потому что ни правящая элита, ни сами люди не имеют права ограничивать доступ к ресурсам на дискреционных основаниях. Более того, люди в этом типе режима обладают **наибольшей свободой устанавливать связи с другими людьми**, будь то связи политического, экономического или общинного характера. Минимизируя политические и социальные ограничения, либеральные демократии позволяют людям в соответствии с их предпочтениями и максимально свободно определять, с кем формировать (сильные или слабые) связи. Другими словами, социальное взаимодействие предполагает **свободный вход и свободный выход**. Естественно, люди могут столкнуться с различными (транзакционными) издержками или вступить в формальную связь, которую нельзя разорвать моментально. Однако соглашаться на такие условия никого не принуждают. При этом открытый тип доступа и разделение сфер социального действия гарантируют широчайший диапазон доступных альтернатив, если кто-то выбирает выход.

1 *Bian Y.* Bringing Strong Ties Back in: Indirect Ties, Network Bridges, and Job Searches in China // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. № 3. P. 366–385.

Согласно выводам, к которым пришел в одной из своих работ Альберт-Ласло Барабаши, в условиях свободного входа и выхода **развитие общественных сетей зависит в первую очередь от количества имеющихся у человека связей и способностей** их устанавливать[1]. В своей книге «Связанные» Барабаши указывает на то, что по мере роста сетей вероятность установления с кем-либо связи прямо пропорциональна популярности человека, то есть количеству уже имеющихся у него связей. Следовательно, более старые узлы в сети (акторы), которые сформировали в ней первые связи, предпочтительнее новых, у которых пока мало или совсем нет связей. Однако старые узлы не обладают неоспоримым преимуществом из-за наличия второго фактора, а именно способностей. Барабаши определяет способности как «чье-либо умение заводить дружбу, превосходящее умение других людей в округе; компетентность компании в привлечении и удержании клиентов в сравнении с другими компаниями; особый талант актера, позволяющий получать больше симпатий зрителей, по сравнению с другими начинающими актерами; свойство веб-сайта, заставляющее нас заходить на него ежедневно и отличающее его от миллиарда других сайтов, конкурирующих за наше внимание»[2]. Таким образом, хотя Барабаши и не высказывает этого явно, его примеры подразумевают, что у нас есть свобода выбирать, а формирование связей определяется в первую очередь нашими собственными предпочтениями, а не политическими или социальными факторами. По сути, под «способностями» Барабаши подразумевает **пригодность для рынка: способность удовлетворять спрос**, желания и потребности людей.

1 См. обзор его исследований в книге, написанной на манер учебника: *Barabási A.-L.* Network Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

2 *Barabási A.-L.* Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Everyday Life. Cambridge: Perseus Publishing, 2002. P. 95.

Поскольку чья-либо пригодность для рынка не зависит от количества его связей, новички в сети имеют возможность догнать «лидера», украсть у него клиентов или, по крайней мере, приблизиться к нему (как в случае с «лидером рынка»). Сочетая два этих фактора, сети «демонстрируют поведение „способный богатеет", при котором **наиболее способный узел неизбежно вырастает и становится самым крупным элементом сети. Лидерство победителя, однако, никогда не бывает неоспоримым**. За самым крупным элементом следует более мелкий, который приобретает почти столько же связей, что и самый способный узел. <...> Победитель делит лавры с непрерывной иерархией элементов» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1]. Если использовать язык науки о сетях, можно сказать, что так возникает так называемая безмасштабная сеть, и большинство общественных сетей повторяют эту модель[2].

Однако эта модель может существовать только в условиях свободного формирования связей. Люди должны иметь право оценивать пригодность для рынка свободно, в соответствии со своими потребностями и подобным же образом вступать в отношения (без принуждения). Кроме того, у них должна быть опция свободного выхода, то есть возможность покинуть старый узел, освободив его для более приспособленного новичка. **Институциональные гарантии либеральных демократий необходимы для развития и сохранения безмасштабных сетей**, а также для предотвращения роста тех сетей, в которых «победитель получает все». Барабаши приводит один пример такой сети, когда *Microsoft* объединила технологические инновации с особой рыночной стратегией и стала доминирующей фирмой на рынке операционных систем[3]. Тем не менее **отсутствие эффективной**

1 Ibid. P. 103–106.

2 *Barabási A.-L.* Network Science. P. 79–92 и др.

3 Ibid. P. 104–106.

конкуренции и смены лидера в порядках открытого доступа являются исключением, а не правилом, поскольку в современных конституционных государствах имеются различные нормативные акты, такие как антимонопольные законы, которые направлены на борьбу со схемой, где «победитель получает все», и на развитие безмасштабных моделей[1]. Иначе говоря, порядки открытого доступа стремятся к достижению и сохранению **плюрализма** или **мультипирамидальной системы** во всех сферах социального действия. Институты, предотвращающие конфликты интересов и доминирование традиционных общинных связей [▸ 5.3.6], придают исключительную гибкость порядкам открытого доступа либеральных демократий.

6.2.1.2. Порядки ограниченного доступа в коммунистических диктатурах и патрональных автократиях

То, что является исключением для порядков открытого доступа, представляет собой правило в порядках ограниченного доступа, которые стремятся **устранить плюрализм** в пользу **однопирамидальной системы**. К этой категории относятся и коммунистические диктатуры, и патрональные автократии, хотя эти типы режимов, предоставляя доступ к ресурсам своим правящим элитам, ограничивают его разными методами. Коммунистические диктатуры делают это открыто: они ликвидируют политическую и рыночную конкуренцию и заменяют их тоталитарной партией-государством с однопартийной системой правления [▸ 3.7.1.2] и централизованным государственным планированием [▸ 5.6.1], соответственно. Таким образом, номенклатура или партия-государство, которая является «ведущей силой общества», контролирует как подбор политических кадров [▸ 4.3.3], так и перераспределение

[1] Подробнее об антимонопольном законодательстве в США см.: *Posner R.* Antitrust Law. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

экономических ресурсов [▸ 5.5.6.2]. В свою очередь, формально открытый доступ к политическим ресурсам [▸ 4.3] в патрональных автократиях нейтрализуется через превращение конкурентных рынков в реляционные при помощи аннексионных механизмов патронализации [▸ 5.5.6.3] и предоставление доступа к экономическим ресурсам только акторам, принятым и в разной степени кооптированным в приемную политическую семью.

Такая среда **снижает ценность несущих информацию слабых связей**. Информация больше не является необходимым и достаточным условием для борьбы за ресурсы, поскольку никто кроме правящей элиты не имеет к ним доступа. Однако члены правящей элиты могут его получить, что **повышает ценность передающих влияние сильных связей**, в особенности тех, которые составляют правящую элиту. Таким образом, **и номенклатура, и приемная политическая семья — это иерархические сети сильных связей**, которые представляют собой единую пирамиду патрональной зависимости и вассалитет, который пронизывает их сверху донизу [▸ 2.2.2.2]. В обоих типах режимов требуется уже не информация и способности, а сильная связь с правителем и разрешение от него на доступ к ресурсам. **В коммунистических диктатурах** сильные связи номенклатуры носят формальный характер, а их потенциал передачи влияния открыто признается, ввиду того что номенклатура формально (и фактически) контролирует ресурсы режима. **Если кто-либо желает получить к ним доступ, он должен быть формально зачислен в партию-государство**, посредством чего с представителями власти формируются формальные сильные связи. В отличие от этого сильные связи приемной политической семьи **патрональных автократий** носят неформальный характер, а их потенциал передачи влияния отчасти скрыт. **Если кто-либо желает получить доступ к ресурсам, он должен быть неформально принят** в политическую семью, что означает,

что верховный патрон должен встроить его (или его семью [► 3.6.1.3]) в сеть[1].

Разумеется, **особенно хорошие шансы быть принятыми в семью** имеют люди, **у которых были хорошие отношения с верховным патроном** еще до того, как он возглавил режим. Леденёва отмечает, что такие связи могут быть как слабыми, так и сильными: они могут зародиться (1) в личном окружении верховного патрона, вокруг его персоны, и (2) в публичном окружении верховного патрона, в более безличной институциональной структуре, изначально не связанной с его личностью[2]. Анализируя постсоветскую Россию, Леденёва выделяет чистые типы связей с верховным патроном, включая сильные и слабые связи в обоих вышеупомянутых сферах (Таблица 6.2). Что касается личных отношений, то сильные связи формируются в «ближнем круге» верховного патрона из людей, среди которых протекает его жизнь (**семья и наиболее доверенные лица**), тогда как в публичной сфере они устанавливаются с членами «основных контактных групп» верховного патрона, с которыми его объединяет профессиональная деятельность (**члены партии, бывшие члены номенклатуры**). Слабые связи, в свою очередь, формируются (a) в частной сфере с «полезными друзьями», с которыми верховный патрон проводит свой досуг (**спорт, дача**), и (b) в публичной сфере с «периферийными контактами», с которыми его объединяет принадлежность к какой-либо группе или организации (**выпускники, соратники, члены какой-либо организации**). Однако **принятие в семью предполагает трансформацию первоначальных отношений в сильные связи патронализма.** Отношения, построенные на принципах взаимности, становятся иерархическими; и даже если первоначальные (формальные) связи

1 Ср.: *Lamberova N., Sonin K.* Economic Transition and the Rise of Alternative Institutions.

2 *Ledeneva A.* Can Russia Modernise? P. 52–56.

Таблиц 6.2: Типы индивидуальных и институциональных связей с верховным патроном. Переработанный материал на основании работы: Ledeneva A. Can Russia Modernise? P. 55

<table>
<tr><td>ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ</td><td colspan="2">Сильные связи</td><td></td></tr>
<tr><td rowspan="2">Частная сфера (ориентирована на личность)</td><td>1. «Ближний круг»: общая жизнь (семья и наиболее доверенные лица, личные дела)</td><td>3. «Ключевые контакты»: общая карьера (основатели партии, бывшие члены номенклатуры)</td><td rowspan="2">Публичная сфера (безличная)</td></tr>
<tr><td>2. «Полезные друзья»: общий досуг (спорт, дача)</td><td>4. «Опосредованные или периферийные контакты»: принадлежность к группе или организации (выпускники, соратники, члены какой-либо организации)</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="2">Слабые связи</td><td>ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ</td></tr>
</table>

сохраняются, неформальная принадлежность к приемной политической семье выходит на передний план. Дело в том, что верховный патрон должен доверять лицу, которое будет принято в семью, то есть он должен быть уверен, что этот человек будет ему лоялен. В большинстве случаев эта лояльность обеспечивается тем, что человек подвергается шантажу со стороны верховного патрона, чтобы в случае его нелояльности можно было прибегнуть к политически выборочному правоприменению [▸ 3.6.2.2, 4.3.5.2]. В результате получается не просто «сеть доверия»[1], а **сеть лояльности**, то есть сеть доверия с иерархическим подчинением и зависимостью.

Важно понимать, что, с точки зрения сетей, **необходимость зачисления или принятия в семью означает (1) отсутствие разделения сфер социального действия и (2) отсутствие свободного входа**, поскольку, чтобы иметь доступ

1 *Tilly C.* Trust and Rule.

к ресурсам, необходимо иметь политические связи, а решение о входе на рынок больше не принадлежит его потенциальному участнику. В отличие от либеральных демократий, где открытый доступ и формальное институциональное устройство предоставляют людям на выбор широкий спектр альтернатив, единственный выбор, который есть у индивидов в коммунистических диктатурах и патрональных автократиях, если они хотят получить доступ к ресурсам, это обратиться к правящей элите. Более того, решение о встраивании кого-либо в сеть принимает правящая элита, номенклатура или верховный патрон, и такое решение может быть принято даже без согласия на то соответствующего актора. Именно так и работает патронализация, будь то бюрократическая (как в коммунистических диктатурах) или неформальная (как в патрональных автократиях), если она применяется к какой-либо сфере социального действия.

Принятие в семью на основании личных связей с верховным патроном резко отличается от зачисления в номенклатуру, которое не зависит от таких связей с членами политбюро. Неслучайно ряды номенклатуры пополнялись через индивидуальный набор, а не «семейные подряды»: **от члена номенклатуры ожидалась бюрократическая лояльность партии, а не семейная лояльность его личным сетям сильных связей**. Надо признать, что непотизм был тоже распространен в том смысле, что дружеские и семейные связи с членом номенклатуры давали определенные неформальные, а также формальные привилегии. Но генеральный секретарь партии не мог назначить членов своей семьи или друзей, то есть людей, занимающих высокие позиции в его личной сети, в руководство государственных институтов в обход официального табеля чинов и должностей членов номенклатуры. В патрональных автократиях такие назначения являются обычным делом, поскольку значение имеет неформальная патрональная сеть, а не формальные

Таблица 6.3: Рост сетей в условиях отсутствия ограничений (при открытом доступе / в рыночной экономике) и под принуждением (при ограниченном доступе / в командной или реляционной экономике). На основе работы: Barabási A.-L. Linked.

	Рост	Предпочтительное присоединение	Пригодность	Модель сети
Открытый доступ: свободные вход и выход (рыночная экономика)		Рынок	Добровольное решение	
		Решение о присоединении обусловлено количеством связей →	Добровольное решение нового центра, обусловленное пригодностью для рынка →	Безмасштабная сеть (богатый богатеет)
	Развитие сетей ↗			
	↘			
Ограниченный доступ: несвободные вход и выход (командный и реляционный типы экономики)		Решение о присоединении обусловлено масштабом присваиваемых ресурсов →	Принудительное подчинение конкурирующих центров через пригодность для рынка →	Небезмасштабная сеть (победитель получает все)
		Патрональное	Принуждение	

институциональные требования[1]. Иными словами, коммунистическим диктатурам, как и либеральным демократиям, свойственно отделение общинной сети правителя от экономических и политических сетей (номенклатуры), тогда как патрональные автократии представляет собой интеграцию общинной сети правителя в экономические и политические сети (приемной политической семьи).

В Таблице 6.3 показана разница между формированием либеральных и патрональных сетей, с точки зрения Барабаши.

1 *Peyrouse S.* The Kazakh Neopatrimonial Regime: Balancing Uncertainties Among the «Family», Oligarchs and Technocrats // Demokratizatsiya. 2012. Vol. 20. № 4. P. 345–370; *Radnitz S.* Oil in the Family: Managing Presidential Succession in Azerbaijan // Coloured Revolutions and Authoritarian Reactions. London: Routledge, 2013. P. 60–77.

Как мы отмечали выше, в порядках открытого доступа, которые допускают свободное формирование связей, развитие сетей определяется популярностью узлов, с одной стороны, и пригодностью для рынка — с другой. В отличие от этого, в порядках ограниченного доступа бюрократических и неформальных патрональных режимов **присоединение сети обусловлено не количеством связей, а масштабом присваиваемых ресурсов**. Так обстоят дела уже в патрональных демократиях, где акторы могут выбирать из ряда конкурирующих патрональных сетей. В такой среде каждую сеть можно рассматривать как отдельный узел в сети общегосударственного уровня, которая объединяет значительную часть ресурсов государства. Ключевое различие между патрональными демократиями и автократиями состоит в том, что **в патрональных демократиях формируется,** по сути, **безмасштабная мультипирамидальная модель**. Изменение сетей происходит за счет их динамического равновесия и **меняющегося доступа к политическим ресурсам** [▸ 4.4.2.1]. Фактически ситуация, когда сеть оппозиции периодически заменяет собой сеть правящей политической элиты, аналогична такой ситуации на свободном рынке, когда новый, но более способный узел приобретает новые связи вместо старого узла. Разница между ними в том, что **в либеральных демократиях центральное положение в сети зависит от пригодности для рынка, а в патрональных демократиях — от пригодности для власти**. Приемная политическая семья, которая побеждает на выборах, становится наиболее пригодной на определенный избирательный срок, но поскольку у других сетей тоже есть ресурсы и шансы на победу на следующих выборах, они имеют практически такое же значение в сети общегосударственного уровня, как и сеть правящей политической семьи. Они, по выражению Барабаши, «делят одну и ту же сцену».

В однопирамидальных системах наблюдается радикально иная ситуация, поскольку там вместо добровольного выбора

нового центра по признаку пригодности для рынка (как в либеральных демократиях) или пригодности для власти (как в патрональных демократиях) происходит **принудительное подчинение конкурирующих центров**. Используя свою подавляющую пригодность для власти, то есть эффективную монополию на власть, правящая политическая элита нарушает автономию (существующих или потенциальных) центров власти и стремится встроить их в иерархическую сеть подчинения. **В коммунистических диктатурах правящая политическая элита тоталитарна, а другие сегменты элиты либо инкорпорированы, либо запрещены** [▸ 3.7.1.2]. **В патрональных автократиях правящая политическая элита носит неограниченный, монопольный патрональный характер и патронализирует альтернативные элитные группы** [▸ 3.7.1.3]. С точки зрения Барабаши, оба типа приводят к формированию безмасштабной свободной модели, где победитель получает все и где только правящая элита действительно пригодна для власти и обладает значительным объемом присваиваемых ресурсов.

6.2.2. Клиентарное общество: неравенство и социальная мобильность в патрональных автократиях

6.2.2.1. «Удушающий прием»: холодная патронализация и дорога к клиентарному обществу

В посткоммунистическом регионе порядок ограниченного доступа патрональных автократий сменяет либо (a) другой порядок ограниченного доступа, а именно коммунистическую диктатуру, либо (b) порядок открытого доступа, как правило патрональную демократию. Путь (a) был распространен в исламском историческом регионе, Азербайджане и советской Средней Азии, тогда как путь (b) более присущ православному и западно-христианскому историческим

регионам [▸ 1.3.1]. **Когда патрональная автократия возникала как преемница коммунистической диктатуры, это требовало изменений главным образом на уровне элит (правящей элиты), а не на уровне неэлит (людей).** Институциональная среда трансформировалась в формально демократическую, но людям так и не был предоставлен открытый доступ. Политическое руководство сменилось с номенклатуры на приемную политическую семью, которая избавилась от старой коммунистической партии и обосновалась в демократической среде как основанный на номенклатуре клан [▸ 3.6.2.1]. Приватизация в экономической сфере, которая могла бы гарантировать появление автономных (патрональных) сетей, была проведена лишь в незначительной степени [▸ 5.5.2]. Таким образом, как политические, так и экономические ресурсы оставались в руках правящей элиты, которая в силу этого могла ограничить к ним доступ, предоставив его только своим членам[1].

В свою очередь, в случае (b), **если трансформация происходила из порядка открытого доступа**, для ограничения доступа к ресурсам **необходимы были изменения как в экономической, так и в политической сфере**. Чтобы инициировать такие изменения, приемная политическая семья должна была добиться монополии на власть, фактически устранив разделение ветвей власти [▸ 4.4.3.1]. После этого верховный патрон может распоряжаться бескровными средствами государственного принуждения, то есть использовать политически выборочное правоприменение [▸ 4.3.5] и создавать законы [▸ 4.3.4.2] и нормативные акты [▸ 5.4.2] по индивидуальному заказу. Эти инструменты незаменимы, если требуется ограничить доступ к политическим и экономическим ресурсам. Для ограничения первого приемная политическая семья нейтрализует процесс публичного обсуждения и таким

1 Ср.: *Melvin N.* Uzbekistan. P. 29–60.

образом закрывает политический рынок, вход на который в конечном счете зависит от дискреционного решения верховного патрона [▸ 4.3]. Для ограничения последнего автономных олигархов лишают их статуса и вынуждают примкнуть к однопирамидальной сети [▸ 3.4.1.3], в то время как дискреционное регулирование и налогообложение, с одной стороны [▸ 5.4], и хищничество — с другой [▸ 5.5.3], приводят к развитию реляционной экономики. Иначе говоря, оба этих процесса представляют собой **патронализацию: политическую патронализацию**, в ходе которой формальные институты и связанные с ними акторы становятся частью мафиозного государства, и **экономическую патронализацию**, которая направлена на нейтрализацию и подчинение крупных экономических акторов. Акторы, не подвергающиеся патронализации, у которых все еще есть некоторые ресурсы, также не могут свободно их использовать, поскольку для мафиозного государства характерна широкая амплитуда произвола, что означает, что **приемная политическая семья может осуществлять вмешательство, когда посчитает нужным** [▸ 2.4.6]. В этом отношении патрональные автократии противоположны коммунистическим диктатурам, где порядок ограниченного доступа и контроль над экономикой обеспечиваются полной национализацией (бюрократической патронализацией) средств производства. В условиях патрональной автократии **достаточно одной лишь возможности произвольного захвата и контроля**, тогда как повседневные задачи по решению текущих вопросов оставлены на усмотрение формальных владельцев (и менеджеров).

Установление порядка ограниченного доступа патрональной автократии способствует патронализации третьей сферы социального действия — **общественной патронализации**. Этот термин не обязательно означает ликвидацию практики взаимного обмена в общинной сфере [▸ 3.2], скорее мы подразумеваем под ним патронализацию общества

в целом и обычных людей в более широком смысле. Некоторые случаи общественной патронализации предусматривают принудительное включение акторов в однопирамидальную структуру, особенно среди высших и низших слоев общества. Однако наиболее типичной является опосредованная форма патронализации, которую можно назвать «**холодной патронализацией**»[1]. В предыдущей главе мы дали определение холодной национализации как национализации среды, в результате которой у актора, желающего заниматься бизнесом, не остается других вариантов, кроме как стать частью государства [▸ 5.5.3.3]. Точно так же холодная патронализация означает, что **патронализируется социальная среда человека**. Создавая, по сути, порядок ограниченного доступа, приемная политическая семья ликвидирует альтернативные, независимые центры важных экономических и политических ресурсов, и чем выше слой социальной иерархии, тем более широкий размах это приобретает. Таким образом, с чем большим количеством людей связан определенный институт или актор, либо чем более прибыльным является ресурс, тем больше вероятность, что приемная политическая семья захватит его [▸ 5.5.4.1]. Следовательно, у тех, кто хочет воспользоваться этими возможностями, нет другого выбора, помимо приемной политической семьи, которая постоянно приумножает (вероятно, независимые от нее формально, но связанные с ней неформально) точки доступа. Именно так во многих различных сегментах общества выстраивается описанная выше **схема «победитель получает все»: у людей нет возможности выбирать из ряда вариантов** наиболее пригодный или популярный. У них есть только одна опция — приемная политическая семья, которую они вынуждены выбирать, если хотят получить доступ к ресурсам. **Свободный спрос ограничен отсутствием свободного предложения**, а общественные сети,

[1] Более точным здесь является понятие «холодная общественная патронализация», но для краткости мы опускаем слово «общественная».

в которые добровольно объединяются акторы, заменяются монопольными структурами[1].

Общественная патронализация напрямую влияет на восходящую **социальную мобильность**, под которой мы понимаем возможность перейти из более низкой в социальной иерархии группы в более высокую, поскольку патронализация приводит не только к обесцениванию силы слабых связей но и к тому, что доступ — особенно к наиболее ценным ресурсам — начинает зависеть от патрональных связей и разрешения патрона. **Чем выше по иерархической лестнице забирается человек, тем больше патрональных барьеров он встречает на своем пути**: тем больше ему требуется разрешений (от все более и более влиятельных патронов) и тем более сильные связи ему необходимо устанавливать с приемной политической семьей. Возможность преодоления этих патрональных барьеров вовсе не очевидна, иначе это не было бы порядком ограниченного доступа. Точнее, эти барьеры зависят не от объективных, нормативных и универсальных критериев, как в условиях либеральной демократии и рыночной экономики, а от дискреционного решения патрона. Таким образом, суть ограниченного доступа заключается в том, что этот **доступ предоставляется не всем и имеет вид дискреционного подарка**. Патрон может отдавать предпочтение одним и отказывать в нем другим. По мере движения вверх по социальной иерархии доступ к ресурсам становится все более ограниченным, а право на него имеют только избранные (принятые в семью), тогда как множеству людей, не входящих в семью, в нем отказано. Кроме того, получение определенного статуса

[1] Общественная патронализация есть и в патрональных демократиях, а диапазон вариантов выбора значительно ограничен по сравнению с таковым в либеральных демократиях. Однако поскольку ни одна патрональная сеть не занимает доминирующее положение, люди могут выбирать из ряда конкурирующих патронально-клиентарных сетей, а некоторые акторы могут даже сохранять автономность, так как патрональные сети не могут патронализировать все ресурсы в обществе [▸ 3.4.1.3, 4.4.2.1].

в рядах приемной политической семьи означает, что человек также (1) **утрачивает автономию** и попадает под контроль своего патрона, а в итоге — верховного патрона и (2) **теряет возможность свободного выхода**. В порядках открытого доступа каждый волен выйти из отношений, потому что у него есть множество опций, а отказавшись от одной из них (например, от предложения какого-либо человека или организации), он не лишится всех остальных. Другими словами, тот, с кем он разрывает отношения, не имеет никакого контроля над другими опциями, особенно дискреционного контроля, который позволил бы лишить доступа к ресурсам конкретного неугодного человека. Однако в порядках ограниченного доступа выход не является свободным, потому что правящая элита — это единственный доступный вариант. В патрональных автократиях приемная политическая семья, формально или неформально, но дискреционным образом контролирует широкий набор альтернатив. Естественно, некоторые из альтернатив могут быть вне его контроля, но в рамках режима он контролирует, как правило, большинство из них (1) на том же социальном уровне, что и желающий выйти из отношений человек, и (2) на более высоких социальных уровнях. Если кто-либо пытается совершить выход, особенно когда его действия сопровождаются нелояльностью [▸ 3.6.2.4], то **он рискует потерять социальный статус, так как приемная политическая семья может отказать ему в доступе**. Это означает, что патрон может при помощи экзистенциальных угроз заставить своих клиентов подчиняться, то есть не проявлять автономию и не делать выбор на основании личных предпочтений [▸ 2.2].

Метафора, которая наилучшим образом отражает суть патронализации, — это **удушающий прием**, особенно потому, что, когда нападающий обхватывает шею противника, первый не всегда убивает последнего, но не дает ему двигаться и контролирует количество поступаемого воздуха. В патрональной

среде это аналогично **устранению возможности автономного действия**. Если кто-либо не совершает действий, то есть действует так, чтобы это соответствовало или не препятствовало реализации целей приемной политической семьи, он может вообще никогда не стать добычей и свободно жить, не подвергаясь дискреционным наказаниям. Но на самом деле рука всегда держит его за шею, ведь такова ситуация зависимости, в которой (верховный) патрон может отобрать либо (a) то, что человек приобрел самостоятельно, либо (b) некоторые ресурсы или положение, которые дискреционно предоставила ему приемная политическая семья и таким же образом может забрать. Если человек, находясь в иллюзии отсутствия репрессий, попытается сделать самостоятельное движение на свое усмотрение, хватка внезапно сожмется и репрессии станут ощутимы. Суть удушающего приема заключается в следующем: **держать актора или институт на привязи, постоянно поддерживая при этом нормативную базу для возможных репрессий**. Таким образом, удушающий захват — это **типичная форма подавления, которую применяют патрональные автократии**, что отличает их от коммунистических диктатур с их массовым террором. Хотя из-за отсутствия явных репрессий поверхностный наблюдатель может прийти к выводу, что рассматриваемый режим является свободным и демократическим, даже на первый взгляд — свободных акторов всегда обхватывает за шею рука патронов приемной политической семьи, правда, пока что не очень крепко. Утверждая, что патрональная автократия, и в частности верховный патрон, стремятся устранить автономию во всех социальных сферах, мы имеем в виду, что они хотят сделать удушающий прием универсальным. Патронализация может носить политический или экономический характер, но ее главная цель — это всегда нейтрализация [▸ 4.3], то есть предотвращение не действий как таковых, а автономной деятельности, противоречащей интересам приемной политической семьи.

Поскольку опция свободного выхода недоступна, единственным выполнимым способом покинуть патрональную автократию становится **выход из режима**. Тогда как в реально существовавших коммунистических диктатурах границы были закрыты, в патрональных автократиях переезд в другую страну возможен, если кто-либо не желает вписываться в порядок ограниченного доступа приемной политической семьи. **Побег или «добровольное изгнание»** делает мобильность для людей за пределами приемной политической семьи возможной, но также означает, что этот человек «выбывает из игры», то есть из общества этого государства. **Побег не способствует тому, что структура общества на подвластной патрону территории становится более открытой, наоборот**: поскольку режим покидают наиболее настойчивые антирежимные элементы, а остаются только те, кого легче контролировать, режим может консолидировать и укреплять социальный порядок практически беспрепятственно [▸ 4.4.3.2].

6.2.2.2. Понятие клиентарности и клиентарного общества

Вышеописанные препятствия и ограничения социальной мобильности приводят к своего рода пилларизации[1] общества или, точнее, к возникновению того, что мы называем **клиентарным обществом**. «Клиентарность» обозначает не просто патрональные отношения. Клиенты — это базовый тип социальной группы, которую можно использовать для анализа социальной иерархии патрональных автократий. Низкий уровень социальной мобильности, как правило, вызывает соблазн использовать исторические аналогии с «кастами» и феодальными сословиями или, используя язык

[1] Слово происходит от англ. *pillar* — «столп, опора» и обозначает признание глубокого социального раскола и его легитимацию путем предоставления институциональной автономии организованным общественным группам (*прим. пер.*).

Таблица 6.4: Типы социальных групп в различных социальных порядках

	Тип социального порядка	Формальность положения	Вероятность восходящей мобильности	Вероятность лишиться статуса
Каста	ограниченного доступа	формализованное	низкая	нет
Сословие	ограниченного доступа	формализованное	умеренная	нет
Класс	открытого доступа	неформализованное	умеренная / высокая	нет
Клиенты	ограниченного доступа	неформализованное	низкая / умеренная	есть

классической социологии, говорить о застывшей «классовой» структуре. Однако мы утверждаем, что понятие «клиенты» не только позволяет избежать путаницы, связанной с неартикулированными коннотациями упомянутых терминов, но также позволяет эффективно анализировать патронализированные социальные группы и их поведение в политических системах.

В Таблице 6.4 приведены основные характеристики вышеупомянутых понятий. Термин «**каста**» обозначает **формализованную** социальную единицу, легитимация которой происходит, как правило, через религию и для которой свойственна наследственная передача общественного статуса (часто профессии), а также традиционных паттернов социального взаимодействия и изоляции, сложившихся на основе **открыто используемых понятий о ритуальной чистоте / нечистоте**[1]. В кастовой системе вероятность социальной мобильности очень низкая, но жесткие ограничения между уровнями социальной иерархии обусловлены законами и обычаями (религией), а не волюнтаристским решением одного из представителей более высокой касты. Как отмечает Луи Дюмон в своей фундаментальной работе о кастовой системе Индии, «касты обособляются одни

[1] *Дюмон Л.* Homo Hierarchicus. Опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001.

от других» через запрет на экзогамию, а также на «контакты между представителями разных групп и совместное принятие ими пищи»[1]. В таких условиях ни один человек не может повлиять на изменение своего или чьего-либо статуса. **Никто не может быть лишен своего кастового статуса**, равно как и не может быть принят в более высокую касту на основании лояльности и чьего-либо дискреционного решения.

Точно так же **феодальные сословия** закрепляли за элитой определенные привилегии при помощи права[2]. Вероятность социальной мобильности была умеренной, то есть не такой низкой, как в кастовой системе[3], а принадлежность к сословию означала, что соответствующие ему привилегии гарантированы и не зависят от прихоти феодала.

Как пишет Вебер, «характер ленных отношений совершенно противоположен той нестабильности властных позиций и широте произвола господина, что присущи чистому патримониализму. [Патримониальное] поместье в эпоху рыцарского милитаризма порождает <...> закрепляемые контрактом ленные отношения верности. Личный долг верности так же высвобождается здесь из совокупности домашних отношений и обязательств, и на его основе формируется космос прав и обязанностей <...>. [Феодальная] верность вассалов господину может и должна пониматься также как оповседневнивание некоторого уже не патримониального, а харизматического отношения»[4]. К тому же, **монарх** иногда дискреционно и на основании нелояльности (государственной измены) **мог лишить кого-либо богатства и свободы, но не мог лишить его статуса** [▸ 3.6.1.2]. Верно и то, что статус иногда можно было

1 *Дюмон Л.* Homo Hierarchicus. С. 134.

2 *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 110–113.

3 *Herlihy D.* Three Patterns of Social Mobility in Medieval History // Social Mobility and Modernization: A Journal of Interdisciplinary History Reader. Cambridge: MIT Press, 2000. P. 19–43.

4 *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 4. С. 137–138.

получить по решению монарха, если он хотел даровать кому-либо титул лорда, однако для этого требовалась формальная процедура вступления в формализованную социальную группу. В этом типе исторического порядка ограниченного доступа формальный и фактический статус прав и обязанностей социальных групп, таких как дворяне, духовенство и крепостные, совпадали. Входящие в сословия люди обладали более или менее однородными правами и обязанностями, а также горизонтальными связями внутри своего сословия.

К понятию «**класс**» мы уже обращались, когда рассматривали приемную политическую семью и указывали на то, почему она не может считаться правящим классом [▸ 3.6.1.1]. В свете вышеизложенного термин «класс» **при описании патронального общества** также **вводит в заблуждение**. В современных порядках открытого доступа, таких как либеральные демократии[1], «классы» — это **неформализованные группы, формирование которых обусловлено не законом, а безличными, динамичными силами капитализма**[2]. Вероятность внутриклассовой восходящей мобильности варьируется от умеренной до высокой, в зависимости от уровня экономического развития и проводимой социальной политики. Тем не менее, как мы упоминали выше, современные либеральные демократии представляют собой государства всеобщего благоденствия, а равенство возможностей является главной заботой политиков, которые стремятся сделать доступ к ресурсам максимально открытым [▸ 2.6]. Следовательно, вероятность восходящей социальной мобильности в них выше, чем в порядках ограниченного доступа, где она постоянно встречает различные (как формальные, так и неформальные) препятствия.

1 Мы ограничили наш критический анализ классов, включив в него только современные демократические режимы, потому что хотели прояснить, почему классовый анализ, применяемый к этим современным случаям, не применим к патрональному режиму.

2 *Wright E.* Understanding Class.

В порядках открытого доступа **никто не может быть** дискреционным образом **лишен своего классового статуса.** Поскольку институциональная среда препятствует развитию монополистических структур в отношении различных ресурсов, у людей, если они лишаются своего доступа (например, теряют работу и т. д.), обычно есть на выбор несколько вариантов. **Сеть социальной защиты** государства всеобщего благоденствия предоставляет набор нормативных, универсальных или предоставляемых с учетом нуждаемости льгот, направленных на то, чтобы сделать экзистенциальные последствия этой потери менее серьезными[1]. Иными словами, целью порядков открытого доступа является **предотвращение ситуации, в которой потенциальная утрата связей может стать экзистенциальной угрозой.** Если эта цель выполняется в порядке открытого доступа идеального типа, никто не может потерять свой классовый статус в результате дискреционного решения того, кто является источником дохода, работодателя или государства. Таким образом, **представители классов сохраняют свою автономию**[2].

В патрональных автократиях, где фактический доступ имеет ограниченный характер, а формальное социальное расслоение остается таким же, социальные группы становятся **клиентарными**, а их определение можно сформулировать следующим образом:

- ***Клиенты*** *— это социальная группа, которая зависит от ресурсов, предоставляемых правящей элитой на дискреционной основе. В результате представители этой группы*

1 *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Ср.: *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 222–226.

2 Некоторые авторы интерпретируют демократию как «классовый компромисс», где классовая борьба трансформируется в мирные переговоры в рамках нормативных формальных институтов. См.: *Korpi W.* The Democratic Class Struggle. London; Boston: Routledge Kegan & Paul, 1983; *Streeck W.* Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism. London; New York: Verso Books, 2014.

подвергаются принуждению со стороны правящей элиты, которая может лишить их ресурсов, от которых они зависят, создавая для них тем самым экзистенциальную угрозу. Чем более зависимы клиенты, тем больше по сравнению с правящей элитой ограничена их автономия.

Группы клиентов, как и классы, **не формализованы**, но в отличие от последних у них нет автономии, и они не определяются своим отношением к производственной собственности как таковой. Скорее **они определяются через свои отношения с правящей элитой**, а именно через зависимость от ресурсов приемной политической семьи. Границы групп клиентов можно очертить в соответствии с тем, как создается и поддерживается их зависимость: через рабочие места (возможно, разными способами в различных секторах экономики), через уязвимые стороны предпринимательской деятельности, через дискреционные государственные льготы и т. д. Как мы отмечали выше, приемная политическая семья может дискреционно отказывать в доступе к этим ресурсам, не оставляя при этом человеку никаких других альтернатив. Так, приемная политическая семья может создавать серьезные экзистенциальные угрозы, а **статуса клиента можно лишиться**. Таково ключевое различие между клиентами и тремя другими социальными группами, описанными выше. В порядке ограниченного доступа **люди становятся зависимы** от огромного количества точек доступа к ресурсам, которыми распоряжается приемная политическая семья и с помощью которых режим может добиться подчинения и увеличить риск (стоимость) политического сопротивления. Например, в России доступ к примерно 50% рабочих мест контролируется приемной политической семьей Путина, в то время как другим работодателям постоянно угрожает потенциальное хищничество, если их действия не соответствуют ожиданиям приемной политической семьи (см. Текстовую вставку 6.2). Что касается социальных связей,

то ключевая черта групп клиентов заключается в том, что **формирование в них новых связей может нанести вред старым**, а также потенциальному формированию дальнейших связей. То есть **клиент может сохранить хорошие отношения с патроном, если не формирует связей с врагами патрона** или, в более общем смысле, с людьми, чья выгода не входит в интересы патрона.

Текстовая вставка 6.2: Формирование клиентуры в России через ограниченный доступ

Доступ к рабочим местам <...> отражает уровень дохода российских граждан. В 2013 году доля поддерживаемых государством рабочих мест в российской экономике оценивалась примерно в 24,5%, тогда как в 2014 году эта цифра, по некоторым оценкам, превышала 30%. Согласно отчету Всемирного банка за 2013 год, в течение 2008–2010 годов <...> уровень занятости в России в сфере государственного управления, обороны и образования превышал средние показатели. Кроме того, заработная плата за этот труд по сравнению с другими секторами экономики часто была конкурентоспособной. Однако российское правительство контролирует и многие частные компании, особенно те, что имеют высокую капитализацию на рынке и относятся к сфере горнодобывающей промышленности, энергетики, транспорта, коммуникаций, финансов и т. д. Это позволяет правительству контролировать доступ к рабочим местам в частном секторе. К 2006 году правительство России контролировало около 30% капитала российских частных компаний <...>, [и], весьма вероятно, что более 50% рабочих мест в российской экономике напрямую зависят от правительства России. Кроме того, <...> частный бизнес в России очень уязвим перед давлением со стороны государства (санитарные инспекции, обвинения в уклонении от уплаты налогов, лицензирование, возможность получить кредит и т. д.) <...>. По сути, благодаря этой зависимости, российское правительство фактически выстроило патронально-клиентарные

> отношения с частью среднего класса страны. [Правящая элита] сумела «приручить» граждан, выплата заработной платы которых зависит от правительства[1].

Некоторые из типичных для клиентарного общества явлений рассматривались в литературе, посвященной клиентелизму. Сьюзан Стоукс определяет политический клиентелизм как «предоставление патроном материальных благ избирателям в обмен на их поддержку, для которого он использует простой критерий: поддержали ли вы меня / будете ли вы меня поддерживать?»[2] В качестве разновидностей клиентелизма Стоукс называет (1) подкуп голосов, определяемый как «обмен товарами (льготами, защитой) за чей-либо голос», и (2) патронаж, который она определяет как «предоставляемые чиновниками государственные ресурсы (чаще всего, занятость в государственном секторе) в обмен на поддержку избирателей»[3]. Тогда как литература о клиентелизме в порядках ограниченного доступа позволяет получить представление о том, как функционирует клиентарное общество[4], клиентелизм — это явление, которое одновременно и шире, и уже, чем клиентарное общество. Оно шире, потому что покупка голосов и патронаж существуют и в порядках открытого

1 *Minzarari D.* Disarming Public Protests in Russia: Transforming Public Goods into Private Goods // Stubborn Structures. P. 400–401.

2 *Stokes S.* Political Clientelism // The Oxford Handbook of Political Science / ed. by R.E. Goodin. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 649.

3 Ibid. P. 650.

4 Например, см.: *Magaloni B.* Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Тем не менее, как справедливо отмечает Клима, «не стоит связывать <...> посткоммунистические [неформальные сети] в первую очередь с избирательной ареной или покупкой голосов». Избирательная составляющая, а точнее, электорализм как партийная стратегия, предполагающая распределение государственных ресурсов в пользу электоральной и политической клиентуры, не является ключевой чертой посткоммунистических [неформальных сетей] (*Klíma M.* Informal Politics in Post-Communist Europe. P. 19).

доступа[1], где они представляют собой единичные разрозненные акты в отделенной от других политической сфере с целью приобретения поддержки акторов, принадлежащих к другим сферам социального действия. Таким образом, клиентелизм не предполагает постоянную патрональную зависимость и не влияет на автономию избирателей, то есть свободный вход и выход с точки зрения избирательных баз партий. Клиентелизм в порядках открытого доступа не включает в себя патронализацию и не подразумевает сокращение возможностей избирателей получить доступ к другим ресурсам, не зависящим от правящей элиты, а следовательно, клиентелизм не всегда означает принуждение и угрозы ненасильственного характера. В то же время понятие клиентелизма более узкое, потому что фокусируется исключительно на предоставлении материальной поддержки (или отказа в ней) в обмен на поддержку на выборах (или отказ в ней). Поддержка на выборах возникает как следствие положения клиента, но это лишь следствие, к тому же не единственное. В контексте клиентарности всегда стоит иметь в виду неизменный зависимый статус людей, благодаря чему можно анализировать (a) разнообразие методов создания клиентуры, применяемых в рамках общественной патронализации, и (b) целый ряд социально-психологических последствий, связанных с более широким понятием стабильности режима.

Группы в клиентарных обществах можно разделить на два типа: (1) группы клиентов, которые характеризуются тем, как формируется и поддерживается их зависимое положение; и (2) **неклиентарные группы**, которые **характеризуются тем, как им удается избегать подчинения**. Наличие таких групп могут определять следующие три причины:

- их члены имеют право на **нормативные государственные льготы**, обеспечивающие базовые условия существования,

[1] *Kitschelt H.* Patrons, Clients and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007.

которые государство не может аннулировать дискреционным образом и в индивидуальном порядке (пенсионеры, студенты и т. д.);

• они являются представителями **класса капиталистов**, что означает, что у них есть предпринимательский опыт, ориентированные на экспорт компании, и/или уже накопленный капитал, приобретенный на тех рынках, которые не были аннексированы приемной политической семьей;

• их члены могут предложить такие незначительные выгоды или их деятельность, если ей не препятствовать, представляет собой настолько небольшой политический риск, что приемная политическая семья считает, что они **не имеют** особого **значения**.

Неклиентарные группы могут обладать некоторой автономией по отношению к приемной политической семье, однако их социальный вес зависит от того, предшествовал ли патрональной автократии период относительно свободного накопления частного капитала. Если порядок ограниченного доступа сформировался из порядка открытого доступа, у неклиентарных групп больше шансов на возникновение, чем если он сформировался непосредственно из коммунистической диктатуры[1]. Однако даже в таких случаях мафиозное государство может (1) сократить количество и удельный вес этих групп с помощью различных мер, включая экономическую и холодную общественную патронализацию собственников капитала и предпринимателей, и (2) прибегнуть к клиентелизму в форме бюджетного вмешательства, раздавая в попытке заручиться их поддержкой на выборах, сверх нормативного и автоматического повышения льгот, еще и случайные подарки [▸ 5.4.3.3].

[1] Фабри утверждает, что в Венгрии, когда она являлась порядком открытого доступа, политические ошибки подорвали социальную мобильность, и поэтому устойчивый класс буржуазии не смог развиться. См.: *Fabry A.* The Political Economy of Hungary: From State Capitalism to Authoritarian Neoliberalism. Pivot. London: Palgrave Macmillan, 2019. Также см.: *Radnitz S.* The Color of Money.

Анализ общества в условиях патрональной автократии с точки зрения групп клиентов, а не классов или каст, имеет множество преимуществ. Во-первых, он позволяет проводить целевой анализ социальной динамики и мотивации групп, однородных в аспекте их отношений подчинения. Поскольку большое количество людей попадает в число клиентов, становится возможным анализировать значительную часть общества, не используя ведущую к неверным умозаключениям уже существующую терминологию. Во-вторых, с его помощью можно анализировать общественные события с позиции политико-экономической системы, то есть режима как целого. Рассматривая клиентов в целом и патронализацию общества в частности, можно установить связь между процессами, описанными в предыдущих главах, и политикой и экономикой, а также жизнью обычных людей и общества в целом. Эта связь означает, что терминология клиентарного общества вписывается в согласованную концептуальную структуру, которая позволяет проводить целостный и междисциплинарный анализ посткоммунистических режимов, которые сокращают каналы социальной мобильности и получают над ними контроль.

Наконец, понятие клиентарности предполагает, что в основу социологического анализа можно поместить новый фундамент и в отношении других аспектов общества. Возьмем для иллюстрации два наиболее важных примера. Во-первых, концепция **клиентарного общества требует нового подхода к понятию неравенства**. Фокусируясь на проблемах неравенства **на Западе**, современные социологи и экономисты говорят о **рыночном неравенстве**, то есть разнице в состоянии и доходах, которая является следствием капиталистических механизмов и рыночной экономики[1]. Некоторые авторы рассматривают извлечение ренты как основной источник

[1] Две фундаментальные работы на эту тему см.: *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015; *Аткинсон Э.* Неравенство: как с ним быть? М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

неравенства[1], а деформирующий механизм лоббирования [▸ 5.6.1.3] также был признан направляющим развитие экономики в пользу богатых. Однако в клиентарном обществе ни добровольные решения участников рынка, ни кооперация отдельных политических и экономических элит не являются источниками неравенства и не закрепляют его. Получается, что конкурентные рынки не просто деформированы, но аннексированы при помощи различных механизмов патронализации [▸ 5.6.1.3], а неравенство между клиентами проистекает из (1) их положения в однопирамидальной патрональной иерархии и (2) дискреционных решений верховного патрона. С одной стороны, доступ к ресурсам предоставляется только определенным людям, под которых заточены различные формы дискреционных государственных расходов (например, госзакупки, обладающие коррупционным потенциалом [▸ 5.3.3.3]). Они добираются до верхних слоев социальной иерархии, хотя их собственность носит условный характер, ведь своим положением они обязаны прихоти верховного патрона, который также может «списать их со счетов», отняв у них собственность, — отсюда и распространенная в России шутка: «в России нет миллиардеров — есть только люди, работающие миллиардерами»[2]. С другой стороны, преуспевающие собственники капитала, не вовлеченные в эту систему власти-собственности [▸ 5.5.3.5], становятся мишенью для элитистских способов расходования бюджета. Они представляют собой одну из вышеупомянутых неклиентарных групп, которая получает прибыль от социальной политики, способствуя увеличению разрыва между богатыми и бедными[3]. Этот краткий анализ **патронального неравенства**, который берет за основу логику патронализма, а не свободного рынка, уже

1 *Szelényi I., Mihályi P.* Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality.

2 *Markus S.* The Atlas That Has Not Shrugged. P. 103.

3 *Krémer B.* The Social Policy of the Mafia State and Its Impact on Social Structure // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 181–231.

показывает, как новый аналитический язык, встроенный в более широкие рамки нашей структуры, может создать благодатную почву для исследования социальных различий в посткоммунистических обществах.

Во-вторых, **клиентарное общество требует нового подхода к статусу наемного труда.** Как мы упоминали выше, работающие по найму люди относятся к числу тех, кто лишен автономии, поскольку они попадают в зависимость от точек доступа к ресурсам, которыми распоряжается приемная политическая семья. Одним из важных способов, позволяющих понизить статус работников, а также сделать очевидным их шаткое положение в целом, является разрушение защищающих их формальных институтов, включая права трудящихся и профсоюзы. Некоторые авторы левого толка интерпретируют это как «**отмену госрегулирования**», которая вписывается в «программу неолиберализма»[1]. Однако если принять во внимание более широкий контекст клиентарного общества, можно увидеть, что **неолиберальная концепция вводит в заблуждение, если речь идет об анализе социальных отношений в патрональных автократиях**, причем как на уровне работников, так и работодателей. На уровне работников неолиберализм предлагает сократить трудовые права и перейти от коллективных переговоров на высоком уровне к более низкому уровню фирмы или рабочего места[2]. В результате этого уязвимость работника перед работодателем увеличивается. Однако неолиберальные реформы

1 *Pásztóy A.* A Munka Neoliberális Világa Egy Illiberális Demokráciában [Неолиберальная трудовая деятельность в нелиберальной демократии] // Neoliberális Hegemónia Magyarországon: Elemzés És Kritika [Неолиберальная гегемония в Венгрии: анализ и критика] / ed. by A. Antal. Progress Könyvek. Budapest: Noran Libro, 2019. P. 74–92; *Charman K.* Kazakhstan: A State-Led Liberalized Market Economy? // In Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. P. 165–182.

2 *Baccaro L., Howell C.* A Common Neoliberal Trajectory: The Transformation of Industrial Relations in Advanced Capitalism // Politics & Society. 2011. Vol. 39. № 4. P. 521–563.

не способствуют ни формированию порядка ограниченного доступа, ни трансформации статуса работодателя в патрональ-но-клиентарный статус по отношению к приемной политической семье. Напротив, неолиберализм предлагает рыночную экономику, индивидуализм и безличные реформы, и при этом не благоприятствует установлению персональных сильных связей с доминирующей патрональной сетью вместо защиты трудовых прав. Если **неолиберализм — это атомизация, то патронализм — вассализация**. На уровне работодателей неолиберальные реформы в сфере труда «служат расширению дискреционных полномочий работодателя», то есть расширению прав и возможностей работодателей по сравнению с работниками[1]. Напротив, **в патрональных автократиях снижаются возможности и работодателей, и наемных работников**, которые вынужденно получают статус клиентов через патронализацию. Тогда как в условиях неолиберализма формальное расширение прав и возможностей работодателей приводит и к фактическому расширению их полномочий, в клиентарном обществе они не связаны. По сути, работодатель является либо (a) членом приемной политической семьи, например олигархом или подставным лицом, и в этом случае он может осуществлять свои формальные права собственности лишь частично (верховный патрон фактически концентрирует в своих руках некоторые из эндогенных прав [▸ 5.5.3.4]), либо (b) сторонним лицом, например малым или средним предпринимателем с низкой стоимостью в фазе выслеживания [▸ 5.5.4.1], чья собственность, тем не менее, носит условный характер. Это означает, что верховный патрон может принять решение о борьбе с любым собственником, который уволит кого-либо или примет на работу вопреки ожиданиям патрона. Таким образом, **именно верховный патрон, а не работодатель имеет максимальную амплитуду произвола** [▸ 2.4.6],

1 Ibid. P. 523–528.

поскольку формально расширенная «свобода действий работодателя» должна использоваться для политической дискриминации, а не в целях (получения прибыли) конкретного работодателя. Несомненно, в плане условий труда олигарх может иметь больше прав по сравнению со своими наемными работниками, однако он по-прежнему остается субпатроном в однопирамидальной патрональной сети с ограниченной автономией и правами собственности[1]. В итоге **не работодатель ограничивает автономию своих сотрудников, но верховный патрон ограничивает автономию их обоих**. Нарушение автономии в условиях клиентарного общества не вписывается в программу неолиберализма, которая может быть реализована в консервативных автократиях (как было, например, в Чили времен Пиночета с его сдерживающим планом *Plan Laboral*)[2], но вписывается в программу патронализации, который реализуется в рамках патрональных автократий.

Подводя итог, можно сказать, что на место общественного устройства, отражающего классовую структуру с автономным правовым статусом, и достижений, обеспечиваемых посредством рыночных механизмов, патронально-клиентарные отношения, упорядоченные в иерархические цепочки, захватывают всю вертикальную плоскость клиентарного общества. Приемная политическая семья — это складывающееся вокруг фигуры верховного патрона через сильные связи властное

1 В некоторых патрональных автократиях крупные иностранные капиталисты могут добиться неклиентарного статуса, как правило, когда страна зависит от прямых иностранных инвестиций. Мы вернемся к этому характерному для стран явлению в Главе 7 [▸ 7.4.5]. На данном этапе достаточно отметить, что (зачастую сильных) иностранных капиталистов и местных олигархов с подставными лицами следует рассматривать отдельно. Первые образуют бизнес-группу, а вторые подчиняются неформальной патрональной сети [▸ 5.4.2.3].

2 *Buchanan P. G.* Preauthoritarian Institutions and Postauthoritarian Outcomes: Labor Politics in Chile and Uruguay // Latin American Politics and Society. 2008. Vol. 50. № 1. P. 59–89. Стоит подчеркнуть, что Чили была близка к консервативной автократии только с точки зрения непатрональной экономики в рамках однопирамидальной сети власти, при том что она также являлась военной хунтой [▸ Заключение].

иерархическое образование с единым центром. **В патрональную сеть нет свободного входа, а лишь принятие, вынужденное вступление и подчинение; и нет свободного выхода, а только изгнание.** Порядок открытого доступа либеральных демократий, функционирующий на основе массовых слабых связей в святилище институциональных гарантий, заменяется по мере уничтожения этих гарантий на мир, основанный на малом количестве сильных связей. **На смену безличных, нормативных, правовых отношений приходят дискреционные патрональные связи.** В коммунистических диктатурах подчинение основано на открытом, тотальном и в конечном счете непосредственном физическом насилии, и осуществляется в более или менее однородном классовом положении. Однако в патрональных автократиях при наличии институтов, формально свидетельствующих о власти закона [▸ 4.3.5], патронально-клиентарные отношения приходится устанавливать множеством различных способов. Процесс подчинения в разных социальных группах осуществляется с применением различных технологий, и означает не стерильное институциональное подчинение, а, по сути, структурированную интеграцию в сеть личной зависимости и лояльности.

6.2.2.3. Клиентарные группы среднего уровня в политической и экономической сферах: «служилые дворяне» и «придворные поставщики»

Говоря о стратификации клиентарного общества, **следует использовать не термины «средний и низший класс», но скорее — клиентарные и неклиентарные группы среднего и низкого уровней.** Эти группы, как правило, не совпадают с классами и представляют собой различные вассальные цепочки или их отсутствие на различных уровнях социальной пирамиды. В целом создание **клиентарного общества предполагает устранение возможностей для автономного**

существования и создание условий для формирования зависимости от режима или, точнее, ситуации «удушающего приема». Конкретные методы прямой и холодной общественной патронализации, как правило, варьируются от клиента к клиенту, и каждое мафиозное государство разрабатывает собственный арсенал средств патрональной политики для достижения институциональной, финансовой и личной зависимости членов общества [▸ 7.4.7.1]. Поскольку разнообразие клиентарных групп зависит от конкретной страны, нет смысла разрабатывать полную типологию этих групп для посткоммунистического региона. Тем не менее на фоне общего характера патрональных автократий некоторые группы возникают в мафиозных государствах идеального типа наиболее часто.

Клиентарные группы среднего уровня, которые находятся в середине социальной пирамиды, обозначаются такими популистскими эвфемизмами, как «национальный средний класс». Этот термин указывает здесь не на сообщество автономных граждан, которые располагают значительными интеллектуальными или материальными ценностями. Напротив, им обозначаются группы клиентов, получающие привилегии и организованные в патрональные цепочки, вход в которые или изгнание из которых возможны на условиях приемной политической семьи. Основу этого слоя составляют **две клиентарные группы, имеющие социологический статус «служилых дворян» и «придворных поставщиков» без соответствующего правового статуса**. Подобные социальные группы существовали как формализованные сословия в эпоху феодализма, но в патрональных автократиях они существуют в силу не юридической, а фактической реальности, то есть благодаря той социологической роли, которую они выполняют[1]. **Служилые дворяне включают в себя работников**

[1] Хотя обычно мы не прибегаем к аналогиям и предпочитаем вместо этого создавать новые категории, в этом случае мы посчитали, что использование терминологии феодального периода может быть уместным, если делать это

интеллектуального труда, занятых как в государственных, так и в частных институтах, тогда как **придворные поставщики являются субподрядчиками или находятся в прямом подчинении у экономических единиц приемной политической семьи**, которые формально являются частными компаниями и государственными холдингами. Трансформация институциональной структуры подгоняется под эти две клиентарные группы, предоставляя автократической системе правления все необходимые инструменты. «Национальный средний класс» представляет собой, по сути, подчиненный вассалитет, свобода которого в сфере политического и экономического действия сильно ограничена.

Формирование группы служилых дворян происходит в три этапа:

1. Чтобы начать перевод интеллектуалов в государственном аппарате в ряды служилых дворян, сначала проводится **обширная политическая чистка**, часто сопровождаемая кампаниями по стигматизации и криминализации. Этот шаг выполняется и в том случае, когда порядок ограниченного доступа приходит на смену демократическому устройству (как в Венгрии)[1], и когда он предполагает трансформацию коммунистического аппарата (как в Средней Азии)[2]. Последовательное слияние одних институтов и ликвидация других, естественно, влечет за собой значительное сокращение государственных ресурсов, что только способствует оправданию массовых увольнений. Например, политическая чистка в отношении тех, кто работает в крупных государственных

с достаточной осторожностью (то есть принимая во внимание (1) различия феодализма и неформальности и (2) тот факт, что феодализм не является всеобъемлющей основой для описания режима). Так однажды мы уже использовали аналогию с феодализмом, когда рассматривали «двор патрона» [▸ 3.3.2].

1 *Lakner Z.* Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State. P. 154–157.

2 *Sievers E.* Academy Science in Central Asia 1922–1998 // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22. № 2–3. P. 253–279.

структурах, доходящая до самых нижних уровней, обычно включает в себя подобные сокращения и реорганизацию. Политическая чистка, предшествующая консолидации служилых дворян, существенно отличается от массовой замены сотрудников после смены правительства в либеральных демократиях: во-первых, своей несравнимой численностью; во-вторых, тем, что лояльность отодвигает профессионализм на второй план; в-третьих, почти военной дисциплиной; и в-четвертых, тем фактом, что все связанные с государством должности становятся недоступны для тех, кто подвергся чистке, что только усиливает дисциплину. Что касается последнего пункта, то внесение человека в черный список (реальный или виртуальный) предполагает его политическую стигматизацию, в результате которой вся занятость в государственном аппарате становится для него недоступной. Такой запрет на трудоустройство известен еще с коммунистических времен, хотя там информация о подобных черных списках передавалась по каналам партии и спецслужб.

2. Второй этап необходим для того, чтобы **заставить акторов вступить в формальные профессиональные ассоциации и политико-идеологические вспомогательные институты** (**аналитические центры**), которые контролирует правящая политическая элита. Разумеется, в этом шаге нет необходимости, если речь идет о людях умственного труда, занятых в сфере государственного управления, где лояльность навязывается патрональным слугам [▸ 3.3.5] через гибкие правила «профессионального поведения», которые можно толковать дискреционно, каким угодно образом. Кроме того, лояльность обеспечивается посредством централизованного принятия решений о продвижении по службе, запретов на публичные заявления и закрытого доступа к деятельности, который будет сопровождать тех, кто был отстранен от должности, на протяжении всей их карьеры и препятствовать их будущему трудоустройству. В свою очередь, такие

люди из числа служилых дворян, как учителя, пользуются некоторыми гарантированными им формальными преимуществами, в частности имеют возможность занимать государственные должности в отличие от тех, кто был от них отстранен. Однако у них нет тех свобод, которые есть у подобных профессиональных ассоциаций в неклиентарном обществе. Похожая ситуация складывается и для некоторых «белых воротничков», которые вынуждены вступать в различные профессиональные объединения под принуждением правоохранительных органов, поскольку вассалитет лишь отчасти предоставляет права, соответствующие формальному статусу. Именно поэтому использование метафор из феодальных времен, которые часто бывают крайне красноречивы, уместно лишь до некоторой степени. В патрональных объединениях и вспомогательных институтах **амплитуда произвола** [▸ 2.4.6] **при распределении средств и должностей является широкой**, что превращает эти институты в гарантирующие лояльность государственные организации, а также в приводные ремни [▸ 4.3.2.3]. Вместо автономных ассоциаций, присущих либеральным демократиям и призванных обеспечивать контроль качества, за ними закрепляется функция шантажа[1]. Помимо прямого дисциплинарного эффекта и косвенного сигнального механизма дискреционного распределения, над потоком ресурсов, как правило, устанавливается постоянный контроль со стороны министерств. В этом смысле очень показательной является судьба посткоммунистических академий наук: в исламском историческом регионе уже в 1990-х годах Академия наук Казахстана была преобразована в Министерство науки, а Академия наук Туркменистана столкнулась с массовыми сокращениями и реорганизацией[2] (государственное финансирование института прекратилось

[1] *Lakner Z.* Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State. P. 157–159.

[2] *Sievers E.* Academy Science in Central Asia 1922–1998. P. 272.

в 2019 году)[1]. В православном регионе административные должности в академии наук были отделены от научных, которые, в свою очередь, прикреплялись к министерству, выдающему гранты на исследования с фиксированным сроком; в западно-христианском регионе венгерское мафиозное государство практически последовало примеру России и переместило научно-исследовательскую сеть из ведения Академии наук под контроль Министерства инноваций и технологий, ратуя за исследование более «практических», а также «национальных» вопросов[2].

3. Третий этап — это **расширение прямого контроля над подбором персонала**. Воспитание «новой национальной» политической и административной элиты является главной целью патрональной политики, которая направлена на создание упомянутых выше различных форм зависимости. Хорошим примером здесь является учреждение Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, созданной в 2010 году путем слияния 14 национальных и региональных академий государственной службы[3], равно как и создание Венгерского национального университета государственной службы путем слияния бывшего Института государственного управления, отрезанного от Университета Корвина в Будапеште, а также Института подготовки офицеров полиции и Университета национальной обороны имени Миклоша Зрини[4]. По замыслу, в этих заведениях

1 Turkmenistan to Cut State Funding for Science // Business Insider. 30.01.2019. URL: https://www.businessinsider.com/ap-turkmenistan-to-cut-state-funding-for-science-2019-1.

2 *Kolozsi Á., Bolcsó D.* Hungarian Academy of Science Caves in to Government Pressure, Lets Go of Research Network // Index.hu. 09.03.2019. URL: https://index.hu/english/2019/03/09/agreement_hungarian_academy_of_science_ministry_of_innovation_and_technology_government_pressure/.

3 *Forrat N.* The Political Economy of Russian Higher Education: Why Does Putin Support Research Universities? // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. № 4. P. 299–337.

4 *Lakner Z.* Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State. P. 162.

должны обучаться все члены единого унифицированного сословия служилых дворян, которые займут должности на различных уровнях государственного управления, будь то секретные службы, полиция или армия, и которые станут звеньями в соответствующих патрональных иерархических цепочках.

Другой опорой среднего уровня является клиентарная группа **придворных поставщиков**. В патрональных автократиях, таких как Россия, полагающихся в основном на формальные государственные институты, создание **государственных холдингов** выполняет ту же функцию, что и описанные выше профессиональные объединения, то есть обеспечивает подчинение несметного числа мелких экономических акторов без необходимости управления ими в ручном режиме. Но поскольку мафиозное государство аннексирует к реляционной экономике под контроль приемной политической семьи все больший сегмент капиталистических рынков [▸ 5.5–6], в нем проводится холодная общественная патронализация, и соответствующим образом растет клиентарная группа придворных поставщиков. По мере устранения независимых источников экономических ресурсов **конкурентная система госзакупок, основанная на нормативных правилах, заменяется политически мотивированными дискреционными решениями**, что негативно сказывается на значительном сегменте независимых позиций в корпоративном секторе. Например, многократное повышение пороговых параметров госзакупок по сравнению с первоначальной стоимостью может сделать возможным массовое освобождение от обязательств по государственным закупкам, тогда как в случае крупных инвестиций постоянное упоминание проекта как представляющего «особый интерес» с точки зрения национальной безопасности или национальной экономики открывает путь для индивидуальных исключений из правил в массовом порядке. Дискреционные решения в отношении использования государственных средств могут быть облегчены путем дальнейшего смягчения законодательства,

касающегося конфликта интересов[1]. Множество произвольных отказов в праве на участие в системе государственных закупок, с которыми сталкиваются более выгодные заявки, и ограничение возможности обжаловать эти решения стимулируют социализационный процесс. В результате предприятия либо «добровольно» остаются в стороне от рынка госзакупок, либо ищут встроенного в политическую семью патрона, чтобы стать его подрядчиками, то есть придворными поставщиками.

В свою очередь, создание формальных частных мегакорпораций дает возможность формировать вспомогательные цепочки поставок субподрядчиков. Теоретически мегакорпорации на конкурсной основе могут нанимать различных субподрядчиков для каждой выигранной закупки. На практике, когда формальная мегакорпорация якобы сама по себе выигрывает тендер на закупку, она использует свою налаженную сеть придворных поставщиков, которые попадают в зависимость от монопсонии этой мегакорпорации (или, в более широком смысле, приемной политической семьи). Для стороннего специалиста по экономическому анализу норма прибыли может рассказать о многом: прибыль среднего или ниже среднего уровня указывает на зависимых придворных поставщиков, тогда как норма прибыли (гораздо) выше среднего свидетельствует о том, что субподрядчик на самом деле является экономическим подставным лицом, функция которого заключается в том, чтобы выводить деньги [► 3.4.3, 5.5.4.3].

[1] Венгрия является показательным примером. На основании закона о бюджете, принятого в 2015 году, журналисты, специализирующиеся на расследованиях, пишут, что, «хотя данные, касающиеся победивших конкурсных заявок и их реализации, по-прежнему останутся публичными, информация о проигравших будет закрытой (что практически исключает позднейшее раскрытие злоупотреблений, как это было видно в случае концессий на аренду табачных киосков и земли), к тому же необязательным будет и обнародование данных о лицах, оценивающих конкурсные заявки» (Januártól könnyebb lesz lopni [С января воровать станет легче] // Atlatszo.hu. 22.11.2014. URL: https://atlatszo.hu/2014/11/22/januartol-konnyebb-lesz-lopni-megint-lehet-majd-kozpenzbol-tamogatni-a-partkozeli-szervezeteket-es-a-csaladot/).

Именно таким образом максимальное число экономических акторов оказывается под контролем государства в рамках клиентарной группы придворных поставщиков и становится частью иерархических цепочек. Такая схема не подходит под определение повседневной обыденной коррупции, которая стремится к исключительному контролю за всеми ресурсами, но не может его обеспечить. Логика мафиозного государства иная: так же, как организованное подполье не позволяет конкурентам брать плату за крышу на своей территории, организованное надполье заинтересовано в том, чтобы не допустить возникновения независимых и в особенности критически настроенных коммерческих организаций или институтов. По этой причине приемная политическая семья создает порядок ограниченного доступа, благодаря чему конкуренция за ресурсы, которые находятся под контролем или в сфере влияния правящей элиты, отсутствует, равно как и независимость сектора экономики, к которому эти ресурсы принадлежат. Напротив, для того чтобы внедрить практики реляционного рыночного перераспределения, создается даже законодательная база и соответствующие условия [▸ 5.6.1]. Эти условия важны, поскольку регулируют предпринимательскую деятельность акторов и обязывают их играть по новым правилам. Пренебрежение правилами мафиозного государства приводит не только к отказу в доступе к ресурсам, но может заставить наивный и неопытный бизнес нести расходы, которые невозможно возместить.

6.2.2.4. Клиентарные группы высокого и низкого уровня: как рыночные преимущества и денежные трансферы трансформируются в дискреционные подарки

Помимо клиентарных групп среднего уровня, группы на верхних уровнях также являются идеальными типами. В патрональных автократиях идеального типа **на вершине социальной**

иерархии можно обнаружить модель клиентарного общества в чистом виде, где практически каждый актор является частью однопирамидальной патрональной сети. Симптоматично проявление этого в рейтинге «самых влиятельных людей», ежегодно публикуемом в нескольких посткоммунистических странах[1]. В плюралистическом обществе, основанном на принципе разделения властей, в этом рейтинге фигурируют люди, не состоящие друг с другом в иерархических отношениях господства — подчинения. Как правило, они являются автономными, не зависящими друг от друга акторами (от политиков до предпринимателей, от медиаперсон до профессоров университетов). Напротив, подавляющее большинство тех, кто попадает в такие списки в патрональных автократиях, обязаны своим влиятельным положением милости верховного патрона. Из этого следует, что, как только эти люди лишатся его благосклонности, сами по себе они перестанут представлять всякий интерес[2]. Какими бы субъективными ни были эти рейтинги, они все же отражают реальное иерархическое устройство и безмасштабный характер однопирамидальной сети. В высших слоях общества оно воспроизводит ту же форму патронально-клиентарных сетей, которая характерна и для низших уровней общественной иерархии.

Группы клиентов высокого уровня состоят из **сотрудников органов государственного управления с высокими доходами**. Журналистка Анна Политковская описывает их как «лояльную бюрократическую олигархию», создание которой стало «визитной карточкой администрации

1 Примеры см.: *Rapoza K.* Russia's Top 10 Most Influential: A Spy, A Woman And Only One Private Company // Forbes. 03.09.2018. URL: https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2018/09/03/russias-top-10-most-influential-only-one-woman-and-one-private-company/; *Szakonyi P.* ed. Befolyás-Barométer // A 100 Leggazdagabb 2017. Budapest: Napi.hu, 2017; Топ-100 самых влиятельных людей Украины // Новое время. 30.08.2018. URL: https://magazine.nv.ua/journal/3229-journal-no-31/sto-samykh-vlijatelnykh-ljudej-ukrainy.html.

2 *Bozóki A.* A Párttól a Családig [От партии к семье].

Путина»[1]. Таким образом, более широкая группа, которую образуют клиенты высокого уровня, это **олигархи** приемной политической семьи, которые зависят от режима, и в частности от верховного патрона. Прямо или опосредованно, через членов своей семьи и подставных лиц [▸ 3.4.3], эти люди являются практически единственными бенефициарами (1) любых связанных с государством покупок и инвестиций, обеспечиваемых как из внутренних, так и из внешних ресурсов [▸ 7.4.6] и дискреционно распределяемых верховным патроном, и (2) дискреционного регуляционного вмешательства, через которое государство может отдавать им предпочтение [▸ 5.4]. Отчасти поэтому параллели, проводимые с различными формами коммунистической диктатуры, неуместны: во-первых, потому что тогда государство не принимало участие ни в чьем обогащении, а во-вторых, в номенклатуре не было преобладания семейных связей. Как мы отмечали выше, мафиозное государство распространяется через родственные и квазиродственные (сильные) связи, принимая в семью и/или встраивая олигархов в однопирамидальную патрональную сеть [▸ 3.4.1.3].

Основная цель мафиозного государства — не просто устранить возможность независимого положения на институциональном уровне, но устранить ее на персональном уровне в сферах политической, экономической и социальной жизни, заменив его патрональной зависимостью. Стоит также упомянуть, хотя это и не присуще идеальному типу патрональных автократий, что в некоторых подобных режимах патрональноклиентарные отношения распространяются и на **нижние слои социальной пирамиды**[2]. Лучший и самый показательный

1 *Politkovskaya A.* A Russian Diary: A Journalist's Final Account of Life, Corruption, and Death in Putin's Russia. London: Random House Publishing Group, 2009. P. 283.

2 *Lakner Z.* Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State. P. 172–175.

пример клиентарных групп низкого уровня — это **люди, занятые на общественных работах** в Венгрии. Этот институт, значительно реформированный правительством Орбана, является основной программой помощи в трудоустройстве, приспособленной к требованиям политической коммуникации и финансируемой неопределенным образом (например, в месяц проведения парламентских выборов 2014 года работало вдвое больше людей, чем месяцем позже, то есть после выборов)[1]. Люди, работающие в рамках этой программы страдают не только от временного бессистемного характера занятости и того, что им платят только половину положенной по закону минимальной зарплаты[2], но также и от того, что их трудоустройство и увольнение является дискреционным правом глав муниципалитетов, решения которых нельзя даже оспорить в суде. Получается такая **институционализированная система батрачного труда**, в которой права и защищенность работников не достигают даже уровня, характерного для статуса батраков в период между двумя мировыми войнами[3]. Неслучайно, они вынуждены мириться с тем, что их используют в качестве живых декораций на партийных мероприятиях, антидемонстрантов на противоправительственных протестах и работников в частных имениях местных властителей. Дальнейшим развитием этой последней идеи был законопроект министра внутренних дел, принятый парламентом в июне 2015 года, согласно которому собственник

1 Votes of the Poor: Public Works and the Perils of Clean Elections // Budapest: Átlátszó, K-Monitor, Political Capital, Transparency International Hungary. 16.04.2015. URL: https://www.politicalcapital.hu/wp-content/uploads/Votes_of_the_poor-public_works_and_the_perils_of_clean_elections.pdf.

2 *Albert F.* Public Works in Hungary: An Efficient Labour Market Tool? // Flash Report. European Social Policy Network. Brussels: European Commission, 2015. URL: https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=14220&langId=en.

3 Ср.: *Császár K.* A Cselédség Jogi Helyzete a Dualizmus-Kori Magyarországon: Cselédügyek Somogyban És Baranyában [Правовое положение слуг в Венгрии в эпоху дуализма: проблемы слуг в медье Шомодь и Баранья] // Jura (Pécsi Tudományegyetem Állam- És Jogtudományi Kar). 2013. P. 171–180.

земли, желающий нанять поденщиков на срок с мая по октябрь, может подать об этом заявку на имя руководителя местного муниципалитета. Этот руководитель отберет соответствующих работников, а затем передаст «эти списки районным ведомствам, которые, в свою очередь, предложат работодателям освободить работников от „выполнения общественных трудовых обязанностей и необходимости находиться в распоряжении работодателя", после чего эти работники обязаны участвовать в выполнении сезонных работ, так как в противном случае они будут на три месяца исключены из общественных работ и получения пособий. Согласно законопроекту, работник не будет иметь права уволиться со ссылкой на плохие условия труда, поскольку, оставив назначенную ему работу, он на три месяца потеряет и общественную работу». К тому же «по законопроекту, из общественных работ будут исключаться на три месяца и те, кто потерял рабочее место по обоюдному согласию с работодателем или уволился по собственному желанию»[1].

Чтобы иметь право на получение даже самого низкого уровня социальных пособий, по нынешнему законодательству Венгрии требуется не менее 30 дней выполненных общественных работ[2]. Дисциплинирующий эффект этой системы можно наблюдать по результатам выборов в небольших и наиболее непривилегированных населенных пунктах. Согласно анализу, проведенному ведущими венгерскими НПО, в тех местах, «где большой процент населения трудоспособного возраста был занят на общественных работах, национальный

1 «Pintér új ötlete: napszámosnak lehetne igényelni a közmunkásokat [Новая идея Пинтера: людей на общественных работах можно использовать в качестве поденщиков]». Цит. по: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 176–177.

2 *Cseres-Gergely Z., Molnár G.* Közmunka, Segélyezés, Elsődleges És Másodlagos Munkaerőpiac [Общественные работы, денежные трансферы и первичный и вторичный рынки труда] // Társadalmi Riport, 2014. Budapest: TÁRKI, 2014. P. 204–225. URL: http://old.tarki.hu/adatbank-h/kutjel/pdf/b331.pdf.

список „Фидес"-*KDNP* в апреле 2014 года показал намного более высокие результаты. Тогда как правящая партия была популярна только в 38% небольших поселений (получив 56,615%, что на 30% выше среднего показателя по стране), она с большим отрывом выиграла в небольших городах и деревнях, где занятость на общественных работах была наиболее распространена»[1]. Другая НПО под названием *Policy Agenda* обнаружила, что среди населенных пунктов, минимально затронутых системой общественных работ, 42,3% избирателей проголосовало за список кандидатов от «Фидес»-*KDNP* в 2014 году и 55,4% — в 2018 году. При этом те же показатели в селах, где эта система работала «активно» или «очень активно» составили 49,7% и 61,4%, соответственно. Если обратиться только к тем населенным пунктам, которые были наиболее активно задействованы в системе общественных работ, то там в 2014 году правительственные партии поддержали 53,1%, а в 2018 году — 67,1%[2].

6.2.2.5. Сила сильных связей и социальная психология клиентарного общества

Хотя верховный патрон в значительной степени опирается на то, что механизмы публичного обсуждения не работают [▸ 4.3], его поддержка среди избирателей бывает весьма велика[3]. Часто возникает соблазн спросить, «почему люди голосуют за них», особенно на фоне процветающей коррупции [▸ 5] и неудовлетворительных результатов публичной политики в рамках патрональной политики [▸ 4.3.4.1]. В следующей части мы указываем на то, насколько велико значение

1 Votes of the Poor: Public Works and the Perils of Clean Elections. P. 3.

2 *Vaskor M.* Elsült a Fidesz csodafegyvere [Чудо-оружие «Фидес» выстрелило] // 24.hu. 18.04.2018. URL: https://24.hu/kozelet/2018/04/18/elsult-a-fidesz-a-csodafegyvere/.

3 *Guriev S., Treisman D.* The New Dictators Rule by Velvet Fist.

идеологии и ее информационного обеспечения для стабильности патрональных автократий [▸ 6.3–4]. Однако если в фокус поместить уровень социальных структур, можно увидеть, что **стабильность клиентарных групп** сильно отличается от стабильности политической поддержки, которую могут предложить автономные граждане в порядках открытого доступа. Людям, которые получают должности благодаря своим связям с представителями власти, **уже есть что терять, и именно это привязывает их к новому порядку**. Таким образом, вопрос, «почему люди голосуют за них», возникает из-за игнорирования простого факта: **сильные связи по-настоящему сильны**, а кроме того, их невозможно разглядеть, если обращать внимание исключительно на формальную институциональную структуру.

Это особенно верно в отношении тех представителей группы **служилых дворян**, которые оказались на своем месте не из-за заслуг и профессиональной квалификации, а благодаря безоговорочной лояльности, которая от них требовалась. В результате этика и беспристрастность государственных служащих постепенно приходят в упадок, в условиях которого они больше не могут быть уверены, что их компетенции и политическая непредвзятость гарантируют стабильность их положения на государственной службе. Должность, которую до этого момента можно было занимать только в соответствии с определенными заслугами, превратилась в работу, которую можно получить вследствие патронального решения и таким же образом потенциально ее лишиться. Так, патрональный слуга оказывается лично заинтересован в поддержке системы, поскольку любые изменения несут в себе экзистенциальные риски. Поскольку группам клиентов приходится бороться с чувством уязвимости, у них развивается тенденция к эмоциональной идентификации с режимом, что означает, что доля восхищенных последователей правительства в этом социальном слое становится довольно устойчивой.

Дисциплину оставшихся после прохождения через фильтр служащих укрепляет и огромная разница в доходах между тем, что они получают сейчас, и тем, как оценивались бы их опыт и навыки на свободном рынке. А в сословии **придворных поставщиков и клиентарных групп высокого уровня** возможность выиграть или проиграть тендер может измеряться целыми состояниями. Было бы ошибкой недооценивать способность режима усиливать сплоченность и лояльность тех, кто был принят в политическую семью. Подобно металлоконструкции в железобетоне, эта область слияния воли отдельно взятых представителей социума, в которой для представителей клиентарной группы четко объединены идеология, программа и материальное положение, недоступна для опросов общественного мнения.

Следовательно, патрональные автократии — это тип режима, который готов простить и принять, хотя и не по тем нормам, которые обычно имеются в виду при употреблении этого выражения. Возвращение в лоно семьи происходит по «семейным правилам», предполагающим определенные обязательства и вознаграждение. Их удостаивается множество лиц, которые кажутся чуждыми режиму: от бывших членов номенклатуры до сотрудников секретных служб, от оступившихся интеллигентов до запуганных художников и бизнесменов, которые когда-то считали себя независимыми. Популистская риторика может изображать этих людей представителями «национального среднего класса», и они сами охотно в это верят. Но в действительности они всего лишь клиенты в однопирамидальной патрональной сети.

Угрозы ненасильственного характера, основанные на экзистенциальной уязвимости, являются инструментом подавления критического настроя. Однако **природа этой уязвимости в корне отличается от той, которая была характерна для коммунистических диктатур**. До смены режима люди, имевшие квартиру, могли обеспечить свое существование на

относительно небольшие доходы, учитывая низкие цены на жилье, коммунальные услуги и транспорт. К тому же из-за эгалитарного (незначительного) размера заработной платы не существовало сопоставимых с нынешними различий в доходах и имуществе. Политические репрессии чаще всего выражались в препятствовании профессиональной карьере и продвижению по службе, запрете на публикации, отказе в выдаче загранпаспортов или в бюрократических препонах и преследовании со стороны органов безопасности. И даже в случае заключения под стражу остальные члены семьи задержанного могли сохранить свой низкий уровень существования.

После смены режима изменилась и суть экзистенциальной уязвимости. **На смену прежнему принципу «мало, но наверняка» пришел принцип «быть может, больше, но без гарантий»**. Это противоречие, что, несмотря на улучшение жизни, значительно выросло и чувство экзистенциальной уязвимости, является лишь кажущимся. Возросший уровень жизни в результате повсеместной доступности технологий (автомобилей, мобильных телефонов и т. д.) равно как и то, что гораздо больше молодежи вселилось в новые квартиры и поступило в университеты, не имеет особого значения, если в то же время появилась затяжная, беспросветная, продолжающаяся в течение нескольких поколений массовая безработица, если широкие слои населения обросли долгами (погашение которых невозможно из-за кризиса) и если разорилась масса мелких и средних предприятий. **Теперь людям есть что терять**, и огромное количество людей может со дня на день попасть в практически безнадежную ситуацию. Потеря работы или, например, государственных или муниципальных заказов может мгновенно привести к банкротству некогда стабильного или преуспевающего предприятия. Если в обществе количество должностей и контрактов, связанных с государством (то есть с приемной политической семьей), чрезвычайно велико, то оно практически естественным образом трансформируется в клиентарное.

По утверждению Сьюзан Стоукс, материальная поддержка, оказываемая правящей элитой людям в порядках ограниченного доступа, «удерживает диктаторов у власти, позволяя им организовывать выборы, на которых подавляется конкуренция и на которых избиратели, желающие голосовать против режима, не делают этого, опасаясь преследований»[1]. Если клиент вступает в конфликт с приемной политической семьей, он рискует подвергнуться нарушению целостности — потерять работу, имущество, капитал, профессиональный и моральный авторитет, а в некоторых случаях и личную свободу [▸ 3.6.2.3]. В итоге они могут оказаться не просто на нуле, но и стать банкротами из-за долгов. Понижение социального статуса не всегда бывает постепенным, оно также может быть стремительным. Для всех, кто не имеет материальной базы, недосягаемой для политических репрессий и угроз ненасильственного характера, любая непокорность может казаться безнадежной и очень опасной. Это справедливо особенно перед лицом политической силы, которая систематически пытается поставить экзистенциальные обстоятельства в зависимость от иерархических цепочек, подрывая тем самым основы индивидуальной автономии.

Поддержка режима представителями клиентарных групп может объясняться не только материальным интересом и страхом преследования, но и **быть совершенно искренней**. Если не рассматривать чисто идеологические убеждения, клиентарному обществу присуща особая социальная психология, которая дает основания для искренней поддержки. В соответствующей литературе этой поддержке можно найти несколько обоснований, включая понятие стокгольмского синдрома на уровне всего общества (симпатии, испытываемые жертвой по отношению к похитителю, в нашем случае автократической правящей элите)[2], а также отцовский комплекс

1 *Stokes S.* Political Clientelism. P. 648.

2 *Kolesnikov A.* Russian Ideology after Crimea // Carnegie Moscow Center. 09.2015. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_Ideology2015_web_Eng.pdf.

всего общества по отношению к верховному патрону, которому приписываются черты защитника людей и их интересов от различных посягательств и трудностей[1]. Однако мы хотели бы обратить внимание на социологический факт более глубокого свойства, **который вытекает из истории посткоммунистического региона в целом и опыта проживающих там народов в частности**. В странах, где сменился режим, вместе с утратой традиционных рынков советского блока исчезли целые промышленные отрасли, а на смену практически стопроцентной занятости пришла волна массовой безработицы. Девальвация социалистической рабочей силы в капиталистической среде сопровождалась серьезным экономическим кризисом и высокой инфляцией, иногда даже гиперинфляцией, сжирающей значительную часть сбережений населения[2]. Если добавить к этому внезапно возникший и усиливающийся стресс, вызванный общей неопределенностью рыночной конкуренции, то можно сделать вывод, что **общий для всех посткоммунистических народов опыт, полученный ими в порядках открытого доступа, можно назвать экзистенциальной тревогой**, которая включает в себя ощущение неопределенности и страх перед вполне реальной перспективой потерять все[3]. Можно понять, почему они негативно восприняли порядок открытого доступа, ведь он принес только обнищание и экзистенциальную тревогу.

Когда в порядке такого типа утверждаются патрональная автократия и клиентарное общество, **патрональная зависимость может подарить чувство защищенности**. Вручая свою

1 *Sebestyén E.* Az Orbán-Kormány És a Társadalom Tranzakcióanalízise — A Maffiaállam Megvéd Az Önállóságtól [Транзакционный анализ правительства Орбана и общества — Мафиозное государство защищает от экономической независимости] // Magyar Polip 3 — A Posztkommunista Maffiaállam. Budapest: Noran Libro, 2015. P. 410–426.

2 *Ростовский Я.* Макроэкономическая нестабильность в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. М.: Ad Marginem, 1997.

3 Ср.: *Weems C. F.* et al. Paul Tillich's Theory of Existential Anxiety: A Preliminary Conceptual and Empirical Examination // Anxiety, Stress, & Coping. 2004. Vol. 17. № 4. P. 383–399.

свободу патронам, представители клиентарных групп должны взамен на это стабильно получать ощутимые выгоды, чтобы патрон мог установить с ними отношения зависимости и создать возможность для угроз ненасильственного характера. Эти выгоды и их стабильный характер формируют предсказуемую среду, которая порождает онтологическую безопасность: чувство личной защищенности и доверия, обусловленное рутиной повседневной жизни[1]. И если не все выгоды предоставляются автоматически, а некоторые из них принимают форму несистематических (дискреционных) подарков, то может даже возникнуть ощущение, что это проявления заботы. По сравнению с автоматическими выгодами, наличие которых обеспечивает безликий государственный аппарат, подарки дают человеку ощущение, что власти заботятся и думают о нем. **Благодарность, которую можно воспринимать как одно из проявлений зависимости,** способствует консолидации клиентарного общества, особенно когда определенная правящая элита уже пережила многочисленные выборы, и люди воспринимают ее как единственную жизнеспособную альтернативу.

Эти позитивные чувства можно обнаружить, если посмотреть на статистические данные, собранные в Венгрии после того, как Орбан в третий раз выиграл выборы, получив квалифицированное большинство, и, по сути дела, консолидировал свой режим[2]. Интересно, что между представлением венгров о своей мобильности и реальными шансами на нее существует значительный разрыв. Относительное большинство «белых воротничков» (44%) считают вероятной для себя восходящую мобильность, а среди таких же немобильных рабочих на производстве та же цифра достигает абсолютного

1 *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, UK: Polity, 1991.

2 *Balogh K. et al.* Társadalomban [Происхождение и интеграция в современном венгерском обществе]. Budapest: MTA Társadalomtudományi Kutatóközpont, 2019. URL: https://tk.mta.hu/uploads/files/2019/mob_tars2019.pdf.

большинства (54%)[1]. Несмотря на объективное отсутствие мобильности, его субъективное ощущение может быть вызвано множеством факторов, включая повышение количества и качества потребления (то есть технологическое развитие), и если мы говорим об ощущении межпоколенной мобильности[2], то структурными изменениями рынка труда с первичного и вторичного на третичный сектор (услуг). Тем не менее можно предположить, что на ощущение мобильности влияет чувство защищенности, поскольку люди не всегда могут четко отделить мобильность от «жизненных шансов», то есть от отсутствия неопределенности и потрясений, которые могут подорвать личные усилия по улучшению своей жизни.

Деятельность и риторика режима может усилить чувство защищенности по двум причинам. Во-первых, приемная политическая семья интерпретирует события в популистских идеологических терминах «мы» и «они» и постоянно утверждает, что защищает «хороших» «нас» от различных нападок, критики и негативного влияния «плохих» «их» [► 6.4.2]. Транслируя этот нарратив через патрональные СМИ в контролируемой сфере коммуникации [► 4.3.1.2], а также через кампании с монополизацией общественного дискурса [► 4.3.3.1], **приемная политическая семья может изображать внешний мир как преимущественно враждебный и опасный, а саму себя — защитницей нации и оплотом безопасности**. Во-вторых, установление порядка ограниченного доступа предполагает двойственную стратегию интеграции и дезинтеграции, то есть комбинацию мобилизации сторонников и демобилизации противников в ходе предвыборных кампаний [► 4.3.3.1]. С одной стороны, политическая верхушка **посредством сильных связей интегрирует клиентов** в единую пирамиду патронального порядка, добиваясь активного послушания и пассивного

1 Ibid. P. 28.

2 Ibid. P. 26–27.

согласия от членов различных клиентарных групп[1]. С другой стороны, **группы, оставшиеся за пределами патрональной сети, перестают существовать**. Это может происходить как результат пассивных методов, таких как лишение их доступа к ресурсам в соответствии с принципами аморальной семейственности [▸ 3.6.2.4], так и в результате активных действий, например угроз, преследований и борьбы с альтернативными институтами, их ключевыми лицами и оппозицией [▸ 3.3.9]. Таким образом, деятельность приемной политической семьи сокращает те выгоды, которые клиенты могут получить из альтернативных источников, сводя к минимуму возможность перехода на сторону противника. Как показывает поведенческая экономика, **люди, как правило, не склонны к риску**, что означает, что они стараются избегать сопряженных с риском ситуаций и делают выбор не в пользу высокого уровня неопределенности[2]. Это означает, что для поддержки фундаментальной смены режима, людям, даже тем, кто не доверяет популистской риторике, необходимы чрезвычайно многообещающие перспективы. Поскольку приемная политическая семья нейтрализует оппозицию и ставит под угрозу альтернативные возможности в целом, **вряд ли можно ожидать, что люди откажутся от предоставляемой патронализмом определенности и удовлетворительных выгод в пользу неустойчивой слабой оппозиции и порядка открытого доступа**. Следовательно, клиентарное общество в условиях консолидированной патрональной автократии опирается на социальное равновесие патронализма[3].

1 *Kovách I., ed.* Társadalmi Integráció [Социальная интеграция]. Budapest: MTA Társadalomtudományi Kutatóközpont, 2017.

2 *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. С. 269–342.

3 Дальнейшее обсуждение репрессивных структур и того, что они получают поддержку, потому что отвечают фундаментальным психологическим потребностям, таким как определенность, защищенность и общественное признание см.: *Jost J. T.* A Theory of System Justification. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020.

6.3. СТАБИЛЬНОСТЬ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УВЕЩЕВАНИЕ МАСС

В предыдущей части мы писали о том, что общественную патронализацию следует понимать как средство поддержания **стабильности власти**. В Главе 4 мы отмечали, что шесть режимов идеального типа являются стабильными и самоподдерживающимися, но кроме того, мы указывали на различные проблемы, с которыми могут столкнуться либеральные демократии, патрональные демократии и патрональные автократии [▸ 4.4]. При этом патронализация помогает избежать проблем другого рода, которые (1) **бросают вызов непосредственно правящей политической элите и ее положению во власти**, которая может быть как тождественна самому режиму, так и отлична от него [▸ 2.2.1], и (2) **исходят от людей**, которые могут представлять угрозу для властей, если большинство активно настроено против них. Эти проблемы считаются решенными, а власть правящей политической элиты — стабильной, если большинство населения либо (a) активно поддерживает элиту, либо (b) молча с ней мирится, либо (c) неэффективно противостоит ей[1]. Общественная патронализация обеспечивает стабильность власти путем установления цепочек подчинения, которые пронизывают все слои общества и опираются на более глубокие социологические процессы, чем методы нейтрализации сферы политического действия [▸ 4.3]. Зависимость людей и их заинтересованность в том, чтобы режим был стабилен, укрепляет

1 Ср.: *Dukalskis A., Gerschewski J.* What Autocracies Say (and What Citizens Hear): Proposing Four Mechanisms of Autocratic Legitimation // Contemporary Politics. 2017. Vol. 23. № 3. P. 251–268.

патрональные автократии в том, что касается поддержки избирателей, их пассивности и нейтрализованного государства[1].

Если поместить общественную патронализацию в более широкий контекст, это позволит нам проанализировать другие методы, обеспечивающие такую же стабильность в режимах другого типа. Однако чтобы иметь возможность использовать идеи, представленные в литературе, посвященной стабильности режима, и при этом сохранить согласованность нашей концептуальной структуры, нам необходимо развести понятия «стабильности» и «легитимности» (которое мы рассматривали в Главе 4 [▸ 4.2]). Когда в рамках нашего исследования мы говорим о стабильности и способах ее достижения, в действительности мы имеем в виду **обеспечение таких условий, в которых люди не хотят инициировать смену акторов, то есть применять методы, которые, по их мнению, приведут к устранению действующей политической элиты.** В этом контексте **легитимность — это то, что определяет характер этих «методов», так как режимы полагаются либо на электоральную, либо на неэлекторальную легитимность** [▸ 4.2.4]. Таким образом, тогда как многие авторы подчеркивают, что институт выборов возникает как средство укрепления стабильности современных авторитарных режимов[2], в нашем дискурсе **выборы обрамляют процесс достижения стабильности власти.** Другими словами, проводя выборы, режимы приспосабливаются к тому, что люди ощущают как легитимность[3], но властям нужны другие, надежные средства, которые позволяют избегать активных проявлений враждебного отношения в рамках электоральной легитимации. Об этих «надежных средствах», которые мы обозначаем

[1] Несомненно, нейтрализация институтов публичного обсуждения в конечном счете служит той же цели [▸ 4.3].

[2] Пример метаанализа см.: *Gandhi J., Lust-Okar E.* Elections Under Authoritarianism // Annual Review of Political Science. 2009. Vol. 12. № 1. P. 403–422.

[3] *Schedler A.* The Logic of Electoral Authoritarianism. P. 13.

как **средства политического увещевания масс**, речь и пойдет ниже. В некоторых случаях они идентичны опорам стабильности режима, на которые указывают и другие авторы, особенно в государствах, где устранение правящей политической элиты означает также и ликвидацию режима. Из трех режимов полярного типа яркими примерами тому являются коммунистические диктатуры и патрональные автократии. При этом в коммунистических диктатурах режим характеризуется неэлекторальной легитимностью, и поэтому стабильность достигается через предотвращение насильственных восстаний или революций (то есть неэлекторальную реституцию). Напротив, для патрональных автократий характерна электоральная легитимность, а стабильность обеспечивается предотвращением либо поражения на выборах, либо того, что люди, голосуя против инкумбентов, в итоге осознают, что выборы не работают (и таким образом легитимность режима нарушается) [▸ 4.4.4]. Что касается третьего полярного типа режима, политическое увещевание масс в либеральных демократиях — это попросту те способы, которые позволяют оставаться у власти и избегать ситуаций, в которых люди могут отозвать кого-либо с должности по результатам честных выборов [▸ 4.3.3.2].

По утверждению Йоханнеса Гершевски, стабильность власти зиждется на трех столпах: (1) легитимности, которую он трактует как «диффузную поддержку» и которая является всеобщей и ориентированной на долгосрочную перспективу верой в систему и ее справедливость в рамках определенной идеологии; (2) репрессиях, под которыми он понимает применение насилия; и (3) кооптации элит, имеющих стратегическое значение (действующих или потенциальных лидеров оппозиции, экономической элиты и т. д.)[1].

1 *Gerschewski J.* The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-Optation in Autocratic Regimes // Democratization. 2013. Vol. 20. № 1. P. 18–23.

Чтобы определить кооптацию, мы пользуемся дефиницией Гершевски[1]:

• ***Кооптация*** *— это способность обязывать стратегически значимых участников (или группу участников) действовать в интересах правящей политической элиты.*

Однако для двух других упомянутых компонентов мы используем определения, отличные от словаря Гершевски. Для сохранения концептуальной согласованности мы заменяем «легитимность» на «использование идеологии» (или просто — «идеологию»), а «репрессии» — на «принуждение»[2]. Кроме того, Гершевски говорит о стабильности режима в целом и только ее первый компонент считает направленным на более широкую группу (население), тогда как компоненты (2) и (3) можно анализировать как в индивидуальной, так и в коллективной форме[3]. Однако мы уже рассматривали индивидуальную кооптацию стратегически важных акторов из элит [▸ 3.3.9, 3.4.1.3, 3.5.3.2] и принуждение по индивидуальному заказу [▸ 4.3.4.2, 4.3.5.2], а здесь мы фокусируемся на социальных процессах. Поэтому мы ограничиваем значение стабильности режима до ее коллективного аспекта (отсюда понятие политического увещевания масс)[4].

В Таблице 6.5 приводятся средства политического увещевания масс и их значение в трех режимах полярного типа. Во-первых, **принуждение**, как отмечает Гершевски, может включать **применение насилия**, но помимо этого оно может принимать форму угроз ненасильственного характера, таких как шантаж и **экзистенциальные угрозы** [▸ 2.2]. Мы можем упомянуть три зависимые группы, в адрес которых от

1 *Gerschewski J.* The Three Pillars of Stability P. 22.

2 Не следует путать с демобилизацией [▸ 4.3.2.1].

3 Ср.: *Gerschewski J.* The Three Pillars of Stability P. 27–30.

4 Ср.: *Guriev S., Treisman D.* Informational Autocrats // SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY: Social Science Research Network. 05.07.2018. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=3208523.

Таблица 6.5: Средства политического увещевания масс в трех режимах полярного типа

		Целевая аудитория	Форма / средства принуждения	Относительное значение политического увещевания масс в...		
				либеральных демократиях	патрональных автократиях	коммунистических диктатурах
Принуждение	Применение насилия	население	Белое (серое и черное) принуждение	–	+	+++
	Угрозы ненасильственного характера	получатели денежных трансферов	Урезание денежных трансферов	–	+++	–
		государственные служащие	Увольнение с работы	–	+++	+
		экономические акторы	Лишение (государственных) контрактов	–	+++	–
Кооптация		население	Клиентелизм / повышение стандартов жизни	++	++	++
Идеология		население	СМИ	+++	+++	++

Условные обозначения: +++: первичное средство; ++: вторичное средство; +: третичное средство; –: не используется в целях политического увещевания масс

государства могут поступать такие угрозы: (1) **получатели денежных трансферов**, в особенности бедные (проживающие в сельской местности) люди, на которых можно оказывать давление при помощи угроз дискреционного урезания их единственного источника доходов, (2) **государственные служащие**, которых можно уволить с работы (возможно, вместе с членами их семей), и (3) **экономические акторы**, получающие значительную часть своих доходов от государственных контрактов, и/или, если речь идет о патрональных автократиях, то придворные поставщики, то есть субподрядчики олигархов или экономических подставных лиц приемной политической семьи. Все эти акторы уязвимы и зависят от поддержки государства, то есть правящей элиты [▸ 5.4.1.2].

Во-вторых, в контексте политического увещевания масс **кооптация** является частью **клиентелизма**, то есть к расходованию средств на (голосующее) население с целью покупки их поддержки. Конкретные ее формы могут варьироваться от несистематической покупки голосов и эгалитарного или элитистского бюджетного вмешательства [▸ 5.4.3.3] до стабильного повышения уровня жизни посредством экономической политики. Наконец, **идеология** предполагает **коммуникацию с населением через СМИ** с целью убедить людей поддержать правящую элиту.

Каждому режиму свойственна определенная **модель**, то есть конкретный набор средств, которые наиболее часто используются для политического увещевания масс[1]. **В либеральных демократиях** можно наблюдать то, что можно обозначить как «**демократическая модель**», в которой **первичным средством** политического увещевания масс является **идеология**. Как мы писали ранее, в либеральных демократиях партийная конкуренция и расхождения между партиями носят **идеологический характер** [▸ 4.3.2.4]. Принципу общественных интересов подчиняются как представители власти, так и основные оппозиционные партии. Они стремятся реализовать некую идеологию и пытаются приобрести для своей программы поддержку народа на этапе дискуссии в ходе публичного обсуждения [▸ 4.3.1, 4.3.3.1]. **Вторичным средством политического увещевания масс является кооптация** посредством повышения уровня жизни и клиентелизма, в частности бюджетного вмешательства правящей партии с целью получения поддержки во время выборов [▸ 5.4.3.3]. Естественно, что экономическая политика в целом имеет

[1] Различные модели режимов с однопирамидальной сетью власти, изученные на эмпирическом опыте, описаны: *Maerz S. F.* The Many Faces of Authoritarian Persistence: A Set-Theory Perspective on the Survival Strategies of Authoritarian Regimes // Government and Opposition. 2018. № 0. P. 1–24. Более теоретический анализ изменяющихся моделей увещевания можно найти: *Dukalskis A., Gerschewski J.* What Autocracies Say (and What Citizens Hear).

первостепенное значение для стабильности власти в демократических странах[1]. Она может сочетать в себе любые политические методы, которые приводят к повышению благосостояния граждан (в краткосрочной или долгосрочной перспективе) в текущем климате внутренней и мировой экономики. Норт и его соавторы утверждают, что это создает мощные стимулы для правящей элиты избегать повсеместного создания ренты, которое ослабило бы экономику, а процветающие рыночные экономики, в свою очередь, через общую перспективу долгосрочного экономического благополучия способствуют стабильности порядков открытого доступа[2].

В коммунистических диктатурах преобладает **«коммунистическая модель»** увещевания масс, в рамках которой для сохранения власти номенклатура использует **главным образом принуждение** (насилие), вторичным средством является идеология, а третичным — угрозы ненасильственного характера. Разумеется, тот факт, что партия опирается на принуждение, не означает, что она постоянно ведет борьбу с открыто выступающим против нее населением. Скорее под этим следует понимать наличие массового террора и запрет на оппозиционную деятельность в целом [▸ 1.6, 4.3]. Все это подает населению недвусмысленные сигналы, в результате чего у него развивается пассивная терпимость к статус-кво этих репрессий[3]. Что касается **вторичного метода — кооптации** — то экономические показатели обычно рассматриваются как главный источник (материальной) легитимности коммунистических диктатур[4]. С одной стороны, должности в номенклатуре, а также в других привилегированных социальных группах (например, в среде некоторых рабочих) предполагают

1 *Przeworski A.* et al. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. New York: Cambridge University Press, 2000.

2 *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. С. 233–238.

3 Ср.: *Guriev S., Treisman D.* The New Dictators Rule by Velvet Fist.

4 *White S.* Economic Performance and Communist Legitimacy.

более высокий уровень жизни. Получается, что номенклатура — это не только реестр руководящих должностей, но и в более общем смысле реестр категорий статуса. Чей-либо статус определяется не только объемом властных полномочий, но и образом жизни: люди, принадлежащие к различным (формальным) уровням номенклатуры и общества пользуются разными бюрократически регулируемыми потребительскими корзинами. Такое положение дел является результатом бюрократического перераспределения ресурсов, управлением, планированием и исполнением которого также занимается номенклатура[1]. С другой стороны, партии-государства, особенно в более мягких формах коммунистической диктатуры, могут использовать программы, фокусирующиеся на увеличении материальных благ и направленные на постоянное улучшение уровня жизни граждан на нормативной основе[2]. Этого можно добиться за счет повышения заработной платы и других доходов, которые люди получают преимущественно от государства, обладающего монополией на средства производства. Что касается влияния таких мер на материальную легитимность в коммунистических странах, исследователи выдвигали идею об «**общественном договоре**», утверждая, что люди «отказались от своей свободы», то есть не бунтовали против угнетения в обмен на то, что государство гарантировало и постепенно повышало их экзистенциальный статус[3]. **Идеология** тоже играет немаловажную роль[4]. И хотя можно

1 *Voslensky M.* Nomenklatura.

2 *Kornai J.* Paying the Bill for Goulash Communism: Hungarian Development and Macro Stabilization in a Political-Economy Perspective // Social Research. 1996. Vol. 63. № 4. P. 943–1040; *Széky J.* Bárányvakság [Дневная слепота]. P. 112–138.

3 *Cook L. J., Dimitrov M. K.* The Social Contract Revisited: Evidence from Communist and State Capitalist Economies // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. № 1. P. 8–26.

4 *Dukalskis A., Gerschewski J.* What Autocracies Say (and What Citizens Hear). P. 253–254.

усомниться в том, что люди, которые сталкиваются с экономической реальностью коммунизма, действительно убеждены, что «авангард» служит их интересам, мощная пропаганда и отсутствие альтернативных СМИ формируют закрытую сферу коммуникации [▸ 4.3.1.2]. Таким образом, коммунистическая пропаганда — это способ, по меньшей мере в той же степени, что и метод чистого убеждения, заявить о всеобъемлющей политической власти. В такой среде люди постоянно подвергаются массированному воздействию пропаганды и при этом редко слышат какую-либо другую риторику, что означает, что они находятся в плену принятой в рамках режима системы смыслов, так же как они находятся в плену у самого режима[1]. Наконец, **увольнение с работы играет третичную роль** в политическом увещевании масс. Несмотря на то, что человека можно уволить с работы, если он не демонстрирует достаточную преданность режиму, а карьерный рост немыслим без открыто выражаемой поддержки коммунизма, для коммунистических диктатур характерна полная занятость[2]. Это означает, что режим при помощи первичных средств принуждения покушается не на экзистенциальное положение людей как таковое, а на их личную свободу.

Что касается **патрональных автократий**, то в силу прагматизма верховного патрона попытки вывести более или менее статичную «модель» могут в известной мере вводить в заблуждение. Вслед за Гершевски[3], мы можем использовать концепцию институциональной комплементарности, чтобы указать на то, что для режима, который заинтересован в сохранении видимости отсутствия репрессий, рациональная стратегия состоит в том, чтобы использовать внешне демократические методы и прибегать к менее демократическим только

1 *Фридрих К., Бжезинский З.* Тоталитарная диктатура и автократия. М.: История и политика, 2007.

2 *Корнаи Я.* Социалистическая система. С. 230–255.

3 *Gerschewski J.* The Three Pillars of Stability P. 27–30.

тогда, когда для сохранения власти демократических средств уже недостаточно[1]. И все же в аналитических целях представляется полезным выявить модель, основанную на приведенных выше политических и социологических характеристиках патрональной автократии. Соответственно, можно сказать, что «**патрональная модель**» политического увещевания масс идеального типа включает в себя в качестве **первичных средств угрозы ненасильственного характера и идеологию**, среди которых едва ли можно выделить наиболее важное. В этой модели **насилие играет лишь третичную роль** и применяется с целью негативного сигнального механизма для широких слоев населения [▸ 4.3.2.1]. Тем не менее в более общем смысле, насилие возникает в патрональных автократиях как средство подавления оппозиции и применяется только против отдельных лиц на индивидуальной основе. Такие случаи представляют собой, как правило, наихудший вариант развития событий, тогда как уровень принуждения по отношению к населению в целом снижен практически до уровня демократических государств[2]. **Кооптация также является лишь вторичным средством**, хотя и включает в себя как (a) клиентелизм и покупку голосов неклиентарных групп, так и (b) общие экономические показатели[3]. Однако в качестве **первичного средства используются угрозы ненасильственного характера**, так как **формирование клиентарного общества предполагает создание возможностей для шантажа и экзистенциальных угроз** или, если конкретнее, для создания положения, которое мы выше назвали удушающим приемом [▸ 6.2.2.1]. Это положение держит людей в узде, а также является дополнительным источником стабильности в виде чувства безопасности, которое возникает из факта зависимости [▸ 6.2.2.5].

1 Ср.: *Maerz S. F.* The Many Faces of Authoritarian Persistence. P. 5–7.

2 *Guriev S., Treisman D.* Informational Autocrats.

3 *Dukalskis A., Gerschewski J.* What Autocracies Say (and What Citizens Hear). P. 255–256.

Как мы упоминали ранее, помимо угроз ненасильственного характера, **идеология является** в патрональных автократиях **другим первичным средством** политического увещевания масс. И действительно, поскольку в этом типе режима проводятся манипулируемые выборы, в нем не используется тоталитарная идеология[1], и степень ее воздействия на волю народа ограничена [▸ 4.3.3.2, 7.4.7.3]. Однако одним из наиболее часто упоминаемых способов манипулирования выборами является неравное игровое поле, то есть контролируемая сфера коммуникации [▸ 4.3.1.2]. Патрональные СМИ были бы бесполезны, если бы у верховного патрона не было контента для их наполнения. Как правило, этот контент представляет собой идеологический инструмент в виде **популистского нарратива**, который он использует, чтобы легитимировать свои действия и завоевать победу на выборах. Заручившись значительной идеологической поддержкой со стороны населения, верховный патрон-популист (1) снижает затраты на увещевание элит, что означает, что кооптация обходится ему дешевле, поскольку люди начинают поддерживать режим идейно, и (2) снижает градус потенциальных оппозиционных настроений и, следовательно, необходимость в принуждении[2]. В целом можно сказать, что, **чем меньше угнетения ощущают на себе люди**, то есть чем меньше они чувствуют, что режим заставляет их действовать иначе, по сравнению с их добровольными поступками, **тем меньше принуждения нужно использовать властям** и тем меньшее сопротивление может встретить на своем пути правящая элита.

1 Ibid. P. 259.

2 *Gerschewski J.* The Three Pillars of Stability P. 29.

6.4. УРОВЕНЬ ДИСКУРСОВ: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК

В этой части мы рассматриваем **роль и характер идеологии** применительно к правящим элитам. Ранее мы использовали понятие «идеология» для обозначения средств, используемых для подлинного убеждения масс, то есть для продвижения представления о правящих элитах как о здравых и благонамеренных правителях. Однако в разных дисциплинах это понятие трактуется по-разному, поэтому дать общее определение «идеологии» довольно сложно[1]. Продолжая логику предыдущей части, мы даем ему следующее рабочее определение:

• ***Идеология*** *— это система взглядов (1) на то, как следует устроить жизнь общества, (2) используемая политическим актором в целях привлечения общественной поддержки и одобрения его действий.*

Обе части определения конкретизируют его семантику. Первая часть ограничивает применимость понятия системами взглядов на организацию жизни общества, исключая при этом все другие неполитические системы взглядов. Но, как показывает его вторая часть, даже среди систем политических взглядов, идеологией можно назвать только те системы, которые используются в политической коммуникации, то есть в целях привлечения общественной поддержки и одобрения политических акторов (поддержки электората на выборах в тех режимах, где есть выборы). Кроме того, несмотря на то, что этот нюанс не вошел в определение, стоит

1 Пример метаанализа см.: *Stråth B.* Ideology and Conceptual History // The Oxford Handbook of Political Ideologies. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 3–19.

отличать идеологии как единое целое — то есть полноценные нарративы или наборы положений, которые можно объединить в непротиворечивое целое, — от **идеологических аргументов**. Последние в нашем понимании представляют собой **лишь часть нарратива** или **отдельные утверждения**, которые могут (или не могут) в итоге сложиться во внутренне непротиворечивую политическую идеологию.

Современный политический анализ, как правило, **интерпретирует проявления идеологии буквально**. Если какой-то политический актор использует националистические идеологические аргументы, его сразу записывают в националисты. Если какой-то политик использует право-консервативную риторику, его считают консерватором и т. д. Как правило, **акторов классифицируют по двум шкалам — левый / правый и либерал / консерватор** — в зависимости от тех политических целей, которые они продвигают публично и от содержания манифестов их партий[1]. Однако такой подход смешивает два разных предположения: (1) что актор продвигает определенную идеологию и (2) что эта идеология действительно отражает его настоящие цели. Если какого-то политика называют «националистом» или «консерватором», подразумевается, что идеология является главным движущим фактором его или ее политической деятельности, а значит, считается, что этот политик не просто коммуницирует некие идеологические воззрения, но и воспринимает их всерьез как реальное руководство к действию. Кроме того, когда аналитики пытаются описать политику того или иного государства, идеологическая риторика политической элиты, как правило, принимается за отправную точку, будто бы ее конкретные действия должны прямо реализовывать все то, что было публично обещано. А когда слова не сочетаются с действиями, это может означать лишь то, что политик

[1] *Franzmann S., Kaiser A.* Locating Political Parties in Policy Space: A Reanalysis of Party Manifesto Data // Party Politics. 2006. Vol. 12. № 2. P. 163–188.

«ошибся», поскольку не смог сблизить поставленные цели и результаты, к чему, безусловно, стремился (так как об этом открыто заявлял)[1]. На самом деле такой подход таит в себе ничем не обоснованное допущение, что этот политик в первую очередь руководствуется либо принципом общественных интересов, либо принципом продвижения идеологии [▸ 2.3.1]. Однако утверждения о базовых мотивах политических акторов требуют тщательного обоснования, и поэтому, как нам кажется, принимать подобные допущения как данность нельзя.

Путаницы, вызванной сомнительными допущениями, можно избежать, если придерживаться двух правил. Во-первых, **необходимо разделять идеологический спрос и идеологическое предложение**. Их смешивание как раз и приводит к тому, что идеология интерпретируется буквально, так как политик воспринимается как подлинный представитель ценностей и интересов своего народа. В реальности политик может эксплуатировать социальную напряженность в своей риторике, используя популярную идеологию для прикрытия своих действий, не имеющих ничего общего с заявленными идеологическими целями. Во-вторых, необходимо придерживаться **функционалистского подхода**, то есть того, который трактует идеологию как средство для достижения определенных целей социального действия. Мы не рассматриваем используемые акторами идеологические аргументы как отправную точку для интерпретации их политических действий. Скорее мы расцениваем их как коммуникативные акты, посыл которых может либо помочь нам интерпретировать конкретные (невербальные) политические действия этих акторов, либо, наоборот, сбить нас с пути. Коммуникативные акты должны рассматриваться как всего лишь одно из измерений действий политиков, а не как прямое объяснение этих действий. Поэтому мы всегда можем проанализировать,

1 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 276–277.

какую функцию конкретная идеология или идеологический аргумент выполняют по отношению к другим действиям политика.

6.4.1. Идеологический спрос: акторы и режимы, пользующиеся идеологией

6.4.1.1. Универсальные функции идеологии

Идеология может выполнять для политических акторов различные функции. В рамках нашего анализа мы выделяем **две функции идеального типа: руководящую** и **фасадную**. Первая функция актуальна при описании акторов, управляемых идеологией, и хорошо соотносится с различными идеологическими классификациями, различающими «левых» и «правых», а также «неолибералов», «фашистов» и «коммунистов».

• ***Актор, управляемый идеологией,*** *— это индивидуальный или коллективный политический актор, действующий в соответствии с идеологией. Если точнее, то политического актора можно определить как управляемого идеологией, если (1) фундаментальный характер или определяющие / основополагающие элементы его деятельности можно вывести из артикулированных им идеологических аргументов, (2) он редко меняет свою идеологическую позицию и (3) любые изменения идеологической позиции сопровождаются соответствующими изменениями в его деятельности (ценностная когерентность).*

Следует отметить, что «управляемость идеологией», о которой мы писали в Главе 2, это не внутренние убеждения или образ мыслей представителей власти, которые свидетельствуют об их твердой приверженности неким идеям. Скорее это означает, что они выглядят истинными приверженцами, и что между их идеологией и их деятельностью существует сильная корреляция [▸ 2.3.1]. Именно такое положение дел, когда фундаментальные (публичные) политические ориентиры актора, стратегию и связанные с ними действия можно вывести

из его идеологии, мы называем «руководящей» функцией. Естественно, это не означает, что такой актор свободен от прагматизма и тактических соображений; или что он педантичный и бескомпромиссный исполнитель своих взглядов. **Акторы, управляемые идеологией, безусловно, могут идти на компромиссы, прибегать к политической тактике, и, конечно, они очень заинтересованы в получении и удержании власти** (как и любой политический актор). Более того, смотря по тому, сколько власти они хотят получить, и используя упоминаемые нами ранее доминирующие принципы функционирования государства [▸ 2.3.1], можно классифицировать управляемых идеологией акторов на две категории: в случае если они стремятся к монополии на власть, они руководствуются продвижением идеологии, а если монополия на власть не входит в их цели, то они действуют, исходя из принципа общественных интересов. **Но их отправной точкой является идеология, то есть идеологические цели публичной политики [▸ 4.3.4.1], которые они представляют, в соответствии с которыми планируют политическую тактику и ради которых хотят прийти к власти.**

В терминологии Вольфганга Мюллера и Кааре Стрёма управляемого идеологией актора можно охарактеризовать как «заинтересованного в политике», что означает, что он «стремится максимизировать [свое] влияние на публичную политику», а преследование политических целей играет в его стратегии главную роль[1]. По мнению авторов, таким акторам часто приходится идти на компромисс, выбирая между продвижением своих политических интересов и получением голосов избирателей для реализации первых на приобретенной должности в тех режимах, где проводятся выборы. Делая этот «трудный выбор», управляемые идеологией акторы иногда

1 *Müller W.C., Strøm K., eds.* Policy, Office, Or Votes?: How Political Parties in Western Europe Make Hard Decisions. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 7.

жертвуют своими более радикальными принципами, чтобы реализовать менее радикальные (например, когда они идут на компромисс, чтобы вступить в коалицию), однако **за достижение некоторых политических целей они также готовы платить политическую цену**[1]. Чтобы проиллюстрировать это, возьмем попытку установления автократии в Польше, предпринимаемую Ярославом Качиньским: он настаивает на строгом законодательством против абортов, даже несмотря на то, что с такой политикой не согласны более двух третей поляков, а кроме того, ведущая политическая элита не может извлечь из нее никакую (частную) материальную выгоду[2].

Рассматривая акторов, управляемых идеологией, имеет смысл и определять их через идеологию, поскольку для действий политических акторов она содержит в себе объяснительный потенциал, а также имеет прогностическую ценность, так как акторы не часто меняют свою позицию по специфическим вопросам. Однако ситуация кардинально меняется, **когда идеология выполняет роль фасада**, то есть когда речь идет об акторах, пользующихся идеологией.

◆ ***Актор, пользующийся идеологией*** *— это индивидуальный или коллективный политический актор, который транслирует какую-либо идеологию, но не действует в соответствии с ней. Если точнее, то политического актора можно определить как пользующегося идеологией, если (1) фундаментальный характер или определяющие / основополагающие элементы его деятельности нельзя вывести из артикулированных им идеологических аргументов, (2) он часто меняет свою идеологическую позицию и (3) эти изменения представляют собой не причину соответствующих изменений в его деятельности, а скорее их следствие (функциональная когерентность).*

1 Ibid. P. 9–15 и др.

2 *Roache M.* Poland Is Trying to Make Abortion Dangerous, Illegal, and Impossible // Foreign Policy. 01.08.2019. URL: https://foreignpolicy.com/2019/01/08/poland-is-trying-to-make-abortion-dangerous-illegal-and-impossible/. См. также: *Magyar B.* Parallel System Narratives. P. 637–643.

Пользующийся идеологией актор прибегает к различным идеологическим аргументам, применение которых определяется политической целесообразностью. Под «фасадной» функцией мы подразумеваем, что актор прикрывается идеологическими аргументами, чтобы скрыть свои реальные цели, демонстрируя рациональный, функциональный и циничный подход. В соответствии с доминирующим принципом функционирования государства можно определить пользующихся идеологией акторов как **действующих в интересах элиты**, что означает, что они стремятся к монополизации власти и личному обогащению, а не к воплощению представлений о том, как должно функционировать общество [▸ 2.3.1]. Таким образом, **когерентность обнаруживается не в обобщенном содержании идеологических аргументов, а в удовлетворении интересов элит и в том, как данные идеологические аргументы этому способствуют (функциональность)**. В этом заключается главное отличие этих акторов от акторов, управляемых идеологией, что приводит нас к следующему разграничению:

- **когерентность** является **ценностной**, если идеология актора логически последовательна и применяется соответствующим образом (то есть не содержит противоречий или двойных стандартов), как в случае управляемых идеологией акторов;
- **когерентность** является **функциональной**, если идеология актора логически непоследовательна и применяется бессистемно (то есть содержит противоречия или двойные стандарты), но **выбор идеологической позиции и ее трансформация последовательно вытекают из прагматических соображений**, то есть из принципа интересов элит, которыми руководствуются пользующиеся идеологией политические акторы.

Короче говоря, выбор идеологической позиции является здесь следствием тактических соображений и компромиссов, а не их причиной. Ниже мы указываем на то, что лишь некоторые типы аргументов логически обосновывают монополизацию власти и личное обогащение. Среди этих аргументов

есть более недолговечные, которые в целях обоснования конкретных действий используются, а затем по случаю отбрасываются и которые часто не соотносятся с той идеологией / целями, (a) приверженцем которых актор объявлял себя ранее, либо (b) которые актор, по его утверждению, преследует в контексте других задач. Однако некоторые аргументы, такие как «суверенитет» и «национальные интересы», применяются для обоснования политических действий наиболее часто. Аргумент «национальных интересов» может создавать видимость присутствия устойчивой концепции того, как должно функционировать нормальное общество, словно актор действительно преследует некую мотивирующую его идеологию[1]. Несмотря на это, такого актора не следует рассматривать как управляемого идеологией по двум причинам. Во-первых, ему все еще присущи свойства (2)–(3) из определения актора, пользующегося идеологией, из-за недолговечных аргументов, которые приближают его скорее к этому типу, чем к типу актора, идеологией управляемого. Во-вторых, ему не свойственна даже черта (1), поскольку концепция, которая периодически возникает из более общих аргументов, как правило, слишком размытая, что означает, что из нее нельзя вывести элементы, определяющие действия актора. Следовательно, эти аргументы не могут функционировать как руководство, а только лишь как фасад, потому что они дают большое пространство для маневра, позволяющее легитимировать широкий диапазон действий [▸ 2.3.1]. Пользующийся идеологией актор может пользоваться этими расплывчатыми идеологическими аргументами и при этом не утруждать себя объяснением того, почему он из раза в раз выбирает тот особый вариант действий, который ведет к продвижению интересов элиты [▸ 6.4.1.4].

1 Такую интерпретацию можно встретить: *Tölgyessy P.* Válság Idején Teremtett Mozdíthatatlanság [Неподвижность, вызванная кризисом] // Társadalmi Riport 2014. Budapest: TÁRKI, 2014. P. 636–652.

6.4.1.2. Управляемые идеологией и пользующиеся идеологией популисты

Расплывчатость прикладных идеологий, которые также можно назвать «**фасадными идеологиями**», возвращает нас к вопросу о **популизме**. В Главе 4 мы определили популизм как единство шести признаков: (1) опора на народный суверенитет, (2) антиплюрализм, (3) плебисцитарный характер, (4) мажоритаризм, (5) антиэлитизм, (6) риторика в духе «мы против них» [▸ 4.2.3]. Однако мы также объясняли, что популизм является «тонкой» идеологией, **то есть довольно туманной в политическом смысле, так как лишь предполагает неограниченную власть автократа, но не проговаривает, как конкретно он должен ее использовать**. На самом деле, отсутствие логической связи между «диагнозом» и «лечением», то есть между заявляемым мотивом популиста, например «национальными интересами», и вытекающими из него действиями, делает популизм идеальным фасадом, так как с его помощью можно оправдать фактически любую политическую меру (как левого, так и правого толка). Именно поэтому мы назвали популизм **идеологическим инструментом** [▸ 4.2.3]. Он работает как защитная «оболочка», в которую политики могут завернуть свой политический продукт, заявляя, что их предложение является единственно верным среди всех предлагаемых вариантов, так как оно и только оно соответствует «интересам народа».

Есть существенное отличие между политическими акторами, которые в первую очередь руководствуются определенной идеологией и используют популизм как вспомогательный инструмент, и акторами, для которых популизм играет первостепенное значение, тогда как политические меры, зачастую собранные со всего идеологического спектра, идут как приложение к их популистской повестке:

- **популисты, управляемые идеологией**, используют популистский нарратив, отталкиваясь при этом от постоянной ценностно-когерентной идеологии;

• **популисты, пользующиеся идеологией**, используют популистский нарратив на основании функциональной когерентности, не придерживаясь при этом никакой постоянной идеологии.

Ни в первом, ни во втором случае политическая программа интересующих нас акторов не определятся их популизмом. Однако популисты, управляемые идеологией, продвигают определенную политическую программу довольно последовательно и на постоянной основе, то есть их политическая ориентация не меняется в одночасье, а их действия, если позволяет ситуация, не противоречат их политической ориентации. Они не злоупотребляют фасадной природой популизма, которая позволяла бы им менять идеологии как перчатки. В свою очередь, **пользующиеся идеологией популисты** пользуются ей в том смысле, что **придерживаются популистского нарратива постоянно**, но при этом эксплуатируют его гибкость. Их популизм привязан не к какой-то одной идеологии, а скорее — к изменяющемуся набору идеологических аргументов, не являющихся когерентными с ценностной точки зрения, но обладающих функциональной когерентностью, отражающей принцип интересов элит.

Популистов, управляемых идеологией, все еще можно классифицировать, исходя из стандартных политических ориентиров, таких как «левое / правое» и «либеральное / консервативное», на основании той постоянной идеологии, которой они руководствуются[1]. Однако **пользующихся идеологией популистов нельзя назвать ни левыми, ни правыми, ни экстремистами**. Неправильно классифицировать этих политических акторов как, например, крайне правых, так как это (1) несет в себе допущение, что они на самом деле руководствуются

[1] Стоит, однако, отметить, что традиционно популистов записывают в радикальные и экстремистские проявления тех идеологий, которые они продвигают, из-за их антиплюрализма и антиэлитизма. См.: *Mudde C.* Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Таблица 6.6: Идеальные типы политических акторов в соответствии с их отношением к идеологии

<table>
<tr><th colspan="4">Акторы, управляемые идеологией</th><th colspan="2">Акторы, пользующиеся идеологией</th></tr>
<tr><td colspan="2">Центристы (левые / правые, либералы / консерваторы)</td><td colspan="2">Экстремисты (левые / правые, либералы / консерваторы)</td><td rowspan="2">Тоталитаристы</td><td rowspan="2">Популисты, пользующиеся идеологией</td></tr>
<tr><td>Непопулисты</td><td>Популисты, управляемые идеологией</td><td>Популисты, управляемые идеологией</td><td>Непопулисты</td></tr>
<tr><td>Неантиэлитисты</td><td colspan="2">Антиэлитисты</td><td>Анти / неантиэлитисты</td><td>Элитисты</td><td>Антиэлитисты</td></tr>
<tr><td>Плюралисты</td><td colspan="2">Антиплюралисты</td><td>Плюралисты</td><td colspan="2">Антиплюралисты</td></tr>
<tr><td colspan="3">Нетелеологическая легитимация</td><td>Телеологическая легитимация / нетелеологическая легитимация</td><td>Телеологическая легитимация</td><td>Нетелеологическая легитимация</td></tr>
</table>

идеологией, хотя это не так, и (2) смешивает их с акторами, действительно управляемыми идеологией, которые продвигают ту же идеологическую повестку, но при этом придерживаются ее в своих действиях. Популисты, пользующиеся идеологией, относятся к ней совершенно по-другому, по сравнению с «традиционными» правыми и левыми политиками, искренне руководствующимися идеологическими соображениями: (1) они используют различные правые и/или левые идеологические аргументы, выбирая и подменяя их как и когда им вздумается; а (2) логика их политических некоммуникативных действий не выводится из той идеологии, под которой они публично подписываются.

В Таблице 6.6 представлены **идеальные типы управляемых идеологией и пользующихся идеологией акторов** в сфере политического действия. Среди управляемых идеологией акторов можно в первую очередь выделить **центристов и экстремистов**, причем и те и другие могут принимать **как**

популистскую, так и непопулистскую формы. По своей политической ориентации как центристы, так и экстремисты придерживаются постоянной идеологии левого или правого толка[1]. Однако центристы занимают позицию «где-то посредине» и отвергают методы публичной политики, которые влекут за собой радикальные социальные изменения, тогда как экстремисты, наоборот, поддерживают их. В зависимости от их идеологической окраски, экстремисты могут продвигать либо левый радикализм — например радикальное перераспределение доходов в целях уравнивания богатства — либо правый радикализм — например радикальный запрет альтернативных стилей жизни, которые консерваторы считают аморальными (лишение ЛГБТ-сообщества их прав, запрет абортов и т. п.)[2]. В среде экстремистов популисты, управляемые идеологией, отличаются от непопулистов в первую очередь по признаку плюрализма. Так, в нашей терминологии фашисты считаются экстремистскими популистами, управляемыми идеологией, тогда как разные антидемократы (как левые, так и правые), которые «желают делегитимизировать нормативные основы представительной демократии и подорвать ее институционально-правовые структуры», являются экстремистами, но необязательно популистами[3].

С точки зрения идеальных типов, партийные системы **либеральных демократий** включают в себя (**значительное**) **большинство непопулистских центристов и** (**незначительное**) **меньшинство популистов и экстремистов**. Так, здоровой

1 Мы используем ось «правое / левое» только для определения идеальных типов и принимаем тот аргумент, что такая ось не позволяет вместить множество более точных описательных (нормальных, сарторианских) понятий, отражающих многомерную природу межпартийной конкуренции. Ср.: *Albright J.* The Multidimensional Nature of Party Competition.

2 *Ezrow L., Homola J., Tavits M.* When Extremism Pays: Policy Positions, Voter Certainty, and Party Support in Postcommunist Europe // The Journal of Politics. 2014. Vol. 76. № 2. P. 535–547.

3 *Pappas T.* Distinguishing Liberal Democracy's Challengers. P. 24–26.

и стабильно работающей либеральной демократией можно считать такой режим, который управляется периодически сменяющимися правыми или левыми непопулистами, получающими обратную связь от представителей правой / левой и либеральной / консервативной позиций, уважающими демократию и избегающими использования радикальных политических мер в пользу предпочитаемых ими социальных групп и во вред своим противникам (см. Текстовую вставку 6.3)[1].

Текстовая вставка 6.3: Центристские идеологии как обратная связь демократии

Две базовых формы политической стратификации — это разделение на левое и правое крыло, а также, параллельно этому разделению, понятия либерализма и консерватизма. <...> Оба этих явления неотделимы от демократии, источником жизненной силы которой является выборная система. Последняя гарантирует периодическую смену власти, что, в свою очередь, позволяет вносить коррективы в государственное управление, оставаясь при этом в демократических рамках. [Роль] правого и левого крыла, а также либерализма и консерватизма как раз в том, чтобы улучшить демократию путем политического противостояния. Все эти силы являются не чем иным, как источниками обратной связи для демократии. <...> Источники обратной связи существуют попарно, потому что таким образом они уравновешивают друг друга, создавая устойчивый баланс. Левые, правые, либералы и консерваторы — все в какой-то момент могут выступить с ответной (позитивной или негативной) реакцией на политику правящей партии. Иногда одни, а иногда другие не дают своим оппонентам заполучить полный контроль. Таким образом, разные составляющие демократического режима либо усиливаются, либо ослабевают. <...> Но если один из двух элементов доминирует в условиях, когда нет

[1] *Frankenberg G.* Democracy // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 250–268.

> противодействия с другого конца идеологического спектра, этот элемент неизбежно деградирует (так как получает только свою собственную позитивную обратную связь) и в конце концов уничтожает демократию. В политическом смысле он становится слишком радикальным и «избавительным» по своей природе, [поскольку] руководствуясь формальными принципами, он отключает негативную обратную связь, что создает <...> эффект «колеи». <...> «[В таких случаях], — как писал Норберто Боббио, — нет свободы, то есть нет демократии. Экстремисты неизбежно представляют политический отказ от демократии»[1].

В **коммунистических диктатурах партию-государство** — единственного коллективного политического актора в однопартийной системе [▸ 4.3.2.4] — можно назвать **тоталитарной**. С одной стороны, тоталитарные партии похожи на популистов экстремистского толка, так как они тоже продвигают антиплюрализм и занимают экстремальную идеологическую позицию. В истории такая позиция реализовывалась в форме либо ультраправого фашизма (нацизма), либо ультралевого марксизма-ленинизма[2]. С другой стороны, тоталитарные партии все же отличаются от популистов экстремистского толка по двум признакам: (1) если последние имеют антиэлитистские взгляды, тоталитарные партии продвигают **элитизм** (например, марксизм-ленинизм постулирует, что власть должна быть в руках «авангарда», который «знает лучше» истинные интересы людей, чем сами люди [▸ 4.2.4]); и (2) если легитимация популистов экстремистского толка, как правило, имеет нетелеологический характер, тоталитарные партии имеют **телеологическую легитимацию**. Мы заимствуем это понятие у Дьёрдя Конрада и Ивана Селеньи, которые называют

1 *Rudolf U.* A láthatatlan valóság: A fasisztoid mutáció a mai Magyarországon [Невидимая реальность: Фашизоидная мутация в современной Венгрии]. Pozsony: Kalligram, 2014. P. 71–75.

2 *Корнаи Я.* Социалистическая система.

марксизм-ленинизм телеологическим в том смысле, что его адепты оправдывают (легитимируют) свои действия, утверждая, что ведут общество к утопическому идеалу под названием «коммунизм»[1]. Среди всех других типов акторов лишь экстремисты непопулистского толка также могут иметь телеологическую легитимацию, однако такие акторы, как правило, являются плюралистами (и неантиэлитистами). Показательным примером такой идеологической позиции можно считать индивидуалистский анархизм (радикальное либертарианство), то есть ультраправую идеологию со своей утопической моделью общества, которая в то же время продвигает плюрализм и не пользуется популистскими нарративами[2].

Наконец, **в патрональных автократиях** однопирамидальная патрональная сеть состоит из пользующихся идеологией акторов, и поэтому правящую элиту в таких режимах можно назвать **популистами, пользующимися идеологией**. По своей риторике они напоминают других популистов — антиэлитизм, антиплюрализм и нетелеологическая легитимация — но при этом, как мы объясняли выше, они не придерживаются ни левых, ни правых взглядов, так как не управляются идеологией. Здесь же стоит отметить, что **патронализм и принцип интересов элит с неизбежностью приводят к пользованию идеологией** — не только по определению, но еще и потому, что **ни одна идеология**, будь она левой, правой или какой-то другой, **не может продвигать собственное обогащение власть предержащих, если она также подразумевает**

1 *Konrád G., Szelényi I.* The Intellectuals on the Road to Class Power. Brighton: Harvester Press, 1979.

2 Ярчайшим примером такой позиции является: *Rothbard M.* For a New Liberty: The Libertarian Manifesto. Alabama: Ludwig von Mises Institute, 2006. Среди анархистов-индивидуалистов есть те, кто позиционируют себя как приверженцев левых взглядов, хотя среди либертарианцев таких меньшинство. См.: *Chartier G., Johnson C. W.* Markets Not Capitalism: Individualist Anarchism Against Bosses, Inequality, Corporate Power, and Structural Poverty. New York: Minor Compositions, 2011.

гражданскую легитимацию. Накопление богатства, являющееся основополагающим элементом патрональных автократий и поднятое на уровень центрального политического управления [▸ 5], не может публично признаваться в режиме, опирающемся на гражданскую легитимацию, то есть на представление об общем благе. В действительности такая цель может стать принципом государственной политики только и именно тогда, когда происходит патрональная апроприация представления об общем благе.

6.4.1.3. Управляемый идеологией, пользующийся идеологией и идеологически нейтральный типы режимов

До этого момента мы уделяли основное внимание акторам, и в соответствии с тем, как их слова соотносятся с их делами, определили концептуальный континуум, на одном полюсе которого находятся акторы, управляемые идеологией, а на другом — акторы, идеологией пользующиеся. Однако эти понятия можно также применять и к **режимам**, если сравнивать то, как соотносится **риторика правящей элиты и деятельность государства**. Другими словами, нам необходимо сосредоточиться на государстве в целом, то есть на государственных институтах и их деятельности, и посмотреть, ценностной или функциональной когерентностью характеризуется их политическая деятельность.

Классификация режимов по критерию идеологии вызывает наименьшие затруднения: если речь идет об автократиях и диктатурах, то это те режимы, где присутствуют **однопирамидальные сети власти** [▸ 3.7.1], поскольку в таких случаях **ветви власти не отделены друг от друга** и подчиняются главе исполнительной власти и правящей политической элите. Соответственно, такие режимы **руководствуются целями исполнительной власти и правящей политической элиты**, из чего следует, что автократии и диктатуры можно охарактеризовать

таким же образом, как и их ведущие политические элиты. Если представители власти управляются идеологией, как, например, номенклатура в **коммунистических диктатурах**, то перед нами **режим, управляемый идеологией**, а если правящая элита пользуется идеологией и действует исходя из интересов элит, как, например, приемная политическая семья в **патрональных автократиях**, то это **режим, пользующийся идеологией**.

Управляемые идеологией режимы подчиняются принципу продвижения идеологии [► 2.3.1], поэтому они последовательно заставляют формальные институты, а также население следовать централизованным идеологическим установкам. Государственные институты во всех сферах, по крайней мере если речь идет о тоталитарных режимах, служит единой для всех идеологии, сообразуясь с телеологической целью. В свою очередь, в режимах, идеологией пользующихся, **государственные институты либо не придерживаются никакой идеологии последовательно, либо руководствуются различными идеологиями, имеющими функциональное применение на местном уровне**, то есть служат интересам элит и пользующимся идеологией лидерам. В некотором смысле здесь можно наблюдать структуру, аналогичную той, в которой пользующиеся идеологией акторы применяют функционально когерентные наборы идеологических аргументов. В информационном пространстве отдельный аргумент вполне может быть ценностно когерентным, так же как и отдельный институт может последовательно применять идеологию, если она служит интересам местной элиты. Но на глобальном уровне, если рассмотреть все аргументы вместе, риторика пользующихся идеологией акторов демонстрирует логические несоответствия и противоречия. Похожим образом, если **принять во внимание все государственные институты, то окажется, что пользующийся идеологией режим ценностно не когерентен, но обладает функциональной когерентностью**. Например, патрональная автократия может заключить союз с церковью,

которой в рамках ее посреднической автономии может быть дано право реализовывать свою антилиберальную идеологию в такой государственной сфере, как система образования [► 3.5.3.2]. В то же время другие сферы государственного управления, такие как социальная политика, могут руководствоваться другой идеологией, которая противоречит церкви, религиозной солидарности и библейскому учению о помощи бедным и нуждающимся[1], а третьи — могут не следовать вообще никакой идеологии и принимать решения, способствующие только личному обогащению (которые опять же противоречат любому религиозному учению о справедливости и умеренности). Кроме того, хотя на первый взгляд некоторые государственные сферы на местном уровне из-за того, что они действуют в рамках какой-либо идеологической позиции, кажутся управляемыми идеологией, пользующийся идеологией режим может с высокой периодичностью менять свои идеологические аргументы и в любой момент переориентировать эту сферу (или какую-либо другую) на реализацию монополизации власти и личного обогащения. Иными словами, продвижение идеологии на местном уровне в режимах с единой пирамидой не противоречит их характеру, но является его естественным следствием — именно так и работает использование идеологии[2].

Однако ответ на вопрос, как классифицировать политические системы с **мультипирамидальными сетями власти** и **отделенными друг от друга ветвями власти**, не так очевиден. В частности, **в либеральных демократиях** ветви власти разделены, а сферам государственного управления и министерствам (а также муниципалитетам) свойственна значительная автономия, что означает, что не все они служат целям правящей

1 Ср.: *Krémer B.* The Social Policy of the Mafia State and Its Impact on Social Structure; *Moiseev V.* et al. Social Policy in Russia: Promises and Reality. Atlantis Press, 2019.

2 Ср.: *Váradi B.* Nothing But a Mafia State? P. 308.

политической элиты [▸ 4.4.1]. Но именно из конституционной природы этого режима вытекает ответ на вопрос о его классификации. Отсутствие монополии на политическую власть, неоспоримое верховенство закона и доминирование непредвзятых государственных институтов (независимых судебных и законодательных органов) обеспечивают **конкуренцию идеологий**. Естественно, поскольку сама правящая политическая элита управляется (центристской) идеологией, институты в ее подчинении будут следовать той же идеологии, но, в отличие от реакционных или тоталитарных режимов, не в исключительном порядке. Для либеральных демократий идеального типа свойственно такое явление, как **государственная нейтральность**: государственные институты носят открытый характер и предоставляют нейтральное игровое поле для конкурирующих идеологий в соответствии с принципами конституционализма, всеобщего соблюдения прав человека и публичного обсуждения [▸ 4.2–3][1]. Кто-то может возразить, что конституционализм сам по себе является идеологией, и поэтому этот режим также можно считать управляемым идеологией. Но, согласно нашему определению, идеология должна применяться политическим актором в целях завоевания поддержки избирателей. В либеральных демократиях конституционализм не используется для этой цели, потому что в таких условиях его соблюдение является фундаментом. Иначе говоря, конституционализм задает рамки, в которых действуют акторы. При этом он не предлагается общественности как одна из нескольких альтернатив[2].

1 *Kis J.* State Neutrality.

2 Конечно, политические акторы, действующие в рамках институтов, призванных защищать конституционный строй (таких как конституционный суд), используют для обоснования своих действий конституционализм. Но они делают это не в целях завоевания народной поддержки, потому что должности в таких органах не являются выборными (именно по причине того, что конституционализм как таковой не является инструментом политической конкуренции). См.: *Sajó A.* Limiting Government. P. 225–244.

В отношении конкурирующей альтернативной идеологии государственные институты нейтральны и не являются предвзятыми или зависимыми, как в режимах, управляемых идеологией. Следовательно, либеральные демократии уместнее всего обозначить как **идеологически нейтральный тип режима**, что отражает их способность обеспечивать нейтральный фундамент для публичного обсуждения того, как люди представляют всеобщее благо.

6.4.1.4. Идеологические фасады, отвечающие интересам элит и приемной политической семьи

Тогда как пользующиеся идеологией акторы могут изменять и изменяют наборы своих идеологических аргументов, некоторые из них являются наиболее устойчивыми и эксплуатируются постоянно или, по крайней мере, довольно часто в отношении широкого круга специфических вопросов. Можно сказать, что **частота использования идеологического аргумента прямо пропорциональна его расплывчатости**. Если любую политику режима можно обосновать при помощи определенного аргумента, пользующийся идеологией актор может благодаря такой гибкости этого аргумента применять его в отношении множества явлений. С другой стороны, если аргумент предметен и ориентирован на конкретную проблему, то есть дает объяснение какому-то конкретному шагу или действию, то он может и будет использоваться только для этой конкретной проблемы (например, технократические аргументы «за» для обоснования формальных законов). Как правило, **арсенал пользующихся идеологией акторов** состоит из **большого количества предметных аргументов**, которые применяются и отбрасываются в целом непоследовательно и произвольно, а также **меньшего количества более обширных, размытых аргументов**, которые, соответственно, меняются гораздо реже. Кроме того, предметные или менее

размытые аргументы примыкают к более общим и более широким расплывчатым аргументам, которые становятся таким образом стабильным основанием для нарратива и отправной точкой, с которой связаны все другие аргументы.

В частности, некоторые из **самых размытых** и наиболее часто используемых аргументов возникают в условиях **популизма**. Актор реализует патрональное присвоение интерпретации общего блага [▸ 4.2] и использует идеологию, которая делает его решения непререкаемыми, а его неограниченную власть легитимной. Все, на что пользующиеся идеологией популисты наклеивают ярлык «национального» или «отвечающего интересам народа», становится легитимным, независимо от смысла проводимой ими политики. Кроме того, они монополизируют использование этого аргумента, а следовательно, и право заявлять о том, что является национальным, а что нет. Такого же присвоения можно добиться и при помощи **менее размытых аргументов**, более оптимизированных с учетом специфики режима. Возьмем для **примера патрональные автократии**, власть в которых базируется на неправомерном расширении полномочий главы патриархальной семьи на весь народ [▸ 2.4.5]. В патриархальной модели семьи домашнее хозяйство ее главы охватывает его кровных и приемных родственников, людей, прислуживающих в доме и на земле, принадлежащих различным сословиям и рангам, а также лиц, оказывающих семье сопутствующие услуги. Глава патриархальной семьи распоряжается людьми, имуществом, статусами[1]. Мафиозное государство осуществляет то же самое в масштабах нации, ликвидируя автономный статус лиц, принадлежащих к различным социальным группам, и стремясь подчинить их себе. Хотя на деле это предполагает монополизацию власти (и личное обогащение) в интересах элит, такой режим имеет специфические черты, которые обосновываются более

[1] *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 4. С. 72–76.

конкретными идеологическими аргументами. **Целостность системы обеспечивается культурными моделями патриархального господства, а также теми идеологическими аргументами, которые построены на основании этих моделей**, даже если они заимствуются из различных систем ценностей.

Разумеется, не все идеологические аргументы совместимы с поведенческими моделями такого типа власти. Например, им чужды идеологии, провозглашающие автономию и свободу личности, поскольку роли главы патриархальной семьи лучше всего соответствуют элементы коллективистских идеологий, предусматривающие господство в рамках домашнего хозяйства. Однако не все коллективистские идеологи могут выполнять эту функцию. Классовый и интернационалистский коллективизм, присущий марксизму-ленинизму, неприменим для идеологической легитимации патриархальных моделей власти. Таким образом, мафиозное государство заимствует разрозненные идеи из идеологического арсенала правых авторитарных режимов[1]. Например, один из аргументов, который может использовать приемная политическая семья, это **крайний консерватизм**. Естественно, эта идеология используется не как единое целое, и даже некоторые ее элементы, входящие в идеологический арсенал мафиозного государства, могут быть переиначены и переосмыслены в целях легитимации[2]. Но базовый принцип этого аргумента о том, что национальная или религиозная культура нуждается в защите и что никому не должно быть позволено действовать вразрез с ней, находит свое применение в качестве **легитимации общественной патронализации** и уничтожения социальной автономии, которую пропаганда изображает как отклоняющуюся от нормы и нарушающую «привычный» порядок

[1] *Csepeli G.* The Ideological Patchwork of the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 27–40.

[2] Пример фундаментальной работы на эту тему см.: *Дугин А.* Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009.

в обществе. Можно заметить, что если идеология применяется непоследовательно, то она действительно является фасадом: **на индивидуальном уровне члены приемной политической семьи остаются безнаказанными и могут вести тот образ жизни, какой захотят.** Однако, когда развивается деятельность НПО, в цели которых входит защита различных групп и продвижение критического мышления, то есть дискурса, в основе которого лежат права человека и конституционализм, **крайний консерватизм может использоваться для делегитимации** подобной **деятельности оппозиционного толка** (как, например, в России)[1]. Аргументы в пользу нормального порядка в обществе также могут применяться против социальной мобильности и практически любых социальных изменений, и в условиях патрональных автократий служат для подавления протестов против патрональной иерархии однопирамидальной сети. Например, в Беларуси официальная государственная идеология, по утверждению самого верховного патрона Лукашенко, представляет собой эклектичное сочетание марксизма-ленинизма, консерватизма и либерализма[2]. Она призвана не допускать распространения либеральных ценностей и взглядов и сохранять национальную культуру при помощи «идеологизированного воспитания», которое осуществляется через государственные институты и различные ОПР (организации — «приводные ремни»), такие как молодежные организации и профсоюзы. По утверждению Владимира Руды, «если посмотреть на то, как проводится идеологическая работа, станет ясно, что эта система представлений <...> никоим образом не ограничивает

[1] *Wilkinson C.* Putting «Traditional Values» Into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia // Journal of Human Rights. 2014. Vol. 13. № 3. P. 363–379.

[2] *Лукашенко А.* О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003.

действующую власть. Напротив, она служит для достижения прагматических целей, которые преследует Лукашенко: усиление его личного контроля над государственным аппаратом, системой образования и СМИ»[1].

Другой пример можно найти среди **аргументов, которые венгерское мафиозное государство использует для легитимации личного обогащения** в целом и незаконного фаворитизма и хищничества в частности (Таблица 6.7)[2]. Хотя Венгрия и имеет свои (экономические) особенности, влияющие на ее аргументацию, ее пример все же является репрезентативным с точки зрения патронального автократического управления, и многие из ее аргументов аналогичны тем, к которым прибегают другие посткоммунистические верховные патроны. Начать хотя бы с того, что все они являются популистами и тоже используют аргумент «национальных интересов» для оправдания своего обогащения, истолковывая фаворитизм или экономическую патронализацию как важные компоненты реализации общего блага. Так, общая популистская идеология в качестве основания своего нарратива находит отражение в более конкретных аргументах, которые мы рассматриваем ниже. У этих аргументов есть при этом своя более предметная и конкретная структура. Каждый из них содержит (1) особую цепочку рассуждений, включающую постановку «диагноза» рыночной экономике и конкурентным рынкам или некоторым прошедшим событиям, связанным с ними в рамках нарратива, и (2) предлагаемое «лечение». Однако, как и в случае с популизмом, не существует никакой логической связи между диагнозом и проводимым лечением, а **каждый из последующих аргументов направлен на делегитимацию оппозиции, особенно той, которая выступает против существующих структур**.

[1] *Rouda U.* Is Belarus a Classic Post-Communist Mafia State? P. 267–269.

[2] Всесторонний анализ нарративов режима Орбана см.: *Madlovics B.* A maffiaállam paravánjai.

Таблица 6.7: Идеологические аргументы, которые применяются в венгерской патрональной автократии в качестве фасада, прикрывающего личное обогащение

Действие	Идеологический аргумент	Цепь рассуждений	Фасадный потенциал (функциональный смысл аргумента)
Незаконный фаворитизм	Этатизм	Идеология свободного рынка привела не к богатству (а к кризису 2008 году) → государство должно помогать национальной экономике (например, путем создания «национальной буржуазии»)	Дискреционные услуги для неэффективных акторов становятся легитимны → рыночную координацию можно заменить на реляционную
Незаконное хищничество	Антилиберализм	(Нео)либеральная политика привела к господству транснациональных корпораций и крупному государственному долгу → государство должно исправить это через свое вмешательство	Дискреционное бюджетное и регуляционное вмешательство становится легитимным → приемная политическая семья может патронализировать любой (ранее свободный) сектор экономики
	Восстановление справедливости	Прежняя элита приобрела свое состояние обманным путем (в ходе приватизации) → государство должно отобрать собственность у плохих людей и отдать хорошим	Дискреционное присвоение неденежной собственности становится легитимным → приемная политическая семья может отнимать активы у любого из своих противников (жертв)

Первый аргумент, используемый непосредственно для легитимации незаконного фаворитизма, это **этатизм**. Цепочка рассуждений в этом случае начинается с **общего недоверия рыночной координации**, связываемой с кризисами, которые, конечно, подпитывали скептицизм в отношении капитализма и вызвали рост антикапиталистических движений в мировом масштабе[1]. Как объясняет политолог, входящий в приемную семью Орбана, после крупного экономического кризиса 2008 года, «когда неолиберальная вера во всемогущество

[1] Их обзор см.: *Tormey S.* Anti-Capitalism // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization. American Cancer Society, 2012.

рынка рухнула, а те, кто фанатично в нее верил, могли обратиться только в одну инстанцию, а именно к государству как носителю верховной власти, обанкротились не только экономические акторы, но <...> и сама либеральная идеология вместе с западным политическим строем в рамках пост-Бреттон-Вудской системы потерпела поражение»[1]. Эта формулировка уже содержит следующий довод в аргументации, подразумевающий, что, как утверждают пользующиеся идеологией популисты, государство должно вмешаться и помочь национальной экономике возобновить рост и поддержать таких «национальных лидеров рынка», которые сочетают конкурентоспособность с преданностью отчеству. Для этого требуется только, чтобы государство сформировало «национальную буржуазию» и, как в государстве развития, способствовало развитию экономики посредством вмешательства [▸ 2.6]. По словам Теллера, правительство запускает «цикл „вознаграждение — выполнение — вознаграждение“ [который представляет собой] своего рода политическое „лоно“, в котором формируется новая, хорошо функционирующая часть общества, и где дозволяется рост»[2]. Следовательно, как однажды открыто заявил другой идеолог, «[то, что] называется коррупцией, на самом деле является самой важной политической целью партии „Фидес“. Я имею в виду, что правительство задалось целью сформировать класс отечественных предпринимателей, которые станут опорой сильной Венгрии как в сельском хозяйстве, так и в промышленности»[3]. (Подобные аргументы, легитимирующие «государство развития»,

[1] *Zárug P.F.* Leviatán Ébredése [Пробуждение Левиафана] // Leviatán Ébredése: Avagy Illiberális-e a Magyar Demokrácia? [Пробуждение Левиафана или Либеральна ли демократия в Венгрии?]. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2015. P. 127.

[2] *Tellér G.* Született-e «Orbán-Rendszer» 2010 És 2014 Között? [Возникла ли система Орбана между 2010 и 2014 годами?]. P. 361.

[3] *Lánczi A.* Viccpártok színvonalán áll az ellenzék. Interview by Imre Czirják // Magyar Idők. 21.12.2015. URL: http://www.szazadveg.hu/hu/hirek/lanczi-andras-viccpartok-szinvonalan-all-az-ellenzek.

использовали и патрональные автократии Центральной Азии, такие как Узбекистан и Казахстан[1].)

Хотя либерально настроенные критики часто высказываются по поводу рациональности политики государства, формирующего капиталистическую страту, экономическая состоятельность аргумента не играет особой роли, поскольку тот не сопровождается политической программой действий, которую утверждает, или, точнее, **конкретная политика, для обоснования которой он используется, не следует из него**. Единственное, что легитимирует такой аргумент, это предоставление (дискреционных) услуг неэффективным акторам. Однако **привычный этатизм не предполагает, что лица, лояльные верховному патрону, или даже его кровные родственники должны становиться «национальными» лидерами в экономике**, или что кто-то может в случае нелояльности внезапно потерять свой «национальный» статус [▸ 3.4.1.4]. Следовательно, этот нарратив начинает соответствовать реальности, только если заменить (1) нацию и национальные интересы на приемную политическую семью и ее интересы, а (2) отношения между участвующими в этом цикле взаимной поддержки на патронально-клиентарные. Но такая замена, которая могла бы привести нарратив в соответствие с двумя фундаментальными компонентами патрональной автократии, далеко не очевидна, и на деле ничто в исходной цепочке рассуждений не указывает на ее необходимость. Отсюда следует, что этатизм патрона-автократа — это фасадная идеология, которая требуется лишь для того, чтобы подтолкнуть любого, кто выступает против экономической патронализации, в сторону незаконного статус-кво свободного рынка.

Второй аргумент, используемый для оправдания как незаконного фаворитизма, так и хищничества, это **антилибера-**

[1] *Kudaibergenova D.* The Ideology of Development and Legitimation: Beyond «Kazakhstan 2030» // Central Asian Survey. 2015. Vol. 34. № 4. P. 440–455. Также см. Главу 2 [▸ 2.6].

лизм. Это понятие также связано с отсутствием доверия, но на этот раз не к рыночной экономике в целом, а **к определенной «неолиберальной» политике**, которая «сбила нацию с пути». Оно может содержать практически любую критику действий более либеральной направленности, предпринятых в прошлом: «безусловное» принятие иностранного капитала, «неконтролируемое господство» транснациональных корпораций (банков и т. д.), которые осуществлялись за счет трудящихся соотечественников и через приватизацию «национальных богатств», накопление государственного долга и т. д.[1]

Лечение, предлагаемое в этом случае, опять же государство, но не в духе всеобщей веры в него, а в виде мандата, позволяющего обратить вспять эти конкретные процессы при помощи средств государственного вмешательства. Как пишет ведущий экономист правительства Орбана, «накопившиеся проблемы и напряженность присутствовали в Венгрии не только в экономической, но и в социальной сфере из-за [помимо других причин] достигнутого в течение предыдущих восьми лет благополучия, обусловленного кредитами, за которым последовало крушение экономики. <...> В этой ситуации, при поддержке большинства в две трети парламента, правительство, не избежав конфликтов, инициировало радикальные изменения практически во всех сферах экономической политики. <...> Короче говоря, новое правительство определило достижение общего блага прежде всего через реализацию совместного функционирования активного рынка труда и, при необходимости, государства, которое в полной мере представляет национальные интересы. Это положило начало радикальным изменениям в практике предыдущих двадцати лет, которая

[1] Об этом Орбан сказал в своей печально известной речи в летнем университете Тушваньош, где он объявил, что строит «нелиберальное государство». См.: *Orbán V.* A Munkaalapú Állam Korszaka Következik [Приближается эра рабочего государства]: речь, произнесенная в XXV Летнем университете и студенческом лагере в Бэиле-Тушнад (Тушнадфюрдё). 26.07.2014.

базировалась на <...> так называемом Вашингтонском консенсусе, рекомендованном международными организациями и основанном на неолиберальной экономической философии»[1].

Этот аргумент тоже используется в качестве фасада, прикрывающего патрональную политику, выражающуюся в **дискреционном бюджетном и регуляционном вмешательстве** (которые используются для объяснения и фаворитизма, и хищничества [▸ 5.5.4.1]). Аргументы против неолиберализма делегитимируют идею о том, что вход на любой рынок должен быть ограничен для государства, а борьба с транснациональными корпорациями оправдывает препятствование их нормальной работе, которое осуществляется через нормативные акты и налогообложение, при том что местным конкурентам предоставляется дискреционная поддержка. Однако **из этого не следует**, что из всех многочисленных экономических акторов в стране **поддержку обязательно получают лояльные олигархи и подставные лица приемной политической семьи**. Посредством дискреционного вмешательства обеспечивается именно сбор ренты для тех, кто соответствует антропологическому характеру приемной политической семьи [▸ 3.6.2], так как государство «выбирает лидеров» экономики, а интенсивность (иностранной) конкуренции снижается [▸ 2.6][2]. Кроме того, тогда как менее мобильные иностранные компании вынуждены оплачивать крышу или подвергаться присвоению, более мобильных либо оставляют в покое, либо могут даже привлечь в страну снижением налогов и другими дискреционными услугами. В Венгрии, экономика которой более тесно связана с внешними рынками, чем другие патрональные автократии, такие соглашения даже принимают формальный вид:

1 *Barcza G.* A Magyar Gazdasági Modell [Венгерская экономическая модель] // Nemzeti Érdek. 2013. № 3. P. 26.

2 *Orbán K.* Száz Év Szorongás: A Magyar Politika a Felzárkózás Ellen [Сто лет беспокойства: Венгерская политика против догоняющего развития] // Hegymenet. Budapest: Osiris Kiadó, 2017. P. 74–85.

правительство заключает с транснациональными корпорациями так называемые соглашения о стратегическом партнерстве [▸ 7.4.5]. Многое из того, что производят эти партнеры, не продается на венгерских рынках, и поэтому при помощи законов невозможно установить для них экономически обоснованную прибыль, но в то же время они создают для венгров рабочие места и платят налоги с их заработной платы в стране. Что касается идеологии, необходимо отметить **несоответствие между прагматичным отношением к транснациональным корпорациям и жесткой антитранснациональной риторикой**, которая в очередной раз указывает на фасадный характер антилиберализма.

Наконец, аргумент, который используется специально для легитимации хищничества, — это **восстановление справедливости**. Отправной точкой этого аргумента является **несправедливый характер первоначальной структуры собственности**, которая сформировалась мошенническими методами, такими как трансформация власти в период приватизации [▸ 5.5.2.2]. На основании этого диагноза предлагаемое лечение представляет собой один из способов политической реорганизации структуры собственности, при котором собственность отбирается у необоснованных собственников и передается тем, кто ее заслуживает («национальным» акторам, если связать этот аргумент с фундаментом популизма)[1]. Один из главных идеологов Орбана и ректор Университета Корвина, Андраш Ланци красноречиво излагает этот аргумент: «То, как мы оцениваем реорганизацию собственности, произошедшую после смены режима, имеет решающее значение. Смене режима предшествовал период спонтанной приватизации, когда люди, приближенные к коммунистической власти, могли легко и незаконно завладеть государственной собственностью. Тем не менее этот период довольно скоро

1 *Mihályi P.* Votes, Ideology, and Self-Enrichment.

закончился, и более поздняя законная приватизация дала возможность многим товарищам на различных условиях накопить состояние. <...> Не надо морочить мне голову, называя происходящее сегодня „воровством“ или „коррупцией“. Нет, политическая революция не может не вызвать экономических последствий. <...> В ходе выборов на кону всегда стоит принцип: демократическое представительство подразумевает не только избранных народом людей, но и удовлетворение их чувства справедливости»[1]. (Подобные аргументы, а также пересмотр результатов приватизации были центральной темой и в других посткоммунистических странах[2].)

Функциональным последствием восстановленной справедливости является легитимация дискреционной реорганизации структуры собственности, в ходе которой верховный патрон ничем не ограничен как в выборе бенефициаров, так и потенциальных жертв для захвата собственности. Это не так очевидно, потому что аргумент касается добытых обманным путем материальных ценностей членов номенклатуры и посторонних лиц. Их можно идентифицировать как отдельную группу людей, у которой (в соответствии с нарративом) необходимо отнять собственность. Однако сама формулировка этого аргумента объявляет изначальную структуру собственности несправедливой и, следовательно, определяет (1) любое противодействие реорганизации как безосновательную защиту статус-кво, а (2) каждый акт реорганизации (хищничества) как восстановление справедливости. Таким образом, не приходится сомневаться, что это деляется в хищнических целях, при том что верховный патрон **патронально присваивает интерпретацию справедливости**.

1 *Lánczi A.* Mi a Tét? [Что поставлено на карту?] // Heti Válasz. 19.03.2014. URL: http://valasz.hu/itthon/mi-a-tet-74462.

2 *Denisova I.* et al. Who Wants To Revise Privatization? The Complementarity of Market Skills and Institutions // The American Political Science Review. 2009. Vol. 103. № 2. P. 284–304.

Аргумент восстановления справедливости ставит приемную политическую семью в позицию непререкаемого морального авторитета и дает ей полную свободу в выборе жертв хищничества. Фактически, как мы писали в предыдущей главе, в фазе выслеживания, когда хищник выбирает себе добычу, он должен учитывать множество факторов [▸ 5.5.4.1], и ни один из них не следует из аргумента о восстановлении справедливости. Этот аргумент является фасадом именно потому, что, хотя он и объясняет любые случаи хищничества, все же он не может являться основанием для фактического хищничества. Кроме того, таким же образом из этого аргумента не следует необходимость группы бенефициаров, то есть невозможно понять, почему именно олигархи и полигархи (и кровные родственники) приемной политической семьи являются «справедливыми» обладателями состояния, а не кто-либо другой. Так, если политику и можно вывести из аргумента Ланци, это будет (1) единичное действие с (2) более прицельным поиском тех собственников, кто действительно приобрел свое имущество обманным путем, и (3) последующее нормативное перераспределение собственности среди тех, кому она принадлежит по праву (предположительно, народу [▸ 5.5.2.2]). Однако это перераспределение носит дискреционный характер и перемещает собственность именно во владение приемной политической семьи не из соображений справедливости, а исключительно в интересах элит, следовательно, можно утверждать, что правящая элита действует в собственных интересах. Другими словами, поскольку восстановление справедливости не является мотивом деятельности государства, у нас нет оснований полагать, что оно в действительности управляется такой идеологией. При этом у нас есть все основания полагать, что государство действует по принципу интересов элит, потому что этот принцип обладает объяснительной силой, тогда как восстановление справедливости — это лишь идеологический фасад, в котором значение

понятия «справедливость» определяется и переопределяется в соответствии с функциональной когерентностью, функциональность которой заключается в направлении всех усилий на личное обогащение приемной политической семьи[1].

6.4.2. Идеологический спрос: от политики идентичности до конспирологических теорий

До этого момента мы рассматривали идеологический спрос на политическом рынке. Мы определили идеологии как системы убеждений, используемые политическими акторами для получения народной поддержки своих действий. Кроме того, мы провели различие между акторами, для которых идеология выполняет руководящую функцию, то есть управляемыми идеологией, и теми, для кого она является лишь основанием их легитимности, предоставляющим карт-бланш на определенную деятельность, то есть пользующимися идеологией. Но в каждом из этих случаев идеология является «политическим продуктом», который поставляют и продают политические акторы. Другой стороной этой «сделки» являются **люди**, которые **олицетворяют идеологический спрос**

1 Некоторые наши критики полагают, что наше определение мафиозного государства и его самоопределение следует использовать одновременно, то есть считать, что оно действительно добивается справедливости, однако истолковывает ее по-своему — как реализацию интересов элит. Однако это прямо противоречит бритве Оккама и принципу простоты (экономии). Если у нас есть теория, объясняющая принцип функционирования государства (интересы элит), то добавление в нее нового элемента, который еще раз объясняет некоторые из тех же принципов (восстановление справедливости), явно избыточно. Следовательно, при описании мафиозного государства справедливость и другие аргументы незначительной объяснительной силы должны рассматриваться только как часть нарратива, а не как принципы, действительно способные объяснить функционирование режима. См.: *Madlovics B.* A „fasisztoid Mutáció" Sikere? [Успех «фашизоидной мутации»?] // Élet És Irodalom. 2017. Vol. 61. № 5. URL: http://www.es.hu/cikk/2017-02-03/madlovics-balint/a-fasisztoid-mutacio-sikere-.html.

на политическом рынке и «покупают» «поставляемые» им идеологии [▸ 4.3.3.1].

В этой части мы подробно рассмотрим идеологический спрос, в частности спрос на популизм, и то, каким предложением отвечают на этот спрос пользующиеся идеологией популисты. Вначале мы даем краткий обзор истоков политики идентичности и того, как ее применяют популисты. Затем мы обращаемся к триаде «бог — нация — семья», которая является краеугольным камнем идентичности для людей и эффективным инструментом для пользующихся идеологией популистов. Далее мы даем определение понятию «враг», то есть актору, который в популистском нарративе представляет опасность для данной идентичности и которого выбирают те, кто «поставляет» идеологию в функционально-когерентной манере. Наконец, мы указываем на то, как политика идентичности выливается в теории заговора, и какие функции они выполняют в популизме с точки зрения спроса, а также предложения.

6.4.2.1. Функциональная когерентность спроса на популизм на Западе и на Востоке

Функциональная когерентность присуща не только популистам, применяющим идеологию. На самом деле **особую функциональную когерентность можно обнаружить и у электората популистов**[1]. Она проявляется **в выборе той идеологии, которая наилучшим образом способствует сохранению их социального и экономического статуса**. Этот выбор не всегда последователен с точки зрения ценностей, а люди принимают

1 Это не означает, что все избиратели популистов одинаковы, однако существует своеобразное мировоззрение, которое разделяют многие из них. См.: *Rooduijn M.* What Unites the Voter Bases of Populist Parties? Comparing the Electorates of 15 Populist Parties // European Political Science Review. 2018. Vol. 10. № 3. P. 351–368.

изменения в нарративе или могут относиться к нему, применяя двойные стандарты (то есть допуская некоторые исключения). Однако им важно иметь идеологию, которая легитимным образом защищает их статус от **угрожающих факторов**, процессов и людей.

Угрожающие факторы на Западе и на Востоке отличаются друг от друга. **На Западе**, согласно теории о культурной реакции, предложенной Пиппой Норрис и Рональдом Инглхартом[1], в 1970-е годы наблюдался рост поддержки социально-либеральных, прогрессивных ценностей, таких как секуляризм, космополитизм, открытость к разнообразию стилей жизни и народов, поддержка прав ЛГБТ и т. д. По утверждению авторов, приверженность к постматериалистическим ценностям возникла в результате удовлетворения материальных потребностей, то есть достижения беспрецедентно высокого уровня экзистенциальной безопасности[2]. Однако они полагают, что материальному благополучию угрожают **иммиграция и культурные различия, с одной стороны, и экономические трудности — с другой**, особенно обусловленные политическими мерами, которые приближают глобализацию. Как отмечают авторы, люди, «чьи жизненные шансы традиционно были под защитой национальных границ <...>, воспринимают их ослабление как угрозу своему социальному статусу и безопасности»[3]. Основное положение авторов заключается в том, что эти угрозы отменили достижения экзистенциальной безопасности 1970-х годов и вызвали так называемую культурную реакцию: люди отреагировали в соответствии со своими «авторитарными рефлексами» и начали требовать (политической) защиты во имя **безопасности — против**

1 *Norris P., Inglehart R.* Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. New York, NY: Cambridge University Press, 2019.

2 Также см.: *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977.

3 *Norris P., Inglehart R.* Cultural Backlash. P. 136.

нестабильности и беспорядка — и во имя сохранения традиций — против приезжих и расовых / этнических меньшинств[1]. Еще одна теория, кратко изложенная в книге Фрэнсиса Фукуямы «Идентичность»[2], необходима нам для того, чтобы объяснить, что эти процессы усиливались политической сферой, в которой практиковалась так называемая политика идентичности (см. Текстовую вставку 6.4). Фукуяма утверждает, что уникальная идентичность, выражающаяся в общности взглядов людей определенной нации, была раздроблена на различные идентичности, которые противоречат друг другу. По иронии судьбы, спустя четверть века Фукуяма согласился с Хантингтоном, который в своем «Столкновении цивилизаций» раскритиковал западную интеллигенцию за нападки на национальную идентичность и ее дробление, вызванное вниманием к правам группы (а не личности). В 1996 году Хантингтон утверждал, что западная цивилизация должна отказаться от «сеющих распри чарующих призывов к мультикультурности»[3]; в 2018 году Фукуяма указывает на раздробленность или «постоянно растущий круг различных групп идентичности, закрытых от посторонних»[4] и связывает их с мультикультурализмом. Точнее, он обвиняет в этом политику идентичности, которая обособила маргинальные группы, представив их не частью единой нации, а исключительными «племенными» группами, которые отличаются от остального общества и, следовательно, имеют право на привилегии. Фукуяма утверждает, что эти изменения подпитывают правую политику идентичности, поскольку **социальные группы, имевшие высокое положение в социальной иерархии, начали ощущать пренебрежение к себе и относительную**

1 Ibid. P. 87–132.

2 *Фукуяма Ф.* Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019.

3 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 505.

4 *Фукуяма Ф.* Идентичность. С. 157.

потерю статуса, поскольку они почувствовали, что другие идентичности — например женщины, этнические / расовые группы или представители ЛГБТ-сообщества — и их интересы становятся более приоритетными для политиков. Эгалитарные изменения в целом и позитивная дискриминация в частности задевают чувство справедливости «проигравших» или игнорируемых групп, таких как белые рабочие-мужчины. Приоритет, отдаваемый другим группам, воспринимается как чрезмерный, а сами они рассматриваются как конкурирующие с проигравшими группами, их социальным положением и исконными (консервативными) ценностями[1]. Идеи Фукуямы, которые противоречат теории Норрис и Инглхарта, это лишь обратная сторона медали: люди не только испытывают недовольство и требуют стабильности, но и обвиняют правящие круги в том, что те кладут благополучие людей на алтарь защиты прав узких маргинализированных групп. И дело здесь не просто в «ксенофобии» или «расизме», а в ощущении, что политический класс уничтожает то, что некоторые исследователи называют онтологической безопасностью[2]: микроклимат, который люди сделали своим домом, с его уже известными точками отсчета, системой координат, обычаями и даже цивилизационными нормами [▸ 1.3.1], которые выполняют роль навигации и помогают сводить концы с концами в сегодняшнем сложном мире. **Популизм**, в свою очередь, **является реакцией на эти социальные процессы и жизненный опыт игнорируемых людей**. По удачному выражению Каса Мудде, «популизм — это нелиберальный демократический ответ недемократическому либерализму»[3].

1 *Фукуяма Ф.* Идентичность. С. 150.

2 Обзор см.: *Kinnvall C., Mitzen J.* Anxiety, Fear, and Ontological Security in World Politics: Thinking with and beyond Giddens // International Theory. 2020. Vol. 12. № 2. P. 240–256.

3 *Mudde C.* The Problem with Populism // The Guardian. 17.02.2015. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/17/problem-populism-syriza-podemos-dark-side-europe.

Текстовая вставка 6.4: От идентичности к идентичностям внутри нации

Современная концепция идентичности объединяет три различных феномена. Первый — тимос, универсальный аспект человеческой личности, который жаждет признания. Второй — различие между внутренним и внешним «я», а также нравственное превосходство внутреннего «я» над внешним обществом, оформившееся как идея только в Европе начала Нового времени. Третий — развивающаяся концепция достоинства, согласно которой признания достоин не узкий класс людей, но все и каждый. Расширение и универсализация понятия «достоинство» превращают личные поиски себя в политический проект. <...> Каждая маргинализированная группа имеет возможность выбора между более широким и более узким определением собственной идентичности. Оно может требовать, чтобы общество относилось к ней так же, как к группам, превалирующим в обществе, или может утверждать отдельную идентичность своих членов и требовать уважения к ним на том основании, что они отличаются от основной массы населения. Со временем восторжествовала последняя стратегия. <...> Термин мультикультурализм <...> стал обозначением политической программы, предполагавшей необходимость и способность одинаково ценить каждую культуру и каждый жизненный опыт, а в особенности те, которыми пренебрегали или которые недооценивали в прошлом. Если классический либерализм направлен на защиту независимости равных индивидуумов, <...> мультикультурализм поощряет равное отношение к культурам, даже если эти культуры ограничивают независимость тех, кто в них вовлечен. [Политика идентичности фокусируется] на новых, узко определяемых маргинализированных группах [и] отвлекает внимание от старых и крупных групп с куда более серьезными проблемами. <...> Сельские жители, составляющие становой хребет популистских движений, <...> полагают, что их традиционным ценностям угрожают космополитические городские элиты. <...> Политика идентичности стала линзой, через которую сегодня представители всего идеологического спектра

> рассматривают большинство социальных вопросов [, а] группы начинают воспринимать друг друга как угрозу[1].

На Востоке посткоммунистического региона аналогичные процессы могли происходить только в западно-христианском историческом регионе, где управляемые идеологией либеральные силы могли править в течение значительного периода времени и проводить политику как в направлении глобализации, так и в отношении меньшинств[2]. Таким образом, **западный опыт служит лишь примером сдерживающего фактора** для большинства восточных популистов, которые представляют себя защитниками от тех, кто мог бы принести те же проблемы в их страны. В частности, (1) управляемые идеологией центристы и гражданское общество (международные НПО и т. д.), а также (2) различные меньшинства и социальные группы, которые занимают привилегированное положение на Западе, представляются официальной риторикой как угроза социальному статусу и общественному порядку большинства людей[3]. Как вспоминает Явлинский, в риторике Путина «совокупный образ Запада является естественным общим врагом для множества различных течений и сил внутри России, которые придерживаются идеалистического взгляда на „традиционное" общество, противопоставляя его современному постиндустриальному обществу, которое, по их мнению, было „развращено" „злонамеренными" силами либерализма»[4]. Кроме того, как он справедливо отмечает,

1 *Фукуяма Ф.* Идентичность. С. 63, 144–157.

2 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 33–49; *Kovács A.* The Post-Communist Extreme Right: The Jobbik Party in Hungary // Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse. London: Bloomsbury Academic, 2013. P. 223–234.

3 Примеры идеологий, содержащих такую позицию, см.: *Дугин А.* Четвертая политическая теория; *Schmid M.* Nyugaton a Helyzet Változóban [Не все спокойно на западном фронте].

4 *Yavlinsky G.* The Putin System: An Opposing View. P. 94–95.

такое изображение Запада «как главного и практически единственного внешнего врага нации логически следует из любимого нарратива российского истеблишмента, в котором те, кто критикуют российское правительство, выступают против русского народа и находятся под влиянием из-за рубежа»[1], что является также основным антиплюралистским мотивом патрональных автократий [▸ 4.2.3].

Однако восточные популисты не берут свои требования из воздуха: они предлагают решения, направленные на снятие **существовавшей ранее социальной напряженности**. Во время распада Советского Союза в посткоммунистических странах значительная часть общества ожидала, что, когда она согласилась на государственную систему управления западного типа, уровень жизни в скором времени также сравняется с западным. Однако за падением крупных монолитных репрессивных систем последовали неизвестные ранее новые формы личной повседневной уязвимости:

• **люди пережили сопутствовавший экономическим преобразованиям кризис** со всеми упомянутыми выше признаками, которые мы обсуждаем более подробно далее [▸ 7.4.7.3]. Это вылилось в то, что порядок открытого доступа, установившийся после смены режима, немедленно потерял поддержку не только потому, что он вызвал у большей части общества экзистенциальную тревогу, но и потому, что он не смог обеспечить ожидаемый от него западный уровень жизни.

• **процесс приватизации люди восприняли как несправедливый**, либо из-за проявлений различных форм трансформации власти [▸ 5.5.2.2], либо просто потому, что большая часть населения не была к нему допущена, из-за чего создавалось ощущение что людей лишили «общей, принадлежащей всем собственности» (которая на самом деле никогда

[1] Ibid. P. 94.

таковой не являлась). Конечно, в странах, где практиковалось бесплатное распределение, граждане могли получить свою долю бывшей коммунистической собственности, но в конечном счете через приватизацию смог разбогатеть относительно небольшой круг людей, тогда как большая часть населения осталась не у дел. Это вызвало всеобщее недовольство среди проигравших[1]. Законность этого процесса также постоянно подвергается сомнению. Помимо цифр, которые мы приводили ранее [▸ 5.5.1], достаточно просто упомянуть, что в 2006 году три четверти репрезентативной выборки россиян «согласились» или «более или менее согласились» с тем, что приватизация промышленных предприятий проводилась с «серьезными нарушениями закона»[2].

• **олигархическая анархия и низкий уровень институционализма** в таких странах, как Украина и Россия, привели к повсеместной неопределенности в отношении контрактов и прав собственности, особенно для предпринимателей. Экономические акторы могли почувствовать себя уязвимыми, в качестве конкурентов и поставщиков, а иногда даже становились жертвами бюрократии, местных олигархов и транснациональных корпораций. И в целом успех или неудача на рынке имели очень мало общего с реальной производительностью или качеством обслуживания потребителей.

• **выросло неравенство с точки зрения доходов и имущества**, частично в результате обозначенных факторов, но также из-за высокого уровня патронализма. Люди в посткоммунистическом регионе действительно могли наблюдать высокий уровень рыночного, а также патронального неравенства [▸ 6.2.2.2], которое следовало за различными периодами приватизации и развития рыночной экономики, транзитной олигархической анархии и/или патрональной демократии.

1 *Denisova I.* et al. Who Wants To Revise Privatization?

2 *Frye T.* Property Rights and Property Wrongs. P. 174.

Как отмечал Фрай, неравенство способствовало повышению уровня политической поляризации в этом регионе[1].

Эти факторы использовали **популисты**, **риторика** которых **представляла четкую причинно-следственную связь между такими проблемами и рынками, либеральными политическими элитами и империалистическими политическими и экономическими акторами**. Как пишет Политковская, в России «„демократ“ стало буквально ругательным словом: настолько, что люди использовали вместо него слово „дерьмократ“. Оно использовалось не только в среде фанатичных коммунистов и сталинистов, но и большинством населения. „Дерьмократы“ вызвали гиперинфляцию в России, лишили людей сбережений, которые сохранились у них с советских времен, <...> и руководили валютным дефолтом российского правительства»[2]. В Декларации национального сотрудничества период с 1990 по 2010 годы в Венгрии под управлением Орбана описывается как «два беспокойных десятилетия»[3]. В Венгрии слово «либерал» тоже стало ругательством, которое Орбан часто использовал в своих выступлениях[4], а венгерские патрональные СМИ регулярно упоминают приватизацию, либеральную партию *SZDSZ* и премьер-министра из социалистического лагеря, Ференца Дюрчаня, в качестве пугал, которые поставили страну на «край банкротства»[5].

1 *Frye T.* Building States and Markets After Communism: The Perils of Polarized Democracy. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010.

2 *Politkovskaya A.* A Russian Diary. P. 183–184.

3 Hungarian National Assembly. Political Declaration 1 of 2010 (16 June) of the Hungarian National Assembly on National Cooperation (n.d.). URL: http://nefmi.gov.hu/english/political-declaration.

4 *Holmes S.* Democracy for Losers.

5 *Balogh E.* Orbán's Revisionist History: Hungary on the Brink of Bankruptcy, 2010 // Hungarian Spectrum (blog). 03.04.2019. URL: https://hungarianspectrum.org/2019/04/03/orbans-revisionist-history-hungary-on-the-brink-of-bankruptcy-2010/; *Tamás G.M.* A Gyurcsány-Eset [Дело Дюрчаня] // Magyar Narancs. 2011. № 21. URL: http://magyarnarancs.hu/publicisztika/a_gyurcsany-eset-76201.

Соглашаясь с этой сконструированной причинно-следственной связью, избиратели популистов в посткоммунистическом регионе развили тот же **комплекс жертвы и возмущение несправедливостью**, что и их западные коллеги. Кроме того, в риторике популистов они нашли то же **освобождение**[1]. На практике — на чем мы подробно остановимся в следующих частях — популисты запустили собственный бренд политики идентичности: **вышеупомянутые социальные группы получили общую идентичность — «народ» или «нация», а популисты определили ее как подлежащую защите**.

Это подкрепляет сказанное нами в Главе 4, а именно, что, по утверждению популистов, они являются единственными подлинными представителями народа и национальных интересов, в то время как все другие политические акторы нелегитимны [▸ 4.2.3]. С точки зрения спроса, людям говорят, что, когда их социальное положение находится под угрозой, атаке подвергается «народ» или «нация» (национальные интересы). С точки зрения предложения, пользующиеся идеологией популисты применяют понятие «нация» в качестве идеологического фасада, а также (1) легитимируют свои действия как необходимые для продвижения национальных интересов и (2) рассматривают каждый критический голос как антинародный.

6.4.2.2. «Мы»: достижение двусторонней функциональной когерентности путем использования аргументов о боге, нации и семье

Популистский нарратив основывается на манихейской оппозиции **«мы и они»**, похожей на ту, которую описывал Фукуяма, говоря о разделительной политике идентичности[2]. В качестве первого шага при построении подобного нарратива

1 *Pappas T.* Populism and Liberal Democracy. P. 110–116.

2 Ср:. *Krekó P.* et al. Beyond Populism: Tribalism in Poland and Hungary. Budapest: Political Capital, 2018.

необходимо очертить границы этого «**мы**», то есть общей дискурсивной идентичности. Как объясняет Эрнесто Лакло, общее чувство потери и негодования «никогда бы не стало чем-то большим, чем довольно туманное ощущение солидарности, если бы оно не выкристаллизовалось в определенную дискурсивную идентичность <...>. Только этот момент кристаллизации создает „народ" популизма». Однако Лакло также отмечает, что эта идентичность не «подчинена требованиям», а скорее «реагирует на них и через обращение этого взаимоотношения сама становится их основанием»[1]. Суть заключается в том, что даже если представление о «мы / нас» формируется через определение «обделенных» групп, получающаяся в итоге идентичность не может сводится к простой сумме разрозненных интересов. Напротив, она становится **новой коллективной идентичностью со своими собственными границами и целью**. Популист, формирующий представление о «мы / нас», не только выбирает, какие конкретно обделенные группы нужно включить изначально, но и оставляет за собой исключительное право решать, кого можно включить впоследствии. Другими словами, **популист присваивает интерпретацию идентичности**, становясь единственным, кто может легитимно ее определять (как и всеобщее благо [▸ 4.2.3]).

Пользующимся идеологией популистам[2] апроприация толкования позволяет использовать общую идентичность в функционально-когерентной манере. Однако в действительности они добиваются **двусторонней функциональной когерентности**, то есть создают идентичность, которая **удовлетворяет не только практико-ориентированный**

[1] *Laclau E.* On Populist Reason. London; New York: Verso, 2005. P. 93.

[2] В рамках нашего исследования мы сужаем нижеследующее обсуждение до популистов, пользующихся идеологией. Тем не менее многие из приведенных нами выводов также актуальны для популистов, управляемых идеологией, которые часто идут теми же дискурсивными тропами.

спрос — восстановление справедливости и защиту от угроз статусу включенных групп — **но и решает некоторые задачи на стороне предложения,** в частности оправдывает монополизацию власти и покрывает личное обогащение политической элиты. Использование понятия «народ», в которое можно включить обделенные группы (то есть испытывающие неподдельное чувство несправедливости) и потенциально обделенные группы (то есть те, в которых чувство несправедливости разжигает популист с помощью своей популистской риторики)[1], как раз является одним из инструментов, позволяющих этого добиться. Другим, более сложным, но очень эффективным инструментом (по крайней мере, в посткоммунистическом регионе) является так называемая **апроприация ценностей через их переопределение**. Это значит, что **пользующиеся идеологией популисты используют существующие идентичности, связанные с традиционными сообществами взаимной защиты, как основу своей деятельности**. Эти идентичности укоренены в сознании индивидов как ценности, которые, при условии, что они уважаются, позволяют выжить и защититься от внешних врагов[2]. Существует три самых важных сообщества такого рода: **духовное сообщество (бог), этническое сообщество (нация), и семья**[3]. По утверждению Норрис и Инглхарта, в трудные времена индивиды рефлекторно возвращаются к этим стабильным сообществам, которые таким образом функционально-когерентны в глазах индивидов и представляют собой системы ценностей, наиболее подходящие для того, чтобы популист мог ими воспользоваться. Однако дабы они также стали функционально-когерентными для **самого популиста**,

1 Ср.: *Pappas T.* Populism and Liberal Democracy. P. 128–129.

2 *Inglehart R.* Mapping Global Values // Comparative Sociology. 2006. Vol. 5. № 2–3. P. 115–36.

3 *Дугин А.* Четвертая политическая теория; *Yavlinsky G.* The Putin System: An Opposing View. P. 97–100.

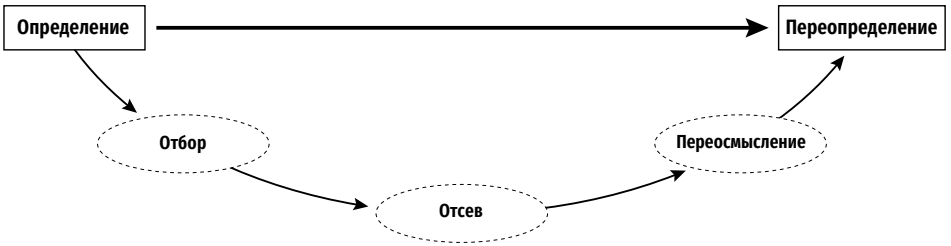
последний не использует эти идентичности в их естественном виде, а **наделяет каждую из них новым конкретным значением** (то есть переопределяет их). В то же время из нового определения **исключаются все противники популиста,** который, в свою очередь, становится единственным легитимным представителем определенного сообщества (то есть апроприирует его ценности).

На практике процесс апроприации ценностей часто происходит в один прием, когда популист просто начинает использовать некоторое понятие в его новом значении и в контексте своего нового (популистского) нарратива. Например, Клара Шандор следующим образом описывает апроприацию понятия «нация» Орбаном и его партией «Фидес»: «Пытаясь всеми возможными способами уравнять в значении понятия „нация“ и „сторонник «Фидес»“, — путем присвоения национальных символов или постоянной репрезентации себя самих как нации <...> — „Фидес“ <...> апроприирует все наши общие ценности, которые мы обычно связываем с понятием „нация“, — например патриотизм, культура, история — и активно исключает всех, кто, по их мнению, к ней не принадлежит, из-под „единственного флага“ или из „единственного лагеря“ венгерской идентичности, как они это называют, объявляя всех своих политических оппонентов нелегитимными. <...> „Фидес“ отбирает у своих конкурентов интеллектуальную и моральную собственность в символическом пространстве»[1].

С аналитической точки зрения стоит, однако, выделить **три стадии этого процесса**, чтобы понять, какой путь должно пройти понятие, чтобы стать полноценным инструментом популистского спроса и предложения (Схема 6.1). Первую стадию можно назвать **отбором**, в рамках которого популист

[1] *Sándor K.* Miért Nemzeti a Trafik? [Почему табачные магазины принадлежат государству?] // Galamus (blog). 02.10.2013. URL: http://www.galamus.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=219953:miert-nemzeti-a-trafik-218926&catid=68:cssandorklara&Itemid=133.

Схема 6.1: Процесс апроприации ценностей через их переопределение



выбирает привлекательные элементы из арсенала традиционных общих идентичностей, то есть такие, которые можно поставить на службу интересов элит. Помимо выбора определенных фундаментальных положений этот процесс также включает отбор **символов**, ассоциирующихся с той ценностью, которая будет апроприирована, так как политизация символов может накрепко связать — как визуально, так и риторически — определенное традиционное сообщество с популистом и его лагерем (при этом дистанцируя это понятие от непопулистов). Вторая стадия — это **отсев**, когда отбрасываются элементы понятия, которые не сочетаются с его желаемой функциональностью. На последней стадии популист помещает исправленное понятие в новый нарративный контекст «мы против них», то есть подвергает понятие **переосмыслению**[1].

Теперь проследим пошагово апроприацию аргументов о боге, нации и семье. Что касается **бога**, в духовном сообществе (особенно в его фундаменталистской, докоммунистической форме) популиста, пользующегося идеологией, особенно привлекает **возможность отрицать рациональность и модернизм, заменяя их апелляцией к некоему вечному закону**. Этот идеологический элемент выбирают, как правило, те популисты, которые пытаются закрепить за собой и за своим политическим сообществом миссию по достижению определенной мистической цели. Как объясняет Дьёрдь Габор, «это значит, что как представители некоей

[1] Ср.: *Benford R. D., Snow D. A.* Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment // Annual Review of Sociology. 2000. № 26. P. 611–639.

первозданной основы — божественно-трансцендентной метафизической воли <...>, — ведомые к тому же миссионерским чувством, власть предержащие руководствуются в своих действиях не экономической, социальной или другой похожей рациональностью, а скорее [апеллируют к] вечной морали и духовному закону <...>. Политика, таким образом, из рациональной дискуссии превращается в подобие полемических религиозных диспутов, и в ней остается все меньше и меньше места для рациональной аргументации и диалога, основывающихся на обсуждении логических противоречий. Вместо того, чтобы воспринимать и реагировать на постоянно меняющиеся обстоятельства, власть фокусируется на вечных, неизменных и неизменяемых догмах»[1].

Тем не менее неоспоримый, с точки зрения рациональности, статус религии, а также религиозные символы и ритуалы — это лишь «оболочка», тогда как скрывающееся за этой оболочкой содержание представляет собой набор религиозных учений о добре и зле[2]. В западно-христианском и православном исторических регионах[3] популисты, пользующиеся идеологией, отобрали для своих целей только оболочку, **отсеяв при этом суть религиозных учений**. С одной стороны, они используют религиозные символы, как, например, в России, где Путина и его министров регулярно показывают по телевидению в сопровождении патриарха, который также

1 *Gábor G.* The Land of an Appropriated God. P. 428–429.

2 Пример выдающейся работы на эту тему см.: *Гирц К.* Религия как культурная система // *Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.

3 Ислам и третий исторический регион не включены в этот анализ. Так, хотя ислам и играет исключительно важную роль в жизни народов Центральной Азии, местные верховные патроны не используют его в качестве политического инструмента для определения «мы», как это делают верховные патроны в двух других исторических регионах. Это объясняется тем, что подобная риторика несет в себе риск легитимации экстремистских исламистских групп и обострению таких социальных различий, которых региональные лидеры стараются избегать из-за религиозных гражданских войн прошлого. См.: *Tazmini G.* The Islamic Revival in Central Asia.

благословляет его после церемонии президентской инаугурации в Благовещенском соборе Московского Кремля[1]. С другой стороны, они игнорируют базовое учение о солидарности, милосердии и умеренности как на уровне политики, так и на уровне приемной политической семьи, поскольку олигархи и полигархи, как правило, ведут роскошный образ жизни без намека на религиозный аскетизм[2]. Когда религиозные лидеры критикуют отсутствие уважения к основным догмам, это пропускают мимо ушей, как произошло с самим папой римским, призывы которого к гуманному обращению с беженцами не нашли поддержки у Орбана и венгерских епископов[3] (несмотря на постоянное подчеркивание своей приверженности христианским ценностям)[4].

На последнем этапе — переосмыслении — **бог оказывается на стороне пользующегося идеологией популиста, то есть на стороне «нас», тогда как другие, «они», лишаются религиозной позиции и объявляются угрозой или открытыми врагами духовное сообщества**. По словам Габора, популисты, пользующиеся идеологией, «[переносят] политический раскол внутри страны в историческую и эсхатологическую плоскость, разделяя тем самым на трансцендентальной основе политическую и общественную жизнь. В рамках этого разделения политические акторы наделяются свойствами Добра или Зла, не имеющими отношения к их заявлениям, программам и поведению. Это выглядит как примитивная апокалиптическая битва, противостояние сил в которой извечно и не требует критического осмысления: достаточно

1 *Judah B.* Fragile Empire. P. 150–154.

2 *Dawisha K.* Putin's Kleptocracy.

3 *Balogh E.* They Don't See Eye to Eye.

4 Fenced Out: Hungary's Violations of the Rights of Refugees and Migrants // Amnesty International. 2015. URL: https://www.amnesty.hu/data/file/1792-hungary-briefing-final-embargo-081015.pdf?version=1415642342; Hungary: Migrants Abused at the Border // Human Rights Watch. 13.07.2016. URL: https://www.hrw.org/news/2016/07/13/hungary-migrants-abused-border.

апеллировать к твердой вере и заявлять, что положительные и отрицательные ценности приписываются в зависимости от принадлежности к политической партии. <...> Такое <...> представление о мире <...>, где воплощение высшего блага (*Summum Bonum*), с одной стороны, и персонифицированное всемогущее зло *(Summum Malum)* — с другой, <...>, выражают потребность в священной / духовной войне, которая закончится тем, что мы (чья политическая вера является универсальной и истинной) освободим человечество (или, по крайней мере, наше сообщество) от аморального, развратного и злонамеренного врага, который постоянно несет в себе угрозу справедливости»[1]. В итоге **пользующийся идеологией популист** добивается двусторонней функциональной когерентности: он поддерживает религиозную риторику и присваивает ее символы, тем самым поддерживая сообщество, которое, по мнению людей, обеспечивает их безопасность; и, поскольку в его риторике «„выходящему за пределы разума", абсолютистскому и чрезвычайно эмоциональному подходу, базирующемуся на безусловной вере, отводится фундаментальная роль», его **оппоненты лишаются какого бы то ни было морального авторитета, а сам он благодаря своим действиям приобретает его** (см. Текстовую вставку 6.5).

Текстовая вставка 6.5: Неоспоримый моральный авторитет верховного патрона

На официальном уровне политическая система в качестве легитимации высшей власти в стране полагается на выборы. Но в идеологическом плане выборы преподносятся не как возможность выбрать одного из нескольких кандидатов, конкурирующих друг с другом на равных, а как самоотверженная, героическая борьба Владимира Путина, единственного и непревзойденного царя и лидера нации, против дерзких попыток посторонних лиц и самозванцев отобрать

1 *Gábor G.* The Land of an Appropriated God. P. 430–431.

> трон у его законного держателя. Отсюда и явное отсутствие «главного кандидата» на президентских дебатах (ведь автократ не может опуститься до уровня личных дебатов с самозванцами); отсюда и аура царственного величия, окружающая образ этого кандидата в государственных СМИ; отсюда и горячая поддержка со стороны высшего духовенства самой крупной религиозной организации России, Православной церкви Московского Патриархата. В этом контексте выборы главы государства превращаются в выражение народной поддержки действующей власти, которая <...> основана не на трезвой оценке качества управления и, следовательно, качества жизни, а, скорее, на представлении о защите от ослабления власть имущих, олицетворяющих государство, <...> различными «раскольниками»[1].

Второй концепт, который присваивают пользующиеся идеологией популисты, особенно находящиеся у власти, это этническая общность, или «**нация**». На этапе отбора символический мир этой общности, а также этническая принадлежность в целом таким же образом присваиваются и политизируются, тогда как понятийный элемент, делающий «нацию» в этом смысле особенно привлекательной, состоит в **ее неотъемлемой связи с «народом» и «общим благом»**. Неслучайно в Главе 4 при описании популизма мы упоминали «нацию» и «национальные интересы» наряду с «народом» [▸ 4.2.3]. Для пользующихся идеологией популистов эти понятия практически синонимичны, что следует из того факта, что нация, будучи так называемым воображаемым сообществом[2], предполагает основанную на взаимном доверии и солидарности **эмоциональную связь внутри общности, во имя которой** от отдельных граждан **могут потребоваться некоторые жертвы**.

1 *Yavlinsky G.* The Putin System: An Opposing View. New York: Columbia University Press, 2019. P. 92.

2 *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Именно нация, которая изначально определялась общей культурой и политическими границами родины и гражданства[1], определяет также основные направления деятельности правительства. Поэтому логично, что когда представителей власти призывают служить «общему» благу, их просят способствовать благополучию своей страны и граждан (то есть нации)[2].

Эмоциональное (и, следовательно, нарративное) преимущество понятия «нация» также связано и с **историей национализма**. Если коммунистическая система боролась с уже развитым национальным единством, возникшим в связи с повсеместно доступным школьным образованием и высоким уровнем грамотности[3], то для посткоммунистического национализма была свойственна выраженная антисоветская направленность. Примером этому могут служить страны Центральной Европы и Балтии, а также Грузия и Армения[4]. Тем не менее «нация» была важным компонентом нарратива в тех странах, где с ней были связаны конкретные события или историческое наследие докоммунистической эпохи. Например, современный венгерский национализм предопределила травма, нанесенная в 1920 году Трианонским договором, согласно которому Венгрия лишилась двух третей своей довоенной территории и который породил всеобщую враждебность и подозрительность по отношению к негражданам[5]. В России историческое наследие Российской империи увязывало национальное самосознание с российским государством как таковым, а те, кто расширяли власть государства, считались национальными героями (тогда как те, кто ослаблял ее, например

1 *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс. 1991.

2 *Фукуяма Ф.* Идентичность. С. 177–202.

3 *Darden K., Grzymala-Busse A.* The Great Divide: Literacy, Nationalism, and the Communist Collapse // World Politics. 2006. Vol. 59. № 1. P. 83–115.

4 *Way L., Casey A.* The Structural Sources of Postcommunist Regime Trajectories // Post-Soviet Affairs. 2018. Vol. 34. № 5. P. 317–332.

5 *Széky J.* A Tradition of Nationalism: The Case of Hungary // New Eastern Europe. 2014. Vol. XI. № 2. P. 108–115.

«либералы» после смены режима — нет). Естественно, что эта особенность повышает привлекательность понятия «нация» для правящей элиты, поскольку популисты могут применять **национализм**, ведь он **не был связан с какой-либо конкретной политикой левого или правого толка.** В самом деле для постсоветского пространства это обычное явление: как отмечает Пол Гуд, национализм в этом регионе «представляется чем-то большим, чем образ мышления, но определенно чем-то меньшим, чем всеобъемлющая идеология, типичная для тоталитарного правления. Национализм не является политикой левых или правых, поэтому его можно связывать с любым концом идеологического спектра или даже с обоими его концами»[1]. Отобрав для применения понятие «нация» популисты **отсеивают** из нее **элемент гражданства** и связанную с ним солидарность. Это позволяет исключить некоторых людей из нации: не каждый, кто является гражданином, то есть частью нации в оригинальном значении этого слова, автоматически является национальным актором, и, следовательно, члены нации не обязаны автоматически выполнять перед ним моральный долг. Отсюда напрямую вытекает необходимость в переосмыслении понятия «нация», и оно переопределяется для внутренней политики путем смещения **рамок, которые обычно используются для отделения одной нации от всех остальных, так, чтобы подобное разделение можно было проводить внутри одной страны**[2]. Таким образом, создав политическую нацию, национализм XIX века сделал всех граждан страны равными перед законом и именно на этой основе боролся против других национальных проектов. Этот элемент равенства, а также представление о других нациях тоже отсеиваются, поскольку «нация» переосмысляется

[1] *Goode J.P.* Nationalism in Quiet Times: Ideational Power and Post-Soviet Hybrid Regimes // Problems of Post-Communism. 2012. Vol. 59. № 3. P. 9.

[2] *Sándor K.* Miért Nemzeti a Trafik? [Почему табачные магазины принадлежат государству?]

для внутренней политической арены. Популист может наделять как обделенные, так и находящиеся под угрозой группы идентичностью «нации», говоря им, что их существующие и потенциальные поводы для недовольства возникают из-за тех, кто не является частью нации, тогда как популист будет защищать их (национальные) интересы. Другими словами, взаимосвязь между действующими представителями власти и оппозицией представляется как борьба между «национальными» и «ненациональными» силами, каждая из которых по своему первоначальному определению вообще-то является частью нации. **Нация больше не является тем, что связывает общество, но становится одной из групп внутри него**. В этом нарративе члены получившей новое определение нации играют в игру с нулевой суммой против тех акторов, групп и людей, которые в нацию не входят, в то время как именно популист признает и защищает их ущемленные интересы.

Легко увидеть, как присвоение ценностей через переопределение нации способствует достижению двусторонней функциональной когерентности. **Что касается идеологического спроса, то круг входящих в «нацию» людей сужается до обделенных и находящихся под угрозой групп, а популисты предлагают защиту их интересов, особенно их социального и материального статуса**. Таким образом, популистское переопределение примиряет эти группы с реальностью: с одной стороны, они воспринимают нацию как нечто по своей сути положительное, а с другой — сталкиваются с негативными проявлениями, вызванными другими людьми внутри нации (истеблишмента). Если исключить тех, кто «выступил против своей нации»[1], то можно разрешить этот когнитивный

[1] Как Орбан однажды высказался о венгерских левых. См.: *Orbán V.* Magyarország Jövője Jövőre [Что ждет Венгрию в будущем году]: речь, произнесенная в XVI Летнем университете и студенческом лагере в Бэиле-Тушнад (Тушнадфюрдё). 23.07.2005. URL: http://2001-2006.orbanviktor.hu/hir.php?aktmenu=3_3&id=2215.

диссонанс и вернуть «нации» присущую ей моральную чистоту. Такой нарратив, как и тот, что касается аргумента о боге, сводится к черно-белому изображению Добра и Зла. Именно это и способствует достижению функциональной когерентности **с точки зрения идеологического предложения: поскольку все критики популистов становятся нелегитимными** («злыми») **по определению, новый нарратив устраняет социальную ответственность пользующихся идеологией популистов**. Ранее мы уже подчеркивали, что в патрональных автократиях нация становится лишь фасадом для приемной политической семьи. В этом смысле нация — это не что иное, как приемная политическая семья и ее придатки, от главы семьи вплоть до слуг. Она создает национальную коллективистскую идеологию для продвижения собственных интересов элит, монополизации власти и личного обогащения[1].

Естественно, **бенефициары режима легко дешифруют этот язык: нация — это не что иное, как эвфемизм для обозначения приемной политической семьи**. В конце концов, не могут же они сказать, что накапливают богатство для себя. В то же время они прекрасно знают, что когда верховный патрон ссылается на интересы нации, он на самом деле имеет в виду их, то есть приемную политическую семью. Нация безгрешна потому, что она тождественна семье, а тот, кто получает к ней доступ, получает также защиту и отпущение всех грехов. При прошлом режиме он мог быть доносчиком, коммунистическим аппаратчиком или обычным уголовником, но все эти грехи прощаются, если он лоялен приемной политической семье [▸ 3.6.2.4]. В свою очередь, **сторонникам, не получающим различных благ и привилегий, достается чувство принадлежности к национальной общности**

[1] «Нация» может также выполнять функцию сохранения внутрирежимной стабильности в рамках приемной политической семьи, а также во взаимоотношениях между властями и оппозицией. См.: *Goode J. P.* Nationalism in Quiet Times.

и возможность свободно придерживаться позитивных или негативных предубеждений. Они получают исключительное право на «истинный патриотизм», а также на презрение к выраженным «врагам» нации («не нашим», «предателям родины») и ее инертным «паразитам» (цыганам, бездомным, безработным). Эти избиратели — восторженные «фанаты», которые вознаграждаются вполне легитимным и неприкрытым чувством собственной избранности, а также презрения, а порой и ненависти к другим.

Наконец, мы подходим к анализу того, как происходит присвоение понятия «**семья**». Как основная ячейка общества семья является одной из наиболее фундаментальных общностей, которая обеспечивала безопасность людей в целом и посткоммунистических акторов в условиях смешанных сфер социального действия в частности [▸ 5.3.6]. Глубоко укоренившаяся в культуре семья является первичным естественным сообществом, к которому можно обратиться в поисках средств к существованию в критический момент[1], поэтому ее защита особенно важна для обделенных и находящихся под угрозой социальных групп. Однако это понятие привлекает популистов потому, что **изменение ролей в семье — это очень политизированный вопрос, особенно для (западных) левых**. Как напоминает Фукуяма, политика идентичности западного типа «стимулирует рост политики идентичности правого толка. <...> Политика идентичности в понимании левых легитимирует, как правило, только некоторые идентичности, игнорируя и принижая другие, — такие как европейская (то есть белая) этническая принадлежность, христианская религиозность, „сельская провинциальность“, вера в традиционные семейные ценности и другие, связанные с этими категории»[2]. Таким образом, **пользующиеся идеологией популисты**, которые часто

[1] Ср.: *Inglehart R.* Mapping Global Values.

[2] *Фукуяма Ф.* Идентичность. С. 152–154.

используют Запад в качестве примера для запугивания, **отбирают из представлений о семье наиболее традиционные из них** — нуклеарную семью с гетеросексуальными родителями и традиционным патриархальным господством — **и отсеивают все прогрессивные:** однополые пары, неполные семьи, лиц, не состоящих в браке и т. д.[1] При переосмыслении **популист выступает в качестве защитника традиционной семьи** как оплота стабильности и безопасности[2], тогда как критики популистов представлены в качестве врагов стабильной модели семьи или, возможно, даже членов прогрессивной семьи либо сообщества ЛГБТ. Кроме того, **патриархальная модель семьи, которую продвигают пользующиеся идеологией популисты, сходна по своему характеру с патриархальной семейной культурой приемной политической семьи** [▸ 3.6.2]. Для верховного патрона руководство страной, по сути, представляет собой то же самое, что и руководство патриархальной семьей, и по аналогии с тем, что в однопирамидальной сети нет «подрывной» автономии, но есть строгий порядок, такая же дисциплина и патриархальное господство навязываются обществу[3]. Кроме того, такая риторика очень часто ассоциирует мужские свойства, как то силу и независимость, с «мы» (например, Путин часто использует аргумент о «России, встающей с колен»), тогда как «их» постоянно феминизируют и лишают каких бы то ни было мужских черт (оппозиция, «устраивающая истерику» — распространенный образ из венгерских патрональных СМИ)[4].

1 *Gábor G.* The Land of an Appropriated God. P. 448–454.

2 *Kaylan M.* Kremlin Values: Putin's Strategic Conservatism // World Affairs. 2014. Vol. 177. № 1. P. 9–17.

3 *Grzebalska, W., Pető A.* The Gendered Modus Operandi of the Illiberal Transformation in Hungary and Poland // Women's Studies International Forum. 2018. № 68. P. 164–172.

4 *Riabov O., Riabova T.* The Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism, and the Legitimation of Power Under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61. № 2. P. 23–35.

Новое определение семьи, предложенное популистами, легко принять за консервативные взгляды — и, действительно, именно такое определение ценностно согласуется с (устаревшим) консерватизмом. Однако тот факт, что (1) членам приемной политической семьи разрешается вести какой угодно образ жизни (в том числе либеральный), и что (2) слово «семья» используется в популистском контексте вместе с весьма изменчивой комбинацией идеологических аргументов, указывает на то, что это понятие — всего лишь часть арсенала популистов, пользующихся идеологией. На самом деле, **если не учитывать фактор функциональности**, мы вряд ли могли бы понять идеологическую позицию пользующихся идеологией популистов, ведь **если эти аргументы собрать вместе, обнаружится, что они ценностно не согласуются и образуют противоречивую смесь**. Например, как отмечают Золтан Адам и Андраш Бозоки: «„Фидес“ эклектично использует религиозные символы, в которых христианство часто упоминается вместе с дохристианскими языческими традициями. <...> В лексиконе [Орбана] Корона Святого Иштвана, первого венгерского короля, который христианизировал Венгрию, может легко сочетаться с птицей Турул, символом древних венгров дохристианской эпохи. [Он] ратует за этнонационалистическую суррогатную религию, в которой сама нация обретает святость, а чувство национальной принадлежности подразумевает наличие религиозных атрибутов. Хотя, с христианской точки зрения, такие представления — это разновидность обывательского язычества и в качестве таковых должны быть отброшены по фактическим религиозным соображениям, подобная суррогатная религия способна привлечь значительную массу последователей в Венгрии, а также в других странах»[1].

Популисты, пользующиеся идеологией, имеют возможность присваивать понятия и закреплять за ними новое

[1] *Ádám Z., Bozóki A.* State and Faith. P. 108–113. Также см.: *Gábor G.* The Land of an Appropriated God. P. 433–434.

определение в общественном дискурсе именно потому, что их **принимают за «националистов» или «консерваторов»**, ведь если такого популиста назвать «националистом», это будет означать, что он представляет националистические взгляды, а то, что он определяет как нацию, и будет ею являться. В некотором смысле новое определение перевыполняет свою цель, когда людей, не принадлежащих к целевой аудитории популистов (или, возможно, даже ее противников), вводит в заблуждение откровенное использование националистических символов, и они начинают принимать актора за националиста, тем самым опосредованно легитимируя кардинальные изменения в определении понятия. **Противники популистов оказываются в ловушке переопределения**, которое невозможно раскритиковать, просто указав на внесенные популистом изменения, так как существует двусторонняя функциональная когерентность: люди сами чувствуют тесную связь с теми понятиями, к которым прибегают популисты. Когда кто-либо прямо ставит под сомнение определения популистов, особенно если в основе этих сомнений лежит конституционализм и либеральные ценности, люди, заинтересованные в защите своего статуса, не считают это разумным соображением и, напротив, видят в этом угрозу.

6.4.2.3. «Они»: создание образа врага и стигматизация как способы использования идеологии

Наряду со всеми идеологическими аргументами, которые популисты используют для формулировки некоего представления о «мы / нас», неотъемлемой частью этого процесса также является идентификация и определение некоторых **стигматизированных групп** в качестве «их». На самом деле, когда какой-то актор пытается определить свою идентичность, этот актор «замахивается на эксклюзивное определение общности, примеряя лингвистически универсальное

понятие исключительно на себя [свою группу] и отрицая любые сравнения. Такое самоопределение создает противопоставленные понятия, которые активно дискриминируют всех, определяемых как „другие“»[1]. Однако главный посыл заключается в том, что эта «другая» природа не означает по умолчанию полной непостижимости собеседника или обязательного вовлечения сторон в игру с нулевой суммой. В то же время, внутри популистского нарратива, так же как и в исключающей политике идентичности, на которой тот по большому счету основывается, моральное неприятие «их» является одним из базовых элементов. Именно поэтому все группы, которые подпадают в эту категорию, не просто считаются другими, но и обязательно стигматизируются.

Как мы продемонстрировали выше, идеологический аргумент о «семье» является наиболее конкретным, тогда как «бог» и особенно «нация» остаются довольно размытыми. Поскольку популист присваивает толкование этих идеологических аргументов, он также обладает достаточно **большим пространством для маневра при выборе стигматизированных групп**. Последние, соответственно, представляются как «антинациональные» или как «угроза традиционному жизненному укладу», религии и/или семье. Однако, с точки зрения идеальных типов, популист, управляемый идеологией, как правило, воздерживается от эксплуатации гибкости нарратива об идентичности, даже после апроприации ее толкования. Свое политическое постоянство такие акторы также подкрепляют постоянством в определении стигматизированных групп, фокусируясь, как правило, на одной или двух из своего стандартного набора[2]. Именно поэтому мы называем

1 *Koselleck R.* The Historical-Political Semantics of Asymmetric Counterconcepts // Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York: Columbia University Press, 2004. P. 156.

2 См.: *Zúquente J. P.* The European Extreme-Right and Islam: New Directions? // The Populist Radical Right: A Reader. London; New York: Taylor & Francis, 2016. P. 103–123; *Mudde C.* Populist Radical Right Parties in Europe.

их акторами, управляемыми идеологией, а также отмечаем, что в их случае выбор стигматизируемых групп не зависит от сиюминутных нужд политиков[1]. В свою очередь, популисты, пользующиеся идеологией, преследуют вполне утилитарные и прагматические мотивы. Поэтому они создают образ врага, основываясь не на ценностной, а на функциональной когерентности[2].

Чтобы лучше понимать, как работают эти прагматические мотивы, имеет смысл выделить два типа социальных групп, из которых популист обычно выбирает мишень для стигматизации: **активные критики режима и пассивные меньшинства.** Что касается первых, то к ним, как правило, относятся критически настроенная интеллигенция, свободная пресса и независимые журналисты, НПО (добивающиеся политической ответственности), профсоюзы, оппозиционные политики, а также международные акторы и организации, оказывающие давление на популиста. **Активных критиков для своей атаки популист выбирает, исходя из собственных предпочтений, тогда как выбор конкретных пассивных меньшинств, как правило, обусловлен сложившейся ситуацией**: популист вынужден выбирать из тех меньшинств, относительное положение которых делает их простой мишенью для стигматизации со стороны доминирующей группы, то есть их социальный статус выглядит в глазах популистского электората достаточно

1 С точки зрения идеального типа, актор, управляемый идеологией, по сути, никогда не меняет свои основополагающие политические взгляды и выбор стигматизируемых групп. Однако в реальности акторы, близкие к этому полюсу, то есть к популистам, управляемым идеологией, могут принимать стратегические решения, влекущие за собой включение ранее стигматизированной группы и смягчение политической повестки. Подобные изменения происходят медленно, и их довольно сложно ускорить, именно потому, что акторы, о которых идет речь, управляются идеологией. См.: *Akkerman T., de Lange S. L., Rooduijn M.* Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe: Into the Mainstream? New York: Routledge, 2016.

2 Ср.: *Edelman M. J.* The Construction and Uses of Political Enemies // Constructing the Political Spectacle. Chicago: University of Chicago Press, 1988. P. 66–89.

чуждым, чтобы можно было легко исключить их из традиционных сообществ (бог, нация, семья) и объединиться в борьбе с новоявленными чужаками. Популисты, пользующиеся идеологией, вынуждены открыто бороться с активными критиками режима только в том случае, если у тех есть **возможность высказываться публично**, то есть если они имеют доступ к достаточно широкой аудитории через масс-медиа [▸ 4.3.1.2], однако зачастую любой критический голос, получающий хоть какой-то доступ к медиа, автоматически записывается в категорию «они» — как правило, в самые размытые ее проявления, такие как «враги нации» или «предатели»[1]. Возможность высказываться публично также имеет значение и в случае пассивных меньшинств, однако обычно популист, предварительно уничтожив институты публичного обсуждения [▸ 4.3], может стигматизировать любые меньшинства, исходя из предпочтений своего электората и конкретного политического контекста внутри страны [▸ 7.4.1].

Анализируя ситуацию пассивных меньшинств, можно с уверенностью сказать, что они обладают неким **потенциалом генерирования страха, сила которого зависит от количества и глубины их различий по отношению к популистскому электорату** (Таблица 6.8). Естественно, глубина различия зависит от культуры конкретной страны, а также от исторической ситуации (например, миграционный кризис может иметь большое значение)[2], поэтому обобщать тут сложно. Однако, чтобы продемонстрировать основные принципы отбора или так называемую политическую экономию стигматизации, можно рассмотреть наиболее часто стигматизируемые группы и проанализировать различия, на основании которых их выбирают в качестве популистской мишени,

1 *Antal A.* Politikai Ellenség És Identitás [Политический враг и идентичность] // Holtpont: Társadalomkritikai Tanulmányok Magyarország Elmúlt 25 Évéről. Budapest: Napvilág kiadó, 2016. P. 131–152.

2 *Madlovics B.* It's Not Just Hate.

Таблица 6.8: Характеристики стигматизируемых групп, которые эксплуатируют популисты, пользующиеся идеологией

	Тип различия (потенциальная граница между «мы» и «они»)						Потенциал генерирования страха	Возможность высказываться публично	Идеологический аргумент
	Этническая принадлежность	Религия	Язык	Сексуальная ориентация	Культурная традиция	Социальный статус			
Социально незащищенные и ущемленные группы						X	X	X	Отсутствие солидарности
ЛГБТ-сообщество				X	X		XX	XX	Гомофобия
Религиозные меньшинства		X			X	X	XXX	XXX	Антисемитизм и т. п.
Этнические / расовые меньшинства	X		X		X	X	XXXX	XXX	Расизм
Беженцы	X	X	X		X	X	XXXXX	X	Ксенофобия

а также взглянуть на те идеологические аргументы, к которым прибегают пользующиеся идеологией популисты для стигматизации этих групп. Начнем с социальных групп, обладающих наименьшим потенциалом генерирования страха, а именно с **социально незащищенных и ущемленных групп**, таких как бедные, бездомные и безработные люди. Различие, на котором может делать акцент популист, это их социальный статус, который в рамках эгалитарной модели мог бы стать основанием для солидарности и помощи со стороны богатых. Этот статус наделяет такие группы потенциалом генерирования страха и дает популисту, пользующемуся идеологией, возможность эксплуатировать **отсутствие солидарности** и продвигать аргументы типа «если мы не выдавим бездомных из нашего общества, то они, в конце концов, выдавят всех нас»[1]. Второй пример — это **ЛГБТ-сообщество**,

[1] *Udvarhelyi É. T.* «If We Don't Push Homeless People out, We Will End up Being Pushed out by Them»: The Criminalization of Homelessness as State Strategy in Hungary // Antipode. 2014. Vol. 46. № 3. P. 816–834.

являющееся меньшинством сразу по двум признакам: сексуальной ориентации и культурной традиции, по крайней мере в том смысле, что они, как правило, ведут более либеральный образ жизни, с точки зрения традиционных семейных ценностей, разделяемых популистским электоратом. Таким образом, их потенциал генерирования страха основывается не на одном различии, а на двух, что делает их стигматизацию проще и дает популисту возможность эффективно использовать **гомофобию** как идеологический аргумент в наиболее консервативных странах (таких как Россия)[1]. Третьим примером часто стигматизируемых групп являются **религиозные меньшинства**, которые отличаются по культурному и религиозному признакам. Кроме того, (популистский) электорат часто приписывает им стереотипы, связанные с их якобы высоким социальным статусом, богатством и влиянием, что особенно часто происходит по отношению к евреям[2]. Три типа различия создают широкое пространство для проявлений **антисемитизма**, а также для риторической дискриминации представителей других религий и небольших религиозных движений (или «сект», как их называют популисты)[3]. В-четвертых, существуют **этнические и расовые меньшинства**, которые отличаются от большинства сразу по четырем признакам: этническая принадлежность, язык, культурная традиция и социальных статус (это особенно заметно на примере стереотипов в отношении ромского [цыганского] меньшинства)[4]. Эксплуатируя эти различия, популисты, использующие идеологию, могут прямо или косвенно опираться на **расизм** как

1 *Wilkinson C.* Putting «Traditional Values» Into Practice; *Buyantueva R.* LGBT Rights Activism and Homophobia in Russia.

2 *Bergmann W.* Anti-Semitic Attitudes in Europe: A Comparative Perspective // Journal of Social Issues. 2008. Vol. 64. № 2. P. 343–362.

3 *Judah B.* Fragile Empire. P. 151; *Gábor G.* The Land of an Appropriated God. P. 443–448.

4 *Bárány Z.* The East European Gypsies: Regime Change, Marginality, and Ethnopolitics. Cambridge University Press, 2002.

идеологический аргумент, суть которого тем не менее легко считывается их целевой аудиторией[1]. Наконец, самой легко стигматизируемой группой являются беженцы и мигранты, которые буквально прибывают из-за пределов родной страны (то есть нации) определенного электората и часто являются представителями совершенно другой культуры. Другими словами, в этом случае пользующийся идеологией популист может легко эксплуатировать этнические, религиозные, лингвистические, культурные и социальные различия для проведения ксенофобских кампаний, монополизирующих политическую повестку [▸ 4.3.3.1] (как это происходит в Венгрии)[2].

Пользуясь этими идеологическими аргументами, популисты в каждой конкретной стране **в своих политических кампаниях** могут производить **из ненависти и страха** нечто вроде «**психоделических коктейлей**», подгоняя их рецепты под местный идеологический ландшафт, историческую и геополитическую ситуацию в государстве, а также свою целевую аудиторию. Стоит, однако, помнить, что, несмотря на то, что **пользующиеся идеологией популисты** прибегают к таким идеологическим аргументам, они сами **не являются антисемитами**. Их главная цель не евреи. Скорее, самой важной политической аудиторией являются для них как раз антисемиты. Истинная претензия популистов к банкам заключается не в том, что ими владеют евреи, а в том, что они не принадлежат самим популистам[3]. Настоящими расистами их также назвать нельзя. Скорее, они просто пытаются завоевать доверие своей потенциальной аудитории, склонной к расистским настроениям. Популистов, пользующихся идеологией, необходимо рассматривать как крайне прагматичных акторов, хорошо понимающих, что и зачем они делают:

1 *Zakharov N., Law I.* Post-Soviet Racisms. London: Palgrave Macmillan, 2017.

2 *Madlovics B.* It's Not Just Hate.

3 Ср.: *Várhegyi É.* The Banks of the Mafia State.

в своих действиях они руководствуются не какой-либо ценностно-когерентной идеологией, а функциональной когерентностью, служащей интересам элит. Обсуждая создание образа «врага», мы уже упоминали, что управляемые идеологией популисты проявляют завидное постоянство при выборе стигматизируемых групп. Стоит также отметить, что в присущих коммунистическим диктатурам **партиях-государствах, управляемых идеологией марксизма-ленинизма, стигматизируемые группы, так же как и защищаемые группы, одинаковы и довольно стабильны**. И те и другие выделяются по классовому признаку (буржуазия и пролетариат), а нормативная политика партии-государства логически строится на основании господствующей идеологии. С другой стороны, в случае **популистов, пользующихся идеологией, защищаемая группа одна и та же, тогда как стигматизируемая группа может меняться**. Легкость смены стигматизируемых групп в зависимости от конкретной ситуации, спроса и социологических данных недвусмысленно указывает на то, что пользующиеся идеологией популисты подходят к этому процессу утилитарно: они просто пытаются завоевать внимание своих целевых аудиторий.

Однако **неизбежным последствием** использования таких идеологических аргументов, направленных на привлечение экстремистского электората, **является легитимация и воспроизводство экстремистских**, антисемитских и расистских **настроений и дискурса**, а также увеличение количества людей, разделяющих подобные взгляды. Другими словами, идеологические аргументы, возводимые популистами, пользующимися идеологией, на уровень политического мейнстрима, могут быть подхвачены и применены уже в управляемой идеологией манере другими партиями, НПО и движениями, которые искренне верят в необходимость крайних мер и экстремистской политики. Соревнование за крайне правый электорат, склонный к антисемитским и расистским

настроениям, которое приемная политическая семья ведет с ультраправыми партиями, расширяет группу сторонников экстремизма, убирая препятствия для использования языка вражды (*hate speech*). В то же время приемная политическая семья может использовать простимулированный ультраправый политический фланг в качестве «вспомогательной силы» или даже как приручённую партию в условиях патрональной автократии [▸ 3.3.9], по крайней мере частично[1].

6.4.2.4 Социальная психология популизма: жертвенность и коллективный эгоизм

Что касается идеологического спроса, то в рядах популистского электората активно культивируется комплекс жертвы. Естественно, как мы упоминали ранее, существующие социальные конфликты и разногласия уже закладывают фундамент для такого рода эмоций, и популистам «остается только представить „народ“ как некое единое и неопределенное целое <...>, смешать испытываемые обиды от разнообразных несправедливостей, и слепить из всего этого совокупный образ жертвы»[2]. Это создает спрос на лидера, который может защитить людей и восстановить справедливость, или — как это называет Паппас — на некое метафизическое спасение[3]. Однако данный способ определения «их» влечет за собой любопытную смену ролей: **подвергаясь стигматизации, группы, которые обычно являются жертвами, представляются в качестве обидчиков**. Кроме того, сами стигматизированные группы зачастую становятся жертвами популизма в том смысле, что моральные ограничения на допустимое обращение с этими группами полностью исчезают. Записанные

1 Ср.: *Herpen M. H. Van.* Putin's Wars: The Rise of Russia's New Imperialism. Rowman & Littlefield, 2015.

2 *Pappas T.* Populism and Liberal Democracy. P. 115.

3 Ibid.

в ряды враждебных «они», стигматизированные группы не только лишаются всякой солидарности со стороны большинства, но и начинают испытывать дискриминацию, оправдываемую законом. Конечно, мафиозное государство идеального типа не принимает откровенно расистские законы, так как оно всего лишь пользуется идеологией, а не управляется ей. Вместо этого оно может подавлять автономные организации, представляющие меньшинства, которые приближаются к тому, чтобы превратиться в реальных политических акторов. Но даже тогда коллективная стигматизация всегда сопровождается **предложениями индивидуального покровительства для представителей стигматизируемых групп**. Соглашаясь на получение покровительства (крыши) [▸ 3.6.3.1], представители меньшинств также становятся клиентами и не могут больше высказываться по вопросу интересов их родного сообщества. Приемная политическая семья использует их для того, чтобы продемонстрировать, что ее члены на самом деле не антисемиты, не расисты, не гомофобы и так далее, несмотря на стигматизацию в политических кампаниях. И все же риторика, которую обычно используют пользующиеся идеологией популисты, создает атмосферу ненависти и может также порождать склонность к самосуду.

Комплекс жертвы влечет за собой другие психологические последствия, которые, в свою очередь, обратно взаимодействуют с содержанием популистского нарратива, повышая его эффективность в качестве идеологического инструмента. **Социальную психологию популизма** можно резюмировать следующим образом:

1. популист создает комплекс жертвы, определяя «их» как врагов «нас»;

2. комплекс жертвы избавляет популистский электорат от морального долга заботы о ближнем, так как теперь именно жертвы («мы») заслуживают эмпатии, а не обидчики и нежертвы («они»);

3. спасение введет к моральному нигилизму, то есть к полному безразличию относительно того, что происходит с другими (при этом риторика постоянно ссылается на будто бы универсальные моральные ценности [▸ 6.4.2.2]);

4. моральный нигилизм ведет к отказу от солидарности, так как популистский электорат больше не считается с интересами других людей;

5. отказ от солидарности позволяет открыто проявлять себялюбие, то есть избиратели чувствуют облегчение от того, что они наконец-то могут начать помогать самим себе, а не другим, которых теперь можно оставить на произвол судьбы, не нарушая при этом никаких моральных обязательств;

6. себялюбие перерастает в коллективный эгоизм, так как охватывает всю группу своих («мы»), то есть воображаемое сообщество, через отсылку к которому оправдывается отказ от солидарности[1];

7. коллективный эгоизм лишает моральной опоры процесс публичного обсуждения, потому что коллективное посредничество и комбинирование разнонаправленных интересов имеет смысл только тогда, когда интересы других индивидов и групп принимаются во внимание (то есть когда себялюбие не принимает крайнюю форму морального нигилизма).

Одним словом, **комплекс жертвы**, навязываемый популистскому электорату, **заставляет этих людей отказаться от коллективной эмпатии в пользу коллективного эгоизма**. Публичное обсуждение по своей сути — это соревновательное и совещательное урегулирование разногласий, обусловленных несовпадением интересов различных эго. Оно основывается на принципе взаимной ответственности и утверждении о том, что все люди равны с точки зрения человеческого достоинства [▸ 4.2.2]. Публичное обсуждение — это проводник коллективной эмпатии, а значит, оно также должно исключать коллективный эгоизм,

1 *Niebuhr R.* Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics. Eugene, Oregon: Wipf and Stock Publishers, 2010.

позволяющий отказаться от морали и эмпатии в пользу ограниченного себялюбия. Отрицая необходимость структурных институтов, призванных выступать посредниками воли народа, популист дает понять, что не считает нужным принимать во внимание интересы различных групп и ставит интересы своей группы «мы» превыше всех прочих [▸ 4.2.3]. **Популизм разрушает моральные ограничения и освобождает людей от бремени заботы о ближнем**, и поэтому он бросает вызов не только институциональной структуре либеральной демократии, но и ее моральной основе. Эта черта является одной из главных привлекательных сторон популизма, особенно для тех людей, чьей реакцией на порядок открытого доступа и либерализм была экзистенциальная тревога [▸ 6.2.2.5]. Так, функциональная когерентность образа «они» является двусторонней: он дает людям волю почувствовать себя настоящей жертвой и начать игнорировать интересы других групп, а также он объединяет людей под лидерством популиста, который получает возможность с легкостью определять образ общего врага.

Идеология, нормализующая неприязнь к другим социальным группам, — это как раз то, что использует приемная политическая семья, чтобы убедить группы, не являющиеся бенефициарами режима, стать ее сторонниками. Общность проигравших, так же как и общность по интересам, лежащая в основе приемной политической семьи, обладает сильным сплачивающим потенциалом. **Образ «нас» буквально связывает победителей и проигравших в одно воображаемое сообщество**, хотя целостность той части группы, которая не входит в приемную политическую семью, и близко не сравнится со сплоченностью и строгой иерархией однопирамидальной патрональной сети [▸ 6.2]. Именно поэтому некорректно описывать популистский электорат через понятие «трайбализм»[1],

[1] Ср.: *Dencik L.* Neo-Tribalism: Exploring the Populist Backlash to a Cosmopolitan Europe // An Anthology of Contending Views on International Security: Defense, Security and Strategies. 13.07.2012. P. 37–56.

так как триба или племя — это вполне реальное, а не воображаемое сообщество, которое при этом основывается на сильных родственных и этнических узах [▸ 3.6.2.4]. Кроме того, племя подразумевает наличие внутренней солидарности между его членами, которые сами определяют себя как «мы». В свою очередь, «мы» как воображаемое сообщество не подразумевает такой (горизонтальной) солидарности между его участниками и заменяет ее ограниченным себялюбием. **Популизм дает коллективную субъектность индивидуальному эгоизму**, и точно так же, как интересы элит имеют приоритет над ценностями конституционализма в глазах приемной политической семьи, **эмоциональная общность и нормализация отказа от солидарности нейтрализуют эффективность аргументации** в глазах популистского электората. Это полностью парализует эмпатию к тем, кто находится в другой жизненной ситуации.

6.4.2.5. Универсальное объяснение: двусторонняя функциональность теорий заговора

Определение «их» в качестве козлов отпущения и как постоянную угрозу «нам» естественным образом приводит к использованию **теорий заговора**. Хотя этот термин можно определять по-разному, для нашей концептуальной структуры мы пользуемся следующей дефиницией, основанной на исследовании Дэвида Коуди[1]:

- ***Теория заговора*** *— это теория (1) о тайном сотрудничестве группы людей, (2) которая имеет неопределенный эпистемологический статус, что означает, что подтверждающих теорию фактических доказательств либо мало, либо не существует вовсе.*

1 *Coady D.* Conspiracy Theories as Official Stories // Conspiracy Theories: The Philosophical Debate / ed. by D. Coady. Hampshire: Routledge, 2006. P. 115–128.

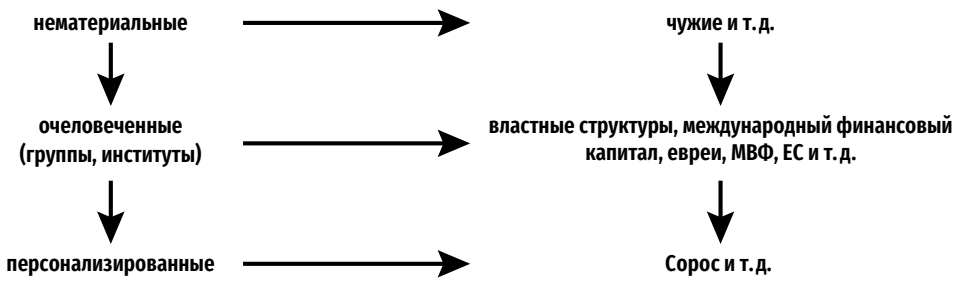
Таким образом, теории заговора **логически вытекают из популистской риторики**[1], поскольку в манихейской картине мира каждый должен занимать либо одну, либо другую сторону. Более того, враги режима, то есть «нас», должны принадлежать к одной и той же группе — «они». Однако **в реальности стигматизированные группы**, особенно если их выбирают исходя из прагматических соображений и в соответствии с функциональной когерентностью часто меняют на другие, **представляют собой весьма разнородную группу акторов,** с точки зрения их целей и мотивов. Группа, в которую входит широкий круг акторов, от активных индивидов до пассивных меньшинств, от оппозиционных партий и организаций до других наций и международных альянсов, с необходимостью является раздробленной. И **если эти акторы оказываются вместе на стороне «них», между ними существует заговор**. Получается, что конспирологическая теория — это не что иное, как упрощенный взгляд на вещи, так же как сконструированная политическим способом идентичность — это редукция идентичности [► 6.4.3][2]. В популистском нарративе все должно быть либо добрым, либо злым, а каждое рассматриваемое действие или событие должно служить либо одной, либо другой стороне.

Заговор между группами предполагает наличие некой **связи между акторами** (Схема 6.2). Если речь идет только о «заговорщиках» и «чужаках», то эта связь не имеет конкретного материального воплощения. Популисты, как правило, делают шаг вперед и придают этой связи более осязаемую форму, указывая на **некую общность**, которая «дергает за ниточки»

1 Ср *Prooijen J.-W. van, Krouwel A. P. M., Pollet T. V.* Political Extremism Predicts Belief in Conspiracy Theories // Social Psychological and Personality Science. 2015. Vol. 6. № 5. P. 570–578.

2 Ср.: *Swami V.* et al. Analytic Thinking Reduces Belief in Conspiracy Theories // Cognition. 2014. Vol. 133. № 3. P. 572–585.

Схема 6.2: Виды заговорщиков в конспирологических теориях



из-за «кулис»[1]. В качестве такой общности популист может выбрать, с одной стороны, группу лиц, например «евреев» или «международный финансовый капитал», а с другой — существующие властные структуры, например Международный валютный фонд (МВФ) или Европейский союз. В последнем случае группа **наделяется человеческими свойствами** и описывается так, будто она является единой, неделимой сущностью, все действия которой направлены на уничтожение «нас». Кроме того, эта сущность также может быть **персонализирована**, то есть в обеспечении связи между «атакующими» акторами и группами могут обвинять конкретное лицо. В посткоммунистическом регионе (и на территории других государств) эта роль часто достается Джорджу Соросу, миллиардеру-филантропу, который известен своим (1) еврейским происхождением, (2) деятельностью на рынке ценных бумаг и в области инвестиций и (3) активной поддержкой либерально-прогрессивных НПО по всему миру, прежде всего через свою благотворительную организацию *Open Society Foundation*[2]. Эти качества делают Сороса человеком, беспрецедентно подходящим на роль «кукловода» и неизменного врага в различных кампаниях популистов, пользующихся

[1] *Douglas K.M.* et al. Someone Is Pulling the Strings: Hypersensitive Agency Detection and Belief in Conspiracy Theories // Thinking & Reasoning. 2016. Vol. 22. № 1. P. 57–77.

[2] *Khalaf R.* FT Person of the Year: George Soros // Financial Times. 19.12.2018. URL: https://www.ft.com/content/2bd12012-01e4-11e9-9d01-cd4d49afbbe3.

идеологией[1]. Хотя нарратив требует обозначения связи между группами, из которых состоят «они» и которые выступают против «нас», эта связь, как правило, не подтверждается доказательствами (отсюда и теория заговора). Следовательно, конспирологические теории появляются в публичном дискурсе вместе с бурным распространением фейковых новостей[2], что дало повод ученым в XXI веке говорить об «**эпохе постправды**»[3]. Тем не менее было бы большим упрощением описывать такое положение дел как следствие желания популистов составить заговор и фабриковать новости в соответствии с ним. Конечно, популистский нарратив вызывает **большой спрос на фейковые новости и теории заговора**, тогда как вера в конспирологический нарратив означает, что отдельные случаи и факты теряют свое значение в глазах людей, так как в его контексте есть определенные роли, которые существуют априори (например, атакуемые «мы» и атакующие «они»). Публика, которая смотрит на мир через линзу этого нарратива, соответствующим образом структурирует, интерпретирует и даже дополняет реальность при помощи существующих, а также несуществующих фактов, которые, если они вписываются в картину мира этой публики, будут считаться настолько же реальными, как и «существующие». Короче говоря, **нарратив формирует собственную**

1 *Gray J.* The Moving Target // New York Review of Books. 2006. Vol. 53. № 15. P. 22–24; *Polese A., Ó Beacháin D.* The Color Revolution Virus and Authoritarian Antidotes: Political Protest and Regime Counterattacks in Post-Communist Spaces // Demokratizatsiya. 2011. Vol. 19. № 2. P. 111–132; *Bátorfy A., Tremmel M.* Data Visualization: The Definitive Timeline of Anti-Soros Conspiracy Theories // Atlatszo.hu (blog). 10.02.2019. URL: https://english.atlatszo.hu/2019/02/10/data-visualization-the-definitive-timeline-of-anti-soros-conspiracy-theories/.

2 Пример метаанализа см.: *Tandoc E. C., Lim Z. W., Ling R.* Defining «Fake News»: A Typology of Scholarly Definitions // Digital Journalism. 2018. Vol. 6. № 2. P. 137–153.

3 *Lewandowsky S., Ecker U. K. H., Cook J.* Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the «Post-Truth» Era // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2017. Vol. 6. № 4. P. 353–369.

реальность[1]. Вот почему фактические случаи становятся не так важны: новости и **факты**, существующие или нет, не являются основополагающими элементами нарратива. Напротив, **они являются изменяемыми по желанию иллюстрациями к заранее заготовленным суждениям**. Отдельные события и акторы, за которыми наблюдает публика, являются лишь иллюстрациями системы аксиом, а факты — просто «метафорами» или воплощением изначально распределенных ролей, существующих в сознании их сторонников. Только убеждения человека, его картина мира и принимаемые им за истину установки, которым он ищет подтверждения, определяют, является ли факт, новость или версия «ложными» и «оторванными от реальности».

Чрезвычайная гибкость и невосприимчивость к фактам, а также огромная объяснительная сила, выражающаяся в изображении всех возможных явлений в рамках нарратива «мы» и «они», делают теории заговора идеальным инструментом для пользующихся идеологией популистов, которые ищут неуязвимое прикрытие для своей деятельности в интересах элит. Однако в этом случае функциональность также является двусторонней: **конспирологические теории удовлетворяют психологические потребности, с точки зрения идеологического спроса, даруя чувство безопасности**. В частности, Петер Креко, который также придерживается функционалистского подхода, анализирует теории заговора как «мотивированное коллективное познание», которое помогает их сторонникам интерпретировать мир таким образом, чтобы

1 Как обнаружили ученые из Университета штата Огайо в одном из своих исследований, «даже если все внешние источники в окружающей среде распространяют действительно точные количественные данные, люди все равно могут самостоятельно генерировать дезинформацию и потенциально распространять ее от человека к человеку» (*Coronel J. C., Poulsen S., Sweitzer M. D.* Investigating the Generation and Spread of Numerical Misinformation: A Combined Eye Movement Monitoring and Social Transmission Approach // Human Communication Research. 05.12.2019. P. 22).

он (1) соответствовал идентичности группы и ее мотивам и (2) предоставлял психологически удовлетворительное объяснение политическим событиям[1]. Креко определяет **функции конспирологических теорий для их сторонников** следующим образом[2]:

• **защита своей группы**, в частности через (1) установление и укрепление границ группы, (2) поддержание и повышение коллективной самооценки, (3) обеспечение возможностей для разрядки от негативных эмоций, (4) обнаружение угроз для своей группы и (5) интерпретации прошлого в соответствии с интересами группы;

• **объяснение значимых, нетипичных, неожиданных событий**, регуляция тревожности в группе и структурирование трудной для восприятия информации;

• **оправдание властных устремлений внутри группы,** либо через (a) побуждение к действиям по изменению статус-кво, либо через (b) оправдание действий для сохранения статус-кво.

Другими словами, теории заговора превращают изначально неорганизованную группу (или ряд групп и отдельных лиц) в функциональный коллектив, возможно, даже в сфере политического действия. При этом теорию заговора можно создать как по принципу снизу вверх, так и по принципу сверху вниз. В первом случае ее создают люди, которые в нее верят, и поэтому она является функциональной для своих сторонников, но не может быть функционально использована политическим актором. Например, вера в теорию плоской Земли, а также во всемирный заговор, скрывающий правду о форме планеты, может быть психологически полезной для

[1] *Krekó P.* Conspiracy Theory as Collective Motivated Cognition // The Psychology of Conspiracy. London: Routledge, 2015. P. 62–77; *Krekó P.* Összeesküvés-Elmélet Mint Kollektív Motivált Megismerés [Теория заговора как коллективное мотивированное познание] // PhD thesis. ELTE, 2013. URL: http://ppkteszt.elte.hu/file/KrekoPeter_dissz.pdf.

[2] *Krekó P.* Conspiracy Theory as Collective Motivated Cognition. P. 65–66.

ее сторонников, но это не очевидный политический ресурс[1]. Однако когда теории заговора навязываются сверху вниз, они также соответствуют психологическим потребностям их сторонников, но создаются прежде всего для того, чтобы служить интересам их создателей (политических акторов). Очевидным примером здесь являются конспирологические теории, которые можно встроить в популистскую конструкцию «мы» и «они». Популисты, пользующиеся идеологией, вполне могут эксплуатировать теории заговора в соответствии со своими прагматическими повседневными потребностями, например для отражения критики («атаки»), направленной на практикуемые ими концентрацию власти и личное обогащение.

6.4.3. Краткая характеристика популизма

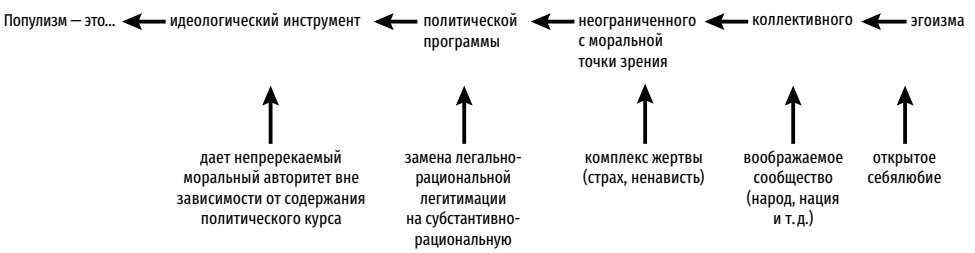
Идеологический инструмент политической программы неограниченного с моральной точки зрения коллективного эгоизма

Хотя в предыдущих частях мы рассматривали популизм с самых разных точек зрения, мы можем дать его краткое резюме с учетом как спроса, так и предложения на идеологическом рынке только сейчас. Схема 6.3 кратко описывает суть популизма в одном утверждении: **популизм — это (1) идеологический инструмент (2) политической программы (3) неограниченного с моральной точки зрения (4) коллективного (5) эгоизма**. Это определение соответствует логически согласованной совокупности характеристик популизма, которую мы приводим в Главе 4 [▸ 4.2.3], и отличается лишь тем, что переформулирует ее в наших терминах и расширяет с учетом ее социально-психологических последствий.

Давайте разберем каждую из составляющих популизма в предложенном нами порядке. Прежде всего — это **(1) идеологический инструмент** [▸ 6.4.1.2]. Аргументация популизма

[1] Подробнее о теории плоской Земли см.: *Garwood C.* Flat Earth: The History of an Infamous Idea. New York: Thomas Dunne Books, 2008.

Схема 6.3: Краткое резюме популизма



исходит из того, что популисты по определению объявляются представителями народа, а их оппоненты — его противниками. Отсюда следует, что деятельность и риторику популистов нельзя поставить под сомнение на законных основаниях, поскольку такая критика означает сопротивление «воле народа» или, если популист также является главой исполнительной власти, — «национальным интересам». Хотя популизм представляет собой идеологический инструмент популистов любого типа, внимание на слове «инструмент» следует особенно акцентировать, если речь идет о **популистах, пользующихся идеологией**. Они эксплуатируют гибкость популистского нарратива, исходя не из ценностной когерентности, которая может обосновать правую или левую политическую программу, а из функциональной когерентности, которая оправдывает любые действия, которые служат для концентрации власти и личного обогащения (то есть интересам элит). На самом деле, более конкретные аргументы пользующихся идеологией популистов вписываются в ту же тактику аргументации, что и общий популистский нарратив: они ставят под сомнение легитимность существующих структур / практик и говорят, что любой, кто критикует их за изменение этих структур / практик, в действительности защищает вредный статус-кво [▸ 6.4.1.4]. В любом случае популизм как идеологический инструмент дает **непререкаемый моральный авторитет вне зависимости от содержания политического курса**. Именно такое положение дел мы обозначаем как патрональное присвоение интерпретации общего блага, противопоставляя его

бюрократическому присвоению, присущему марксизму-ленинизму [▸ 4.2.4].

Во-вторых, популизм — это идеологический инструмент (2) **политической программы**, которая представляет собой попытку **заменить легально-рациональную легитимацию либеральных демократий на субстантивно-рациональную легитимацию**. В Главе 4 мы отмечали, что субстантивная рациональность означает, что, хотя институты существуют и играют важную роль в легитимации и/или функционировании системы, они являются не самоцелью, а скорее, средством для достижения «общего блага» [▸ 4.2.5]. Проще говоря, с точки зрения субстантивно-рационального подхода игнорирование писаного закона становится легитимным всякий раз, когда он не служит «общему благу», то есть воле народа. Однако это возвращает нас к первой (1) особенности и к тому, что популисту действительно удается присвоить интерпретацию общего блага. В случае пользующихся идеологией популистов присвоение превращает популистскую политическую программу в политическую программу неограниченного правления приемной политической семьи в целом и верховного патрона (популистского лидера) в частности. Другими словами, субстантивная рациональность проявляется как неуважение к верховенству закона в пользу любого решения, которое принимают власти, хотя фактически они подчиняются принципу интересов элит. На смену власти закона приходит закон власти [▸ 4.3.5.1].

Отсутствие в популизме (3) **моральных ограничений** переводит наше внимание с идеологического предложения на идеологический спрос, то есть на социально-психологическую сторону популизма. В ее основе лежит психология жертвы, порожденная кампаниями страха и ненависти в рамках процесса конструирования «их» и стигматизации «их» как врагов [▸ 6.4.2.3]. Поскольку группа «мы» преподносится как жертва группы «они», общее жертвенное состояние

перерастает в моральный нигилизм, то есть полное безразличие к судьбе всех, кто не входит в «мы». Вследствие этого моральные границы стираются, и люди освобождаются от бремени заботы о ближнем, то есть происходит уничтожение солидарности, которая является моральной основой либеральных демократий. Именно поэтому в посткоммунистическом регионе (и, вероятно, на Западе) популизм оказывается настолько привлекателен, особенно для тех людей, для кого порядок открытого доступа подразумевает экзистенциальную тревогу и угрозу их онтологической безопасности [▸ 6.4.2.1].

Хотя многие авторы подчеркивают коллективистский аспект популизма, мы более подробно рассматриваем тот факт, что популизм подразумевает наличие (4) **коллектива**. Если конкретно, то аргументы о боге, нации и семье, которые по отдельности или вместе могут формировать ценностно-когерентную идеологию коллективизма, переопределяются и перемешиваются в популистском нарративе в соответствии с функциональной когерентностью, как с точки зрения идеологического спроса, так и предложения [▸ 6.4.2.2]. Эта мысль резюмирована в Таблице 6.9, где каждый аргумент представлен в соответствии с измерениями того явления, к которому он относится: с функцией, которую он выполняет для популиста, и стигматизируемой группой, которую он подразумевает. В этом контексте, в отличие от либеральной картины мира, сообщества, образуемые вокруг идей бога, нации и семьи, носят не относительный характер, на который влияют индивидуальные или групповые права, но возводятся в абсолют, а также соединяются в одно целое как две грани двусторонне-функциональной дискурсивной сущности «мы / нас». **С точки зрения идеологического спроса,** воображаемое сообщество, созданное с помощью популистской политики идентичности, подталкивает к **упрощению: оно делает многогранную и регулярно пересматриваемую идентичность просто «хорошей» идентичностью**, которая не требует

Таблица 6.9: Бог, нация и семья в соответствии с их функциями и стигматизируемыми группами

Аргумент	Явление, с которым соотносится аргумент	Функция для популиста	Стигматизированные группы
Бог	Моральный авторитет	(i) Оппоненты лишаются моральной приемлемости (ii) Конкурирующая политика не подлежит оспариванию → РАЗНОГЛАСИЯ	Атеисты, либералы и т. д.
Нация	Обделенные и находящиеся под угрозой группы / приемная политическая семья	(i) Оппозиция исключается из нации (ii) Власть не несет ответственности перед обществом → ПРОСТОР ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	Оппозиционные партии, гражданское общество (НПО, интеллигенция и т. д.), международные организации и т. д.
Семья	Патриархальная семья	(i) Альтернативный образ жизни стигматизируется (ii) Культурная модель патриархального господства распространяется на всю нацию → ГОСПОДСТВО	Меньшинства (люди, не состоящие в браке, представители ЛГБТ-сообщества, бездомные, безработные и т. д.)

саморефлексии. Все это приводит к укреплению идентичности и упрощению картины мира, в рамках которой защита статуса приобретает легитимность, а каждая попытка его нарушить и каждое предложение принести его в жертву — делегитимируются. **С точки зрения идеологического предложения, идея «бога» позволяет устранить разногласия**, поскольку благодаря ей конкурирующая политика не подлежит обсуждению, **идея «нации» предоставляет неограниченный простор для действий**, поскольку отменяет ответственность властей перед обществом, а **идея «семьи» легитимирует принцип господства**, поскольку продвигает и узаконивает культурную модель патриархальной семьи для неформальной патрональной сети.

Наконец, (5) **эгоизм** завершает наше определение популизма, в котором делается акцент на социально-психологической стороне этого явления: популизм выпускает на свободу индивидуальное себялюбие своего электората и наделяет его

коллективным голосом. Однако следует отметить, что стрелки на Схеме 6.3, где представлены все пять составляющих, указывают справа налево, а не слева направо. Это сделано намеренно. Поскольку, **если мы прочитаем компоненты определения в обратном порядке, то сможем увидеть логику рассуждений, которая придает популизму двустороннюю функциональную когерентность**: (5) эгоистичный избиратель, которого не интересуют другие люди и который заботится исключительно о себе самом, охотнее выразит свои настроения в (4) коллективе, который придаст его себялюбию более благородную форму, чем в одиночку. При этом такой коллектив служит целям открытого себялюбия, которое возможно только в том случае, если коллектив (3) делегитимирует моральные ограничения и легитимирует моральный нигилизм. На политическом рынке он предлагается людям в качестве (2) политической программы, которая (1) становится идеологическим инструментом для пользующихся идеологией популистов. По сути, популист приобретает непререкаемый моральный авторитет, поскольку он эксплуатирует психологическую потребность людей в принадлежности к группе и себялюбии, а люди, в свою очередь, в трудных обстоятельствах своей жизни находят «понимающего» актора и коллектив.

Получается, что **популизм представляет собой полную противоположность либерализму не только в плане содержания**, так как противопоставляет себя конституционализму и процессу публичного обсуждения, базирующемуся на либеральной политической теории, **но и по тому, каким образом он предлагается людям**. Как мы могли обнаружить, популисты, будь то управляемые западной идеологией или пользующиеся посткоммунистической идеологией, воспроизводят в своем нарративе реальные социальные проблемы либо явления прошлого и настоящего, которые избиратели воспринимают как угрозу их материальным интересам, а также их чувству безопасности и комфорта [▸ 6.4.2.1]. В этой

ситуации **популизм предлагает решение проблем без моральных ограничений, тогда как догматический либерализм предлагает моральные ограничения без решения проблем**. Таким образом, догматический либерализм имеет тенденцию налагать табу и отрицать существование некоторых проблем, связанных с глобализацией и внутрисоциальной напряженностью, морально стигматизируя людей, которых затрагивают эти проблемы, нарушающие их чувство безопасности. В каком-то смысле здесь можно наблюдать **взаимную стигматизацию**: популисты называют «их» причиной всех своих проблем, а категоричные либералы называют избирателей, среди которых популистская риторика находит отклик, «ксенофобами», «гомофобами» или и того хуже. Неудивительно, что люди, испытывающие подобную фрустрацию, становятся восприимчивы к простым решениям популистов, которые предлагают им освобождение от моральной стигматизации и со стороны категоричных либералов. Этот процесс препятствует взвешенному обсуждению людьми своих проблем: они попадают под влияние чар популизма, поскольку видят, что другая сторона не только игнорирует их проблемы, но к тому же оскорбляет их. Ограниченный объем этой книги не позволяет нам далее углубиться в этот вопрос, но общий вывод состоит в том, что **при анализе причин популярности популизма «притягательные свойства» популистского нарратива необходимо оценивать вместе с «отталкивающим эффектом» догматического либерализма.**

6.5. МОДЕЛИ НЕФОРМАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В Главе 6 мы попытались ответить на вопрос о том, почему люди поддерживают патрональные автократии, а также о том, какие средства использует верховный патрон, чтобы обеспечивать стабильность режима и пресекать постоянные попытки оспорить его легитимность. Дополняет эту «экзогенную стабильность», которая обеспечивается поддержкой людей, не входящих в правящую политическую элиту, «эндогенная стабильность» самой правящей политической элиты. В либеральных демократиях методы, обеспечивающие эндогенную стабильность, определяются формальной институциональной структурой. На самом деле, формальные институты не только определяют фундаментальный характер и функционирование либеральных демократий, но и составляют ее каркас: опорную систему, которая поддерживает режим в форме. Без них он развалится или, по крайней мере, не сможет поддерживать свое существование, как это могут делать режимы идеального типа [▸ 4.4]. Однако по мере того, как неформальные институты и практики берут верх над формальной институциональной структурой, формальные правила, хотя и не теряют полностью своего значения, отодвигаются на второй план по сравнению с неписаными нормами и интересами. Так, **неформальная институциональная среда становится каркасом режима: различные модели неформального управления придают режиму форму и характер,** с помощью чего обеспечивается его эндогенная стабильность.

В своей выдающейся статье Алена Леденёва и Клаудия Баез-Камарго дают типологию моделей неформального

управления (Таблица 6.10)[1]. Мы завершаем эту главу кратким изложением этой статьи, которая полезна для нашего исследования в трех отношениях. Во-первых, эта типология расширяет наше понимание неформальности через описание практик, которые свойственны не только одному конкретному режиму и даже выходят за рамки посткоммунистического региона. Благодаря этому, мы можем провести сравнительный анализ практик посткоммунистического и других регионов. Во-вторых, в своей статье авторы разрабатывают полноценный аналитический аппарат. В нем с предельной точностью описаны способы организации и поддержания порядка, в котором неформальное преобладает над формальным, с указанием функций всех средств, присущих идеальным типам. Наконец, резюмируя статью Леденёвой и Баез-Камарго, мы можем кратко описать специфические для режима «анатомические» особенности патрональных автократий, представленные в Главах 2–6. Используя их типологию, мы можем еще раз обратиться к наиболее важным акторам, институтам и процессам посткоммунистических патрональных порядков и рассмотреть их в терминах неформального управления и стабильности режима.

Леденёва и Баез-Камарго различают **три основных модели**: (1) **кооптацию**, функция которой заключается в формировании прочных доверительных связей, взаимности и лояльности; (2) **контроль**, который предполагает методы обеспечения дисциплины внутри сетей власти; и (3) **маскировку**, которая служит для защиты сетей от сторонних лиц путем сокрытия истинной природы режима. Каждая из этих моделей включает в себя по три типа практик, которые различаются либо по своему направлению и задействованным в них акторам (кооптация и контроль), либо по тому креативному подходу,

[1] *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? Мы очень признательны Алёне Леденёвой и Клаудии Баез-Камарго за проверку более ранней версии этой таблицы и замечания к ней.

Таблица 6.10: Модели неформального управления.
Источник: переработанная статья Baez-Camargo C., Ledeneva A. Where Does Informality Stop and Corruption Begin?

	Акторы	Направление	Цели / средства	Функция (ожидаемый результат)
Кооптация	Политические элиты кооптируют потенциальные элиты	Сверху вниз (пребендальная)	Государственные должности (доступ к государственным ресурсам) в обмен на безусловную поддержку	Прочные доверительные связи, взаимность, лояльность
	Кооптация между политическими элитами и группами интересов или олигархами	Горизонтальная (взаимная)	Возможность влиять на законодательство (доступ к крупным государственным заказам) в обмен на финансовую поддержку (например, финансирование избирательной кампании)	
	Частные (региональные) сети кооптируют чиновников	Снизу вверх (низовая)	Общественная поддержка (например, в ходе выборов) в обмен на выгоды (патронаж)	
Контроль	«Старые» элиты контролируют новоявленные элиты	Сверху вниз	Выборочное правоприменение (прямое) или его угроза (косвенное, например компромат)	Поддержание дисциплины внутри сети власти
	Между равными акторами (внутри группы или сообщества)	Горизонтальная (взаимная)	Коллективная выработка решений и санкции против тех, кто идет вразрез с группой	
	Частные (региональные) сети контролируют чиновников	Снизу вверх	Нанесение репутационного ущерба (потеря голосов и т. д.) в случае невыполнения чиновниками своих обязательств	
Маскировка	Члены сетей власти перед сторонними акторами	Не существует	Креативные фасады (политические ритуалы, антикоррупционные кампании и т. д.)	Защита сети
			Скрытая конституция (предоставление формальных полномочий, которые отличаются от реально существующих)	
			Изменчивая идентичность (чиновники регулярно используют свои полномочия в интересах своего частного бизнеса)	

через который обеспечивается основная функция рассматриваемой модели (маскировка).

Первая практика, используемая при кооптации, о которой пишут Леденёва и Баез-Камарго, это кооптация сверху вниз или **«пребендальная» кооптация**[1]. По их мнению, эта практика «предполагает стратегическое политическое распределение государственных должностей среди представителей ключевых элит <...>. По сути, пребендальная кооптация предусматривает перераспределение ресурсов государственного сектора в целях получения личной выгоды правящими политическими сетями и, следовательно, также включает в себя приватизацию государственных должностей»[2]. Таким образом, кооптация сверху вниз подразумевает **патронализацию, патримониализацию и клиентарность**, но на самом деле она включает больше элементов, чем те, что перечисляют авторы. В патрональных автократиях приемная политическая семья рассматривает государственные институты как частную собственность [▸ 2.4.2] и назначает на государственные должности своих людей, а также патрональных слуг [▸ 3.3.5], пополняя тем самым ряды служилых дворян и клиентарных групп высокого уровня [▸ 6.2.2]. Последние также включают в себя олигархов, которые вынуждены мириться с максимальной амплитудой уязвимости, потому что (1) чем сильнее их успех связан с дискреционным вмешательством государства, а не с их эффективностью на рынке, тем меньше они в состоянии самостоятельно скопить и сохранить свое состояние и тем больше они зависят от государства [▸ 5.4.1.2], а кроме того, (2) у них нет возможности добиться ответственности перед ними верховного патрона [▸ 3.4.1.4]. Прямое формирование

1 От «пребенда» (от лат. *praebenda*) — слово происходит из католического канонического права и обозначает доходы и имущество, получаемые при занятии определенной должности и выполнении связанных с ней обязанностей (*прим. пер.*).

2 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 54.

клиентарных групп — это все формы кооптации сверху вниз, в рамках которых стратегически важные лица (из элит) попадают в зависимость от режима и становятся заинтересованными в его сохранении. По утверждению Леденёвой и Баез-Камарго, такие практики «способствуют сплоченности элит и стратегическому укреплению оснований для поддержки режима. [Кооптация сверху вниз] работает через привлечение в правящую сеть потенциальных противников и вознаграждение ее лояльных сторонников. [Пребендальная] кооптация выполняется через формальные и неформальные назначения, осуществляемые сильным президентом»[1] или, точнее, верховным патроном [▸ 3.3.2].

Второй метод — это так называемая горизонтальная или «взаимная» кооптация, при которой устанавливаются взаимовыгодные отношения с «влиятельными негосударственными акторами, [которые] также привлекаются к осуществлению государственной власти, чтобы обслуживать определенные интересы»[2]. На самом деле такая кооптация, хоть и формальная, типична для либеральных демократий. Лоббирование или, в более общем смысле, законное и регламентированное сотрудничество отделенных друг от друга политических и экономических элит как раз и является формальным вариантом таких добровольных взаимовыгодных союзов, через которые обе элиты сохраняют свой статус [▸ 5.3.1]. Однако их неформальный вариант, который интересует авторов, обозначается в нашем вокабуляре как **протекция для корешей** [▸ 5.3.2.2]. Единственное отличие в том, что наше описание протекции для корешей фокусируется на коррупционном характере сделки, а описание Леденёвой и Баез-Камарго подчеркивает ее функцию стабилизации режима. По их мнению, правящая элита «нуждается в поддержке крупных деловых кругов,

1 Ibid. P. 54–56.

2 Ibid. P. 58.

потому что последние могут серьезно дестабилизировать политические режимы и, если речь идет о конкурентных авторитарных режимах, часто являются ключевыми спонсорами дорогостоящих избирательных кампаний»[1]. Тем не менее в патрональных автократиях такое положение дел является нежелательным и его стремятся избегать путем создания однопирамидальной патрональной сети. Другими словами, стабильность режима обеспечивается через (a) патронализацию и хищничество, которым подвергаются альтернативные акторы и их активы [► 5.5], а также через (b) подчинение автономных олигархов и встраивание их в однопирамидальную патрональную сеть [► 3.4.1.3].

Практика, которую авторы называют «**кооптацией снизу вверх**», предполагает главным образом **обязательства людей перед их общинными сетями**, которые «могут формироваться на основе различных критериев, таких как родство, дружба, соседство или профессия»[2]. В предыдущей главе мы цитировали Хантингтона и продемонстрировали, что такие сети сильных связей играют важную роль в широком распространении коррупции на свободном рынке в посткоммунистических странах, и в частности в Китае (гуаньси) [► 5.3.6]. Как пишут Леденёва и Баез-Камарго, «здесь сеть ожидает от члена группы, которого назначают или нанимают на государственную должность, активной позиции в плане решения их проблем и обеспечения доступа к благам и ресурсам в интересах сети. Кооптация чиновников низовой сетью предполагает социальное давление на них, в результате чего неформальные обязательства перед сетью начинают преобладать над обязанностями государственной службы, и как средство преодоления противоречивых требований возникает мелкая коррупция»[3].

1 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 58.

2 Ibid. P. 60.

3 Ibid. P. 60–61.

Однако кооптация снизу вверх может основываться как на **инструментальных** связях, так и на тех, что базируются на чувствах [▸ 6.2.1.1]. Леденёва и Баез-Камарго обращают внимание на практику **продажи голосов**, которую мы еще не упоминали, но которую действительно «можно обнаружить в России и других посткоммунистических обществах»[1]. В этом случае кооптация снизу вверх является неформальным запросом на клиентелизм и свидетельствует о понимании людьми логики режима. Они осознают потребность представителей власти в их поддержке и назначают за нее цену, то есть они не принимают те выгоды, которые им предлагают, но хотят максимизировать их рациональным образом в неоклассическом смысле [▸ 5.2].

Обращаясь к модели **контроля**, авторы в качестве первой практики снова называют **контроль сверху вниз, или «пребендальный»**, который тесно связан с кооптацией стратегически значимых элит сверху вниз. Здесь авторы рассматривают понятие «демонстративного наказания» и отмечают, что «[хотя] само наказание может быть формальным, то есть осуществляться с учетом иерархии, непосредственным образом и сверху вниз, его выборочное применение работает на неформальную повестку, которая лежит в основе пребендальной кооптации: с одной стороны, оно гарантирует безнаказанность за злоупотребление государственной должностью в обмен на безоговорочную поддержку режима и лояльность, а с другой — создает атмосферу „отсроченного наказания“»[2]. В Главе 4 мы обозначили первый феномен как **политически выборочное правоприменение** и **закон власти** [▸ 4.3.5.1], тогда как отсроченное наказание можно в первую очередь назвать общеупотребимой практикой использования **компромата** [▸ 4.3.5.2]. По утверждению авторов, «политика

1 Ibid. P. 60. Ср.: *Ledeneva A.* How Russia Really Works.

2 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 62.

страха»[1], вытекающая из этих практик, «носит скорее превентивный, чем карательный характер, и основывается на сборе компрометирующих материалов <...> на врагов и протестующих, но прежде всего — на друзей и союзников»[2]. Кроме того, как мы постоянно подчеркиваем, такие практики обладают действенным **сигнальным эффектом**, то есть передают другим акторам информацию о возможностях представителей власти и о том, что в случае конфронтации с ними существует риск испытать их на себе. По этой причине «„политика страха“ или „отсроченное наказание“ порождают среди представителей элит и сетей общества самоцензуру»[3].

Вторая практика контроля — это **горизонтальный / взаимный «равноправный контроль»**, который предусматривает «взаимное наблюдение и коллективную ответственность»[4]. Как отмечают авторы, «российское государство узаконило неформальное управление, присущее крестьянским общинам — принцип коллективной ответственности (или круговую поруку) — чтобы было легче собирать налоги, призывать в армию и бороться с преступностью. Закон о коллективной ответственности был отменен только в 1905 году. Механизмы взаимозависимости по отношению к государству привели к появлению практик бдительного наблюдения, неформального мониторинга, внутригрупповой слежки, а также к общественному давлению и коллективным наказаниям, которые обеспечивали выживание сообщества в условиях внешнего давления. В сталинские времена региональные элиты использовали принцип коллективной ответственности в ответ на сопротивление контролю и приказам сверху, прикрывая

1 *Gel'man V.* Introduction: Politics of Fear // The Global Encyclopaedia of Informality / ed. by A. Ledeneva. London: UCL Press, 2018. Vol. 2. P. 420–424.

2 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 64.

3 Ibid.

4 Ibid. P. 65.

тем самым превышение властных полномочий районных чиновников, защищая чиновника, если о нем просочилась компрометирующая информация в центр, и наказывая изобличителей за утечку такой информации. Иммунитет и защита, предоставляемые сообществом своим членам, были неразрывно связаны с ограниченными правами собственности и межгрупповой зависимостью, что опять же явным образом проявилось в посткоммунистический переходный период 1990-х годов в организованной преступности и региональных элитах»[1]. В своей книге «Как на самом деле работает Россия» Леденёва разъясняет, что круговая порука в посткоммунистических обществах основана на «**страхе и всеобщем контроле**», и в этих условиях политические акторы (включая сотрудников правоохранительных органов и судей) стараются не ставить друг друга в невыгодное положение, опасаясь ответного удара[2]. По сути, круговая порука — это неформальный горизонтальный принцип взаимности, принятый между акторами с автономными компетенциями, которые они могут использовать для оказания помощи или защиты. Такие отношения могут формироваться в любом режиме между людьми схожего «калибра» в плане компетенций, в пределах определенного уровня социальной иерархии. Их действительно можно обнаружить на нижних уровнях однопирамидальных патрональных сетей, как и между региональными патронами в многоуровневых единых пирамидах [▸ 2.2.2.3]. (Следует отметить, что горизонтальные союзы могут формироваться только в целях защиты, и никогда не создаются для выступления против верховного патрона.)

Сила горизонтальных сетей ослабляется двумя факторами: (1) разделением ресурсов власти, о котором мы писали в конце Главы 4 и которое устанавливается для того,

1 Ibid. P. 66–67.

2 *Ledeneva A.* How Russia Really Works. P. 105.

чтобы предотвратить концентрацию власти в руках клиентов [► 4.4.3.2], и (2) уничтожением горизонтальных отношений и заменой их вертикальными (патрональными) иерархическими цепочками. Последнее является важным свойством порядков ограниченного доступа в целом и приемных политических семей в частности [► 3.6.2].

Практика контроля снизу вверх — это фактически оборотная сторона кооптации снизу вверх, то есть системы вознаграждений и наказаний, применяемых чьими-либо общинными сетями сильных связей. По словам Леденёвой и Баез-Камарго, тогда как «кооптация снизу вверх работает на основании принадлежности к группе, [а] отношения поддерживаются за счет ожидания взаимных услуг или обоюдной симпатии <...>, контроль осуществляется через апелляцию к стыду и угрозы репутационного ущерба. <...> „Желание отдать должное" своему сообществу — ключевая мотивация чиновников, которые хотят сохранить свой статус и добиться лояльности и уважения»[1]. Та практика, которую описывают авторы, применяется за пределами посткоммунистического региона (в Танзании)[2], но внутри региона она наиболее ярко прослеживается в китайских сетях гуаньси[3]. Однако в трех исторических регионах патрональные автократические режимы встраивают в ведущую политическую элиту семейные сети ее членов (не включая при этом других людей), но в то же время ограничивают то, насколько член приемной политической семьи может поддерживать своих родственников. Как отмечают Леденёва и Баез-Камарго, хотя российскому чиновнику «предоставляется некоторая степень безнаказанности», он должен быть «осторожен, чтобы не потерять чувство меры,

1 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 67.

2 Ср.: *Hyden G.* Beyond Ujamaa in Tanzania: Underdevelopment and an Uncaptured Peasantry. Berkeley: University of California Press, 1980.

3 *Mayfair Y.* Guanxi (China) // The Global Encyclopaedia of Informality. Vol. 1. P. 75–79.

а также должен консультироваться с начальником, быть лояльным, а самое главное, прозрачным при предоставлении откатов начальству, коллегам и подчиненным. За региональными „каналами" неформально, но ревностно следят. Как показывает российская практика, „государственных чиновников ловят не за воровство, а за то, что они воровали слишком много для своего положения"»[1]. Это опять же способствует стабильности режима и действительно навязывается сверху при дискреционном устранении крыши, если это необходимо [▸ 3.6.2.5]. В этом смысле контроль над семьей снизу вверх заменяется контролем над приемной семьей сверху вниз[2].

Далее авторы описывают третью модели управления — **маскировку**. Эта модель используется для того, чтобы вводить в заблуждение иностранных акторов, в особенности западные правительства, которые привыкли анализировать институты в условиях отделенных друг от друга сфер социального действия, и поэтому фокусируются на их формальной структуре, а не на фактическом функционировании [▸ Введение]. Даже такие НПО, как *Transparency International*, указывают на «неспособность» государств бороться с коррупцией [▸ 5.3.4.1] и рекомендуют лидерам режима ужесточить формальные правила для государственных чиновников и ослабить их для граждан[3]. Смысл этих рекомендаций заключается не столько в том, что политики могут воспользоваться ими в качестве одной из форм борьбы с коррупцией: скорее считается, что они вынуждены будут воплотить их в жизнь, потому что иначе международные акторы, другие страны и глобальные инвесторы не будут сотрудничать с этим

1 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 57.

2 Ср.: *Ledeneva A.* Can Russia Modernise? P. 98–108.

3 TI, Corruption Perceptions Index 2017 — Full Source Description. Конечно, TI также дает рекомендации частным акторам, таким как НПО и журналисты, однако здесь нас интересует представление TI о формальности в целом и о государстве в частности.

режимом[1]. И хотя иногда эти меры по борьбе с коррупцией принимаются[2], на деле они часто становятся тем, что Леденёва и Баез-Камарго называют «**креативными фасадами**», то есть приемлемой ширмой, скрывающей неприемлемые практики[3]. Они пишут, что «[существует] множество примеров, когда власти выступают с эмоциональными заявлениями о противодействии коррупции и даже предпринимают для этого серьезные правовые и институциональные реформы, за которыми следует очень мало реальных действий. Антикоррупционные кампании часто проводят во время избирательных кампаний, в периоды кризиса или при усилении давления со стороны международных доноров, и поэтому они являются свидетельством того, что дискурс о коррупции и борьбе с ней используется в качестве прикрытия, позволяющего преследовать узкие политические интересы»[4]. В более широком смысле, **демократический фасад патрональных автократий является наиболее характерным креативным фасадом**, что означает, что автократы разработали методы установления фактических автократических режимов без открытых репрессий и с формально демократическими институтами [► 4.3, 6.3]. И хотя этот факт признается политологами, и в частности гибридологами, они продолжают анализировать верховных патронов в тех же координатах, что и западных популистов[5], и называют их партии

1 *Hansen H. K.* The Power of Performance Indices in the Global Politics of Anti-Corruption // Journal of International Relations and Development. 2012. Vol. 15. № 4. P. 506–531; *Davis K. E., Kingsbury B., Merry S. E.* Indicators as a Technology of Global Governance // Law & Society Review. 2012. Vol. 46. № 1. P. 71–104.

2 *Andersson S., Heywood P. M.* The Politics of Perception: Use and Abuse of Transparency International's Approach to Measuring Corruption // Political Studies. 2009. Vol. 57. № 4. P. 746–767.

3 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 68.

4 Ibid. P. 69.

5 Ср.: *Norris P., Inglehart R.* Cultural Backlash.

«правящими», по аналогии с любой популистской партией власти[1]. На самом деле, верховные патроны — это пользующиеся, а не управляемые идеологией популисты [▸ 6.4.1], тогда как их партии — это лишь приводные ремни, которые не принимают никаких значимых решений и только исполняют волю неформальной патрональной сети [▸ 3.3.8].

Это подводит нас к понятию «**скрытой конституции**», которое Леденёва и Баез-Камарго описывают как «ситуацию, в которой формальные конституционные полномочия не всегда отражают реальные механизмы власти. <...> Игра на главной сцене и за кулисами, манипулирование идентичностями, использование посредников или подставных лиц и создание виртуальной реальности»[2]. В Главе 4 мы касались **неформальных теневых практик патрональных сетей**, которые превалируют над формальными институтами [▸ 4.3.4], а также на основании работы Хейла мы поясняли, для чего действительно нужна формальная конституция, а именно: для распределения власти и выполнения сигнальной функции [▸ 4.4.2.2]. В свою очередь, в Главе 3 мы рассматривали **политических и экономических подставных лиц**, которые необходимы для функционирования патрональных автократий и не требуются в либеральных демократиях или коммунистических диктатурах [▸ 3.3.3, 3.4.3]. Некоторые акторы, которых можно было бы назвать политиками по западным стандартам, то есть в соответствии с их формальным положением, на практике, неформально не обладают в условиях патрональной автократии автономией и низведены до простых исполнителей воли верховного патрона. Эти акторы являются политическими подставными лицами, которые заполняют такие формальные институты, как законодательные органы [▸ 4.3.4.4] и конституционные суды [▸ 4.4.1.3].

1 Ср.: *Pappas T.* Populists in Power.

2 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 70.

В экономической сфере экономические подставные лица формально являются предпринимателями, но на деле они только управляют собственностью своего патрона, олигарха или полигарха или просто владеют ею на бумаге [▸ 3.4.1]. В пределах реляционной экономики власть-собственность являются доминирующей формой реальной собственности [▸ 5.6], а реляционное рыночное перераспределение осуществляется с помощью экономических подставных лиц и компаний, которые в роли брокеров-коррупционеров закрывают структурный пробел между материальным положением своего патрона и его формальным статусом [▸ 5.3.3.2].

Наконец, Леденёва и Баез-Камарго описывают самую сущность патрональных режимов: «**размывание публичных / частных интересов**» теми, кто обладает политической и экономической властью[1]. Таким образом, авторы делают акцент на акторах низкого уровня, а именно на членах государственной администрации, которые, «играя абсолютно другие роли», не только преследуют свои бизнес интересы или присваивают материальные ресурсы, но и «превращаются в „оборотней в погонах / униформе“»[2]. Мы именуем это явление серым рейдерством со стороны государственной администрации, а Маркус обозначил его «капитализмом пираний»: коррумпированных сборщиков налогов, сотрудников правоохранительных органов и разведки [▸ 5.5.3.1]. Однако в патрональных автократиях эти акторы лишены автономии и превращены в патрональных слуг [▸ 3.3.5, 3.3.6], что означает, что они не могут злоупотреблять своим служебным положением в собственных интересах. Напротив, они должны делать это по команде, выполняя приказы региональных патронов или самого верховного патрона (если речь идет о корпоративном централизованном рейдерстве [▸ 5.5.4]). Получается, что такое

1 *Baez-Camargo C., Ledeneva A.* Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 71.

2 Ibid. Также см.: *Ledeneva A.* Can Russia Modernise? P. 195.

положение дел свидетельствует уже не о «размывании» границы между публичной и частной сферами, равно как между хищником и захваченной им жертвой нет «размывания границ». Но использование этой фигуры речи — это эвфемизм, даже если мы говорим о политической сфере. На самом деле, это признак **смешения сфер социального действия**, в результате чего неформальное управление становится истинным каркасом режима. Верховные патроны, хотя и называют себя служителями «национальных интересов», на практике подчиняют государство принципу интересов элит [▸ 2.3.1] и считают его своей частной собственностью, регулярно нарушая формальные законы и управляя государством по правилам организованной преступной группы. Одним словом, то, что они создают, является не чем иным, как **мафиозным государством** [▸ 2.4.5].

7. Режимы

7.1. ГИД ПО ГЛАВЕ

Теперь, когда мы завершили сравнительный анализ политических, экономических и общественных феноменов, перед нами стоит задача **дать определение шести режимам идеального типа**. В Главе 1 мы представили их предварительное описание, а в последующих главах использовали названия шести режимов, чтобы показать, какие акторы, институты, а также политические, экономические и общественные явления с ними связаны. Таким образом мы раскрывали их значение: описывая, как функционируют шесть режимов идеального типа, мы наполняли обозначающие их термины смыслом. Однако мы так подробно описывали режимы, перед тем как дать им более формальное определение, поскольку хотели поместить в фокус внимания теорию режимов, а не их названия как таковые. Хотя иногда может показаться, что сравнительный анализ режимов — это поиск подходящих обозначений, на самом деле конкурировать должны именно теории режимов, а не их ярлыки. **Ярлык должен вытекать из всесторонней теории режима, а не предшествовать ей или заменять ее**. Названия для режимов следует выбирать не по тому, насколько удачно они звучат или легко запоминаются, а по тому, насколько исчерпывающее описание они содержат, по сравнению с другими описаниями, скрывающимися за другими ярлыками. Когда требуется ответить на вопрос: «как мне это назвать?»[1], следует взглянуть на сущность режима и с учетом всех присущих ему особенностей найти для него подходящее название. Таким образом, именование режима — это не бессмысленная игра слов. Этот процесс требует

[1] Ср.: *Trencsényi B.* What Should I Call You? The Crisis of Hungarian Democracy in a Regional Interpretative Framework // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 3–26.

знаний о том, что представляет собой этот режим, и чем он не является.

Используя понятия, которые мы вводили для обозначения «анатомических» особенностей режимов в последних пяти главах, в Части 7.2 мы даем определение шести режимам идеального типа. Кроме того, в этой же части мы поясняем, как можно использовать нашу треугольную структуру, то есть как можно выделить в ней различные аспекты, касающиеся определенных анатомических особенностей. При таком подходе мы можем поместить в наше треугольное пространство реально существующие политические системы и показать их концептуальную удаленность от шести режимов идеального типа (см. Схему 3 [▸ Введение]).

Треугольная структура позволяет проводить как синхронический, так и диахронический анализ[1]. Это значит, что страну можно поместить в пространство треугольника в соответствии с характеристиками, присущими ей в данный момент времени (синхронический анализ), но при нанесении на график нескольких точек, каждая из которых соответствует статусу страны в разные моменты времени, можно также увидеть траекторию режима или его развитие с течением времени (диахронический анализ). Тогда как Часть 7.2 фокусируется на сторонах и полюсах треугольника, то есть на режимах идеального типа, Часть 7.3 посвящена типологии траекторий, то есть традиционным путям развития стран, которые оказались в определенной точке треугольника. Мы описываем разновидности того, как происходит смена конфигурации, включая смену режима и модели, а также режимную петлю и демократические откат и прогресс. Мы используем так называемый двойственный подход, чтобы увидеть одновременно личные и безличные институциональные изменения (или их отсутствие).

1 *Bartolini S.* On Time and Comparative Research // Journal of Theoretical Politics. 1993. Vol. 5. № 2. P. 131–167.

В этой главе траектории идеального типа также проиллюстрированы примерами двенадцати посткоммунистических стран. Первичные траектории, то есть путь от коммунистической диктатуры к первому типу посткоммунистического режима, который совершила каждая страна, иллюстрируются смоделированными траекториями Эстонии, Румынии, Казахстана и Китая. Польша, Чехия, Венгрия и Россия служат наглядными примерами вторичных траекторий, которые следуют после первичных и включают в себя успешные и безуспешные попытки установить в стране новый режим. Наконец, примеры Украины, Македонии, Молдовы и Грузии наглядно демонстрируют режимную петлю.

Хотя в нашей книге основное внимание уделяется характеристикам режимов, в Части 7.4 представлен обзор особенностей стран и проводимой ими политики. Первые включают в себя такие особенности, как разделение по этническому признаку, глубинное государство, размер страны, геополитика, зависимость от капитализма и обилие природных ресурсов. Последние носят более общий характер в плане определения того, какие особенности характерны именно для политики и как их следует анализировать, принимая в расчет конкретные условия рассматриваемого режима. Эта же часть завершает главу, в конце которой мы сосредотачиваем внимание на людях, в особенности на их так называемом пороге терпения и его значении для правящих элит при выработке политики режима.

7.2. Треугольная структура: определяя шесть режимов идеального типа

7.2.1. Удвоение идеальных типов демократии, автократии и диктатуры, разработанных Корнаи

Очевидным способом определить шесть режимов идеального типа было бы перечислить все особенности, которые, по нашему мнению, им присущи. И хотя то определение, которое получилось бы в результате, несомненно, отражало бы его суть очень точно, оно также было бы неохватным, «громоздким и непривлекательным семантическим средством», которое нельзя эффективно использовать[1]. Однако если сфокусироваться на **необходимых и достаточных условиях**, то есть на характеристиках, которые четко указывают на определенный тип режима, ему можно дать приемлемое определение. Эти характеристики позволяют однозначно идентифицировать идеальные типы, и поскольку они носят фундаментальный характер, они также обеспечивают основу, из которой следуют многие другие, проанализированные нами ранее свойства.

Так, Корнаи приводит необходимые и достаточные условия для трех основных типов режимов: демократии, автократии и диктатуры. В своем исследовании «Пересмотр системной парадигмы» он называет необходимые и достаточные условия «первичными характеристиками»[2]. Мы тоже приводили их, наряду с вторичными свойствами [▸ 1.6], еще в Главе 1. Однако пока мы не давали более формального определения

1 *Gerring J.* What Makes a Concept Good? P. 371.

2 *Kornai J.* The System Paradigm Revisited.

трем основным типам режимов и можем сделать это сейчас, используя для каждого из них по 4 первичных характеристики Корнаи:

• ***Демократия*** *— это политический режим, при котором (1) правительство можно сменить в ходе мирной и цивилизованной процедуры, (2) институты, согласованно гарантирующие подконтрольность власти, устойчивы и надежны, (3) существует законная парламентская оппозиция (в выборах участвует несколько партий) и (4) отсутствует террор.*

• ***Автократия*** *— это политический режим, при котором (1) правительство нельзя сменить в ходе мирной и цивилизованной процедуры, (2) институты, которые могли бы согласованно гарантировать подконтрольность власти, являются либо слабыми, либо исключительно формальными, (3) существует законная парламентская оппозиция (в выборах участвует несколько партий) и (4) отсутствует террор (но в отношении политических противников иногда используются различные средства принуждения).*

• ***Диктатура*** *— это политический режим, при котором (1) правительство нельзя сменить в ходе мирной и цивилизованной процедуры, (2) не существует институтов, которые могли бы сделать возможной / гарантировать подконтрольность власти, (3) не существует законной парламентской оппозиции (в выборах участвует только одна партия) и (4) присутствует террор (массовые заключения в исправительно-трудовые лагеря и расстрелы).*

Хотя эти понятия имеют четкие определения, они сосредоточены исключительно на политических институтах и не учитывают другие сферы социального действия [▸ 3.2]. Кроме того, если эти сферы не отделены друг от друга, то в таком режиме даже политические институты работают по другим принципам, которые невозможно разглядеть без более целостного подхода. По этой причине мы удваиваем категории Корнаи и получаем шесть наших типов режимов. В Главе 1 мы

лишь слегка коснулись необходимых и достаточных условий для них, но здесь мы перечислим их более структурированно. В рамках демократии, автократии и диктатуры мы выделяем по два типа в соответствии с тремя измерениями для каждого из них. Эти измерения представляют собой такие аспекты, как «патрональность управления» или «доминирующий экономический механизм», которые мы отбираем для каждой пары режимов, чтобы выявить их фундаментальные различия. Также, поскольку определения сочетают в себе эти базовые характеристики и описание основного типа политического режима, мы выводим необходимые и достаточные условия для каждого из шести режимов идеального типа.

Начнем с **демократии**, которая бывает либеральной и патрональной:

• ***Либеральная демократия*** *— это тип демократии, для которого характерны: (1) непатрональная правящая элита, (2) в качестве правящей партии — партия политиков и (3) доминирование формальных институтов.*

• ***Патрональная демократия*** *— это тип демократии, для которого характерны: (1) неформальная патрональная правящая элита, (2) в качестве правящей партии — партия вассалов и (3) доминирование полуформальных институтов.*

В понятии **«либеральная демократия» слово «либеральная» означает не либеральную публичную политику, а конституционализм**, который уходит своими корнями в либеральную политическую философию [▸ 4.2.2]. Поскольку ценности конституционализма гарантируются формальными институтами, критически важно, чтобы эти институты доминировали, то есть чтобы их на деле не игнорировали и не заменяли неформальными нормами и практиками[1]. Вместе с тем сферы социального действия в либеральных демократиях отделены друг от друга [▸ 3.2], а правящая партия остается партией

1 *Sartori G.* Constitutionalism.

политиков [▸ 3.3.7]. Правящая элита носит непатрональный характер, ограничивается сферой политического действия и состоит из множества независимых фракций, автономия которых гарантируется многообразием ресурсов [▸ 2.2.2.2, 4.4.1.2].

Напротив, для **патрональных демократий** характерно смешение сфер социального действия, хотя, благодаря динамическому равновесию конкурирующих патрональных сетей, этот режим все еще является демократией [▸ 4.4.2.1]. Слово «**патрональная**» **обозначает здесь неформальную патрональную правящую элиту** либо ее мультипирамидальную конфигурацию, в которой политико-экономические кланы [▸ 3.6.2.1] конкурируют между собой под видом политических партий (отсюда и партия вассалов [▸ 3.3.7]). В результате доминирующие институты носят не формальный, а **полуформальный** характер, то есть занимают промежуточное положение между формальностью и неформальностью. Слово «полуформальный» обозначает **постоянное сосуществование в политической системе формальных и неформальных элементов**, каждый из которых доминирует на различных ее уровнях. С одной стороны, **акторы по преимуществу неформальны**, а крупные партии являются лишь проводниками воли неформальных патрональных сетей, предоставляя им легитимацию в условиях ограниченной конкуренции [▸ 4.3.2.4]. С другой стороны, ни один из этих акторов не обладает достаточной властью, то есть ни одна сеть не может патронализировать и патримониализировать достаточное количество политических акторов и институтов, чтобы иметь возможность свободно нарушать формальные правила, нейтрализуя защитные механизмы демократии [▸ 4.4.1]. Таким образом, **политическая институциональная среда остается преимущественно формальной**, а акторы не могут устранить разделение ветвей власти, публичное обсуждение, гражданское общество и власть закона [▸ 4.4.2.1]. В патрональных демократиях неформальные акторы наполняют формальную институциональную среду, не получая над

ней господства. Тем не менее, поскольку сферы социального действия смешиваются, неформальные патрональные сети делают управление менее прозрачным. Кроме того, они вносят свои коррективы в динамику режима, так как патрональные вызовы демократическому плюрализму являются не аномалией, а нормой со стороны политических игроков [▸ 4.4.2.3].

Три измерения, в соответствии с которыми мы различаем подтипы демократии, это: (1) патрональность управления, (2) члены правящей партии и (3) формальность институтов. Если речь идет об автократиях, мы используем три других измерения, а именно: (1) функцию правящей партии, (2) доминирующий экономический механизм и (3) идеологию.

- ***Консервативная автократия** — это тип автократии, для которого характерны (1) управляющая партия, (2) рыночная координация и доминирование частной собственности, и (3) управляемость идеологией.*
- ***Патрональная автократия** — это тип автократии, для которого характерны (1) партия — «приводной ремень», (2) реляционное перераспределение рынка и доминирование власти-собственности и (3) использование идеологии.*

Несмотря на то, что консервативная автократия — это, в понимании Корнаи, подтип автократии, она распространяет свою монополию на власть только на политическую сферу. На самом деле, консервативная автократия — это **коренным образом формальный режим: в нем власть сконцентрирована в руках президента** или премьер-министра (то есть главы исполнительной власти), который формально нарушает принцип разделения ветвей власти. Правящая партия действительно управляет, то есть ее формальная и фактическая роли совпадают [▸ 3.3.8], тогда как правящая политическая элита состоит не из олигархов и полигархов, а из политиков (которых тем не менее могут поддерживать крупные экономические акторы [▸ 5.3]). **Частная экономика практически не подвергается вмешательству** в том смысле, что она не

патронализируется, а в качестве ее доминирующего экономического механизма все еще выступает регулируемая рыночная координация [▸ 5.6.2.1]. Конечно, объем государственной экономики имеет тенденцию к расширению, а в общинной сфере появляются черты идеологической регуляции частной жизни, но при этом какого бы то ни было смешения сфер социального действия не происходит.

Последним свойством консервативной автократии идеального типа является то, что она **управляется идеологией**, а государство подчинено принципу продвижения идеологии [▸ 2.3.1]. Эту черту выражает термин «консервативная», который в данном контексте означает, что власти на нормативной основе регулируют образ жизни и проводят элитарную (антиэгалитарную) социальную и экономическую политику. Возможно, кто-то возразит, что это определение не уточняет, какое содержание должно быть у идеологии, и поэтому под него также может подпадать и левый режим. Теоретически такое можно вообразить, хотя левая автократия вряд ли будет опираться на рыночную координацию, и скорее будет представлять из себя государство развития или государственный капитализм, при котором государство как ведущий собственник или инвестор определяет структуру производства[1]. Однако основная причина, по которой мы называем этот тип режима «консервативным», заключается в том, что в посткоммунистическом регионе самая заметная попытка установления автократии с тремя указанными выше характеристиками, а именно попытка Качиньского установить автократию в Польше, носила консервативный характер[2].

[1] Ср.: *Holcombe R.* Political Capitalism, 2018. P. 30–33; *Musacchio A., Lazzarini S. G., Aguilera R. V.* New Varieties of State Capitalism: Strategic and Governance Implications //Academy of Management Perspectives. 2015. Vol. 29. № 1. P. 115–131.

[2] *Magyar B.* Parallel System Narratives. Как мы увидим далее, Грузия при Саакашвили тоже приблизилась к консервативной автократии после внедрения консервативной программы, ориентированной на свободный рынок.

Несмотря на это, Польша все еще ближе к либеральной демократии идеального типа, а консервативной автократией пока еще не стала ни одна посткоммунистическая страна. Если кому-то интересны примеры, то Чили времен Пиночета (с точки зрения непатрональной экономики в условиях однопирамидальной сети власти) и Португалия под управлением Салазара (с точки зрения того, что в политической сфере с контролируемой и ограниченной оппозицией доминировала партия, управляемая идеологией) больше всего приблизились к консервативной автократии идеального типа[1].

Свойства **патрональных автократий** диаметрально противоположны перечисленным выше. Хотя такой режим тоже носит название автократии, это **в корне неформальная политическая система** [▸ 6.5]. **Правящая партия — это всего лишь партия — «приводной ремень»**, тогда как настоящей правящей элитой является неформальная патрональная сеть, приемная политическая семья [▸ 3.6]. Внутрипартийная демократия в правящей партии ликвидирована [▸ 4.3.4.4], а принятие политических и экономических решений исключается из компетенций официальных, партийных органов и правительства и передается в руки двора патрона [▸ 3.3.2]. Для патрональных автократий характерны **реляционная экономика с реляционным перераспределением рынка**, дискреционное вмешательство и хищничество в пользу полигархов, олигархов и подставных лиц, каждый из которых встроен в неформальную патрональную сеть [▸ 5]. По сути, режим управляется как организованная преступная группа в соответствии с криминально-государственной моделью в манере сверху вниз [▸ 5.3.2.3]. Приемная политическая семья, в отличие от правящей политической элиты консервативных автократий,

1 *Huneeus C.* The Pinochet Regime. London: Lynne Rienner Publishers, 2007; *Raby D.* Controlled, Limited and Manipulated Opposition under a Dictatorial Regime: Portugal, 1945–1949. Ср.: *Kallis A.* The «Regime-Model» of Fascism: A Typology // European History Quarterly. 2000. Vol. 30. № 1. P. 77–104.

использует идеологию и функционирует по принципу интересов элит, то есть преследует двойной интерес монополизации власти и личного обогащения [▸ 6.4.1]. Несмотря на то, что формально в таких режимах сохраняется демократический фасад, а популизм легитимирует неограниченное правление [▸ 4.2.3], на деле правящая элита устанавливает **мафиозное государство**, которое сочетает в себе черты кланового, неопатримониального / неосултанистского, хищнического и криминального государств [▸ 2.4.5].

Наконец, мы делим **диктатуру** на коммунистическую и с использованием рынка, а ключевыми измерениями нам для этого служат (1) доминирующий экономический механизм, (2) коррупция, (3) ограниченный порядок:

- ***Коммунистическая диктатура*** *— это тип диктатуры, для которого характерны (1) бюрократическое перераспределение ресурсов (монополия государственной собственности), (2) системосмазывающая коррупция и (3) тоталитаризм.*
- ***Диктатура с использованием рынка*** *— это тип диктатуры, для которого характерны (1) динамический баланс рыночной координации, бюрократического перераспределения ресурсов и реляционного рыночного перераспределения, (2) системоразрушающая коррупция и (3) неограниченность власти.*

Мы снова используем критерий доминирующего экономического механизма не только потому, что одной из основных определяющих черт коммунистических диктатур является **центральное планирование**, но еще и потому, что от него отказываются диктатуры с использованием рынка. Точнее, коммунистическим диктатурам свойственна монополия государственной собственности на средства производства, тогда как **диктатуры с использованием рынка**, сохраняя однопартийную систему и реформированную партию-государство [▸ 3.3.8], **допускают появление конкурентных рынков** и рыночной координации. Таким образом, они «используют рынок», поскольку

партия-государство допускает (частичную) свободу в экономической сфере, чтобы благодаря этому пожинать плоды в виде политической легитимности, экономического самовоспроизводства и социальной стабильности [▸ 5.6.2.2]. Однако появление частной экономики также ведет к безудержной коррупции, в частности к захвату государства сверху вниз, что делает реляционное перераспределение рынка ярким свойством этого режима и постоянно бросает ему вызов, а его лидерам приходится бороться с попытками незаконной патримониализации («мафизации») партии-государства [▸ 5.6.2.3].

Хотя партийное руководство создает сильные защитные механизмы против мафизации и коррупции, они в целом действительно являются разрушительными компонентами диктатур с использованием рынка [▸ 4.4]. Следовательно, в таких режимах **коррупция является системоразрушающей** и подрывает их нормальное функционирование, а **в коммунистических диктатурах коррупция смазывает систему** [▸ 5.6.1.5]. Так, в режимах этого типа коррупция поддерживает другие его компоненты (и поэтому к ней относятся с умеренной толерантностью), потому что без нее, а также без более широко употребимых корректирующих механизмов, частью которых является системосмазывающая коррупция, режим был бы слишком жестким и неустойчивым [▸ 5.6.1.2]. Естественно, это не означает, что каждая коррупционная сделка в коммунистических диктатурах непременно способствует стабильности режима. Это лишь значит, что коррупция является необходимым элементом, позволяющим режиму избежать распада [▸ 5.3.5]. Наконец, в обеих диктатурах идеального типа есть своя номенклатура, а власть правящих элит не ограничена ни в одной из них. Однако в коммунистических диктатурах власть **тоталитарна**, а в диктатурах с использованием рынка — лишь носит **неограниченный характер**. Другими словами, лидер с неограниченной властью может навязывать свою волю всем, как и тоталитарный, но он этого не делает. Такие

(партийные) лидеры диктатур с использованием рынка более прагматичны и создают менее жестко контролируемую среду (в конечном счете в собственных интересах). Правда, эта относительная свобода допускается только в экономической сфере: обычные люди испытывают такие же репрессии в диктатурах с использованием рынка, как и в коммунистических. Они, несомненно, являются лишь объектами, которые лишены основных прав и свобод [▸ 3.5.1], и, по-видимому, по мере развития технологий лишаются в сфере общинного действия даже большей части своих свобод[1].

7.2.2. Одиннадцать измерений треугольной структуры

Треугольная структура устроена таким образом, что представленные в ней шесть идеальных типов режимов, из которых три полярных типа изображены в углах треугольника, а промежуточные типы — в центре каждой из сторон, представляют собой тот **набор переменных**, который указан в их определении. Помимо этого, в дополнение к общей типологии режимов по Корнаи, каждый режим идеального типа имеет свое собственное значение в каждом из восьми вышеупомянутых измерений. Таким образом, каждая точка, обозначающая режим, включает в себя еще более сложный набор переменных, чем его определение. **Треугольная структура — это не что иное, как концептуальное пространство**, «растянутое» между шестью режимами идеального типа [▸ Введение], и **если внутри него поставить точку, то она будет представлять режим, в определенной степени удаленный от идеальных типов**. Чем ближе точка расположена к идеальному типу, тем больше она похожа на этот режим, и наоборот, чем дальше от него, тем меньше с ним сходства.

1 Ср.: *Qiang X.* President Xi's Surveillance State.

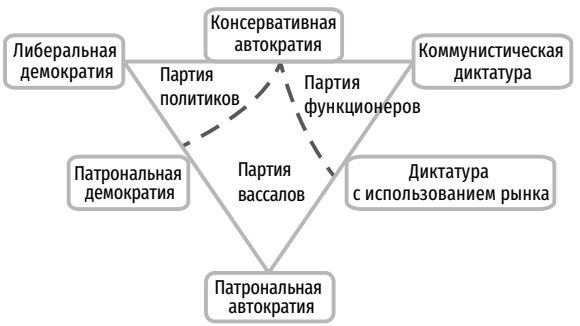
Сложность использования концептуального пространства заключается в том, что оно не является масштабной сеткой. На непрерывной шкале режим можно легко поместить в определенную точку на основе некоторой четко определенной количественной меры. Но в концептуальном пространстве расстояние между точками — это не только количественное, но и «концептуальное расстояние», то есть отклонение от полных наборов переменных, которые представляет каждая точка. Из-за этого процесс локализации режимов в треугольной структуре является не таким однозначным и требует более неортодоксального подхода.

Для преодоления этой проблемы мы предлагаем **поделить треугольное пространство на участки в соответствии с каждым из измерений**, и с помощью этого указать на то, какие части треугольника представляют определенные характеристики. На схемах 7.1–3 показано, как это можно сделать с учетом трех измерений, используемых нами для определения демократий. Что касается патрональности управления, то очевидной отправной точкой являются шесть режимов идеального типа, для которых этот параметр четко определен: либеральные демократии и консервативные автократии непатрональны, патрональные демократии и патрональные автократии являются неформально патрональными, а два типа диктатуры носят бюрократический патрональный характер [► 2.2.2.2]. Затем мы должны поместить в треугольник так называемые **границы доминирования**. Эти границы отделяют друг от друга **участки доминирования**, то есть те части треугольника, в которых доминирует определенный характерный признак. Это не значит, что уровень патронализма одинаков на всем «неформальном патрональном» участке: напротив, неформальный патронализм в гораздо большей степени преобладает в патрональных автократиях, чем в патрональных демократиях. Однако они находятся на неформальной патрональной стороне от границы доминирования,

Схема 7.1: Патрональность управления (с поясняющей таблицей [▸ 2.2.2.2])

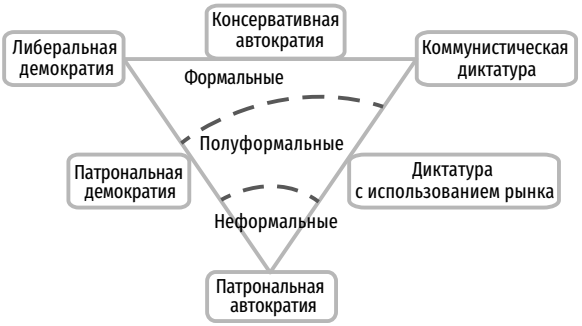
	Правящая элита...		
	характеризуется патронально-клиентарными отношениями	находится в рамках формальной институциональной структуры	выходит далеко за пределы институциональной структуры
Непатрональная	–	X	–
Бюрократически патрональная	X	X	–
Неформально патрональная	X	–	X

Схема 7.2: Члены правящей партии (с поясняющей таблицей [▸ 3.3.1–7])



	Члены являются клиентами лидера (главного патрона)	Члены лояльны партии (как формальной организации)
Партия политиков	–	–
Партия вассалов	X	–
Партия функционеров	X	X

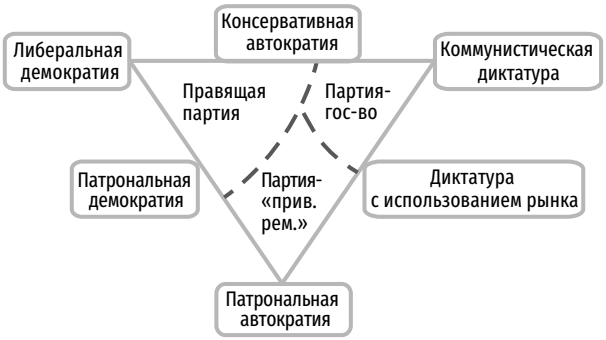
Схема 7.3: Формальность институтов (с поясняющей таблицей [▸ 2.2.2, 4.3–4, 5.3, 5.6, 6.5])



	Доминирующие политические и экономические институты...	
	Формальны	Неформальны
Формальны	X	–
Полуформальны	X	X
Неформальны	–	X

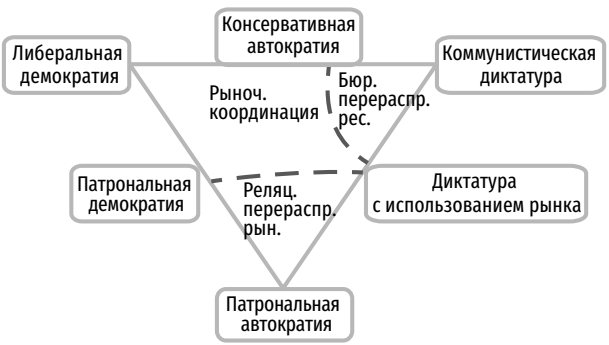
тогда как либеральные демократии находятся на непатрональном участке. Насколько именно неформальный патронализм преобладает в данной точке участка доминирования, невозможно выразить с помощью треугольной структуры. В некоторых случаях, правда, можно заметить, что близость к границе доминирования совпадает с более низким уровнем доминирования интересующего признака и с более высоким — соседнего признака. Например, диктатуры с использованием рынка находятся ближе к границе доминирования между бюрократическим и неформальным патронализмом, чем коммунистические диктатуры, и действительно, для первых более характерны тенденция к мафизации (то есть более неформальный патронализм) и в меньшей степени — бюрократический патронализм, чем для второй. Однако это не следует воспринимать как общий принцип. Иначе говоря, не следует пытаться использовать участки доминирования таким образом, чтобы каждой точке приписывался определенный уровень доминирования. Треугольная структура не работает

Схема 7.4: Функция правящей партии (с поясняющей таблицей [► 3.3.8, 3.6])



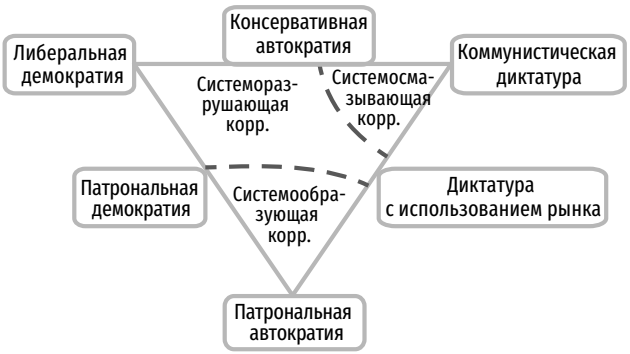
	Политические решения...	
	принимаются в рамках формальных, отвечающих за принятие решений органов партии	ограничены системой сдержек и противовесов и/или конкуренцией за власть
Управляющая партия	X	X
Партия-государство	X	–
Партия-приводной ремень	–	–

Схема 7.5: Доминирующий экономический механизм / доминирующая форма собственности (с поясняющей таблицей [► 5.5–6])



	Правящая элита — доминирующий актор в определении структуры собственности	Правящая элита — доминирующий актор в определении структуры производства
Рыночная координация	–	–
Реляционное перераспределение рынка	X	–
Бюрократическое перераспределение ресурсов	X	X

Схема 7.6: Коррупция (с поясняющей таблицей [▸ 5.3, 5.6.1.4])

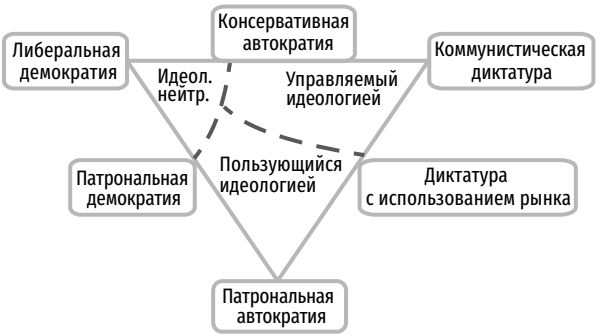


	Функционирование системы...		
	нарушается коррупцией	поддерживается коррупцией	основывается на коррупции
Системоразрушающая коррупция	X	–	–
Системосмазывающая коррупция	–	X	–
Системообразующая коррупция	–	–	X

таким образом: **режим следует помещать не на основании точного *уровня* его доминирования в определенную *точку*, а на основе *факта* его доминирования — на определенный *участок***. Стоит также отметить, что для обозначения границ доминирования на схемах мы используем пунктирные линии, чтобы показать, что они не являются строгими границами там, где нет неоднозначных пограничных примеров. Напротив, примеры, которые занимают пограничное положение, неоднозначны с точки зрения того, к какому участку доминирования они принадлежат, и такие режимы часто колеблются между двумя одинаково доминирующими характеристиками.

Аналогичную процедуру можно выполнить для каждого измерения на основании их определений в контексте идеальных типов режимов из предыдущих глав (Схемы 7.4–8; соответствующие главы указаны в названиях схем). При этом, чтобы прояснить, какой именно признак преобладает на

Схема 7.7: Идеология (с поясняющей таблицей [▸ 2.3.1, 6.4.1])



Основные свойства режима можно вывести из...		
принципа государственной нейтральности	из идеологии правящей элиты	из принципа интересов элит
X	–	–
–	X	–
–	–	X

Схема 7.8: Ограниченность власти (с поясняющей таблицей [▸ 2.4.6, 3.3.1, 4.3.4.1, 4.4])

	Правящая политическая элита...	
	обладает широкой амплитудой произвола	подчиняет каждую сферу социального действия государственному контролю
Ограничена	–	–
Не ограничена	X	–
Тоталитарна	X	X

Схема 7.9: Множественность сетей власти / легитимность (с поясняющей таблицей [[▸ 2.2.2, 3.6, 4.4])

	Наличие оппозиционной элиты с шансами на победу и/или влиянием на правительство
Мультипирамидальная сеть власти	X
Однопирамидальная сеть власти	–

определенных участках доминирования нашего треугольника, мы добавляем к схемам поясняющие их таблицы, которые помогают оперировать явлениями в рамках каждого понятия. Таблицы содержат определения и теории, связанные с каждым измерением, а также позволяют сравнивать понятия в рамках каждой треугольной «карты».

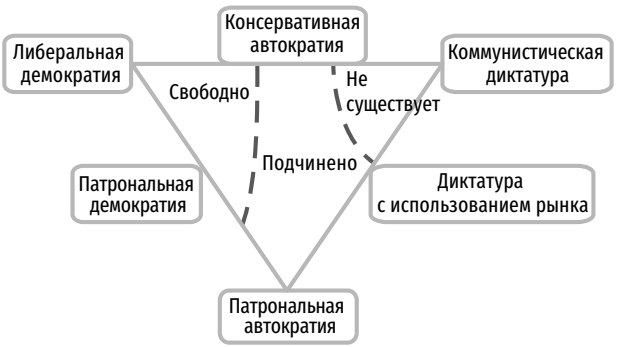
Изображенные выше восемь треугольников отражают те характеристики, которых нет в категориях Корнаи, то есть в них принимаются в расчет экономическая и общинная сферы, а также особое функционирование политики, которое проистекает из отсутствия разделения сфер социального действия. Однако для полноты картины мы можем представить еще три треугольника, отражающие черты, которые обычно относятся к сфере политического действия. Первый из них на Схеме 7.9 изображает **плюрализм сетей власти**, то есть показывает, монополизирована ли власть в руках единой пирамиды или распределяется между несколькими пирамидами, что приводит в политической системе к плюрализму. Таким образом, граница доминирования между

однопирамидальными и мультипирамидальными структурами **совпадает с другим измерением: легитимностью**. Точнее, этот водораздел проходит между режимом, полагающимся на **легально-рациональную легитимацию** (**мультипирамидальные сети власти**), и тем, который полагается на **субстантивно-рациональную легитимацию** (**однопирамидальная сеть власти**). Это разделение очевидно, если речь идет о трех режимах полярного типа, где мультипирамидальный режим либеральной демократии соотносится с конституционализмом (легальная рациональность и власть закона), а два однопирамидальных режима — с популизмом и марксизмом-ленинизмом (субстантивная рациональность и правление посредством законов) [▸ 4.2, 4.3.5.1]. Что касается промежуточных типов режимов, то правящие элиты консервативной автократии и диктатуры с использованием рынка сохраняют за собой привилегию править посредством законов, а силы, которая могла бы ограничить их правление, если они нарушают власть закона «в национальных интересах», фактически не существует[1]. В патрональных демократиях партии патрона часто используют популистский нарратив[2] и постоянно посягают на власть закона, стремясь установить однопирамидальную систему на основе субстантивной рациональности. При этом режим не перестает фундаментальным образом опираться на легально-рациональную легитимацию, примером чего являются цветные революции, возникающие именно под лозунгами демократии и прозрачного конституционного порядка [▸ 4.4.2.3]. Таким образом, протесты, которые ставят под сомнение легитимность режима и являются неотъемлемой частью цветных революций [▸ 4.3.2.1], также призывают и к верховенству прозрачных, формальных правил

1 Ср.: *Orts E.* The Rule of Law in China.

2 Анализ на примере Украины см.: *Kuzio T.* Populism in Ukraine in a Comparative European Context // Problems of Post-Communism. 2010. Vol. 57. № 6. P. 3–18.

Схема 7.10: Автономия гражданского общества (с поясняющей таблицей [▸ 4.4.1.2, 4.4.2.3])



	Гражданское общество...	
	существует, но четыре его автономии нарушены	не может существовать на законных основаниях
Свободно	–	–
Подчинено	X	–
Не существует	–	X

взамен коррупционных, неформальных практик, а само выражение «сомнение в легитимности» означает, что под сомнением оказывается легитимность правящей политической элиты после нарушения ею правовых норм.

Второй треугольник на Схеме 7.10 иллюстрирует измерение **автономии гражданского общества**. Это измерение показывает состояние четырех автономий гражданского общества: СМИ, предпринимателей, НПО и граждан [▸ 4.4.1.2]. Кроме того, оно также определяет, носит ли режим консолидированный характер или в руках акторов за пределами режима еще есть ресурсы для сопротивления властям [▸ 4.4.3.2]. Наконец, на Схеме 7.11 показан треугольник, разделенный **по типам гибридных режимов**, на основании типологии Говарда и Рёсслера, которых мы цитировали во Введении[1].

[1] *Howard M., Roessler P.* Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. № 2. P. 365–381.

Схема 7.11: Тип гибридного режима (с поясняющей таблицей [▸ Введение, 4.3])

	Многопартийные выборы	У оппозиции есть шансы на победу	Свободные и честные выборы	Сильные конституционные ограничения
Либеральная демократия	X	X	X	X
Электоральная демократия	X	X	X	–
Конкурентный авторитаризм	X	X	–	–
Гегемонистский авторитаризм	X	–	–	–
Закрытый авторитаризм	–	–	–	–

Господствующую типологию важно использовать для сравнительного анализа режимов по трем причинам. Во-первых, эти типы определяются, когда мы фокусируемся на политических институтах в целом и на смене власти в частности. Используя их, мы можем отразить основные характеристики, предложенные Корнаи, а также некоторые результаты исследований гибридологов, которые мы также используем в нашем понятийном инструментарии [▸ 4.3]. Во-вторых, мы можем уточнить, какова связь между господствующей типологией и нашей собственной типологией шести режимов идеального типа. Например, такие понятия, как «конкурентный авторитаризм», мы не отбрасываем, но принимаем в отношении

ограниченного числа характеристик режима. На самом деле, термин «конкурентный авторитаризм» является слишком общим для нашего исследования, поскольку — и это третья причина, которую здесь стоит назвать, — как показывает Схема 7.11, **каждый тип гибридного режима представляет собой набор режимов с множеством вариаций из десяти свойств, описанных выше**. Существует множество форм конкурентного авторитаризма, но если анализировать их только по оси демократия — диктатура, то есть по верхней стороне треугольника, то их различия, по-видимому, не выявят общий характер режима. Фундамент режимов конкурентного авторитаризма останется таким же, то есть одинаковым по своему политическому институциональному устройству. Однако если **добавить к оси демократия — диктатура концептуальное пространство треугольника, то можно увидеть специфические для режима и системообразующие различия, которые скрывает распространенная типология**. Например, обе автократии идеального типа в этой традиционной типологии считаются гегемонистским авторитаризмом, тогда как оба типа диктатур являются закрытыми авторитарными режимами. Вместе с тем характер, функционирование и динамика этих систем фундаментально различны, то есть их особенности влияют на институционализированный набор фундаментальных формальных и неформальных правил государства, структурирующих взаимодействие в центре политической власти и ее отношения с широкой общественностью [► 2.2.1][1].

Если необходимо поместить реально существующий режим в треугольную структуру, он должен согласовываться со всеми треугольниками во всех измерениях. Чтобы вообразить это, представьте, что вы положили треугольники один на другой и проткнули определенную точку булавкой

[1] Ср.: *Skaaning S.-E.* Political Regimes and Their Changes.

вплоть до самого нижнего слоя, и тогда те точки, через которые пройдет ваша булавка, будут расположены на определенных участках доминирования (или иногда на их границе). Те характеристики, которые представлены этими участками доминирования, и будут согласованно описывать режим в его текущем состоянии по одиннадцати измерениям. Следует отметить, что здесь есть существенное отличие от исторических аналогий, таких как (нео-) феодализм или фашизм, которые пытаются выразить «сущность» режима в одном измерении (патрональности управления и идеологии, соответственно), но не годятся, когда речь заходит о других аспектах [▸ Введение]. Таким образом, треугольная структура отвечает строгому критерию согласованности с точки зрения характеристик режима, а также раскрывает все сферы социального действия и то, насколько они отделены друг от друга.

Межуровневая согласованность треугольной структуры также предполагает ответ на вопрос, в какую конкретно точку на участке доминирования, например на участке «конкурентный авторитаризм», необходимо поместить режим, который считается конкурентным авторитаризмом (Схема 7.11). Это связано с тем, что, если сосредоточить внимание только на измерении сменяемости власти, конкурентный авторитарный режим может быть близок как патрональной автократии, так и патрональной демократии, но кроме этого он может быть непатрональным или находиться в непосредственной близости от консервативной автократии. Однако если мы сфокусируемся на конкурентном авторитаризме, где доминирующие институты полуформальны, пересечение двух участков доминирования определит более ограниченный участок, где можно поставить точку. Более того, если мы знаем, что этот режим представляет собой полуформальный конкурентный авторитаризм, а также что правящая элита не ограничена, пересечение трех участков будет еще более узким. И таким же образом можно (и необходимо) пройти через все измерения.

В конце концов возможные пределы в треугольном пространстве, в которых может быть размещен режим, будут довольно узкими, очерченными границами доминирования одиннадцати наложенных друг на друга треугольников. Именно таким способом можно выразить текущий статус реально существующего государства в концептуальном пространстве, показав его концептуальную удаленность от всех шести режимов идеального типа[1].

Возможно, на этом моменте у читателя возникнут сомнения. Утверждение, что согласованность одиннадцати измерений сохраняется в каждой отдельной точке структуры и что ни в одном эмпирическом случае воображаемая булавка, проходящая сквозь треугольники, не будет изгибаться и попадать в другие точки других слоев, может поначалу звучать невероятно. Однако стоит помнить, что **структура не ставит своей целью охватить все**: то есть она не показывает точную степень доминирования в каждой точке, а скорее отображает сам факт доминирования на каждом участке доминирования. Таким образом, когда режим А находится в пространстве треугольника, его положение представляет собой доминирование одиннадцати функций. Однако поскольку уровень доминирования не отображается, то режим В, помещенный в ту же точку, может отличаться от режима А тем, насколько доминирующей является каждая из его одиннадцати характеристик. Абстрагирование нашей структуры от степени доминирования не означает, что мы лишаем режимы их сложности: это означает, что мы не претендуем на выражение всех нюансов, свойственных режимам с точки зрения патронализма, формальности институтов, идеологии и так далее, при помощи обманчивой точности. Однако **совокупность одиннадцати доминирующих характеристик**, независимо от того, насколько каждая

[1] Трехмерную иллюстрацию наложенных друг на друга треугольников и двумерную карту для точной локализации режимов можно найти на веб-сайте книги: URL: https://www.postcommunistregimes.com/ru/supplementary.

из них доминирует, **уже определяет отличительный характер** или внутреннюю логику режима, возникающую в результате их взаимодействия. И хотя отсутствие количественного выражения может показаться некоторым ученым неточным, необходимо понимать, что **треугольная структура является инструментом для иллюстрации в той же степени, что и инструментом исследования**. В дальнейшем мы смоделируем траектории режимов для различных стран. Сравнивая наглядные изображения этих траекторий, можно получить хорошее представление не только о развитии каждого режима, но и (главным образом) о том, чем отличаются пути развития этих режимов. Если сделать наш треугольник более выверенным, он утратит свое эвристическое значение, а мы не сможем представить одиннадцать измерений в согласованной матрице. Между тем именно эта структура объединяет одиннадцать измерений, что делает ее подходящим инструментом для передачи сложности режимов, в которых сферы политического, экономического и общинного действия с разной степенью отделены друг от друга.

7.3. ДИНАМИКА РЕЖИМОВ

Типология и смоделированные траектории двенадцати посткоммунистических стран

7.3.1. Общие определения: последовательность, траектория и смена конфигурации

Телеология от диктаторского строя к либеральной демократии была аксиомой, принятой в транзитологии. Ее выражала знаменитое истолкование книги Френсиса Фукуямы «Конец истории»: существует точка А, которая является отправной, и точка Б, которая является конечной и в которой режим, начав свой путь из точки А, по представлению транзитологов, с неизбежностью окажется. Когда гибридология покончила с парадигмой транзита, и из-за этого режимы как таковые оказались в «серой зоне» оси демократия — диктатура [▸ Введение], эта телеология была отвергнута. Если проиллюстрировать это с помощью нашей треугольной структуры, то для существующего режима, локализованного в одной точке треугольника, не существует точки, в которой он с неизбежностью окажется (не говоря уже о движении к определенному идеальному типу). **Движение в пространстве треугольника может происходить от одной точки до практически любой другой**, хотя определенные вероятности и тенденции, которые можно наблюдать и/или которые следуют из внутренних особенностей режима, также имеют место.

Наблюдения и сравнительный анализ **позволяют нам определить траектории режимов идеального типа**, которые можно использовать для описания динамики существующих посткоммунистических режимов. Мы определяем «траекторию режима» следующим образом:

• ***Траектория режима*** *(или просто траектория) — это развитие режима в течение определенного периода времени, выраженное с точки зрения смены присущих режиму характеристик.*

Изображенная в треугольной структуре траектория режима состоит из двух типов элементов: **стабильных точек** и **последовательностей**. Что касается первого, то стабильная точка — это просто любая заданная точка в треугольнике. Однако здесь следует сделать два замечания. Во-первых, слово «стабильная» не означает, что режимы, которые представляют эти точки, статичны. Напротив, каждому режиму свойственны внутренняя динамика, развитие и изменения, вытекающие из бесчисленного множества действий политических, экономических и общинных акторов определенной политической системы. На самом деле, этой внутренней динамике посвящена большая часть предыдущих глав, описывающих роль, которую акторы идеального типа играют в определенных режимах. Однако положение режима в треугольнике не меняется до тех пор, пока не изменятся его признаки. Это следует из общей логики нашей структуры, которая определяет режимы по присущим им характеристикам и, следовательно, может учитывать изменения только в терминах этих характеристик. Это подводит нас ко второму замечанию, которое необходимо сделать, а именно, что **стабильная точка может представлять более длительный период времени**, продолжающийся до тех пор, пока не изменятся присущие режиму характеристики. Ниже, где мы рассматриваем реальные траектории, каждая точка, которую мы помещаем в треугольник, представляет собой годы стабильного функционирования режима, новые же точки добавляются тогда, когда режим претерпевает более существенные изменения.

С помощью треугольной структуры можно лишь описать текущее состояние режимов. Это описание представляет собой стабильные точки, которые отражают промежутки времени в реально существующем режиме. Если **соединить**

эти точки, получится «последовательность». Последовательность представляет собой хронологическое движение от одного набора характеристик режима (стабильной точки) к другому. Это не означает, что режим, который движется из точки А в точку Б, должен пройти через все точки, составляющие последовательность: скажем, режим, который проходит путь от закрытого авторитаризма до либеральной демократии, не должен обязательно проходить через периоды гегемонистского и конкурентного авторитаризма, а также электоральной демократии. **В пространстве треугольника осмысленно можно интерпретировать только стабильные точки, тогда как последовательности можно наглядно представить только в виде линий, связывающих стабильные точки**. Треугольная структура не дает ответа на вопрос, каковы условия для возникновения последовательностей, то есть какие внутренние процессы или внешние потрясения вызывают смену присущих режиму характеристик. Она регистрирует сам факт изменений: в определенный период режим находится в одной стабильной точке, а в следующий период — уже в другой.

Траектория режима — это не что иное, как набор стабильных точек и последовательностей. В рассматриваемый нами период все посткоммунистические режимы первоначально представляли собой коммунистические диктатуры, хотя они и не были равноудалены от идеального типа. После распада Советского Союза, каждая страна прошла по так называемой **первичной траектории, то есть прошла путь от коммунистической диктатуры к тому режиму, в который она превратилась**. Этот процесс, которой мы также обсуждаем на протяжении всей книги, мы называем «сменой режима». Тем не менее, дабы разобраться в многообразии первичных траекторий, поначалу введем для их обозначения общий термин «смена конфигурации»:

- ***Смена конфигурации*** *— это траектория режима, которая проходит из точки, близкой к одному идеальному типу*

режима, до точки, близкой к другому идеальному типу режима. Точнее, в режиме, в котором преобладают свойства одного режима идеального типа, происходит смена модели, если в нем начинают преобладать свойства, присущие другому режиму идеального типа.

Мы выделяем три разновидности смены конфигурации (Таблица 7.1). Первое и наиболее всеобъемлющее понятие — это **смена системы**, которая соотносится с тем, что Корнаи называет «двумя великими системами»: **капитализмом и социализмом** [▸ 5.6][1]. Мы можем обозначить их как «основные типы систем», точно так же, как мы называем демократию, автократию и диктатуру «основными типами режимов». Если основные типы систем фокусируются на сфере экономического действия, то основные типы режимов фокусируются на политической институциональной среде. «Смена системы» происходит тогда, когда в режиме один основной тип системы сменяется на другой, что всегда означает — как следует из Схемы 7.5 — что режим, будучи близким к одному идеальному типу, перемещается в точку, близкую к другому. Таковы реальные траектории посткоммунистических стран, после того как в них произошел отказ от диктатуры вместе с социализмом и доминированием бюрократического перераспределения ресурсов. Это приводит нас ко второму более специальному типу, а именно к **смене режима**. Смена режима — это **смена конфигурации, в которой меняется основной тип политики режима**. Например, когда диктатура становится демократией, это можно назвать сменой режима, равно как и когда происходит автократический прорыв [▸ 4.4.1.3]. Однако когда коммунистическая диктатура превращается в диктатуру с использованием рынка, мы называем это «**сменой модели**». Другие примеры смены модели, то есть **когда один из основных**

[1] *Kornai J.* The System Paradigm Revisited. P. 23–35.

Таблица 7.1: Типология смен конфигураций (на примере идеальных типов)

	Что меняется	Примеры
Смена системы	основной тип системы	социализм → капитализм
Смена режима	основной тип режима	коммунистическая диктатура → либеральная / патрональная демократия / автократия; либеральная демократия → консервативная / патрональная автократия
Смена модели	тип режима внутри основного типа режима	коммунистическая диктатура → диктатура с использованием рынка; либеральная демократия → патрональная демократия

типов режима (демократия, автократия или диктатура) не изменяется, но режим движется от точки, близкой к одному идеальному типу, в другую точку, близкую к другому, включают в себя смену демократии с либерального типа на патрональный и смену автократии с консервативного типа на патрональный.

С помощью этих категорий мы можем разобраться не только в первичных, но и во **вторичных траекториях стран — то есть пути от первого посткоммунистического типа режима ко второму**. Разумеется, не все государства прошли по вторичной траектории, а в некоторых странах были только попытки изменить модель, которые впоследствии были свернуты. Такое изменение, которое начинается в точке, близкой к одному идеальному типу режимов, и заканчивается там же, мы называем «режимная петля»[1]. Те случаи, когда смена произошла успешно, мы называем вторичной траекторией, но если государство переходит от второго посткоммунистического типа режима к третьему, это называется третичной траекторией страны. Этот процесс в той же логике может неоднократно повторяться, причем последовательности, ведущие к каждой успешной смене модели, проходят по новой траектории. В общем и целом **полный набор траекторий**

[1] Ср.: *Hale H.* Patronal Politics. P. 87–93.

страны для определенного периода времени называется ее смоделированной траекторией.

В дальнейших частях мы разрабатываем типологию первичных и вторичных траекторий, используя в качестве примеров двенадцать посткоммунистических стран. Мы не проводим анализ конкретных примеров: мы приводим только (1) траектории идеального типа, то есть смену модели идеального типа, через которые могли пройти страны, и иллюстрируем их (2) смоделированными траекториями, то есть реальным развитием стран, путь которых совпадает с траекториями идеального типа. Мы кратко объясняем, как прокладывались эти траектории, то есть почему мы помещаем стабильные точки именно в эти конкретные точки треугольного пространства, а траектории изображаем широкими мазками. **«Исследования стран» в следующей части следует рассматривать только как иллюстративные очерки**: мы делаем их в ознакомительных целях, а полное описание стабильных точек и одиннадцати измерений, которые каждая из этих стран представляет, содержится на веб-сайте нашей книги[1]. Это связано с тем, что целью книги не является документация социально-политической истории этих стран, ведь мы создаем концептуальный вокабуляр. В нашей книге представлены понятия идеального типа — в данном случае траектории — которые можно использовать в будущих исследованиях. Реально существующие страны и политические единицы служат только для иллюстрации понятий, как и в предыдущих главах, где конкретные явления описываются только в той степени, в которой они иллюстрируют идеальный тип. Чрезвычайно важную работу по углубленному изучению конкретных стран и отслеживанию в них политических процессов следует проводить с использованием инструментов, которые мы предоставляем, но сама эта работа не является частью инструментария как такового.

[1] См.: URL: https://www.postcommunistregimes.com/ru/appendix.

7.3.2. Первичные траектории после коммунизма (Эстония, Румыния, Казахстан и Китай)

7.3.2.1. Конец диктатуры и первичные траектории идеального типа

После падения коммунистических диктатур, государства начинают двигаться к другому идеальному типу режима разными способами. Смена конфигурации может различаться по следующим двум параметрам:

• **форма смены конфигурации**, то есть способ перехода к другому типу режима, который ликвидирует коммунистическую диктатуру и приводит к установлению нового режима;

• **направление смены конфигурации**, то есть в направлении какого режима идеального типа начинает развиваться определенная посткоммунистическая страна (то есть тип первичной траектории).

Можно выделить четыре идеальных типа, различающихся по форме смены конфигурации (Таблица 7.2). Первый из них, **падение диктатуры**, обозначает такую форму, при которой лица, трансформирующие режим, и его (прежние) лидеры — это разные группы людей, причем первые ни с кем не согласовывают свои методы. Вместо этого для свержения диктатуры они используют незаконные (потенциально насильственные) средства установления нового порядка, нарушая правовую преемственность диктатуры. Эти люди могут быть членами (незаконной) оппозиции или, возможно, даже военными, организовавшими мятеж против диктатора (хотя во время распада советской империи таких случаев не было)[1]. Этому первому типу свойственна манера «**снизу вверх**», в отличие от «**горизонтального**» **отступления диктатуры**. Отступление диктатуры — это достигнутая путем переговоров

[1] *Bova R.* Political Dynamics of the Post-Communist Transition: A Comparative Perspective // World Politics. 1991. Vol. 44. № 1. P. 113–138.

Таблица 7.2: Смена конфигурации диктатуры идеального типа

	Смена режима			Смена модели
	Падение диктатуры	Отступление диктатуры	Трансформация диктатуры	Реформа диктатуры
Сфера политического действия (основной тип режима)	меняется	меняется	меняется	не меняется
Сфера экономического действия (основной тип системы)	меняется	меняется	меняется	меняется
Преемственность правящей элиты	нет	частичная	да (формально меняется)	да (формально не меняется)
Способ смены	не подлежит согласованию (снизу вверх)	согласован (горизонтальная)	не подлежит согласованию (сверху вниз)	не подлежит согласованию (сверху вниз)
Правовая преемственность	нарушена	сохранена	сохранена	сохранена

«правомерная революция»[1], которая проводится мирными средствами с сохранением правовой преемственности. Такая форма смены конфигурации, как правило, позволяет членам старой номенклатуры конкурировать за политические позиции, но множество новых участников политического рынка обеспечивают ситуацию, при которой партия, возглавляемая преемником прежней партии-государства, может действовать лишь как одна из многих. Третий тип, **трансформация диктатуры,** подразумевает процесс в манере «**сверху вниз**», когда номенклатура трансформирует диктатуру в другую систему, обеспечивающую ее власть. Здесь подразумевается переход **от диктатуры к автократии, от партии-государства к доминирующей партии**. Строго говоря, в ходе этого процесса возникает формально реформированная, но в значительной степени связанная с прежней правящая элита, которая изменяет формальную институциональную структуру режима с сохранением правовой преемственности. Если взять конкретные исторические примеры, то при трансформации диктатуры

[1] *Király B., Bozóki A, eds.* Lawful Revolution in Hungary, 1989–1994.

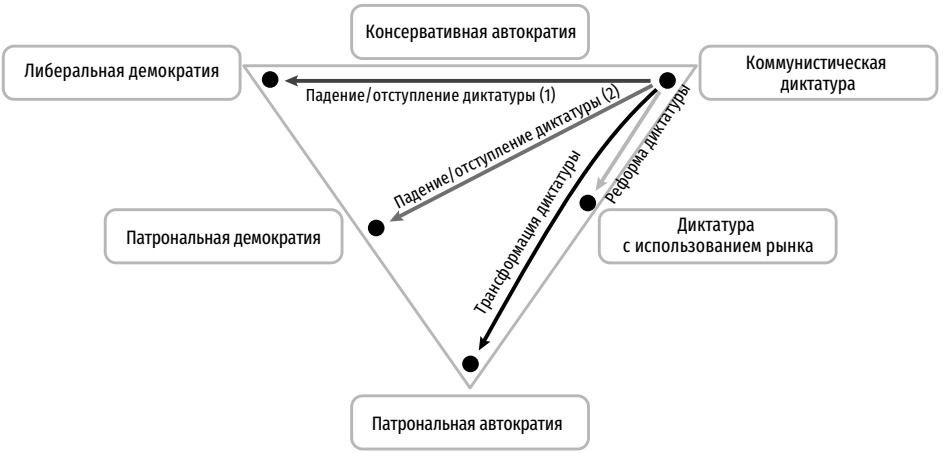
доминирующая партия (партия — «приводной ремень») создавалась тремя способами: (1) путем слияния других партий (например, «Нур Отан» в Казахстане); (2) путем учреждения новой партии (например, «Ени Азербайджан» и Народно-демократическая партия Таджикистана); или (3) через формальное преобразование партии-государства в партию-преемницу (например, Демократическая партия Туркменистана).

Эти три формы смены конфигурации объединяет то, что **все они являются подтипами смены режима и включают в себя как смену основного типа режима (политическая сфера), так и основного типа системы (экономическая сфера)**. На самом деле они представляют собой не только смену режима, но и системные изменения, поскольку все они отказываются и от диктатуры, и от социализма. Однако четвертый и последний тип, **реформа диктатуры, предполагает только смену системы, при том что основной тип режима остается неизменным**. Мы описывали выше эту форму, при которой происходит развитие от одной разновидности основного типа режима к другой, называя ее «**сменой модели**». При реформе диктатуры, как и при трансформации диктатуры, изменения происходят сверху вниз, а правящая элита так же сохраняет свою преемственность и, кроме того, первоначальное формальное институциональное устройство. В этом эволюционном развитии от коммунистической диктатуры к диктатуре с использованием рынка правовая преемственность сохраняется естественным образом.

Реформа диктатуры с логической необходимостью **приводит к диктатуре с использованием рынка**, поскольку это единственный другой тип диктатуры в нашей структуре, тогда как переход к другому основному типу режима автоматически рассматривается как смена режима, а не как смена модели (возможно, трансформация диктатуры)[1].

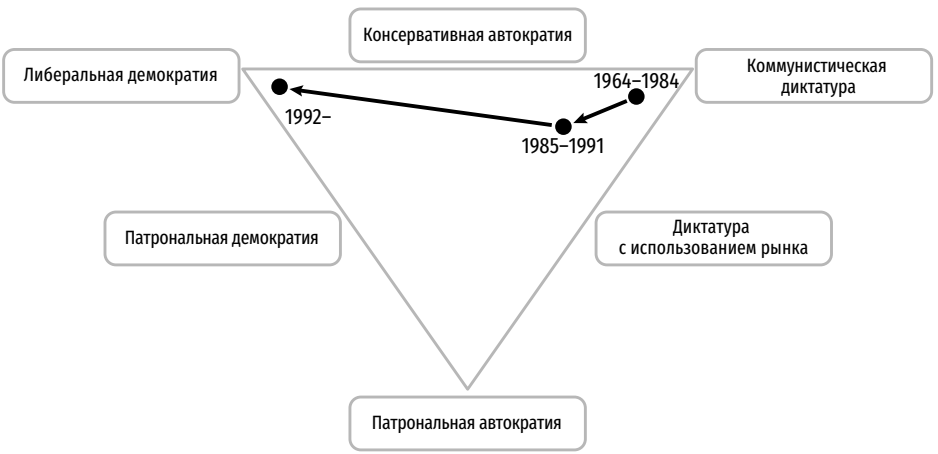
[1] Но см.: *Pei M.* Comment: How Will China Democratize? // Journal of Democracy. 2007. Vol. 18. № 3. P. 53–57.

Схема 7.12: Первичные траектории режимов идеального типа



(Замечание: для краткости трансформация диктатуры в консервативную автократию не изображена на схеме, поскольку реальных случаев, похожих на этот идеальный тип, не было в истории.)

Схема 7.13: Смоделированная траектория Эстонии (1964–2019)



Это приводит нас к аспекту направления смены конфигурации (Схема 7.12). Так как суть **трансформации диктатуры** заключается в сохранении однопирамидальной сети власти при формальной смене режима, теоретически это может приводить либо к консервативной, либо к патрональной

автократии. Однако на практике это **приводило только к патрональной автократии**, примером чего являются страны исламского исторического региона, упомянутые ранее[1]. Напротив, **падение и отступление диктатуры может приводить к либеральной или патрональной демократии**. Какой из этих вариантов в итоге возобладает, зависит от того, имеет ли место антипатрональная трансформация (см. ниже), а также от степени преемственности правящей элиты. Если речь идет об отступлении диктатуры, то шансов на появление номенклатурного клана больше, чем в случае ее падения, что, однако, также не исключает возможности возникновения кланов, основанных на этнической, партийной и братской основе [▸ 3.6.2.1].

7.3.2.2. Смена режима на либеральную демократию: Эстония

Хотя каждая посткоммунистическая страна прошла по первичной траектории, мы **проиллюстрируем четыре идеальных типа траекторий на Схеме 7.12 примерами четырех стран, у которых не было вторичных траекторий**. Это значит, что эти страны сменили коммунистическую диктатуру на режим другого типа и с тех пор (по состоянию на 2019 год) сохраняют его либо в стабильном, либо в динамическом равновесии.

Эстония представляет собой пример страны, сменившей режим на стабильное равновесие, а именно на либеральную демократию. В 1991 году Эстония прошла через отступление диктатуры и вновь обрела независимость[2]. На Схеме 7.13 этот момент отмечает стабильная точка, отражающая период, который берет свое начало в 1992 году и продолжается до сих пор. Эта страна, несомненно, продемонстрировала

1 *Luong P.J.* Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia.

2 *Smith D.* Estonia: Independence and European Integration. Oxford; New York: Routledge, 2013.

удивительную **стабильность с точки зрения нормативной и ориентированной на свободный рынок экономической политики**, с одной стороны[1], и **непатрональную, многопирамидальную правящую элиту** с многочисленными партиями политиков и ограниченной властью — с другой. В 1992 году была принята новая конституция, и, по результатам референдума, лица, зарегистрированные в качестве граждан, получили избирательное право[2]. На начальном этапе это также означало, что из избирательного права исключалась значительная часть русского меньшинства (особенность, которую наша треугольная структура не учитывает [▸ 7.4.1])[3]. Тем не менее, согласно докладу *Freedom House*, с 1996 года Эстония получила наивысший рейтинг среди стран с точки зрения политической свободы[4], и подобным образом была оценена согласно индексу «Многообразие демократии» проекта *V-Dem*[5]. По словам Хейла, Эстония относится к числу наименее патроналистских стран посткоммунистического региона, и даже имеющиеся в наличии патрональные тенденции ограничены парламентской конституцией[6].

Несмотря на это, переходный период в Эстонии был, по свидетельству многих, элитистским и даже «опекающим», и «характеризовался тем, что политические элиты доминировали при принятии решений и управлении обществом таким образом, который они считали наилучшим для его

1 *Bohle D., Greskovits B.* Capitalist Diversity on Europe's Periphery. P. 96–137.

2 *Smith D.* Estonia. P. 65.

3 *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 14.

4 Freedom in the World: Country and Territory Ratings and Statuses, 1973–2019 (Excel). Freedom House, 2019. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/Country_and_Territory_Ratings_and_Statuses_FIW1973-2019.xls.

5 *Coppedge M.* et al. V-Dem Country-Year Dataset 2019 // Varieties of Democracy (V-Dem) Project. 2019. URL: https://www.v-dem.net/en/data/data-version-9/.

6 *Hale H.* Patronal Politics. P. 459–460.

развития и для блага людей»[1]. Тем не менее это не привело ни к установлению системы с доминирующей партией[2], ни к системной коррупции и засилью олигархов и полигархов, стремящихся монополизировать власть и копить личное состояние[3]. Более того, судя по внутренней динамике, обусловленной в основном этническими конфликтами[4], а также по возникновению политики идентичности и правого популизма[5], **Эстония в целом мало чем отличается от западных либеральных демократий**. Главным отличием, которое также является причиной отклонения смоделированной траектории от идеального типа, является, конечно, постсоветское прошлое этой страны, что означает, что до 1991 года ее развитие было тесно связано с развитием Советского Союза. Так, на Схеме 7.13. первые две стабильные точки принадлежат Советскому Союзу. В дальнейшем каждая постсоветская страна, которую мы используем в качестве примера, проходит через те же две точки, одна из которых отображает жесткую диктатуру брежневской эпохи (1964–1984), а вторая — эпоху Горбачева, приведшую к распаду Советского Союза (1985–1991). Первичная траектория постсоветских стран начинается с этой последней точки, и в случае Эстонии происходит смена конфигурации на либеральную демократию, а также **консолидация режима, которому свойственно стабильное равновесие**.

1 *Pettai V.* Understanding Politics in Estonia: The Limits of Tutelary Transition // Pathways: A Study of Six Post-Communist Countries. ISD LLC, 2009. P. 69–87.

2 *Mikkel E.* Patterns of Party Formation in Estonia: Consolidation Unaccomplished.

3 *Taagepera R.* Baltic Values and Corruption in Comparative Context // Journal of Baltic Studies. 2002. Vol. 33. № 3. P. 243–258.

4 *Ehala M.* The Bronze Soldier: Identity Threat and Maintenance in Estonia // Journal of Baltic Studies. 2009. Vol. 40. № 1. P. 139–158.

5 *Petsinis V.* Identity Politics and Right-Wing Populism in Estonia: The Case of EKRE // Nationalism and Ethnic Politics. 2019. Vol. 25. № 2. P. 211–230.

7.3.2.3. Смена режима на патрональную демократию: Румыния

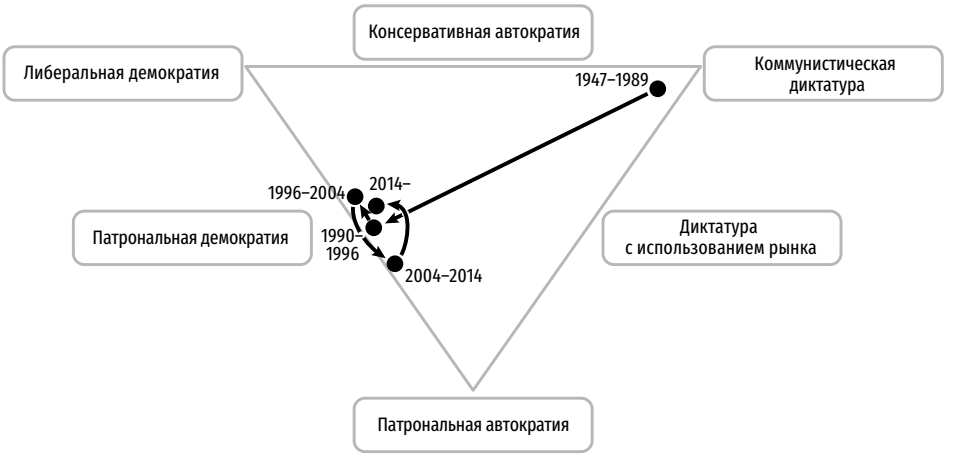
Если Эстония является примером стабильного равновесия и перехода к либеральной демократии, то **Румыния — это страна с первичной траекторией к динамическому равновесию патрональной демократии**. Как показано на Схеме 7.14, после падения диктатуры и казни генерального секретаря партии Николае Чаушеску в 1989 году Румыния приблизилась к патрональной демократии, и с тех пор остается ближе всего именно к этому идеальному типу[1]. Если говорить конкретнее, то представляющие ее стабильные точки следует понимать следующим образом: период с конца Второй мировой войны до падения режима (1947–1989) начался с ускоренной коммунистической национализации, при которой сохранялось доминирование государственной собственности, бюрократическое перераспределение ресурсов и бюрократический патронализм партии-государства[2]. В 1990 году начался переходный период под управлением президента Ионе Илиеску, который продолжался до 1996 года. Тогда шло активное институциональное строительство, а также создание системы с разделенной исполнительной властью, в которой и президент, и премьер-министр имели важные полномочия. В 1990-е годы это стало причиной разногласий между ними. Как отмечает Мадьяри, «[период] президентства Илиеску ознаменовался антагонизмом между президентом и правительством, который вылился в тяжелый конфликт с премьер-министром Петре Романом. Впоследствии Илиеску был участником и инициатором насильственного свержения правительства и увольнения премьер-министра со своего поста»[3]. На самом деле к этому моменту мультипирамидальная система, состоящая из

1 *Roper S. D.* Romania: The Unfinished Revolution. London: Routledge, 2004.

2 Ibid. P. 13–64.

3 *Magyari L.* The Romanian Patronal System of Public Corruption. P. 310.

Схема 7.14: Смоделированная траектория Румынии (1964–2019)



конкурирующих патрональных сетей, уже была сформирована. Хейл даже описывает Илиеску как «первого патронального президента» Румынии, который, однако, «„не оказал существенного влияния на парламентские или президентские выборы 1996 года“, несмотря на то, что „в течение нескольких месяцев до этого его предупреждали“ о вероятном проигрыше»[1]. Все это указывает на электоральную демократию, выборы в которой были хоть и нечестными, но не манипулируемыми, и с тех пор такая система обеспечивает основу для конкуренции неформальных патрональных сетей. «Две главные партии, которые делят между собой места в правительстве, не являются тем, кем они себя называют. Социал-демократическая партия глубоко интегрирована в политическую систему (Илиеску остается почетным председателем партии) и опирается на власть местных влиятельных лиц. Эта партия представляет что угодно, только не социал-демократические взгляды. Она проводит неолиберальную, ориентированную на богачей, непоследовательную политику, которая обслуживает интересы небольших групп. <...> „Новая“

[1] *Hale H.* Patronal Politics. P. 462. Также см.: *Vachudova M. A.* Europe Undivided: Democracy, Leverage, and Integration after Communism. Oxford: Oxford University Press, 2005.

национал-либеральная партия воспринимается неоднозначно и является совсем не либеральной, но популистской / народной партией, отчасти не имеющей четкого понимания относительно собственной политической философии. Третья сила — это организованный по этническому принципу Демократический альянс венгров Румынии (*DAHR*), который не придерживается никакой идеологии и занимается этнизацией политики. Для партий, свободных от идеологии, характерно, с одной стороны, приобретение признаков народной партии, которая пытается обращаться ко всем, а с другой — они, как правило, являются партиями, которые получают незаконные доходы и всецело основываются на „партийном патронаже", обусловленном распределением доступных государственной должностей и злоупотреблением ими»[1].

Наиболее либеральным временем за всю историю Румынии был период с 1996 по 2004 год, когда пост премьер-министра последовательно занимали Виктор Чорбя (1996–1998), Мугур Исэреску (1999–2000) и Адриан Нэстасе (2000–2004). Однако тот факт, что Нэстасе позже был признан виновным в двух коррупционных делах[2], указывает на то, что в этот период акторы не гнушались участия в неформальных практиках, хотя формальные институциональные ограничения действовали эффективно, и акторы не могли просто переступить через них. Этот момент также подтверждается президентством Траяна Бэсеску в 2004–2014 годах. Он ясно продемонстрировал намерение построить однопирамидальную патрональную сеть и превратить страну в патрональную автократию[3]. Тем не менее, не имея эффективной монополии на власть, он столкнулся с сильным сопротивлением со стороны формальных

1 *Magyari L.* The Romanian Patronal System of Public Corruption. P. 309–310.

2 Ibid. P. 311.

3 *Dragoman D.* Post-Accession Backsliding: Non-Ideologic Populism and Democratic Setbacks in Romania // South-East European Journal of Political Science. 2013. Vol. 1. № 3. P. 27–46.

институтов, в частности со стороны Национального управления по борьбе с коррупцией, Национального агентства налогового администрирования, и генерального прокурора. К концу его срока в отношении него было проведено почти восемьдесят расследований, и в ходе некоторых из них Управление по борьбе с коррупцией и генеральный прокурор даже представили официальные обвинительные заключения[1]. С 2014 года Румыния под управлением президента Клауса Йоханниса вернулась к более конкурентной среде патрональной демократии[2].

Все эти изменения иллюстрируют динамическое равновесие патрональной демократии. **По сравнению со стабильным равновесием, динамика которого остается внутренней, а страна сохраняет позицию в одной стабильной точке, динамическое равновесие предполагает постоянные флуктуации и попытки изменить присущие режиму характеристики.** Однако, как показано на Схеме 7.14, эти движения могут сдерживаться социальными и институциональными барьерами, о которых подробно говорится в Главе 4, в частности разделением исполнительной власти и пропорциональной избирательной системой, которая позволяет менять расстановку политических сил на официальных должностях [▸ 4.4.2.2]. Таким образом, в таких странах, как Румыния, смены конфигурации не произошло, несмотря на многочисленные последовательности, которые фигурируют в ее динамическом равновесии.

7.3.2.4. Смена режима на патрональную автократию: Казахстан

Казахстан является прекрасным примером трансформации диктатуры в стране, которая прошла по первичной траектории

1 *Magyari L.* The Romanian Patronal System of Public Corruption. P. 311.

2 *Marton S.* Regime, Parties, and Patronage in Contemporary Romania // Brave New Hungary: Mapping the «System of National Cooperation». Lanham: Lexington Books, 2019. P. 357–378.

от коммунистической диктатуры к патрональной автократии (Схема 7.15). За несколько месяцев до провозглашения независимости в 1991 году законодательное собрание диктаторского режима назначило генерального секретаря партии Нурсултана Назарбаева президентом Казахстана. После этого он победил на первых президентских выборах страны, где был единственным кандидатом, набрав 95% голосов[1]. Формально коммунистическая партия распалась на две партии-преемницы, Коммунистическую Народную партию Казахстана и Народный конгресс Казахстана, каждую из которых возглавляли клиенты Назарбаева, в то время как он оставался формально независимым. Однако до 1994 года Назарбаев не мог консолидировать свой режим, а это означало, что он не мог полностью контролировать ни парламент, ни некоторых членов правящей элиты, обладавших значительными политическими и экономическими ресурсами. Хейл пишет, что члены парламента не дали ход некоторым из законопроектов Назарбаева и начали собирать против него компромат, а некоторые, на первый взгляд, сильные противники (включая лидера партии Народный конгресс) выражали и президентские амбиции[2].

В 1994 году Назарбаев использовал процесс приватизации, а также свои государственные и президентские полномочия для поддержки олигархов и построения неформальной патрональной сети[3]. В 1995 году он в одностороннем порядке изменил конституцию, расширив свои полномочия, после того как Конституционный суд внезапно объявил, что парламент был избран незаконно и его полномочия утратили законную силу[4]. Он сохранял «партийную независимость»

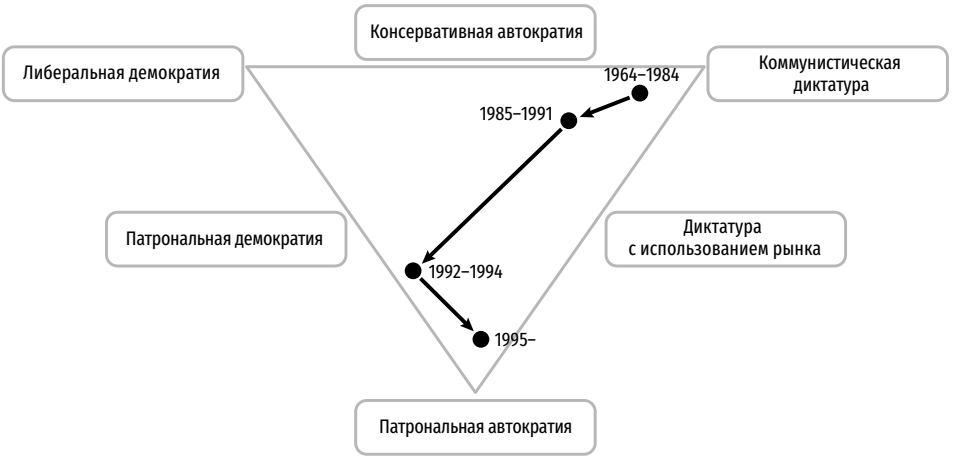
1 *Minahan J.* Miniature Empires: A Historical Dictionary of the Newly Independent States. Westport: Greenwood Publishing Group, 1998. P. 136.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 139–140.

3 *Cummings S.* Kazakhstan: Power and the Elite. London; New York: I.B. Tauris, 2005.

4 *Hale H.* Patronal Politics. P. 140.

Схема 7.15: Смоделированная траектория Казахстана (1964–2019)



до 1999 года, когда возглавил свою недавно сформированную партию вассалов «Нур Отан», которая с тех пор выигрывала все места на выборах в законодательные органы. Оппозиционные партии существуют, но ведут свою деятельность в типичном ландшафте одомашненных партий (таких как «Ак Жол» и Коммунистическая народная партия Казахстана), а также маргинальных партий (таких как Общенациональная социал-демократическая партия)[1]. Экономику Казахстана тоже контролировала приемная политическая семья Назарбаева [▸ 3.6]. По сообщению Хейла, Назарбаев «руководил масштабной консолидацией активов страны под контроль своих ближайших соратников, включая родственников. Одним из заслуживающих внимания событий стало появление крупной холдинговой компании „Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына»“, <...> в рядах высшего руководства которой был зять Назарбаева Тимур Кулибаев. По некоторым подсчетам, эта организация контролировала до 45% ВВП страны»[2]. С того времени он еще больше укрепил свой режим, усилив контроль над наиболее важными политическими

1 *Isaacs R.* Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics. London: Routledge, 2011.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 250.

и экономическими ресурсами, а также устранив все угрозы и ликвидировав автономию потенциально опасных владельцев ресурсов[1]. Одним словом, **Назарбаев превратил бюрократический патронализм в неформальный**, приспособив первый к новым обстоятельствам.

Мы выбрали Казахстан в качестве примера для первичной траектории такого типа, потому что с момента завершения своей первичной траектории в 1995 году он наиболее близок к патрональной автократии идеального типа. Тем не менее **в Советской и Центральной Азии были и другие образцы трансформации диктатуры, траектории которых завершились где-то между патрональной автократией и диктатурой с использованием рынка**. Как отмечает Хейл, «в Туркменистане и Узбекистане <...> структура коммунистической партии Советского Союза на последних этапах перестройки оставалась в неизменном виде, и региональные члены партийного руководства управляли с ее помощью во время перехода к независимости, по сути просто дав ей другое название». Он далее называет эти режимы «полномасштабной диктатурой», в которой запрещена деятельность настоящих оппозиционных партий[2]. Кроме того, до 2008 года в Туркменистане сохранялась однопартийная система, после чего была создана система с доминирующей партией и фейковой оппозицией [▸ 3.3.9, 4.3.2.4]. Что же касается настоящей оппозиции, то им «не просто мешают попасть в избирательный бюллетень. В этих странах ее представителей систематически сажают в тюрьмы, пытают или высылают. В более общем плане, им фактически отказано в каких бы то ни было средствах распространения своих взглядов в открытых печатных или электронных СМИ. <...> И хотя для некоторых других патрональных президентских систем <...>, которым

1 *Peyrouse S.* The Kazakh Neopatrimonial Regime.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 243–248.

свойственны закрытое политическое устройство и преследования, а зачастую либо тюремное заключение, либо (неформальное) изгнание своих противников, даже самые закрытые из них (такие как Беларусь), даже близко не воспроизводят тот уровень систематических репрессий, который бы напоминал времена СССР, но без коммунистической идеологии»[1].

7.3.2.5. Смена модели на диктатуру с использованием рынка: Китай

Последний пример в этой части — **Китай** — иллюстрирует собой **первичную траекторию от коммунистической диктатуры к диктатуре с использованием рынка** (Схема 7.16). За пределами Советского Союза Китай представляет собой хрестоматийный пример такой смены модели, где не было третьей волны демократизации[2]. Если проследить развитие событий в Китае, **то с 1949 года страна под руководством Мао Цзэдуна была близка к (жесткой) коммунистической диктатуре идеального типа**. После его смерти следующим так называемым верховным лидером Китая стал в 1978 году Дэн Сяопин. В том же году Коммунистическая партия Китая провела свой исторический Третий пленум Одиннадцатого съезда партии, на котором был объявлен курс на либерализацию рынка Китая[3]. В нашем треугольнике стабильная точка **с 1979 по 1991 год** представляет **период децентрализации власти и более открытой производственной структуры**, о которой шла речь в Главе 5 [▸ 5.6.2.2].

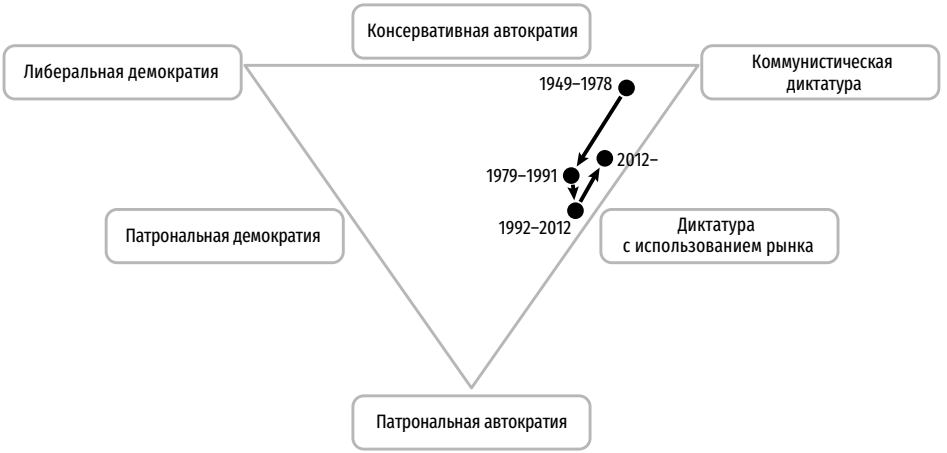
После **тура Дэна Сяопина по южным регионам Китая в 1992 году** либерализация и децентрализация продолжились более активно и привели страну к установлению диктатуры

1 Ibid. P. 243.

2 *Хантингтон С.* Третья волна. С. 118–119.

3 *Shirk S. L.* The Political Logic of Economic Reform in China. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1993. P. 38.

Схема 7.16: Смоделированная траектория Китая (1949–2019)



с использованием рынка[1]. Тем не менее последняя точка в треугольнике свидетельствует об откате в сторону диктатуры и отражает **сильную централизацию при Си Цзиньпине,** продолжающуюся **с 2012 года**[2]. Себастьян Хайльманн интерпретирует его реформы как возврат к кризисному режиму, то есть временное восстановление более сильного диктаторского режима для противодействия чрезвычайной ситуации [▸ 3.3.8]. По его мнению, Си Цзиньпин «очевидно чувствовал, что кризис лояльности и кризис в сфере принятия решений в Политбюро при Генеральном секретаре Ху Цзиньтао (2002–2012), а также коррупция и организационный кризис в Коммунистической партии достигли опасного уровня <...>. Соответственно, лучшим способом реализовать <...> организационную стабильность <...> стали для него концентрация власти и централизованное принятие решений, организационная и идеологическая дисциплина, масштабные меры по борьбе с коррупцией и предотвращение любых попыток создания фракций или клик внутри партии наряду с кампанией

1 *Pei M.* From Reform to Revolution. P. 84.

2 *Economy E. C.* China's Imperial President: Xi Jinping Tightens His Grip // Foreign Affairs. 2014. № 6. P. 80–91.

против западных ценностей»[1]. В рамках треугольного пространства это подразумевает движение к доминирующему участку «управляемость идеологией», а также приближение к бюрократическому распределению ресурсов и тоталитарному правлению. Тем не менее эта траектория все еще остается первичной, так как описываемые изменения не являются сменой конфигурации на коммунистическую диктатуру. Реформы Си Цзиньпина остаются в рамках логики диктатуры с использованием рынка и в основном направлены на снижение доли рыночного перераспределения, а не рыночной координации. Китай десятилетиями извлекал выгоду из рынка и уяснил его преимущества: реформированная номенклатура не сорвет реформы и не вернется в обстановку, в которой более сильный контроль не сопровождался более сильной экономикой или легитимацией. **Суть реформ Си Цзиньпина заключается в укреплении бюрократического патронализма с целью избежать патронализма неформального, а не в возвращении к коммунистической диктатуре**. Следовательно, Китай остается примером диктатуры с использованием рынка, а его смоделированная траектория — примером реформы диктатуры.

7.3.3. Вторичные траектории после смены режима (Польша, Чехия, Венгрия и Россия)

7.3.3.1. Демократический откат и отсутствие прецедентов восходящего движения в рамках вторичной траектории

Таблица 7.3 резюмирует первичные траектории посткоммунистического региона. Теоретически страны могли следовать по пяти траекториям, ведущим к пяти возможным целям, то есть к пяти идеальным типам режимов, исключая

[1] *Heilmann S.* 3.1. The Center of Power. P. 161.

Таблица 7.3: Первичные траектории идеального типа в посткоммунистическом регионе

	Первичные траектории	
	от	**к**
A **Смена режима** (например, Эстония, Венгрия)	Коммунистической диктатуры	Либеральной демократии
	Однопирамидальной бюрократической патрональной	Мультипирамидальной непатрональной
B **Смена режима** (например, Румыния, Украина)	Коммунистической диктатуры	Патрональной демократии
	Однопирамидальной бюрократической патрональной	Мультипирамидальной неформальной патрональной
C **Смена режима** (например, Казахстан)	Коммунистической диктатуры	Патрональной автократии
	Однопирамидальной бюрократической патрональной	Однопирамидальной неформальной патрональной
D **Смена модели** (например, Китай)	Коммунистической диктатуры	Диктатуре с использованием рынка
	Однопирамидальной бюрократической патрональной	Однопирамидальной бюрократической патрональной

коммунистическую диктатуру. На практике же они приводили лишь к четырем из них: с однопирамидальной бюрократической патрональной системы режим сменился либо на либеральную демократию (непатрональную мультипирамидальную), патрональную демократию (мультипирамидальную неформальную патрональную) и патрональную автократию (однопирамидальную неформальную патрональную), либо на диктатуру с использованием рынка (однопирамидальную бюрократическую патрональную). Только один из возможных переходов, а именно к консервативной автократии, не был реализован. При этом точки, представляющие страны, распространены по всему треугольнику, от либеральной демократии в странах Балтии до патрональной автократии в советской Средней Азии.

В контексте типологии **вторичных траекторий**, то есть смены конфигурации в посткоммунистических странах, через

которую они прошли после первичной траектории, мы включаем в наш инструментарий термин «**демократический откат**». В гибридологии «демократический откат» или «упадок» используется для обозначения деградирующей, с точки зрения гражданских прав и свобод, демократии и в целом нарушения конституционного функционирования институтов публичного обсуждения [▸ 4.3][1]. На первый взгляд, эта концепция является нормативной и подспудно подразумевает главное допущение транзитологии: страна откатывается «назад», как если бы существовал один единственный путь, связывающий точки демократия — диктатура, где движение от демократии было бы возможно только в направлении отправной точки (диктатуры). Однако в нашем понимании «демократический откат» — это описательное понятие, обозначающее **движение от демократии к (a) консервативной автократии, (b) патрональной демократии и (c) патрональной автократии.** Смена конфигурации на диктатуру теоретически возможна, но крайне маловероятна, поскольку демократии, даже патронального типа, опираются на электоральную гражданскую легитимность, которую нельзя приспособить под откровенно однопартийную систему [▸ 4.2][2].

Если рассматривать только посткоммунистический регион, то **в пространстве треугольника в качестве вторичной траектории не было движения вверх.** Восходящее движение, которое мы рассматриваем в следующей части, посвященной петле режима, существует лишь в качестве третичной или четвертичной траектории [▸ 7.3.4]. Но в рамках именно вторичных траекторий все наблюдаемые нами примеры относятся к категории демократического отката (Таблица 7.4). Далее на примере четырех стран мы иллюстрируем различные

[1] Пример метаанализа см.: *Daly T. G.* Democratic Decay: Conceptualising an Emerging Research Field // Hague Journal on the Rule of Law. 19.02.2019.

[2] Ср.: *Dukalskis A., Gerschewski J.* What Autocracies Say (and What Citizens Hear).

формы отката с разными начальными и/или конечными точками. Опять же критерием отбора, помимо демократического отката, стало то, что эти страны проложили только одну траекторию после первичной, и никакого следующего за ней «демократического прогресса» или другой смены конфигурации не произошло. Хотя это и может оказаться лишь вопросом времени, но в двух показательных странах, Польше и Чехии, были только попытки смены конфигурации, и есть значительные шансы, что режим в итоге даст им отпор с помощью защитных механизмов [▸ 4.4.1.3]. Тем не менее два других примера — страны, которые пришли к патрональной автократии, Венгрия и Россия, совершили автократический прорыв и смену мультипирамидальной системы на однопирамидальную.

7.3.3.2. Откат к консервативной автократии: Польша

Хотя **Польша** представляет собой единственный случай **попытки** установления **консервативной автократии** в посткоммунистическом регионе, до 2015 года она была консолидированной либеральной демократией (Схема 7.17). Ранее, с 1949 по 1989 год она представляла собой коммунистическую диктатуру, в которой после 1980 года началось смягчение режима[1]. Помимо того, что так называемая вторая экономика умеренно терпимого частного предпринимательства внедрялась более активно [▸ 5.3.5.1], объединение «Солидарность», зародившееся среди работников гданьской судоверфи под руководством Леха Валенсы, больше не было просто параллельным обществом, но являлось воплощением альтернативной политической силы. Даже через несколько лет после введения военного положения оно играло решающую роль в возрождении гражданского общества. «Солидарность»

1 *Kemp-Welch A.* Poland under Communism: A Cold War History. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Таблица 7.4: Вторичные траектории (демократического отката) идеального типа в посткоммунистическом регионе

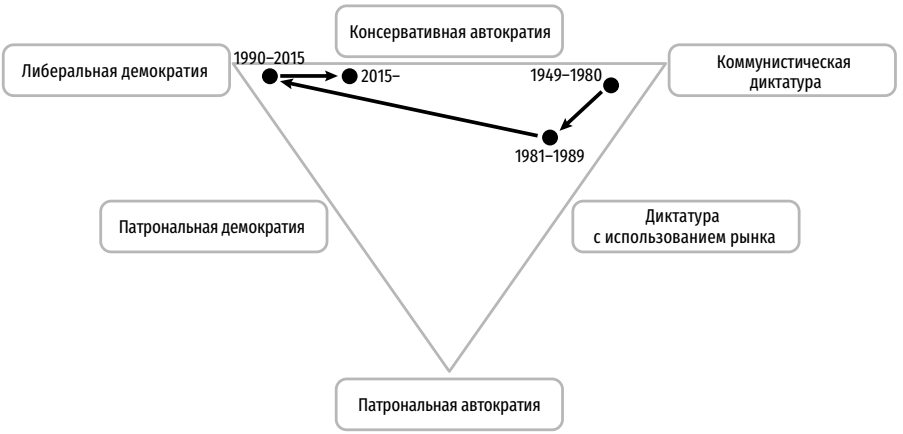
	Вторичные траектории: демократический откат	
	от	**к**
A **Смена режима** (например, Польша после 2015 года)	Либеральной демократии	Консервативной автократии
	Мультипирамидальной, непатрональной	Однопирамидальной, непатрональной
B **Смена модели** (например, Чехия после 2013 года)	Либеральной демократии	Патрональной демократии
	Мультипирамидальной, непатрональной	Мультипирамидальной, неформальной, патрональной
C **Смена режима** (например, Венгрия после 1998 года)	Либеральной демократии	Патрональной автократии
	Мультипирамидальной, непатрональной	Однопирамидальной, неформальной, патрональной
D **Смена режима** (например, Россия после 2003 года)	Патрональной демократии	Патрональной автократии
	Мультипирамидальной, неформальной, патрональной	Однопирамидальной, неформальной, патрональной

была уникальной организацией в регионе не только благодаря своим масштабам (10 млн членов), но и благодаря своей неоднородности: она объединяла людей и группы с различными взглядами из разных социальных слоев, а также пользовалась решительной поддержкой со стороны католической церкви и папы римского, Иоанна Павла II, бывшего архиепископа Краковского[1]. Подобную комбинацию невозможно представить ни в одной другой социалистической стране, хотя в западно-христианском историческом регионе существовали и другие реформаторско-коммунистические диктатуры [► 1.3.1].

В 1989 году Польша прошла через отступление диктатуры, которое сопровождалось переговорами между членами правящих коммунистических партий и представителями оппозиции.

1 *Kubik J.* The Power of Symbols Against the Symbols of Power: The Rise of Solidarity and the Fall of State Socialism in Poland. Pennsylvania State University Press, 1994.

Схема 7.17: Смоделированная траектория Польши (1949–2019)



В этой стране, как и в Венгрии, та часть коммунистической партии, которая была готова смотреть в глаза реальности, была готова и к компромиссу. Ни в одной стране транзит или смена режима не были целью членов коммунистической партии, скорее легитимация действий, необходимых для борьбы с экономическим кризисом, показывала целесообразность привлечения оппозиции, влияние которой они недооценивали. Тем не менее именно «Солидарность», получившая широкую поддержку как новатор переходного процесса и движение, объединяющее людей, критикующих систему, вела переговоры с режимом. В качестве посредника ей содействовала в этом католическая церковь[1]. После того как в 1989 году в Восточном блоке состоялись первые демократические выборы, из «Солидарности» выделился ряд партий, а само движение стало функционировать как полноценный профсоюз[2].

В период с 1990 по 2015 год три правительства правого или правоцентристского толка проводили так называемую шоковую терапию, пытаясь установить в качестве доминирующего

[1] *Kemp-Welch A.* Poland under Communism. P. 361–390.

[2] *Szczerbiak A.* Power without Love: Patterns of Party Politics in Post-1989 Poland // Post-Communist EU Member States: Parties and Party Systems. New York: Routledge, 2006. P. 91–124.

механизма экономики рыночную координацию[1]. Первую серию реформ в 1990 году проводил министр финансов из правительства Тадеуша Мазовецкого, Лешек Бальцерович. Эти реформы способствовали относительно быстрому переходу от государственной социалистической экономики дефицита к рыночной конкуренции, основанной на частной собственности. За вторую шоковую терапию отвечало правительство Бузека (1997–2001), заместителем и министром финансов которого был Бальцерович. Значительные реформы проводились по четырем основным направлениям: образование, пенсии, государственное управление и здравоохранение. Наконец, при первом правительстве, сформированном партией «Право и справедливость» (которую создал Ярослав Качиньский; 2005–2007), новые радикальные изменения претерпела борьба с коррупцией, а также проводились люстрации и «чистки» в спецслужбах. Ведущие политики и интеллектуалы / эксперты из партии «Право и справедливость», бывшие в правительстве с 2005 по 2007 год, и «Гражданская платформа», члены которой входили в правительство с 2007 по 2015 год были наследием администрации Мазовецкого и Бузека. Польское правое крыло с самого начала видело своей целью свободный рынок и капитализм, а его представители не изменили своих основополагающих принципов даже после того, как правительства Мазовецкого, а затем Бузека, по сути, потерпели серьезное поражение.

Хотя Качиньский при поддержке «Права и справедливости» предпринял в 2015 году попытку установления автократии[2], недостаточная легитимность государственного вмешательства в экономику, а также отсутствие крупных олигархов

1 *Balcerowicz L.* Poland: Stabilization and Reforms under Extraordinary and Normal Politics // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 17–38.

2 *Sadurski W.* Poland's Constitutional Breakdown. Oxford: Oxford University Press, 2019.

и полигархов объясняют, почему **откат Польши от демократии привел не к патрональному режиму, а к консервативной автократии**. Получив большинство голосов в парламенте (51%, что не предполагает эффективной монополии на власть), Качиньский начал проводить политику, руководствуясь принципом реализации идеологии. Для него концентрация власти идет рука об руку с установлением гегемонии «христианско-националистической» системы ценностей [▸ 3.5.3.2]. Получается, что либеральная система ценностей, базирующаяся на автономии индивида, воспринимается как враждебная, поскольку нация ставит интересы польского народа выше индивидуальных. В экономике об этом свидетельствует то, что в качестве основных инструментов для развития страны вместо прямых иностранных инвестиций предпочтение отдается централизованному регулированию и государственным инвестициям, что сопровождается экономической ксенофобией и «ползучей ренационализацией»[1]. Однако посткоммунистического перераспределения собственности не проводилось [▸ 5.5.3], и никакого нового слоя собственников не было сформировано. Не существует никаких олигархов ближнего круга Качиньского или тех, кто пополнял бы их ряды через предоставление им защиты [▸ 5.5.4]. Фактическое принятие решений также остается в рамках формальных институтов, причем Качиньский занимает место на вершине пирамиды власти как председатель партии «Право и справедливость». Странность правления Качиньского заключается в том, что он предпочитает роль простого депутата, а не премьер-министра[2], но действует по-прежнему в рамках формальной институциональной структуры партии и не ведет деятельности, выходящей за рамки его формальных полномочий, такой как личное обогащение [▸ 3.3.8]. Лояльные члены пирамиды

1 *Kozarzewski P., Bałtowski M.* Return of State-Owned Enterprises in Poland.

2 *Sata R., Karolewski I.P.* Caesarean Politics in Hungary and Poland // East European Politics. 19.12.2019. P. 1–20.

власти награждаются не богатством, а должностями, а экономика, согласно идеологии Качиньского, не подвергается неформальной патронализации, и лишь в некоторых сферах государство расширило свою собственность.

Шансы на то, что попытки установления в Польше консервативной автократии потерпят поражение, велики даже при существующей демократической институциональной структуре. Такую ситуацию обеспечивают эффективные защитные механизмы, а именно: пропорциональная избирательная система, предотвращение чрезмерной концентрации власти через конституцию[1] и сильное гражданское общество. Последнее включает в себя общественные традиции сопротивления власти, построенное на этих традициях гражданское движение, существование умеренных правых и либеральных партий, составляющих основную долю оппозиционных сил, вытеснение партии «Право и справедливость» в крайне правый сектор политического спектра, политическое разнообразие со стороны муниципальных властей и устойчивые медиаплатформы, обеспечивающие свободу слова. В то же время развитию патронально-автократических тенденций препятствует сам характер правящей партии, ее состав, принципы и программа, а также традиции и современность польских правых. В своей нынешней форме «Право и справедливость» не может идти по третичной нисходящей траектории в пространстве треугольника, потому что для этого отсутствуют многие факторы и компоненты[2].

7.3.3.3. Откат к патрональной демократии: Чехия

Чехия — это еще одна страна, где в ходе относительно долгого периода либеральной демократии не предпринималось

[1] *Sadurski W.* Poland's Constitutional Breakdown. P. 140–143.

[2] Более подробный сравнительный анализ Польши и Венгрии см.: *Magyar B.* Parallel System Narratives.

попыток смены конфигурации (Схема 7.18). После так называемой бархатной революции 1989 года Чехия (тогда Чехословакия) оказалась в числе стран с наименьшим патрональным наследием в регионе[1], что в сочетании с парламентским устройством[2] **привело к установлению динамичного, но стабильного демократического режима.** О его стабильности свидетельствуют рейтинги *Freedom House*[3] и индексы *V-Dem*[4], тогда как динамичность проявляется в частой смене правительства, к числу которых относится почти полное обновление партийной системы в 2010 году[5]. Это правда, что партии обвинялись в оторванности от народа[6] и тесных связях с экономической элитой[7], а исследователи Хэнли и Вачудова описывают так называемых региональных крестных отцов, олигархов и лидеров «более мелких коррумпированных бизнес-групп, которые путем получившего широкую огласку захвата региональных отделений ключевых чешских партий, обрели в середине 2000-х годов все более возрастающее политическое влияние. [Предполагается], что они будут отстаивать [свои] интересы <...>, используя услуги лоббистов и юристов в сфере защиты активов, или путем финансирования неправительственных организаций (НПО), политиков или партий»[8]. С нашей точки зрения, такая деятельность в основном подпадает под определение лоббирования

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 60.

2 Ibid. P. 459.

3 Freedom in the World: Country and Territory Ratings and Statuses, 1973–2019 (Excel).

4 *Coppedge M.* et al. V-Dem Country-Year Dataset 2019.

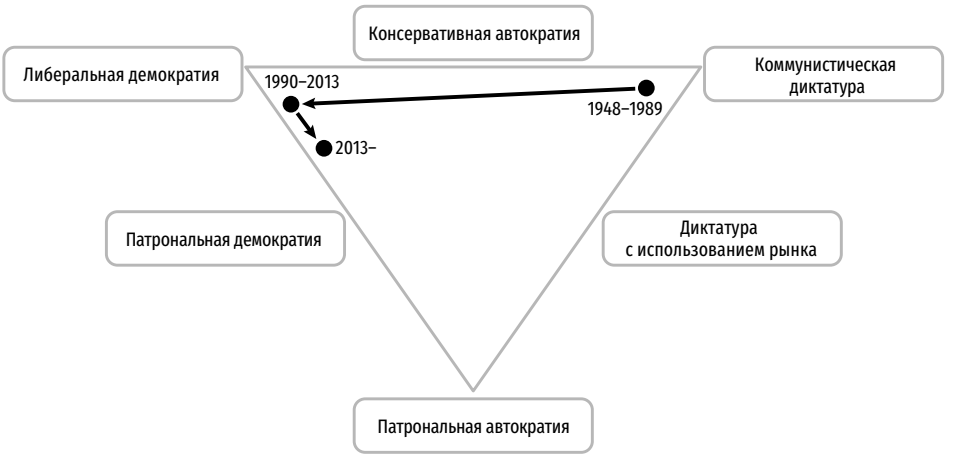
5 *Haughton T., Novotná T., Deegan-Krause K.* The 2010 Czech and Slovak Parliamentary Elections: Red Cards to the «Winners» // West European Politics. 2011. Vol. 34. № 2. P. 394–402.

6 *Roberts A.* Czech Democracy in the Eyes of Czech Political Scientists // East European Politics. 2017. Vol. 33. № 4. P. 562–572.

7 *Innes A.* Corporate State Capture in Open Societies.

8 *Hanley S., Vachudova M. A.* Understanding the Illiberal Turn. P. 285.

Схема 7.18: Смоделированная траектория Чехии (1964–2019)



и протекции для корешей, и при этом не содержит признаков коррупции сверху вниз [▸ 5.3][1]. Другими словами, **правящая элита как таковая в большинстве своем не руководствовалась принципами интересов элит** и не стремилась монополизировать власть и накапливать состояние, в то время как как гражданское общество и формальные институты сохраняли свою эффективность. Соответственно, стабильная точка 1990–2013 годов находится ближе к либеральной демократии, чем к патрональной.

Однако **в 2013 году Андрей Бабиш**, член «полдюжины „семей" олигархов-миллиардеров»[2] Чехии решил заняться политикой. Партия вассалов *ANO 2011* (что переводится с чешского как «да»), основанная всего двумя годами ранее и пользующаяся поддержкой обширной бизнес- и медиаимперии Бабиша[3], получила места в чешском парламенте и стала партнером социал-демократов по коалиции. В этом правительстве Бабиш занимал пост министра финансов до 2017 года, когда

[1] Непатрональный, направленный снизу вверх, мультипирамидальный характер чешских неформальных сетей становится также очевиден из всестороннего анализа: *Klíma M.* Informal Politics in Post-Communist Europe.

[2] *Hanley S., Vachudova M. A.* Understanding the Illiberal Turn. P. 284.

[3] Ibid. P. 285–387.

ему удалось, став премьер-министром, сформировать правительство меньшинства[1]. **Несмотря на отсутствие монополии на власть, *ANO*,** по утверждению Хэнли и Вачудовой, **удалось аккумулировать власть в государственной администрации, а также на государственных предприятиях, в полиции и спецслужбах, в экономике и СМИ**. «Позиции, которые Бабиш и его соратники по *ANO* занимали в правительстве, дали им возможность формировать институты и политику, регулирующие экономическую сферу. Например, через контроль над Министерством финансов в 2014–2017 годах Бабиш получил контроль над государственными органами, которым было поручено проверять финансовую деятельность чешских предприятий и соблюдение ими налогового законодательства. Таким путем Бабиш получил доступ к информации о своих политических и бизнес-конкурентах и, следовательно, потенциальные рычаги воздействия на них. <...> Опасения относительно того, что Бабиш злоупотребляет государственной властью, основываются на его тесных связях с полицией, прокурорами и спецслужбами, а также на том, как эти связи могут повлиять на обеспечение верховенства закона. [Помимо этого,] количество высокопоставленных офицеров полиции и секретных служб, получивших за последние два десятилетия работу в отделе безопасности компании *Agrofert* [основная компания Бабиша] или возглавивших какую-либо из его компаний, поражает воображение <...>. Бабиш использовал *Agrofert*, чтобы собрать критическую массу людей, способных ненадлежащим образом использовать государственную информацию и шантажировать чиновников. С появлением *ANO* эти люди плавно сменили сферу деятельности на партийную политику и работу в правительстве»[2]. Авторы, сообщают, что Бабиш, похоже, использовал свои полномочия,

[1] *Hanley S., Vachudova M. A.* Understanding the Illiberal Turn. P. 277.

[2] Ibid. P. 288.

чтобы угрожать изданию *Echo24* (которое он считал враждебным) тем, что его основной инвестор Ян Кленор вскоре может стать объектом финансового расследования со стороны государства[1]. Бабиша также обвиняли в том, что он перенаправил средства, полученные от ЕС, на финансирование своего бизнеса, что в 2019 году стало толчком к крупнейшим после смены режима протестам в стране[2].

С одной стороны, **тот факт, что олигарх становится политархом, превращая экономическое предприятие в политическое, является явным шагом к неформальному патронализму**, при котором глава исполнительной власти руководствуется принципами интересов элит. С другой стороны, демократический откат в Чехии привел только к патрональной демократии. Кроме попыток патронализации государственного управления, Бабиш не стремился разрушить формальную систему сдержек и противовесов, несмотря на то, что формальные механизмы контроля работали достаточно активно (чешские правоохранительные органы провели расследование в отношении Бабиша, а в 2017 году он был также лишен депутатской неприкосновенности)[3]. Таким образом, он пытался использовать государство для продвижения собственной сети, устраняя оппонентов так же, как это делает конкурирующая патрональная сеть в условиях патрональной демократии. Если его стратегия окажется успешной, сети олигарха-конкурента тоже могут вступить в партийную конкуренцию, увеличивая количество партий патрона и еще больше приближая страну к патрональной демократии. Тем не менее партии политиков, которые извлекают выгоду

1 Ibid. P. 287.

2 Billionaire Czech Prime Minister's Business Ties Fuel Corruption Scandal // DW.com. 25.06.2019. URL: https://www.dw.com/en/billionaire-czech-prime-ministers-business-ties-fuel-corruption-scandal/a-49351488-0.

3 Czech Election Front-Runner Charged with Subsidy Fraud // POLITICO. 09.10.2017. URL: https://www.politico.eu/article/czech-election-front-runner-charged-with-subsidy-fraud/.

из народного сопротивления, могут препятствовать такому развитию в долгосрочной перспективе, а откат к автократии кажется немыслимым при отсутствии монополии на власть и при наличии сильных автономных олигархов, а также формальных институтов и гражданского общества.

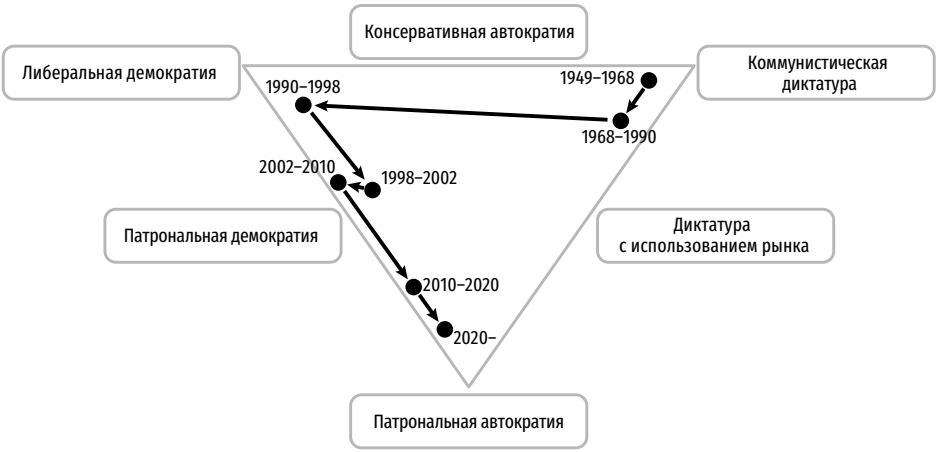
7.3.3.4. Откат от либеральной демократии к патрональной автократии: Венгрия

Венгрия, вероятно, прошла по самой «длинной» траектории из всех посткоммунистических стран в том смысле, что она претерпела смену конфигурации **с коммунистической диктатуры на либеральную демократию (первичная траектория) и с либеральной демократии на патрональную автократию (вторичная траектория)**. Этот путь, изображенный на Схеме 7.19, берет начало в стабильной точке 1949–1968 годов, то есть в период жесткой коммунистической диктатуры с принудительной коллективизацией и индустриализацией[1]. **В 1968 году начал действовать Новый экономический механизм (*NEM*)**, предусматривавший реформы в направлении децентрализации, либерализации цен, либерализации оплаты труда и развития расширенной системы вторичных производственных отраслей и небольших ферм, прикрепленных к государственным кооперативам. Результатом этого стала более гибкая, реформированная социалистическая модель, известная под названием «гуляшный коммунизм»[2], которая увеличила доходы рабочих и смягчила закостенелость плановой экономики. Таким образом, контролируемое сосуществование

[1] *Kovács J. Ö.* The Forced Collectivization of Agriculture in Hungary, 1948–1961 // The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe: Comparison and Entanglements. Budapest; New York: CEU Press, 2014. P. 211–247. Для краткости, а также потому что в наши задачи входит лишь предоставление иллюстрации, а не исторической документации, мы не изображаем Революцию 1956 года как новую стабильную точку.

[2] *Kornai J.* Paying the Bill for Goulash Communism.

Схема 7.19: Смоделированная траектория Венгрии (1949–2020)



первой и второй экономик было шагом к диктатуре с использованием рынка, а Китай можно рассматривать как зрелого последователя этих ранних социалистических реформ[1].

Венгрия стала еще одной (помимо Польши) страной, которая **прошла через отступление диктатуры. Круглый стол оппозиции, проходивший в 1989 году,** объединил ее представителей для переговоров с коммунистической партией в целях обеспечения мирного транзита власти[2]. По результатам переговоров коммунисты-реформаторы больше не могли обеспечить себе власть, не участвуя в политической конкуренции, как это сделал Сейм Польши. Вместо этого они стремились учредить президентский пост с достаточно широкими полномочиями. Сторонняя сделка между Венгерским демократическим форумом и коммунистами-реформаторами была предотвращена в конце 1989 года через референдум, инициированный Альянсом свободных демократов, который предшествовал первым свободным выборам в 1990 году. В 1990-х годах Венгрия рассматривалась как предвестница

1 *Vámos P.* A Hungarian Model for China?; *Csanádi M.* The «Chinese Style Reforms» and the Hungarian «Goulash Communism».

2 *Bozóki A.* Hungary's Road to Systemic Change: The Opposition Roundtable // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. № 2. P. 276–308.

демократизации, благодаря экономической либерализации и сильным формальным институтам: конституционному суду, конкурентной партийной системе и регулярной смене правительства на выборах.

Виктор Орбан со своей партией «Фидес» впервые пришли к власти в 1998 году. Суть его программы была сформулирована в слогане предвыборной кампании «больше, чем смена правительства, меньше, чем смена режима», а также в выражении «решительное наступление»[1]. Слоган довольно точно описывает то, что произошло на самом деле, а именно: переход от либеральной демократии к патрональной. Однако это было не просто демократическим откатом, но решительной попыткой установления автократии, в результате которой была нарушена автономия формальных институтов, а в экономической сфере возникла неформальная патрональная сеть с олигархом ближнего круга Лайошем Шимичкой в ее составе (который в 1998–1999 годах был также главой налоговой службы). Получается, что попытка Орбана могла бы быть успешной, если бы у него было большинство в две трети, то есть эффективная монополия на власть[2]. Таким образом, демократическая институциональная система была подорвана, но, так или иначе, поддерживалась конституцией страны и так называемыми основными законами, изменение которых требовало квалифицированного большинства.

В 2002 году Орбан потерпел поражение, уступив коалиции либерально-социалистических сил, которая однако не вернула страну к либеральной демократии. Здесь стоит подробнее рассмотреть некоторые детали, потому что функционирование венгерской демократии в 2002–2010 годах можно описать как **неравную патрональную конкуренцию** без

[1] Цит. по: *Sárközy T.* Illiberális Kormányzás a Liberális Európai Unióban [Нелиберальное управление в либеральном Европейском союзе]. P. 62–65.

[2] *Magyar B.* Magyar Polip — a Szervezett Felvilág [Венгерский спрут — Организованное надполье] // Magyar Hírlap. 21.02.2001.

динамического равновесия [► 4.4.2.1], которая выродилась в итоге в патрональную автократию. Это произошло прежде всего потому, что «Фидес» сохранила неформальное доминирующее положение в прокуратуре, Государственном контроле и Конституционном суде, а президент Ласло Шойом, обладавший слабыми формальными полномочиями, идеологически был ближе к «Фидес», чем к правящей коалиции. **В этот период популизм получил широкое распространение**, что привело к так называемой холодной гражданской войне: каждая из сторон объявила другую нелегитимной (особенно «Фидес» в своей риторике по отношению к правящей *MSZP*, Венгерской социалистической партии), а любой промах «одного из нас» получал индульгенцию перед угрозой того, что «один из них» придет к власти (Орбан больше всего опасался *MSZP*)[1]. В то же время приемная политическая семья Орбана сотрудничала с конкурирующими правительственными силами, что порождало дружеские чувства в условиях «перемирия в окопе». Такое положение было известно широкой общественности, о чем свидетельствует расхожее выражение «70 / 30», **которое означало, что совместно добытые (или просто принятые к сведению) нелегитимные доходы, будут поделены, и 70% из них получит правящая партия, а 30% — оппозиция**[2]. Однако правительственные акторы были менее организованны и единодушны в своих мотивах. С одной стороны, в сферах, которые сулили коррупционные доходы, по собственной инициативе действовали «казначеи» партии и местные олигархи (минигархи), а с другой стороны, третьи лица предпринимали неоднократные попытки разрушить устоявшиеся каналы коррупционного сотрудничества двух противоборствующих сторон. Напротив, политическая семья Орбана опиралась на

[1] *Pappas T.* Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary // Government and Opposition. 2014. Vol. 49. № 1. P. 1–23.

[2] *Mong A.* Milliárdok Mágusai: A Brókerbotrány Titkai [«Магия» миллиардов: Секреты брокерского скандала]. Budapest: Vízkapu, 2003.

одноканальный порядок экономической отчетности, наказывая частных собирателей наличности под флагом «Фидес», что обеспечило на всех уровнях сложившейся иерархии патрональ-но-клиентарных отношений единство коррупционного «обложения данью», осуществляющегося с одобрения центра. Этот способ нелегитимного «наложения дани» обеспечил дорогостоящие, но надежные условия для коррупционных сделок: если кто-то платит цену, то услуга будет предоставлена (чего не могло обеспечить правительство, сформированное *MSZP*).

До 2010 года ни доступ к источникам, ни способы наказаний не могли быть полностью монополизированы ни одной из политических сторон. Как правило, парламентское большинство было окружено пестрым составом партий в местных органах власти, и в рамках системы ряд объединенных или, по крайней мере, многопартийных комитетов имели право голоса в распределении ресурсов под контролем государства. Однако по второму либерально-социалистическому правительству были нанесены решающие удары, сначала в 2006 году, когда разгорелся скандал с обнародованной записью выступления премьер-министра Ференца Дюрчаня, а затем в 2008 году, когда был проигран референдум и разразился глобальный финансовый кризис. В таких обстоятельствах уже на этапе избирательной кампании «Фидес» вознамерилась получить в парламенте квалифицированное большинство в две трети голосов. При содействии прокуратуры членам партии удалось в глазах общественности возложить всю ответственность за коррупцию на плечи правительства.

В 2010 году Орбан и его партия «Фидес» получили абсолютное большинство мест в парламенте, нарушив — в случае Венгрии и без того уязвимое — равновесие патрональной демократии. Получив достаточно власти, чтобы в одностороннем порядке изменить конституцию и заполнить институты сдержек и противовесов своими клиентами, Орбан **совершил автократический прорыв** и приблизил режим

к патрональной автократии. Венгрия стала **хрестоматийным примером мафиозного государства**[1]. Смена режима предполагает как качественные, так и количественные изменения, поскольку однопирамидальная патрональная сеть, созданная Орбаном, нарушила автономию государственных институтов, которые теперь используются для еще более масштабного коррупционного обогащения, чем при любой из патрональных сетей до 2010 года.

С 2010 года Орбану дважды удавалось получить квалифицированное большинство на манипулируемых выборах (в 2014 и 2018 году). В 2020 году **пандемия коронавируса COVID-19 усугубила наиболее характерные черты венгерского мафиозного государства**. Орбан, со ссылкой на чрезвычайное положение, продвинул закон о собственных чрезвычайных полномочиях [▸ 4.3.4.2], который позволил ему управлять страной с помощью указов сначала вообще без каких-либо временных ограничений, а затем, во время второй волны эпидемии, в течение ограниченного, но тем не менее напряженного периода времени. Эта смена формы неограниченного правления сопровождалась мерами, которые способствовали дальнейшей автократической консолидации и которые в обычном режиме не были бы возможны в пределах границ ЕС. Речь идет о таких мерах, как сокращение партийного финансирования, получение особых налоговых поступлений от муниципалитетов, криминализация тех, кто публикует фейки либо «реальные факты, искажая их так, что это может помешать успешному обеспечению защиты от вируса», отправка солдат для участия в «важнейших» кампаниях для обеспечения контроля в случае возникновения чрезвычайной ситуации и т. д. Во время второй волны Орбан даже изменил закон о выборах, чтобы сузить пространство для маневра и снизить координацию оппозиционных партий,

[1] Всестороннее обсуждение этой темы см.: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства.

а также принял поправку к конституции, которая, среди прочего, определяет государственные средства таким образом, чтобы их можно было направлять для отмывания в частные (то есть патрональные) фонды[1]. Одно это указывает на то, что, кроме концентрации власти, пандемия ускорила и процесс обогащения. Помимо все еще продолжающегося распределения ренты из бюджета, экономический кризис породил огромное количество ослабленных жертв для хищнического государства, которое приняло ряд мер в целях облегчения захвата власти приемной политической семьей (предлагая компаниям финансовую помощь в обмен на их акции, помогая только компаниям «государственного значения», выбранным дискреционным образом и т. д.). В сборнике, опубликованном одним из журналистов-расследователей в начале 2021 года, перечисляются тринадцать ключевых отраслей — от природного газа и электрических сетей, банковских и ИТ-гигантов до железных дорог и военных заводов — которым приемная политическая семья либо предоставила монопольное положение, либо укрепила и так преобладающую логику реляционной экономики [▸ 5.6][2].

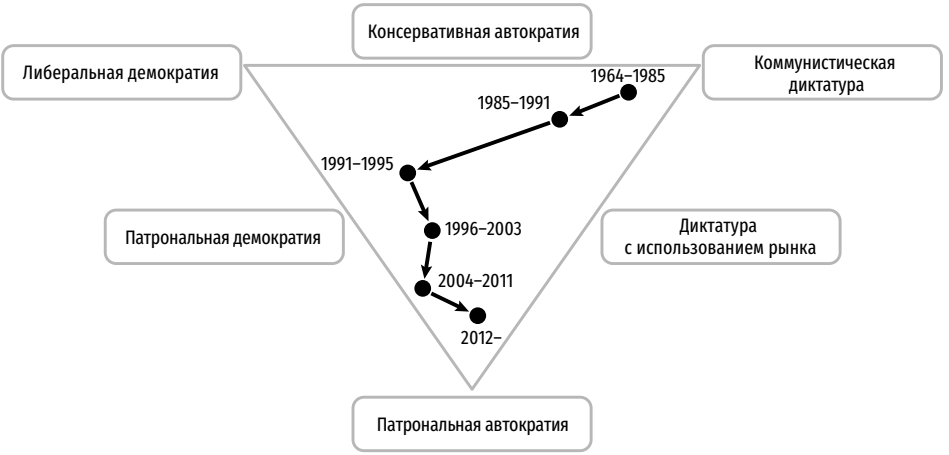
7.3.3.5. Откат от олигархической анархии к патрональной автократии: Россия

Россия является примером **демократического отката от олигархической анархии к патрональной автократии** (Схема 7.20). Можно возразить, что олигархическая анархия отсут-

1 *Balogh E.* Viktor Orbán at Work: New Amendments, New Tricks. Hungarian Spectrum (blog). 12.11.2020. URL: https://hungarianspectrum.org/2020/11/11/viktor-orban-at-work-new-amendments-new-tricks/.

2 *Bódis A.* Amíg Ön a járványra figyelt, a NER bevette az országot — leltár a «hazavitt» stratégiai ágazatokról [Пока вы занимались пандемией, NER захватили страну — список «украденных» отраслей экономики] // Válasz Online. 28.01.2021. URL: https://www.valaszonline.hu/2021/01/28/amig-on-a-jarvanyra-figyelt-a-ner-bevette-az-orszagot-leltar-a-hazavitt-strategiai-agazatokrol/.

Схема 7.20: Смоделированная траектория России (1964–2019)



ствует в нашем треугольнике, устройство которого и правда не учитывает характеристику силы или несостоятельности государства[1]. Однако, как мы отмечали в Главе 2, олигархическая анархия во многом похожа на патрональную демократию в силу ее мультипирамидальной системы конкурирующих патрональных сетей [▸ 2.5.1], а также ограниченной власти правящей элиты, которая проводит нечестные выборы и находится на грани электоральной демократии и конкурентного авторитаризма.

Довольно метко резюмируя траекторию России, Померанцев пишет, что страна «экспериментировала с разными режимами с головокружительной скоростью: период застоя повлек за собой перестройку, которая привела к распаду Советского Союза, либеральной эйфории, экономической катастрофе, олигархии и мафиозному государству»[2]. Из всего перечисленного период экономического бедствия и «олигархия» относятся к тому, что мы называем олигархической анархией, которая установилась в России в 1990-е годы. Такое государственное устройство представляло собой почти

[1] Мы вернемся к этому нюансу в разделе под названием «На пути к глобальной перспективе» [▸ Заключение].

[2] *Pomerantsev P.* Nothing Is True and Everything Is Possible. P. 71.

что несостоявшееся государство, окруженное и частично присвоенное неорганизованной, мультипирамидальной системой региональных и общенациональных олигархических сетей[1]. Однако, «[тогда как] подвижные составляющие российской политики», по утверждению Хейла, «<...> изначально шли по спирали, **решающий эпизод постсоветской политической истории России произошел в 1996 году**. Именно тогда [президент Борис] Ельцин <...> вооружился своим арсеналом кнутов и раскрыл свой рог изобилия пряников, чтобы организовать региональные политические аппараты и крупные финансово-промышленные группы в общенациональную пирамиду патрональных сетей, которая была бы способна одержать победу над главным политическим противником в президентской гонке того года. <...> Конкуренция 1996 года **доказала всем, что президентская пирамида Ельцина была сильнее всех других**» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[2].

В нашем треугольнике становление Ельцина верховным патроном представляет собой явный шаг к патрональной автократии и доминированию конкурентного авторитаризма, но все же для того, чтобы пересечь границы доминирования полуформальных институтов и рыночной координации, этого было недостаточно. Ельцину не хватало монополии на власть, а также сильного государства, без которых невозможно успешное функционирование мафиозного государства [▸ 2.5.2]. Более того, его правление проходило в тени олигархов, в частности Владимира Гусинского и Бориса Березовского, владевших крупнейшими медиаимперриями, а также Михаила Ходорковского, который, являясь генеральным директором нефтяной компании «ЮКОС», был самым богатым человеком страны и контролировал большую часть природных ресурсов России. Владимир Путин, которого Ельцин назначил своим преемником в 1999 году, реформировал

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 110–115; *Hoffman D.* The Oligarchs.
2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 135.

государство так, что оно стало сильным, а после убедительной победы своей партии «Единая Россия» консолидировал власть в политической сфере[1]. Его очередная победа в 2003 году позволила ему совершить то, что Бен Джуда называет «великим поворотом». По его мнению, в этот момент «завершилась эпоха, когда он правил как наследник Ельцина. И тогда же Россия резко накренилась в сторону авторитарного режима»[2]. По имеющимся сведениям, Путин собрал встречу с 21 олигархом, сообщив им, что они должны быть лояльны и не вмешиваться в политику самостоятельно[3]. Он также продемонстрировал, во что для них выльется неповиновение: Гусинский и Березовский были вынуждены покинуть страну, передав свои медиаимперии патрональной сети Путина, тогда как Ходорковский получил тюремный срок, а его компании подверглись захвату[4]. Начиная с 2003 года Россия представляет собой образец патрональной автократии, в рамках которой Путин твердой рукой управляет однопирамидальной патрональной сетью. Особенно ярко это было продемонстрировано, когда Путин столкнулся с ограничением в два срока, но сумел избежать синдрома хромой утки, посадив в президентское кресло свое политическое подставное лицо, Дмитрия Медведева, после чего вернулся к власти в 2012 году[5]. **Провалившаяся попытка цветной революции в 2012 году привела к тому, что режим в условиях автократической консолидации стал проводить более репрессивную политику**, постепенно разрушая гражданское общество и нарушая автономию СМИ, предпринимателей, НПО и граждан [► 4.4.3][6].

1 Ibid. P. 270–74.

2 *Judah B.* Fragile Empire. P. 55.

3 Ibid. P. 43.

4 *Sakwa R.* Putin and the Oligarchs.

5 *Hale H.* Patronal Politics. P. 276–291.

6 *Yavlinsky G.* The Putin System: An Opposing View. P. 66–80.

7.3.4. Режимная петля и двойственность персональных и безличных институциональных изменений (Украина, Македония, Молдова и Грузия)

7.3.4.1. Антипатрональная трансформация, режимная петля и цветные революции

Поскольку **западные наблюдатели** происходят из среды, в которой сферы социального действия отделены друг от друга, и это разделение глубоко укоренилось в их поведенческих и когнитивных моделях, то при изучении смены режима, они **склонны фокусироваться на безличной институциональной структуре**. Это не значит, что они вообще не видят персональных отношений или личности акторов. Скорее они часто интерпретируют их через призму безличных институтов: акторы — это, по сути, их формальные титулы и компетенции, предоставленные им институциональной структурой, тогда как влияние сетей сильных связей воспринимается как отклонение, «взяточничество», «кумовство» и т.д. [▸ Введение]. По их мнению, фундаментальный характер политического режима определяется безличными институтами, а его изменения признаются только в той степени, в которой они затрагивают эти институты.

Такой **одноуровневый подход работает, если сферы социального действия отделены друг от друга** [▸ 1.2], поскольку в этом случае сила сильных связей снижается, так как она эффективна только в одной сфере социального действия. Соответственно, функционирование режима определяют безличные институты, не подчиняющиеся при этом личным сетям. Однако **чем меньше социальные сферы отделены друг от друга, тем меньше безличные институты определяют характер режима и тем больше на него влияют личные связи**. И если смену режима, где доминируют безличные институты, а социальные сферы отделены друг от друга, можно адекватно

описать с помощью одноуровневого подхода, то режимы, где разделение сфер не такое четкое, требуют — как мы отмечали в Главе 1 — **двухуровневого подхода**, в котором внимание уделяется как безличным институтам, так и личным сетям сильных связей. В рамках этого подхода личные сети и их влияние рассматриваются не как отклонения от фундаментального (безличного) функционирования режима, а как составные и неотъемлемые его компоненты.

При анализе последовательностей можно выделить по два характерных процесса для каждого уровня:

• **на уровне безличных институтов** существуют: (a) **демократическая трансформация**, то есть налаживание формальных, юридических гарантий разделения ветвей власти, публичного обсуждения и различных социальных автономий (частная собственность и т. д.) [▸ 4.3–4], или ее противоположность, (b) **антидемократическая трансформация**, то есть подавление вышеупомянутых институтов через урезание прав и полномочий;

• **на уровне личных сетей** существуют: (a) **патрональная трансформация**, которая включает в себя политическую, экономическую и/или социальную патронализацию людей, или ее противоположность, (b) **антипатрональная трансформация**, которая предполагает разрушение сильных связей патронализма и патронально-клиентарных сетей с заменой их на безличные структуры и горизонтальные отношения[1].

Для более четкого понимания антипатрональной трансформации можно обратиться к Таблице 2.3 в Главе 2 [▸ 2.2.2.2]. В этой таблице приведены ключевые измерения, отличающие патрональные отношения от непатрональных: неформальные и формальные, нормативные и дискреционные, коллективные и персональные (полномочия), а также бюрократические /

[1] Мы заимствовали понятие «антипатрональная трансформация» у Хейла, который использует его в одной из своих статей, но не анализирует его подробно. См.: *Hale H.* Russian Patronal Politics Beyond Putin // Dædalus — Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2017. Vol. 146. № 2. P. 30–40.

институциональные и клиентарные / личные цепочки соответственно. Когда речь идет об изменениях на уровне личных сетей, **патрональная или антипатрональная трансформация предполагает движение именно в рамках этих четырех измерений**. Патрональная трансформация означает, что структура, где доминируют формальность, нормативность, коллективность (полномочий) и бюрократические / институциональные цепочки движется в направлении другой структуры, для которой характерны неформальность, дискреционность, персональные (полномочия) и клиентарные / личные цепочки. В свою очередь, антипатрональную трансформацию можно считать успешной, если, с точки зрения четырех ключевых измерений, она происходит в противоположном направлении.

При смене конфигурации можно также выделить (1) **одноуровневую трансформацию**, при которой происходит только один процесс (на одном уровне), и (2) **двухуровневую трансформацию,** когда на обоих уровнях происходит по одному процессу. Демократическая (или антидемократическая) трансформация отличается от демократического (или автократического) прорыва, хотя они часто идут рука об руку: например, за «оранжевой революцией» последовали демократические конституционные изменения (а Орбан, вслед за осуществлением автократического прорыва, смог также изменить избирательное законодалельство). В свою очередь, «патрональная трансформация» влечет за собой политическую, экономическую и социальную патронализацию [▸ 5.6.1.3], а «антипатрональная трансформация» — прекращение этих процессов.

Применение этих понятий и двухуровневого подхода в целом при анализе **траекторий стран в процессе демократизации** имеет особую практическую ценность[1]. На самом деле,

[1] Здесь не рассматриваются траектории тех стран, где происходила трансформация или реформа диктатуры. Для их тщательного анализа потребуется более всесторонняя концепция (в которой необходимо различать изменения с точки зрения формальности/неформальности, мульти- и однопирамидальной

на волне эйфории «конца истории» от всеобщего внимания ускользнуло именно то, что в тех случаях, когда «демократизация провалилась», трансформация происходила только на одном уровне, то есть происходила **демократическая трансформация и не было трансформации антипатрональной**. Безличные институты подверглись переустройству как в политической сфере (были созданы формально демократические институты и введены многопартийные выборы), так и в экономической (была проведена приватизация и установлено формальное доминирование частной собственности), но **патронализм оказался жесткой структурой**, которая продолжила свое существование и в посткоммунистическую эпоху [▸ 1.5]. Другими словами, была изменена институциональная структура, но не акторы, которые ее наполняли. Двухуровневые трансформации произошли только в таких странах, как Эстония или Венгрия, где патрональное наследие было не так велико, что позволило им прийти к либеральной демократии по первичной траектории.

Вторичные траектории тоже часто оказываются одноуровневыми трансформациями. Например, именно такая ситуация сложилась в четырех странах, которые мы использовали в качестве примеров: в Чехии была предпринята попытка патрональной трансформации без антидемократической трансформации; в Польше можно наблюдать попытку антидемократической трансформации без патрональной. Вторичная траектория Венгрии состоит из двух одноуровневых трансформаций (осуществляемых одним и тем же актором): патрональной трансформации с 1998 года и антидемократической — с 2010 года, тогда как в России происходит антидемократическая трансформация без патрональной (так как она началась в патрональной среде).

системы, а также трех сфер социального действия), которая свела бы на нет эвристическую и аналитическую ценность двухуровневого подхода к изучению стран, находящихся в процессе демократизации.

Наконец, **одноуровневая трансформация была также характерна для цветных революций**. Как мы упоминали в Главе 4, цветные революции вспыхивали в конкурентных патрональных демократиях под знаменем демократии и плюрализма, но пользовались поддержкой неформальных патрональных сетей, которые боролись с попыткой монополизации власти правящей патрональной сетью [▸ 4.4.2.3]. Это как раз и означает, что **после антидемократической трансформации патрональной среды демократическая трансформация осуществлялась без антипатрональной трансформации**. Для того чтобы двигаться в плоскости вышеупомянутых четырех измерений[1], проводились различные изменения, но, как правило, они не могли устранить доминирование неформальных, дискреционных и клиентарных связей и проложить дорогу неформальным, нормативным и институциональным связям. Это явление демократической трансформации без антипатрональной трансформации Хейл называет более общим термином «режимная петля»[2]:

• ***Режимная петля*** *— это траектория режима, которая предполагает (1) движение к автократии и (2) движение в обратную сторону. Как правило, режимная петля подразумевает одноуровневую трансформацию безличных институтов (без антипатрональной трансформации, когда режим движется в противоположную от автократии сторону).*

Хотя после преодоления автократических тенденций демократию можно восстановить, что и было сделано во множестве случаев, демократическая трансформация не всегда сопровождается трансформацией антипатрональной. По наблюдениям Хейла, **после очевидной демократизации «существует заметная тенденция к возникновению новой однопирамидальной структуры**, столь же „авторитарной“, как

[1] Ср.: *Dubrovskiy V.* et al. Six Years of the Revolution of Dignity.

[2] *Hale H.* Patronal Politics. P. 87–88.

Таблица 7.5: Динамика режимов и режимная петля

От \ К	**либеральной демократии**	**патрональной демократии**	**патрональной автократии**
либеральной демократии		патрональная трансформация (без антидемократической трансформации)	антидемократическая + патрональная трансформация
патрональной демократии	антипатрональная трансформация		антидемократическая трансформация
патрональной автократии	демократическая + антипатрональная трансформация	демократическая трансформация (без антипатрональной трансформации)	

и старая. Это связано с тем, что простая смена власти не устраняет ключевые элементы, которые в первую очередь ответственны за появление однопирамидальной системы: **общество остается патроналистским**, а конституция — президентской» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1].

В Таблице 7.5 резюмированы процессы трансформации режима и показано, какую из ее разновидностей предполагает каждая смена конфигурации между либеральным и патрональным типами. В качестве примера мы опять же выбрали четыре страны, каждая из которых пришла к патрональной демократии, а затем сделала режимную петлю. В посткоммунистическом регионе можно найти множество таких циклических движений, обусловленных разными причинами и событиями, ведущими к распаду неконсолидированных, а иногда и эфемерных патрональных автократий [▸ 4.4.1.3]. Мы иллюстрируем «ортодоксальную» форму режимной петли на примере Украины, претерпевшей многочисленные колебания между патрональной демократией и автократией через цветные революции. Затем мы описываем более нестандартные случаи: автократический прорыв в Македонии не ознаменовал собой революцию, а потерпел крах из-за внутриэлитного конфликта; в Молдове решающую роль сыграло иностранное вмешательство. Наконец, Грузию можно считать уникальным

[1] *Hale H.* Patronal Politics. P. 87.

случаем, потому что после «Революции роз» 2003 года новая власть попыталась вырваться из режимной петли через антипатрональную трансформацию, хотя и без демократической, и в итоге не смогла преодолеть патрональную систему, состоящую из неформальных акторов.

7.3.4.2. Режимная петля и цветные революции: Украина

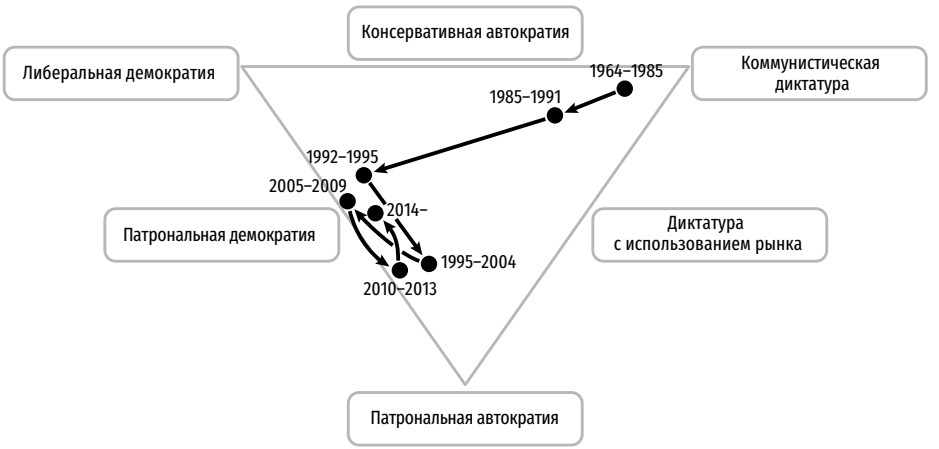
В предыдущих главах мы упоминали **Украину** как яркий пример конкурирующих посткоммунистических кланов [▸ 3.3.7, 3.6.2.1], а кроме того, подробно рассказывали о ее цветных революциях [▸ 4.4.2.3]. Теперь же мы предлагаем взглянуть на полную траекторию ее режима, начиная с периода советской власти (Схема 7.21). **Еще до смены режима** Украина демонстрировала элементы клановой политики внутри государственной партии. По словам Минакова, **три региональные группы из Харькова, Сталино / Донецка и Днепропетровска представляли три крупнейших местных партийных организации и промышленных центра**, ведя между собой фракционную борьбу, а их члены поочередно занимали должности первого секретаря ЦК Коммунистической партии Украины и председателя Совета министров[1]. **Мультипирамидальная система конкурирующих патрональных сетей, возникшая после 1991 года**, берет свое начало из этих трех группировок, превратившихся в три поскоммунистических клана: клан Кучмы-Пинчука, клан Лазаренко и группа «Приват»[2].

Первая попытка построения однопирамидальной сети власти произошла в первый президентский срок Леонида Кучмы, который «консолидировал власть, сделав политическую систему полностью президентской, и по сути вынудив

1 *Minakov M.* Republic of Clans. P. 220–228.

2 Ibid. P. 228–234.

Схема 7.21: Смоделированная траектория Украины (1964–2019)



парламент согласиться с его конституционной „реформой“ в 1996 году <...>. Тогда же, во второй половине 1990-х годов, он заключил с новоиспеченными олигархами соглашение, которое позволило ему сконцентрировать экономическую власть, а также получить контроль над СМИ <...>. Фактически он создал альянс, в котором олигархи поддерживали его политические амбиции и доминирование в украинской политике, в то время как он предоставлял им „крышу“ <...>, позволявшую им незаконно получать прибыль, эксплуатируя страну»[1]. Созданная им однопирамидальная сеть помогла ему успешно переизбраться в 1999 году, несмотря на непрекращающийся спад в экономике[2].

Процесс смены конфигурации на патрональную автократию, инициированный Кучмой, был прекращен в 2004 году из-за «Оранжевой революции», которая вернула страну к патрональной демократии через демократическую, но не антипатрональную трансформацию [► 4.4.2.3][3]. Однако это была не единственная режимная петля, которую

1 *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law. P. 537.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 148; *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. P. 115–122.

3 *Hale H.* Patronal Politics. P. 182–190.

сделала Украина. Период **с 2005 по 2009 год** при президенте Викторе Ющенко характеризовался **динамическим равновесием патрональной конкуренции**, которая обеспечивалась новой конституцией, принятой после революции и предполагавшей разделение исполнительной власти[1]. Соответственно, парламент был наделен властью, но президент тоже сохранил некоторые важные полномочия. Дубровский и его соавторы пишут, что Ющенко «сохранил контроль над спецслужбами (в компетенцию которых входило расследование экономических преступлений и коррупции) и правоохранительными органами в лице Генеральной прокуратуры Украины (ГПУ), которой были поручены все расследования деятельности должностных лиц <...>. Помимо этого президент существенным образом контролировал работу судей. Имея такие инструменты, можно шантажировать в принципе любого члена элиты, поэтому полный (неформальный) контроль — это лишь вопрос желания, опыта и безнаказанности»[2]. Однако после ухода Ющенко, Виктор Янукович, сменивший его на посту, в одностороннем порядке вернул конституцию к первоначальному президентскому устройству и предпринял решительную попытку создать единую пирамиду. В рамках антидемократической трансформации, **Янукович совершил автократический прорыв** и сумел нейтрализовать некоторых из своих оппонентов, о чем мы рассказывали в Главе 4 [▸ 4.4.2.3].

Тем не менее **гражданское общество в Украине было на удивление сильным, что и предотвратило автократическую консолидацию**. Наличие глубоко укоренившихся патрональных сетей, с одной стороны, и важные социально-экономические изменения, приведшие к складыванию так называемого креативного среднего класса, более ориентированного

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 325–331.

2 *Dubrovskiy V. et al.* Six Years of the Revolution of Dignity. P. 23.

на порядок открытого доступа, с другой стороны[1], вылились в сопротивление, кульминация которого пришлась на **Евромайдан в 2014 году**. Следствием так называемой «Революции достоинства» стало не только свержение Януковича, но и возврат к двойной конституции, а также, вероятно, самые справедливые выборы в истории страны[2].

Однако неудивительно, что **президентство Петра Порошенко повлекло за собой только одноуровневую трансформацию**, поскольку демократическая трансформация не сопровождалась антипатрональной. Вышеупомянутые кланы, о которых уже говорилось в Главе 4, сопротивлялись попытке их подчинения и поддерживали революцию только для того, чтобы вернуться к жесткой патрональной конкуренции, свойственной посткоммунистической Украине с момента обретения независимости[3]. Как пишет Мижеи, «президентство Порошенко, хотя и не содержало чудовищных злоупотреблений, свойственных режиму Януковича, все же вернулось к своему изначальному положению: оно было заточено на продвижение бизнес-интересов президента и его команды, а также на выдвижение людей на должности на государственных предприятиях в соответствии с финансовыми интересами президента и его окружения. Порошенко откладывал внесение изменений в законодательство и конституцию, которые установили бы верховенство закона, и решительно боролся против независимости прокуратуры и <...> генеральных прокуроров <...>, которые ни по каким меркам не были реформаторами и беспрепятственно отказывались бороться с преступностью»[4].

1 Ibid. P. 61–81.

2 «Despite Violence and Threats in East, Ukraine Election Characterized by High Turnout and Resolve to Guarantee Fundamental Freedoms, International Observers Say».

3 *Konończuk W.* Oligarchs after the Maidan.

4 *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law. P. 584. Кроме того, Мижеи подробно обсуждает первоначальное приглашение реформаторов (в том числе из Грузии) и последующее блокирование их попыток проведения реформ (Ibid. P. 583–599).

Хотя Схема 7.21 изображает движение **Украины** между точками, одна из которых ближе к либеральной демократии, а другая — к патрональной автократии, как маятниковое, на самом деле эта страна **после революции ни разу не вернулась в ту же точку**, где находилась раньше. Дубровский и его соавторы утверждают, что наиболее важным изменением является политическая «активация» вышеупомянутого городского креативного класса, что также демонстрирует **возросшую возможность (а отчасти и реальность) постепенного, но подлинного изменения уровня патронализма в Украине**. Улучшение условий, способствующих антипатрональной трансформации, можно охарактеризовать на двух уровнях[1]. Во-первых, на национальной арене основная линия раскола украинского общества, раньше проходившая по оси этнолингвистического разделения «Восток — Запад», стала формироваться вдоль оси патрональность — антипатрональность. Сейчас двумя основными противоборствующими сторонами являются сторонники порядков ограниченного доступа и порядков открытого доступа, при этом последние отказываются от лозунгов, призывающих к «справедливому перераспределению» [► 5.5.1], и уделяют больше внимания борьбе с коррупцией, продвижению европейских ценностей (то есть преимущественно свободного рынка и равных возможностей для всех) и «достоинству». Таким образом, Украина, несмотря на внутренние этнолингвистические, культурные и религиозные противоречия, сформировалась в 2014 году уже не как этническая, а как политическая нация, а политический процесс двигался вперед не только благодаря борьбе патрональных сетей между собой, но и все больше за счет борьбы общества с этими патрональными сетями. Во-вторых, на международной арене геополитическая ориентация Украины в итоге

[1] См.: *Dubrovskiy V. et al*. Six Years of the Revolution of Dignity. P. 25–27.

изменилась в пользу Запада. Сила и количество рычагов влияния западных стран и международных институтов на украинские власти тоже резко возросло в результате неудовлетворительной политики Януковича и российской военной агрессии [▸ 7.4.3.2]. Фактор военной агрессии тоже повлиял на внутреннюю политику, политические шаги которой рассматривались через призму продолжающейся «гибридной войны» с Россией. Соответственно, политико-экономические позиции ранее пророссийских олигархов стали слабее. Но шансы на антипатрональную трансформацию на уровне политических элит еще больше возросли, когда в 2019 году **Петр Порошенко проиграл президентский пост Владимиру Зеленскому**. И хотя убедительная победа последнего как на парламентских, так и на президентских выборах, на посткоммунистическом пространстве, как правило, несет в себе угрозу системе сдержек и противовесов[1], Зеленский не является **верховным патроном и не имеет своей патрональной пирамиды**, но пользуется олигархической поддержкой со стороны Игоря Коломойского, ведущего партнера группы «Приват»[2]. Судя по всему, Зеленский заинтересован в антипатрональной трансформации и устранении власти олигархов в стране, чем напоминает Михаила Саакашвили, который (тоже не без поддержки олигархов и в результате убедительной победы на выборах после «Революции Роз») добился значительного снижения уровня патронализма в Грузии [▸ 7.3.4.5]. Однако на конец 2019 года Зеленский **еще не добился смены режима** в Украине, а его правительство может впоследствии разделиться по олигархическому и/или идеологическому принципу[3].

1 Ibid. P. 52.

2 *Kramer A.E.* Oligarch's Return Raises Alarm in Ukraine // The New York Times. 16.05.2019.

3 *Dubrovskiy V.* Ukraine after 2019 Elections.

7.3.4.3. Режимная петля и конфликт внутри элит: Македония[1]

Македония — очень патроналистская страна, где особенности режима (разделенная исполнительная власть) и особенности страны (этнические противоречия) **на протяжении более десяти лет после смены режима** совместно обеспечивали **конкуренцию патрональных сетей**[2]**.** Как отмечает Уильям Краутер, Македония провозгласила независимость в 1991 году и «столкнулась с серьезными проблемами экономического развития, а также этническими противоречиями. [Тем не менее] демократическая политика функционировала достаточно хорошо. Завершилось оформление структуры власти. Был заметен прогресс в развитии организаций гражданского общества, свободы слова и независимых СМИ. [Однако] реформы [в экономике] отставали, разделение между государственной и частной экономической деятельностью было слабым, и, судя по всему, широко распространились клиентелизм и неправомерная приватизация государственной собственности. Регулярно возникали жалобы на нарушения при голосовании. Несмотря на все эти недостатки, соперничающие элиты постоянно вели между собой конкуренцию в условиях неформально принятых стандартов поведения»[3]. С учетом этих особенностей точку, представляющую Македонию, в нашем треугольнике следует поместить на участок доминирования конкурентной автократии[4], но относительно близко к патрональной демократии из-за преобладающего неформального патронализма среди полуформальных институтов (Схема 7.22).

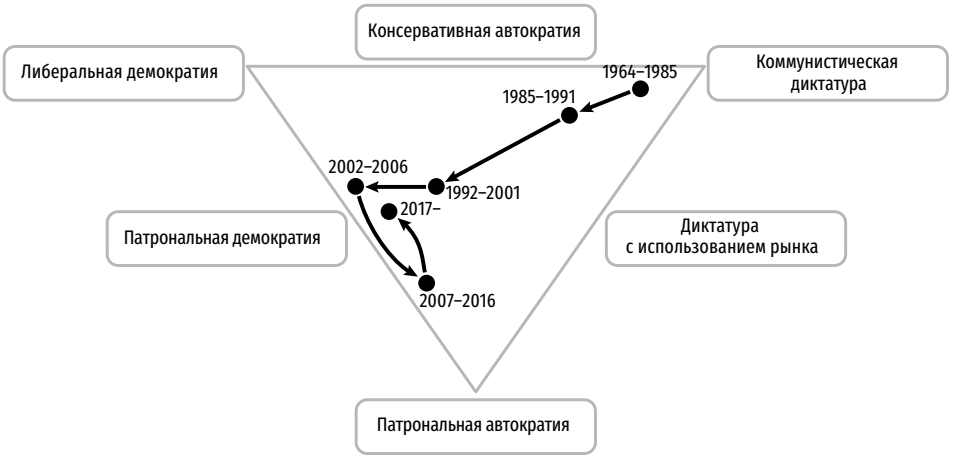
1 Страна была официально переименована в Северную Македонию в 2019 году, а ранее она официально называлась Бывшая югославская Республика Македония. Мы для краткости называем эту страну Македонией.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 641.

3 *Crowther W.* Ethnic Condominium and Illiberalism in Macedonia // East European Politics and Societies. 2017. Vol. 31. № 4. P. 743–744.

4 *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 124–128.

Схема 7.22: Смоделированная траектория Македонии (1964–2019)



Помимо **бывших коммунистов**, которые в новой многопартийной системе стали Социал-демократическим союзом Македонии (СДСМ), две наиболее крупные патрональные сети были связаны с **этническими македонцами** и **этническими албанцами**. Обе эти этнические группы поддерживали разные этнические партии, и в итоге гегемонистского положения в своих соответствующих группах добились две партии: Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия македонского национального единства (ВМРО–ДПМНЕ) и Демократический союз за интеграцию, отражающий интересы албанцев[1].

Эти партии и их кланы, основанные на номенклатуре и этнической принадлежности, сменяли друг друга в правительстве, и пока ни одна группа не стала достаточно сильной, чтобы занять доминирующее положение, в государстве преобладал демократический плюрализм. Кроме того, **период более четкого разделения ветвей власти и электоральной демократии последовал за коротким периодом гражданской войны в 2001 году**. Этот этнический конфликт завершился Охридским рамочным соглашением, согласно которому албанское

1 *Crowther W.* Ethnic Condominium and Illiberalism in Macedonia. P. 749.

меньшинство получило больше власти, полномочия по принятию ответственных решений были делегированы местным муниципалитетам, и, помимо прочего, была установлена пропорциональная избирательная система[1]. Хейл также отмечает, что западные рычаги влияния в значительной мере снизили интенсивность борьбы между патрональными сетями Македонии[2].

Патрональная конкуренция была нарушена клановым пактом [▸ 7.4.1], то есть **правящей коалицией между македонскими и албанскими патрональными сетями после выборов 2006 года**. По словам Краутера, этот пакт преобразовал партийную систему, «в которой была реальная, хотя и ограниченная, конкуренция в господствующее партийное правление»[3], которую критики описывали как «авторитарный консоциационализм» и «партократию»[4]. Этот клановый пакт позволил создать однопирамидальную патрональную сеть под руководством главы исполнительной власти **Николы Груевского**, благодаря чему две патрональные сети могли совместно осуществить **антидемократическую трансформацию**. В своем исследовании Краутер приводит следующие признаки вновь созданной системы[5]:

• **превращение в приводные ремни обеих партий** («партийные лидеры монополизируют процесс выработки политики и принятия решений по развитию страны»), а также законодательного органа (он становится «послушным наблюдателем, который механически трансформирует решения, принимаемые ближайшим окружением Груевского, в законы»);

1 *Crowther W.* Ethnic Condominium and Illiberalism in Macedonia. P. 745.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 641.

3 *Crowther W.* Ethnic Condominium and Illiberalism in Macedonia. P. 751.

4 *Spaskovska L.* From Feudal Socialism to Feudal Democracy — the Trials and Tribulations of the Former Yugoslav Republic of Macedonia // OpenDemocracy (blog). 23.07.2014. URL: https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/from-feudal-socialism-to-feudal-democracy-trials-and-tribulati/.

5 *Crowther W.* Ethnic Condominium and Illiberalism in Macedonia. P. 751–754.

• **системообразующая коррупция** («системная коррупция» и «сеть личных связей вокруг премьер-министра Груевского, которые создают благоприятные условия для злоупотребления властью в личных целях»)[1];

• **популизм, пользующийся идеологией** (который характеризует «тех македонцев, которые настроены против программы Груевского и поддерживают СДСМ, как предателей нации» и «НПО, критикующих правительство <...>, — как пешек иностранных держав»);

• **неформальный контроль над государственными институтами** («политически мотивированные преследования <...>, направленные против оппозиционных политиков и критически настроенных СМИ», «НПО, занимающиеся продвижением демократии и защитой прав человека, подвергались официальным и неофициальным преследованиям», «использование государственных ресурсов для партийной выгоды, а также стратегическое манипулирования выборами»);

• **неограниченная власть** («способность сетей мобилизовать государственные ресурсы и национальные СМИ наделила каждую из них непререкаемым авторитетом внутри своих сообществ», «партийные лидеры концентрировали власть в руках главы исполнительной власти, подрывая систему сдержек и противовесов и снижая возможности других ветвей власти или гражданского общества по привлечению к ответственности лидеров правящих партий»).

Необычное устройство македонской однопирамидальной патрональной сети сделало ее уязвимой. У Груевского не было полного контроля над однопирамидальной сетью, которая оставалась разделенной между двумя этническими кланами. Поскольку он не был способен преодолеть этот

1 Также см.: *Günay C., Dzihic V.* Decoding the Authoritarian Code: Exercising «Legitimate» Power Politics through the Ruling Parties in Turkey, Macedonia and Serbia // Southeast European and Black Sea Studies. 2016. Vol. 16. № 4. P. 529–549.

раскол, который подпитывался также отдельными электоральными базами двух кланов, он был вынужден смириться с тем, что **в 2016 году коалицию покинул Демократический союз за интеграцию**. Это произошло после скандала из-за прослушки телефонов, которую организовал Груевский. В итоге **страна вернулась к патрональной демократии**, а Груевский был вынужден уйти в отставку[1]. Позже он был приговорен к двум годам тюремного заключения за коррупцию, но избежал наказания, сбежав из страны с помощью венгерских властей, которые предоставили ему политическое убежище в 2018 году[2].

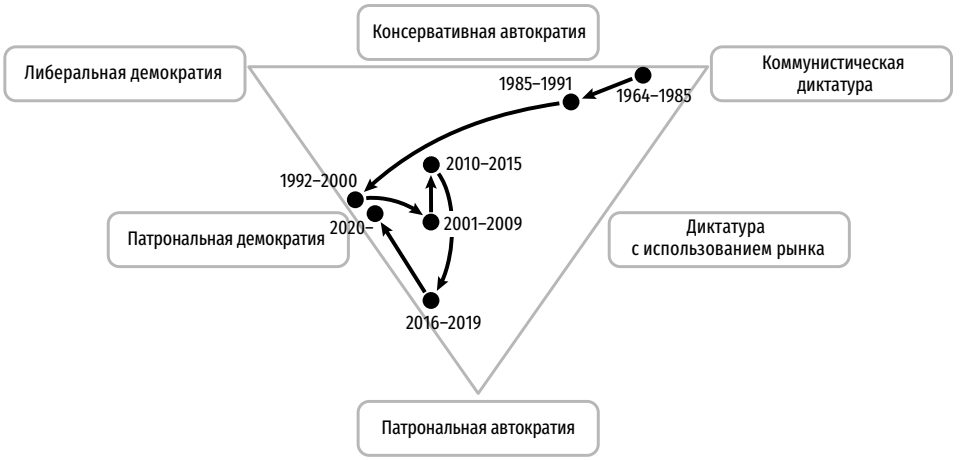
7.3.4.4. Режимная петля и иностранное вмешательство: Молдова

Хотя траектория режима **Молдовы** похожа на другие страны с режимной петлей, ее реальному развитию присущи специфические особенности, указывающие на то, насколько много вариаций могут производить определенные типы режимов на уровне личных сетей. Молдова — это не имеющая собственного выхода к морю постсоветская страна, расположенная между Румынией и Украиной. Она **провозгласила независимость в 1991 году, а первая отчасти успешная попытка построения в ней однопирамидальной сети произошла только в 2001 году**. Хейл отмечает, что, несмотря на то, что у страны было сильное патрональное наследие и даже, по-видимому, доминирующая аграрная / бывшая коммунистическая сеть, в первое десятилетие после транзита не было

1 *Crowther W.* Ethnic Condominium and Illiberalism in Macedonia. P. 754–756.

2 *Walker S.* Anti-Asylum Orbán Makes Exception for a Friend in Need // The Guardian. 20.11.2018. URL: https://www.theguardian.com/world/2018/nov/20/anti-asylum-orban-makes-exception-for-a-friend-in-need; *Balogh E.* Further Thoughts on the Gruevski Affair // Hungarian Spectrum (blog). 17.11.2018. URL: https://hungarianspectrum.org/2018/11/16/further-thoughts-on-the-gruevski-affair/.

Схема 7.23: Смоделированная траектория Молдовы (1964–2020)



построено единой пирамиды. Первому президенту Молдовы Мирче Снегуру (1990–1997) явно не хватало амбиций для создания доминирующей иерархической патронально-клиентарной сети[1], тогда как второй президент, Петр Лучинский (1997–2001), «кажется, проявил гораздо большую волю и имел навыки в патрональной политике <...>, но формальные институциональные изменения [особенно конституция 1994 года, предусматривающая слабые президентские полномочия,] в итоге позволили парламенту отразить его попытки по созданию однопирамидальной системы, а также принятию более сильной президентской конституции»[2]. Соответственно, страна оставалась патрональной демократией, и даже в более или менее доминирующей сети происходили внутренние расколы и отсутствовал четко определенный главный патрон (Схема 7.23).

В 2001 году президентом стал **Владимир Воронин**, а партия его вассалов, Партия коммунистов Республики Молдова, **получила конституционное большинство на парламентских выборах**. Как сообщает Мижеи, «сильный мандат Воронина

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 168–169.

2 Ibid. P. 170.

означал, что, несмотря на конституционные препятствия на пути к сильной президентской власти <...>, **он мог с легкостью начать строительство однопирамидальной системы**. В первую очередь, по примеру Путина в России, он **подрезал крылья первым олигархам**, чтобы они не могли ограничивать его власть. <...> Воронин **создал собственные олигархические кланы**. С сегодняшней точки зрения, самым ловким из олигархов оказался Владимир Плахотнюк. Однако в начале 2000-х он был далеко не самым сильным игроком и фактически стал входить в близкое окружение Воронина только в 2003 году. Плахотнюк приобрел свое влияние, благодаря деловым отношениям с сыном Воронина, которые со временем оказались самым верным средством обеспечения монопольного доступа к бизнес-активам» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1]. Позднее Плахотнюк стал чрезвычайно важной фигурой, добившись положения верховного патрона, а **автократический прорыв, совершенный Ворониным, был аннулирован электоральными средствами** в 2009 году. **Это стало возможным, прежде всего благодаря сильным связям с Западом и его рычагам влияния**. Например, поддержка оппозиции со стороны Европейского союза, среди прочего, помогла непосредственно перед выборами предотвратить закрытие главного телеканала, симпатизирующего оппозиции[2]. В результате иностранного вмешательства страна смогла завершить свою первую режимную петлю и вернуться к конкурентному режиму патрональной демократии.

Уже в этот период Плахотнюк приступил к осуществлению своего плана, который в итоге помог ему стать верховным патроном. Однако его происхождение и способ, с помощью которого он добился этого положения, уникальны для посткоммунистического региона. Во-первых, Плахотнюк не

[1] *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law. P. 541–542.

[2] Ibid. P. 566.

является выходцем ни из старой номенклатуры, ни из определенной этнической группы, ни из экономической сферы. Он **происходит из организованного преступного мира**: до того как попасть в политическую сферу, он был криминальным авторитетом, связанным с многочисленными незаконными видами деятельности, такими как отмывание денег, рэкет и торговля людьми[1]. При Воронине он стал олигархом, захватив контроль над рядом заводов, аэропортов, отелей, а также, среди прочего, над железнодорожными, коммуникационными, медийными и добывающими предприятиями Молдовы[2]. Во-вторых, хотя «главный патрон» — это преимущественно неформальный титул, тот, кто хочет его добиться, становится, как правило, главой исполнительной власти, поскольку эта формальная должность по своим официальным полномочиям больше всего соответствует роли верховного патрона, а также демонстрирует элитным группам его лидирующую позицию[3]. Тем не менее **Плахотнюк стал верховным патроном, не став при этом главой исполнительной власти**, да и вообще не выполнял каких-либо важных государственных функций. На самом деле, был даже момент, когда он выдвигался на должность премьер-министра, но в итоге так и не поднялся выше первого вице-спикера парламента. Тем не менее в контексте рассматриваемых нами стран уникальным является тот факт, что он выстраивал однопирамидальную патрональную сеть неформальными средствами, такими как **компромат и захват государства**, в течение значительного периода времени: он занимался систематическим вымогательством и/или «скупал» политических акторов, значимых для достижения его целей. Используя эти методы, он как полигарх **сумел патронализировать** большое число

1 *Miller A.* Moldova under Vladimir Plahotniuc.

2 Ibid. P. 44.

3 *Hale H.* Patronal Politics. P. 76–82.

автономных акторов, в первую очередь (1) **Демократическую партию Молдовы**, которая вошла в правящую коалицию премьер-министра Владимира Филата после выборов 2009 года, (2) **Конституционный суд** и (3) **главного прокурора**[1]. Плахотнюк использовал эти инструменты, чтобы нейтрализовать своих соперников, особенно Филата, который тоже преследовал олигархические интересы и неоднократно вступал с ним в борьбу, пока в 2015 году прокурор, наконец, не вывел того в наручниках из парламента из-за обвинения в отмывании денег.

В период с 2016 по 2019 год Молдова была патрональной автократией, которую неофициально возглавлял серый кардинал Плахотнюк. С одной стороны, он добился монополизации власти, хотя и не за счет формально полученного конституционного большинства, а благодаря тому, что стал неформальным патроном ключевых людей, которые управляли системой сдержек и противовесов. Финансируя деятельность членов правительства и парламента из своих личных средств, Плахотнюк также в одностороннем порядке добился изменений в избирательной системе, заменив перед выборами 2019 года пропорциональную систему на смешанную. Плахотнюк расширил зону своего контроля на прокуроров, судей и центральную избирательную комиссию, а также на Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, которые стали использоваться для сбора компромата[2]. С другой стороны, Плахотнюк преуспел и в плане личного обогащения. Сара Чейз, участвовавшая в проекте Фонда Карнеги за международный мир, где составляла карту клептократических государств по всему миру, предлагает системный анализ сети Плахотнюка. Она перечисляет составляющие этой сети

1 *Miller A.* Moldova under Vladimir Plahotniuc. P. 52–61; *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law. P. 566–576.

2 *Chayes S.* The Structure of Corruption: A Systemic Analysis // Stubborn Structures. P. 507–530.

следующим образом: (1) правительственные элементы, включая Министерство экономики, которое использовало «таможенные и налоговые проверки для того, чтобы дисциплинировать и наказывать конкурирующие предприятия, а также препятствовать их деятельности»; (2) элементы, принадлежащие к частному сектору, куда входят банки, строительные подрядчики, СМИ, туристические объекты, недвижимость и посредники в сфере коммунальных услуг; (3) криминальные элементы, включая осуществление контрабанды и услуги по отмыванию денег российских сетей; и (4) активные посредники, в том числе многочисленные подставные компании и экономические подставные лица[1]. В нескольких аналитических отчетах есть информация о том, что Плахотнюк использовал власть над судебной системой и прокуратурой для совершения серого и белого рейдерства [▸ 5.5.3.1][2], превращая государство, которое уже стало при нем криминальным, клановым и неопатримониальным, еще и в хищническое. Одним словом, Плахотнюк с успехом создал мафиозное государство.

Однако на выборах **2019 года** ему не удалось набрать абсолютное большинство, тогда как две крупнейшие оппозиционные партии совместно получили достаточное количество мест для достижения конституционного большинства и смещения его людей с ключевых государственных постов. В конце концов они смогли сформировать против него коалицию, которую поддержал даже его протеже президент Игорь Додон, но Конституционный суд признал коалицию незаконной, и Додон был уволен. В этот период казалось, что **мафиозное государство Плахотнюка не подвержено внутренним атакам, но оно, очевидно, ничего не смогло поделать с уязвимостью страны перед иностранным вмешательством**. В этот драматический момент интересы США, Европы и России совпали

1 См. схемы: *Chayes S.* The Structure of Corruption: A Systemic Analysis. P. 2–5.

2 *Miller A.* Moldova under Vladimir Plahotniuc. P. 97–124.

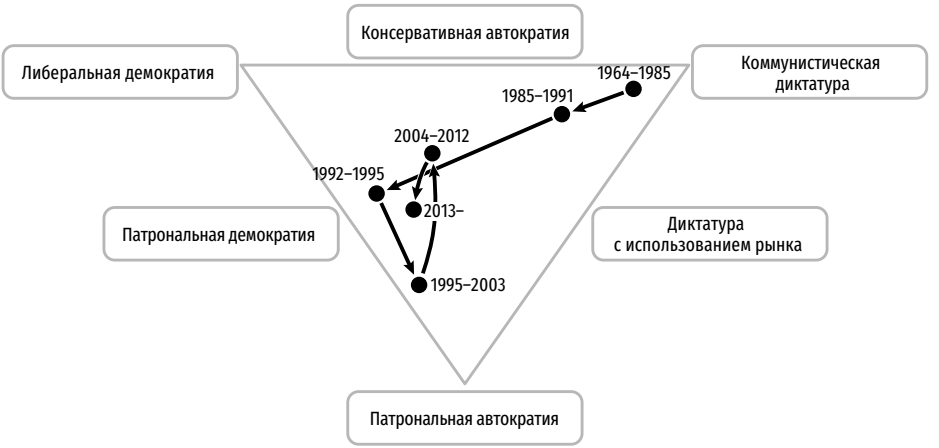
по очень разным причинам[1]. Плахотнюк был вынужден отойти от власти, и ему на смену пришла неожиданная коалиция геополитических и управленческих противников, а именно блок Майи Санду *ACUM* и Партия социалистов президента Додона. Такая расстановка сил оказалась временной, и в ноябре 2019 года коалиция распалась. Президент Додон создал правительство меньшинства, поддерживаемое извне остатками Демократической партии Плахотнюка. До конца неясно, насколько сильно беглый Плахотник все еще контролирует свою партию. Однако демократический прорыв Майи Санду, который был направлен именно на борьбу с мафиозным государством, завершился. По крайней мере, временно. Неизвестно, в каком объеме более патрональный Додон сможет восстановить патрональную пирамиду в условиях международного давления, где европейцы и США активно выступают против реставрации режима, а гражданское общество во время правления Плахотнюка накопило ценный системный опыт. На выборах 2020 года Санду смогла победить действующего Додона, открыв тем самым путь для дальнейшей демократической и, возможно, антипатрональной трансформации. Но чтобы победивший режим Санду стал успешной альтернативой существующему, ему еще предстоит пройти долгий путь.

7.3.4.5. Попытка разорвать режимную петлю: Грузия

Наконец, давайте рассмотрим специфическую траекторию **Грузии** (Схема 7.24). Как и Украина и Молдова, Грузия была республикой в составе Советского Союза до его распада в 1991 году. **После обретения независимости страна пережила несостоятельность государства и гражданскую войну**, которые сопровождались отсутствием закона и порядка, а также

[1] *Solovyov V.* Moldovan Regime Change Is Rare Example of Russian-Western Teamwork // Carnegie Moscow Center (blog). 19.06.2019. URL: https://carnegie.ru/commentary/79333.

Схема 7.24: Смоделированная траектория Грузии (1964–2019)



высоким уровнем уличной преступности и насилия. Чтобы стабилизировать положение в стране, местные полевые командиры Джаба Иоселиани и Тенгиз Китовани пригласили бывшего генерального секретаря партии и министра иностранных дел Советского Союза Эдуарда Шеварднадзе помочь подавить волнения и стать главой государства после военного переворота против действующего на тот момент президента Звиада Гамсахурдии. Формально Шеварднадзе был председателем парламента с 1992 года, а **в 1995 году был избран президентом и тогда же начал создавать однопирамидальную сеть власти в качестве ее верховного патрона**. Хейл отмечает, что уже будучи председателем, Шеварднадзе начал «процесс преобразования своей формальной власти в неформальную. Стремясь победить на следующих выборах, он создал партию, Союз граждан Грузии, которая могла бы служить институциональным механизмом для продвижения его коалиции <...>. Делая акцент на своей лидирующей роли, он также пригрозил уйти в отставку, что побудило парламент (который опасался возможного хаоса) предоставить ему дополнительные формальные полномочия и даже на какое-то время приостановить свою деятельность. <...> Шеварднадзе искал других могущественных союзников и убеждал каждого из них оказывать поддержку его

режиму [, включая] региональный аппарат Аслана Абашидзе в Аджарской автономной республике [и] Министерство внутренних дел Кахи Таргамадзе с его теневой коммерческой деятельностью»[1]. По словам Мижеи, при Шеварднадзе на государственных должностях «работали, как и в большинстве стран СНГ, люди, близкие к Шеварднадзе, включая членов его семьи, которые приобретали монопольные экономические права, в том числе на торговлю нефтью и газом»[2].

Однако Шеварднадзе совершил **лишь автократический прорыв, не добившись автократической консолидации**, то есть во время его правления гражданское общество оставалось очень активным, а СМИ, предприниматели и граждане обладали достаточной автономией. Это создало возможности для первой постсоветской цветной революции, **«Революции роз» 2003 года**, ход которой мы описывали в Главе 4 [▸ 4.4.2.3]. Хотя после революции патронализм никуда не исчез, новое правительство Михаила **Саакашвили предприняло уникальную попытку антипатрональной трансформации**. Разумеется, он не избавился от патронализма на сто процентов, поскольку его поддерживали такие крупные олигархи, как Бидзина Иванишвили. Но после «Революции роз» «Саакашвили совместил <...> подлинную и отважную борьбу с коррупцией и организованной преступностью с либертарианским стремлением снизить сферу охвата и возможности государственного аппарата»[3]. **Очевидно, управляемая идеологией** программа Саакашвили оказалась антипатрональной, потому что она **ослабила систему власти-собственности за счет устранения компонента власти**[4]. Понимая, что

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 152.

2 *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law. P. 547.

3 Ibid.

4 *Saakashvili M., Bendukidze K.* Georgia: The Most Radical Catch-Up Reforms // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 149–163.

власть автоматически пронизана собственностью, а неформальные сети имеют тенденцию захватывать государственные институты, Саакашвили «провел масштабную отмену государственного регулирования, которую не оценили западные партнеры, поскольку им не хватало понимания контекста этих реформ. В 2005–2006 годах Саакашвили предпринял два заметных шага, а именно ликвидировал службу по контролю за качеством продуктов питания и администрацию безопасности дорожного движения, которые вовсе не заботились о безопасности автомобилей и пищевых продуктов, а были просто рассадниками коррупции. <...> Первое впечатление от ликвидации этих не работающих паразитических институтов, а также других учреждений было шоковым, и эти меры часто рассматривались международными партнерами как „чрезмерные“ и даже „противоречащие здравому смыслу“. По сути, именно этот радикализм был движущим фактором реформ, которые вызвали реальные, а не только косметические перемены»[1]. Кроме того, «власти безжалостно относились к преступности и коррупции. Приговоры были суровыми, а количество заключенных росло. Все эти меры были критически важны для разрушения тех условий, в которых криминальное государство могло бы сохраняться вечно. Они давали понять, что в государстве проводится политика полной нетерпимости по отношению к преступности и коррупции»[2]. Помимо этого, реформы позволили снизить коррупцию и протекцию для корешей на свободном рынке [▸ 5.3.2.2], особенно при взаимодействии с государственной бюрократией, системой образования и здравоохранения, с правоохранительными органами и судебной системой[3].

1 *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law. P. 550.

2 Ibid. P. 548.

3 *Aliyev H.* The Effects of the Saakashvili Era Reforms on Informal Practices in the Republic of Georgia // Studies of Transition States and Societies. 2014. Vol. VI. № 1. P. 19–33.

В то же время **антипатрональная трансформация**, которая не состоялась в полной мере, поскольку Иванишвили все еще сохранял влияние в государстве, **не сопровождалась демократической трансформацией**, что привело к последующему **переходу к консервативной автократии**. По сообщению Мижеи, «в этот период не произошло <...> четкого разделения на исполнительную и судебную власть, что является ключевым компонентом верховенства закона. <...> Плюрализм в СМИ пострадал в 2007 году после дела телекомпании „Имеди", когда полиция применила силу для разгона демонстрации, затем правительство приказало закрыть телеканалы „Имеди", а полиция повредила оборудование в их центральной студии. [Бизнесменов], связанных с предыдущим режимом, часто сажали в тюрьму и отпускали после того, как они обещали заплатить. На тот момент эта процедура была исключительно неформальной и даже могла быть оправдана насущными финансовыми потребностями нового революционного государства. Однако этому произволу так и не был положен конец. <...> Саакашвили <...> думал, что таким образом они смогут сократить путь к реформированию государства»[1]. На начальном этапе судебные реформы Саакашвили привели к такой централизации власти, что президент лично председательствовал в совете судей, и хотя они были продиктованы не только корыстными интересами, но и необходимостью реакции на местную специфику организованной преступности, в итоге они все равно стали источником значительных злоупотреблений властью[2].

Конкурентный авторитарный режим **Саакашвили в конечном счете был аннулирован самим Иванишвили в 2012 году, который вернул страну в отчасти патрональное положение**[3].

1 *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law. P. 547–555.

2 *Dubrovskiy V. et al.* Six Years of the Revolution of Dignity. P. 33.

3 *Hale H.* Patronal Politics. P. 208–210.

Как отмечает Мижеи, ситуация, при которой в результате выборов произошла мирная передача власти от Саакашвили и его партии «Единое национальное движение» (ЕНД) к оппозиции, довольно редкое явление в постсоветском патрональном мире[1]. Когда Саакашвили превратился в непопулярную хромую утку, в Грузии, по мнению Хейла, можно было наблюдать «ярко выраженную конкуренцию пирамид»[2]. По-видимому, ситуация изменилась, когда, после того как избирательная система стала более мажоритарной, правящая партия «Грузинская мечта» в 2016 году получила конституционное большинство. Однако на конец 2019 года **за этим не последовало ни автократической консолидации, ни явной попытки создать однопирамидальную патрональную сеть**. Интенсивность конкуренции и многочисленные протесты (ставящие под сомнение легитимность режима) говорят скорее о патрональной демократии, чем об автократии[3]. Кроме того, трехступенчатая реформа судебной власти (2012–2019) повысила ее прозрачность и независимость, изменив правила перевода судей из одного суда в другой и создав электронную систему случайного распределения дел[4]. Несмотря на критику со стороны гражданского общества[5],

1 *Mizsei K.* The New East European Patronal States and the Rule-of-Law. P. 559. О том, почему это редкость, см. Главу 4 [▸ 4.3.3.2].

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 212. Также см.: *Radnitz S.* In Georgia, Two Machines Are Better Than One.

3 *Nikoladze T.* Protests in Tbilisi Continue after Dispersal — Demonstrators Plan to Disrupt Parliament. 20.11.2019. URL: https://jam-news.net/protests-in-tbilisi-continue-after-dispersal-demonstrators-plan-to-disrupt-parliament/; *Genin A.* Georgian Protests: Tbilis's Two-Sided Conflict // The California Review. 25.07.2019. URL: https://calrev.org/2019/07/25/russian-impiety-georgian-riots/.

4 *Oniani E.* Towards Strengthening the Rule of Law through Independent Judiciary: Georgian Experience: presented at the «Partners in Eastern Europe: Multiple Crossroads» Conference. Budapest, 09.12.2019.

5 *Abashidze A.* et al. The Judicial System: Past Reforms and Future Perspectives // Tbilisi: Coalition for Independent and Transparent Judiciary, 2017. URL: http://coalition.ge/files/the_judicial_system.pdf.

а также на то, что правительство использует грубую популистскую риторику, демонизирующую Саакашвили[1], вышеупомянутые реформы указывают на шаги в направлении нормативности, а не к расширению сферы дискреционности, что было бы более типично для актора, обладающего квалифицированным большинством.

1 *Chkhikvadze A.* Georgian Dream's Pyrrhic Victory // The American Interest (blog). 18.12.2018. URL: https://www.the-american-interest.com/2018/12/18/georgian-dreams-pyrrhic-victory/.

7.4. ЗА РАМКАМИ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЖИМА: ОСОБЕННОСТИ СТРАН И ПОЛИТИКИ

Одиннадцать измерений, о которых шла речь в **Части 7.2, отражают только особенности режимов**. Это означает, что они представляют собой аналитические аспекты, присущие исключительно режимам, то есть институционализированному набору фундаментальных правил, структурирующих взаимодействие в центре политической власти и ее взаимоотношения с обществом в целом [▸ 2.2.1]. Проще говоря, **особенности режима какой-либо страны указывают на власть и автономию** и отвечают на следующие вопросы: (1) какие акторы обладают или не обладают властью и/или автономией с своей сфере социального действия; (2) каков характер этой власти и автономии; (3) каково устройство государства, в котором сосуществуют обладатели автономии и власти; и (4) каким образом сохраняется это устройство, то есть как обеспечивается стабильность режима [▸ 6.3]. Следовательно, особенности режима — это те свойства, с учетом которых можно определить режим. Именно таким образом мы определили шесть режимов идеального типа, то есть для каждого из них потребовалось однозначно указать все одиннадцать измерений (в дополнение к основным определениям режимов Корнаи).

Взяв режим за точку отсчета, мы можем рассматривать особенности режима как **эндогенные факторы, а то, что из них следует, как эндогенную (внутреннюю) логику и динамику режимов**. В Частях 4.4, 5.6 и 6.2 мы попытались зафиксировать, как такие черты, как патрональность управления, множественность сетей власти или доминирующая форма собственности, формируют определенный тип функционирования

режима или конкретную конфигурацию социальной деятельности, в которой участвуют акторы идеального типа, населяющие эти режимы [▸ 3]. Однако иллюстративные очерки в Части 7.3 **демонстрируют два момента: (1) одиннадцать измерений не могут охватить всю совокупность признаков страны**, а значит, в истории каждого существующего режима было множество обстоятельств, которые ни одно из этих измерений не отражает, несмотря на то, что эти обстоятельства по-прежнему играют важную роль в определении траектории соответствующего режима; и поэтому (2) **динамика некоторых режимов не является следствием одиннадцати измерений**, а вытекает из таких факторов, как иностранное вмешательство и этнические расколы, которые невозможно учесть в рамках диапазона особенностей режима.

Чтобы восполнить этот пробел, мы переходим от особенностей режима и эндогенных факторов к **экзогенным факторам**. Они описывают «остальную часть политической единицы» или, точнее, внутренние и международные условия, в которых существует режим. Среди экзогенных факторов можно выделить две группы:

- **особенности страны**, которые связаны с ее (1) культурой, включая национальные и этнические противоречия, (2) историей, включая размеры страны и долговечность номенклатуры в целом и спецслужб в частности, и (3) природные богатства, включая природные ресурсы и географическое положение (и, соответственно, геополитическое положение);
- **особенности политики**, то есть конкретное содержание и (количественно измеримые) последствия политики, проводимой конкретным режимом.

Эти особенности могут влиять на соотношение власти и автономии, то есть на внутреннюю логику режима, но они сами не представляют собой это соотношение, которое проявляется в таких чертах, как патрональность управления или плюрализм сетей власти. Следовательно, аналитически их

стоит отделять от особенностей режима, чтобы можно было увидеть его фундаментальный характер и то, как он изменяется в зависимости от особенностей страны и политики.

Фактически значительная часть существующей литературы посвящена особенностям стран, а раскрытие конкретных причин возникновения тех или иных свойств каждой из посткоммунистических стран могло бы занять несколько отдельных книг. Однако в рамках нашей концептуальной структуры достаточно **определить некоторые важные специфические для страны параметры, по которым можно анализировать посткоммунистические страны с одним и тем же типом режима.** Эти параметры могут существовать в любом из шести режимов идеального типа и влиять на его функционирование, хотя мы уделяем особое внимание их влиянию на патрональные режимы, поскольку они наиболее распространены в посткоммунистическом регионе.

Внимательный читатель может заметить, что мы не впервые рассматриваем специфику стран. Помимо различных отсылок к ним на протяжении всей книги, мы посвятили особенностям стран большую часть Главы 1, где приводили аргумент жестких структур и описывали три исторических региона бывшей советской империи. И все же важно провести различие между той главой и тем, о чем пойдет речь далее. В Главе 1 основное внимание уделялось развитию специфических особенностей режима, то есть тому, почему определенные регионы были более склонны к формированию определенных типов режимов. Теперь же наша основная задача заключается в том, чтобы объяснить, чем страны с одинаковыми особенностями режима отличаются. Если использовать простую метафору, то в Главе 1 мы доказываем, почему объекты нашего исследования стали кошками или собаками, а в последующем изложении мы делаем акцент на том, что отличает чихуахуа от немецких догов. Теперь нам в первую очередь важны «внутривидовые различия», а не то, почему объект

является представителем какого-то вида. И хотя варианты одного и того же режима могут значительно различаться, их различия не делают их представителями разных видов. Например, страна может быть патрональной автократией как с небольшой территорией, так и с большой, или страна с патронально-демократическим режимом может быть как отстающей, так и иметь стабильную, успешную экономику.

7.4.1. Этнические противоречия как источник плюрализма и беспорядков

Самый базовый вариант **политики идентичности**, которую мы обсуждали в предыдущей главе [▸ 6.4.2], — это политика **этнической идентичности**. В широком понимании слово «этнический» — это идентичность, основанная на общем происхождении, языке, культуре или национальности [▸ 3.6.2.1]. Что касается политики этнической идентичности, то ее суть та же, что и у популизма: разделение на **«мы» и «они»**, то есть тех, кто входит, и тех, кто не входит в группу[1]. Однако раскол, который возникает в результате этого разделения не обязательно носит манихейский и однонаправленный характер, а члены этнической группы не всегда воспринимают взаимодействие с другими группами как игру с нулевой суммой. Эти группы, составляющие политику этнической идентичности, должны соответствовать одному или обоим из следующих двух критериев: (a) **этническая принадлежность обладает объединяющим свойством на уровне элит**, то есть некоторые фракции связывают политических акторов по этническому принципу, и/или (b) **этническая принадлежность является источником массовой мобилизации**, что означает, что значительная часть населения страны эмоционально привязана

[1] Пример метаанализа см.: *Varshney A.* Ethnicity and Ethnic Conflict // The Oxford Handbook of Comparative Politics. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 274–294.

к некой этнической общности и даже готова жертвовать своими личными интересами в пользу интересов этой группы[1].

При определении аналитических параметров давайте прежде всего обратимся к **внутренним аспектам** этнической политики. Этническим противоречиям и их влиянию на политику посвящено огромное количество литературы. В частности, большое внимание уделяется их пагубным последствиям для демократии, которая должна основываться на процессе мирного публичного обсуждения и человеческом достоинстве [► 4.2.2][2]. Однако в коммунистических диктатурах в отношении многих из существовавших ранее этнических групп использовалась смешанная стратегия, включающая (1) репрессии и (2) административное разделение в рамках федеральной структуры, если этническая группа была привязана к четко обозначенной территории (как, например, словенцы в Югославии, словаки в Чехословакии и абхазы в Грузинской Советской Социалистической Республике)[3]. **Первым аналитическим измерением** политики этнической идентичности в посткоммунистическую эпоху является вопрос о том, **распались ли этнически разделенные страны после смены режима**. Случаи, когда это произошло, можно классифицировать по трем признакам: (a) привел ли распад к образованию новых стран или к административно отделенным этническим анклавам; (b) был ли распад мирным и признан обеими сторонами

1 *Way L.* Pluralism by Default. P. 18–21. Также см.: *Berezin M.* Emotions and Political Identity: Mobilizing Affection for the Polity // Passionate Politics: Emotions and Social Movements. Chicago; London: University Of Chicago Press, 2001; *Beissinger M.R.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

2 Фундаментальные работы на эту тему см.: *Horowitz D.L.* The Challenge of Ethnic Conflict: Democracy in Divided Societies // Journal of Democracy. 1993. Vol. 4. № 4. P. 18–38; *Snyder J.L.* From Voting to Violence*:* Democratization and Nationalist Conflict. Norton, 2000.

3 Обзор подобных случаев см.: *King P., Rupesinghe K., Vorkunova O., eds.* Ethnicity and Conflict in a Post-Communist World: The Soviet Union, Eastern Europe and China. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1992.

или нет; (c) произошел ли распад в соответствии с границами прежней федеральной структуры или как-либо иначе. Республики Советского Союза отделились мирно, образовав новые страны, границы которых соответствовали существовавшим ранее границам союзных республик. Распад Югославии также привел к появлению новых стран по образцу существовавших ранее территориальных подразделений, но этот распад произошел насильственным образом. Сербия представляет собой сразу два случая выхода территории из состава государства: тот, который был принят обеими сторонами (Черногория), и совершенный в одностороннем порядке (Косово), тогда как Молдова и Босния и Герцеговина представляют собой случаи формирования этнических анклавов (Приднестровье и Республика Сербская, соответственно). В каждом из этих случаев цель выхода из состава государства помимо формирования нации заключалась в создании этнически более или менее однородных единиц, политическая жизнь которых в меньшей степени зависела бы от этнических противоречий.

В странах, где распада не случилось, этнические разногласия продолжали существовать, и вокруг них формировались патронально-клиентарные сети или, точнее, **этнические кланы** [▸ 3.6.2.1], которые через партии патронов становились постоянными участниками политической жизни страны [▸ 3.3.7]. Этот факт позволяет нам выделить **второе аналитическое измерение**, а именно: **доминируют ли этнические кланы в политическом ландшафте или нет**. Например, венгерское меньшинство в Румынии (и партия Демократический союз венгров Румынии) является, по сравнению с крупными патрональными сетями, второстепенным игроком, но при этом сохраняет свои позиции и балансирует между ними, поддерживая то одну, то другую сеть в коалициях в функционально когерентной манере, без идеологической приверженности[1]. Однако

[1] *Magyari L.* The Romanian Patronal System of Public Corruption.

в посткоммунистических странах советской Средней Азии можно наблюдать то, что Кэтлин Коллинз ярко описывает как «**клановую политику**», когда в патрональных режимах доминируют этнические кланы[1]. В таких странах возникает **третье аналитическое измерение**, а именно: **наличие кланового пакта**, то есть неформального соглашения, стабилизирующего отношения между кланами. По мнению Коллинз, такие пакты чаще всего заключаются, когда «(1) общая внешняя угроза побуждает к сотрудничеству кланы, у которых в противном случае были бы обособленные интересы; (2) расстановка сил между основными клановыми фракциями такова, что ни один из них не может доминировать; и (3) легитимный посредник, то есть лидер, которому доверяют все фракции, берет на себя роль сохранения пакта в силе и распределяет в соответствии с ним ресурсы»[2]. Коллинз убедительно показывает, что после транзита клановые пакты были необходимы для создания стабильного режима в советской Средней Азии, а их отсутствие там, где они не были заключены, например в Таджикистане, вызвало гражданскую войну. Однако в православном историческом регионе, в странах, где была клановая политика, например в Украине, отсутствие клановых пактов не привело к этнической гражданской войне во время смены режима. Скорее, на смену периоду олигархической анархии пришел период развития патрональной демократии [▸ 4.4.2, 7.3.4.2][3].

Если клановый пакт присутствует, возникает **четвертое аналитическое измерение, касающееся того, стабилизирует ли пакт одно- или мультипирамидальную патрональную сеть**. Ярким примером **последнего из этих двух случаев является Кыргызстан**, для которого была характерна «относительно либеральная политическая среда, экономическая

1 *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia.

2 Ibid. P. 50.

3 *Minakov M.* Republic of Clans.

автономия региональных патронально-клиентарных сетей, борьба между северными и южными элитами»[1] и огромное количество нейтральных местных племен, которые подталкивали режим к парламентскому способу ведения коллективных переговоров[2]. Среди **клановых пактов в условиях однопирамидальной структуры** можно обнаружить различия в их эффективности и продолжительности. В **Узбекистане** пакт был заключен во время транзита, и продолжал существовать, пережив даже смерть верховного патрона Каримова[3]. Однако в **Македонии** под руководством Груевского клановый пакт между албанскими и этническими македонскими кланами был заключен после транзита, по сути, после короткой этнической гражданской войны в 2001 году, и в итоге страна распалась именно в соответствии с границами первоначального этнического раскола [▸ 7.3.4.3].

Клановые пакты в условиях однопирамидальной сети служат контрпримером утверждению Лукана Вэя о том, что поляризованные этническо-националистические разногласия подрывают сговор элит и приводят к «плюрализму по умолчанию»[4]. Тем не менее Вэй прав в том, что **в отсутствие такого кланового пакта этнические разногласия могут помешать консолидации однопирамидальных патрональных сетей.** После автократического прорыва оппозиционные партии могут противостоять правительству только в том случае, если у них есть активное, ставящее под сомнение легитимность режима сообщество избирателей [▸ 4.3.2.1]. Если среди людей нет сильных оппозиционных настроений, оппозиция должна их выстраивать, что требует проведения кампаний и доступа к СМИ. При этом верховный патрон может иметь

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 194.

2 Подробнее о мультипирамидальной патрональной сети Кыргызстана см. Схемы B.1–8: *Chayes S.* The Structure of Corruption: A Systemic Analysis.

3 *Hale H.* Patronal Politics. P. 242.

4 *Way L.* Pluralism by Default. P. 20–21.

возможность отказать им в этом посредством все возрастающего доминирования в сфере коммуникации [▸ 4.3.1.2]. Однако, как утверждает Вэй, этнический раскол в сочетании с потенциалом массовой мобилизации уже содержит в себе оппозиционные настроения, которые можно использовать против возникновения единой пирамиды[1].

В то же время Вэй обращает внимание на закономерность, согласно которой «горячие споры по поводу идентичности и культуры <...> редко остаются в пределах внутренних границ. Следовательно, из-за них страны могут быть больше подвержены внешнему давлению. За счет обращения к более широкому геополитическому контексту поляризованный раскол между русофильскими и нерусофильскими группами на постсоветском пространстве открыл возможности для давления со стороны как России, так и Запада»[2]. И здесь мы подходим к рассмотрению **внешних аспектов**. Наш главный вопрос в контексте этнических разногласий заключается в том, **является ли определенное этническое меньшинство (a) эмоционально привязанным к метрополии, которая (b) проявляет геополитическую активность, или нет.** Особенно это касается **русских меньшинств** в православном историческом регионе[3]. В **Украине** русское меньшинство, проживавшее в советскую эпоху в промышленных зонах, занимало привилегированное положение, что сейчас стало предметом ностальгии в стране, которая является одной из самых бедных

1 Ibid. P. 19–20.

2 Ibid. P. 21.

3 Исламский исторический регион характеризовался наличием относительно небольшого количества этнических русских и, соответственно, небольшого количества православных христиан (в Казахстане была самая большая доля этнических русских среди стран Центральной Азии, но эта доля снизилась с 37 до 26% от общей численности населения между 1989 и 2007 годами). См.: *Peyrouse S.* The Russian Minority in Central Asia: Migration, Politics, and Language // Kennan Institute Occasional Papers. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2008. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/OP297_russian_minority_central_asia_peyrouse_2008.pdf.

в Европе. Помимо языка и соответствующих внешнеполитических предпочтений, экономическая ностальгия оказалась, вероятно, одним из факторов, сделавших возможной гибридную войну в Донбассе, а также экспансионистскую геополитику Российской Федерации[1].

Другим примером региона, в котором русское меньшинство повлияло на функционирование режима в конкретной стране, являются **страны Балтии**. Если взять для примера Эстонию, то хотя она и представляет собой образец перехода к либеральной демократии без демократического отката, после транзита значительная часть русского меньшинства в этой стране была исключена из избирательного права. Прибалтийские страны решали проблему поддерживаемого извне этнического раскола именно так: исключая соответствующее меньшинство из политической жизни[2]. Ситуация изменилась, когда эти государства выразили заинтересованность во вступлении в Европейский союз, который требовал соблюдения равноправия[3]. Тем не менее Эстонии удалось осуществить «кооптацию на национальном уровне» своего русского меньшинства: вместе с постепенным расширением его прав привязанность к своей метрополии постепенно исчезла. Это стало возможным благодаря экономическому развитию Эстонии, которое, в отличие от экономического положения Украины, ослабило почву для ностальгии по Советскому Союзу среди эстонских русских. Таким образом, новая балтийско-русская идентичность, в основе которой лежит успех страны, пришла на смену российской имперской идентичности.

1 *Kuzio T.* Russia–Ukraine Crisis: The Blame Game, Geopolitics and National Identity // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. № 3. P. 462–473.

2 Подробнее о современной политике Эстонии см.: *Vetik R.* Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia // Journal of Peace Research. 1993. Vol. 30. № 3. P. 271–280.

3 *Galbreath D.* The Politics of European Integration and Minority Rights in Estonia and Latvia // Perspectives on European Politics and Society. 2003. Vol. 4. № 1. P. 35–53.

7.4.2. Глубинное государство и коммунистические спецслужбы

В каждом независимом государстве есть свои спецслужбы, и характер их лояльности в трех режимах полярного типа различен [▸ 3.3.6]. Однако ситуация, когда **организации, занимающиеся вопросами национальной безопасности, начинают действовать как глубинное государство**, — это явление, присущее именно стране. Под «глубинным государством» мы подразумеваем развитую автономную сеть разведывательных органов, которая выполняет неформальные задачи, действуя либо вместе с существующими (патрональными) сетями, либо против них[1]. Иными словами, спецслужба может стать неформальной автономной единицей, «государством в государстве» или в некоторых посткоммунистических странах — скорее «мафией внутри мафии». Наличие этого явления и его динамика в значительной степени зависят от множественности сетей власти, поэтому оно действительно существует в контексте взаимосвязи власти и автономии. Причина, по которой мы рассматриваем **глубинное государство** как особенность страны, заключается в том, что **не существует такого типа режима, который обязательно подразумевает его наличие, и при этом оно может существовать в нескольких типах режимов**. Более того, существование глубинного государства и его роль **во многом зависят от исторического прошлого страны**, особенно от способа транзита и формальных полномочий, предоставленных спецслужбам после смены режима.

В коммунистических диктатурах секретные службы не были независимы от партии-государства [▸ 3.3.6]. Напротив, они были важными инструментами партии в плане сбора

1 Более общее определение глубинного государства см.: *O'Neil P.H.* The Deep State: An Emerging Concept in Comparative Politics // SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2017.

военных и разведывательных данных, поддержания политического контроля и осуществления внутренних репрессий и даже тайной торговли оружием и технологиями. Такие организации, как КГБ в Советском Союзе, *ŠtB* в Чехословакии или Секуритате в Румынии, образовывали обширные сети, которые буквально пронизывали государство и общество. **Знания и социальный капитал, которыми обладали члены этих сетей**, после смены режима **могли быть преобразованы в политический и экономический капитал**. Мы уже упоминали о рынке компромата, который возник в частности в России в 1990-х годах и который позволял извлекать выгоду из собранных разведданных [▸ 4.3.5.2]. Фактически информация о том, что кто-то был завербован спецслужбами, сама по себе являлась одной из разновидностей компромата, особенно в тех демократических режимах, где люстрация не проводилась совсем или проводилась лишь частично[1]. По большому счету отдельные лица могли различными способами использовать накопленный социальный капитал также и в отношении зарубежных стран, но конкретный вопрос, который рассматривается в данной части, — это **сохранение жизнеспособности коммунистических спецслужб в качестве сети, существующей внутри страны**. В некоторых странах сохранившиеся спецслужбы породили не глубинное государство, а государство как таковое, то есть новую правящую элиту. Примером этому служит Азербайджан и Гейдар Алиев, который стал верховным патроном, сделав карьеру в КГБ[2], а также Россия

[1] *Szczerbiak A.* Dealing with the Communist Past or the Politics of the Present? Lustration in Post-Communist Poland // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. № 4. P. 553–572; *Horne C.* Late Lustration Programmes in Romania and Poland: Supporting or Undermining Democratic Transitions? // Democratization. 2009. Vol. 16. № 2. P. 344–376; *Ungváry K.* A Szembenézés Hiánya: Felelősségrevonás, Iratnyilvánosság És Átvilágítás Magyarországon 1990–2017 [Отсутствие конфронтации: судебное преследование, доступ к документам и люстрация в Венгрии 1990–2017 годов]. Budapest, 2017.

[2] *Hale H.* Patronal Politics. P. 149–151.

и Путин с его силовиками[1]. По мнению Петрова, Путин задался целью назначить «на руководящие должности государства сотрудников ФСБ и других спецслужб так, чтобы они имели численное превосходство», а также заимствовал у них «[соответствующие] кодексы и нормы поведения»: «стремление к контролю и контролю над теми, кто контролирует, а не к прозрачности; разжигание и поддержание конфликтов внутри корпоративного руководства и между корпорациями; усиление многочисленных вертикалей, катализируемое отсутствием горизонтальных связей и доверия»[2]. В случае Азербайджана или России в самой основе однопирамидальной патрональной сети страны лежит трансформированная секретная служба, в результате чего она остается особой, отличающейся с точки зрения управления ветвью приемной политической семьи (номенклатурный клан [▸ 3.6.2.1, 3.3.5]).

В странах, где своего рода глубинное государство возникло, спецслужбы смогли сохраниться за счет **преемственности кадров в только что созданных спецслужбах** освобожденных стран[3]. Украина является хорошим примером такой преемственности: хотя на смену украинскому отделению КГБ пришла Служба безопасности Украины (СБУ), по оценкам экспертов, 35% сотрудников СБУ были бывшими специалистами КГБ, которые прошли обучение в Москве и сохранили с ней контакты[4]. В основе **глубинного государства, которое может быть сформировано как неформальное расширение формальных полномочий спецслужб** лежат накопленные знания и социальный капитал. Анализ

1 *Viktorov I.* Russia's Network State and Reiderstvo Practices. P. 445–447.

2 *Petrov N.* Putin's Neo-Nomenklatura System and Its Evolution. P. 197.

3 *Knight A.* Spies without Cloaks: The KGB's Successors. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997; *Williams K., Deletant D.* Security Intelligence Services in New Democracies: The Czech Republic, Slovakia and Romania. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2000.

4 *Anderson J., Albini J.* Ukraine's SBU and the New Oligarchy // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence. 1999. Vol. 12. № 3. P. 282–324.

глубинного государства можно проводить в соответствии с четырьмя признаками:

1. Эффективность сети. Поскольку спецслужба в процессе транзита часто теряла свое формальное центральное положение, она теряла и свои возможности. Глубинное государство могло развиваться парралельно с восстановлением власти секретной службы либо с помощью (a) формальных средств, что предполагало значительный формальный мандат новой организации (как, например, в Украине, где СБУ занимается экономическими преступлениями, которые рассматриваются как «вопросы национальной безопасности»), либо (b) неформальными средствами, то есть через использование накопленного социального капитала, позволяющего назначать своих агентов на важные должности, а также компромата, позволяющего контролировать формальных политических акторов при помощи шантажа и угроз. Кроме того, следует упомянуть стройность сети, в рамках которой иерархию глубинного государства можно оценить по шкале, на одном конце которой будет строгий, почти военный порядок, а на другом — бессистемный набор конкурирующих групп и отделов.

2. Мотивы сети. Акторы глубинного государства могут использовать свою власть для достижения экономических и политических целей. В некоторых случаях формальные и неформальные полномочия глубинного государства используются для вымогательства денег у людей путем шантажа. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что именно таким образом были накоплены существенные частные состояния, обеспечивающие роскошный образ жизни, но все же не столь значительные, как богатство олигархов и верховных патронов в однопирамидальных системах. В других случаях глубинное государство ввязывалось в политику, в связи с чем оно могло действовать как (a) политический снабженец, то есть неофициально предлагать свои услуги заинтересованным

патрональным сетям (как, например, в Венгрии до 2010 года)[1], либо как (b) политический управляющий, то есть использовать имеющиеся у него инструменты, чтобы влиять на процесс выработки политики и назначения на ключевые посты, а также сажать на трон и свергать политических акторов, преследуя неформальные цели (как, например, в Румынии)[2].

3. Автономия сети. Положение глубинного государства аналогично положению автономных олигархов. Это значит, что (a) в мультипирамидальной сети оно может сохранять относительную автономию, поддерживая хотя и не равные[3], но хорошие отношения с конкурирующими сетями, избегая при этом подчинения какой бы то ни было из них, тогда как (b) в однопирамидальной сети оно может быть временно упорствующим или иметь позитивное (как приемный олигарх), негативное (как олигарх-конкурент) или нейтральное (как олигарх-попутчик) отношение к верховному патрону, но в итоге оно потеряет свою автономию, если единая пирамида консолидируется [▸ 3.4.1.3]. Так, именно патрональная конкуренция позволила глубинному государству функционировать в Украине и Румынии, тогда как в Венгрии с 2010 года служба безопасности была не автономным политическим снабженцем, а клиентской организацией.

4. Приватизация сети. Глубинное государство обычно задействует государственную службу безопасности, но иногда частные агентства тоже могут принимать участие в его работе. Примером этому может служить Венгрия, где патрональная сеть Орбана в большинстве случаев полагалась на такие услуги. На самом деле, установление контроля над секретными службами было ключевым вопросом для «Фидес» с самого

1 *Széky J.* Bárányvakság [Дневная слепота]. P. 232–249.

2 Mungiu-Pippidi. Explaining Eastern Europe.

3 Ср.: *Kuzio T.* Russianization of Ukrainian National Security Policy under Viktor Yanukovych // The Journal of Slavic Military Studies. 2012. Vol. 25. № 4. P. 558–581.

начала. Еще в 1990 году в обмен на поддержку либерально настроенного Габора Демски на выборах на пост мэра Будапешта «Фидес» выторговала себе его прежнюю позицию в парламенте, а именно пост председателя комитета по национальной безопасности. До середины первого десятилетия 2000-х годов «Фидес», даже находясь в оппозиции, использовала свое положение, чтобы обеспечить влияние на аппарат государственной безопасности. Однако в 2006 году правящие социалисты прекратили практикуемые службами «отчеты в обе стороны» (которые до тех пор были обычным делом), — то есть одновременное информирование и социалистов, и «Фидес», — что привело к серьезным конфликтам между двумя политическими партиями. Это повысило в глазах «Фидес» ценность частных фирм, занимавшихся сомнительной деятельностью по секретному сбору информации, таких как ЗАО *UD*, которое ведущий венгерский экономический еженедельник охарактеризовал как «частную секретную службу, занимавшуюся организацией партийных путчей»[1]. После того как «Фидес» в 2010 году вернулась во власть, работавшие в *UD* отставные сотрудники секретных служб были снова приглашены на работу уже в официальные органы безопасности. Однако начиная с 2010 года министр внутренних дел Шандор Пинтер осуществляет надзор уже не только над полицией, но и над секретными службами, что означает отмену принятого в ходе смены режима символического решения о разделении этих двух организаций. Эта отмена свидетельствовала о приручении бывшего глубинного государства и превращении его в службу безопасности патрона [▸ 3.3.6].

Подводя итог, можно сказать, что глубинное государство может существовать как стабильное, относительно автономное политическое образование, если оно наделено как

[1] Nem ártatlannak való vidék [Невиновным тут не место] // hvg.hu. 23.01.2013. URL: https://hvg.hu/velemeny.nyuzsog/20130123_Nem_artatlannak_valo_videk.

формальными, так и неформальными полномочиями, и если оно существует в конкурентном режиме. Теоретически это может быть и либеральная демократия, где влияние глубинного государства считается покровительственным вмешательством, противоречащим конституционным принципам[1]. Однако **в патрональных демократиях, например в Румынии, глубинное государство — это лишь одна из неформальных сетей**, которая сосуществует с другими неформальными патрональными сетями. Главное отличие между ними в том, что у глубинного государства нет формальной партии, и оно ведет свою деятельность как бы на заднем плане. При этом в патронально-автократических государствах региона глубинного государства либо не существует, поскольку оно стало устойчивым номенклатурным элементом приемной политической семьи, либо оно встроено в иерархию, маргинализировано или ликвидировано.

7.4.3. Размер стран и глобальные амбиции бывших империй

7.4.3.1. Пересмотр стратификации однопирамидальных патрональных сетей

Размер территории и население страны сильно влияют на характер однопирамидальной системы в режимах. Такие системы должны контролировать всю страну, а для создания единой пирамиды верховный патрон должен прежде всего иметь возможность распоряжаться важными акторами, статусами и ресурсами на территории страны [▸ 4.4.3]. Для этого требуется способность не только контролировать территорию, с точки зрения государственной состоятельности, но и следить за деятельностью внутри патрональной сети. Чем крупнее страна и чем больше ее население, тем выше затраты

1 *O'Neil P.H.* The Deep State. P. 4–6.

на этот контроль и тем сложнее верховному патрону напрямую следить за деятельностью клиентов.

Мы уже касались этого вопроса в Главе 2, когда рассматривали понятия **одноуровневых и многоуровневых единых пирамид** [▸ 2.2.2.3]. «Уровень» в этом контексте означает уровень полномочий, при котором патрон может управлять поведением своих клиентов и напрямую контролировать его. Уровень также включает в себя степень автономии, что означает, что патрон может беспрепятственно отдавать распоряжения клиентам в дозволенных пределах без вмешательства патрона более высокого уровня.

Для режимов, обладающих не такими обширными территориями и менее многочисленным населением, характерны одноуровневые единые пирамиды. Это не значит, что в патрональной сети отсутствует стратификация, ведь в них (как и в любой посткоммунистической патрональной сети) есть субпатроны, которые конкурируют между собой. Но у них нет территории или региона, которыми они управляли бы с относительной долей автономии. Вместо этого вся полнота контроля сосредоточена в руках верховного патрона. Хорошим примером такого устройства является патрональная автократия **Венгрии**[1]. Верховные патроны одноуровневых единых пирамид напрямую контролируют собственное государство, поскольку им не нужно балансировать между относительно автономными региональными субпатронами[2].

Необходимость балансировать возникает в **многоуровневых единых пирамидах, которые появляются в странах, территории которых настолько велики, что затраты на прямой контроль были бы слишком высокими**. Очевидным примером здесь является Россия, где в единой пирамиде Путина

[1] *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 86–125.

[2] Ср.: Там же. С. 95–102.

существуют, по сути, региональные «субпирамиды»[1]. Субпатроны, возглавляющие эти субпирамиды, являются одновременно (1) клиентами верховного патрона и (2) главными патронами в своих регионах. Полномочия местных органов власти не ограничиваются и не подвергаются централизации, а субпатроны получают право управлять своими географически ограниченными регионами. На самом деле такой формат управления сходен по структуре с центральным управлением, что означает, что субпатрон следует тем же образцам поведения в отношении своего региона, что верховный патрон в отношении всей страны. Другими словами, в патрональных автократиях **центральное мафиозное государство верховного патрона сопровождается субсуверенными мафиозными государствами патронов более низкого уровня**, контролирующих территории, которые сравнимы по размеру со страной с одноуровневой единой пирамидой [▸ 2.6.2]. В России региональные главные патроны представлены в Государственном Совете, а Путин назначает некоторых из этих патронов (губернаторов) в Президиум Совета в порядке очередности. Хотя это и не закреплено в конституции, некоторые патроны низкого уровня, состоящие в Президиуме, получают ежемесячный прямой доступ к верховному патрону, а также специальное разрешение на осуществление политических инициатив в течение их срока[2].

Однако территориальная автономия не означает, что все, что находится на территории субпатрона, автоматически ему принадлежит. Ресурсы общегосударственного значения, особенно природные ресурсы [▸ 7.4.6.1], находятся под непосредственным контролем верховного патрона, независимо от их географического положения, тогда как управление менее крупными коррупционными сетями осуществляется субпатроном,

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 110–115.

2 *Petrov N., Lipman M., Hale H.* Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance. P. 10.

который получил санкцию на противоправность в этом регионе [▸ 5.3.4.2]. Такое положение дел можно наблюдать в России, где Путину удалось обуздать региональных главных патронов, установив контроль над их налоговыми поступлениями от добычи природных ресурсов[1].

Верховный патрон предоставляет крышу местным патрональным сетям субсуверенных мафиозных государств [▸ 3.6.2.1], то есть они являются проводниками санкционированной противоправности в коррупционной «франчайзинговой системе» [▸ 5.3.4.2]. Как пишут Владимир Шляпентох и Джошуа Вудс в своей книге, посвященной российской однопирамидальной системе, «Путин проявил безразличие не только к коррупции местных баронов, но и к их прямым связям с преступностью. В 2000–2006 годах московские средства массовой информации опубликовали многочисленные статьи о произволе местных баронов, о подборе ими кадров (на основе коммерческих интересов), о связях с криминалом и об успешной войне против независимых средств массовой информации, одним из методов которой было убийство журналистов. <...> **Иммунитет местных** <...> **элит против уголовного преследования** стал практически нормой для постсоветского периода» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[2]. Кроме того, авторы отмечают, что, «[поскольку] губернаторы и президенты республик были полезными для Путина людьми, их власть над местным населением редко ограничивалась. Во многих отношениях они обладали большей независимостью от Москвы, чем при Брежневе <...>. Когда система надзора над региональными властями исчезла, **жители регионов оказались абсолютно беззащитными перед местными руководителями**» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*). Далее, по мере того как авторы описывают процесс нейтрализации

[1] *Åslund A.* Russian Resources: Curse or Rents? // Eurasian Geography and Economics. 2005. Vol. 46. № 8. P. 610–617.

[2] *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. С. 198–199.

свободной прессы и оппозиции в регионах, а также султанистских масштабов траты главных патронов в Калмыкии, Башкортостане и Татарстане, сходная по структуре природа субсуверенных мафиозных государств внутри центрального путинского государства становится очевидна[1].

Субпатроны, как правило, не вступают в борьбу с верховным патроном ни напрямую, путем участия в политике на национальном уровне, ни опосредованно, через поддержку оппозиционных сил. Это связано не только с тем, что они извлекают выгоду из своего положения, но и с тем, что они знают, что верховный патрон готов сделать практически что угодно, чтобы сохранить свое положение [▸ 4.4.3.2]. Следовательно, региональные субпатроны обычно «платят налоги», то есть подчиняются верховному патрону и уступают ему те ресурсы, которые он требует, в результате чего возникает равновесие стабильной системы идеального типа[2].

Однако **верховный патрон может отнять ту свободу, которая идет в комплекте с правом управлять регионом**. В конце концов, посредническая автономия — это не свобода, а позиция, предоставляемая на определенных условиях. Поскольку верховный патрон нечасто вмешивается в повседневную работу региональной сети, это может произойти (1) только при чрезвычайных обстоятельствах и (2) без деликатных исправлений и «тонкой настройки» региональных процессов. Иными словами, верховный патрон вмешивается не на микро-, а на мезоуровне: он принимает меры в отношении главных патронов, снимая с должности существующих руководителей и назначая новых, а не в отношении их клиентов более низкого уровня. Следовательно, если верховный

1 Там же. С. 199–200.

2 *Lanskoy M., Myles-Primakoff D.* Power and Plunder in Putin's Russia. P. 78–79; *Rochlitz M.* et al. Performance Incentives and Economic Growth: Regional Officials in Russia and China // Eurasian Geography and Economics. 2015. Vol. 56. № 4. P. 421–445.

патрон вмешивается, он делает это решительно и радикально, отстраняя от власти главного патрона и, возможно, часть его регионального двора и сети (как это произошло в Республике Коми в России [► 2.6.2]).

Термин, который описывает примерно те же обстоятельства, что и «многоуровневая единая пирамида», — «**фрагментированный авторитаризм**» — использовался, в частности, в литературе, посвященной **Китаю** после эпохи Мао[1]. Как отмечает Хайльманн, «несмотря на политическую концентрацию власти <...>, китайскую партию-государство нельзя рассматривать как замкнутое, монолитное образование. По сути, это конгломерат подразделений и регионов, каждый из которых имеет свои собственные специфические традиции, интересы, внутренние правила и связи с бизнес-сообществом, обществом и международными партнерами»[2]. В результате «китайская политика на том уровне, который находится ниже самого высшего руководства страны, характеризуется системой постоянных бюрократических сделок между различными акторами в рамках государственного аппарата. Между центральными и провинциальными властями существуют активные формальные и неформальные каналы связи и коммуникации <...>, которые оказывают заметное влияние на процесс разработки и реализации политики»[3].

Здесь необходимо подчеркнуть аналитическое измерение оси формальность — неформальность. Действительно, **диктатуры с использованием рынка**, такие как Китай, пред-

1 *Lieberthal K.* Introduction: The «Fragmented Authoritarianism» Model and Its Limitations // Bureaucracy, Politics, and Decision Making in Post-Mao China. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 1–30; *Mertha A.* «Fragmented Authoritarianism 2.0»: Political Pluralization in the Chinese Policy Process // The China Quarterly. 2009. Vol. 200. P. 995–1012.

2 *Heilmann S.* 3.8. Between Fragmented Authoritarianism and a Re-Concentration of Power. P. 191.

3 *Huotari M., Stepan M., Heilmann S.* 1.5. Analytical Approaches to Chinese Politics // China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 41.

ставляют собой примеры бюрократических многоуровневых единых пирамид, тогда как **патрональные автократии**, такие как Россия, являются **неформальными многоуровневыми едиными пирамидами**. Разумеется, неформальные отношения существуют и в бюрократической среде, о чем свидетельствует цитата, приведенная выше. Тем не менее здесь стоит упомянуть тот же аргумент, что и в Главе 2, касающийся сравнения патрональных автократий и коммунистических диктатур с точки зрения неформальности. Данный аргумент заключается в том, что в диктатурах неформальные нормы строятся вокруг формальных институтов, то есть они включают в себя формальный статус актора и не позволяют ему получить больше власти, чем его формальные полномочия [▸ 2.2.2.2]. В приведенной выше цитате **акторы на официальных должностях заключают сделку (отсюда «бюрократическая» сделка)**, в которой предметом переговоров является содержание и реализация формальной политики[1]. Напротив, **«верховный патрон» и «субпатрон» — это неформальные титулы**; даже если формально они занимают положение, наиболее полно отражающее их фактическую власть, **неформальность наделяет этих акторов как глав неформальных патрональных сетей гораздо большим объемом власти, чем их формальное положение**. Заключение сделки, а также контроль и дисциплина в такой сети всегда осуществляются неформально, либо глава неформальной сети пользуется для этого подставными формальными средствами.

В бюрократических многоуровневых единых пирамидах различные уровни этой пирамиды закреплены институционально. В Китае главам провинциальных и муниципальных органов власти официально предоставлены их экономические и политические полномочия, предусматривающие степень

1 Также см.: *Duckett J.* Bureaucratic Interests and Institutions in the Making of China's Social Policy // Public Administration Quarterly. 2003. Vol. 27. № 1/2. P. 210–237.

автономии от низкой (например, автономия в рамках административной реформы в так называемых автономных регионах) до средней (например, автономия в области культуры и образования в провинциях), высокой (например, автономия в экономической политике в специальных экономических зонах) и даже полной автономии принятия решений в особых административных регионах[1]. Тенденция местных органов власти превращаться в субсуверенные клептократические и мафиозные государства является отклонением от системы, а не ее неотъемлемым элементом [► 5.6.2.3]. **В неформальных многоуровневых единых пирамидах** региональные главные патроны по умолчанию возглавляют субсуверенные мафиозные государства, тогда как полномочия, которые должны быть переданы региональным акторам, такие как санкционированная противоправность, преимущественно неформальны. Поэтому в таких странах, как Россия, **формальные полномочия региональных главных патронов не могут быть официально закреплены**. Даже если патрон занимает выборную должность, его статус в итоге зависит не от избирателей, а от верховного патрона и предоставляемой им крыши [► 3.6.3.1].

7.4.3.2. Имперские амбиции Китая и России

Последняя присущая странам особенность, которая является следствием их размера, заключается в том, что **большая территория часто связана с имперскими экспансионистскими амбициями**. С одной стороны, это явление уходит далеко своими корнями в историю, поскольку такие обширные территории и образуются преимущественно из-за имперских амбиций. Если и далее использовать в качестве примеров эти же две страны, то китайский империализм восходит

1 *Schmidt D. K., Heilmann S.* 2.5. Provincial- and Municipal-Level Governments. P. 87.

к завоеваниям правителя Ин Чжэн (в последствии Цинь Шихуанди) в III веке до н. э., а нынешняя структура страны сформировалась через присоединение других территорий в ходе правления династий Мин и Цин в XIV–XVIII веках, тогда как Российская империя стала результатом непрекращающейся экспансии в Евразию в XVI–XIX веках. Историческое наследие многих веков имперского существования формирует картину мира и идентичность современных лидеров и народов, повышая вероятность наличия имперских амбиций. Однако подобные амбиции адаптировались к современным условиям, и сегодня экспансионизм не следует понимать как простую копию империализма прежних времен[1]. В эпоху глобализации имперские амбиции означают **сильную волю к достижению баланса между размером страны и ее ролью в качестве глобальной сверхдержавы**, что проявляется в расширении мирового экономического и/или политического влияния. **Китай** представляет собой огромную страну, у которой **гораздо больше экономического веса, чем политического**. Экспансионистская политика Китая — второй по величине экономики в мире (по ВВП) — также определяется в основном экономическими задачами и включает в себя медленные, но устойчивые и поддерживаемые государством инвестиции, а также расширение торговли в Африке[2] и в посткоммунистической Европе[3]. Китай, по мнению одного из исследователей, пытался следовать «стратегии „полного спектра“ в продвижении „вверх“ по глобальной цепочке создания стоимости, от агрегатора высококачественной продукции до производителя и потребителя таких товаров»,

1 *Tsygankov A.* Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking after the Soviet Break-Up // Communist and Post-Communist Studies. 2003. Vol. 36. № 1. P. 1–27.

2 *Carmody P.* The New Scramble for Africa. Malden, MA: Polity, 2016.

3 *Turcsányi R.* Central and Eastern Europe's Courtship with China: Trojan Horse within the EU? // EU-Asia at a Glance. European Institute for Asian Studies, 2014.

но еще со времен торговой войны между Китаем и США некоторые страны относятся к торговле с Китаем с большей осторожностью, особенно страны — члены ЕС[1]. Теоретически экономическая экспансия создает необходимые условия и для политической экспансии, но на текущий момент тот факт, что Китай является экономической сверхдержавой, затмевает любые признаки таких амбиций[2].

В отличие от Китая, **Россия** имеет **больший политический вес, чем экономический**. Ее статус, по меткому выражению Ласло Чабы, можно описать как «Кувейт с ядерным оружием»[3]. Российская экономика полагается в основном на экспорт нефти и газа, а не на инновации и инвестиции. ВВП России, где проживает 147 млн человек, меньше, чем у Южной Кореи с населением 51 млн человек, и лишь немногим превосходит ВВП стран Бенилюкса с населением 29 млн человек (на 2018 год)[4]. Несмотря на это, Россия оставалась важным политическим актором даже после распада Советского Союза. Преодолев олигархическую анархию и став сильным государством, Россия при Путине, в отличие от «экономического империализма» Китая[5], начала демонстрировать империализм политического и военного

1 *Joshi M.* China and Europe: Trade, Technology and Competition // ORF Occasional Paper. Observer Research Foundation. 05.2019. URL: https://www.orfonline.org/research/china-europe-trade-technology-competition-51115/.

2 Но см.: *Kornai J.* Economists Share Blame for China's «Monstrous» Turn // Financial Times. 10.07.2019; *Braga P., Hall S. G. F.* China's Emerging Liberal Partnership Order and Russian and US Responses: Evidence from the Belt and Road Initiative in Eurasia // Socialism, Capitalism and Alternatives: Area Studies and Global Theories. London: UCL Press, 2019. P. 131–157.

3 *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ [Кризис — Экономика — Мир]. P. 216.

4 По данным Всемирного банка. См.: World Bank. GDP (Current US$). 12.09.2019. URL: https://data.worldbank.org/indicator/ny.gdp.mktp.cd; World Bank. Population, Total. 12.09.2019. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL.

5 *Dzarasov R.* Semi-Dependent Capitalism: Russia // Socialism, Capitalism and Alternatives. P. 15–32.

свойства[1]. Надо сказать, что Путин тоже пытался увеличить экономическую мощь России, которая стала ведущей силой в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), стремясь к углублению интеграции экономик и рынков, ранее принадлежавших Советскому Союзу[2]. Однако не без оснований Китай, хотя он и является частью аналогичного проекта региональной интеграции с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), никогда не воспринимался другими государствами-членами как угроза их суверенитету[3]. В то же время члены ЕАЭС «обеспокоены тем, что российские граждане чрезмерно представлены в институтах [ЕАЭС] и тем, что законодательство [ЕАЭС] часто основывается на российском законодательстве и не дает менее крупным членам в достаточной мере участвовать в его разработке. <...> Назарбаев [внесший идею о создании ЕАЭС] ясно дал понять, что в соответствии с его представлениями, Евразийский союз должен ограничить свою деятельность исключительно экономическими аспектами интеграции и не должен создавать политические структуры или институты, ущемляющие суверенитет стран — членов союза»[4]. Угроза вмешательства России в жизни других суверенных государств была действительно очевидна, особенно для **соседних постсоветских стран**, из числа которых Россия выбирает основные объекты политики. Эти страны привлекательны для российских имперских амбиций не только из-за общего коммунистического прошлого, но и потому, что (а) в них часто преобладают патрональные режимы и/или присутствуют

1 *Kotkin S.* Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. 2016. № 3. P. 2–9.

2 *Krickovic A.* Imperial Nostalgia or Prudent Geopolitics? Russia's Efforts to Reintegrate the Post-Soviet Space in Geopolitical Perspective // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. № 6. P. 503–528.

3 Ibid. P. 521.

4 Ibid.

многочисленные русские меньшинства, и (b) они являются торговыми партнерами России, которые находятся в односторонней зависимости от ее финансовой поддержки и/или поставок природного газа. Если на глобальном уровне политический вес России обеспечивается ее ядерным арсеналом и постоянным членством в Совете Безопасности ООН, то для того, чтобы оставаться важным политическим игроком на региональном уровне, она применяет в отношении своих соседей три стратегии[1]: **продвижение автократии, военное вмешательство и «газпромовская дипломатия»**. Продвижение автократии, в нашем понимании, предполагает поддержку автократических прорывов и устойчивости существующих патрональных автократий[2]. Так, поверженные в ходе цветных революций верховные патроны часто сбегали в Москву, что свидетельствует о дружелюбии Путина по отношению к ним[3], а вмешательство России в дела Украины, Беларуси и исламского исторического региона подразумевает поддержку либо уже существующих местных единых пирамид, либо попыток их установления[4]. Естественно, в отличие от принципов продвижения демократии на Западе, приверженность Путина автократии является не ценностной, а функционально когерентной [▸ 6.4.1]. Это означает, что он заинтересован в распространении автократии не потому, что считает ее идеальной моделью управления для всего мира, а потому, что воспринимает ее средством страхования для

1 Анализ с цивилизационной точки зрения см.: *Katzenstein P.J., Weygandt N.* Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies // Perspectives on Politics. 2017. Vol. 15. № 2. P. 428–442.

2 Ср.: *Bader J., Grävingholt J., Kästner A.* Would Autocracies Promote Autocracy? A Political Economy Perspective on Regime-Type Export in Regional Neighbourhoods // Contemporary Politics. 2010. Vol. 16. № 1. P. 81–100.

3 *Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia.

4 *Vanderhill R.* Promoting Authoritarianism Abroad. Boulder, Colo: Lynne Rienner Publishers, Inc., 2012. Впрочем, Путин не поддержал единую пирамиду Плахотнюка в Молдове [▸ 7.3.4.4].

России, стремясь предотвратить тем самым негативные последствия, которые могут возникнуть в результате демократизации региона[1]. Ярким примером второй стратегии — военного вмешательства — является аннексия Крыма, которая подверглась резкой критике со стороны международного сообщества и спровоцировала ряд экономических санкций против России[2]. В этой связи стоит также упомянуть, что Россия поддерживает этнические анклавы Приднестровья (в Молдове) и Южной Осетии (в Грузии), которые были частью советской империи и пытались выйти из ее состава в ходе транзита[3]. Наконец, «газпромовская дипломатия» подразумевает, что Россия обладает возможностью диктовать свои условия, которые следуют из асимметричной взаимозависимости, то есть односторонней зависимости государств от ресурса (природного газа), поставки которого находятся под контролем верховного патрона [▸ 5.3.4.4]. Украина, Молдова, Беларусь и Грузия являются крупнейшими в регионе странами, зависимыми от «газпромовской дипломатии»[4]. Однако силовая коммерческая дипломатия не всегда ограничивается поставками газа в постсоветские страны. Как пишут Померанцев и Вайс, «[от] запрета на ввоз свинины из Болгарии до нефтяной блокады Литвы, а также угроз пересмотра энергетических контрактов с британскими компаниями Кремль применяет „систематическую политику принуждения к двусторонним отношениям, которая включает

1 *Tansey O.* The Problem with Autocracy Promotion // Democratization. 2016. Vol. 23. № 1. P. 141–163; *Way L.* The Authoritarian Threat: Weaknesses of Autocracy Promotion // Journal of Democracy. Vol. 27. № 1. P. 64–75.

2 *Veebe V., Markus R.* Lessons from the EU-Russia Sanctions 2014–2015 // Baltic Journal of Law & Politics. 2015. Vol. 8. № 1. P. 165–194.

3 *Popescu N.* «Outsourcing» de Facto Statehood: Russia and the Secessionist Entities in Georgia and Moldova // CEPS Policy Briefs. 2006. № 1–12. P. 1–8.

4 *Gelb B. A.* Russian Natural Gas: Regional Dependence // Library of Congress, Washington DC Congressional Research Service, 2007. URL: https://apps.dtic.mil/docs/citations/ADA460847.

дипломатическое давление, торговые эмбарго, транспортные блокады и... контракты на поставку газа или нефти“»[1]. В «газпромовской дипломатии», таким образом, наблюдается следующая тенденция: **в то время как страны — бывшие республики Советского Союза держатся Россией на коротком поводке за счет контроля над ценами на поставки, за пределами постсоветского региона «Газпром» используется для прямого взяточничества и отмывания денег с помощью сговорчивых популистов**. Примерами тому являются, с одной стороны, Виктор Орбан и его окружение, действующие через компанию *MET Holding AG*, которая посредством газовой сделки перенаправляла потенциальные государственные доходы в частные руки[2], а с другой — Маттео Сальвини, чей давний помощник Джанлука Савоини обсуждал сделку, в рамках которой предполагалось направить десятки миллионов долларов, полученных от продажи российской нефти, в распоряжение партии Сальвини «Лига Севера»[3].

Это приводит нас к второстепенным объектам политики России, выбранным из числа **глобальных акторов, которые потенциально угрожают стабильности и амбициям патрональной автократии России**. Деятельность России в отношении таких образований, как ЕС и США, вовлекает множество типов акторов на разных уровнях. Во-первых, отдельные политики из западных стран были кооптированы через прибыльные должности в советах директоров российских

[1] *Pomerantsev P., Weiss M.* The Menace of Unreality. P. 22. Также см.: *Leonard M., Popescu N.* A Power Audit of EU-Russia Relations // ECFR. 15. 2007. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf.

[2] *Balogh E.* Billions Diverted from Hungarian State Coffers to Natural Gas Broker // Hungarian Spectrum (blog). 15.01.2015. URL: https://hungarianspectrum.org/2015/01/15/billions-diverted-from-hungarian-state-coffers-to-natural-gas-broker/.

[3] *Nardelli A. et al.* Unmasked: The Russian Men At The Heart Of Italy's Russian Oil Scandal // BuzzFeed News. 03.09.2019. URL: https://www.buzzfeednews.com/article/albertonardelli/russians-matteo-salvini-metropol-meeting-italy-russia-oil.

компаний, что фактически сделало их лоббистами Путина на Западе по принципу «вращающихся дверей» [▸ 3.4.2]. Яркими примерами тому являются бывший канцлер Германии Герхард Шрёдер («Газпром») и два экс-канцлера Австрии, Вольфганг Шюссель («Лукойл») и Кристиан Керн («Российские железные дороги»)[1]. Во-вторых, **популистские партии в нескольких государствах ЕС** поддерживают тесные отношения с Россией, которая стремится содействовать приходу к власти тех, кто пытается разрушить единство ЕС. Как показывает одно из исследований, посвященных западным популистам и их связям с Россией, «европейские популисты регулярно транслируют антиправительственную российскую пропаганду и помогают подорвать доверие европейцев к ЕС, НАТО и к либерально-демократической политике в целом. Некоторые из них даже имеют финансовые связи с Кремлем»[2]. **Вооруженные формирования**, поддерживающие фактическое насилие вместо процесса публичного обсуждения либеральных демократий, тоже пользуются поддержкой России[3]. Наконец, объектами политики патрональной автократии Путина также являются **граждане**, которые находятся в эпицентре «**информационной войны**» с Западом[4], включающей в себя политически мотивированное распространение фейковых

[1] *Jahn G.* Focus on Ex-Western Leaders Working for Despots // Washington Post. 04.03.2011. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/03/04/AR2011030401166.html; Lobbyismus: Österreichs Ex-Kanzler Kern Bekommt Wirtschaftsposten in Moskau // Spiegel Online. 17.07.2019. URL: https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/christian-kern-oesterreichs-ex-kanzler-aufsichtsrat-bei-russlands-staatsbahn-a-1277692.html.

[2] *Rohac D., Zgut E., Győri L.* Populism in Europe and Its Russian Love Affair // American Enterprise Institute, 2017. URL: http://www.aei.org/wp-content/uploads/2017/01/Populism-in-Europe-and-Its-Russian-Love-Affair.pdf. P. 1.

[3] *Krekó P., Győri L., Zgut E.* From Russia with Hate: The Activity of pro-Russian Extremist Groups in Central-Eastern Europe // Political Capital. 04.2017. URL: https://www.politicalcapital.hu/pc-admin/source/documents/PC_NED_summary_analysis_EN_20170428.pdf.

[4] *Pomerantsev P.* The Kremlin's Information War // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 4. P. 40–50.

новостей и дезинформации [▸ 6.4.2.4][1]. Путинскую патрональную автократию даже обвиняли во вмешательстве в избирательные процессы, целью которого было склонить общественное мнение в сторону поддержки популизма. Недавний случай — выборы в Европейский парламент 2019 года[2], а более известный скандал разразился в контексте выборов президента США Дональда Трампа в 2016 году[3].

7.4.4. Геополитическая ориентация и сосуществование либеральных и патрональных режимов в Европейском союзе

7.4.4.1. Стержневые государства и притягиваемые ими государства в цивилизационных областях тяготения

Имперские амбиции Китая и России связаны не только с их обширными территориями или историей завоеваний. На самом деле, они также являются, если использовать термин Хантингтона, **стержневыми государствами цивилизации**. По его мнению, «стержневые государства главных цивилизаций <...> становятся основными полюсами притяжения и отталкивания для других стран. [Это] наиболее явно видн[о] в **западной, православной и синской цивилизациях**.

1 *Panyi S.* Orbán Is a Tool in Putin's Information War against the West // Index.hu. 04.02.2017. URL: http://index.hu/kulfold/2017/02/04/orban_is_a_tool_for_putin_in_his_information_war_against_the_west/; *Applebaum A., Lucas E.* The Danger of Russian Disinformation // The Washington Post. 06.05.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-danger-of-russian-disinformation/2016/05/06/b31d9718-12d5-11e6-8967-7ac733c56f12_story.html?utm_term=.46cc0c4bb98a.

2 *Szicherle P. et al.* Investigating Russia's role and the Kremlin's interference in the 2019 EP elections // Friedrich Naumann Foundation — Political Capital. 05.2019. URL: https://www.politicalcapital.hu/pc-admin/source/documents/pc_russian_meddling_ep2019_eng_web_20190520.pdf.

3 *Persily N.* The 2016 U.S. Election: Can Democracy Survive the Internet? // Journal of Democracy. 2017. Vol. 28. № 2. P. 63–76; *Isikoff M., Corn D.* Russian Roulette: The Inside Story of Putin's War on America and the Election of Donald Trump. New York: Twelve, 2018.

Здесь возникают цивилизационные группы, в которые входят стержневые государства, страны-участницы, родственное в культурном плане меньшинство, проживающее в соседних странах и <...> народы других культур, которые проживают в соседних государствах. Страны в этих цивилизационных блоках зачастую можно расположить концентрическими кругами вокруг стержневой страны или стран, отражая степень их отождествления с этим блоком и интеграции в него» (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*)[1].

Если вернуться к метафоре, которую мы использовали в Главе 1, то описанный выше притягивающий и отталкивающий эффект можно назвать **цивилизационной областью тяготения**. Это означает, что принадлежность страны к цивилизационному блоку того или иного стержневого государства не предопределена. Скорее существует сложный набор стимулов, влияний и взаимозависимостей, которые втягивают страны в область тяготения стержневого государства, **из-за чего эти режимы становятся более склонными к формированию геополитических союзов со стержневым государством и друг с другом**. Тогда как в Главе 1 мы обсуждали влияние западной цивилизационной области тяготения на первичные траектории и формирование режимов [► 1.5.2], то теперь мы рассмотрим больше таких областей с точки зрения их влияния на геополитическую ориентацию существующих режимов.

Хотя **Китай** является **стержнем синской цивилизации, ни одна рассматриваемая нами страна посткоммунистического региона не принадлежит к его цивилизационной области тяготения**. Страны, которые туда входят, расположены, согласно Хантингтону, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии и включают в себя обе Кореи, Вьетнам, Таиланд, Сингапур и т. д.[2] Соответственно,

1 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 238.

2 Там же. С. 259.

ни одна из посткоммунистических стран не ориентируется главным образом на Китай, хотя на них и влияет проводимая им экономическая экспансия, описанная выше. В свою очередь, **Россия как стержень православной цивилизации** имеет множество стран в своей области тяготения, которая постоянно пополняется благодаря политическому и военному империализму Путина. «**Притягиваемые государства», которые приспосабливаются к цивилизационной области тяготения**, можно классифицировать по их геополитической ориентации. В одну группу входят **страны, полностью ориентированные на Россию**, в том числе государства исламского исторического региона, а также Беларусь. Эта православная страна, разобщенная с Западом в 1990-е годы[1], не искала других альтернатив и ориентировалась на Россию, которая сразу включила страну в сферу своих интересов. «Понимая, что Лукашенко не будет ориентироваться на Запад, — пишет Руда, — Путин попытался извлечь все выгоды из российско-белорусской дружбы, отгородив страну от любых экономических ресурсов, кроме российских. Для этих целей был создан так называемый Евразийский экономический союз. Путин хотел создать в Беларуси сильную локальную модель российской полиархии, которая была бы настолько зависима от России, что даже для автономной белорусской полиархии во главе с Лукашенко не осталось бы места. В общем и целом особые преференции, которыми пользуется Беларусь, обошлись в 2007 году российским налогоплательщикам как минимум в 14 млрд долларов США, и эта цифра продолжала расти до 2015 года»[2].

В другую группу входят **страны, которые пытаются вырваться из цивилизационной области тяготения России. Прибалтийские страны** из-за своего географического

[1] *Ioffe G.* Belarus and the West: From Estrangement to Honeymoon // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2011. Vol. 27. № 2. P. 217–240.

[2] *Rouda U.* Is Belarus a Classic Post-Communist Mafia State? P. 254.

положения подпадают под влияние России, но им **удалось** вернуться к своим западно-христианским корням: в 2004 году они вместе с некоторыми посткоммунистическими странами Центральной и Восточной Европы даже присоединились к Европейскому союзу. Однако такие страны, как **Украина и Молдова, были в этом менее успешны**. Помимо того, что они обе принадлежат к православной цивилизации, этот неуспех можно объяснить также тем, что в этих странах существуют разногласия по поводу национальной идентичности: одни (этнические) группы хотят ориентировать страну на Запад, а другие, наоборот, еще больше сблизить ее с Россией. Аналитически разделив Украину на три региона, Лукан Вэй пишет, что «западные украинцы [выражают] большую поддержку Европейскому союзу и НАТО и меньшую поддержку России и СНГ, чем их соотечественники на востоке», тогда как «центральная Украина является колеблющимся регионом страны. <...> В начале 1990-х [она] отдавала предпочтение русофильским политическим силам, но к середине 2000-х постепенно перешла на украинофильскую сторону»[1]. Что касается Молдовы, то «в этой стране сохранились „глубокие" разногласия по поводу геополитической ориентации Молдовы: около трети населения поддерживает более тесные связи с Россией, треть настроена против России, а оставшаяся треть относятся к ней нейтрально. Власти Молдовы „разделились на две равные половины", одна из которых выступает за проевропейскую, <...> а другая — за пророссийскую политику, а „вопрос идентичности остается одним из немногих явно идеологических вопросов, которые отличают одну партию от другой"»[2].

[1] *Way L.* Pluralism by Default. P. 46.

[2] Ibid. P. 94. Также см.: *Roper S. D.* Post-Soviet Moldova's National Identity and Foreign Policy // Europe's Last Frontier?: Belarus, Moldova, and Ukraine between Russia and the European Union / ed. by O. Schmidtke, S. Yekelchyk. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 79–96.

Из предыдущих абзацев становится очевидно, что на противоположной стороне от российской находится **западная цивилизационная область тяготения, которая составляет ей конкуренцию**. Если рассматривать посткоммунистический регион, то страны в этой области тяготения включают **Центральную и Восточную Европу** в целом и западно-христианский исторический регион в частности. Кроме того, на основании их цивилизационных корней и успешного выхода из области тяготения России туда можно отнести и прибалтийские страны. Если сфокусироваться на многочисленных представителях цивилизации, то **интеграция этих стран в западную цивилизацию осуществлялась (a) в военном отношении посредством НАТО под руководством США[1], а (b) в экономическом и политическом отношении — Европейским союзом[2]**. То, что Левицкий и Вэй описывают как «взаимосвязи и рычаги воздействия» [▸ 1.5.2] отчасти и является цивилизационной областью, а отчасти — экономическими и политическими связями, образовавшимися в результате тяготения к этой области, которые в итоге привели к вступлению в ЕС. Другими словами, «взаимосвязи» подразумевают главным образом исторический аспект, то есть те связи, которые формируются естественным образом, благодаря цивилизационной общности, тогда как «рычаги» предполагают активную политику Запада, направленную на цивилизационную интеграцию[3]. Однако, в отличие от США, **Европейский союз представляет собой полузавершенный цивилизационный стержень**, что и является источником его неопределенностей и проблем после присоединения посткоммунистических стран.

1 *Kurth J.* The United States as a Civilizational Leader // Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. by P.J. Katzenstein. London; New York: Routledge, 2010. P. 41–66.

2 *Adler E.* Europe as a Civilizational Community of Practice. P. 67

3 *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 38–54.

7.4.4.2. Международные интеграции и Европейский союз как полузавершенный цивилизационный стержень

Хотя двусторонние соглашения могут заключать любые страны, их геополитическая ориентация подразумевает, что политические и экономические отношения со стержневой страной определенной цивилизации имеют непропорционально большое значение, по сравнению со связями с другими стержневыми странами. В частности, страны могут вступать в (a) **международные союзы**, например военный союз, когда стороны подписывают договор о защите от агрессии своих территорий (например, НАТО), и/или в (b) **международные интеграции**, что означает, что эти страны унифицируют определенные нормы и практики, объединяя свой суверенитет, и начинают функционировать в определенных вопросах так, как будто они являются одним государством[1]. Такие интеграции **можно анализировать по трем аспектам**:

- **глубина интеграции**, то есть круг вопросов, по которым определенные страны функционируют как одно государство. На основании классической типологии Белы Балашши[2], уровни интеграции можно понимать как последовательные уровни толкования [▸ 2.4]: (a) зона свободной торговли, которая предусматривает отмену пошлин между государствами-членами; (b) таможенный союз, в рамках которого вводятся единые внешние пошлины и разрешается свободное перемещение товаров и услуг между государствами-членами; (c) общий рынок, который подразумевает свободное передвижение рабочей силы и капитала; (d) единый рынок, предусматривающий устранение нетарифных барьеров и согласование экономической политики; (e) экономический союз, предполагающий общую валюту и интеграцию экономической политики;

[1] Обзор сопутствующих теорий см.: *Reus-Smit C., Snidal D., eds.* The Oxford Handbook of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2010.

[2] *Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Routledge Revivals. Routledge, 2013.

и (g) политический союз, предполагающий переход политической власти и законодательства на уровень сообщества[1];

• **разнообразие режимов, участвующих в интеграции**, что является показателем сплоченности интеграции, поскольку правящие элиты различных режимов действуют в соответствии с разными принципами, представляют различные общеполитические установки (государственную, силовую или патрональную политику) и участвуют в интеграции на разных основаниях, с разными краткосрочными и/или долгосрочными целями;

• **защитные механизмы интеграции**, то есть меры, предотвращающие или сдерживающие деструктивные тенденции, которые могут стать причиной распада интеграции [▸ 4.4]. Другими словами, защитные механизмы — это средства для «дисциплинирования» государств-членов, имеющиеся в распоряжении компетентного органа интеграции. Эти средства позволяют подчинить государства правилам интеграции и предотвратить нарушение ее целостности.

Таким образом, одна из основных функций защитных механизмов заключается в поддержании **гомогенности с точки зрения особенностей, присущих входящим в интеграцию режимам**. Сплоченность интеграции не требует, чтобы у каждого ее члена были одни и те же особенности государственной политики. Участвующие правительства не обязаны иметь одни и те же политические убеждения; им нужно только уметь согласовывать свои интересы, чтобы одинаково представлять роль формальной политики и неформальных норм и факторов влияния. Точно так же не обязательно должны совпадать и особенности стран: например, если речь идет о либеральных демократиях, то для участия не требуется относиться к одному и тому же типу государства всеобщего благоденствия или иметь общую модель демократических

[1] *Palánkai T.* Az Európai Integráció Gazdaságtana [Экономика европейской интеграции]. Budapest: Aula Kiadó, 2001.

институтов[1]. Чтобы являться либеральной демократией по своей сути, достаточно уважать основные ценности сообщества[2]. Естественно, значимость этого вопроса отражает глубину интеграции, а гомогенность режимов как таковая отнюдь не является гарантией сплоченности интеграции. Тем не менее **гетерогенность режимов представляет собой главную угрозу этой сплоченности**, поскольку правящие элиты разных типов будут по-разному понимать цели интеграции и будут иметь разные взгляды на сохранение ее основ.

Международные интеграции вокруг цивилизационного стержня России включают Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийский таможенный союз (ТС ЕАЭС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Эти интеграции **стабильны, потому что они поверхностны и/или основываются на гомогенных режимах**. Хотя СНГ теоретически мог бы стать движущей силой для интеграции постсоветских стран, из тысяч документов и резолюций, принятых его органами, менее 10% были на деле ратифицированы государствами-членами[3]. ТС ЕАЭС — это таможенный союз, а ЕАЭС — единый рынок, и оба они предполагают более глубокую интеграцию, но также и однородность режимов. Надо сказать, что некоторые из участников являются патрональными демократиями (Армения и Кыргызстан), а другие — патрональными автократиями (Беларусь, Казахстан и Россия). Но все они являются патрональными режимами,

1 Мы не останавливаемся подробно на разновидностях государств всеобщего благоденствия и либеральных демократий, поскольку они актуальны в основном для Запада, а не для посткоммунистического региона [▸ 2.3.2]. Существующая литература, посвященная этим разновидностям, практически безгранична; см., например: *Arts W., Gelissen J.* Models of the Welfare State; *Lijphart A.* Patterns of Democracy.

2 *Tavares R.* Draft Report on the Situation of Fundamental Rights: Standards and Practices in Hungary // Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs, 2013.

3 *Krickovic A.* Imperial Nostalgia or Prudent Geopolitics? P. 506.

что означает, что соглашения между ними должны быть достигнуты патрональными лидерами. Участники экономической интеграции, патроны, создают семейные предприятия, не нарушая при этом права человека и не посягая на демократические ценности. Их взгляды совместимы, потому что основываются на патронализме и популизме, пользующемся идеологией [▸ 4.2.3, 6.4.1]. Тем не менее, как мы упоминали выше, менее крупные участники этих интеграций опасаются чрезмерного влияния России и не желают превращать единый рынок ЕАЭС в политический союз, а разногласия между верховными патронами, заинтересованными в продвижении интересов собственных приемных политических семей и не стремящимися к солидарности с другими участниками интеграции, более чем возможны. Опять же гетерогенность режимов представляет собой угрозу их сплоченности, но обратное утверждение неверно, то есть гомогенность режимов не является гарантией их сплоченности. Это означает лишь то, что в интеграции нет того элемента, который мог бы привести к распаду, а именно гетерогенности режимов.

Продвижение автократии, в котором заинтересована Россия, можно понимать как защитный механизм, поскольку этот процесс как раз подразумевает, что движущая сила интеграции активно пытается не допустить гетерогенности режимов [▸ 7.4.3.2]. В свою очередь, **продвижение демократии Соединенными Штатами является одновременно (a) деструктивной силой, если оно направлено на гомогенную автократическую интеграцию, и (b) защитным механизмом, когда оно укрепляет интеграцию гетерогенных демократических режимов**[1]. Однако если речь идет о посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, то их политическая и экономическая интеграция в западный

1 *Nodia G.* External Influence and Democratization: The Revenge of Geopolitics // Journal of Democracy. 2014. Vol. 25. № 4. P. 139–150; *Carothers T.* Democracy Aid at 25.

цивилизационный блок была задачей **Европейского союза**. ЕС, **построенный на фундаменте либеральной демократии и рыночной экономики**[1], представляет собой международную интеграцию, которую мы назвали выше «полузавершенным цивилизационным стержнем». Он имеет множество **структурных недостатков**, которые не позволяют ему привязать страны к западному цивилизационному блоку, а также ставят под угрозу его сплоченность. Во-первых, **ЕС — это глубокая, но раздробленная интеграция**[2]. С одной стороны, каждое входящее в него государство участвует в едином рынке, а в отношении некоторых законов существует объединенный суверенитет, что делает его отчасти политическим союзом. С другой стороны, в нем нет последовательного экономического единства, поскольку только некоторые из его стран используют общую валюту (евро в еврозоне), и даже их экономическая сфера с точки зрения фискальной политики не унифицирована[3]. Во-вторых, **режимы в составе ЕС гетерогенны**, большая часть из них — это либеральные демократии. Но кроме них там есть: попытка установления консервативной автократии (Польша [▸ 7.3.3.2]), попытка установления патрональной демократии (Чехия [▸ 7.3.3.3]), две патрональные демократии (Болгария и Румыния [▸ 7.3.2.3]) и одна патрональная автократия (Венгрия [▸ 7.3.3.4]). Из этих режимов **патрональная автократия является наиболее деструктивной, поскольку она плохо совместима** с западными участниками, а также **с политическими и экономическими основаниями ЕС (либеральная демократия и рыночная экономика)**.

[1] *Devuyst Y.* The Constitutional and Lisbon Treaties // The Oxford Handbook of the European Union. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 163–178.

[2] Всесторонний обзор Европейского союза см.: The Oxford Handbook of the European Union.

[3] *Bajnai G.* From Economic to Political Crisis: Challenges Facing a Post-2008 European Union // Solidarity: For Sale? The Social Dimension of the New European Economic Governance. Europe in Dialogue, 2012/01. Bertelsmann Stiftung, 2012. P. 73–94.

При этом попытка установления консервативной автократии в Польше является деструктивной главным образом потому, что она не согласуется в политическом плане, тогда как патрональные демократии и Чехия воплощают прежде всего экономическую несовместимость.

В-третьих, **в ЕС отсутствуют эффективные защитные механизмы**, которые способствовали бы гомогенности режима[1]. Чтобы в этом убедиться, **достаточно взглянуть на логику применения санкций ЕС и США, которые в корне отличаются друг от друга**, а также на лежащие в их основе допущения и механизмы действия (Таблица 7.6). **Санкции ЕС** применяются в основном в двух областях. Один из способов принятия мер — возможность понимаемого в широком смысле европейского вмешательства, а именно Европейский суд по правам человека, расположенный в Страсбурге и действующий в отношении государств — членов Совета Европы, а другой — санкции, применяемые непосредственно Евросоюзом. Первый актуален в индивидуальных случаях после того, как все возможности внутригосударственного судопроизводства исчерпаны. Однако тогда не может применяться институт так называемой народной жалобы (*actio popularis*), а это означает, что прецедентное право суда позволяет лицам, не являющимся жертвами нарушений со стороны государства, обращаться в суд только в очень небольшом количестве сценариев. Так, жертвы национального закона, нарушающего европейские нормы, должны обращаться в суд самостоятельно, и, в зависимости от длительности судебных процедур в данной стране, разбирательство может растянуться на несколько лет. Допущение, лежащее в основе этой процедуры, состоит в том, что демонстративное влияние отдельных решений суда,

[1] *Scheppele K. L.* Making Infringement Procedures More Effective: A Comment on Commission v. Hungary, Case C-288/12 (8 April 2014) (Grand Chamber) // Verfassungsblog (blog). 30.04.2014. URL: https://verfassungsblog.de/making-infringement-procedures-more-effective-a-comment-on-commission-v-hungary/.

Таблица 7.6: Различия в логике применения санкций ЕС и США

	Санкции ЕС	Санкции США
Введение санкций	бюрократическое, громоздкое, может быть предметом политического компромисса	отчасти по политическим соображениям, но требование к компаниям предоставлять отчетность влечет за собой обязательное возбуждение производства по делу
Приостановка введения санкций	может быть предметом политического компромисса	производство по делу не может быть приостановлено; как только процесс запущен, он больше не может быть предметом политических переговоров
Объекты санкций	институты, совершающие предполагаемые нарушения, затрудняет персонализацию и установление связи между преступником и нарушением	лица, совершающие предполагаемые нарушения, что допускает персонификацию дела
Основной посыл выбора объектов санкций	санкции не затрагивают вопрос личной ответственности, позволяя патрональным слугам мафиозного государства продолжать использовать незаконные механизмы; верховный патрон сохраняет возможность предоставлять крышу	санкции нарушают сплоченность приемной политической семьи и отключают защиту, предоставляемую верховным патроном, что останавливает патрональных слуг мафиозного государства от совершения нарушений
Горизонт критики санкций	правительство	режим

предписывающих в конкретных случаях выплату компенсации пострадавшим, принудит учреждения и ведомства затронутой страны внести в законодательство и общие изменения. Однако это работает только в том случае, если нарушение утвержденных на международном уровне норм не является результатом преднамеренных действий правительства, то есть если оно не вытекает из несовместимости либерально-демократического фундамента интеграции и патрональной правящей элиты режима.

Другой из двух главных механизмов — набор инструментов ЕС (в строгом смысле, санкции ЕС) — состоит из **ограничения или приостановки финансирования государства-участника**. Незначительные нарушения рассматриваются Европейским союзом с помощью процедуры о нарушении законодательства ЕС, которая заключается в том, что Европейская комиссия изучает совершенное государством нарушение, и если она считает результаты своего рассмотрения неудовлетворительными, она может передать дело в Европейский суд в Люксембурге. В самом крайнем случае пострадавшему государству-участнику могут грозить наложенные судом финансовые санкции. Другой инструмент, находящийся в распоряжении ЕС, который может применяться в случае неправомерного использования **евросоюзных субсидий**, состоит в **приостановке выплаты субсидий, невыплате какой-либо их части или в прямом требовании их возвращения**. Однако применение этого инструмента ограничивается различными внешнеполитическими соображениями. По этой причине, несмотря на широкий спектр симптомов коррупции, они до сих пор применялись только в отношении незначительной доли субсидий ЕС.

Эти санкции ЕС сродни военной тактике ковровых бомбардировок, жертвами которых становятся в основном мирные жители. За ними стоит предположение, что приостановка выплаты или лишение субсидий приведет к свертыванию важных для граждан проектов, что усилит их недовольство. Представители власти будут стремиться сохранить свою популярность и, чтобы избежать дальнейших санкций, изменят свою политику[1]. Брюссель рассматривает эти процессы как часть кривой обучаемости демократии, когда те, кто ей учатся (режимы в государствах-членах), сами заинтересованы

[1] *Sedelmeier U.* Political Safeguards against Democratic Backsliding in the EU: The Limits of Material Sanctions and the Scope of Social Pressure // Journal of European Public Policy. 2017. Vol. 24. № 3. P. 337–351.

в сдаче экзамена. Но в действительности все обстоит иначе. Более строгие санкции сдерживаются многочисленными политическими и бюрократическими факторами. При этом, даже если процедура запущена, **она направлена против безличных институтов, что позволяет правительствам избегать какой бы то ни было прямой ответственности**. Иногда то или иное правительство даже пользуется возможностью истолковывать события как свою борьбу за национальную свободу и, чтобы культивировать антиевропейские настроения, изображает популистов как жертв [▸ 4.2.3].

Внешние ограничения пассивны по своей природе: они не формируют политику активным образом и в лучшем случае указывают на то, что проводимая политика нарушает демократические ценности или включает в себя волюнтаристскую экономическую деятельность. **Исходя из фундаментальной общности ценностей, ЕС придерживается стратегии предупреждений и, следовательно, убеждения**. Оба типа применяемых им санкций имеют общую черту: для противодействия нарушениям (например, коррупции) и для активации защитных механизмов демократии во главе с судебной системой используется только сила убеждения. Но надеяться на нее бессмысленно, если режим, с которым имеешь дело, руководствуется другими ценностями. Пытаясь принимать меры против диктатур, международные организации легко попадают в традиционную ловушку, так как санкции наносят тяжелый удар по гражданам, оставляя политический режим в целости и сохранности. Более того, внешние предупреждения и санкции могут подтолкнуть представителей власти использовать еще больше неправовых принудительных мер для поддержания равновесия и мобилизации своих сторонников во имя «национальной самообороны».

В октябре 2014 года, сообщая о наиболее заметных **санкциях США**, один из правых еженедельников сообщил, что члены правительства Венгрии оказались в списке лиц, которым

было отказано в выдаче визы властями США в соответствии с указом президента № 7750 «О приостановке въезда в США лиц, участвующих в коррупции или получающих от нее выгоду»[1]. Через несколько дней руководительница Национальной налоговой и таможенной службы Ильдико Вида обнародовала сообщение о том, что она фигурирует в этом списке. Как пишет Давид Янчич, причина применения к ней санкций, «по свидетельству двух независимых друг от друга источников, в том, что близкие к венгерскому правительству лица потребовали у представителей двух американских фирм взятку за предоставление налоговых льгот и изменение ставки налога с оборота. Утверждалось, что сумма взятки должна была составить примерно 2 млрд форинтов (около 6 млн евро), и она должна была быть уплачена через околоправительственный фонд в форме заказов на проведение исследований и аналитическую работу. По полученной информации, в сделанном американцам предложении содержалось обещание оштрафовать по линии налоговой службы деловых конкурентов упомянутых фирм на миллиардную сумму, что значительно ослабило бы конкурентов и предоставило бы американцам преимущество на рынке. Поскольку подвергшиеся шантажу фирмы не соглашались, налоговая служба начала чинить им неприятности, и в конце концов они сообщили о вымогательстве взятки своему правительству. Эта версия [событий] подтверждается тем, что в американском запретном списке с большой вероятностью находятся имена высших руководителей налоговой службы»[2]. Но поскольку американские власти не начали уголовного расследования, а лишь

[1] Amerikai Cégek Ellen Vizsgálódik a NAV [Национальная налоговая служба ведет расследование в отношении американских компаний] // Napi Gazdaság. 17.10.2014. URL: https://web.archive.org/web/20141217143928/http://www.napigazdasag.hu/cikk/25771/#.

[2] *Jancsics D.* A Rejtélyes 7750: Diszkrét És Drasztikus [Таинственный 7750: сдержанный и решительный] // Atlatszo.hu (blog). 20.10.2014. URL: http://blog.atlatszo.hu/2014/10/a-rejtelyes-7750-diszkret-es-drasztikus/.

выдали официальный запрет на въезд в страну затронутым лицам, точные обстоятельства этого дела узнать невозможно.

В противоположность практике ковровых бомбардировок, применяемой Евросоюзом, американские санкции похожи на удар ракетами с GPS-наведением, когда предполагается, что случаи правонарушений являются не единичными, спорадическими коррупционными действиями, совершенными вопреки режиму, а организованы или, по крайней мере, одобрены им. Соответственно, **они не предусматривают, что существует механизм демократической самокорректировки, вследствие чего удар наносится непосредственно по инициаторам незаконных действий**, и делается попытка с лазерной точностью подвергнуть санкциям участников предполагаемой коррупции. В результате, несмотря на все старания правительства, эти действия трудно использовать для пропаганды против США, поскольку они не нарушают интересов венгерских граждан, а вместо этого скорее подтверждает их мнение о политическом руководстве страны.

Американские санкции метят в ахиллесову пяту мафиозного государства, так как **они аннулируют крышу, предоставляемую верховным патроном** [▸ 3.6.3.1]. Суть мафиозного государства в том, что с одобрения или даже по приказу членов двора патрона, занимающих должности в различных государственных институтах, исполнители незаконных действий находятся под защитой приемной политической семьи. Без этого мафиозное государство не могло бы использовать инструменты публичной власти для незаконного принуждения. Слабость и ограниченность этой защиты и иммунитета демонстрируют санкции в виде отказа в визе и потенциального замораживания зарубежных банковских счетов.

Соответственно, США обладает средствами для глобального влияния либо в качестве политики по продвижению демократии, которую проводят США, представляющие собой стержневое государство цивилизации, либо в качестве

преднамеренной атаки с целью ослабления патронального режима как потенциально деструктивного элемента. Напротив, **в Европейском союзе даже реализация существующих средств защиты ограничивается медлительностью ЕС в создании институтов и процедур**. Поскольку давление на определенную страну усиливается после того, как некоторые правительственные меры подрывают демократию, становится очевидным, насколько инструменты ЕС ограничены в плане восстановления демократических норм[1]. Евросоюз оказывается втянутым в споры по конкретным вопросам, тщетно пытаясь при этом легитимно критиковать автократию в более широком смысле. **В отличие от патрональных режимов за пределами ЕС, посткоммунистические государства-участники не могут расцениваться как «они» — их следует рассматривать как часть группы «мы»**, что с самого начала обезоруживает органы ЕС. В довершение всего, у ЕС отсутствуют инструменты, чтобы справляться с поведением недавно присоединившихся стран, которые некоторые авторы охарактеризовали как «хулиганство новичков»[2]. В то же время такие режимы, как патрональная автократия Орбана, искусно вносят незначительные коррективы в качестве показательного шоу, а характерные для режима патрональные особенности остаются при этом неизменными[3].

Патрональные автократии проявляют естественный для них деструктивный характер в сообществе либеральных демократий еще и **потому, что являются криминальными государствами** [▸ 2.4]. Деятельность лиц, составляющих двор патрона и клиентов в однопирамидальной патрональной сети, считается преступлением даже в соответствии с их

1 *Bozóki A., Hegedűs D.* An Externally Constrained Hybrid Regime: Hungary in the European Union // Democratization. 13.04.2018, P. 1173–1189.

2 *Ganev V.I.* Post-Accession Hooliganism: Democratic Governance in Bulgaria and Romania after 2007 // East European Politics and Societies. 2013. Vol. 27. № 1. P. 26–44.

3 *Vörös I.* Hungary's Constitutional Evolution During the Last 25 Years // Südosteuropa. 2015. Vol. 63. № 2. P. 173–200.

собственными законами [▸ 4.3.4.3], что и является причиной нейтрализации таких механизмов правового контроля, как судебное преследование [▸ 4.3.5]. Однако, в отличие от традиционной мафии, которой достаточно действовать в обход контролирующих механизмов государства, **криминальное государство должно позаботиться о своей безнаказанности и на международной арене**. Один из способов добиться этого — использовать популистский нарратив и апеллировать к национальному суверенитету в «борьбе за национальную свободу»[1]. На самом деле потребность патронального режима в национальном суверенитете — это не что иное, как потребность преступника в безнаказанности, то есть требование, чтобы его оставили в покое и позволили воровать в отсутствие надзора со стороны ЕС и западных налогоплательщиков [▸ 4.2.3]. При этом Орбан также попытался **использовать один из структурных недостатков ЕС**, а именно количество случаев, когда можно воспользоваться правом вето при принятии решений. Так же, как *liberum veto* («свободное вето») дворянства в шляхетской республике в Польше XVII–XVIII веков дважды приводило к раздробленности и в итоге — к разделу Польши между соседними державами, система вето ЕС может быть использована **занимающимися шантажом союзами, состоящими из государств-участников**, которые могут остановить интеграцию в ЕС, а также противодействовать любым мерам, предпринимаемым для того, чтобы покончить с безнаказанностью мафиозного государства. Орбан пытался организовать такие союзы со странами из Вишеградской группы (Польшей, Чехией и Словакией), а затем и с западными популистами, но пока без особого успеха[2].

[1] *Ablonczy B.* General Narrative.

[2] *Magyar B., Madlovics B.* Hungary's Mafia State Fights for Impunity // Project Syndicate (blog). 18.06.2019. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/hungary-mafia-state-viktor-orban-impunity-by-balint-magyar-and-balint-madlovics-2019-06.

Кроме того, помимо объективных бюрократических препон, эффективному сдерживанию деструктивных для интеграции режимов также препятствует наличие реальных противоположных интересов: (1) «грязная партийная солидарность», характерная как для правых, так и для левых; (2) коалиционные интересы внутри ЕС; (3) стремление к минимизации конфликтов в целях защиты экономических интересов в критикуемых странах [▸ 7.4.5]; и (4) более масштабные геополитические соображения[1]. Так, исходя из своих геополитических соображений, Евросоюз не может позволить российскому цивилизационному блоку распространиться до Лейты, то есть до западной границы Венгрии. Политическая элита Западной Европы, отказавшись от своей первоначальной миссии и романтической мечты, связанной с разрушением Берлинской стены, теперь все чаще смотрит на отстающую часть Восточной Европы не столько как на культурного партнера, сколько как на зону экономического влияния. Таким образом, место солидарности с Восточной Европой и политики, направленной на ее сближение с наиболее развитыми странами, может занять политика простого умиротворения. Вместо дорогостоящей консолидации демократии в этой буферной зоне Евросоюз ограничится требующим минимальных затрат умиротворением патрональных режимов.

Наконец, **в свете нашего обсуждения стоит вернуться к теории Левицкого и Вэя о западных связях и рычагах влияния**. Используя наши термины, можно резюмировать аргументы этих двух исследователей следующим образом: международные сообщества, союзы и интеграции естественным образом способствуют гомогенизации режимов как посредством усилий их стержневых государств (рычаги влияния), так и благодаря большому числу экономических, межправительственных, технократических, социальных, информационных

[1] *Ara-Kovács, A.* Diplomacy of the Orbán Regime // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 611–635.

и гражданских партнерств (связи)[1]. Как отмечают авторы, «ЕС и Соединенные Штаты были фактически „единственным ориентиром“» для стран Восточной Европы, что «усилило уязвимость этих стран перед демократизирующим давлением Запада»[2]. Они спорят с критиками, которые скептически относятся к влиянию ЕС на функционирование восточноевропейских стран, и утверждают, что «[с точки зрения] укрепления *ключевых элементов демократии* <...> условия для вступления в ЕС оказались чрезвычайно эффективны»[3].

С одной стороны, распространенное возражение, которое обычно выдвигается в ответ на это утверждение, состоит в том, что, **хотя эти условия ЕС имеют силу до того, как страна становится его частью, они перестают действовать после ее присоединения**. Именно это и обозначает выражение «хулиганство новичков»: патрональные правящие элиты очень стараются заполучить место у кормушки Евросоюза, то есть выполнить копенгагенские критерии вступления, чтобы получить доступ ко всем преимуществам общего рынка и ренту из структурных фондов и фондов сплочения ЕС [▸ 7.4.6.2]. Но как только они получают их в качестве членов, они без всякого стеснения игнорируют стандарты сообщества и продолжают работать в соответствии со своими патрональными методами, зная о медлительности реагирования ЕС, а также о том, что его возможное наказание направлено не на преступников, а страну в целом. На самом деле у ЕС есть все необходимое для того, чтобы противодействовать несистематическим нарушениям, которые противоречат общеевропейским ценностям, через процедуру примирения сторон, убеждение или судебные каналы, но у него нет инструментов для выравнивания системных расхождений с либеральной

1 *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 43–44.

2 Ibid. P. 42.

3 Ibid. P. 90.

демократией. Это связано с тем, что в его основании лежит неявное допущение, что страны, которые были приняты в клуб, не будут своевольничать, а если и будут, то не слишком часто. И, действительно, официальные наблюдатели все еще склонны рассматривать системные отклонения как трудности переходного периода: существует стойкое представление о том, что раз государство — участник ЕС уже является членом западного цивилизационного блока, то оно уже не собьется с пути.[1]

С другой стороны, мы, вероятно, внесем новое уточнение, проистекающее из нашей концептуальной структуры, которое заключается в следующем: **сила гомогенизирующего режимы эффекта западных связей и рычагов влияния зависит от того, претерпела ли страна антипатрональную трансформацию** до того, как она вступила в ЕС. Как мы отмечали выше, двухуровневый подход к изменению конфигурации разделяет уровни безличных институтов и личных сетей. «Демократическая» и «антидемократическая трансформация» относятся к первому уровню, а «патрональная» и «антипатрональная трансформация» — ко второму, при том что оба уровня могут изменяться независимо друг от друга (одноуровневая трансформация) или вместе (двухуровневая трансформация) [▸ 7.3.4.1]. Левицкий и Вэй справедливо замечают, что условия для вступления в ЕС, предъявляемые потенциальным государствам-участникам, являются эффективными на уровне безличных институтов, то есть в рамках демократической трансформации, но их влияние на личные сети является в лучшем случае сомнительным. В целом можно сказать, что **гомогенизация режима** и фактическая интеграция в западный цивилизационный блок происходит при **двухуровневой трансформации**, когда изменения на уровне безличных институтов сопровождаются антипатрональной

[1] Вероятно, это связано с тем, что если признать страну — участницу западного блока автократией, то придется предпринимать какие-то меры, а этого стержневые страны Запада либо не могут, либо не хотят делать.

трансформацией. Однако **если имеет место только одноуровневая трансформация**, демократическая трансформация означает лишь создание институционального фасада. В таких случаях **влияние западных связей и рычагов влияния является не подлинной демократизацией, а только маскировкой** [▸ 6.5]. Правящие элиты этих режимов осознали, что стране не обязательно быть либеральной демократией — достаточно лишь казаться таковой, по крайней мере для западных наблюдателей, привыкших к одноуровневому подходу [▸ 7.3.4.1]. Венгрия, пожалуй, лучший тому пример. Орбан построил однопирамидальную патрональную сеть и управляет ей среди нейтрализованных институтов публичного обсуждения [▸ 4.3], исполняя при этом (по его собственному выражению) «танец павлина», то есть успокаивая критиков косметическими изменениями и последовательно отрицая на форумах ЕС, что он нарушает его принципы[1]. Связанная с этим практика поддержания публичного демократического имиджа — это **отмывание репутации**, когда патрональные акторы управляют международным фокусом внимания и влияют на процессы публичного обсуждения через фирмы по связям с общественностью, нанятых лоббистов и аналитические центры[2]. Кроме того, Венгрия рассчитывала статистические данные не так, как того требуют стандарты ЕС, что стало источником споров между их статистическими службами (особенно в том, что касается государственного долга)[3].

1 *Kingsley P.* As West Fears the Rise of Autocrats, Hungary Shows What's Possible // The New York Times. 10.02.2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/02/10/world/europe/hungary-orban-democracy-far-right.html.

2 *Cooley A., Heathershaw J., Sharman J. C.* Laundering Cash, Whitewashing Reputations. P. 44–49. Ранее, при обсуждении хищничества [▸ 5.5.4.1] мы использовали противоположный термин — «подрыв репутации». Обзор на примере Венгрии см.: *Kőműves A.* Government of Hungary Spent a Total of $3.54 Million on Lobbying Washington in 2018 // Atlatszo.hu (blog). 08.09.2019. URL: https://english.atlatszo.hu/2019/01/08/government-of-hungary-spent-a-total-of-3-54-million-on-lobbying-washington-in-2018/.

3 *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ [Кризис — Экономика — Мир]. P. 229.

Используя такие средства, патрональные режимы ЕС поддерживают сложные системы маскировки, включающие демократические на первый взгляд институты, на самом деле управляемые неформальными патрональными сетями.

Большая часть объединенных в ЕС суверенитетов связана с вопросами политики, такими как унификация формальных нормативных рамок и барьеров для международного движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы. Это отлично работает при интеграции либеральных демократий, когда политические акторы различаются с точки зрения проводимой ими политики, но не с точки зрения режимов. Но такой подход не работает, когда правящие элиты относятся к разным типам, истинная природа которых заключена на уровне личных сетей (неформальных патрональных сетей), а не в формальных правилах и нормах. **Единственное устанавливаемое ЕС ограничение, которое связано именно с режимом, касается защиты личных свобод** через постановления Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Суда Европейского союза[1]. Отчасти это предотвращает ситуации, когда патрональные государства — участники ЕС низводят своих граждан до положения слуг [► 3.5.1], **вызывая тем самым либеральную деформацию патрональных демократий и автократий**. Это означает, что личные свободы, такие как свобода слова, передвижения и свобода от пыток, гарантированы лучше (в отличие от политических свобод), что также очевидно из международных индексов демократии[2].

Однако для патрональных режимов характерно доминирование неформальных институтов. Если личные свободы нельзя формально ограничить из-за того, что режимы подчиняются постановлениям судов ЕС, **правящей неформальной**

1 *Bozóki A., Hegedűs D.* An Externally Constrained Hybrid Regime. P. 1178–1183.

2 *Benedek I.* De-Demokratizáció Magyarországon a Demokráciaindexek Fényében [Дедемократизация в Венгрии в свете индексов демократии] // Politikatudományi Szemle. 2019. Vol. 28. № 2. P. 101–129.

патрональной сети нужно только найти обходной путь, то есть различные средства для реализации интересов элит, которые заключаются в концентрации власти и личном обогащении [▸ 2.3.1]. Внутри ЕС патрональные режимы вынуждены выражать свои намерения и обосновывать свои действия на языке демократии. Это, конечно, ограничивает формальный арсенал патрональных акторов, но они все еще могут использовать оставшиеся формальные институты для воплощения неформальных целей, изменяя правовые нормы или применяя их «по индивидуальному заказу», так что в итоге все это служит реализации интересов элит [▸ 4.3.4.2, 5.5.4]. В то же время многие фактические нарушения законодательства ЕС, не связанные с личными свободами, такие как перевод средств из фондов ЕС в приемную политическую семью [▸ 5.3.3.3], не преследуются по закону вовсе или преследуются неэффективно из-за рассмотренных выше недостатков защитных механизмов ЕС. По сути, с точки зрения особенностей режима, **Орбан достигает того же, что и Путин, а Румыния — того же, что и Кыргызстан. Разница только в количестве бумажной волокиты**. Хотя эти ограничения могут казаться помехой, они парадоксальным образом способствуют стабильности режима, поскольку обычные люди в повседневной жизни чувствуют себя менее угнетенными [▸ 6.3], а те, кто испытывают неудовлетворенность, могут свободно покинуть страну [▸ 6.2.2.1]. Европейский союз как полузавершенный стержень цивилизации сталкивается со следующей дилеммой: должен ли он быть *политической* областью тяготения западной цивилизации или только *экономической*. Другими словами, должны ли **институты ЕС представлять сообщество ценностей или сообщество интересов**. Однако здесь приходится признать, что без необходимых средств, позволяющих привязать государства-участников к западной цивилизации, ЕС не может быть сообществом ценностей: на самом деле **между идейными либеральными демократиями и патрональными режимами,**

ищущими в ЕС только источники ренты, мало общего. Кроме того, существующие проблемы ЕС снижают его привлекательность и силу тяготения, тогда как православная цивилизационная область тяготения, в которой Россия активно пытается ослабить Запад [► 7.4.3.2], оказывает на посткоммунистические государства — члены ЕС активное влияние. У этих двух цивилизационных областей, несомненно, разные цели: **ЕС интересует уровень безличных институтов, а Россию — уровень личных сетей.** Это означает, что Путин активно пытается встроить местные правящие элиты в свою патрональную сеть[1], а главные патроны в Центральной и Восточной Европе, а также на Балканах обращаются к нему в поисках законных и незаконных услуг[2]. Излишне говорить, что его не интересуют формальные институциональные изменения или качество демократии в этих странах — это забота ЕС, который борется с несоответствующими требованиям безличными правилами, чтобы предотвратить коррупцию, кажущуюся лишь отклонением, в якобы демократических в своей основе странах. Неспособность признать системность коррупции, а также влияние России на патрональные сети или представление об этих явлениях как о единичных «дефектах» делает ЕС уязвимым для кооптации его отдельных членов в православную цивилизационную область тяготения[3].

До определенного момента разные уровни интеграции в Союз можно сгладить путем формирования клубов по

1 *Shentov O., Stefanov R., Vladimirov M., eds.* The Russian Economic Grip on Central and Eastern Europe. Abingdon; New York: Routledge, 2018.

2 *Deák A.* Captured by Power: The Expansion of the Paks Nuclear Power Plant; *Chayes S.* The Structure of Corruption: A Systemic Analysis. P. 519–523; *Stoyanov A., Gerganov A., Yalamov T.* State Capture Assessment Diagnostics // Center for the Study of Democracy, 2019. URL: https://csd.bg/fileadmin/user_upload/publications_library/files/2019_06/SCAD_eng_All_06.pdf.

3 О кооптации Орбана под прикрытием идеологии «открытости на Восток» см.: *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 334–343.

интересам, включающих как восточных, так и западных членов, по примеру того, как Германия защищает Венгрию, пока Орбан позволяет немецким транснациональным корпорациям платить меньше налогов. Но в итоге ЕС либо (a) выберет «двухскоростной» режим, оставив «непослушные» страны в буферной зоне между западным и российским цивилизационными полями тяготения и исключив их из более глубокой интеграции с западными государствами-участниками (вероятно, являющимися членами еврозоны)[1], либо (b) совершит переход к федеративному устройству, существенно расширив общую сферу действия законодательства. Последнее, однако, потребует, чтобы национальная и европейская идентичность европейских граждан были одинаково сильны.

7.4.5. Зависимый характер капитализма и глобальные связи локальных патрональных сетей

Политическая интеграция часто начинается с сильных **экономических связей**, которые, в свою очередь, являются ключевыми элементами любой международной интеграции. Во время холодной войны в Соединенных Штатах и западном цивилизационном блоке господствовал преимущественно капитализм, а не коммунизм. Соответственно, идея свободной торговли легла в странах западного блока на благодатную почву, и по этой причине в XX веке появились крупные транснациональные корпорации (ТНК)[2]. После распада Советского Союза **посткоммунистические страны, сделавшие**

[1] *Macron E., Sigmar G.* Europe Cannot Wait Any Longer: France and Germany Must Drive Ahead // The Guardian. 03.06.2015. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jun/03/europe-france-germany-eu-eurozone-future-integrate.

[2] *Greer J., Singh K.* A Brief History of Transnational Corporations // Global Policy Forum. New York, 2000. URL: https://www.globalpolicy.org/empire/47068-a-brief-history-of-transnational-corporations.html.

ставку на западную интеграцию, вскоре стали участвовать в мировой торговле гораздо активнее, чем страны, оставшиеся в православном цивилизационном поле тяготения.

Даниэль Грос делает обзор развития экономических связей в интересующем нас регионе, сравнивая посткоммунистические государства — члены ЕС и страны СНГ[1]. Из его анализа стоит упомянуть три красноречивых факта. Во-первых, **страны, ориентированные на Запад, заключили международные торговые соглашения намного раньше**, чем страны СНГ. Двусторонние соглашения между ЕС и странами Центральной и Восточной Европы с переходной экономикой начали формироваться уже в 1991 году, а Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия и Словения стали членами Всемирной торговой организации (ВТО), взяв на себя обязательства по либерализации международной торговли, в 1995 году. Напротив, из стран СНГ стандарты свободной торговли, предложенные ВТО, до 2000 года были приняты лишь Кыргызстаном, а Россия вступила в соглашение только в 2012 году, Таджикистан — в 2013 году, Казахстан — в 2015 году, а Азербайджан, Беларусь и Узбекистан имеют статус наблюдателей (по состоянию на 2019 год)[2]. Во-вторых, **государства — члены ЕС более интегрированы в международное разделение труда**. Грос приводит статистические данные о доле внутренней добавленной стоимости, содержащейся в экспорте страны, показывая, какая часть производственных цепочек продукции страны находится в пределах ее границ. С этой точки зрения, «Россия — это крайний случай, поскольку более 90%

1 *Gros D.* From Transition to Integration: The Role of Trade and Investment // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism / ed. by A. Åslund, S. Djankov. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 233–250. В этой части мы фокусируемся на Центральной Европе и постсоветских странах. О Китае см.: *Wei, Xie, Zhang*. From «Made in China» to «Innovated in China».

2 *Gros D.* From Transition to Integration: The Role of Trade and Investment. P. 235–237; WTO Members and Observers.

добавленной стоимости в экспорте производится на локальном уровне. Этой цифры следовало ожидать, учитывая, что в экспорте России преобладает сырье. На другом полюсе находятся страны Центральной Европы с переходной экономикой, которые хорошо интегрированы в „фабрику под названиваем Европа". В этих странах лишь немногим более половины валовой стоимости экспорта составляет внутренняя добавленная стоимость», которая происходит не от продажи природных ресурсов[1]. Третий факт, тесно связанный с предыдущим, заключается в том, что **прямые иностранные инвестиции (ПИИ) играли центральную роль в развитии ориентированных на Запад посткоммунистических стран**. Грос отмечает, что ПИИ, привлеченные во время и после приватизации при смене режима [▸ 5.5.2], внесли свои ноу-хау и капитал, которые совместно с относительно хорошим человеческим капиталом, доступным в регионе, стали необходимой частью локального экономического ландшафта[2]. Если говорить более конкретно, то Бела Грешкович и Дороти Боле отмечают, что иностранные инвесторы в странах Вишеградской группы и Словении вкладывали в основном в трудоемкие отрасли промышленности, повышая конкурентоспособность экспорта, что также побуждало местные муниципалитеты предлагать инвесторам щедрые пакеты стимулов (снижение налогов, благоприятные нормативные правила и т. д.). Напротив, прибалтийские страны «извлекли выгоду из растущего притока ПИИ, направив их в банковский сектор, недвижимость и строительство, что позволило обеспечить рост экономики за счет кредитов»[3]. По сравнению с ними страны СНГ получили в 1990-х годах гораздо меньше прямых иностранных инвестиций, чем страны — потенциальные члены ЕС, тогда

1 *Gros D.* From Transition to Integration: The Role of Trade and Investment. P. 242.

2 Ibid. P. 244.

3 *Bohle D., Greskovits B.* Capitalist Diversity on Europe's Periphery. P. 82–95.

как растущий приток ПИИ в 2000-х годах был в основном в горнодобывающую промышленность и геологоразведочные работы, связанные с природными богатствами этих стран [▸ 7.4.6.1][1].

Это приводит нас к **аналитическому аспекту международной экономической зависимости**. Естественно, как только страны начинают заниматься торговлей, брать ссуды друг у друга и таких международных организаций, как МВФ, а компании приобретают транснациональный масштаб, ни одна страна в мире не может считаться по-настоящему независимой с экономической точки зрения[2]. Тем не менее такие статистические данные, как (a) доля международных кредиторов в государственном долге, (b) доля иностранных производителей в национальном ВВП или (c) доля экспорта в национальном ВВП, могут помочь в количественно измерить уровень зависимости национальной экономики[3]. Для анализа посткоммунистического региона в качественном отношении можно выделить следующие два типа зависимости:

• **Зависимость от ПИИ**, то есть фундаментальная роль прямых иностранных инвестиций и транснациональных корпораций в экономике. Сторонники разновидностей парадигмы капитализма [▸ 5.6] предложили более точный анализ, из которого можно заключить, что страны Центральной Европы, зависящие от ПИИ, имеют общие характерные черты, такие как зависимость местных предприятий от внутрифирменной

1 *Gros D.* From Transition to Integration: The Role of Trade and Investment. P. 244; *Kalyuzhnova Y., Patterson K.* Kazakhstan: Long-Term Economic Growth and the Role of the Oil Sector // Comparative Economic Studies. 2016. Vol. 58. № 1. P. 93–118.

2 Анализ см.: *Martin L., ed.* The Oxford Handbook of the Political Economy of International Trade. Oxford: Oxford University Press, 2015.

3 *Huang J., Słomczyński K.M.* The Dimensionality and Measurement of Economic Dependency: A Research Note // International Journal of Sociology. 2003. Vol. 33. № 4. P. 82–98; *Chase-Dunn C.* The Effects of International Economic Dependence on Development and Inequality: A Cross-National Study // American Sociological Review. 1975. Vol. 40. № 6. P. 720–738.

иерархии внутри ТНК; ПИИ и принадлежащие иностранным владельцам банки как основное средство привлечения инвестиций; корпоративное управление, контролируемое штаб-квартирами ТНК; и опора на конкурентное преимущество, заключающееся в том, что они являются «сборочными платформами» полустандартизированных промышленных товаров[1].

• **Зависимость от экспорта**, то есть фундаментальное значение экспортных доходов для стабильности внутренней экономики в целом и для сбалансированности бюджета в частности. Как правило, **страна, которая зависит от ПИИ, зависит и от экспорта**, особенно если ТНК используют вышеупомянутые сборочные платформы, которые производят продукцию преимущественно для зарубежных рынков. Однако **если страна зависит от экспорта, она необязательно зависит от прямых иностранных инвестиций**. Яркие тому примеры в посткоммунистическом регионе можно найти среди стран СНГ. В 2014 году доля доходов от нефти и газа в общем объеме экспорта в Азербайджане составляла 92%, в Казахстане — 77%, в России — 56% и в Туркменистане — 91%[2], а доходы, полученные от этих двух природных ресурсов сыграли фундаментальную роль в сохранении сбалансированности бюджета и росте ВВП в этих странах[3].

Как и в случае с политическими связями, экономическая зависимость не оказывает на режимы очевидного гомогенизирующего эффекта. Скорее, **она может быть как стабилизирующим, так и деструктивным элементом режима**. Два упомянутых типа зависимости имеют разные эффекты

[1] *Nölke A., Vliegenthart A.* Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // World Politics. 2009. Vol. 61. № 4. P. 670–702.

[2] *Kalyuzhnova Y., Patterson K.* Kazakhstan. P. 99.

[3] *Paczyński W.* Oil and Gas Wealth — the Impact on Development Prospects of CIS Countries // The Resource Wealth Burden: Oil and Gas Sectors in the Former USSR. Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2003. URL: http://pdc.ceu.hu/archive/00001675/01/PRACE12en.pdf.

и даже эффекты в пределах одного типа могут различаться. Например, **зависимость от экспорта при отсутствии зависимости от ПИИ может стабилизировать режим, если она вызывает асимметричную взаимозависимость**, о чем мы рассказывали выше, когда речь шла о российской «газпромовской дипломатии» [▸ 7.4.3.2]. В этом случае страна получает возможности для шантажа и может использовать свои рычаги влияния на международных переговорах, укрепляя режим и реализуя интересы его лидеров. Конечно, получение значительной доли доходов от зарубежных стран также означает зависимость от их платежеспособности, то есть от состояния экономики торговых партнеров, а также от цены экспортируемых товаров на мировом рынке. Однако недавнее исследование, посвященное России, показало, что резкое повышение цен на нефть увеличивает коррупцию и ослабляет демократию, то есть способствует стабильному функционированию патрональной автократии. При этом если цены на нефть резко падают, то это никак не влияет на качество институтов, а только снижает доход[1]. Хотя падение доходов, несомненно, происходит, это возникающее время от времени следствие зависимости от экспорта не оказывает явного разрушительного воздействия на патрональную автократию. В действительности истощение ресурсов может даже привести к усилению государственного принуждения, которое служит противовесом для экономических проблем, как произошло, например, в России, когда после падения цен на нефть, возросло число российских военных интервенций. В целом зависимость от экспорта является фактором стабилизации режима в России, которая также занимает исключительное место в мировой нефтяной промышленности[2].

1 *Zakharov N.* Asymmetric Oil Price Shocks, Tax Revenues, and the Resource Curse // Economics Letters. 02.07.2019.

2 Более подробный анализ см.: *Barnes A.* Russia's Potential Role in the World Oil System.

Зависимость от ПИИ подразумевает наличие в экономике автономных главных предпринимателей [▸ 3.4.1.2]. **Для режима**, возглавляемого однопирамидальной патрональной сетью, они несут в себе серьезный **деструктивный потенциал**, учитывая, что для автократической консолидации требуется разрушение автономии предпринимателей, одной из четырех автономий гражданского общества [▸ 4.4.1.3]. **Верховный патрон** может нейтрализовать эту угрозу несколькими способами. Во-первых, он **может попытаться вытеснить компании или захватить их** с помощью различных средств государственного дискреционного вмешательства, уменьшая зависимость страны от прямых иностранных инвестиций в целом. В патронально-автократическом режиме Венгрии, зависящем от ПИИ, было несколько подобных атак, проводимых через изменения в нормативной базе и введение отраслевых и дискреционных налогов в банковской, телекоммуникационной и энергетической отраслях[1]. Тем не менее многие иностранные компании не подходят на роль добычи из-за своей мобильности и потенциального экономического ущерба, который их ухудшающаяся производительность, сокращение штата и приостановка работы могут нанести стране в ходе фазы охоты [▸ 5.5.4.1]. В этих случаях верховный патрон должен **попытаться сделать так, чтобы смена режима стала невыгодна для ТНК**. Другими словами, средствами нейтрализации верховного патрона теперь становятся переговоры и кооптация, побуждающие крупных иностранных предпринимателей держаться в стороне от внутренней политики. В качестве альтернативы иностранные компании можно убедить не содействовать оппозиции, а поддерживать правящую патрональную элиту. Это можно

[1] *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 195–209; *Soós K. A.* Tributes Paid through Special Taxes; *Király J.* A Magyar Bankrendszer Tulajdonosi Struktúrájának Átalakulása [Трансформация структуры собственности венгерской банковской системы].

сделать либо через (a) экономические услуги, например через заключение контрактов с компаниями приемной политической семьи, либо через (b) политические услуги, такие как возможность размещать рекламу в патрональных, а не в оппозиционных СМИ[1].

Факторы, заставляющие ТНК потерять интерес к смене режима, могут быть интуитивными или индуктивными. Что касается интуитивных факторов, то **иностранные компании и инвесторы не заинтересованы в каких-либо фундаментальных изменениях, которые могут угрожать их прибыльности.** Они могут посчитать изменения рискованными, если (a) отсутствует сильная оппозиция, которую они воспринимают как заслуживающую доверия и способную управлять (то есть ту, которая не создаст более хаотичную среду), или если (b) существует угроза утраты существующего сотрудничества с компаниями приемной политической семьи, статус которых пошатнется, если новое правительство попытается отобрать их или нанести им ущерб средствами экстраэлекторальной реституции [▸ 7.3.4.1][2]. В то же время верховный патрон может активно отбивать охоту противостоять режиму через **кооптацию ТНК**. В Венгрии, единственной посткоммунистической стране, которая одновременно зависит от ПИИ и является патрональной автократией (а также членом ЕС), строптивым компаниям предлагаются формальные стратегические соглашения, как те, что были заключены с фирмами *Audi*, *Coca-Cola*, *Daimler*, *GE*, *Microsoft*, *Richter*, *Samsung*,

1 Хотя данные о частных рекламных контрактах не являются общедоступными, эксперты и журналисты, занимающиеся расследованиями в Венгрии, получали сообщения о том, что просьбы не размещать рекламу в оппозиционных СМИ были озвучены.

2 Так, иностранные инвесторы, которые хотят вкладывать средства в реляционную экономику, могут сделать это, если они сходятся во взглядах с приемной политической семьей. См.: *Chayes S.* The Structure of Corruption: A Systemic Analysis. P. 521.

Sanofi, *Synergon* и т. д.[1] Значительная часть продукции предприятий-партнеров сбывается не на венгерском рынке, поэтому необходимую прибыль нельзя обеспечить с помощью закона. Но в то же время эти предприятия предоставляют венграм рабочие места и платят налоги с их заработной платы. В 2013 году Петер Сиярто, бывший тогда статс-секретарем (в настоящее время министр иностранных дел и внешней торговли Венгрии), заявил, что стратегические соглашения «вызвали у предприятий интерес из-за возможности систематических консультаций с правительством. Для некоторых фирм это может означать преимущество внутри группы похожих предприятий при выборе мест для новых капиталовложений»[2]. Это звучит достаточно красноречиво. Как утверждает один из журналистов, специализирующихся на расследованиях, «во всех случаях с инициативой установления более тесных связей выступало правительство, а значительная часть обхаживаемых предприятий чувствовала, что им сделано предложение, от которого нельзя отказаться, так как в случае отказа они лишатся определенных льгот, да еще, возможно, на них обрушится меч неортодоксального правотворчества и налогообложения. Однако, если верить слухам, несколько фирм все же не побоялись отвергнуть предложение правительства»[3]. К концу 2018 года венгерским правительством было подписано 79 стратегических

1 *Bartha A.* Politically Driven Policy-Making, Lobbying and Understanding the Role of Strategic Partnership Agreements from a Narrative Policy Framework Perspective: Paper presented at the Mapping the System of National Cooperation Conference. IWM/IHS Institut für die Wissenschaften vom Menschen. Vienna, 2015.

2 *Szíjjártó P.* Még több stratégiai megállapodás jöhet [Предстоят новые стратегические соглашения]: интервью с Тар Габором. Világgazdaság. 13.06.2013. URL: https://www.vg.hu/velemeny/meg-tobb-strategiai-megallapodas-johet-interju-szijjarto-peterrel-405633/.

3 *Erdélyi K.* Milliárdos Pályázatok Csak Stratégiai Partnereknek [Тендеры на миллиарды форинтов получают только стратегические партнеры] // Atlatszo.hu (blog). 30.06.2013. URL: http://atlatszo.blog.hu/2013/07/30/milliardos_palyazatok_a_strategiai_partnereknek1.

соглашений, 75 из которых были заключены с иностранными инвесторами, а 4 — с венгерскими[1].

Помимо стратегических соглашений, Орбан также использовал для нейтрализации ТНК прямую финансовую помощь и менял существующие правовые нормы. По утверждению Шайринга, «в период с 2004 по 2010 год государственные субсидии транснациональным компаниям составили 127,3 млрд форинтов [около 385 млн евро]. По сравнению с этим, объем государственной помощи транснациональным компаниям в период с 2011 по 2018 год увеличился вдвое (263,2 млрд форинтов [около 797 млн евро]) <...>. Большая часть государственной поддержки транснациональных компаний была направлена на монтаж сборочных платформ, в 24 случаях она шла на содействие сервисным центрам, и только в 12 случаях была направлена на инновационные научно-исследовательские проекты <...>. Наконец, правительство значительно увеличило гибкость рабочей силы и снизило защиту трудовых прав. Одновременно с введением нового Трудового кодекса в 2010 году правительство ликвидировало существующий трехсторонний орган по согласованию интересов и модифицировало закон о забастовках так, что забастовки профсоюзов государственного сектора стали практически невозможны. <...> В декабре 2018 года [правительство] снова [внесло поправки] в Трудовой кодекс по просьбе компаний <...>, о чем признался в интервью один из его членов <...>. Согласно этим изменениям, максимально допустимое количество сверхурочных часов на человека было увеличено с 250 до 400, или на 20% от полной занятости»[2].

Эти изменения достигли своей цели. По словам главного редактора *Budapest Zeitung*, 90% немецких инвесторов, ведущих свою деятельность в Венгрии, отдали бы свой голос за

1 *Scheiring G.* Egy demokrácia halál [Как умирает демократия]. Budapest: Napvilág Kiadó, 2019. P. 233.

2 Ibid. P. 234–240.

Орбана[1], а немецкое руководство ограждает Орбана как от серьезных материальных санкций, так и от исключения из их общей Европейской народной партии[2]. Хотя существует такое понятие, как «немецкие интересы», эта ситуация, несомненно, демонстрирует раздвоение идентичности: немецкие компании заинтересованы в поддержке Орбана, пока он гарантирует им безопасную бизнес-среду и высокую прибыль, но немецкие налогоплательщики вряд ли заинтересованы в криминальном государстве, которое применяет клептократические методы и пытается извлекать ренту, присосавшись к фондам ЕС, которые формируются из их налогов. Пока что правительство Германии, по-видимому, подчиняется краткосрочным интересам лоббистов ТНК, поощряя международную безнаказанность криминального государства, что в долгосрочной перспективе способствует консолидации режима, который, в свою очередь, деконсолидирует ЕС.

В целом о **зависимости** патрональной автократии **от ПИИ** можно сказать, что она **повышает возможности для лоббирования строптивых иностранных предприятий**, которые имеют гораздо больше влияния на выработку политики, чем главные экономические акторы в более закрытых режимах [▸ 4.3.2.3]. На практике иностранные предприятия образуют бизнес-группу и действуют подобным образом, что мало чем отличается от бизнес-групп в условиях либеральной демократии и кардинально отличается от неформальных патрональных сетей [▸ 5.4.2.3]. Поскольку иностранные предприятия обычно просят об отмене контроля и налоговых льготах, критики левого толка склонны интерпретировать это

[1] *Book S.* Deutsche Firmen in Osteuropa: Geschäfte machen beim Europafeind // WirtschaftsWoche. 30.01.2018. URL: https://www.wiwo.de/my/politik/europa/deutsche-firmen-in-osteuropa-geschaefte-machen-beim-europafeind/20903608.html.

[2] *Kelemen R. D.* Europe's Other Democratic Deficit: National Authoritarianism in Europe's Democratic Union // Government and Opposition. 2017. Vol. 52. № 2. P. 211–238.

как проявление неолиберализма, а само государство — как неолиберальное государство, представляющее собой слияние авторитаризма и капитализма[1]. Однако здесь необходимо прояснить два момента. Во-первых, неолиберализм — это идеология, и поэтому прилагательное «неолиберальный» подразумевает актора, управляемого идеологией [▸ 6.4.1]. Однако верховный патрон не управляется идеологией, а действует в соответствии с интересами элит, преследуя цели концентрации власти и личного обогащения [▸ 2.3.2]. Принятие политических мер, за которые также выступает неолиберализм, — это услуга, оказываемая иностранным компаниям в попытке кооптировать их и нейтрализовать таким образом автономных, неклиентарных экономических акторов, а также консолидировать монополию на политическую власть приемной политической семьи. Эти меры следуют из логики патрональной автократии и модели мафиозного государства, которая базируется не на идеологии, а на принципе интересов элит и наследует свою логику в посткоммунистическом контексте из жестких структур. Если исходить из этой логики, то нет никакой необходимости в «неолиберальном» политическом курсе верховного патрона, и если бы автономные акторы, которых он хочет умилостивить, потребовали бы политику другого типа, он бы выполнил их требование. На его удачу лишение работников их трудовых прав вписывается в общие цели создания клиентарного общества (к которому неолиберализм не стремится [▸ 6.2.2.2]). Верховный патрон может даже проводить политику, которая в принципе не отвечает интересам элит. Например, снижение налогов может означать сокращение источников подлежащей распределению

[1] *Gagyi Á., Gerőcs T.* The Political Economy of Hungary's New «Slave Law» // Lefteast (blog). 01.01.2019. URL: https://www.criticatac.ro/lefteast/the-political-economy-of-hungarys-new-slave-law/; *Antal A.* The Rise of Hungarian Populism: State Autocracy and the Orbán Regime. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. Ср.: *Bruff I.* The Rise of Authoritarian Neoliberalism // Rethinking Marxism. 2014. Vol. 26. № 1. P. 113–129.

ренты [▸ 7.4.6.4]. Но даже если он делает это, он платит небольшую цену за кооптацию строптивых акторов, нейтрализуя при этом саму возможность угрозы патрональному порядку. Это подводит нас к более общей мысли о фокусе этих акторов: **в центре внимания иностранных экономических акторов находятся особенности, присущие политике, тогда как в центре внимания верховного патрона находятся особенности, присущие режиму**. С одной стороны, основная цель предпринимателя — это получение прибыли; он заинтересован в демократии и ограниченной власти лишь постольку, поскольку это защищает его и его бизнес от произвола со стороны неограниченной власти. Но если эта власть представлена верховным патроном, который явно заинтересован в том, чтобы сдержать свое слово, потому что хочет поддерживать хорошие отношения со строптивыми акторами, то этот патрон тоже может гарантировать безопасный и прогнозируемый деловой климат. Возможно, даже более безопасный, чем может обещать демократический лидер, у которого меньше средств для вмешательства, который вынужден находить баланс между различными интересами и который потенциально покинет свой пост после окончания избирательного цикла[1]. С другой стороны, верховный патрон может с легкостью поменять нормы, если сам поддерживает эти изменения либо если они его мало волнуют, в обмен на нейтрализацию или кооптацию акторов, до которых ему есть дело. Следовательно, оказание одолжений строптивым ТНК является результатом взаимовыгодной сделки, в ходе которой обе стороны обменивают то, что для них не очень ценно, на то, что они ценят больше. Действуя рационально в соответствии со своими мотивами в рамках модели мафиозного государства, **верховный патрон превращает изначально деструктивный**

1 *Iványi G.* Vörös Farok [Приманка для цензуры] // Élet És Irodalom 53. № 39. 25.09.2009. URL: https://www.es.hu/cikk/2009-09-27/ivanyi-gyorgy/voros-farok.html.

для режима потенциал зависимости от прямых иностранных инвестиций в стабилизирующий фактор[1].

До этого момента мы рассматривали международные отношения между патрональными режимами и формальными экономическими акторами. Тем не менее **включенность в международный контекст и зависимость можно понимать также с учетом глобальной криминальной экосистемы**, то есть как зависимость местных патрональных сетей от неформальных и незаконных иностранных групп [▸ 5.3.4.3]. На самом деле, на протяжении всей книги мы подспудно подразумевали, что неформальные патрональные сети действуют в рамках режима, то есть их филиалы не выходят за границы страны. Это допущение было необходимо для четкого моделирования идеальных типов, включая патронализм как таковой и режимы идеального типа, в которых патронализм является особенностью режима. Однако в действительности эти сети часто разрастаются до транснационального размера. Как отмечает Чейз, «вряд ли можно считать, что существовала национальная граница между сетью бывшего президента Виктора Януковича в Украине <...> и связанными с ней более мощными российскими сетями. Узлами в этой сети были члены новой правящей коалиции США, включая президента

1 Таким образом, Шайринг признает, что «патримониальные отношения становятся центральной стяжательной стратегией» в Венгрии, тогда как Аттила Аг, называющий режим Орбана «неолиберально-авторитарным гибридом», пишет, что в «мафиоподобной системе» неформальных институтов Орбана «преобладает распределение по политическому принципу, которое служит как обогащению нового правящего класса, так и формированию и консолидации политической власти». По-видимому, оба автора приближаются к нашему понимаю, но настаивают на использовании классового анализа и вокабуляра, разработанного теоретиками западного неолиберализма, что в конечном счете искажает их анализ. См.: *Scheiring G.* Egy demokrácia halál [Как умирает демократия] P. 279; *Ágh A.* A Rendszerváltás Terhe: Neoliberális-Autoriter Hibrid Magyarországon [Бремя смены режима: Венгрия как неолиберально-авторитарный гибрид] // Neoliberális Hegemónia Magyarországon: Elemzés És Kritika [Неолиберальная гегемония в Венгрии: анализ и критика]. Budapest: Noran Libro, 2019. P. 162.

Трампа и его семью, а также некоторых близких советников <...>. Банковский сектор Молдовы тоже можно рассматривать как полностью интегрированный элемент российских криминальных сетей, по крайней мере до начала 2014 года. Кыргызские сети незаконной наркоторговли носят явный международный характер и наилучшим образом встроены в российский контекст. Связи между правительствами этих двух стран, по разным сообщениям, столь же сильны»[1].

Зависимость в этом контексте можно понимать в трех отношениях. Два из них мы уже упоминали в Главе 5: (1) **зависимость от некриминальных государств**, где защита прав собственности и другие институты, обеспечивающие разделение сфер социального действия, оберегают состояния патронов, нажитые посредством вывода денег в офшоры; и (2) **зависимость от отдельных преступников**, которые предоставляют всем желающим такие услуги, как отмывание денег, регистрация подставных компаний, контрабанда, незаконные банковские операции, отмывание репутации и другие, не отдавая никому особого предпочтения и не вовлекая в это конкретную патрональную сеть [▸ 5.3.4.3]. По словам Чейз, в число таких фирм входят панамская юридическая фирма *Mossack Fonseca* и лоббистские фирмы, такие как *Fabiani and Company*, занимающиеся отмыванием репутации[2]. В среднесрочной перспективе факторы (1) **и (2), судя по всему, относительно стабильны**, ведь национальные границы и рынки проницаемы, а область деятельности правоохранительных органов ограничена территорией одного государства. Другими словами, **деньги интернациональны, а законы — нет**[3]. До сих пор частичным решением этой проблемы было международное сотрудничество правоохранительных органов (например,

1 *Chayes S.* The Structure of Corruption: A Systemic Analysis. P. 519–520.

2 Ibid. P. 520–521.

3 *Bullough O.* Moneyland: Why Thieves And Crooks Now Rule The World And How To Take It Back. London: Profile Books, 2018.

Интерпол), а также такие законы, как знаменитый Закон Магнитского, который позволяет правительству США применять санкции против олигархов и полигархов криминальной экосистемы через замораживание их активов и/или запрет на въезд в США [▸ 7.4.4.2][1].

Фактор, который мы в этом контексте еще не рассматривали, — это (3) **зависимость от других криминальных государств**, что особенно актуально для России с ее имперскими амбициями и постоянным стремлением привязать к себе иностранные патрональные сети. Эта стратегия может принимать вид формальных межправительственных соглашений, например поддержка Беларуси и Украины через предоставление источников подлежащей распределению ренты[2] или Азербайджана через продажу оружия[3], но даже в этих случаях это делается по воле верховного патрона и с целью формирования зависимости. В других случаях отношения могут быть неформальными и даже двусторонними. Чейз пишет о такой взаимозависимости между Россией и Молдовой [▸ 7.3.4.4], где сеть президента Плахотнюка использовала российские банки, предоставляющие фиктивные депозиты, чтобы замаскировать исчезающий капитал молдавских банков, а Путин использовал молдавские банки для отмывания денег[4].

7.4.6. Природные ресурсы и другие источники распределяемой ренты

Несмотря на то, что патрональные режимы обычно опираются на формы коррупции, идущей сверху вниз [▸ 5.3.2.3], существует множество различий между странами в том, откуда они

1 *Knight A.* The Magnitsky Affair // The New York Review of Books. 2018. № 22. P. 25–27.

2 *Pikulik A.* Belarus, Russia, and Ukraine as Post-Soviet Rent-Seeking Regimes.

3 См. Схему A.6: *Chayes S.* The Structure of Corruption: A Systemic Analysis.

4 См. Схемы C.4–5: Ibid.

берут эти деньги. Под «деньгами» понимается, как правило, рента или доход, полученный благодаря отсутствию конкуренции, что, в свою очередь, обусловлено формальным или неформальным дискреционным отношением (то есть коррупцией [▸ 5.4.1]). Рента необходима не только для личного обогащения, но и для выживания режима, ведь пока лояльность награждается распределением ренты, у членов правящей элиты есть веские причины поддерживать своего верховного патрона: они «получают свои средства к существованию за счет лояльности режиму, и если ему придет конец, то они потеряют почти столько же, сколько и их лидер»[1].

Что касается ренты, то основной вопрос заключается в том, **что находится в распоряжении режима**: **какие доступные ресурсы** могут послужить источником ренты и затем быть распределены среди членов приемной политической семьи. Измерения, с помощью которых можно анализировать ренту, включают в себя:

- **прибыльность**, то есть рентабельность, а также количество ренты, которую можно извлечь;
- **простоту извлечения ренты,** то есть одновременно (a) необходимость формальной и неформальной инфраструктуры, делающей ресурс доходным, а поток ренты к патрональной сети — непрерывным, и (b) необходимость обезвреживать механизмы контроля, которые могут препятствовать извлечению ренты;
- **естественную долговечность,** то есть период, в течение которого тот или иной ресурс способен приносить ренту, если исключить потрясения (то есть неожиданные и непредсказуемые события);

1 *Boutton A.* Of Terrorism and Revenue: Why Foreign Aid Exacerbates Terrorism in Personalist Regimes // Conflict Management and Peace Science. 2019. Vol. 36. № 4. P. 364. Также см. *Bratton M., van de Walle N.* Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997.

• **зависимость от функционирования режима,** то есть необходимость активного вмешательства режима для поддержания прибыльности ресурса и/или его доступности для патрональной пирамиды.

В следующих частях мы анализируем различные источники распределяемой ренты с помощью этих четырех измерений. Типы источников ренты, которые доступны патрональной сети, зависят от географического положения страны, а также от ее международных политических и экономических связей. Хотя потенциальных источников может быть много, мы рассмотрим четыре наиболее важных из них для посткоммунистического региона: природные ресурсы, международную финансовую поддержку, трофейные компании и банки, а также государственный бюджет.

7.4.6.1. Нефть и природный газ

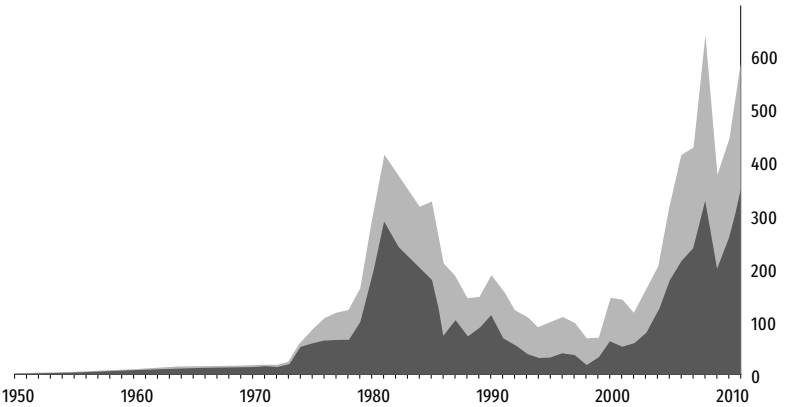
Природные ресурсы служат одним из главных источников ренты; их можно обозначить как непроизведенные активы. Очевидными примерами здесь являются **нефть и природный газ**, каждый из которых исключительно важен для стран СНГ. Рассмотрим эти ресурсы в соответствии с измерениями, обозначенными выше. Во-первых, с точки зрения прибыльности, эти природные ресурсы способны производить мощный поток доходов, как благодаря соответствующему спросу на рынках, поскольку постоянный спрос на эти ресурсы колоссален во всех развитых странах, так и благодаря постоянному предложению, поскольку обычно природные ресурсы расположены компактно с географической точки зрения, а следовательно, отдельно взятая страна может оказаться местным монополистом в своем регионе. В предыдущей части мы уже указывали на то, что природные ресурсы обеспечивают львиную долю экспорта и бюджетных доходов в таких странах, как Азербайджан, Казахстан, Россия

и Туркменистан[1]. Тем не менее прибыльность нефти и газа проистекает не только из рыночной логики, а значит, и не только из рыночной рентабельности. Скорее в этих странах нефть и газ — это в том числе и **основной источник извлечения ренты из государства** в том смысле, что получаемые с них доходы значительно превосходят обычный рыночный уровень [▸ 5.4.2.1].

Схема 7.25 дает, согласно подсчетам Гэдди и Икеса, примерную оценку ренты в России, и показывает, как динамика ренты следовала за развитием режима. После нефтяного кризиса 1973 года искусственно низкие цены на энергию, характерные для плановой экономики, обеспечивали советской экономике значительный поток ренты, принося пользу не частным лицам или компаниям, а странам советской империи в целом. Таким образом, хотя распределение ренты и могло варьироваться от страны к стране на дискреционной основе, генеральные секретари партии или их номенклатура не присваивали ренту в целях личного обогащения. Количество ренты достигло своего пика в 1980-х годах, а потом постепенно уменьшалось, по мере того как империя распадалась вместе с некогда единой энергетической индустрией. Оно продолжало падать и после смены режима, достигнув дна в период олигархической анархии, когда государство было слабым и ни одна патрональная сеть не контролировала государственные институты в объеме, достаточном для того, чтобы использовать все возможности создания новых источников ренты путем дискреционного вмешательства [▸ 5.4.2]. Затем, на рубеже тысячелетия рента начала расти, когда пришедший к власти Путин понял, что любой, кто контролирует рынки природных ресурсов, получает еще

1 *Kalyuzhnova Y., Patterson K.* Kazakhstan; *Barnes A.* Russia's Potential Role in the World Oil System: Reciprocal Dependency, Global Integration, and Positive Unintended Consequences // The Political Economy of Russia. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. P. 151–168.

Схема 7.25: Рента, полученная от нефти и газа в России в 1950–2010 годах (нефтяная рента обозначена черным, газовая рента — серым; значения даны в млрд долларов США 2011 года). Источник: Gaddy C., Ickes B. Russia's Dependence on Resources // The Oxford Handbook of the Russian Economy. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. P. 315



и монополию на власть в стране[1]. Наконец, после того как Путин подчинил себе конкурирующие патрональные сети, рента подскочила за счет возглавляемого центром рейдерского захвата нефтяной компании «ЮКОС», отчуждения налоговых доходов региональных властей от ресурсных компаний и, наконец, институционализации однопирамидальной системы в 2003–2004 годах[2].

Поскольку Путин превратил Россию в патрональную автократию, объемы ренты значительно превзошли те величины, которые извлекались в Советском Союзе, а назначение этой ренты изменилось. Теперь лишь ее часть используется для поддержания стабильности режима, кооптации россиян и поддержки соседствующих автократий ценовыми субсидиями. Другая часть ренты в настоящее время тратится на ныне нескрываемую цель личного обогащения, то есть на поддержку членов приемной политической семьи и ее компаний. Гэдди и Икес демонстрируют это, отслеживая

1 *Politkovskaya A.* A Russian Diary. P. 133.

2 *Åslund A.* Russian Resources: Curse or Rents?

распределение отдельных элементов ренты в путинской централизованной и монополизированной системе ее создания. Официальные доходы тратятся на реинвестиции и личное обогащение формальных и неформальных владельцев; неформальные доходы отходят к формальным владельцам, которые скрывают эту часть доходов от верховного патрона ради своего личного обогащения. Официальные налоги идут в государственный бюджет, а верховный патрон распоряжается ими через законодательство, выполняющее роль приводного ремня [▸ 4.3.4.4], тогда как неофициальные налоги, то есть плата за крышу [▸ 5.3.3.1], распределяются между региональными патронами и членами местных сообществ. Наконец, чрезмерная стоимость образуется через контракты, где цена на товары и услуги, которые на неконкурентной основе достаются фирмам приемной политической семьи, заведомо завышается. По мнению авторов, все это обычно происходит в соответствии с неформальными патрональным приказами Путина, который таким образом направляет энергетическую ренту на истощение трофейных пузырей российской экономики [▸ 5.5.4.3][1].

Второе измерение — **простота извлечения ренты**. С одной стороны, такую ренту просто извлекать, потому что нефть и газ — это, если использовать термин Вахаби, **легко присваиваемые активы.** Они одновременно немобильны и могут быть присвоены государством, поэтому они практически неизбежно присваиваются политическими элитами той территории, на которой находятся[2]. С другой стороны, для извлечения нефти и газа **нужна материальная инфраструктура**, в том числе тяжелое машинное оборудование и трубопроводы.

1 *Gaddy C., Ickes B.* Russia's Dependence on Resources. P. 317–324.

2 *Vahabi M.* A Positive Theory of the Predatory State. P. 160–164. Более комплексный анализ см.: *Vahabi M.* The Resource Curse Literature as Seen through the Appropriability Lens: A Critical Survey // Public Choice. Vol. 75. № 3. P. 393–428.

Это оборудование дорогое и его сложно строить, но в то же время именно благодаря этим свойствам трубопроводы в руках патронального режима становятся **важным монопольным ресурсом**. В отличие от «газпромовской дипломатии», включающей в себя «угрозы прекратить собственные поставки в другие страны, Россия могла заблокировать трубы, по которым идет нефть *других* стран через ее территорию или рядом с ней. Профинансированный Западом трубопровод КТК тянется из Казахстана вдоль северной границы Каспийского моря в российский порт Новороссийск, а советский трубопровод доставляет нефть из Туркменистана и Казахстана в центральную Россию и к ее основным трубопроводам для экспорта в Европу. Таким образом, эти страны-экспортеры в ходе переговоров о тарифах или квотах оказываются в относительно зависимом положении»[1].

В соответствии с третьим измерением, нефть и газ обладают высокой **естественной долговечностью.** Конечно, оба этих ресурса невозобновляемы, и, как отмечают Гэдди и Икес, какую-то часть получаемой ренты (доходов) нужно тратить на поиск и разработку новых месторождений. Однако это либо (а) не относится к краткосрочной и среднесрочной перспективе, поскольку инвестиции в будущее производство можно отсрочить за счет будущих претендентов[2], либо (б) они представляют собой дополнительные источники извлечения ренты, если прямые иностранные инвесторы заинтересованы в разработке месторождений и их поиске по завышенным ценам в связке с компаниями приемной политической семьи[3]. Чейз пишет, что: «государственным предприятиям, которые контролируются [патрональными] сетями, таким как ГНКАР

1 *Barnes A.* Russia's Potential Role in the World Oil System. P. 158.

2 *Gaddy C., Ickes B.* Russia's Dependence on Resources. P. 324.

3 *Franke A., Gawrich A., Alakbarov G.* Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States: Resource Incomes and Autocracy as a Double «Curse» in Post-Soviet Regimes // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. № 1. P. 120.

[Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики], необходимы международные инвесторы для того, чтобы участвовать в совместных предприятиях или сотрудничать с определенными поставщиками. Международный партнер может быть волей-неволей впутан в сеть»[1].

Наконец, возможно самое привлекательное свойство природных ресурсов для патрональной сети заключается в том, что эти **ресурсы практически независимы от функционирования режима**. Они не создаются искусственно: если они уже находятся в почве, любой режим, контролирующий эту территорию, может заявлять на них свои права. Более того, как подчеркивают теоретики так называемого ресурсного проклятия, любая сеть, которая контролирует ту или иную территорию, тоже может претендовать на них. По мнению этих исследователей, обилие ресурсов влияет на особенности режима той или иной страны и приводит либо к (a) **консолидации автократий**, либо к (b) **распаду режимов в ходе гражданских войн**[2]. С учетом такого влияния на внутреннюю логику и динамику режимов, некоторые авторы даже осмысляли богатые ресурсами режимы через эту характеристику, создавая такие термины, как «государство-рантье» [▸ 5.4.2.4] или «петрогосударство»[3]. С одной стороны, наше представление об этом отличается: мы не считаем обилие ресурсов особенностью режимов, поэтому оно не должно учитываться в обозначениях государств или режимов. С другой — эти два эффекта, на которые указывают теоретики ресурсного проклятия, можно истолковывать в том числе и в наших терминах. Так, мы понимаем **консолидацию автократий** как **ситуацию, когда природные ресурсы**

1 *Chayes S.* The Structure of Corruption: A Systemic Analysis. P. 521.

2 *Vahabi M.* The Resource Curse Literature as Seen through the Appropriability Lens.

3 Пример метаанализа см.: *Waldner D., Smith B.* Rentier States and State Transformations.

используются однопирамидальной сетью, тогда как распад режимов происходит, когда **их использует конкурирующая пирамида, захватившая территорию, на которой сконцентрирован соответствующий ресурс.** Оба сценария указывают на прибыльность природных ресурсов, которая способствует стабильности патрональных режимов, обеспечиваемой относительно стабильным потоком ренты.

7.4.6.2. Международная финансовая поддержка

В тех патрональных режимах, которым не было суждено занимать территории, богатые природными ресурсами, **международная финансовая поддержка может заменять собой нефть и газ**. Ученые давно заметили, что автократы пытаются извлекать ренту из иностранной помощи[1], что также приводит к стабильности таких режимов[2]. Тем не менее посвященные этому исследования фокусировались преимущественно на странах вне посткоммунистического региона (таких как Африка и Ближний Восток), и уделяли внимание как финансовой, так и неденежной помощи (например, оружию и возможности проходить учения небольших подразделений личной безопасности, которые могут защищать режим)[3]. В этом тексте мы ограничимся финансовой помощью просто потому, что в посткоммунистическом регионе нет военных диктатур [▸ Заключение], а также потому, что один конкретный вид международных переводов представляет особую важность для центральноевропейских приемных политических семей: речь идет о **средствах Европейского союза**. Из числа денежных

1 *Svensson J.* Foreign Aid and Rent-Seeking // Journal of International Economics. 2000. Vol. 51. № 2. P. 437–461; *Mesquita B. B. de, Smith A.* A Political Economy of Aid // International Organization. 2009. Vol. 63. № 2. P. 309–340.

2 *Licht A.* Coming into Money: The Impact of Foreign Aid on Leader Survival // Journal of Conflict Resolution. 2010. Vol. 54. № 1. P. 58–87.

3 *Boutton A.* Of Terrorism and Revenues. P. 361.

трансферов Евросоюза можно выделить (a) **пассивную ренту**, то есть сельскохозяйственный единоразовый платеж, который выплачивается на формальном основании владения определенной площадью земли и не требует какой-либо значительной производительности[1], и (b) **активную ренту**, например средства на существенное развитие инфраструктуры, которые необходимо потратить только на определенные цели, но которые тоже можно превратить в источник ренты путем установления завышенных цен [▸ 5.3.3.3]. Парадоксальным образом единственная автократия в ЕС, Венгрия, получала в среднем 4,3% своего ВВП в виде финансовой помощи от ЕС каждый год в период с 2010 по 2015 год, что составляло сумму, большую, чем поддержка непатрональных Польши и Чехии[2]. Правительства более развитых стран Евросоюза могут испытывать некоторую фрустрацию, бессильно наблюдая, как приемная политическая семья обогащается за счет их налогоплательщиков. «Около 88% от исчисляемой сотнями миллиардов форинтов стоимости тендеров на госзакупки, выигранных фирмами, входящими в сферу интересов Лайоша Шимички, имеют своим источником евросоюзные проекты. Хотя эта цифра может не отражать точной доли доходов этих фирм за счет средств ЕС, она все же указывает, насколько значительную часть их деятельности составляют проекты, финансируемые Евросоюзом. Еще более велика их доля в деятельности фирм Иштвана Тиборца (зятя Виктора Орбана) и Лёринца Месароша [▸ 5.5.4.3]. Евросоюзные проекты составляют более 94% общей суммы госзаказов, полученных фирмой ЗАО *Elios Innovatív*, одним из собственников

1 *Gebrekidan S., Apuzzo M., Novak B.* The Money Farmers: How Oligarchs and Populists Milk the E.U. for Millions // The New York Times. 03.11.2019. URL: https://www.nytimes.com/2019/11/03/world/europe/eu-farm-subsidy-hungary.html.

2 *Surányi G.* Magyar Gazdaság: Jobban Teljesít? [Венгерская экономика: работает ли она лучше?]. Budapest, 2016. URL: http://republikon.hu/media/38319/suranyiprez_republikon_20161208.ppt.

которой является Тиборц, а у строительной фирмы главы муниципалитета Фелчута ООО *Mészáros és Mészáros* эта цифра составляет более 99%»[1]. Попытки отделить использование средств ЕС от норм и контроля ЕС усилили конфликт Орбана с Брюсселем. Крупнейшим странам-донорам рано или поздно придется решать, насколько долго их налогоплательщики готовы финансировать личное обогащение венгерского мафиозного государства, явно не входящее в число целей, стоящих перед фондами Евросоюза.

Прибыльность международного финансирования вытекает из того факта, что они и есть **абсолютно чистая рента**, «бесплатные деньги», которые приемная политическая семья может поглотить. Более точный анализ можно сделать, сфокусировавшись на том, **насколько просто ее извлекать**. В данном контексте имеются в виду условия, которые нужно выполнить для получения средств. В случае безусловных сельскохозяйственных платежей Евросоюза, есть формальное условие, которое нужно удовлетворить лишь единожды, — получить определенное количество земли, после чего платежи приходят автоматически. В Венгрии это условие было выполнено, когда новый закон о земле 2014 года способствовал перераспределению земли среди олигархов из приемной политической семьи Орбана, которые потом стали получателями крупной ренты, не будучи при этом обремененными дальнейшей необходимостью работы на земле или инвестициями в нее[2]. Чтобы извлечь выгоду из финансов, выделяемых на развитие инфраструктуры, которая предусматривает

1 *Pethő A, Vorák A.* Orbán Öt Éve Harcol Az EU-Val. Legszűkebb Köre Addig Gazdagodott Belőle [Орбан пять лет боролся с ЕС. За это время его ближайший круг разбогател за счет средств ЕС] // 444.hu (Direkt36) (blog). 26.02.2015. URL: http://444.hu/2015/02/26/orban-ot-eve-harcol-az-eu-val-legszukebb-kore-addig-gazdagodott-belole.

2 *Lakner Z.* Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State. P. 165–167; *Juhász P.* Controlled Competition in the Agriculture // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 345–369.

некоторые обязательства, венгерское мафиозное государство взяло под контроль распределительную систему фондов ЕС. Золтан Лакнер сообщает, что «Янош Лазар [в то время полигарх из круга Орбана] в 2013 году представил правительству предложение, которое запрещало частным фирмам, пишущим тендеры, работать на государственных поставщиков. Министерства, районные центры и муниципалитеты теперь должны были создать свои отделения по подготовке тендерной документации. В дополнение была выдвинута идея о централизации государственных закупок, а также национализации IT систем для закупок. <...> Похожим образом государство вмешалось в строительную индустрию, опять же лишь перераспределив фонды Евросоюза и выдвинув требование о том, чтобы только государственные учреждения по вопросам планирования проектировали здания, строящиеся на деньги Евросоюза либо за счет государственного бюджета». Лакнер также отмечает, что подобное вмешательство «не противоречит законодательству ЕС, поскольку государство также контролирует тендеры Евросоюза и в других странах»[1]. В конце 2018 года Орбан начал процесс централизации государственных тендеров на сумму выше 700 млн форинтов (около 2,1 млн евро) в сфере строительства, спорта и информационных технологий, после чего распределение ренты стало еще легче контролировать[2]. **Механизмы, предназначенные для контроля за завышенными ценами** и извлечением ренты, **могут быть нейтрализованы** либо путем (a) замены внутренних контролирующих акторов на учрежденческих кураторов [► 5.3.3.2], таких как главный прокурор Венгрии Петер Польт[3], либо через (b) использование уязвимых мест

1 *Lakner Z.* Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State. P. 163–164.

2 *Szabó Y.* Purgatorbánium.

3 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 63.

защитных механизмов международной интеграции, подобных описанным выше в контексте Евросоюза [▸ 7.4.4.2].

Поскольку центральноевропейские патрональные режимы получают субсидии ЕС — номинально выдаваемые для укрепления связей с единым рынком союза — просто потому, что они являются членами ЕС, **естественная долговечность этих трансферов сохраняется.** Наконец, **средства ЕС в целом зависят от особенностей политики режима.** Например, существуют так называемые Маастрихтские критерии, согласно которым дефицит бюджета не должен превышать 3% ВВП, и режим Орбана очень старательно их выполняет[1]. Однако недавние реформы, которые ставят перед Еврокомиссией задачу фиксировать «наиболее общие проблемы с властью закона» и принимать меры, которые могут включать в себя приостановку бюджетных выплат Евросоюза или снижение предварительного финансирования, ставят перед собой конкретную **цель: сделать так, чтобы финансирование ЕС зависело от особенностей режима, а точнее, от ситуации с властью закона[2].** Подобные реформы настраивают защитные механизмы против патрональных режимов. Так, приведенные выше тактики «ковровой бомбардировки» все еще ставят под сомнение эффективность подобных мер, хотя и способны заставить главного патрона реже прибегать к [госзакупкам по неоправданно] завышенным ценам и/или усилить контроль над приемной политической семьей, чтобы фракции элиты не начали вести против него борьбу[3].

1 *Békesi L.* The Economic Policy of the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 235–257. О характерных особенностях политики см. Часть 7.4.7.

2 Member States Jeopardising the Rule of Law Will Risk Losing EU Funds. 17.01.2019. URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190109IPR23011/member-states-jeopardising-the-rule-of-law-will-risk-losing-eu-funds.

3 Ср.: *Escribà-Folch A., Wright J.* Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers // International Studies Quarterly. 2010. Vol. 54. № 2. P. 335–359.

7.4.6.3. Трофейные компании и финансовые институты

В этой части мы переходим от обсуждения ресурсов, обусловленных географическим или геополитическим положением, к **источникам ренты, создаваемым в условиях реляционной экономики**. В Главе 5 мы указывали на то, что регуляционное вмешательство создает ренту, тогда как дискреционное регуляционное вмешательство создает ее прицельно для членов приемной политической семьи [▸ 5.4.2]. Говоря об источниках подлежащей распределению ренты, нет необходимости снова описывать формы вмешательства с целью защиты [▸ 5.5.4]. Скорее здесь стоит рассмотреть создание институтов, направленных на извлечение ренты, в частности (1) **трофейных компаний,** принадлежащих олигархам или экономическим подставным лицам и напрямую получающих выгоды от предоставляемой защиты, и (2) **финансовые институты**, такие как банки, госкорпорации и, возможно, государственные займы финансовым трофейным компаниям, способствующие как накоплению капитала, так и экспансии уже существующих экономических империй. «Чтобы обслуживать супермонополии „Роснефти“ и „Газпрома“, — пишет Политковская о России середины 2000-х годов, — колоссальные финансовые конгломераты, такие как Внешторгбанк, разрастаются и захватывают новые территории, заручившись поддержкой Администрации президента»[1]. Она также отмечает, что Путину понадобилось «ренационализировать успешно функционирующие предприятия, превратив их в финансовые промышленные конгломераты или холдинговые компании. <...> Госкомпании, подобные Внешнекомбанку, Внешторгбанку, и Межпромбанку (так называемые ведущие российские финансовые холдинги, созданные для уравновешивания более ориентированной на Запад «Альфа-Групп» и других) в огромных количествах пожирают успешные предприятия,

1 *Politkovskaya A.* A Russian Diary. P. 132–133.

поднявшиеся с колен после распада СССР»[1]. Сбербанк, самый крупный российский кредитор, с точки зрения активов, был также прицельно приватизирован в 2011 году (по сути, путем транзитной национализации [► 5.5.3.3]) тоже для укрепления источников подлежащей распределению ренты[2].

В Венгрии финансирование трофейных компаний осуществлялось из двух источников. Во-первых, банки посредством хищничества были переведены во владение приемной политической семьи. Этот процесс включал в себя белое рейдерство и транзитную национализацию (*MKB Bank*, *Takarékbank*, *Budapest Bank*)[3]. В начале фазы потребления банки начали выдавать льготные кредиты на финансирование инвестиций в недвижимость, покупку различных СМИ, а кроме того, участвовали в приобретении сети отелей для Лёринца Месароша, главного экономического подставного лица Орбана [► 5.5.4.3][4]. Во-вторых, патрональные банки, а также, опосредованно, трофейные компании, выигрывали от **монетарной политики** Венгерского Национального Банка (*MNB*). К такой политике относятся займы по заниженной базовой ставке и схема *Funding for Growth Scheme* (*FGS* — Схема финансирования роста), в рамках которых Венгерский Национальный Банк предоставлял банкам рефинансирование под 0%, которое они могли потом предоставлять в качестве займов малому и среднему бизнесу с максимальной процентной ставкой 2,5. Таким способом более 2800 млрд форинтов (около 8,6 млрд евро) было направлено на развитие малого и среднего бизнеса, главным образом венгерских предприятий[5]. Распределение

1 *Politkovskaya A.* A Russian Diary. P. 283.

2 Судьба экономических программ и реформ в России: круглый стол в рамках XVIII Апрельской междунар. науч. конф. НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. 2017. № 6. С. 22–44.

3 *Várhegyi É.* The Banks of the Mafia State; *Várhegyi É.* A Bankszektor Elrablása [Рейдерство в банковском секторе].

4 *Várhegyi É.* A Bankszektor Elrablása [Рейдерство в банковском секторе].

5 *Scheiring G.* Egy demokrácia halál [Как умирает демократия] P. 235.

осуществлялось преимущественно через такие банки, как *MKB* и *Növekedési Hitel Bank* (*Funding for Growth Bank*, *NHB*), принадлежащие Тамашу Семерей, двоюродному брату управляющего *MNB* Дьёрдю Матольчи[1]. Кроме того, к схеме *FGS* была позднее добавлена схема *Bond Funding for Growth Scheme* (*BGS* — Схема финансирования роста ценных бумаг), в рамках которой *MNB* покупает акции компаний на сумму до 300 млрд форинтов (около 915 млн евро). Этой программой пользовались такие трофейные компании, как *Opus Global* и *4iG* (связанные с Месарошем и подставным лицом высокого уровня Геллертом Ясаи)[2].

Как трофейные компании, так и финансовые институты сильно зависят от функционирования режима — разумеется, без дискреционного вмешательства они бы рухнули из-за трофейных пузырей [▸ 5.5.4.3]. Такая зависимость характерна и для четырех других измерений, с помощью которых мы анализировали источники подлежащей распределению ренты. Сбор ренты сводится к созданию связанных с ней институтов, а естественная долговечность созданной ренты равна продолжительности существования режима. Тем не менее, с точки зрения прибыльности, трофейные компании, финансовое положение которых стабильно, — это **один из главных источников ренты, возникающей в условиях реляционной экономики**, в том смысле, что они очень прибыльны как сами по себе (когда их рента образуется в результате дискреционного вмешательства), так и потому что приемная политическая семья может перенаправлять через

1 *Brückner G.* NHB: Nincs Tovább, És Ez Mindannyiunknak Fájni Fog [NHB — конец, и это навредит всем нам] // Index.hu. March 16, 2019. URL: https://index.hu/gazdasag/2019/03/16/nhb_nincs_tovabb_es_ez_mindannyiunknak_fajni_fog/.

2 *Rényi P D.* A Százmilliárdos Bombaüzlet, Amit Orbán Inkább Elvitt Felcsútról [Джекпот в 100 миллиардов, который Орбан решил забрать у Фельчута] // *444 — Tldr* (blog). 04.11.2019. URL: https://tldr.444.hu/2019/11/04/a-szazmilliardos-bombauzlet-amit-orban-inkabb-elvitt-felcsutrol.

них ренту из других источников (как в случае с «Газпромом», который является крупнейшей российской газодобывающей компанией).

7.4.6.4. Государственный бюджет

Наконец, **государственный бюджет** также может служить источником подлежащей распределению ренты, потому что, как пишет Янчич, по мере того как патронализм «становится главным способом организации общества, [он] превращает практически всю систему государственного распределения в монополистический квазирынок, в котором неформальные сети контролируют все, от цен до участия в нем»[1]. Тем не менее Янчич отмечает, что патрональные автократии должны сохранять демократический фасад: верховный патрон не может вести себя как Мобуту, диктатор Заира, который лично контролировал треть государственного бюджета[2]. В неопатримониальном государстве, «незаконное перераспределение <...> государственных ресурсов должно происходить в формальных институциональных рамках. [Приемная политическая семья] может добывать деньги только через государственные тендеры и закупки, в которых участвует большое число акторов», в частности брокеры-коррупционеры [▸ 5.3.3.2], а также другие посредники коррупции в государственном управлении [▸ 5.3.2.2][3].

Прибыльность и сбор ренты в рамках государственного бюджета **ограничены** рядом факторов. Во-первых, государственные расходы нельзя трансформировать в чистую ренту, равно как и нельзя сделать их полностью дискреционными. Таким образом, жизненно важная сторона демократического фасада состоит в том, что даже мафиозные государства

1 *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State. P. 138.

2 *Graycar A., Prenzler T.* Understanding and Preventing Corruption. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 12.

3 *Jancsics D.* From Local Cliques to Mafia State. P. 138.

не отменяют такие нормативные выплаты, как пенсии (или нормативные налоги), а вместо этого пытаются сделать так, чтобы они добавляли режиму стабильности через кооптацию [населения] [▸ 6.3]. Соответственно, патрональные автократии в зависимости от ситуации применяют различные модели расходов, включая тактику «дойной коровы» в промежутках между выборами и эгалитарную или элитистскую модель во время выборов [▸ 5.4.3.3]. Во-вторых, даже в патрональных автократиях одними из основных источников государственного бюджета являются общие и секторальные налоги. В то время как в стабильных режимах государства способны собирать налоги[1], мафиозные государства сталкиваются со следующей проблемой: чем агрессивнее реляционное рыночное перераспределение, тем больший сегмент экономики начинает работать в рамках неформальной модели [▸ 5.6.1.4]. В России неформальная экономика, по некоторым подсчетам, составляет как минимум половину валового национального продукта[2], что снижает объем бюджетных доходов в целом, а значит, и ренты, которую можно извлечь в процессе перераспределения. Наконец, чрезмерные расходы, включая законный и незаконный фаворитизм, создают дефицит бюджета, который обычно покрывается за счет внешних займов, что, в свою очередь, ставит государство в зависимое положение и значительно повышает уязвимость страны (и приемной политической семьи) перед внешними потрясениями.

«**Естественная долговечность**» в контексте государственного бюджета ограничена тем периодом, когда **государство стабильно** и сохраняет монополию на легитимное насилие, а люди платят государству достаточно налогов, чтобы финансировать его функции. Наконец, государственный бюджет как источник подлежащей распределению ренты **очень**

1 Ср.: *Easter G.* Revenue Imperatives: State over Market in Postcommunist Russia.

2 *Yavlinsky G.* Realeconomik. P. 109.

сильно зависит от функционирования режима. С одной стороны, как отмечает Янчич, чтобы создавать ренту и перенаправлять ее из государственного бюджета в руки приемной политической семьи, необходимо поддерживать сложные системы формальных и неформальных институтов с множеством коррумпированных акторов. Здесь стоит упомянуть недавний пример из Венгрии, где правительство, используя пандемию коронавируса в качестве предлога, протолкнуло поправку к конституции, которая определяет государственные деньги таким образом, что, как только они попадают на счет частного фонда, они перестают быть государственными. Таким образом, Орбан проложил явный канал от государственного бюджета к частным юридическим лицам приемной политической семьи, в котором судьбу (некогда) государственных денег невозможно больше проследить[1]. С другой стороны, зависимость от функционирования режима также проявляется в том смысле, что экономика, задача которой генерировать доходы, может делать это только в той мере, в какой это позволяет приемная политическая семья. Экономическому развитию, которое является характерной особенностью политики, может препятствовать паразитический, интервенционистский характер неформальных патрональных сетей. Даже если компания не подвергается хищничеству [▸ 5.5.4], она все равно испытывает трудности, поскольку ей приходится платить деньги за защиту. Чтобы обеспечить полноценный поток доходов, мафиозному государству необходимо ограничивать себя: (1) не облагать экономических акторов слишком высокими налогами и не устанавливать слишком высокую плату за услуги, предоставляемые государством; (2) не монополизировать слишком много рынков ради извлечения ренты, а вместо этого позволить некоторым конкурентным рынкам работать с аутсайдерами, создающими налоговые поступления; (3) давать экономическим

1 *Balogh E.* Viktor Orbán at Work.

акторам понять, что в ходе обычной практики, то есть тогда, когда их интересы не вступают в конфликт с интересами патрона, их права собственности будут соблюдаться, и что они могут участвовать в прибыльных сделках и инвестировать средства. Одним словом, верховный патрон может удерживаться от дискреционного «выбора лидеров» для каждого рынка, ведь иначе он может отпугнуть ориентированные на прибыль инвестиции и инновации, что в итоге снизит и количество подлежащей распределению ренты[1].

7.4.7. Особенности политики: анализ режимов и пространство для маневра

7.4.7.1. К альтернативной аналитической парадигме: от публичной политики к патрональной

Говоря об «источниках ренты подлежащей распределению», мы отходим в сторону от **традиционной аналитической парадигмы**, применяемой к богатым ресурсами странам региона. Эта парадигма представлена в уже цитированной нами ранее статье Ани Франке и ее соавторов, в которой перечисляются «типичные опасности ресурсного богатства»: «во-первых, ресурсное богатство может привести к неспособности диверсифицировать экономику <...>; во-вторых, существует связь между высоким уровнем коррупции и колоссальными запасами нефти и газа, а, как известно, добыча ресурсов способствует незаконному поиску ренты <...>; и в-третьих, главная проблема в том, что богатые ресурсами страны могут подпитывать иллюзию устойчивого экономического развития. [Соответственно], можно утверждать, что устойчивым социально-экономическим и демократически ориентированным политическим преобразованиям наносится большой ущерб»[2].

1 Ср.: *Higgins A.* Russia Wants Innovation, but It's Arresting Its Innovators.

2 *Franke A., Gawrich A., Alakbarov G.* Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States. P. 123–124.

Прежде всего стоит отметить, что в этом **анализе значимые решения описаны как часть публичной политики, а не как часть политики патрональной**, хотя рассматриваемые страны — Казахстан и Азербайджан — явно больше похожи на патрональные автократии, чем на либеральные демократии, и требуют соответствующего анализа [▸ 4.3.4.1, 7.3.2.4]. Об этом можно судить по тому, что авторы называют коррупцию «опасностью» и не рассматривают ее как неотъемлемую черту режима, а добычу ресурсов они воспринимают как нечто, что «способствует» незаконному поиску ренты. На самом деле причинно-следственная связь здесь противоположна: не ресурсное богатство создает, как пишут авторы, «искушение для политических лидеров действовать в своих целях и заниматься поиском ренты»[1], а правящие элиты занимаются прежде всего извлечением ренты как приемная политическая семья, при том что ресурсы просто оказываются той дойной коровой, через которую они могут обогатиться в конкретной стране. Кроме того, **успех политики оценивается по сравнению с либеральными демократиями западного типа** или по стандартным критериям развития и демократизации («устойчивые социально-экономические и демократически ориентированные политические преобразования»). Если «успех» понимается как достижение поставленных целей, то такая оценка подходит только для публичной политики, тогда как патрональная политика успешна, если она гарантирует концентрацию власти и личное обогащение, например, если благодаря ей природные ресурсы трансформируются в источники подлежащей распределению ренты для патрональной сети. Таким образом, **традиционная аналитическая парадигма воспроизводит принципы транзитологии**, которая рассматривает страны только в контексте движения по оси демократия — диктатура, а «плохие» политические

[1] *Franke A., Gawrich A., Alakbarov G.* Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States. P. 125.

решения признаются отклонениями от нормы, происходящими из-за «соблазнов», которым поддаются западные по своей природе политические акторы [▸ Введение].

Вместо этого для оценки особенностей политики мы предлагаем **альтернативную аналитическую парадигму**. Специфические свойства политики составляют третью группу выделяемых нами характеристик, наряду с особенностями режима и страны. В отличие от характерных черт режима, к которым относятся власть и автономия, с одной стороны, и особенностей страны, обусловленных присущими ей культурными / историческими факторами — с другой, среди **особенностей политики можно выделить** следующие: (1) **конкретные программы, выбранные и официально принятые правительством** (их можно назвать «**первичными особенностями политики**»), и (2) **результат этих программ**, включая как их успешность, так и влияние на государственную политику, которое обычно выражается в статистических показателях и социально-экономических индексах (их можно назвать «**вторичными особенностями политики**»). На самом деле, когда мы предлагаем альтернативную аналитическую парадигму, мы не признаем несостоятельным то огромное количество существующих исследований, которые выявляют влияние политики на рост ВВП, развитие человеческого потенциала, социальное неравенство, экологическую устойчивость и т. д.[1] Мы лишь утверждаем, что такими данными следует оперировать в подходящем контексте, то есть в контексте того режима, в котором они измеряются. Иными словами, при анализе данных «развитый Запад» не должен автоматически становится ориентиром, а измерение одних

[1] См., например: *Offe C.* The Politics and Economics of Post-Socialist Capitalism in Central East Europe // 20 Years since the Fall of the Berlin Wall: Transitions, State Break-Up and Democratic Politics in Central Europe and Germany. Berlin: BWV Verlag, 2011. P. 25–42; *Kaklauskas A.* et al. Multiple Criteria Analysis of Environmental Sustainability and Quality of Life in Post-Soviet States // Ecological Indicators. 2018. № 89. P. 781–807.

и тех же аспектов в одинаковой структуре с одинаковыми акцентами дает ложную картину. Например, некоторые эксперты, специализирующиеся на России, ставят в центр внимания средний доход на душу населения и делают вывод, что Россия является «нормальной демократией со средним уровнем дохода» западного типа[1], не принимая во внимание реляционную экономику и клиентарное общество, в котором достойный средний доход не является свидетельством сильной буржуазии [▸ 6.2.2]. Получается, что такой подход подразумевает универсальность экономических, социальных и политических процессов в мире и закрывает глаза на специфический контекст патрональных режимов[2].

Главный смысл альтернативной аналитической парадигмы состоит в том, чтобы **взглянуть на особенности политики через призму режима**. В Главе 2 мы определили каждое государство в соответствии с доминирующим принципом его функционирования, который проявляется в деятельности представителей власти, формирующей природу режима [▸ 2.3.1]. В Главе 4 мы подробнее раскрыли этот момент, заявив, что различные доминирующие принципы проявляются в разных типах политики: принцип общественных интересов выражается в публичной политике (которая служит идеологии без монополизации власти), а принцип интересов элит — в патрональной политике (которая служит монополизации власти и личному обогащению) [▸ 4.3.4.1]. Поскольку либеральные демократии руководствуются принципом общественных интересов, а патрональные автократии — принципом интересов элит, и при этом **один из этих идеальных типов служит в качестве основы для анализа какого-либо существующего государства, то из этого следует, что при анализе политики этого режима необходимо также принять во внимание**

[1] *Shleifer A., Treisman D.* A Normal Country: Russia After Communism // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. № 1. P. 151–174.

[2] *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. С. 19–20.

принцип, лежащий в его основе. Это значит, что если при анализе режима за основу берется модель либеральной демократии, то проводимую им политику следует рассматривать как публичную; тогда как если для анализа государства больше подходит модель патрональной автократии, то такую политику следует рассматривать как патрональную. Именно это мы имеем в виду под «призмой режима».

В то же время **содержание политики не зависит от типа режима**, поскольку различные идеологии, с одной стороны, и монополизацию власти и личное обогащение — с другой, можно реализовывать разнообразными средствами. Выбор средств (политической программы) зависит от того, что политическое руководство считает актуальным, включая — помимо общих принципов — существующие условия, их взгляды на эффективность конкретной политики, а также информацию, доступную им в настоящий момент[1]. Даже одна и та же цель в разных местах может потребовать разного набора политических средств. Чаба анализирует посткоммунистические страны с точки зрения их сходства с Западом и обнаруживает, что «легких путей не бывает. Иначе говоря, нужно искать не идеальный универсальный алгоритм, а решения, которые лучше всего вписываются в местные обстоятельства и работают на практике. [Так, в посткоммунистических странах] на одни и те же глобальные экономические вызовы и вызовы ЕС были получены кардинально разные ответы, последствия которых не были одинаково благоприятны»[2]. Однако важно отметить, что сходство с Западом не является очевидным критерием

1 Согласно знаменитому утверждению Хайека, центральное планирование неэффективно, потому что планировщики не обладают информацией, которая необходима для принятия разумных решений о распределении (в нашей терминологии, политики) на всех рынках. См.: *Hayek F. A.* The Use of Knowledge in Society // The American Economic Review. 1945. Vol. 35. № 4. P. 519–530.

2 *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ [Кризис — Экономика — Мир]. P. 20–21. Также см.: Guo and Woo, *Guo Y., Woo J. J., eds.* Singapore and Switzerland: Secrets to Small State Success. New York: World Scientific, 2016.

успеха патронального режима. Именно поэтому наша альтернативная аналитическая структура призывает смотреть на такие режимы через их собственную призму, то есть подразумевать тот же принцип, который предполагается в модели, выбранной для анализа государства, и соответствующим образом интерпретировать политику и ее результаты. **В либеральных демократиях объектом, через призму которого мы измеряем успех политики, является общественность или «публика» (отсюда и публичная политика); в патрональных автократиях этим объектом является правящая патрональная сеть (отсюда патрональная политика).**

Несмотря на то, что корпус литературы, посвященный анализу государственной политики, практически не имеет границ, наш альтернативный подход предусматривает анализ патрональной политики с точки зрения аспектов патрональной сети. Плюс этого подхода не только в том, что на выходе получается анализ, соответствующий нашему описанию режима. Если бы дело ограничивалось только этим, можно было бы возразить, что настоящий интерес представляет не то, как политика служит целям властей, а то, как она служит людям, то есть каковы ее последствия для них. Однако же **альтернативная аналитическая парадигма обладает еще и предсказательной силой**, которой нет у традиционной парадигмы. Это связано с тем, что, если режим считается патрональной автократией, то это потому, что такова большая часть его характеристик, включая деятельность политико-экономических акторов. Другими словами, патрональная автократия — это модель , которая лучше всех других объясняет известные факты. И если это так, то это также означает, что у нас есть все основания полагать, что интересы элит являются первопричиной деятельности государства, а потому можно ожидать, что правящая элита будет руководствоваться принципом интересов элит. Исходя из этого, можно делать прогнозы о том, как верховный патрон будет действовать в будущем, какие цели будет преследовать и какие

факторы будет учитывать для достижения этих целей. Таким образом, альтернативная аналитическая парадигма позволяет не только найти объяснительный принцип, лежащий в основе на первый взгляд хаотичных и как будто импровизированных действий, но и сделать более точные прогнозы относительно будущей политики.

Таблица 7.7 служит для иллюстрации нашей альтернативной аналитической парадигмы. В ней представлена **аналитическая структура патрональной политики**, которая проводилась в венгерской патрональной автократии. Мы выбрали Венгрию, потому что она была предметом нашего более раннего исследования, в котором мы подробно рассмотрели каждое направление ее политики (чего не позволял сделать ограниченный объем этого текста)[1]. В аналитической структуре отражена патрональная политика в области образования, культуры и науки, а также социальной политики[2]. Они проанализированы по трем параметрам: **формирование (1) институциональной зависимости, (2) финансовой зависимости и (3) личной зависимости** от мафиозного государства в целом и приемной политической семьи в частности. Например, институциональные

1 *Мадьяр Б.* Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 156–189. Кроме того, мы опираемся на исследование, опубликованное в сборнике статей под редакцией одного из авторов этой книги, посвященном Венгрии под управлением Орбана. В частности, см.: *Krémer B.* The Social Policy of the Mafia State and Its Impact on Social Structure; *Bozóki A.* Nationalism and Hegemony; *Andor M.* Restoring Servility in the Educational Policy.

2 Что касается экономической политики, то такие вторичные особенности политики, как конкурентоспособность и рост ВВП, мы рассматриваем далее. Что касается первичных характеристик политики, то (1) регулирование и фискальная политика в значительной степени присущи режиму, как мы отмечали в Главе 5 [▸ 5.4], тогда как (2) кредитно-денежная политика в значительной степени свойственна политике и не зависит от типа режима из-за глобального характера финансовых рынков. Большинство посткоммунистических стран имеют формально независимые центральные банки и свободно конвертируемые валюты без валютного контроля, хотя Китай является заметным исключением. См.: *Zengping H., Genliang J.* An Institutional Analysis of China's Reform of Their Monetary Policy Framework // Working Paper. Levy Economics Institute, 2019. URL: http://www.levyinstitute.org/pubs/wp_925.pdf.

Таблица 7.7: Аналитическая структура патрональной политики на примере Венгрии (2010–2018)

		Патронализация и патримониализация			Последствия патрональной политики (обоснование)	Последствия публичной политики
		Институциональная зависимость	**Финансовая зависимость**	**Личная зависимость**		
Образование	**Государственное**	Местные органы власти присваивают государственное образование и управляют им	Финансовые решения делегируются центральному органу	Директоров школ назначают министерства, принятие решений о приеме на работу передается районным властям	Каналы социальной мобильности контролируются, через ограничение свободы слова преподавателей и профессоров; бюджетные средства распределяются дискреционным образом	Успеваемость учащихся снижается (PISA), увеличивается сегрегация и количество отчислений
	Высшее	Верховный патрон назначает ректоров учебных заведений с неограниченными полномочиями	Нормативное финансирование превращается в предмет институциональной сделки, решение межведомственных финансовых вопросов передается ректорам	Министр может отклонить предложения парламента относительно назначения ректоров		Снижается число студентов в университетах Венгрии, увеличивается число эмигрирующих студентов
Культура / наука		Происходит захват сети исследовательских институтов Венгерской академии наук; учреждается проправительственная академия искусств	Трансформация ранее нормативного и конкурентного распределения ресурсов в дискреционное право правительства	Без государственного финансирования и членства в новой Академии художеств творческие профессии становятся бесперспективны в экономическом плане	Культура и наука подчиняются символической политике и пропаганде (маскировка)	Уменьшается разнообразие в культуре и науке
Социальная политика		Происходит централизация и присвоение определенных социальных государственных услуг, ранее осуществлявшихся местными органами власти	У органов местного самоуправления и НПО изымаются ресурсы, ограничиваются расходы на социальные нужды	Вместо некоторых социальных пособий вводятся общественные работы в форме фактически подневольного положения	На уровне общества поддерживается патриархальный семейный уклад	Снижается возможность социального лифта, ослабляется социальная защита, растет социальное неравенство

полномочия, которые ранее осуществляли автономные учреждения, такие как школы и муниципалитеты, были централизованы в руках вновь образованных институтов, заполненных патрональными слугами [▸ 3.3.5]. Финансовая зависимость формируется, как правило, синхронно, когда денежные ресурсы и задача распределять налоговые средства делегируются этим институтам, которые затем перераспределяют их на дискреционной основе. Наконец, личная зависимость формируется за счет (a) централизованных назначений (образование), (b) превращения альтернативных вариантов за пределами сети в экономически нецелесообразные (культура) и (c) низведения беднейших слоев населения фактически до положения рабов местных приемных семей под видом общественной работы, не предполагающей трудовых прав (социальная политика).

Наконец, в аналитической структуре различаются **последствия патрональной и публичной политики** сообразно нашей альтернативной аналитической парадигме. В сфере образования следствием патрональной политики является контроль над каналами социальной мобильности, но кроме того, она также вызывает — с точки зрения публичной политики — снижение успеваемости студентов, усиление сегрегации и снижения числа новых студентов университетов из года в год. Культура попадает в зависимость от символической политики и пропаганды, а значит снижается и культурное разнообразие. В рамках публичной политики на уровне общества воспроизводятся модели власти главы патриархальной семьи [▸ 2.4.5], тогда как в результате патрональной политики шансы на социальную мобильность и социальную безопасность падают.

7.4.7.2. Устойчивость и консолидация как критерии успеха патрональных режимов

Тогда как неформальные патрональные сети руководствуются двойным мотивом концентрации власти и личного

обогащения, важно понимать, что входящие в них люди не обычные воры. На самом деле, **верховный патрон — это не кочующий, а оседлый бандит**: обкрадывая не какую-то сиюминутно выбранную жертву, но свою родную страну он не может просто взять сегодня то, что хочет, но должен подумать и о завтрашнем дне[1]. Если добавить к нашему анализу временной аспект, то можно сказать, что **устойчивость и консолидация** являются важными **критериями успеха патрональных режимов**. В патрональных автократиях политика может считаться успешной, если она способна служить интересам элиты в долгосрочной перспективе, то есть если в качестве вторичных особенностей политики можно добиться (1) **политической устойчивости (сконцентрированной власти) и (2) экономической устойчивости (источников личного обогащения)**. В Главе 4 мы описали, как достигается экономическая устойчивость [▸ 4.4.3], а также связанная с ней политика автократической консолидации, нейтрализация институтов публичного обсуждения и разделение ресурсов власти, в общем, все то, к чему склонны патрональные автократии. Однако, хотя методы подавления оппозиции и манипулирования выборами, применяемые посткоммунистическими лидерами, такими как Путин, Орбан и Назарбаев, во многом пересекаются, каждый из них проводит также собственную политику, которая соответствует их обстоятельствам и особенностям страны. **Успешные верховные патроны проявили большую изобретательность в деле достижения политической устойчивости**, консолидируя монополию на власть теми средствами, которые у них имелись[2]. Если обратиться к одному только Орбану, то можно увидеть, насколько уникален его случай: режим, который он построил, является единственной патрональной автократией, созданной

[1] Ср.: *Олсон М.* Власть и процветание. С. 28–70.

[2] *Scheppele K.* Autocratic Legalism.

(1) из либеральной демократии и (2) внутри Европейского союза (кроме того, Венгрия является одной из двух патрональных автократий с парламентским устройством, наряду с Молдовой Плахотнюка). Одно это потребовало большой креативности по сравнению со странами, которые так и не пришли к либеральной демократии и действовали вне цивилизационного поля тяготения ЕС.

Мы приведем здесь по одному примеру из Молдовы и Венгрии, которые иллюстрируют творческий подход их верховных патронов к использованию особых обстоятельств в своих интересах. В 2016 году в Молдове Плахотнюк, предвкушая свое неизбежное поражение на выборах и потерю иностранной политической поддержки, добился того, что парламент решением Конституционного суда больше не мог избирать президента квалифицированным большинством голосов. Суд постановил, что теперь, в отличие от прежней практики, президент должен избираться прямым голосованием. Своими призывами к президентской гонке Плахотнюк (1) избежал поражения на выборах (прежние союзники по оппозиции стали после этой гонки противниками), (2) смог использовать свою медиаимперию для того, чтобы президентом был избран его протеже, Игорь Додон, (который в качестве министра экономики при Воронине помог ему выиграть множество тендеров), и (3) представил себя союзником Запада (в отличие от Додона, открыто ориентировавшегося на Россию). Таким образом, ему удалось укрепить свое (неформальное) положение у власти как в отношении внутренних, так и международных акторов[1]. Что касается Венгрии, то Орбан использовал особый геополитический

[1] *Solovyov V.* In Moldova's Vote, the Real Winner Is Plahotniuc // Carnegie Moscow Center (blog). 18.11.2016. URL: https://carnegie.ru/commentary/66197; *Mizsei K.* A Bábmester a Hátsó Ajtón Távozik — Mi Történik Moldovában? [Кукловод уходит через черный ход — что происходит в Молдове?] // Azonnali (blog). 30.06.2019. URL: http://azonnali.hu/cikk/20190630_a-babmester-a-hatso-ajton-tavozik-mi-tortenik-moldovaban-mizsei-kalman.

статус страны для частичной «виртуальной смены населения». Если этнические венгры, проживающие за пределами Венгрии, главным образом в Трансильвании (Румыния), и воспользовавшиеся возможностью получения двойного гражданства (введенной Орбаном), в основном укрепляют лагерь сторонников правительственных партий, то лица, на какое-то время покидающие Венгрию, настроены скорее оппозиционно. Первые могли голосовать по облегченной процедуре и просто отправить по почте заполненные бюллетени. К тому же заграничные общественные организации, финансируемые венгерским правительством, получили возможность собрать по предоставленным только им адресным спискам десятки тысяч голосов и отдать их в распоряжение органов, отвечающих за проведение выборов, без какого-либо контроля за этим процессом и минуя почту. В то же время сотни тысяч венгерских граждан, работавших в Западной Европе и США, практически не имели возможности воспользоваться своим избирательным правом: иногда для подачи голоса им приходилось проезжать сотни километров, тратить сотни долларов и стоять в многочасовых очередях. Так несколько сотен тысяч критически относящихся к правительству избирателей были заменены на несколько сотен тысяч сторонников правительства[1]. И, хотя это может показаться незначительной прибавкой, именно такое количество голосов было необходимо «Фидес», чтобы в 2014 и 2018 годах набрать квалифицированное большинство и установить свою монополию на власть.

Хотя наше понимание политической устойчивости вряд ли покажется кому-то слишком нетрадиционным, **экономическая устойчивость** обычно интерпретируется в таких понятиях, как «конкурентоспособность», «размер задолженности»,

[1] *Majtényi. B., Nagy A., Kállai P.* «Only Fidesz» — Minority Electoral Law in Hungary // Verfassungsblog (blog). 31.03.2018. URL: https://verfassungsblog.de/only-fidesz-electoral-law-in-hungary/.

«(растущее) неравенство», «(возобновляемые / истощающиеся) источники роста ВВП» и т. д.[1] Статистические данные в основе такого анализа выглядят иначе, если посмотреть на них через призму патронализма, свойственного режиму, поскольку если стабильность и консолидация являются критериями успеха патрональных режимов, то обычные меры, применяемые для экономической устойчивости, делятся на две части. С одной стороны, такие **характеристики, как неравенство, рост занятости или экономический рост, важны только как стабилизирующие или дестабилизирующие элементы режима**. Чтобы скрыть подобные проблемы, патрональные автократии обычно используют собственные СМИ и статистические службы, даже когда люди ощущают на себе экономические проблемы. Но до тех пор, пока это не перерастет в общенациональную волну недовольства, которая может также принять форму общенационального общественного движения или партии, властной монополии верховного патрона такие «проблемы» не угрожают. Иначе говоря, **даже отсталую патрональную автократию можно считать успешной, если она консолидирована**. Россия — хороший тому пример. В 2016 году российский ВНП на душу населения составил 22540 долларов США (примерно на 10% ниже, чем в Венгрии и Польше) в условиях значительного социального неравенства, ежегодного сокращения объема чистых инвестиций с 2012 года, серьезного оттока капитала и патронального вмешательством в экономику, которое подорвало возможности устойчивого роста ВВП и процветание предпринимательского сектора[2]. Несмотря на все это, согласно имеющимся данным, Россия является одной из наиболее консолидированных патрональных автократий [▸ 4.4.3.2], а шансы, что текущий режим сменится, связаны в основном

[1] *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ [Кризис — Экономика — Мир]. P. 203–234.

[2] Ibid. P. 217–222.

с преемственностью Путина[1]. Таким образом, российская патрональная автократия весьма успешна с точки зрения ее собственных целей.

С другой стороны, «экономическая устойчивость» в нашем понимании действительно подразумевает **способность поддерживать источники подлежащей распределению ренты**, как уже отмечалось ранее [▸ 7.4.6]. Здесь традиционный подход и наша альтернативная аналитическая парадигма снова расходятся. Чаба сравнивает Россию с Кувейтом и, подобно тому, как это делают Аня Франке и ее соавторы в своем исследовании, процитированном выше, показывает, что ресурсо-ориентированная экономика без подлинных реформ является проклятием с точки зрения развития. Однако когда он указывает на то, что «доход сосредоточен в руках тонкой прослойки <...>, в то время как значительная часть населения находится в состоянии отчуждения», он, по сути, описывает устоявшийся порядок ограниченного доступа [▸ 6.2][2]. Российский экономист Виктор Полтерович, в согласии с нашей парадигмой, отмечает, что независимо от провозглашенных идеологических целей так называемая политика реформ, которую проводил Путин, в большинстве случаев была просто нацелена на создание, сбор и распределение монополистической ренты[3]. Конечно, риск, связанный с истощением ресурсов, является проблемой даже для верховного патрона (по крайней мере в долгосрочной перспективе), а зависимость

1 Ср.: *Galeotti M.* Future Without Putin No Longer Taboo Issue // The Moscow Times. 21.09.2019. URL: https://www.themoscowtimes.com/2019/09/21/future-without-putin-no-longer-taboo-issue-a67376; *Galeotti M.* Is This Russia's Next Leader? // The Moscow Times. 04.102019. URL: https://www.themoscowtimes.com/2019/10/04/is-this-russias-next-leader-a67599.

2 *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ [Кризис — Экономика — Мир]. P. 217. Также см.: *Kordonsky S.* Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime: The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia. Stuttgart: Ibidem Press, 2016.

3 Судьба экономических программ и реформ в России. С. 23.

от экспорта делает источник ренты в конечном счете уязвимым. Есть даже мнение, что снижение ренты послужило в 2015 году причиной отстранения Путиным регионального главного патрона Республики Коми Гайзера, что подразумевало не только сокращение расходов, но и то, что **при сокращении объема ренты порядок в приемной политической семье начинает поддерживаться в меньшей степени за счет пряника и в большей — за счет кнута** [▸ 2.5.2]. Аналогичная проблема может возникнуть в результате уменьшения денежных трансферов ЕС для Венгрии Орбана, что может привести к сокращению госзакупок по завышенным ценам [▸ 5.3.3.3] и/или к тому, что Орбан, дабы обеспечить стабильность своей однопирамидальной патрональной сети, станет более жестко обращаться со своими клиентами.

7.4.7.3. Пространство для маневра: кризисы и социальные ограничения для политики, проводимой в нормальных условиях

В предыдущих частях мы утверждали, что (1) политика формируется в соответствии с мотивами режима, и таким же образом ее следует анализировать, а кроме того, (2) для определения успешности политики необходимо добавить временной аспект. Оба этих момента отражают предпочтения **властей**, но не **ограничения** при выборе этих предпочтений. Мы затронули это измерение в предыдущем абзаце, когда обсуждали последствия снижения потока ренты в контексте первичных особенностей политики. Чтобы сделать более общее заявление, можно отметить, что необходимо учитывать измерение **пространства для маневра**, то есть диапазон тех политических мер, которые представители власти могут выбирать в конкретных обстоятельствах.

Хотя мы не можем перечислить здесь все факторы, которые могут повлиять на пространство для маневра, наиболее

заметными из них являются **различные кризисы**, которые накладывают внешние ограничения на представителей власти и заставляют их реагировать соответственно. В их число входят войны, эпидемии и различные виды экономических кризисов, которые являются предметом многих научных исследований в регионе. Мы понимаем под **экономическим кризисом** стагнацию или спад в экономике, когда падение показателей ниже достигнутого уровня, происходит во всей экономике в течение длительного периода времени[1]. Если под «всей экономикой» подразумевается одна страна, то мы называем это «национальный кризис», а если под этим понимается несколько связанных друг с другом стран, то это «международный кризис». Такие кризисы сокращают пространство для маневра властей, потому что ограничивают доступные ресурсы, а для смягчения их негативных последствий **требуется быстрое реагирование**.

Все посткоммунистические страны в свое время переживали кризисы и **в зависимости от особенностей режимов** реагировали на них по-разному. Мы проиллюстрируем это на примере **трансформационных кризисов**, которые являются национальными, хотя эта особенность менее примечательна, чем тот факт, что (1) все посткоммунистические страны пережили их в 1990-е годы, и (2) это были **кризисы**, **сопровождавшиеся системными изменениями** [▸ 7.3.1]. В современных капиталистических экономиках в условиях национальных или международных кризисов как трудности, так и реакция на них остаются в рамках рыночной экономики. Напротив, трансформационные кризисы происходили в тот период, когда **социалистическая система в целом была в кризисе**, и реакцией на них должен был стать выход за рамки социалистической системы и решение проблем в системе новой — капиталистической. Если быть более точным, Корнаи в одной из своих ранних статей предположил, что страны,

[1] *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ [Кризис — Экономика — Мир]. P. 129.

десятилетиями жившие при коммунизме, обязательно столкнутся с кризисом после смены режима. У этих трансформаций есть пять общих свойств: (1) переход от рынка продавца к рынку покупателя; (2) трансформация реальной структуры экономики; (3) нарушение работы механизмов координации; (4) макроэкономические последствия ужесточения финансовой дисциплины; и (5) отсталость финансовой системы[1]. Все эти факторы привели к (a) тяжелой депрессии, которая затронула до 50% ВВП в постсоветских и славянских странах и до 20% ВВП в Центральной Европе[2], и (b) инфляции или даже гиперинфляции в Сербии и Черногории, Грузии, Армении и Украине[3]. В целях борьбы с этими последствиям, **все посткоммунистические страны прошли через четыре этапа, а именно: стабилизацию, либерализацию, институциональное строительство и приватизацию** (сокращенно *SLIP* в экономической литературе)[4]. С одной стороны, это была политическая смирительная рубашка, которая сокращала круг возможностей для политиков. У них в принципе не было возможности не делать ничего: они должны были реализовать какую-то политику по типу четырех перечисленных шагов. С другой стороны, эта смирительная рубашка все же не была сильно затянута, если учесть разнообразие форм стабилизации, либерализации, институционального строительства и приватизации в разных странах [▸ 5.5.2][5].

1 *Kornai J.* Transformational Recession: The Main Causes // Journal of Comparative Economics. 1994. 19. № 1. P. 39–63. Также см.: *Fidrmuc J.* Transformation Crises // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 668–672.

2 *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ [Кризис — Экономика — Мир]. P. 40.

3 *Dabrowski M.* Macroeconomic Stabilization // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. P. 552–557.

4 *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ [Кризис — Экономика — Мир]. P. 32–40; *Marangos J.* Was Shock Therapy Consistent with the Washington Consensus?

5 *Treisman D.* The Political Economy of Change after Communism // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 273–296.

В своей книге «Дивергентные пути посткоммунистической трансформации» Олег Хаврилишин предлагает обзор, показывающий, что **масштаб проводимых реформ был непосредственно связан с развитием режима в целом и уровнем патронализма в частности.** Страны западно-христианского исторического региона, которые стали либеральными демократиями, пройдя по первичной траектории, либо обладали изначальным преимуществом (Хорватия, Венгрия, Словения), либо испытали после смены коммунизма «большой взрыв» (прибалтийские страны, Чехословакия и Польша), но так или иначе все они продемонстрировали твердую приверженность либерализму и проводили последовательную реформистскую политику. Среди более патрональных режимов, где приверженность либеральным идеалам была умеренной или слабой, страны, которые трансформировались в патрональную демократию или олигархическую анархию, либо прервали свои реформы, которые проводились после «большого взрыва» (Албания, Болгария, Македония, Россия), либо проводили их постепенно и с задержкой (Армения, Грузия, Румыния, Таджикистан, Украина). Реформы проводились постепенно также в Азербайджане и Казахстане, поскольку они укрепляли частное предпринимательство приемных политических семей [▸ 7.3.2.4]. Наконец, в других странах, режимы которых трансформировались в диктатуру, реформы проводились в сильно ограниченном объеме, а некоторые из них были даже отменены в переходный период (Беларусь, Туркменистан, Узбекистан)[1].

Прекращение трансформационных кризисов означало, что посткоммунистические страны успешно перешли из одного положения равновесия в другое, то есть от социалистической системы к капиталистической. В новом равновесии, то есть **в «обычных условиях»** (за исключением кризисов),

[1] *Havrylyshyn O.* Divergent Paths in Post-Communist Transformation: Capitalism for All or Capitalism for the Few? London: Palgrave Macmillan, 2006.

факторы, накладывающие ограничения на первичные особенности политики, характерны в основном для стран. Таким образом, различные особенности стран, которые мы рассматривали выше, предполагают наличие определенной политики для каждой страны. Например, этнические противоречия требуют специальных законов о меньшинствах; наличие глубинного государства — законов о люстрации; большая страна может иметь федеративную структуру с сильными региональными правительствами и парламентами; государства — члены Европейского союза перед вступлением должны пройти через процедуру гармонизации законов (и затем принять правовые нормы ЕС); страны, зависимые от прямых иностранных инвестиций, часто участвуют в так называемой налоговой конкуренции за привлечение иностранных инвесторов; а для создания подлежащей распределению ренты, как правило, применяются особые нормы разработки (добычи), контроль над ценами или слабое финансовое регулирование банков приемной политической семьи.

Однако **общая особенность стран**, которая всегда наблюдается, но различается от страны к стране, это **люди и их «порог терпения»**. На самом деле даже в патрональных автократиях, по замечанию Петрова и его соавторов, «наличие *некоторой* реальной оппозиции в избирательных бюллетенях на выборах, а также некоторых политических свобод (таких как обмен информацией, создание организаций и наблюдение за выборами) навязывает режиму *некоторую* ответственность, заставляя его выбирать политические меры, больше отвечающие настроениям в обществе, чем в их отсутствие»[1]. Эта мысль проиллюстрирована на Схеме 7.26 с помощью простой модели, основанной на предложенной авторами схеме. Горизонтальная ось показывает, насколько сильно люди недовольны политикой, то есть деятельностью режима, которая влияет

1 *Petrov N., Lipman M., Hale H.* Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance. P. 4.

Схема 7.26: Ущерб для лидера и выработка политики в либеральных демократиях и патрональных автократиях

на их жизнь (последствия социальной политики, то есть ее последствия для общества). Реакция людей на определенную политику может быть (a) одноразовой, то есть касаться только определенных политических мер, или (b) кумулятивной, что означает, что определенная политика — это «последняя капля», потому что люди уже испытывали на себе проводимую ранее подобную политику. Это приводит нас к понятию «порог терпения», который обозначает тот **уровень недовольства, при котором люди начинают предпринимать политические действия, обычно отказывая правящей партии в поддержке**. Вероятно, это не приведет к немедленной смене руководства, так как ни один политический режим не обладает повышенной чувствительностью к общественному мнению. Тем не менее процесс публичного обсуждения делает либеральные демократии более чувствительными к общественному запросу, по сравнению с патрональными

автократиями, где этот процесс нейтрализуется, а власти в целом менее ответственны [▸ 4.3]. Вертикальная ось, показывающая ущерб для властей, отражает этот момент. Как это видно на схеме, **даже незначительное превышение порога терпения способствует тому, что демократические лидеры уступают оппозиции**, у которой есть мотивация и средства для того, чтобы извлечь выгоду из народного недовольства. Напротив, **верховный патрон может переступить через порог терпения, не теряя при этом власть,** благодаря нейтрализованному публичному обсуждению[1].

На схеме ниже мы называем точку, стоящую на вертикальной оси и обозначающую момент, когда лидер начинает терять власть, **точкой реакции**, так как именно в этот момент правящая политическая элита должна **принять меры**, чтобы остановить потерю популярности и **снизить риски (a) электоральной коррекции и перехода в статус оппозиции либо (b) электоральной / экстраэлекторальной реституции и преследования за преступления, совершенные во время нахождения у власти** [▸ 4.3.3.2, 4.4.4]. В этих двух точках, различных для либерально-демократических и патронально-автократических лидеров, может завершиться их политическая карьера. (Поскольку лидеры консервативной автократии тоже не совершают преступлений, недовольство политикой в их случае может привести только к пункту (a), что мало чем отличается от либеральной демократии [▸ 7.2.1].)

Обычно правящая политическая элита в обоих режимах старается действовать в пределах нулевого уровня недовольства и того момента, когда она начинает терять власть. Тем не менее **представители власти**, хотя и опираются в большой

[1] То, что патрональные автократии менее чувствительны к общественным настроениям, чем либеральные демократии, является типичной особенностью режима. Насколько именно больше пространства для маневра имеет главный покровитель по сравнению с демократическими лидерами, является эмпирическим вопросом, как и предел «порога терпения» (это характеристика страны и даже эпохи, если учесть, что общественное мнение со временем меняется).

степени на опросы общественного мнения, **не располагают всей полнотой информации: они могут ошибаться** в оценке результатов своей политики, «порога терпения» людей, а также в определении той точки, когда они утрачивают власть[1]. Возникает вопрос: **что могут сделать лидеры, когда они доходят до точки реакции? В либеральных демократиях**, где факторы, вызывающие реакцию людей, могут быть либо намеренными, либо непреднамеренными последствиями публичной политики, очевидная вещь, которую могут сделать представители власти, — это **изменить политический курс**. Они могут либо (a) изменить политические меры, спровоцировавшие недовольство, на котором оппозиция зарабатывает свой политический капитал, либо (b) проводить другую политику, цель которой успокоить людей и повлиять на их кумулятивное впечатление от деятельности режима. Однако **в патрональных автократиях**, где последствия публичной политики, вызывающие реакцию, являются непреднамеренными побочными эффектами патрональной политики, **верховный патрон может либо (a) изменить политику, либо (b) попытаться расширить свое пространство для маневра с помощью средств публичной власти.** С одной стороны, он может добиться этого за счет дальнейшей нейтрализации процесса публичного обсуждения, то есть новых односторонних изменений в избирательной системе, преследования представителей оппозиции или запуска кампаний с монополизацией общественного дискурса с целью его переосмысления[2]. С другой стороны, верховный патрон может применять насилие, что подразумевает либо собственно государственное принуждение (например, с участием полиции), либо государственное принуждение, отданное на аутсорсинг (например, с участием вооруженных группировок или организованного

[1] *Petrov N., Lipman M., Hale H.* Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance. P. 5.

[2] Ibid. P. 4–12.

подполья) [▸ 4.3.5.4][1]. **Какой путь выберет верховный патрон, зависит в первую очередь от двух факторов: (1) насколько важна конкретная политика, и (2) как далеко он готов зайти в нейтрализации публичного обсуждения или применении насилия**. Как мы отмечали в Главе 4, уровень насилия в таких странах, как Венгрия, ниже, в основном благодаря ее членству в ЕС, а также из-за низкого порога терпения по отношению к насилию в целом[2], тогда как, например, в России или Туркменистане насилие как эффективный инструмент власти более доступно их руководству [▸ 4.4.3.2].

В качестве российского ответа на народное недовольство можно привести в пример так называемую «битву за Химкинский лес». Петров и его соавторы сообщают, что в 2004 году «представители правительства обнародовали планы о строительстве новой супермагистрали <...> в обход города Химки, который находится недалеко от Москвы. Для этих целей требовалось вырубить лес, который был излюбленным местом отдыха местных жителей и был зарегистрирован как памятник природы, уникальный для столичного региона <...>. Местные жители быстро мобилизовались против этого плана, [получив] поддержку некоторых важных союзников, в том числе Михаила Бекетова, редактора газеты „Химкинская правда“. <...> Местные власти на протяжении всего этого периода жестоко расправлялись с протестующими. На ранней стадии мобилизации оппозиции они закрыли крупные общественные слушания еще до начала обсуждения. Защитники леса подвергались преследованиям. Была взорвана машина Бекетова, а в ноябре 2008 года он был зверски избит. [Когда протестующим] удалось на время остановить вырубку <...>, появилась толпа молодых

[1] *Escribà-Folch A.* Repression, Political Threats, and Survival under Autocracy // International Political Science Review. 2013. Vol. 34. № 5. P. 543–560.

[2] Об этом свидетельствует то, как «Фидес» называла насилие, проявляемое полицией в 2006 году, одним из главных грехов социал-либерального правительства. См.: *Palonen E.* Political Polarisation and Populism in Contemporary Hungary.

людей в масках с очевидной целью силой прогнать протестующих. Местная полиция либо не вмешивалась, либо действовала в интересах строительного проекта»[1]. Хотя история на этом не закончилась, приведенное описание ясно указывает на то, что для подавление социальной оппозиции используется как выполняемое государством принуждение, так и отданное на аутсорсинг. В отличие от этого, одним из примеров изменения политики перед лицом общественной неудовлетворенности является Венгрия. Внезапную мобилизацию в этой стране вызвала попытка обложить налогом интернет-трафик. Хотя этот план так и не был реализован, он взволновал молодые поколения, которые ранее не интересовались политикой, но отреагировали на эту атаку на их личную свободу. В конце 2014 года налог на интернет побудил десятки тысяч граждан выйти на улицы в знак протеста. Эта политическая мера не имела первостепенного значения для Орбана, и к тому же ее введение было плохо подготовлено: запланированные государством налоговые поступления резко превышали ту сумму, которую можно было бы собрать в соответствии с новыми налоговыми параметрами, примерно на 20 млрд форинтов (около 65 млн евро). После того, как этот вопрос вызвал самый массовый митинг против правительства «Фидес», Орбан вскоре решил отказаться от него, укрепив свое положение до того момента, когда он начал бы терять власть[2]. Подобный случай имел место и в России, когда отмена льгот на транспорт и медицину в 2005 году спровоцировала митинги пенсионеров на улицах Москвы[3].

1 *Petrov N., Lipman M., Hale H.* Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance. P. 14–15.

2 *Szabó A., Mikecz D.* After the Orbán-Revolution: The Awakening of Civil Society in Hungary? // Social Movements in Central and Eastern Europe: A Renewal of Protests and Democracy. Bucharest: Editura Universității din București, 2015. P. 34–43.

3 *Petrov N., Lipman M., Hale H.* Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance. P. 12–14.

Общая мораль предыдущих абзацев в том, что люди имеют значение, причем как для успеха публичной политики, так и патрональной. Как проницательно замечает Чаба, «ни материальные факторы, осмысленные в рамках мейнстримной экономической теории, такие как капитал, труд, земля или инновации как таковые <...>, ни воспроизводящие себя правила игры, на которые указывают институционалисты, не дают удовлетворительного объяснения <...>. [Вместо этого] **ключом к успеху является общественный диалог о системе ценностей**. Это ведет к доверию в обществе, признанию <...> добродетелей успеха, добросовестности, соблюдению законов и непредвзятому правосудию. <...> Эти факторы, подчеркнуто не материальные, а интеллектуальные, обладают предсказательной силой. Наиболее известный тому пример — упадок Китая в позапрошлом веке: хотя китайцы изобрели „все“, от фарфора до книгопечатания, в середине XIX века деградирующее, раздробленное центральное китайское государство изо всех сил пыталось выжить. Тем временем Европа с ее недружественным климатом и частыми войнами начала лидировать, благодаря общественному использованию знаний, основанных на ценностях и меняющихся общественных <...> нормах»[1] (выделено нами. — *Б. М., Б. М.*). Это возвращает нас к началу книги, где шла речь о разделении сфер социального действия, из которых в значительной мере вытекают социальные нормы [▸ 1]. Так возникает «эффект колеи», о котором мы упоминали в начале книги, но на всем ее протяжении мы также показали, какое многообразие других факторов может способствовать формированию режимов. Какие бы параметры мы ни использовали для определения успеха, шансы на поиск и прокладывание пути есть в каждой стране, для каждого народа, в любое время и при любом режиме.

1 *Csaba L.* Válság — Gazdaság — Világ [Кризис — Экономика — Мир]. P. 17.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение языка и базовые аксиомы анализа посткоммунистических режимов

Хотя эта книга называется «Посткоммунистические режимы», она также могла бы называться «Новый язык для описания посткоммунистических режимов». Действительно, бóльшая часть этой работы посвящена терминологии, и в ней неоднократно подчеркивается, насколько важно **использовать правильный язык для описания явлений, которые мы наблюдаем**. Возьмем пример из биологии: если использовать понятия, разработанные для описания рыб, такие как «жабры», «чешуя» и «плавники», мы не сможем хорошо описать слона. Утверждение, что у него нет жабр и плавников, мало что скажет нам о том, чем он в действительности является, да и назвать его «неполноценной» особенной рыбой, которая не живет в воде, было бы тоже бессмысленно. Если различия не просто значительные, но качественные, и позволяют выделить новый вид, то язык, который мы используем, должен учитывать это. Чтобы охватить уникальные особенности нового типа(ов), необходимо ввести новые понятия, которые будут четко отделены от других типов и их особенностей. Это не означает, что разные типы не могут иметь некоторые общие черты — и рыбы, и слоны являются позвоночными, — но существуют **принципиальные различия**, которые отличают их друг от друга в самой своей основе — при скрещивании рыбы и слоны не могут приносить жизнеспособного потомства[1].

Если говорить о посткоммунистических режимах, то «принципиальные различия» также можно назвать **системообразующими**, тогда как «сама основа» — это черты,

[1] О биологической классификации см.: *Richards R. A.* Biological Classification: A Philosophical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

из которых могут быть выведены все другие (специфические для режима) черты в посткоммунистической среде. Мы начали наше изложение с определения **ключевых социальных и управленческих структур в не отделенных друг от друга сферах социального действия** в Главе 1. Мы использовали эти структуры в Главе 2, где пришли к выводу, что (1) характерные формы посткоммунистических государств основываются на принципе интересов элит, поэтому необходимо сосредоточиться на тех понятиях, которые подразумевают наличие этого принципа, и (2) четыре аспекта, по которым можно классифицировать государства, — это природа правящей элиты, действия в отношении власти, действия в отношении собственности и законность этих действий. В качестве следующего логического шага мы определили неполные типы государств и скомпоновали их в полный тип, то есть такой, который можно определить с точки зрения всех четырех аспектов. Получившаяся комбинация из определений государства, руководствующегося интересами элит, является мафиозным государством, которое также представляет собой, исходя из определения «государства», центр власти в режиме, названном нами патрональной автократией. Затем в Части 2.4.6 мы противопоставили этот тип режима конституционному государству либеральных демократий, описанному с точки зрения тех же четырех аспектов, но с особенностями, следующими из принципа общественных интересов. Таким образом, «самые основы», отличающие эти два типа государства и два режима, это **доминирующий принцип функционирования государства**, а то, как режим функционирует на деле, в нашей **интерпретации** этого принципа, проявляется **в соответствии с ограничивающими условиями** посткоммунистических жестких структур. В остальной части нашего обсуждения, в Главах 3–6, которые посвящены особенностям режимов, тоже часто упоминаются принципы функционирования государства, а также базовые явления, присущие жестким структурам

(неформальные сети, власть-собственность, патронализм и патримониализм), которые указывают на те самые основы, в соответствии с которыми раскрывается сущность политических, экономических и социальных аспектов либеральной демократии и патрональной автократии[1]. Включив в наш анализ уже существующую модель коммунистических диктатур Корнаи, мы выделили три **сильно отличающихся друг от друга «вида» режимов полярного типа**. И подобно тому как слон не является нелиберальной рыбой, патрональная автократия не является нелиберальной демократией, но представляет собой отдельный тип, логику которого невозможно понять, взяв за основу логику другого полярного типа, такого как западные (либеральные) демократии[2].

1 Это правда, что в своей сравнительной типологии мы обращаем больше внимания на патрональные автократии и берем их структуру за нашу аналитическую основу. Мы сделали это намеренно, поскольку обнаружили, что именно патрональные режимы представлены в литературе недостаточно, а также не имеют четкой основы для рассмотрения элементов режима и подрежима, и нашей целью было в первую очередь восполнить этот пробел. Тем не менее, хотя мы рассматривали каждый режим (его акторов и т. д.), повторяя структуру анализа патрональных автократий, мы попытались прояснить, что другие режимы структурированы по-разному, а явления, вошедшие в наш сравнительный анализ, имеют в них разный вес и находятся в разных отношениях друг с другом.

2 Некоторые авторы утверждают, что демократию западного типа не следует принимать за основополагающий концепт для осмысления даже не автократий, а «незападных демократий», потому что режим, не похожий на западную модель, может быть при этом демократией, даже если локальные условия и культура привносят определенные «экзотические» элементы, из-за которых его нельзя назвать западным (*Youngs R.* Exploring «Non-Western Democracy» // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 4. P. 140–154; *Lakatos J.* Nyugatos És Nem Nyugatos Demokráciák [Демократии западного и незападного типа]. Budapest: Méltányosság Politikaelemző Központ. 28.01.2019. URL: http://www.meltanyossag.hu/content/files/Nyugatos%20%C3%A9s%20nem%20nyugatos%20demokr%C3%A1ci%C3%A1k.pdf.). Мы обсуждаем эту точку зрения в Главе 1: на уровне особенностей режима культура может привести к патронализму, а будет ли рассматриваемый режим демократическим или автократическим по сути, зависит от других факторов [▸ 1.5.2]. Однако незападной *демократией* является только патрональная демократия, потому что ей свойственна многопирамидальная сеть власти. Патрональная автократия, которая и в самом деле не является западным типом, также не является и демократией, поскольку для нее характерна однопирамидальная сеть власти.

Либеральная демократия, патрональная автократия и коммунистическая диктатура — это не просто три типа режимов: они являются **полюсами, формирующими свой язык**. Каждый из этих типов требует своего собственного языка, то есть по одному отдельному набору понятий, которые отражают уникальные характеристики режима или, скорее, принципиально иной контекст, формируемый этими характеристиками. **Поскольку именно эти три режима формируют свои специфические языки, они и были выбраны в качестве полярных типов**. При этом **промежуточные типы — патрональную демократию, консервативную автократию и диктатуру с использованием рынка — можно описывать при помощи смешанных языков, созданных из первичных языков трех полюсов**. Логика здесь аналогична логике цветового круга, показывающего отношения между основными цветами, которые нельзя получить путем смешивания других цветов (красный, желтый, синий), и дополнительными цветами, которые можно получить, смешав основные цвета (оранжевый из красного и желтого, фиолетовый из красного и синего и зеленый из желтого и синего). Языки трех режимов полярного типа подобны основным цветам: они образовывают уникальные структуры, а их элементы нельзя получить через смешивание других языков. Однако языки трех промежуточных типов похожи на дополнительные цвета, поскольку они получаются из комбинаций понятий, взятых из языков соседних полярных типов[1]. Так, язык **патрональной демократии** формируется путем смешения языков либеральной демократии (мультипирамидальная патрональная сеть) и патрональной автократии (неформальный патронализм); для **консервативной автократии** нужно объединить понятия из языка либеральной демократии (непатрональная экономика) и коммунистической диктатуры (бюрократический патронализм);

[1] Мы выражаем признательность Кларе Шандор за эту блестящую метафору.

а для **диктатуры с использованием рынка** — понятия из языка коммунистической диктатуры (бюрократический патронализм) и патрональной автократии (неформальный патронализм), хотя в этом случае, чтобы отразить все особенности этого режима, необходимо смешать понятия частной экономики и регулируемой рыночной координации.

Осознанность в отношении языка также дает некоторого рода свободу. Как объясняет Стивен Хокинг в книге «Высший замысел», написанной в соавторстве с Леонардом Млодиновым, «не существует концепции реальности, не зависящей от картины мира или от теории. Мы же вместо этого примем точку зрения, которую станем называть моделезависимым реализмом», что означает, что «никакой моделенезависимой проверки реальности нет. Следовательно, хорошо построенная модель создает собственную реальность. <...> Моделезависимый реализм применим не только к научным моделям, но и к сознательным и подсознательным мысленным моделям, которые все мы создаем, чтобы интерпретировать и понять повседневность»[1]. К социальным наукам это применимо настолько же, насколько и к естественным. Если мы смотрим на что-то, это запускает в нашем разуме когнитивные процессы. Без адекватной лингвистической и концептуальной базы мы станем пленниками собственных предрассудков; **без осознанных попыток осмыслить реальность в точных концептуальных терминах мы неизбежно застрянем в уже сложившихся рамках** усвоенных допущений, которые будут на подсознательном уровне подталкивать нас применять их повсюду. Подобно невидимым очкам, они фокусируют наше восприятие определенным образом, а неспособность осознать скрытые аксиомы, содержащиеся в наших словах, в итоге искажает как интерпретацию, так и понимание реальности.

[1] *Хокинг С., Млодинов Л.* Высший замысел. СПб.: Амфора, 2013. С. 49, 53, 194.

Именно пребывание в ловушке языка — без осознания этого — и свойственно **мейнстримной гибридологии**. Хотя гибридологи осознавали наличие уникальных режимов и бесспорно продвинулись в понимании механизмов создания демократических фасадов (Глава 4 основывается на их выводах), они не сумели осознать присутствие некоторых **фундаментальных аксиом** в своем подходе, и поэтому аксиоматически отрицали те явления, которые отличают западные режимы от посткоммунистических. **Задача этой книги в том, чтобы разрушить эти аксиомы и снова начать контролировать язык вместо того, чтобы позволять языку управлять нами.**

Основная аксиома мейнстримной гибридологии состоит в том, что **разделение сфер социального действия** существует в каждом обществе. Об этом можно судить по использованию для всех типов режимов таких слов, как «политик» и «предприниматель», или по тому, что эти акторы отождествляются в первую очередь с их формальными статусами, которые могут быть связаны с их неформальными статусами и положением лишь во вторую очередь. Из этой аксиомы следует, что множество явлений трактуются как **отклонения**, главным образом **неформальность и (неформальный) патронализм**. Даже когда гибридологи, такие как Левицкий и Вэй, подчеркивают «центральную роль неформальных институтов» в конкурентных авторитарных режимах, они интерпретируют их как некие творческие изобретения, необходимые в международной обстановке периода после холодной войны и «роста издержек формальных (например, однопартийных) авторитарных режимов», а не как следствие исторического и цивилизационного наследия и определяющий фактор развития не только автократических режимов этого региона, но и демократических[1].

[1] *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 27–28. В статье, написанной через десять лет после знаменитой книги, авторы по-прежнему анализируют Венгрию, акцентируя внимание

Препарируя эту основную аксиому, можно увидеть, что **уровень разделения социальных сфер рассматривается как нечто постоянное, хотя на самом деле это переменная величина**. Мы начали с этого Главу 1, в которой рассмотрели понятие уровня разделения сфер как с цивилизационной, так и с исторической точки зрения. Тем самым мы доказали несостоятельность аксиом, в соответствии с которыми неформальность и патронализм рассматриваются как отклонения. Отказавшись от логики, лежащей в основе языка либеральных демократий, мы допустили возможность того, что **неформальность может иметь первостепенное значение для режима**, а также что **патронализм может быть его системообразующим элементом**. Создавая язык для патрональных режимов[1], мы всегда учитывали эти основные моменты, без которых мы не смогли бы структурировать все политические, экономические и социальные явления посткоммунизма так же последовательно.

По нашему замыслу, понятия в этой книге находятся в строгом логическом порядке и составляют концептуальный инструментарий, а по сути — язык, состоящий из других языков, которые формируются полюсами режимов. Эти понятия соотносятся с явлениями реального мира, в подробностях задокументированными в многочисленных эмпирических исследованиях, которые мы цитировали на протяжении всей книги. Эти посткоммунистические явления подсказали нам, какие темы должна охватывать наша структура. Так,

на формальных институтах, и рассматривают партию «Фидес» как центрального актора режима (хотя это всего лишь приводной ремень [▸ 3.3. 8] приемной политической семьи Орбана, реального, неформального центрального актора). См: *Levitsky S., Way L.* The New Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. Vol. 31. № 1. P. 51–65.

1 Языки либеральной демократии и коммунистической диктатуры по большей части существовали и ранее, поскольку находились на двух полюсах мейнстримной оси демократия — диктатура. Тем не менее мы структурировали их и отделили от патрональных режимов, используя такие концепции, как публичное обсуждение и субстантивно-рациональная легитимность [▸ 4.2].

конструируя утопические **идеальные типы** из наблюдаемых явлений по образцу Макса Вебера, мы выделили **четко отделенные друг от друга строительные блоки, чтобы последовательно объединить их в единую конструкцию**. Эти блоки объединяются при помощи политологических, экономических и социологических теорий, выбор которых был не произвольным, а отталкивался от необходимости создать единое целое. Из-за большого количества взаимосвязей между понятиями, на что указывает частое использование связующих стрелок в тексте, именно логика служит основным связующим механизмом между такими явлениями, как патронализм, мафиозное государство, приемная политическая семья, популизм, реляционная экономика и клиентарное общество. Эти понятия определяют модель идеального типа (в данном случае модель патрональной автократии), которую в качестве точки отсчета можно применять к реально существующим мировым режимам, процессам и явлениям. Поскольку ни одна страна, конечно же, не воплощает в себе этот тип на все сто процентов, он носит название «идеальный». Однако **страны, где характеристики определенного режима являются доминирующими**, то есть большинство наблюдаемых событий и явлений соответствуют определению данного режима, **можно описать языком, который предлагает выбранный идеальный тип**. А если в многомерной аналитической структуре выделить шесть моделей, то есть шесть режимов идеального типа, то это дает богатый набор понятий для дискуссии о посткоммунистических режимах. Будущим исследователям эта структура может быть полезна еще и потому, что **она не только определяет место каждого явления, но и рассматривает его** в контексте всех других явлений. Таким образом, подробное рассмотрение каждого элемента (чего мы были вынуждены избегать в этой книге) автоматически будет достраивать нашу структуру. Иными словами, научные статьи, которые будут в силу необходимости касаться только одного

аспекта или элемента режима, будут, говоря нашим языком, вносить вклад как в понимание своего предмета, так и в наши знания о режиме в целом.

По большому счету в наши намерения входило не воспроизведение красочного хаоса существующей литературы, а создание стройной системы, с которой новички могут ознакомиться и которую исследователи могут использовать или подвергнуть критике.

В поисках глобальной перспективы: избавление от скрытых аксиом при рассмотрении посткоммунистического региона

Основное ограничение нашей структуры — это область ее применимости: мы фокусировались на посткоммунистическом регионе, от Центральной и Восточной Европы через постсоветские страны до Китая. Из этого следует, что и в **нашей структуре есть некоторые — невысказанные до этого момента — аксиомы, то есть факторы, которые мы считаем постоянными величинами**, в силу принадлежности этих режимов к посткоммунистическому региону, по крайней мере в той степени, что они не вызывают системообразующих различий. Но в других регионах они могут быть другими. Следовательно, нашу структуру можно расширить до мирового масштаба, **ведь если мы смогли избавиться от аксиом западной цивилизации, расширив наш лингвистический инструментарий для описания посткоммунистической действительности, то и аксиомы этого региона можно проблематизировать, чтобы описать явления, свойственные другим регионам.**

Прежде чем раскрыть аксиомы, которых мы придерживались в отношении посткоммунистических режимов, стоит отметить, что **за пределами посткоммунистического региона**

существуют страны, которые можно описать с помощью нашего языка, не разрушая его аксиом. Так получилось непреднамеренно: мы определяли идеальные типы для конкретного региона, не задумываясь об особенностях других географических зон. Однако большинство **либеральных демократий** находятся за пределами посткоммунистического региона, особенно в **западной цивилизации**. Такие страны, как Австралия, Швеция или Соединенные Штаты, приближаются к идеальному типу либеральной демократии, который описан в нашей книге, поскольку при разработке этой модели мы обращались к популярным авторам, анализировавшим демократию и процессы внутри нее на примере либеральных демократий западного типа. Что касается другого конца оси демократия — диктатура, то **в настоящее время коммунистические диктатуры существуют только за пределами посткоммунистического региона**, а самым ярким примером режима такого типа является **Северная Корея**, в которой сохраняется чрезвычайно репрессивная коммунистическая диктатура почти идеального типа. **Диктатура с использованием рынка**, как правило, предполагает коммунистическое прошлое и, следовательно, может существовать в посткоммунистических странах, которые мы не рассматривали, например во Вьетнаме и Камбодже в Юго-Восточной Азии[1]. Что касается **патрональных режимов**, то по предположению Хейла, во многих странах **Латинской Америки и Африки к югу от Сахары**, переживших смену режима после коммунистической диктатуры в 1990-х годах (Ангола, Бенин, Буркина-Фасо, Конго, Эфиопия, Мадагаскар, Мозамбик, Сомали), существовало множество одно- и мультипирамидальных патрональных сетей[2]. Хотя анализ этих стран в настоящее время требует отказа от некоторых принятых нами аксиом (см. ниже), понятия патрональной конкуренции

1 *Malesky E., London J.* The Political Economy of Development in China and Vietnam // Annual Review of Political Science. 2014. Vol. 17. № 1. P. 395–419.

2 *Hale H.* Patronal Politics. P. 466–467; *Drew A.* Communism in Africa.

и автократической консолидации или представление об их отсутствии можно в полной мере применять к этим странам. **Монголия** больше всего тяготеет к **патрональной демократии**, тогда как **Сингапур** представляет собой любопытный случай однопирамидальной властной сети с многопартийными выборами и непатрональной экономикой, что в какой-то степени напоминает **консервативную автократию**[1].

Однако подробный анализ стран за пределами посткоммунистического региона выходит за рамки нашей компетенции, и мы убеждены, что **некоторые явления, характерные для других регионов, невозможно адекватно интерпретировать с помощью нашей структуры**. Другими словами, необходимо **отказаться от некоторых из наших аксиом** и осознать, что некоторые факторы, не являющиеся системообразующими в посткоммунистическом регионе, вполне могут быть таковыми в других географиях. Нам кажется, что наиболее неадекватными для анализа непосткоммунистических гибридных режимов можно считать следующие пять аксиом[2]:

• **Аксиома генезиса: становление режима начинается с разрушения монополии государственной собственности**. На схемах в Главе 7 каждая смоделированная траектория проанализированных нами стран начиналась в одном и том же «Квадрате № 1», то есть с коммунистической диктатуры. После ликвидации этого типа режима во всех посткоммунистических странах, независимо от их первичной траектории, монополия на государственную собственность была упразднена. В Главе 5 мы писали, что развитие института собственности шло рука об руку с политической властью, поскольку коммунистическая

1 *Hale H.* Patronal Politics. P. 471–472.

2 Так, предмет гибридологии выходит за рамки посткоммунистического региона и стремится описать каждый (не чисто демократический или диктаторский) режим в мире как некий гибрид. См., например: *Bosch J. van den.* Mapping Political Regime Typologies; *Ekman J.* Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes // International Political Science Review. 2009. Vol. 30. № 1. P. 7–31.

национализация и приватизация при смене режима были последовательными шагами по политической реорганизации структуры собственности. Данную точку можно считать генезисом этих режимов, который оказал долгосрочное влияние на характер собственности, ее слияние с властью, а также на экономическую и политическую культуру региона. Впрочем, во множестве стран никогда не было монополии на государственную собственность, а значит, не происходило и коммунистической национализации, ровно как и приватизации при смене режима. Мы вкратце рассмотрели права собственности западного типа, но наша концепция может оказаться непригодной в режимах с другим происхождением, другой отправной точкой и другой историей формирования собственности. Примером здесь могут служить постколониальные страны.

• **Аксиома государственности: центром режима является государство как стабильное образование, которое способно поддерживать монополию на легитимное применение насилия.** Хотя мы определяем режим только как «центр политической власти», мы тут же отмечаем, что это выражение описывает именно государство в регионе. За исключением олигархической анархии, которая была в отдельных странах переходным периодом, мы не рассматривали режимы, для которых государственная несостоятельность стала постоянно присущей чертой. Иначе говоря, мы не рассматривали гражданские войны или страны, где (a) государство настолько слабое, что оно перестает быть центром политической власти, либо где (b) нет какого бы то ни было государства, а вместо него действует ряд вооруженных групп и полевых командиров, ни один из которых не способен занять доминирующее положение и создать полноценное государство. Измерение силы государства не учитывается в нашей треугольной структуре, поэтому страны, в которых это свойство является отличительной чертой системы, нельзя корректно описать при помощи наших режимов идеального типа.

• **Аксиома секуляризма: правящие элиты секулярны, а в государстве доминирует светская власть.** В нашей структуре религия появляется (1) в контексте цивилизаций как знак разделения сфер социального действия и (2) как общинный феномен, представленный церквями как общинными акторами. Сейчас даже в Центральной Азии светская власть доминирует над религиозной. Руководящие государством правящие элиты действуют не как религиозные экстремисты, а как светские акторы. В этой книге мы не рассматриваем религию ни как объединяющую силу общества, ни как основной принцип функционирования государства. Из этого следует, что теократии и другие виды режимов, где доминирует религиозная власть, открывают новое измерение для разграничения режимов.

• **Партийная аксиома: высшие формальные должности занимают политики из политических партий (не военные или монарх).** В рассматриваемом нами посткоммунистическом регионе к власти не приходили военные хунты, как не было и государственных переворотов, а военные находятся в подчиненном положении по отношению к лицам, занимающим высшие формальные должности. Эти должности занимают не монархи, а законные президенты, премьер-министры или генеральные секретари партии, формально являющиеся политиками из политических партий. Доминирование этих акторов в политической сфере является аксиомой в нашей книге, но, на самом деле, если посмотреть на другие страны мира, то это лишь один из возможных вариантов. Для описания военных диктатур, а также королевств и наследственных монархий требуются понятия другого рода, которых нет в нашей структуре, включая такие разновидности правящей элиты, как вооруженные силы и аристократия.

• **Аксиома опеки: *де-факто* сильнейший политический деятель режима является политическим актором и *де-юре*.** Хотя фактических политических деятелей в патрональных

режимах следует рассматривать через их неформальные титулы, между формальными и неформальными носителями власти всегда имеются существенные совпадения. В частности, верховным патроном является, как правило, президент или премьер-министр. Но даже когда он занимает другой пост, как, например, Плахотнюк в Молдове, формально он все равно является политическим актором. При этом в гибридологии существуют так называемые режимы-опекуны, в которых формальные политические акторы на деле становятся политическими подставными лицами невыборных религиозных (например, Иран) или военных (например, Пакистан) властей, и при этом не являются явными теократиями или военными хунтами[1]. Кроме того, мы не рассматривали режимы, подвергшиеся военному вторжению или так называемые марионеточные государства, где формально суверенное правительство не имеет реальной власти в стране и подчиняется иностранному государству.

Помимо этого, **мы рассматривали цивилизационную принадлежность как переменную, но в ограниченном масштабе**. Хантингтон перечисляет восемь основных мировых цивилизаций: синскую, японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую и (возможно) африканскую[2]. Мы рассмотрели только четыре из них, проследив их взаимосвязи с уровнем разделения социальных сфер. Эта взаимосвязь стала отправной точкой аргумента о жестких структурах и нашего общего понимания того, почему в определенных странах формируются определенные режимы и как их можно интерпретировать. Таким образом, чтобы разработать

[1] *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. P. 14.

[2] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 54–59. Каценштейн и его соавторы делят мир аналогичным образом, уделяя особое внимание западной, китайской, японской, индийской и исламской цивилизациям. См.: *Katzenstein P.J.* A World of Plural and Pluralist Civilizations.

для этих стран подходящие типы режимов и аналитическую структуру, **необходимо оценить уровень разделения сфер социального действия в японской, индуистской, латиноамериканской и африканской цивилизациях**, отделив их от рассматриваемого нами посткоммунистического региона.

В конечном счете дело региональных экспертов — решить, являются ли (1) необходимость трансформации аксиом в переменные и (2) принадлежность к другой цивилизации достаточным **основанием для создания нового, независимого аналитического языка**. Для нас это открытый вопрос, и мы не будем пытаться дать окончательный ответ, обладая лишь частичными сведениями. Однако мы уверены в том, что если обращать внимание только на политическую институциональную среду или предположить, что социальные сферы априори отделены друг от друга, то ни один режим в мире нельзя будет понять адекватно. В конце концов анализ, который является не всесторонним, а лишь политологическим, экономическим или социологическим, может оказаться невосприимчивым к тем элементам, которые важнейшим образом влияют на динамику этих режимов и которые сами акторы ставят во главу угла, принимая важные решения.

Технологии и климатические изменения: особенности эпохи и перспективы на будущее

Ключевым аспектом нашего представления об анатомии посткоммунистических режимов является **отделение особенностей режима от особенностей страны**. Хотя в литературе они часто неразличимы, их аналитическое разграничение — это важный организующий принцип для сравнительного изучения стран. Две страны могут быть патрональными автократиями, то есть могут иметь одну и ту же систему власти с общей логикой и базовыми принципами функционирования,

тогда как ограничивающие их режим условия могут сильно различаться. В конце Главы 7 мы подробно разобрали третью группу, **характерные особенности политики**, которые обычно не определяют режим, но входят в обширный корпус литературы, посвященной социальным и экономическим последствиям государственной политики. Похожим образом представители власти, действующие в режимах одинакового типа и даже в странах с одинаковыми особенностями, могут вводить для достижения своих целей разные политические меры, а результаты этих мер могут различаться в зависимости от многих факторов. Однако что касается четвертой группы — **особенностей эпохи, то есть явлений, присущих определенному периоду,** — то мы пока лишь намекнули на них. Теперь, когда мы кратко изложили нашу точку зрения и основные способы того, как можно выйти за пределы посткоммунистического региона и анализировать другие географии, в заключение мы хотели бы изложить несколько идей, чтобы шагнуть из настоящего в будущее. Другими словами, мы попытаемся объяснить, как можно будет обновить нашу структуру, чтобы сделать ее более применимой для анализа политических режимов в ближайшие десятилетия.

В какой-то мере все зависит от эпохи. На протяжении большей части истории человечества ни одного из тех типов режимов, которые мы описываем, не существовало: до XX века не было коммунистических диктатур (и сейчас их тоже очень мало)[1], а либеральных демократий, которые сегодня довольно распространены, до эпохи Просвещения

[1] Некоторым читателям может показаться странным, что мы уделили такое большое внимание в нашей книге тонкостям коммунистических диктатур, несмотря на то, что это практически «вымерший вид». Это связано с тем, что нам было важно рассмотреть этот тип режима, поскольку он был необходим для создания треугольного пространства и построения траекторий режимов. Именно через подробное описание коммунистической диктатуры можно прояснить нововведения, отличающие патрональные автократии и диктатуры с использованием рынка от классической модели диктатуры, что также способствует деконструкции частых исторических аналогий с коммунизмом.

(XVIII век) не существовало даже на уровне идей. Тем не менее мы хотим упомянуть два явления, которые строго привязаны к эпохе, то есть они развиваются с течением времени, и их можно довольно четко отличить от особенностей режима, страны и политики, которые мы описывали. Речь идет об **информационных технологиях** и **климатических изменениях**. По состоянию на 2021 год эти явления не привели к возникновению системообразующих различий, а их роль в функционировании режима была подчинена другим особенностям, так что они не превратились в самостоятельную силу, определяющую функционирование режима как такового. Конечно, интернет изменил характер процессов публичного обсуждения, предоставив, как мы упоминали в Главе 4, новые пространства для общения, источники информации и возможности для манипулирования. *Facebook*, *Twitter* и другие средства массовой информации поставили перед автократами новые задачи и открыли новые возможности для оппозиционных движений. Однако мы полагаем, что именно в контексте двух вышеупомянутых особенностей **мы находимся в шаге от важного поворотного момента**, в результате которого облик посткоммунистических режимов, какими мы их знаем, может кардинально измениться в предстоящие несколько десятилетий.

Если говорить о режимах и их правящих элитах, то **развитие информационных технологий меняет методы контроля и угнетения**. Лучший тому пример — **Китай**, который уже называют «жандармским государством» и «**цифровым тоталитарным государством**»[1] из-за своих новейших систем интернет-контроля, использующих супермассивы данных, а также из-за так называемой системы социального кредита. В специальном выпуске *Journal of Democracy*, озаглавленном

[1] China Invents the Digital Totalitarian State // The Economist. 17.12.2016. URL: https://www.economist.com/briefing/2016/12/17/china-invents-the-digital-totalitarian-state.

«Путь к цифровой несвободе», Сяо Чен объясняет, что китайское государство «создало ряд механизмов, направленных на утверждение своего господства в киберпространстве. Кроме того, они все чаще сочетают в себе разветвленную инфраструктуру наблюдения, принуждения и передовых цифровых технологий. <...> Государственные органы и компании, которые с ними сотрудничают, посредством максимального использования информации и ресурсов, могут превратить эти инновационные технологии в инструменты для манипулирования обычными гражданами. Например, большие массивы данных — это бесценный ресурс для прогнозирования. Чиновники могут использовать этот потенциал, чтобы предвидеть протесты и даже серьезные всплески общественного мнения в сети, что при подавлении оппозиции позволяет им действовать на опережение. В другом примере авторитарного использования больших объемов данных [китайские] власти работают над интеграцией информации из широкого спектра источников в общенациональную систему социального кредита, которая будет оценивать поведение каждого человека в стране — инновация, достойная пера Джорджа Оруэлла и его романа „1984“. По меткому выражению журнала *Wired*, в Китае в ходе операций по слежке нового поколения „большие данные встречаются с Большим братом“»[1]. Хотя современные автократии и диктатуры уже покончили с кровавыми репрессивными методами, такая эффективность больших данных и информационных технологий открывает **совершенно новый простор для применения дискреционных наказаний на пути от прямого насилия к экзистенциальной уязвимости**.

[1] *Qiang X.* President Xi's Surveillance State. P. 53–54. Также см. *Botsman R.* Big Data Meets Big Brother as China Moves to Rate Its Citizens // Wired UK. 21.10.2017. URL: https://www.wired.co.uk/article/chinese-government-social-credit-score-privacy-invasion. Чен также добавляет, что партия-государство Китая ожидает, что к установленной дате в 2020 году в систему социального кредита вступит каждый гражданин Китая.

Мы можем наблюдать, как в ответ на потенциал информационных технологий в расширении человеческих возможностей и противодействии угнетению[1], **авторитарные режимы с имперскими амбициями пытаются добиться своего рода «цифровой автаркии»**, например с помощью «Великого китайского файрвола» и ужесточения правил пользования интернетом в России. В конце 2019 года российский режим успешно протестировал национальную альтернативу глобальному интернету, отключив страну от всемирной паутины[2], а Путин даже предложил создать «надежную» русскую версию Википедии, заменив сайт, редактируемый пользователями, новой Большой российской энциклопедией за 1,7 млрд рублей налоговых денег (около 24 млн евро)[3]. **В XXI веке вопрос о том, будут ли информационные технологии служить целям освобождения или угнетения**, остается открытым. Мы можем только предполагать, что поскольку автократы учатся друг у друга[4], новые технологии угнетения будут распространяться и в будущем. Так, борьба освободительных тенденций с репрессивными становится не только еще более глобальной, но и в целом меняет наши представления о возможностях автократических правителей.

Другое специфическое для эпохи явление, которое может иметь фундаментальные последствия для посткоммунисти-

1 См.: *Lim M.* Clicks, Cabs, and Coffee Houses: Social Media and Oppositional Movements in Egypt, 2004–2011 // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. № 2. P. 231–248; *Theocharis Y.* et al. Using Twitter to Mobilize Protest Action: Online Mobilization Patterns and Action Repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi Movements // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. № 2. P. 202–220.

2 *Wakefield J.* Russia «successfully Tests» Its Unplugged Internet // BBC News. 24.12.2019. URL: https://www.bbc.com/news/technology-50902496.

3 France-Presse, Agence: Vladimir Putin Calls for «reliable» Russian Version of Wikipedia // The Guardian. 05.11.2019. URL: https://www.theguardian.com/world/2019/nov/05/vladimir-putin-calls-for-reliable-russian-version-of-wikipedia.

4 *Weyland K.* Autocratic Diffusion and Cooperation: The Impact of Interests vs. Ideology // Democratization. 2017. Vol. 24. № 7. P. 1235–1252.

ческих режимов в будущем, это **климатические изменения**. Оно отличается от других внешних проблем: экономические кризисы могут быть случайными или циклическими, а изменение климата — это долгосрочное и необратимое испытание; и такие события, как эпидемия коронавируса, хоть и могут изменить структуру глобализации, не меняют режимы как таковые (только усиливая их наиболее важные особенности), тогда как изменение климата может подорвать режим. Оно ставит перед мировой политикой в целом и перед посткоммунистическими автократиями в частности два типа проблем. Во-первых, большинство ученых утверждает, что изменение климата потребует глобальных решений, то есть международного сотрудничества, которому может препятствовать тот же фактор, который разрушает сплоченность ЕС, а именно гетерогенность режимов. Конечно, борьба с изменением климата — это общая задача, стоящая перед человечеством, одинаково важная для народов как либеральных, так и патрональных режимов. Но если представители власти трактуют эту задачу таким же образом, то их политика должна быть не патрональной, а публичной, то есть такой, которой редко придерживаются верховные патроны. Так или иначе не только режимы, но и **отношения между режимами могут радикально измениться в ближайшие несколько десятилетий**. Во-вторых, в число последствий изменения климата входят опустынивание, повышение уровня моря и **массовая миграция** из менее пригодных для проживания районов в более пригодные. Все это является источником огромных проблем: массовая миграция может потенциально подорвать политические режимы как в направляющих, так и в принимающих странах, а последним придется столкнуться еще и с большим гуманитарным и/или экономическим бременем, даже если это автократии[1]. В итоге **две характерные для эпохи**

[1] Ср.: *İçduygu A., Şimşek D.* Syrian Refugees in Turkey: Towards Integration Policies // Turkish Policy Quarterly. 2016. Vol. 15. № 3. P. 59–69.

особенности порождают как проблемы, так и новые возможности для поддержания режимов в посткоммунистическом регионе, которые могут начать третичные траектории в трудно предсказуемых направлениях.

Хотя эта книга, возможно, довольно близка к выдающейся работе Яноша Корнаи «Социалистическая система» и отчасти построена по ее образцу, между ними есть огромная разница: согласно книге Корнаи, опубликованной в 1992 году, советская империя исчезла, а изменения посткоммунистических режимов не ограничены временем[1]. Идеальные типы, которые мы предложили, применимы к политическим системам, появившимся в последние три десятилетия, но они могут оказаться менее полезными в будущем, поскольку режимы в регионе продолжают меняться. Отчасти это связано с особенностями эпохи, то есть с внешними факторами, но внутренние факторы тоже могут играть свою роль. История неоднократно доказывала, что власть народа — это величайшая сила против врагов свободы, от начинающих популистов с их попытками установления автократии и автократическими прорывами до консолидированных патрональных автократий во главе с верховными патронами. И хотя цивилизации и уровень разделения социальных сфер эволюционируют медленно, ни один культурный контекст не является неизменным. Если мы знаем, что искать, то осознанное действие всегда может преодолеть эффект колеи и проложить новый путь.

Как бы то ни было, у нас есть хорошие новости: история не закончилась.

[1] Это соображение высказал Ласло Чаба в своей рецензии на нашу рукопись.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

Ариели Д. Позитивная иррациональность: Как извлекать выгоду из своих нелогичных поступков. М.: Альпина Паблишер, 2019.

Аристотель. Политика // *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

Аткинсон Э. Неравенство: Как с ним быть? М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Бережной И., Вольчик В. Исследование экономической эволюции института власти-собственности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация: сб. статей. Вып. 1. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–707.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2016.

Вэриан Х. Р. Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход. М.: ЮНИТИ, 1997.

Гайзергейт: Как власть и экспертное сообщество отреагировали на арест главы Коми // Коммерсант. 20.09.2015. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2814839.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс. 1991.

Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: МШПИ, 2004.

Гирц К. Религия как культурная система // *Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 104–148.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.

Дугин А. Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009.

Дюмон Л. Homo Hierarchicus. Опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001.

TI. Индекс восприятия коррупции за 2011 г. Часто задаваемые вопросы. URL: http://transparency.ee/cm/files/lisad/2_cpi2011_faqs_ru.pdf.

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014.

Карл Т., Шмиттер Ф. Что есть демократия? URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/karl_dem.php.

Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

Конституция Венгрии 1949 года. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=789.

Корнаи Я. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса. URL: https://institutiones.com/theories/2260-innovacii-i-dinamizm-vzaimosvyaz-sistem-i-texnicheskogo-progressa.html.

Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: Вопросы экономики, 2000.

Крауч К. Постдемократия. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.

Латынина Ю. Охота на изюбря. М.: Олма-Пресс, 2003.

Ленин В. Очередные задачи советской власти // *Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1974. С. 165–208.

Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Макаренко Б. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2 (124). С. 15–28.

Маркс К. Капитал. М.: АСТ, 2019.

Мациевский Н. Влияние теневой индустрии на социально-экономическое и морально-нравственное состояние государства и общества // *Мациевский Н.* Теневая Россия: истоки, сущность, причины, последствия. Т. 3: Томск: STT Publishing, 2015.

Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

Мюллер Я. Что такое популизм? М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2016.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

О'Доннелл Г. Делегативная демократия // Век XX и мир. 1994. URL: http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm#top.

Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое изд-во, 2012.

Ослунд А. Сравнительная олигархия: Россия, Украина и США // Отечественные записки. 2005. № 1 (22). URL: http://www.strana-oz.ru/2005/1/sravnitelnaya-oligarhiya-rossiya-ukraina-i-ssha.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2015.

Полани К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 62–73.

Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992.

Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.

Радыгин А. Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. М.: Республика, 1994.

Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

Ростовский Я. Макроэкономическая нестабильность в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. М.: Ad Marginem, 1997.

Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. Экономика. М.: Вильямс, 2012.

Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э. Построение капитализма без капиталистов. Образование классов и борьба элит в посткоммунистической Центральной Европе. Киев: Институт социологии НАНУ; Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, 2008.

Сиберт Ф., Петерсон Т., Шрамм У. Четыре теории прессы: Представления о том, какой должна быть пресса и чем ей следует заниматься в авторитарной и либертарианской теориях и в концепциях социальной ответственности и советского коммунизма. М.: Нац. ин-т прессы; Вагриус, 1998.

Стиглер Дж. Теория экономического регулирования // *Стиглер Дж.* Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. С. 197–249.

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.

Судьба экономических программ и реформ в России: круглый стол в рамках XVIII Апрельской междунар. науч. конф. НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. 2017. № 6. С. 22–44.

Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html.

Сюч Е. Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А. И. Миллер. М.: ИСБ РАН, 1996. С. 147–265.

Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо, 2017.

Таубман У. Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2008.

Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2019.

Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000.

Топ-100 самых влиятельных людей Украины // Новое время. 30.08.2018. URL: https://magazine.nv.ua/journal/3229-journal-no-31/sto-samykh-vlijatelnykh-ljudej-ukrainy.html.

Троцкий Л. Литература и революция. М.: Госиздат, 1924.

Федералист: политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс; Литера, 1994.

Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое изд-во, 2006.

Фридрих К., Бжезинский З. Тоталитарная диктатура и автократия. М.: История и политика, 2007.

Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015.

Хайек Ф. А. Конституция свободы. М.: Новое изд-во, 2018.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

Хиршман А. О. Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое изд-во, 2009.

Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009.

Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. СПб.: Амфора, 2013.

Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. М.: Столица-Принт, 2008.

A jóisten, a szerencse és Orbán Viktor személye — így vagyonosodott Mészáros Lőrinc [God, luck, and Viktor Orbán — this is how Lőrinc Mészáros got rich] // atlatszo.hu. 03.06.2014. URL: https://atlatszo.hu/2014/06/03/a-joisten-a-szerencse-es-orban-viktor-szemelye-igy-vagyonosodott-meszaros-lorinc/.

A NER elitje Orbánnal nézi a Vidi stadionavatóját a díszpáholyból — fotók [The NER elite watches Videoton stadium opening from VIP box — photos] // hvg.hu. 21.11.2018. URL: https://hvg.hu/itthon/20181121_orban_vidi_stadionavato_fotok.

Abashidze A. , Arganashvili A., Beraia G., Verdzeuli S., Kukava K., Shermadini O., Tsimakuridze E. The Judicial System: Past Reforms and Future Perspectives // Tbilisi: Coalition for Independent and Transparent Judiciary, 2017. URL: http://coalition.ge/files/the_judicial_system.pdf.

Ablonczy B. General Narrative: The Struggle for Sovereignty // The Second Term of Viktor Orbán: Beyond Prejudice and Enthusiasm / ed. by J. O'Sullivan, K. Pócza. London: Social Affairs Unit, 2015. P. 53–66.

Acemoğlu D., Johnson S., Robinson J. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth // American Economic Review. 2005. Vol. 95. № 3. P. 546–579.

Acemoğlu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. London: Crown Publishing Group, 2012.

Acocella N. The Foundations of Economic Policy: Values and Techniques. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Ádám Z., Bozóki A. State and Faith: Right-Wing Populism and Nationalized Religion in Hungary // Intersections — East European Journal of Society and Politics. 2016. Vol. 2. № 1. P. 98–122.

Adler E. Europe as a Civilizational Community of Practice // Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. by P.J. Katzenstein. London; New York: Routledge, 2010. P. 67–90.

Agamben G. State of Exception. Chicago; London: The University of Chicago, 2005.

Ágh A. A Rendszerváltás Terhe: Neoliberális-Autoriter Hibrid Magyarországon [Бремя смены режима: Венгрия как неолиберально-авторитарный гибрид] // Neoliberális Hegemónia Magyarországon: Elemzés És Kritika [Неолиберальная гегемония в Венгрии: анализ и критика]. Budapest: Noran Libro, 2019. P. 149–179.

Akerlof G., Blanchard O., Romer D., Stiglitz J.E., eds. What Have We Learned? Macroeconomic Policy after the Crisis. London: The MIT Press, 2014.

Akkerman T., de Lange S.L., Rooduijn M. Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe: Into the Mainstream? New York: Routledge, 2016.

Albert F. Public Works in Hungary: An Efficient Labour Market Tool? // Flash Report. European Social Policy Network. Brussels: European Commission, 2015. URL: https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=14220&langId=en.

Albright J. The Multidimensional Nature of Party Competition // Party Politics. 2010. Vol. 16. № 6. P. 699–719.

Aliyev H. Post-Soviet Informality: Towards Theory-Building // International Journal of Sociology and Social Policy. 2015. Vol. 35. № 3–4. P. 182–198.

Aliyev H. The Effects of the Saakashvili Era Reforms on Informal Practices in the Republic of Georgia // Studies of Transition States and Societies. 2014. Vol. VI. № 1. P. 19–33.

Aly G. Hitler's Beneficiaries: Plunder, Racial War, and the Nazi Welfare State. New York: Henry Holt and Company, 2008.

Amerikai Cégek Ellen Vizsgálódik a NAV [Национальная налоговая служба ведет расследование в отношении американских компаний] // Napi Gazdaság. 17.10.2014. URL: https://web.archive.org/web/20141217143928/http://www.napigazdasag.hu/cikk/25771/#.

Anarchy // Merriam-Webster.com. Web: Merriam-Webster, 2019. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/anarchy.

Anderson J. Kyrgyzstan: Central Asia's Island of Democracy? Amsterdam: Routledge, 1999.

Anderson J., Albini J. Ukraine's SBU and the New Oligarchy // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence. 1999. Vol. 12. № 3. P. 282–324.

Andersson S., Heywood P.M. The Politics of Perception: Use and Abuse of Transparency International's Approach to Measuring Corruption // Political Studies. 2009. Vol. 57. № 4. P. 746–767.

Andor M. Restoring Servility in the Educational Policy // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 528–558.

Anin R. The Brotherhood of Killers and Cops // Organized Crime and Corruption Reporting Project (OCCRP). 03.092018. URL: https://www.occrp.org/en/daily/28-ccwatch/cc-watch-indepth/8539-the-brotherhood-of-killers-and-cops.

Antal A. Politikai Ellenség És Identitás [Политический враг и идентичность] // Holtpont: Társadalomkritikai Tanulmányok Magyarország Elmúlt 25 Évéről /ed. by G. Földes, A. Antal. Budapest: Napvilág kiadó, 2016. P. 131–152.

Antal A. The Rise of Hungarian Populism: State Autocracy and the Orbán Regime. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019.

Anticorruption in Transition: A Contribution to the Policy Debate. Washington: World Bank, 01.01. 2000.

Antonova M. Ex-IKEA Boss Bares Russia's «Chaotic Reality» // The Moscow Times. 25.03.2010. URL: http://old.themoscowtimes.com/business/article/ex-ikea-boss-bares-russias-chaotic-reality/402494.html.

Applebaum A. Putinism: The Ideology // IDEAS reports — Strategic Updates. LSE IDEAS. London: London School of Economics and Political Science, 2013. URL: http://eprints.lse.ac.uk/59082/.

Applebaum A., Lucas E. The Danger of Russian Disinformation // The Washington Post. 06.05.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-danger-of-russian-disinformation/2016/05/06/b31d9718-12d5-11e6-8967-7ac733c56f12_story.html?utm_term=.46cc0c4bb98a.

Arakelyan V. Privatization as a Means to Property Redistribution in Republic of Armenia and in the Russian Federation. Tampere: Tampere University Press, 2005.

Ara-Kovács A. Diplomacy of the Orbán Regime // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 611–635.

Armony A. C., Schamis H. E. Babel in Democratization Studies // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. № 4. P. 113–128.

Arnason J. P. Civilizational Analysis, History Of // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / ed. by N.J. Smelser, P.B. Baltes. Vol. 3. Oxford; New York: Elsevier, 2001.

Arts W A., Gelissen J. Models of the Welfare State // The Oxford Handbook of the Welfare State / ed. by F.G. Castles, S. Leibfried, J. Lewis, H. Obinger, C. Pierson. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 569–583.

Ash K. The Election Trap: The Cycle of Post-Electoral Repression and Opposition Fragmentation in Lukashenko's Belarus // Democratization. 2015. Vol. 22. № 6. P. 1030–1053.

Åslund A. Russian Resources: Curse or Rents? // Eurasian Geography and Economics. 2005. Vol. 46. № 8. P. 610–617.

Åslund A. Russia's Crony Capitalism: The Path from Market Economy to Kleptocracy. New Haven: Yale University Press, 2019.

Åslund A. Ukraine: What Went Wrong and How to Fix It. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2015.

Avanzi B. Strategies for Dividend Distribution: A Review // North American Actuarial Journal. 2009. Vol. 13. № 2. P. 217–251.

Ayittey G. B. N. The Imminent Collapse of the Nigerian «Kill-and-Go» Mafia State // Black Renaissance. 1998. Vol. 1. № 3. P. 97–115.

Az 50 Leggazdagabb Magyar [50 богатейших венгров] // Forbes. 01.2020.

Baccaro L., Howell C. A Common Neoliberal Trajectory: The Transformation of Industrial Relations in Advanced Capitalism // Politics & Society. 2011. Vol. 39. № 4. P. 521–563.

Bader J., Grävingholt J., Kästner A. Would Autocracies Promote Autocracy? A Political Economy Perspective on Regime-Type Export in Regional Neighbourhoods // Contemporary Politics. 2010. Vol. 16. № 1. P. 81–100.

Baer S. Equality // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / ed. by M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 982–1001.

Baez-Camargo C., Ledeneva A. Where Does Informality Stop and Corruption Begin? Informal Governance and the Public / Private Crossover in Mexico, Russia and Tanzania // Slavonic & East European Review. 2017. Vol. 95. № 1. P. 49–75.

Bajnai G. From Economic to Political Crisis: Challenges Facing a Post-2008 European Union // Solidarity: For Sale? The Social Dimension of the New European Economic Governance. Europe in Dialogue, 01.2012. Bertelsmann Stiftung, 2012. P. 73–94.

Balassa B. The Theory of Economic Integration. Routledge Revivals. New York: Routledge, 2013.

Balcerowicz L. Poland: Stabilization and Reforms under Extraordinary and Normal Politics // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism / ed. by A. Åslund, S. Djankov. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 17–38.

Baldwin K. The Paradox of Traditional Chiefs in Democratic Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Balla G. Nem kell több vendég Mészárosnak ahhoz, hogy újabb milliárdokat keressen a szállodáival [Чтобы зарабатывать миллиарды на гостиничном бизнесе, Месарошу не нужны гости] // hvg.hu. 07.06.2019. URL: https://

hvg.hu/kkv/20190607_Nem_kell_tobb_vendeg_Meszaros_Lorincnek_ahhoz_hogy_milliardokkal_tobbet_keressen_a_szallodaiparban.

Balogh E. A Few Tricks Later, Hungarian Legislators Overwhelmingly Vote Themselves a Raise // Hungarian Spectrum (blog). 15.07.2018. URL: http://hungarianspectrum.org/2018/07/15/a-few-tricks-later-hungarian-legislators-overwhelmingly-vote-themselves-a-raise/.

Balogh E. Another Government Shake-up: Greater Confusion Guaranteed // Hungarian Spectrum (blog). 07.07.2016. URL: https://hungarianspectrum.org/2016/07/07/another-government-shake-up-greater-confusion-guaranteed/.

Balogh E. Billions Diverted from Hungarian State Coffers to Natural Gas Broker // Hungarian Spectrum (blog). 15.01.2015. URL: https://hungarianspectrum.org/2015/01/15/billions-diverted-from-hungarian-state-coffers-to-natural-gas-broker/.

Balogh E. Corruption at the Very Top: Orbán's Use of a Businessman's Jet // Hungarian Spectrum (blog). 25.09.2018. URL: http://hungarianspectrum.org/2018/09/25/corruption-at-the-very-top-orbans-use-of-a-businessmans-jet/.

Balogh E. Fidesz-Created Bogus Parties as Means of Political Gain // Hungarian Spectrum (blog). 11.03.2018. URL: http://hungarianspectrum.org/2018/03/11/fidesz-created-bogus-parties-as-means-of-political-gain/.

Balogh E. Further Thoughts on the Gruevski Affair // Hungarian Spectrum (blog). 17.11.2018. URL: https://hungarianspectrum.org/2018/11/16/further-thoughts-on-the-gruevski-affair/.

Balogh E. Hungary Quits the Open Government Partnership in a Huff // Hungarian Spectrum (blog). 09.12.2016. URL: http://hungarianspectrum.org/2016/12/08/hungary-quits-the-open-government-partnership-in-a-huff/.

Balogh E. Hungary's New Law Restricting Freedom of Assembly // Hungarian Spectrum (blog). 02.10.2018. URL: http://hungarianspectrum.org/2018/10/02/hungarys-new-law-restricting-freedom-of-assembly/.

Balogh E. No Referendum, No Matter What It Takes to Prevent It // Hungarian Spectrum (blog). 24.02.2016. URL: http://hungarianspectrum.org/2016/02/23/no-referendum-no-matter-what-it-takes-to-prevent-it/.

Balogh E. Orbán's Revisionist History: Hungary on the Brink of Bankruptcy, 2010 // Hungarian Spectrum (blog). 03.04.2019. URL: https://hungarianspectrum.org/2019/04/03/orbans-revisionist-history-hungary-on-the-brink-of-bankruptcy-2010/.

Balogh E. The Quaestor Scandal // Hungarian Spectrum (blog). 24.03.2015. URL: http://hungarianspectrum.org/2015/03/24/the-quaestor-scandal/.

Balogh E. They Don't See Eye to Eye: Pope Francis and the Hungarian Bishops // Hungarian Spectrum (blog). 28.12.2017. URL: http://hungarianspectrum.org/2017/12/27/they-dont-see-eye-to-eye-pope-francis-and-the-hungarian-bishops/.

Balogh E. Viktor Orbán at Work: New Amendments, New Tricks // Hungarian Spectrum (blog). 12.11.2020. URL: https://hungarianspectrum.org/2020/11/11/viktor-orban-at-work-new-amendments-new-tricks/.

Balogh K., Hajdu G., Huszár Á., Kristóf L., Megyesi B. Származás És Integráció a Mai Magyar Társadalomban [Происхождение и интеграция в современном венгерском обществе]. Budapest: MTA Társadalomtudományi Kutatóközpont, 2019. URL: https://tk.mta.hu/uploads/files/2019/mob_tars2019.pdf.

Bamfo N. The Hidden Elements of Democracy Among Akyem Chieftaincy: Enstoolment, Destoolment, and Other Limitations of Power // Journal of Black Studies. 2000. Vol. 31. № 2. P. 149–173

Banfield E. C. Moral Basis of a Backward Society. New York: Free Press, 1967.

Barabási A.-L. Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Everyday Life. Cambridge: Perseus Publishing, 2002.

Barabási A.-L. Network Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Bárány Z. The East European Gypsies: Regime Change, Marginality, and Ethnopolitics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Barcza G. A Magyar Gazdasági Modell [Венгерская экономическая модель] // Nemzeti Érdek. 2013. № 3. P. 26–35.

Bardi L., Mair P. The Parameters of Party Systems // Party Politics. 2008. Vol. 14. № 2. P. 147–166.

Barnes A. Russia's Potential Role in the World Oil System: Reciprocal Dependency, Global Integration, and Positive Unintended Consequences // The Political Economy of Russia /ed. by N. Robinson. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. P. 151–168.

Barr N. Economics of the Welfare State. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Bar R. Populists, Outsiders and Anti-Establishment Politics // Party Politics. 2009. Vol. 15. № 1. P. 29–48.

Bartha A. Politically Driven Policy-Making, Lobbying and Understanding the Role of Strategic Partnership Agreements from a Narrative Policy Framework Perspective: Paper presented at the Mapping the System of National Cooperation Conference. IWM/IHS Institut für die Wissenschaften vom Menschen. Vienna, 2015.

Bartolini S. On Time and Comparative Research // Journal of Theoretical Politics. 1993. Vol. 5. № 2. P. 131–167.

Bátorfy A. How Did the Orbán-Simicska Media Empire Function? // Kreatív (blog). 09.04.2015. URL: http://kreativ.hu/cikk/how_did_the_orban_simicska_media_empire_function.

Bátorfy A., Tremmel M. Data Visualization: The Definitive Timeline of Anti-Soros Conspiracy Theories // Atlatszo.hu (blog). 10.02.2019. URL: https://english.atlatszo.hu/2019/02/10/data-visualization-the-definitive-timeline-of-anti-soros-conspiracy-theories/.

Bátorfy A., Urbán Á. State Advertising as an Instrument of Transformation of the Media Market in Hungary // East European Politics. 07.09.2019. P. 1–22.

Bauer T. Investment Cycles in Planned Economies // Acta Oeconomica. 1978. Vol. 21. № 3. P. 243–260.

Bauman Z. Modernity and Ambivalence // Theory, Culture and Society. 1990. Vol. 7. P. 143–169.

Baumann H. A Failure of Governmentality: Why Transparency International Underestimated Corruption in Ben Ali's Tunisia // Third World Quarterly. 2017. Vol. 38. № 2. P. 467–482.

Baumgartner J., Francia P., Morris J. A Clash of Civilizations? The Influence of Religion on Public Opinion of U.S. Foreign Policy in the Middle East // Political Research Quarterly. 2008. Vol. 61. № 2. P. 171–179.

Bayart J.-F. The State in Africa: The Politics of the Belly. Cambridge; Malden, MA: Polity, 2009.

Beissinger M.R. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Beke M., Cardona F., Blomeyer R. Political and Other Forms of Corruption in the Attribution of Public Procurement Contracts and Allocation of EU Funds: Extent of the Phenomenon and Overview of Practices. Brussels: European Parliament Policy Department, 2013. URL: http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=IPOL-JOIN_ET(2013)490676.

Beker A., ed. The Plunder of Jewish Property during the Holocaust: Confronting European History. Basingstoke: Palgrave, 2001.

Békesi L. The Economic Policy of the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 235–257.

Belarus Protests: Lukashenko Holds Meeting with Opponents in Jail // BBC News. 10.10.2020. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-54496233.

Belousov A. Political Propaganda in Contemporary Russia // Russian Politics & Law. 2012. Vol. 50. № 3. P. 56–69.

Bendix R. Inequality and Social Structure: A Comparison of Marx and Weber // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 2. P. 149–161.

Benedek I. De-Demokratizáció Magyarországon a Demokráciaindexek Fényében [Дедемократизация в Венгрии в свете индексов демократии] // Politikatudományi Szemle. 2019. Vol. 28. № 2. P. 101–129.

Benford R.D., Snow D.A. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment // Annual Review of Sociology. 2000. № 26. P. 611–639.

Berezin M. Emotions and Political Identity: Mobilizing Affection for the Polity // Passionate Politics: Emotions and Social Movements / ed. by J. Goodwin, J. Jasper, and F. Polletta. Chicago; London: University Of Chicago Press, 2001.

Bergmann W. Anti-Semitic Attitudes in Europe: A Comparative Perspective // Journal of Social Issues. 2008. Vol. 64. № 2. P. 343–362.

Berry J. M., Wilcox C. The Interest Group Society. London: Routledge, 2018.

Berti B. Violent and Criminal Non-State Actors // The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood / ed. by T. Risse, T. Börzel, A. Draude. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 272–290.

Bian Y. Bringing Strong Ties Back in: Indirect Ties, Network Bridges, and Job Searches in China // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. № 3. P. 366–385.

Billionaire Czech Prime Minister's Business Ties Fuel Corruption Scandal // DW.com. 25.06.2019. URL: https://www.dw.com/en/billionaire-czech-prime-ministers-business-ties-fuel-corruption-scandal/a-49351488-0.

Billionaires in Moscow Try Building Dynasties for Post-Putin Era // The Moscow Times. 29.01.2019. URL: https://www.themoscowtimes.com/2019/01/29/billionaires-in-moscow-try-building-dynasties-for-post-putin-era-a64319.

Birch S., Muchlinski D. The Dataset of Countries at Risk of Electoral Violence // Terrorism and Political Violence. 2017. Vol. 33. № 7. P. 1–20.

Blanchflower, David G., Oswald A. J. What Makes an Entrepreneur? // Journal of Labor Economics. 1998. Vol. 16. № 1. P. 26–60.

Blanes i Vidal J., Draca M., Fons-Rosen C. Revolving Door Lobbyists // American Economic Review. 2012. Vol. 102. № 7. P. 3731–3748.

Bódis A. Amíg Ön a járványra figyelt, a NER bevette az országot — leltár a «hazavitt» stratégiai ágazatokról [Пока вы занимались пандемией, NER захватили страну — список «украденных» отраслей экономики] // Válasz Online. 28.01.2021. URL: https://www.valaszonline.hu/2021/01/28/amig-on-a-jarvanyra-figyelt-a-ner-bevette-az-orszagot-leltar-a-hazavitt-strategiai-agazatokrol/.

Bódis A. Most van Itt a Vége: A Fideszt Meg Lehet Verni, de a Rendszer Már Leválthatatlan [Now This Is the End: Fidesz May Be Defeated, but the Regime Cannot Be Changed Procedurally] // Válasz Online. 25.07.2019. URL: https://www.valaszonline.hu/2019/07/25/orban-szuverenitashaborugazdasagi-megszallas/.

Bogaards M. De-Democratization in Hungary: Diffusely Defective Democracy // Democratization. 2018. Vol. 25. № 8. P. 1481–1499.

Bogaards M. Dominant Parties and Democratic Defects // Georgetown Journal of International Affairs. 2005. Vol. 6. № 2. P. 29–35.

Bogaards M. How to Classify Hybrid Regimes? Defective Democracy and Electoral Authoritarianism // Democratization. 2009. Vol. 16. № 2. P. 399–423.

Bogaards M. Measures of Democratization: From Degree to Type to War // Political Research Quarterly. 2010. Vol. 63. № 2. P. 475–488.

Bogaards M. Where to Draw the Line? From Degree to Dichotomy in Measures of Democracy // Democratization. 2012. Vol. 19. № 4. P. 690–712.

Bohle D., Greskovits B. Capitalist Diversity on Europe's Periphery. Ithaca: Cornell University Press, 2012.

Bohman J. Public Deliberation: Pluralism, Complexity, and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Boisot M., Child J. From Fiefs to Clans and Network Capitalism: Explaining China's Emerging Economic Order // Administrative Science Quarterly. 1996. Vol. 41. № 4. P. 600–628.

Boissevain J. Patronage in Sicily // Man. 1966. Vol. 1. № 1. P. 18–33.

Bojcun M. Ukraine: Beyond Postcommunism // Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. 2005. Vol. 13. № 1. P. 9–20.

Bokros L. Accidental Occidental: Economics and Culture of Transition in Mitteleuropa, the Baltic and the Balkan Area. Budapest; New York: CEU Press, 2013.

Bokros L. Hanyatlás [Упадок] // Élet És Irodalom. 2015. Vol. 59. № 1–2.

Book S. Deutsche Firmen in Osteuropa: Geschäfte machen beim Europafeind // WirtschaftsWoche. 30.01.2018. URL: https://www.wiwo.de/my/politik/europa/deutsche-firmen-in-osteuropa-geschaefte-machen-beim-europafeind/20903608.html.

Bosch J. Van den. Mapping Political Regime Typologies // Przegląd Politologiczny. 2014. Vol. 19. № 4. P. 111–124.

Botsman R. Big Data Meets Big Brother as China Moves to Rate Its Citizens // Wired UK. 21.10.2017. URL: https://www.wired.co.uk/article/chinese-government-social-credit-score-privacy-invasion.

Bourdieu P. In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology. Translated by M. Adamson. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Boutton A. Of Terrorism and Revenue: Why Foreign Aid Exacerbates Terrorism in Personalist Regimes // Conflict Management and Peace Science. 2019. Vol. 36. № 4. P. 359–384.

Bova R. Political Dynamics of the Post-Communist Transition: A Comparative Perspective // World Politics. 1991. Vol. 44. № 1. P. 113–138.

Box G., Draper N. Empirical Model-Building and Response Surfaces. New York: Wiley, 1987.

Bozeman B. A Theory of Government «Red Tape» // Journal of Public Administration Research and Theory. 1993. Vol. 3. № 3. P. 273–304.

Bozóki A. A Párttól a Családig: Hatalmi Rendszerek És Befolyási Modellek [От партии к семье: системы власти и модели влияния] // Magyar Polip 3 — A Posztkommunista Maffiaállam / ed. by B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest: Noran Libro, 2015. P. 223–259.

Bozóki A. Beyond «Illiberal Democracy»: The Case of Hungary // New Politics of Decisionism / ed. by V. Besirevic. Hague: Eleven International Publishing, 2019. P. 93–105.

Bozóki A. Broken Democracy, Predatory State, and Nationalist Populism // The Hungarian Patient: Social Opposition to an Illiberal Democrac. Budapest; New York: CEU Press, 2015. P. 3–36.

Bozóki A. Hungarian «Exceptionalism»: Reflections on Jeffrey C. Isaac's Illiberal Democracy // Public Seminar (blog). 04.08.2017. URL: http://www.publicseminar.org/2017/08/hungarian-exceptionalism/.

Bozóki A. Hungary's Road to Systemic Change: The Opposition Roundtable // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. № 2. P. 276–308.

Bozóki A. Nationalism and Hegemony: Symbolic Politics and Colonization of Culture // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / ed. by B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 459–490.

Bozóki A., *Hegedűs D.* An Externally Constrained Hybrid Regime: Hungary in the European Union // Democratization. 13.04.2018, P. 1173–1189.

Bozóki A., Hegedűs D. Democracy, Dictatorship and Hybrid Regimes: Concepts and Approaches // Illiberal and Authoritarian Tendencies in Central, Southeastern and Eastern Europe / ed. by M. Solska, F. Bieber, D. Taleski. Bern: Peter Lang, 2018. P. 21–49.

Braga P., Hall S. G. F. China's Emerging Liberal Partnership Order and Russian and US Responses: Evidence from the Belt and Road Initiative in Eurasia // Socialism, Capitalism and Alternatives: Area Studies and Global Theories / ed. by P. J. S. Duncan, E. Schimpfössl. London: UCL Press, 2019. P. 131–157.

Braguinsky S. Postcommunist Oligarchs in Russia: Quantitative Analysis // The Journal of Law and Economics. 2009. Vol. 52. № 2. P. 307–349.

Brant R. Why Is Jack Ma a Communist Party Member? // BBC News. 27.11.2018. URL: https://www.bbc.com/news/business-46353767.

Bratton M., Walle N. van de. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997.

Brems E. Conflicts Between Fundamental Rights. Antwerp: Intersentia, 2008.

Browning E. Collective Choice and General Fund Financing // Journal of Political Economy. 1975. Vol. 83. № 2. P. 377–390.

Brückner G. A strómanlét elviselhető könnyűsége [Выносимая легкость марионеточного бытия] // Index.hu. 27.11.2018. URL: https://index.hu/gazdasag/2018/11/27/a_stromanlet_elviselheto_konnyusege_-_viszont_csalas_hazugsag_es_nagy_riziko/.

Brückner G. Az állam váratlanul beszántja a teljes hazai közbeszerzési piacot [Государство внезапно захватило весь рынок государственных закупок] // Telex.hu. 05.02.2021. URL: https://telex.hu/gazdasag/2021/02/05/az-allam-varatlanul-beszantja-a-teljes-hazai-kozbeszerzesi-piacot.

Brückner G. Étel-ital, autók, ruhák: fogyasztanak a NER aranyifjai [Еда, напитки, автомобили и одежда: на что тратят деньги нувориши из NER] // Index.hu. 19.12.2017. URL: https://index.hu/gazdasag/2017/12/19/etel-ital_autok_ruhak_-_igy_elnek_a_ner_aranyifjai_iii./.

Brückner G. Mibe fektetnek a NER-lovagok? [Во что инвестируют лидеры NER?] // Index.hu. 05.01.2018. URL: https://index.hu/gazdasag/2018/01/05/a_ner-lovagok_beruhazasi_befektetesi_szokasai_iv._resz/.

Brückner G. NHB: Nincs Tovább, És Ez Mindannyiunknak Fájni Fog [NHB — конец, и это навредит всем нам] // Index.hu. 16.03.2019. URL: https://index.hu/gazdasag/2019/03/16/nhb_nincs_tovabb_es_ez_mindannyiunknak_fajni_fog/.

Bruff I. The Rise of Authoritarian Neoliberalism // Rethinking Marxism. 2014. Vol. 26. № 1. P. 113–129.

Brunnermeier M.K., Oehmke M. Bubbles, Financial Crises, and Systemic Risk // Handbook of the Economics of Finance / ed. by G.M. Constantinides, M. Harris, R.M. Stulz. North Holland: Elsevier, 2013. Vol. 2. P. 221–288.

Buchanan J.M. Rent Seeking and Profit Seeking // Toward a Theory of the Rent-Seeking Society / ed. by J.M. Buchanan, R.D. Tollison, G. Tullock. Texas A & M University, 1980. P. 3–16.

Buchanan J., Tollison R. The Theory of Public Choice–II. University of Michigan Press, 1984.

Buchanan J., Tollison R., Tullock G., eds. Toward a Theory of the Rent-Seeking Society. College Station: Texas A & M University, 1980.

Buchanan P.G. Preauthoritarian Institutions and Postauthoritarian Outcomes: Labor Politics in Chile and Uruguay // Latin American Politics and Society. 2008. Vol. 50. № 1. P. 59–89.

Buiter W.H. From Predation to Accumulation? The Second Transition Decade in Russia // Economics of Transition and Institutional Change. 2000. Vol. 8. № 3. P. 603–622.

Bullough O. Moneyland: Why Thieves And Crooks Now Rule The World And How To Take It Back. London: Profile Books, 2018.

Bullough O. The Dark Side Of Globalization // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 25–38.

Bulman-Pozen J. Federalism as a Safeguard of the Separation of Powers // Columbia Law Review. 2012. № 112. P. 459–506.

Bunce V. Should Transitologists Be Grounded? // Slavic Review. Vol. 54. № 1. P. 111–127.

Bunce V., Wolchik S. Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Bunce V., Wolchik S. Mixed Regimes in Postcommunist Eurasia // SSDD Working Paper Series. 2008. № 1. P. 1–28.

Burdekin R. Preobrazhensky's Theory of Primitive Socialist Accumulation // Journal of Contemporary Asia. 1989. Vol. 19. № 3. P. 297–307.

Burt R. Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

Buyantueva R. LGBT Rights Activism and Homophobia in Russia // Journal of Homosexuality. 2018. Vol. 65. № 4. P. 456–483.

Call C. Beyond the «Failed State»: Toward Conceptual Alternatives // European Journal of International Relations. 2011. Vol. 17. № 2. P. 303–326.

Call C. The Fallacy of the «Failed State» // Third World Quarterly. 2008. Vol. 29. № 8. P. 1491–1507.

Carmody P. The New Scramble for Africa. Malden, MA: Polity, 2016.

Carother T. Aiding Democracy Abroad: The Learning Curve. Washington: CEIP, 1999.

Carother T. Democracy Aid at 25: Time to Choose // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 1. P. 59–73.

Carother T. Democracy Assistance: The Question of Strategy // Democratization. 1997. Vol. 4. № 3. P. 109–132.

Carother T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 1. P. 5–21.

Cartier-Bresson J. Corruption Networks, Transaction Security and Illegal Social Exchange // Political Studies. 1997. Vol. 45. № 3. P. 463–476.

Cassani A. Hybrid What? Partial Consensus and Persistent Divergences in the Analysis of Hybrid Regimes // International Political Science Review. 2014. Vol. 35. № 5. P. 542–558.

Chang G. M., Tang X. Q. Improve the Ruling Party's Mechanism of Combating Corruption // CAAS Journal of Political Science. 2007. № 2. P. 45–52.

Charman K. Kazakhstan: A State-Led Liberalized Market Economy? // Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 165–182.

Chartier G., Johnson C. W. Markets Not Capitalism: Individualist Anarchism Against Bosses, Inequality, Corporate Power, and Structural Poverty. New York: Minor Compositions, 2011.

Chase-Dunn C. The Effects of International Economic Dependence on Development and Inequality: A Cross-National Study // American Sociological Review. 1975. Vol. 40. № 6. P. 720–738.

Chayes S. The Structure of Corruption: A Systemic Analysis // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 507–530.

Chayes S. Thieves of State: Why Corruption Threatens Global Security. New York: W. W. Norton & Company, 2015.

Chehabi-Houchang E., Linz J. J. Sultanistic Regimes. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1998.

Cheibub J. A., Gandhi J., Vreeland J. R. Democracy and Dictatorship Revisited // Public Choice. 2010. Vol. 143. № 1–2. P. 67–101.

Chernykh L. Profit or Politics? Understanding Renationalizations in Russia // Journal of Corporate Finance. 2011. Vol. 17. №. 5. P. 1237–1153.

China Invents the Digital Totalitarian State // The Economist. 17.12.2016. URL: https://www.economist.com/briefing/2016/12/17/china-invents-the-digital-totalitarian-state.

Chkhikvadze A. Georgian Dream's Pyrrhic Victory // The American Interest (blog). 18.12.2018. URL: https://www.the-american-interest.com/2018/12/18/georgian-dreams-pyrrhic-victory/.

Choi Y.B. Industrial Policy as the Engine of Economic Growth in South Korea: Myth and Reality // The Collapse of Development Planning / ed. by P.J. Boettke. New York; London: NYU Press, 1994. P. 231–255.

Closing Statements of Activists Márton Gulyás and Gergő Varga // Hungarian Spectrum. 15.04.2017. URL: https://hungarianspectrum.org/2017/04/15/closing-statements-of-activists-marton-gulyas-and-gergo-varga/.

Coady D. Conspiracy Theories as Official Stories // Conspiracy Theories: The Philosophical Debate / ed. by David Coady. Hampshire: Routledge, 2006. P. 115–128.

Coase R. The Problem of Social Cost // The Journal of Law & Economics. 1960. № 3. P. 1–44.

Colander D., Holt R., Rosser B.Jr. The Changing Face of Mainstream Economics // Review of Political Economy. 2004. Vol. 16. № 4. P. 485–499.

Collier D., Laporte J., Seawrigh J. Typologies: Forming Concepts and Creating Categorical Variables // The Oxford Handbook of Political Methodology / ed. by J.M. Box-Steffensmeier, H.E. Brady, D. Collier. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. P. 161–162.

Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430–451.

Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Conclusions of the Joint International Press Freedom Mission to Hungary // European Centre for Press and Media Freedom (ECPMF). 03.12.2019. URL: https://www.ecpmf.eu/files/hungary_conclusions_-_international_mission.pdf.

Congleton R.D., Hillman A.L. Companion to the Political Economy of Rent Seeking. Northampton, MA: Edward Elgar Pub, 2015.

Conybeare J.A.C. The Rent-Seeking State and Revenue Diversification // World Politics. 1982. Vol. 35. № 1. P. 25–42.

Cook L.J., Dimitrov M.K. The Social Contract Revisited: Evidence from Communist and State Capitalist Economies // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. № 1. P. 8–26.

Cooley A., Heathershaw J. Dictators Without Borders: Power and Money in Central Asia. New Haven: Yale University Press, 2017.

Cooley A., Heathershaw J., Sharman J. C. Laundering Cash, Whitewashing Reputations // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 39–53.

Coppedge M. Democratization and Research Methods. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Coppedge M., Gerring J., Knutsen C. H., Lindberg S. I., Teorell J., Altman D., Bernhard M. et al. V-Dem Country-Year Dataset 2019 // Varieties of Democracy (V-Dem) Project, 2019. URL: https://www.v-dem.net/en/data/data-version-9/.

Coronel J. C., Poulsen S., Sweitzer M. D. Investigating the Generation and Spread of Numerical Misinformation: A Combined Eye Movement Monitoring and Social Transmission Approach // Human Communication Research. 05.12.2019.

Corrales J. Autocratic Legalism in Venezuela // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 2. P. 37–51.

Competitive Intensity and Corruption Risks: Statistical Analysis of Hungarian Public Procurement — 2009–2015. Data and Descriptive Statistics // Corruption Research Center Budapest, 2016. URL: http://www.crcb.eu/?p=943.

Croissant A. From Transition to Defective Democracy: Mapping Asian Democratization // Democratization. 2004. Vol. 11. № 5. P. 156–178.

Crony // Merriam-Webster.com. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/crony.

Cross W., Katz R., eds. The Challenges of Intra-Party Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Crowther W. Ethnic Condominium and Illiberalism in Macedonia // East European Politics and Societies. 2017. Vol. 31. № 4. P. 739–761.

Csaba L. Válság — Gazdaság — Világ: Adalék Közép-Európa Három Évtizedes Gazdaságtörténetéhez (1988–2018) [Кризис — Экономика — Мир: Дополнения к тридцатилетней экономической истории Центральной Европы (1988–2018)]. Budapest: Éghajlat Könyvkiadó, 2018.

Családi lista 2019 — Forbes [Список богатейших семейных кланов 2019 — Forbes] // Forbes Magyarország. 09.2019. URL: https://forbes.hu/extra/csaladi-lista-2019/.

Csanádi M. China in Between Varieties of Capitalism and Communism // Discussion Paper. Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences, 2016. URL: http://www.mtakti.hu/file/download/mtdp/MTDP1604.pdf.

Csanádi M. Interpreting Communist Systems and Their Differences in Operation and Transformation as Networks. Budapest: Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences, 2014. URL: http://econ.core.hu/file/download/mtdp/MTDP1427.pdf.

Csanádi M. Self-Consuming Evolutions: A Model on the Structure, Self-Reproduction, Self-Destruction And Transformation of Party-State Systems Tested in Romania, Hungary, and China. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2006.

Csanádi M. Systemic Background of Local Indebtedness and Investment Overheating during the Global Crisis in China // Journal of Chinese Economic and Business Studies. 2015. № 13. P. 147–174.

Csanádi M. The «Chinese Style Reforms» and the Hungarian «Goulash Communism» // Discussion Paper. Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences, 2009. URL: http://econ.core.hu/file/download/mtdp/MTDP0903.pdf.

Császár K. A Cselédség Jogi Helyzete a Dualizmus-Kori Magyarországon: Cselédügyek Somogyban És Baranyában [Правовое положение слуг в Венгрии в эпоху дуализма: проблемы слуг в медье Шомодь и Баранья] // Jura (Pécsi Tudományegyetem Állam- És Jogtudományi Kar), 2013. P. 171–180.

Csepeli G. The Ideological Patchwork of the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 27–40.

Cseres-Gergely Z., Molnár G. Közmunka, Segélyezés, Elsődleges És Másodlagos Munkaerőpiac [Общественные работы, денежные трансферы и первичный и вторичный рынки труда] // Társadalmi Riport, 2014 / ed. by T. Kolosi, I. G. Tóth, Budapest: TÁRKI, 2014. P. 204–225. URL: http://old.tarki.hu/adatbank-h/kutjel/pdf/b331.pdf.

Csikász B., Rádi A. Kubatov kopaszai akcióztak az NVI-nél, felülről állíthatták le a nyomozást // Atlatszo.hu (blog). 04.05.2017. URL: https://atlatszo.hu/2017/05/04/kubatov-kopaszai-akcioztak-az-nvi-nel-felulrol-allithattak-le-a-nyomozast/.

Csizmadia E. A Magyar Politikai Fejlődés Logikája: Összehasonlítható-e a Jelen a Múlttal, s Ha Igen, Hogyan? [Логика политического развития Венгрии: Можно ли сравнивать настоящее с прошлым, и если да, то как?]. Budapest: Gondolat Kiadó, 2017.

Csurgó D., Szémann T. Ő a Valódi Gazdasági Csoda [Он — настоящее экономическое чудо] // Index.hu. 20.02.2017. URL: http://index.hu/gazdasag/2017/02/20/meszaros_lorinc_vagyona/.

Cummings S. Kazakhstan: Power and the Elite. London; New York: I. B. Tauris, 2005.

Czech Election Front-Runner Charged with Subsidy Fraud // POLITICO. 09.10.2017. URL: https://www.politico.eu/article/czech-election-front-runner-charged-with-subsidy-fraud/.

Dabrowski M. Macroeconomic Stabilization // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 552–557.

Dagaev D., Lamberova N., Sobolev A., Sonin K. Technological Foundations of Political Instability // SSRN Scholarly Paper. Rochester: Social Science Research Network, , 2013. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=2444785.

D'Agostino A. Soviet Succession Struggles: Kremlinology and the Russian Question from Lenin to Gorbachev. Boston; London: Routledge, 1989.

Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.

Dahl R. A. Why All Democratic Countries Have Mixed Economies // Nomos. 1993. № 35. P. 259–282.

Dal Bó E. Regulatory Capture: A Review // Oxford Review of Economic Policy. 2006. Vol. 22. № 2. P. 203–225.

Daly T. G. Democratic Decay: Conceptualising an Emerging Research Field // Hague Journal on the Rule of Law. 19.02.2019.

Darden K., Grzymala-Busse A. The Great Divide: Literacy, Nationalism, and the Communist Collapse // World Politics. 2006. Vol. 59. № 1. P. 83–115.

Data Scientist Claims «Staggering» Fraud at Russia's Constitution Vote // The Moscow Times. 03.07.2020. URL: https://www.themoscowtimes.com/2020/07/03/data-scientist-claims-staggering-fraud-at-russias-constitution-vote-a70769.

Davenport C. State Repression and Political Order // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. № 1. P. 1–23.

Dávid-Barrett E., Fazekas M. Corrupt Contracting: Partisan Favouritism in Public Procurement. Hungary and the United Kingdom Compared // Working Paper. ERCAS Working Papers. European Research Centre for Anti-Corruption and State-Building. 07.2016. URL: https://www.againstcorruption.eu/wp-content/uploads/2016/07/WP-49-Corrupt-Contracting.pdf.

Davis K. E., Kingsbury B., Merry S. E. Indicators as a Technology of Global Governance // Law & Society Review. 2012. Vol. 46. № 1. P. 71–104.

Dawisha K. Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? New York: Simon & Schuster, 2014.

De Soto H. The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. New York: Basic Books, 2003.

Deák A. Captured by Power: The Expansion of the Paks Nuclear Power Plant // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 323–344.

Debating the Color Revolutions [Special Section]. Journal of Democracy. 2009. Vol. 20. №. 1. P. 69–97.

Demirjian K. Meanwhile in Russia, Putin Passes Law against Protests // Washington Post. 22.07. 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/07/22/meanwhile-in-russia-putin-passes-law-against-protests/.

Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights // Classic Papers in Natural Resource Economics / ed. by C. Gopalakrishnan. London: Palgrave Macmillan UK, 2000. P. 163–177.

Dencik L. Neo-Tribalism: Exploring the Populist Backlash to a Cosmopolitan Europe // An Anthology of Contending Views on International Security: Defense, Security and Strategies. 13.07.2012. P. 37–56.

Deneulin S., Rakodi C. Revisiting Religion: Development Studies Thirty Years On // World Development. 2011. Vol. 39. № 1. P. 45–54.

Denisova I., Eller M., Frye T., Zhuravskaya E. Who Wants To Revise Privatization? The Complementarity of Market Skills and Institutions // The American Political Science Review. 2009. Vol. 103. № 2. P. 284–304.

OSCE. Despite Violence and Threats in East, Ukraine Election Characterized by High Turnout and Resolve to Guarantee Fundamental Freedoms, International Observers Say. 26.05.2014. URL: https://www.osce.org/odihr/elections/119081.

Devuyst Y. The Constitutional and Lisbon Treaties // The Oxford Handbook of the European Union / ed. by E. Jones, A. Menon, S. Weatherill. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 163–178.

Dewhirst M., Farrell R. The Soviet Censorship. Metuchen: Scarecrow Press, 1973.

Dezső A., Panyi S. We Are Not Paid Agents of Russia, We Do It out of Conviction // Index.hu. 30.01.2017. URL: http://index.hu/belfold/2017/01/30/we_are_not_paid_agents_of_russia_we_do_it_out_of_conviction/.

Diaby A., Sylwester K. Corruption and Market Competition: Evidence from Post-Communist Countries // World Development. 2015. № 66. P. 487–499.

Diamond L. Developing Democracy: Toward Consolidation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.

Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2. P. 21.

Diamond L., Linz J., Lipset S.M. Democracy in Developing Countries. London: Lynne Rienner, 1989.

Dickie J. Mafia Republic: Italy's Criminal Curse. Cosa Nostra, 'Ndrangheta and Camorra from 1946 to the Present. London: Sceptre, 2014.

Diggs B.J. The Common Good as Reason for Political Action // Ethics. 1973. Vol. 83. № 4. P. 283–293.

Dimitrova-Grajzl V., Simon E. Political Trust and Historical Legacy: The Effect of Varieties of Socialism // East European Politics and Societies. 2010. Vol. 24. № 2. P. 206–228.

Djankov S., Glaeser E., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. The New Comparative Economics // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. № 4. P. 595–619.

Dobson W.J. The Dictator's Learning Curve: Inside the Global Battle for Democracy. New York: Anchor, 2013.

Domhoff G.W. Who Rules America? Power and Politics, and Social Change. New York: McGraw-Hill, 2006.

Douglas K.M., Sutton R.M., Callan M.J., Dawtry R.J., Harvey A.J. Someone Is Pulling the Strings: Hypersensitive Agency Detection and Belief in Conspiracy Theories // Thinking & Reasoning. 2016. Vol. 22. № 1. P. 57–77.

Dragadze T. The Domestication of Religion under Soviet Communism // Socialism: Ideals, Ideologies, and Local Practice. New York: Routledge, 2003. P. 141–151.

Dragoman D. Post-Accession Backsliding: Non-Ideologic Populism and Democratic Setbacks in Romania // South-East European Journal of Political Science. 2013. Vol. 1. № 3. P. 27–46.

Dreisbach D. L. The Meaning of the Separation of Church and State: Competing Views // The Oxford Handbook of Church and State in the United States. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 207–225.

Drew A. Communism in Africa // The Oxford Handbook of the History of Communism / ed. by S. A. Smith. Oxford; New York: Oxford University Press, 2017. P. 285–302.

Dubrovskiy V. Ukraine after 2019 Elections: Prospects for the Rule of Law: presented at the «Partners in Eastern Europe: Multiple Crossroads»: Conference. Budapest, 09.12.2019.

Dubrovskiy V., Mizsei K., Ivashchenko-Stadnik K., Wynnyckij M. Six Years of the Revolution of Dignity: What Has Changed? Kyviv: CASE Ukraine, 2020. URL: https://case-ukraine.com.ua/content/uploads/2020/06/6-years-of-the-Revolution-of-Dignity_v-02_06.pdf.

Duckett J. Bureaucratic Interests and Institutions in the Making of China's Social Policy // Public Administration Quarterly. 2003. Vol. 27. № 1–2. P. 210–237.

Duffy N. Internet Freedom in Vladimir Putin's Russia: The Noose Tightens // AEI Paper & Studies. 01.01.2015. B 1.

Dukalskis A., Gerschewski J. What Autocracies Say (and What Citizens Hear. Proposing Four Mechanisms of Autocratic Legitimation // Contemporary Politics. 2017. Vol. 23. № 3. P. 251–268.

Dunai M. How Europe's Taxpayers Will Bankroll Viktor Orban's Friends and Family // Reuters. 15.03.2018. URL: http://www.reuters.com/investigates/special-report/hungary-orban-balaton/.

Dunleavy P. Democracy, Bureaucracy and Public Choice: Economic Approaches in Political Science. New York: Routledge, 2016.

Duverger M. Political Parties: Their Organisation and Activity in the Modern State. New York: Wiley, 1954.

Dworkin R. Judicial Discretion // The Rule of Law and the Separation of Powers / ed. by R. Bellamy. New York: Routledge, 2017. P. 157–172.

Dyzenhaus D. States of Emergency // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / ed. by M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 442–463.

Dzarasov R. Semi-Dependent Capitalism: Russia // Socialism, Capitalism and Alternatives: Area Studies and Global Theories / ed. by P. J. S. Duncan, E. Schimpfössl. London: UCL Press, 2019. P. 15–32.

Earl J. Political Repression: Iron Fists, Velvet Gloves, and Diffuse Control // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. № 1. P. 261–284.

Earl J. Tanks, Tear Gas, and Taxes: Toward a Theory of Movement Repression // Sociological Theory. 2003. Vol. 21. № 1. P. 44–68. URL: https://doi.org/10.1111/1467-9558.00175.

Easter G. Revenue Imperatives: State over Market in Postcommunist Russia // The Political Economy of Russia / ed. by N. Robinson. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. P. 51–68.

EBRD. Life in Transition: After the Crisis. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2011.

Economy E. C. China's Imperial President: Xi Jinping Tightens His Grip // Foreign Affairs. 2014. № 6. P. 80–91.

Edelman M. J. The Construction and Uses of Political Enemies // Constructing the Political Spectacle. Chicago: University of Chicago Press, 1988. P. 66–89.

Effectiveness of Provisions on Membership in Criminal Organizations // Organized Crime — Best Practice. Survey № 7. Strasbourg: Council of Europe — PC-S-CO, 2004. URL: https://www.coe.int/t/dg1/legalcooperation/economiccrime/organisedcrime/BestPractice7E.pdf.

Egy nyár a VIP-páholyban: Nézze meg Orbán és a NER-elit vidám képeit! [Как я провел лето в VIP-ложе: Взгляните на счастливые лица Орбана и элиты из NER!] // hvg.hu. 06.09.2017. URL: https://hvg.hu/itthon/20170906_ner_nyar_VIPpaholy.

Ehala M. The Bronze Soldier: Identity Threat and Maintenance in Estonia // Journal of Baltic Studies. 2009. Vol. 40. № 1. P. 139–158.

Eisenberg A. Weberian Patrimonialism and Imperial Chinese History // Theory and Society. 1998. Vol. 27. № 1. P. 83–102.

Eisenstadt S. N., Roniger L. Patron—Client Relations as a Model of Structuring Social Exchange // Comparative Studies in Society and History. 1980. Vol. 22. № 1. P. 42–77.

Ekman J. Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes // International Political Science Review. 2009. Vol. 30. № 1. P. 7–31.

Előd F. 22 ügy, amiben a kormány előhúzta a mindent vivő kártyát [22 случая, когда правительство вытаскивало козырь] // Index.hu. 07.12.2018. URL: https://index.hu/gazdasag/2018/12/07/nemzetstrategiai_szempontbol_kiemelt_jelentosegu_osszefonodasok_2018_vegeig/.

Elster J., Offe C., Preuss U. Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998.

Ensafi R., Winter P., Mueen A., Crandall J. Analyzing the Great Firewall of China Over Space and Time // Proceedings on Privacy Enhancing Technologies. 2015. № 1. P. 61–76.

Enyedi Z. Populism Is Indeed a Threat to Democracy — and the Positive Case for It Is Rather Feeble // EUROPP (blog). 24.07.2017. URL: http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2017/07/24/is-populism-really-a-threat-to-democracy/.

Enyedi Z. Religious and Clerical Polarisation in Hungary // Religion and Mass Electoral Behaviour in Europe / ed. by D. Broughton, H.-M. ten Napel. London: Routledge, 2000. P. 157–175.

Enyedi Z. The Survival of the Fittest: Party System Concentration in Hungary // Post-Communist EU Member States: Parties and Party Systems / ed. by S. Jungerstam-Mulders. New York: Routledge, 2006. P. 177–202.

Epstein R. Takings: Private Property and the Power of Eminent Domain. Cambridge: Harvard University Press, 1985.

Erdélyi K. Milliárdos Pályázatok Csak Stratégiai Partnereknek [Тендеры на миллиарды форинтов получают только стратегические партнеры] // Atlatszo.hu (blog). 30.06.2013. URL: http://atlatszo.blog.hu/2013/07/30/milliardos_palyazatok_a_strategiai_partnereknek1.

Erdélyi K. The Mészáros Empire Won Public Tenders Worth €826 Million Last Year, 93 Percent of Which Came from European Union Funds // Atlatszo.hu (blog). 17.01.2019. URL: https://english.atlatszo.hu/2019/01/17/the-meszaros-empire-won-public-tenders-worth-e826-million-last-year-93-percent-of-which-came-from-european-union-funds/.

Escribà-Folch A. Accountable for What? Regime Types, Performance, and the Fate of Outgoing Dictators, 1946–2004 // Democratization. 2013. Vol. 20. № 1. P. 160–185.

Escribà-Folch A. Repression, Political Threats, and Survival under Autocracy // International Political Science Review. 2013. Vol. 34. № 5. P. 543–560.

Escribà-Folch A., Wright J. Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers // International Studies Quarterly. 2010. Vol. 54. № 2. P. 335–359.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Oxford: Princeton University Press, 1990.

Evans R.J. The Coming of the Third Reich. New York: Penguin, 2004.

Eyal G., Szelényi I., Townsley E. Making Capitalism Without Capitalists: Class Formation and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe. London: Verso, 1998.

Ezrow L., Homola J., Tavits M. When Extremism Pays: Policy Positions, Voter Certainty, and Party Support in Postcommunist Europe // The Journal of Politics. 2014. Vol. 76. № 2. P. 535–547.

Fabry A. The Political Economy of Hungary: From State Capitalism to Authoritarian Neoliberalism. London: Palgrave Pivot, 2019.

Faccio M. Politically Connected Firms // American Economic Review. 2006. Vol. 96. № 1. P. 369–386.

Faccio M. Politically Connected Firms // American Economic Review. 2006. Vol. 96. № 1. P. 369–86.

Felter E. A History of the State's Response to Domestic Violence // Feminists Negotiate the State: The Politics of Domestic Violence / ed. by C. Daniels. Lanham: University Press Of America, 1997. P. 5–20.

Fenced Out: Hungary's Violations of the Rights of Refugees and Migrants // Amnesty International, 2015. URL: https://www.amnesty.hu/data/file/1792-hungary-briefing-final-embargo-081015.pdf?version=1415642342.

Ferge Z., Tausz K. Social Security in Hungary: A Balance Sheet after Twelve Years // Social Policy & Administration. 2002. Vol. 36. № 2. P. 176–199.

Fidesz Online Army Is Commanded Right from the Party Headquarters // The Budapest Beacon. 31.01.2018. URL: https://budapestbeacon.com/fidesz-online-army-commanded-right-party-headquarters/.

Fidrmuc J. Transformation Crises // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation / ed. by W. Merkel, R. Kollmorgen, H.-J. Wagener. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 668–672.

Fierăscu S. Redefining State Capture: The Institutionalization of Corruption Networks in Hungarian Public Procurement. Bucharest: Editura Eikon, 2019.

Firestone T. Armed Injustice: Abuse of the Law and Complex Crime in Post-Soviet Russia // Denver Journal of International Law and Policy. 2009–2010. № 38. P. 555–580.

Fishman R. Rethinking State and Regime: Southern Europe's Transition to Democracy // World Politics. 1990. Vol. 42. № 3. P. 422–440.

Fisun O. Neopatrimonialism in Post-Soviet Eurasia // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 75–96.

Fleck Z. Law under the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 69–84.

Foa R. S., Mounk Y. The Danger of Deconsolidation: The Democratic Disconnect // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 3. P. 5–17.

Fokasz O., Oroszi B. Protestáló Etika [Протестующая этика] // HVG. 06.06.2019.

Földi A. A Római Család Jogi Rendje [Правовой порядок римской семьи] // Rubicon. 1997. № 3–4. URL: http://www.rubicon.hu/magyar/oldalak/a_romai_csalad_jogi_rendje/.

Forrat N. The Political Economy of Russian Higher Education: Why Does Putin Support Research Universities? // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. № 4. P. 299–337.

Förster T., Koechlin L. «Traditional» Authorities // The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood / ed. by T. Risse, T. A. Börzel, A. Draude. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 231–247.

Fougner T. Neoliberal Governance of States: The Role of Competitiveness Indexing and Country Benchmarking // Millennium. 2008. Vol. 37. № 2. P. 303–326.

Fox G., Nolte G. Intolerant Democracies // Harvard International Law Journal. 1995. Vol. 36. № 1. P. 1–70.

Fox R. Ramos J. IPolitics: Citizens, Elections, and Governing in the New Media Era. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Franke A., Gawrich A., Alakbarov G. Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States: Resource Incomes and Autocracy as a Double «Curse» in Post-Soviet Regimes // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. № 1. P. 109–140.

Frankenberg G. Democracy // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 250–268.

Franzmann S., Kaiser A. Locating Political Parties in Policy Space: A Reanalysis of Party Manifesto Data // Party Politics. 2006. Vol. 12. № 2. P. 163–188.

Freedom in the World 2018: Democracy in Crisis // Freedom House, 2018. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2018.

Freedom in the World: Country and Territory Ratings and Statuses, 1973–2019 (Excel). Freedom House, 2019. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/Country_and_Territory_Ratings_and_Statuses_FIW1973-2019.xls.

Frei T. 2015 — A Káosz Éve És a Magyar Elit Háborúja [2015 — Год хаоса и войны венгерских элит]. Budapest: Ulpius, 2013.

Friedman D. Market Failure: An Argument For and Against Government // The Machinery of Freedom: Guide to a Radical Capitalism. New York: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. P. 256–261.

Friedman D. The Methodology of Positive Economics // Essays in Positive Economics / ed. by M. Friedman. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 3–43.

Friedrichs D. O. Trusted Criminals: White Collar Crimein Contemporary Society. Belmont: Cengage Learning, 2009.

Frydman R., Murphy K., Rapaczynski A. Capitalism with a Comrade's Face. Budapest: CEU Press, 1998.

Frydman R., Rapaczynski A. Privatization in Eastern Europe: Is the State Withering Away? Budapest; New York: Oxford University Press, 1994.

Frye T. Building States and Markets After Communism: The Perils of Polarized Democracy. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010.

Frye T. Property Rights and Property Wrongs: How Power, Institutions, and Norms Shape Economic Conflict in Russia. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2017.

Frye T., Reuter O. J., Szakonyi D. Hitting Them With Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia // British Journal of Political Science. 2018. № 2. P. 1–25.

Frye T., Shleifer A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand // The American Economic Review: Papers and Proceedings of the Hundred and Fourth Annual Meeting of the American Economic Association. 1997. Vol. 87. № 2. P. 354–358.

Funk N., Mueller M. Gender Politics and Post-Communism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union. London: Routledge, 2018.

Gaaze K. Court and Politburo: Putin's Changing Inner Circle // Carnegie Moscow Center (blog). 22.09.2017. URL: https://carnegie.ru/commentary/73193.

Gábo G. The Land of an Appropriated God: Sacred Political Symbols and Symbolic Political Sacrality // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / ed. by B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 421–458.

Gaddy C., Ickes B. Russia's Dependence on Resources // The Oxford Handbook of the Russian Economy / ed. by M. Alexeev, S. Weber. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. P. 309–340.

Gagyi Á., Gerőcs T. The Political Economy of Hungary's New «Slave Law» // Lefteast (blog). 01.01.2019. URL: https://www.criticatac.ro/lefteast/the-political-economy-of-hungarys-new-slave-law/.

Galbreath D. The Politics of European Integration and Minority Rights in Estonia and Latvia // Perspectives on European Politics and Society. 2003. Vol. 4. № 1. P. 35–53.

Galeotti M. Future Without Putin No Longer Taboo Issue // The Moscow Times. 21.09.2019. URL: https://www.themoscowtimes.com/2019/09/21/future-without-putin-no-longer-taboo-issue-a67376.

Galeotti M. Is This Russia's Next Leader? // The Moscow Times. 04.102019. URL: https://www.themoscowtimes.com/2019/10/04/is-this-russias-next-leader-a67599.

Gallai T. Mennyire veszélyes Oroszország a Nyugat szabadságára? [Насколько Россия угрожает свободе Запада?] // Neokohn. 30.11.2019. URL: https://neokohn.hu/2019/11/30/mennyire-veszelyes-oroszorszag-a-nyugat-szabadsagara/.

Galuszka P. Red-Handed Russia // Business Week. 1993. № 3300. P. 14–15.

Gambetta D. Corruption: An Analytical Map // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook / ed. by S. Kotkin, A. Sajó. Budapest; New York: CEU Press, 2002. P. 33–56.

Gambetta D. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections Under Authoritarianism // Annual Review of Political Science. 2009. Vol. 12. № 1. P. 403–422.

Ganev V.I. Post-Accession Hooliganism: Democratic Governance in Bulgaria and Romania after 2007 // East European Politics and Societies. 2013. Vol. 27. № 1. P. 26–44.

Garud R., Karnøe P., eds. Path Dependence and Creation. Mahwah, N.J.: Psychology Press, 2001.

Garwood C. Flat Earth: The History of an Infamous Idea. New York: Thomas Dunne Books, 2008.

Gebrekidan S., Apuzzo M., Novak B. The Money Farmers: How Oligarchs and Populists Milk the E.U. for Millions // The New York Times. 03.11.2019. URL: https://www.nytimes.com/2019/11/03/world/europe/eu-farm-subsidy-hungary.html.

Gelb B.A. Russian Natural Gas: Regional Dependence // Library of Congress, Washington DC Congressional Research Service, 2007. URL: https://apps.dtic.mil/docs/citations/ADA460847.

Gel'man V. Introduction: Politics of Fear // The Global Encyclopaedia of Informality / ed. by A. Ledeneva. London: UCL Press, 2018. Vol. 2. P. 420–424.

Gel'man V. Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // Democratization. 2003. Vol. 10. № 2. P. 87–104.

Genin A. Georgian Protests: Tbilis's Two-Sided Conflict // The California Review. 25.07.2019. URL: https://calrev.org/2019/07/25/russian-impiety-georgian-riots/.

George, K., Joll C., Lynk E.L. Industrial Organization: Competition, Growth and Structural Change. London: Routledge, 2005.

Gerlach J. Color Revolutions in Eurasia. London: Springer, 2014.

Gerő M., Kopper Á. Fake and Dishonest: Pathologies of Differentiation of the Civil and the Political Sphere in Hungary // Journal of Civil Society. 2013. Vol. 9. № 4. P. 361–374.

Gerring J. What Makes a Concept Good? A Criterial Framework for Understanding Concept Formation in the Social Sciences // Polity. 1999. Vol. 31. № 3. P. 357–393.

Gerschewski J. The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-Optation in Autocratic Regimes // Democratization. 2013. Vol. 20. № 1. P. 13–38.

Gessen M. Words Will Break Cement: The Passion of Pussy Riot. New York: Riverhead Books, 2014.

Gibson A.M. Constitutional Experiences of the Five Civilized Tribes // American Indian Law Review. 1974. Vol. 2. № 2. P. 17–45.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, UK: Polity, 1991.

Gilbert L., Mohseni P. Beyond Authoritarianism: The Conceptualization of Hybrid Regimes // Studies in Comparative International Development. 2011. Vol. 46. № 3. P. 270.

Gilens M., Page B. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12. № 3. P. 564–581.

Gladstone D. Before Beveridge: Welfare Before the Welfare State. London: Institute for the Study of Civil Society, 1999.

Goldman W. Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Goldstein R. Political Censorship of the Arts and the Press in Nineteenth-Century Europe. New York: Palgrave Macmillan, 1989.

Golosov G. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // Demokratizatsiya. 2013. Vol. 21. № 4. P. 459–480.

Good News from the Caucasus? An Introduction to the Special Issue // Demokratizatsiya. 2018. Vol. 26. № 4. P. 437–440.

Goode J. P. Nationalism in Quiet Times: Ideational Power and Post-Soviet Hybrid Regimes // Problems of Post-Communism. 2012. Vol. 59. № 3. P. 6–16.

Goodin R. Democratic Accountability: The Third Sector and All // European Journal of Sociology. 2003. Vol. 44. № 3. P. 359–396.

Goodin R. E. Reflective Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Gould R. V., Fernandez R. M. Structures of Mediation: A Formal Approach to Brokerage in Transaction Networks // Sociological Methodology. 1989. № 19. P. 89–126.

Graber M. A., Levinson S., Tushnet M. V. Constitutional Democracy in Crisis? Oxford; New York: Oxford University Press, 2018.

Grand J. Le. The Strategy of Equality: Redistribution and the Social Services. London: Routledge, 2018.

Granovetter M. Getting a Job: A Study of Contacts and Careers. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Granovetter M. Threshold Models of Collective Behavior // American Journal of Sociology. 1978. Vol. 83. № 6. P. 1420–1443.

Granville J. «Dermokratizatsiya» and «Prikhvatizatsiya»: The Russian Kleptocracy and Rise of Organized Crime // Demokratizatsiya. 2003. Vol. 11. № 3. P. 449–458.

Grävingholt J., Ziaja S., Kreibaum M. State Fragility: Towards a Multi-Dimensional Empirical Typology // SSRN Scholarly Paper. Rochester: Social Science Research Network. 01.03.2012. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=2279407.

Gray J. The Moving Target // New York Review of Books. 2006. Vol. 53. № 15. P. 22–24.

Graycar A., Prenzler T. Understanding and Preventing Corruption. New York: Palgrave Macmillan, 2013.

Greeley B., Fitzgerald A. Pssst... Wanna Buy a Law? // Bloomberg Businessweek. 02.12.2011. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-12-01/pssst-dot-wanna-buy-a-law.

Green D., Shapiro I. Pathologies of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science. Yale University Press, 1994.

Greenslade G. S. Regional Dimensions of the Legal Private Economy in the USSR. Berkeley: University of California Press, 1980. URL: https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1980-620-5-Greenslade.pdf.

Greer J., Singh K. A Brief History of Transnational Corporations // Global Policy Forum. New York, 2000. URL: https://www.globalpolicy.org/empire/47068-a-brief-history-of-transnational-corporations.html.

Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006.

Griffiths H. Smoking Guns: European Cigarette Smuggling in the 1990's // Global Crime. 2004. Vol. 6. № 2. P. 185–200.

Grimm D. Types of Constitutions // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 98–132.

Groenendijk N. A Principal-Agent Model of Corruption // Crime, Law and Social Change. 1997. Vol. 27. № 3. P. 207–229.

Gros D. From Transition to Integration: The Role of Trade and Investment // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism / ed. by A. Åslund, S. Djankov. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 233–250.

Grossman, G., Helpman E. Protection For Sale // Working Paper. National Bureau of Economic Research, 1992. URL: http://www.nber.org/papers/w4149.

Gruber J. Public Finance and Public Policy. New York: Worth Publishers, 2009.

Grzebalska, W., Pető A. The Gendered Modus Operandi of the Illiberal Transformation in Hungary and Poland // Women's Studies International Forum. 2018. № 68. P. 164–172.

Guerra S. Eurosceptic Allies or Euroenthusiast Friends? The Political Discourse of the Roman Catholic Church in Poland // Representing Religion in the European Union: Does God Matter? / ed. by L. Leustean. London; New York: Routledge, 2012. P. 139–151.

Guliyev F. Personal Rule, Neopatrimonialism, and Regime Typologies: Integrating Dahlian and Weberian Approaches to Regime Studies // Democratization. 2011. Vol. 18. № 3. P. 575–601.

Günay C., Dzihic V. Decoding the Authoritarian Code: Exercising «Legitimate» Power Politics through the Ruling Parties in Turkey, Macedonia and Serbia // Southeast European and Black Sea Studies. 2016. Vol. 16. № 4. P. 529–549.

Guo Y., Woo J. J., eds. Singapore and Switzerland: Secrets to Small State Success. New York: World Scientific, 2016.

Guriev S., Treisman D. Informational Autocrats // SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY: Social Science Research Network, 05.07.2018. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=3208523.

Guriev S., Treisman D. The New Dictators Rule by Velvet Fist // The New York Times. 24.05.2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/05/25/opinion/the-new-dictators-rule-by-velvet-fist.html.

Gyenis Á. Családi Munkakör [Семейная работа] // HVG. 12.09.2019.

Haiduk K., Rakova E., Silitski V., eds. Social Contracts in Contemporary Belarus. Minsk: Belarussian Institute for Strategic Studies, 2009. URL: http://pdc.ceu.hu/archive/00006382/01/social_contracts_contemporary_Belarus_en.pdf.

Hale H. Civilizations Reframed: Towards a Theoretical Upgrade for a Stalled Paradigm // Medeniyet Araştırmaları Dergisi / Journal of Civilization Studies. 2014. № 1. P. 5–23.

Hale H. Did the Internet Break the Political Machine? Moldova's 2009 «Twitter Revolution That Wasn't» // Demokratizatsiya. 2013. Vol. 21. № 3. P. 481–505.

Hale H. Formal Constitutions in Informal Politics: Institutions and Democratization in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2011. Vol. 63. № 4. P. 581–617.

Hale H. Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Hale H. Russian Patronal Politics Beyond Putin // Dædalus — Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2017. Vol. 146. № 2. P. 30–40.

Hall P., Soskice D., eds. Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. New York: Oxford University Press, 2001.

Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Hallin D., Mancini P. Western Media Systems in Comparative Perspective // Media and Society / ed. by J. Curran. London: Bloomsbury Academic, 2011. P. 103–121.

Hamilton G. G. Patriarchy, Patrimonialism, and Filial Piety: A Comparison of China and Western Europe // The British Journal of Sociology. 1990. Vol. 41. № 1. P. 77–104.

Hanley S., Vachudova M. A. Understanding the Illiberal Turn: Democratic Backsliding in the Czech Republic // East European Politics. 2018. Vol. 34. № 3. P. 276–296.

Hansen H. K. The Power of Performance Indices in the Global Politics of Anti-Corruption // Journal of International Relations and Development. 2012. Vol. 15. № 4. P. 506–531.

Hanson P., Teague E. Russian Political Capitalism and Its Environment // Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries: Studies in Economic Transition. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 149–164.

Haque M. S. Non-Governmental Organizations // The SAGE Handbook of Governance / ed. by M. Bevir. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2010. P. 330–341.

Haraszti M. Illiberal State Censorship: A Must-Have Accessory for Any Mafia State // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 371–384.

Haraszti M. The Velvet Prison: Artists Under State Socialism. New York: I. B. Tauris, 1988.

Harding L. Mafia State: How One Reporter Became an Enemy of the Brutal New Russia. London: Guardian, 2011.

Hare I., Weinstein J. Extreme Speech and Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Haughton T., Novotná T., Deegan-Krause K. The 2010 Czech and Slovak Parliamentary Elections: Red Cards to the «Winners» // West European Politics. 2011. Vol. 34. № 2. P. 394–402.

Havrylyshyn O. Divergent Paths in Post-Communist Transformation: Capitalism for All or Capitalism for the Few? London: Palgrave Macmillan, 2006.

Havrylyshyn O. The Formation and Role of Oligarchs // The Political Economy of Independent Ukraine: Slow Starts, False Starts, and a Last Chance? London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 201–222.

Hawking S., Mlodinow L. The Grand Design. New York: Bantam Books, 2010.

Hayek F. A. The Use of Knowledge in Society // The American Economic Review. 1945. Vol. 35. № 4. P. 519–530.

Hazard J. The Common Core of Marxian Socialist Constitutions // San Diego Law Review. 1981. № 19 (82). P. 297–312.

Heemskerk E., Fennema M. Network Dynamics of the Dutch Business Elite // International Sociology. 2009. Vol. 24. № 6. P. 807–832.

Hegedüs J., Péteri G. Közszolgáltatási Reformok És a Helyi Önkormányzatiság [Реформы государственного аппарата и органов местного самоуправления] // Szociológiai Szemle. 2015. Vol. 25. №2. P. 90–119.

Heilmann S. 3.1. The Center of Power // China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 154–162.

Heilmann S. 3.7. Informal Methods of Exercising Power // China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 181–192.

Heilmann S. 3.8. Between Fragmented Authoritarianism and a Re-Concentration of Power // China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 190–192.

Heilmann S. 4.8. «Cadre Capitalism» and Corruption // China's Political System / ed. by S. Heilmann. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 226–234.

Heilmann S., ed. China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016.

Heller Á. Hungary: How Liberty Can Be Lost // Social Research: An International Quarterly. 2019. Vol. 86. № 1. P. 1–22.

Hellman J., Jones G., Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day: State Capture and Influence in Transition Economies // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. № 4. P. 751–773.

Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2. № 4. P. 725–740.

Henderson D. R. The Economics and History of Cronyism // Mercatus Center at George Mason University. 27.07.2012. URL: https://www.mercatus.org/system/files/Henderson_economics_history_cronyism.pdf.

Henderson W. O. Industrial Revolution on the Continent: Germany, France, Russia 1800–1914. London: Routledge, 2013.

Herbert A., Levy J. H. Taxation and Anarchism. London: Personal Rights Association, 1912.

Herlihy D. Three Patterns of Social Mobility in Medieval History // Social Mobility and Modernization: A Journal of Interdisciplinary History Reader / ed. by R. I. Rotberg. Cambridge: MIT Press, 2000. P. 19–43.

Herpen M. H. Van. Putin's Wars: The Rise of Russia's New Imperialism. Rowman & Littlefield, 2015.

Herte F. R. Social Mobility in the 20th Century: Class Mobility and Occupational Change in the United States and Germany. Wiesbaden: Springer, 2016.

Hickel J. Neoliberalism and the End of Democracy // The Handbook of Neoliberalism / ed. by S. Springer, K. Birch, J. MacLeavy. New York: Routledge, 2016. P. 142–152.

Higgins A. Russia Wants Innovation, but It's Arresting Its Innovators // The New York Times. 22.12.2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/08/09/world/europe/vladimir-putin-russia-siberia.html.

Higley J., Pakulski J. Elite Theory versus Marxism: The Twentieth Century's Verdict // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2012. Vol. 37. № 1 (139). P. 320–332.

Hill R., White S. Russia, the Former Soviet Union and Eastern Europe // Referendums Around the World / ed. by M. Qvortrup. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 113–144.

Hobsbawm E. Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. London: Abacus, 1995.

Hobsbawm E. Primitive Rebels. New York: W. W. Norton & Company, 1965.

Hodgson G. The Approach of Institutional Economics // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36. № 1. P. 166–192.

Hodos G. Show Trials: Stalinist Purges in Eastern Europe, 1948–1954. New York : Greenwood Publishing Group, 1987.

Hoffman D. The Oligarchs: Wealth And Power In The New Russia. New York: Public Affairs, 2011.

Holbig H., Gilley B. Reclaiming Legitimacy in China // Politics & Policy. 2010. Vol. 38. № 3. P. 395–422.

Holcombe R. Make Economics Policy Relevant: Depose the Omniscient Benevolent Dictator // The Independent Review. 2012. Vol. 17. № 2. P. 165–176.

Holcombe R. Political Capitalism // Cato Journal. 2015. Vol. 35. № 1. P. 41–66.

Holcombe R. Political Capitalism: How Economic and Political Power Is Made and Maintained. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Holcombe R., Boudreaux C. Regulation and Corruption // Public Choice. 2015. Vol. 164. № 1. P. 75–85.

Holmes S. Democracy for Losers: Comment on Bálint Magyar // Brave New Hungary: Mapping the «System of National Cooperation» / ed. by J. M. Kovács, B. Trencsényi. Lanham: Lexington Books, 2019. P. 291–302.

Holmstrom N., Smith R. The Necessity of Gangster Capitalism: Primitive Accumulation in Russia and China // Monthly Review. 2000. Vol. 51. № 9. P. 1–15.

Honoré A. M. Ownership // Oxford Essays in Jurisprudence / ed. by A. G. Guest. Oxford: Clarendon Press, 1961. P. 107–147.

Hoppe H.-H. Marxist and Austrian Class Analysis // Requiem for Marx / ed. by Y. Maltsev. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 1993. P. 51–74.

Horák S. Leadership Succession in Turkmenistan and Uzbekistan: Between Stability and Instability // Central Asian Affairs. 2018. Vol. 5. № 1. P. 1–15.

Horne C. Late Lustration Programmes in Romania and Poland: Supporting or Undermining Democratic Transitions? // Democratization. 2009. Vol. 16. № 2. P. 344–376.

Horowitz D. L. The Challenge of Ethnic Conflict: Democracy in Divided Societies // Journal of Democracy. 1993. Vol. 4. № 4. P. 18–38.

Hosking G. Patronage and the Russian State // The Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. № 2. P. 301–320.

Howard M. The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Cambridge , New York: Cambridge University Press, 2003.

Howard M., Roessler P. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. № 2. P. 365–381.

Huang H. Propaganda as Signaling // Comparative Politics. 2015. Vol. 47. № 4. P. 419–444.

Huang J., Słomczyński K. M. The Dimensionality and Measurement of Economic Dependency: A Research Note // International Journal of Sociology. 2003. Vol. 33. № 4. P. 82–98.

Huneeus C. The Pinochet Regime. London: Lynne Rienner Publishers, 2007.

Hung C.-T. Mao's Parades: State Spectacles in China in the 1950s // The China Quarterly. 2007. № 190. P. 411–431.

Hungarian National Assembly. Political Declaration 1 of 2010 (16 June) of the Hungarian National Assembly on National Cooperation (n. d.). URL: http://nefmi.gov.hu/english/political-declaration.

Hungary: Migrants Abused at the Border // Human Rights Watch. 13.07.2016. URL: https://www.hrw.org/news/2016/07/13/hungary-migrants-abused-border.

Huotari M., Stepan M., Heilmann S. 1.5. Analytical Approaches to Chinese Politics // China's Political System / ed. by S. Heilmann. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 38–45.

Huskey E. A Framework for the Analysis of Soviet Law // The Russian Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 53–70.

Húszmilliót tart Mészáros Lőrinc a párnacihájában [Месарош хранит под матрасом 20 млн наличными] // Origo.hu. 19.06.2014. URL: https://www.origo.hu/itthon/20140619-nyilvanossagra-hoztak-meszaros-lorinc-vagyonnyilatkozatait.html.

Hyden G. Beyond Ujamaa in Tanzania: Underdevelopment and an Uncaptured Peasantry. Berkeley: University of California Press, 1980.

İçduygu A., Şimşek D. Syrian Refugees in Turkey: Towards Integration Policies // Turkish Policy Quarterly. 2016. Vol. 15. № 3. P. 59–69.

Imanaliyeva A. Kyrgyzstan: Former Convict Appointed Prime Minister // Eurasianet. 10.10.2020. URL: https://eurasianet.org/kyrgyzstan-former-convict-appointed-prime-minister.

Inglehart R. Mapping Global Values // Comparative Sociology. 2006. Vol. 5. № 2–3. P. 115–136.

Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977.

Innes A. Corporate State Capture in Open Societies: The Emergence of Corporate Brokerage Party Systems // East European Politics and Societies. 2016. Vol. 30. № 3. P. 594–620.

Innes A. The Political Economy of State Capture in Central Europe // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52. № 1. P. 88–104.

Inozemtsev V. Neo-Feudalism Explained // The American Interest. 01.03.2011. URL: https://www.the-american-interest.com/2011/03/01/neo-feudalism-explained/.

Ioffe G. Belarus and the West: From Estrangement to Honeymoon // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2011. Vol. 27. № 2. P. 217–240.

Iordachi C., Bauerkamper A., eds. The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe: Comparison and Entanglements. Budapest; New York: CEU Press, 2014.

Isaacs R. Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics. London: Routledge, 2011.

Isikoff M., Corn D. Russian Roulette: The Inside Story of Putin's War on America and the Election of Donald Trump. New York: Twelve, 2018.

Iványi G. Keresem a szót: Magyar Bálint és Madlovics Bálint rendszeranatómiájáról [В поисках слов: о типологии режимов Балинта Мадьяра и Балинта Мадловича] // Élet és Irodalom. 2021. Vol. 65. № 2. URL: https://www.es.hu/cikk/2021-01-15/ivanyi-gyorgy/keresem-a-szot.html.

Iványi G. Vörös Farok [Приманка для цензуры]. // Élet És Irodalom 53. № 39. 25.09.2009. URL: https://www.es.hu/cikk/2009-09-27/ivanyi-gyorgy/voros-farok.html.

Jahn G. Focus on Ex-Western Leaders Working for Despots // Washington Post. 04.03.2011. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2011/03/04/AR2011030401166.html.

Jakab A. What Can Constitutional Law Do against the Erosion of Democracy and the Rule of Law? // MPIL Research Paper Series. Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law. 2019. № 15. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3454649.

Jancsics D. «A Friend Gave Me a Phone Number»: Brokerage in Low-Level Corruption // International Journal of Law, Crime and Justice. 2015. Vol. 1. № 43. P. 68–87.

Jancsics D. A Rejtélyes 7750: Diszkrét És Drasztikus [Таинственный 7750: сдержанный и решительный] // Atlatszo.hu (blog). 20.10.2014. URL: http://blog.atlatszo.hu/2014/10/a-rejtelyes-7750-diszkret-es-drasztikus/.

Jancsics D. From Local Cliques to Mafia State: The Evolution of Network Corruption // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / ed. by B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 129–147.

Jancsics D. From Local Cliques to Mafia State: The Evolution of Network Corruption // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 129–147.

Jancsics D. Offshoring at Home? Domestic Use of Shell Companies for Corruption // Public Integrity. 2017. Vol. 19. № 1. P. 4–21.

Jandó Z. Mészáros Lőrinc új rekordja: 25,4 milliárd forintot vesz ki a cégeiből [Новый рекорд Лёринца Месароша: 25,4 млрд дивидендов от принадлежащих ему компаний] // G7.hu (blog). 05.06.2019. URL: https://g7.hu/kozelet/20190605/meszaros-lorinc-uj-rekordja-254-milliard-forintot-vesz-ki-a-cegeibol/.

Januártól könnyebb lesz lopni: megint lehet majd közpénzből támogatni a pártközeli szervezeteket és a családot [С января воровать станет легче: семейные и партийные организации можно снова будет поддерживать из налогов] // Atlatszo.hu. 22.11.2014. URL: https://atlatszo.hu/2014/11/22/januartol-konnyebb-lesz-lopni-megint-lehet-majd-kozpenzbol-tamogatni-a-partkozeli-szervezeteket-es-a-csaladot/.

Jávor I., Jancsics D. Corrupt Governmental Networks // International Public Management Journal. 2012. Vol. 15. № 1. P. 62–99.

Jávor I., Jancsics D. The Role of Power in Organizational Corruption: An Empirical Study // Administration & Society. 2016. Vol. 48. № 5. P. 527–558.

Jiang J., Xu Y. Popularity and Power: The Political Logic of Anticorruption in Authoritarian Regimes // SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY: Social Science Research Network. 09.08.2015. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=2641567.

Johns R., Davies G. Democratic Peace or Clash of Civilizations? Target States and Support for War in Britain and the United States // The Journal of Politics. 2012. Vol. 74. № 4. P. 1038–1052.

Johnson C. The Developmental State: Odyssey of a Concept // The Developmental State / ed. by M. Woo-Cumings. Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 32–60.

Johnson J., Novitskaya A. Gender and Politics // Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain / ed. by S.K. Wegren. London: Rowman & Littlefield, 2018. P. 215–232.

Jones E., Menon A., Weatherill S., eds. The Oxford Handbook of the European Union. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Jones S., Megginson W., Nash R., Netter J. Share Issue Privatizations as Financial Means to Political and Economic Ends // Journal of Financial Economics. 1999. Vol. 53. № 2. P. 217–253.

Joshi M. China and Europe: Trade, Technology and Competition // ORF Occasional Paper. Observer Research Foundation. 05.2019. URL: https://www.orfonline.org/research/china-europe-trade-technology-competition-51115/.

Jost J. T. A Theory of System Justification. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020.

Judah B. Fragile Empire: How Russia Fell In and Out of Love with Vladimir Putin. New Haven; London: Yale University Press, 2014.

Juhász P. Controlled Competition in the Agriculture // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 345–369.

Juhász P. Társadalmi Együttműködés Az Első, a Második És a Harmadik Ökonómiában [Общественное сотрудничество в условиях первой, второй и третьей экономики] // Fogyasztói Szolgáltatások. 1981. № 4.

Kahn J. Vladimir Putin and the Rule of Law in Russia // Georgia Journal of International and Comparative Law. 2007–2008. Vol. 36. P. 511–558.

Kaklauskas A., Herrera-Viedma E., Echenique V., Zavadskas E.K., Ubarte I., Mostert A., Podvezko V., Binkyte A., Podviezko A. Multiple Criteria Analysis of Environmental Sustainability and Quality of Life in Post-Soviet States // Ecological Indicators. 2018. № 89. P. 781–807.

Kallis A. The «Regime-Model» of Fascism: A Typology // European History Quarterly. 2000. Vol. 30. № 1. P. 77–104.

Kalyuzhnova Y., Patterson K. Kazakhstan: Long-Term Economic Growth and the Role of the Oil Sector // Comparative Economic Studies. 2016. Vol. 58. № 1. P. 93–118.

Kang D. C. Civilization and State Formation in the Shadow of China // Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. by P. Katzenstein. London; New York: Routledge, 2010. P. 91–113.

Kang D. C. Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Karklins R. The System Made Me Do It: Corruption in Post-Communist Societies. New York: M. E. Sharpe, 2005.

Karl T. L. The Hybrid Regimes of Central America // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 3. P. 72–86.

Kasnyik M. Ilyen Államilag Koordinált Leszámolást Még Nem Láttunk [Такой государственной координации мы еще не видели] // 444. 08.06.2016. URL: http://444.hu/2016/06/08/ilyen-allamilag-koordinalt-leszamolast-meg-nem-lattunk.

Katz R. No Man Can Serve Two Masters: Party Politicians, Party Members, Citizens and Principal–Agent Models of Democracy // Party Politics. 2014. Vol. 20. № 2. P. 183–193.

Katzenstein P. J. A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions, and Practices // Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. London; New York: Routledge, 2010. P. 1–40.

Katzenstein P. J., ed. Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives. London; New York: Routledge, 2010.

Katzenstein P. J., Weygandt N. Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies // Perspectives on Politics. 2017. Vol. 15. № 2. P. 428–442.

Kaufmann D. Corruption: The Facts // Foreign Policy. 1997. № 107. P. 114–131.

Kaufmann D., Siegelbaum P. Privatization and Corruption in Transition Economies // Journal of International Affairs. 1997. Vol. 50. № 2. P. 419–458.

Kaylan M. Kremlin Values: Putin's Strategic Conservatism // World Affairs. 2014. Vol. 177. № 1. P. 9–17.

Kazakevich A. The Belarusian Non-Party Political System: Government, Trust and Institutions 1990–2015 // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes / ed. by B. Magyar. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 353–369.

Kazakh Leader Resigns after Three Decades // BBC.com. 19.03.2019. URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-47628854.

Kelemen R. D. Europe's Other Democratic Deficit: National Authoritarianism in Europe's Democratic Union // Government and Opposition. 2017. Vol. 52. № 2. P. 211–238.

Keller S. Elites // International Encyclopedia of the Social Sciences / ed. by D. Sills. London: Macmillan, 1968. P. 26–29.

Kemp T. Industrialization in Nineteenth-Century Europe. London; New York: Longman, 1985.

Kemp-Welch A. Poland under Communism: A Cold War History. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Khalaf R. FT Person of the Year: George Soros // Financial Times. 19.12.2018. URL: https://www.ft.com/content/2bd12012-01e4-11e9-9d01-cd4d49afbbe3.

Khaldarova I., Pantti M. Fake News: The Narrative Battle over the Ukrainian Conflict | // Journalism Practice. 2016. Vol. 10. № 7. P. 891–901.

Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. Los Angeles; London: University of California Press, 2014.

Khatri N., Tsang E. W. K., Begley T. Cronyism: A Cross-Cultural Analysis // Journal of International Business Studies. 2006. Vol. 37. № 1. P. 61–75.

King P., Rupesinghe K., Vorkunova O., eds. Ethnicity and Conflict in a Post-Communist World: The Soviet Union, Eastern Europe and China. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1992.

Kingsley P. As West Fears the Rise of Autocrats, Hungary Shows What's Possible // The New York Times. 10.02.2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/02/10/world/europe/hungary-orban-democracy-far-right.html.

Kinnvall C., Mitzen J. Anxiety, Fear, and Ontological Security in World Politics: Thinking with and beyond Giddens // International Theory. 2020. Vol. 12. № 2. P. 240–256.

Király B., Bozóki A, eds. Lawful Revolution in Hungary, 1989–1994. CO East European Monographs. Boulder, 1995.

Király J. A Magyar Bankrendszer Tulajdonosi Struktúrájának Átalakulása [Трансформация структуры собственности венгерской банковской системы] // Közgazdasági Szemle. 2016. Vol. 63. № 7–8. P. 725–761.

Kis J. Demokrácia Vagy Autokrácia? A Szürke Zóna Felosztásáról [Демократия или автократия? О разделении серой зоны]: Manuscript, 2016.

Kis J. Demokráciából Autokráciába: A Rendszertipológia És Az Átmenet Dinamikája [От демократии к автократии: Типология режимов и динамика транзита] // Politikatudományi Szemle. 2019. Vol. 28. № 1. P. 45–74.

Kis J. State Neutrality // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / ed. by M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 318–335.

Kitschelt H. Patrons, Clients and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007.

Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Tóka G. Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Klaus V. Renaissance: The Rebirth of Liberty in the Heart of Europe. Washington, DC: Cato Institute, 1997.

Klíma M. Informal Politics in Post-Communist Europe: Political Parties, Clientelism and State Capture. Milton: Routledge, 2019.

Knack S. Measuring Corruption: A Critique of Indicators in Eastern Europe and Central Asia // Journal of Public Policy. 2007. Vol. 27. № 3. P. 255–291.

Knight A. Spies without Cloaks: The KGB's Successors. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

Knight A. The Magnitsky Affair // The New York Review of Books. 2018. № 22. P. 25–27.

Knippenberg H. The Political Geography of Religion: Historical State-Church Relations in Europe and Recent Challenges // GeoJournal. 2006. Vol. 67. № 4. P. 253–265.

Kno Z. Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism. London: Routledge, 2009.

Ko K., Lee H., Jang S. The Internet Dilemma and Control Policy: Political and Economic Implications of the Internet in North Korea // Korean Journal of Defense Analysis. 2009. Vol. 21. № 3. P. 279–295.

Kolesnikov A. Russian Ideology after Crimea // Carnegie Moscow Center. 09.2015. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_Ideology2015_web_Eng.pdf.

Kollmorgen R. Modernization Theories // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation / ed. by W. Merkel, R. Kollmorgen, H.-J. Wagener. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 55–64.

Kollmorgen R. Post-Socialist Transformations // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 348–365.

Kolozsi Á., Bolcsó D. Hungarian Academy of Science Caves in to Government Pressure, Lets Go of Research Network // Index.hu. 09.03.2019. URL: https://index.hu/english/2019/03/09/agreement_hungarian_academy_of_science_ministry_of_innovation_and_technology_government_pressure/.

Kőműves A. Government of Hungary Spent a Total of $3.54 Million on Lobbying Washington in 2018 // Atlatszo.hu (blog). 08.09.2019. URL: https://english.atlatszo.hu/2019/01/08/government-of-hungary-spent-a-total-of-3-54-million-on-lobbying-washington-in-2018/.

Konończuk W. Oligarchs after the Maidan: The Old System in a «new» Ukraine // Policy Paper. OSW Commentary. 2015. № 162. P. 1–8.

Kononenko V. Introduction // Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not? / ed. by V. Kononenko, A. Moshes. Berlin: Springer, 2011. P. 1–18.

Konrád G., Szelényi I. The Intellectuals on the Road to Class Power. Brighton: Harvester Press, 1979.

Kopecký P., Mudde C. What Has Eastern Europe Taught Us about the Democratization Literature (and Vice Versa)? // European Journal of Political Research. 2000. Vol. 37. № 4. P. 517–539.

Kopecký P., Spirova M. «Jobs for the Boys»? Patterns of Party Patronage in Post-Communist Europe // West European Politics. 2011. Vol. 34. № 5. P. 897–921.

Kordonsky S. Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime: The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia. Stuttgart: ibidem Press, 2016.

Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam: North-Holland, 1980.

Kornai J. Economists Share Blame for China's «Monstrous» Turn // Financial Times. 10.07.2019.

Kornai J. Foreword // The Journal of Comparative Economic Studies. 2015. № 10. P. 1–10.

Kornai J. Hidden in an Envelope: Gratitude Payments to Medical Doctors in Hungary // The Paradoxes of Unintended Consequences / ed. by L. Dahrendorf, Y. Elkana. Budapest: CEU Press, 2000. P. 1–15.

Kornai J. Innovation and Dynamism: Interaction between Systems and Technical Progress // Economics of Transition. 2010. Vol. 18. № 4. P. 629–670.

Kornai J. Paying the Bill for Goulash Communism: Hungarian Development and Macro Stabilization in a Political-Economy Perspective // Social Research. 1996. Vol. 63. № 4. P. 943–1040.

Kornai J. Reforming the Welfare State in Postsocialist Societies // World Development. 1997. Vol. 25. № 8. P. 1183–1186.

Kornai J. The Socialist System: The Political Economy of Communism. Oxford: Clarendon Press, 1992.

Kornai J. The Soft Budget Constraint: An Introductory Study to Volume IV of the Life's Work Series // Acta Oeconomica. 2014. Vol. 64. P. 25–79.

Kornai J. The System Paradigm Revisited: Clarification and Additions in the Light Of Experiences in the Post-Communist Region // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes / ed. by B. Magyar. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 21–74.

Kornai J. Transformational Recession: The Main Causes // Journal of Comparative Economics. 1994. 19. № 1. P. 39–63.

Kornai J. What the Change of System from Socialism to Capitalism Does and Does Not Mean // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. № 1. P. 27–42.

Kornai J., Rothstein B., Rose-Ackerman S. Creating Social Trust in Post-Socialist Transition. Political Evolution and Institutional Change. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2004.

Körösényi A. The Theory and Practice of Plebiscitary Leadership: Weber and the Orbán Regime // East European Politics and Societies. 25.09.2018.

Körösényi A, Illés G., Gyulai A. The Orbán Regime: Plebiscitary Leader Democracy in the Making. London: Routledge, 2020.

Korpi W. The Democratic Class Struggle. London; Boston: Routledge Kegan & Paul, 1983.

Kosals L. Essay on Clan Capitalism in Russia // Acta Oeconomica. 2007. Vol. 57. № 1. P. 67–85.

Koselleck R. The Historical-Political Semantics of Asymmetric Counterconcepts // Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York: Columbia University Press, 2004. P. 155–191.

Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. 2016. № 3. P. 2–9.

Kovách I., ed. Társadalmi Integráció [Социальная интеграция]. Budapest: MTA Társadalomtudományi Kutatóközpont, 2017.

Kovács A. The Post-Communist Extreme Right: The Jobbik Party in Hungary // Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse / ed. by B. Mral, M. KhosraviNik, R. Wodak. London: Bloomsbury Academic, 2013. P. 223–234.

Kovács J. Ö. The Forced Collectivization of Agriculture in Hungary, 1948–1961 // The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe: Comparison and Entanglements / ed. by C. Iordachi, A. Bauerkamper. Budapest; New York: CEU Press, 2014. P. 211–247.

Kovács Z. Fidesz's Media Empire Just Became Even More Centralised // Index.hu. 08.03.2019. URL: https://index.hu/english/2019/03/08/kesma_fidesz_media_government_centralisation_propaganda_liszkay_mediaworks_meszaros/.

Kozák M. Western Social Development with an Eastern Set of Values? // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 373–387.

Kozarzewski P., Bałtowski M. Return of State-Owned Enterprises in Poland // Paper presented at Seventh Annual Conference of the Leibniz Institute for East and Southeast European Studies. Regensburg, German, 30.05.2019.

Kramer A. E. Oligarch's Return Raises Alarm in Ukraine // The New York Times. 16.05.2019.

Krekó P. Conspiracy Theory as Collective Motivated Cognition // The Psychology of Conspiracy / ed. by M. Bilewicz, A. Cichocka, W. Soral. London: Routledge, 2015. P. 62–77.

Krekó P. Összeesküvés-Elmélet Mint Kollektív Motivált Megismerés [Теория заговора как коллективное мотивированное познание] // PhD thesis. ELTE, 2013. URL: http://ppkteszt.elte.hu/file/KrekoPeter_dissz.pdf.

Krekó P., Enyedi Z. Orbán's Laboratory of Illiberalism // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 3. P. 39–51.

Krekó P., Győri L., Zgut E. From Russia with Hate: The Activity of pro-Russian Extremist Groups in Central-Eastern Europe // Political Capital. 04.2017. URL: https://www.politicalcapital.hu/pc-admin/source/documents/PC_NED_summary_analysis_EN_20170428.pdf.

Krekó P., Molnár C., Juhász A., Kucharczyk J., Pazderski F. Beyond Populism: Tribalism in Poland and Hungary. Budapest: Political Capital, 2018. URL: http://www.politicalcapital.hu/pc-admin/source/documents/pc_beyond_populism_study_20180731.pdf.

Krémer B. The Social Policy of the Mafia State and Its Impact on Social Structure // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 181–231.

Krickovic A. Imperial Nostalgia or Prudent Geopolitics? Russia's Efforts to Reintegrate the Post-Soviet Space in Geopolitical Perspective // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. № 6. P. 503–528.

Krickovic A. Rule of Law // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 233–249.

Krygier M., Czarnota A. The Rule of Law after Communism: An Introduction // The Rule of Law after Communism: Problems and Prospects in East-Central Europe / ed. by M. Krygier, A. Czarnota. Dartmouth: Ashgate, 1999. P. 1–20.

Krylova Y. Corruption and the Russian Economy: How Administrative Corruption Undermines Entrepreneurship and Economic Opportunities. London; New York: Routledge, 2018.

Kryshtanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 5. P. 711–733.

Kryshtanovskaya O., White S. Inside the Putin Court: A Research Note // Europe-Asia Studies. 2005. Vol. 57. № 7. P. 1065–1075.

Kubik J. The Power of Symbols Against the Symbols of Power: The Rise of Solidarity and the Fall of State Socialism in Poland. Pennsylvania State University Press, 1994.

Kucherov S. Property in the Soviet Union // The American Journal of Comparative Law. 1962. Vol. 11. № 3. P. 376–392.

Kudaibergenova D. The Ideology of Development and Legitimation: Beyond «Kazakhstan 2030» // Central Asian Survey. 2015. Vol. 34. № 4. P. 440–455.

Kurowska X., Reshetnikov A. Neutrollization: Industrialized Trolling as a pro-Kremlin Strategy of Desecuritization // Security Dialogue. 2018. Vol. 49. № 5. P. 345–363.

Kurth J. The United States as a Civilizational Leader // Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. by P.J. Katzenstein. London; New York: Routledge, 2010. P. 41–66.

Kusiak J. Rule of Law and Rules-Lawyering: Legal Corruption and «Reprivatization Business» in Warsaw // International Journal of Urban and Regional Research. 2019. Vol. 43. № 1. P. 589–596.

Kuzio T. Populism in Ukraine in a Comparative European Context // Problems of Post-Communism. 2010. Vol. 57. № 6. P. 3–18.

Kuzio T. Russianization of Ukrainian National Security Policy under Viktor Yanukovych // The Journal of Slavic Military Studies. 2012. Vol. 25. № 4. P. 558–581.

Kuzio T. Russia–Ukraine Crisis: The Blame Game, Geopolitics and National Identity // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. № 3. P. 462–473.

Kvurt Y. Selective Prosecution in Russia: Myth or Reality? // Cardozo Journal of International and Comparative Law. 2007. № 15. P. 127–168.

Kyle A. S. Continuous Auctions and Insider Trading // Econometrica. 1985. Vol. 53. № 6. P. 1315–1335.

Laclau E. On Populist Reason. London; New York: Verso, 2005.

Lakatos J. Nyugatos És Nem Nyugatos Demokráciák [Демократии западного и незападного типа]. Budapest: Méltányosság Politikaelemző Központ. 28.01.2019. URL: http://www.meltanyossag.hu/content/files/Nyugatos%20%C3%A9s%20nem%20nyugatos%20demokr%C3%A1ci%C3%A1k.pdf.

Laki M. A Mészáros-Vállalatcsoport: Adalékok a Fidesz-Közeli Vállalkozások És Vállalkozók Működéséhez [Дело группы компаний Месароша. Необычное деловое поведение компаний, связанных с Фидес] // Külgazdaság. 2019. Vol. 63. № 9–10. P. 65–100.

Laki M. A Trafikpiac Folytatódó Átalakítása 2014 És 2017 Között [Продолжающаяся реструктуризация рынка табачной продукции в 2014–2017 гг.] // Külgazdaság. 2017. Vol. 61. № 7–8. P. 46–73.

Laki M. Kényszerített Innováció: Műszaki Fejlesztés Az Eladók Piacán [Принудительные инновации: техническое развитие на рынке продавцов] // Szociológia. 1984–1985. № 1–2. P. 45–52.

Lakner Z. Links in the Chain: Patron-Client Relations in the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / ed. by B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 149–180.

Lamberova N., Sonin K. Economic Transition and the Rise of Alternative Institutions: Political Connections in Putin's Russia // Economics of Transition and Institutional Change. 2018. Vol. 26. № 4. P. 615–648.

Lambsdorff J. G. The Institutional Economics of Corruption and Reform: Theory, Evidence and Policy. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007.

Lánczi A. Mi a Tét? [Что поставлено на карту?] // Heti Válasz. 19.03.2014. URL: http://valasz.hu/itthon/mi-a-tet-74462.

Lánczi A. Viccpártok színvonalán áll az ellenzék. Interview by Imre Czirják. Magyar Idők. 21.12.2015. URL: http://www.szazadveg.hu/hu/hirek/lanczi-andras-viccpartok-szinvonalan-all-az-ellenzek.

Lane D. Post-State Socialism: A Diversity of Capitalisms? // Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries / ed. by D. Lane, M. Myant. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 13–39.

Lane D., Myant, M., eds. Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. Studies in Economic Transition. London: Palgrave Macmillan, 2007.

Lankina T. The Dynamics of Regional and National Contentious Politics in Russia: Evidence from a New Dataset // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. № 1. P. 26–44.

Lanskoy M., Myles-Primakoff D. Power and Plunder in Putin's Russia // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 76–85.

Lanskoy M., Suthers E. Armenia's Velvet Revolution // Journal of Democracy. 2019. Vol. 30. № 2. P. 85–99.

Ledeneva A. Can Russia Modernise?: Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Ledeneva A. How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. New York: Cornell University Press, 2006.

Ledeneva A. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Ledeneva A. The Global Encyclopaedia of Informality. Vol. 1. London: UCL Press, 2018.

Ledeneva A. Unwritten Rules: How Russia Really Works. London: Centre for European Reform, 2001.

Leonard M., Popescu N. A Power Audit of EU-Russia Relations // ECFR 15. 2007. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf.

Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge University Press, 2010.

Levitsky S., Way L. The New Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2020. Vol. 31. № 1. P. 51–65.

Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2. P. 51–65.

Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. New York: Crown, 2018.

Levitz P., Pop-Eleches G. Why No Backsliding? The European Union's Impact on Democracy and Governance Before and After Accession // Comparative Political Studies. 2010. Vol. 43. № 4. P. 457–485.

Levy J. D. The State after Statism: From Market Direction to Market Support // The State After Statism: New State Activities in the Age of Liberalization / ed. by J. D. Levy. Cambridge: Harvard University Press, 2006.

Lewandowski J. The Political Context of Mass Privatization in Poland // Between State and Market: Mass Privatization in Transition Economies / ed. by I. Lieberman, S. Nestor, R. M. Desai. World Bank Publications, 1997. P. 35–39.

Lewandowsky S., Ecker U. K. H., Cook J. Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the «Post-Truth» Era // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2017. Vol. 6. № 4. P. 353–369.

Li P. P. Social Tie, Social Capital, and Social Behavior: Toward an Integrative Model of Informal Exchange // Asia Pacific Journal of Management. 2007. Vol. 24. № 2. P. 227–246.

Licht A. Coming into Money: The Impact of Foreign Aid on Leader Survival // Journal of Conflict Resolution. 2010. Vol. 54. № 1. P. 58–87.

Lieberthal K. Introduction: The «Fragmented Authoritarianism» Model and Its Limitations // Bureaucracy, Politics, and Decision Making in Post-Mao China / ed. by K. Lieberthal, D.M. Lampton. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 1–30.

Lieven D., Perrie M., Lieven D., Suny R. G. The Cambridge History of Russia: Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Lijphart A. Parliamentary Versus Presidential Government. Oxford; New York: Oxford University Press, 1992.

Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 2012.

Lim M. Clicks, Cabs, and Coffee Houses: Social Media and Oppositional Movements in Egypt, 2004–2011 // Journal of Communication. 2012. Vol. 62. № 2. P. 231–248.

Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder, CO: Lynne Rienner Pub, 2000.

Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1996.

Liu A. P. L. Communications and National Integration in Communist China. Berkeley: University of California Press, 1975.

Lobbyismus: Österreichs Ex-Kanzler Kern Bekommt Wirtschaftsposten in Moskau // Spiegel Online. 17.07.2019. URL: https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/christian-kern-oesterreichs-ex-kanzler-aufsichtsrat-bei-russlands-staatsbahn-a-1277692.html.

Long N. V. The Theory of Contests: A Unified Model and Review of the Literature // Companion to the Political Economy of Rent Seeking / ed. by R.D. Congleton, A.L. Hillman. Northampton, MA: Edward Elgar Pub, 2015. P. 19–52.

Łoś M. Economic Crimes in Communist Countries // Comparative Criminology / ed. by I.L. Barak-Glantz, E.H. Johnson. Beverly Hills: SAGE Publications Ltd, 1983. P. 39–57.

Lough J. Russia's Energy Diplomacy // Briefing paper. The Means and Ends of Russian Influence Abroad Series. Chatham House. 31.03.2011.

Loughlin J., Hendriks F., Lidström A. Subnational Democracy in Europe: Changing Backgrounds and Theoretical Models // The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 1–23.

Lowndes V., Roberts M. Why Institutions Matter: The New Institutionalism in Political Science. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

Lumi O. Comparative Insight into the Status of the Lobbying Regulation Debate in Estonia // Journal of Public Affairs. 2015. Vol. 15. № 3. P. 300–310.

Luong P.J. Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Luong P.J. The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence. Ithaca: Cornell University Press, 2004.

Lyebyedyev Y., Makhortykh M. #Euromaidan: Quantitative Analysis of Multilingual Framing 2013–2014 Ukrainian Protests on Twitter // 2018 IEEE Second International Conference on Data Stream Mining Processing (DSMP), 2018. P. 276–280.

MacKinlay J. Defining Warlords // International Peacekeeping. 2000. Vol. 7. № 1. P. 48–62.

MacLeod W.B. Reputations, Relationships, and Contract Enforcement // Journal of Economic Literature. 2007. Vol. 45. № 3. P. 595–628.

Macron E., Sigmar G. Europe Cannot Wait Any Longer: France and Germany Must Drive Ahead // The Guardian. 03.06.2015. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jun/03/europe-france-germany-eu-eurozone-future-integrate.

Madeley J. A Framework for the Comparative Analysis of Church–State Relations in Europe // West European Politics. 2003. Vol. 26. № 1. P. 23–50.

Madlovics B. A «Fasisztoid Mutáció» Sikere? [Успех «фашизоидной мутации»?] // Élet És Irodalom. 2017. Vol. 61. № 5. URL: http://www.es.hu/cikk/2017-02-03/madlovics-balint/a-fasisztoid-mutacio-sikere-.html.

Madlovics B. A maffiaállam paravánjai: ideológiák és rendszerleírások argumentációs-logikai megközelítésben [Ширмы мафиозного государства: аргументированно-логический подход к идеологии и описанию режимов] // Magyar Polip — a posztkommunista maffiaállam 3 [Венгерский спрут — посткоммунистическое мафиозное государство 3] / ed. by B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest: Noran Libro, 2015. P. 317–370.

Madlovics B. Hungary // Authoritarian Response to the Pandemic: Cases of China, Iran, Russia, Belarus and Hungary / ed. by V. Inozemtsev. Washington, DC: Free Russia Foundation, 2020. P. 77–93.

Madlovics B. It's Not Just Hate: Attitudes toward Migrants in a Dominated Sphere of Communication in Hungary //After the Fence: Approaches and Attitudes about Migration in Central Eastern Europe / ed. by D. Mikecz. Budapest: European Liberal Forum — Republikon Intézet, 2017. P. 6–31. URL: http://www.liberalforum.eu/en/publications.html?file=tl_files%2Fuserdata%2Fdownloads%2Fpublications%2F2017%2Fafterthefence_publication.pdf.

Madlovics B. The Epistemology of Comparative Regime Theory: An Austrian Critique. MA Thesis, CEU, 2018.

Madlovics B., Magyar B. Post-Communist Predation: Modelling Reiderstvo Practices in Contemporary Predatory States // Public Choice. 2021. № 187. P. 247–273.

Maerz S. F. The Many Faces of Authoritarian Persistence: A Set-Theory Perspective on the Survival Strategies of Authoritarian Regimes // Government and Opposition. 2018. № 0. P. 1–24.

Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Magyar B. From Free Market Corruption Risk to the Certainty of a State-Run Criminal Organization (Using Hungary as an Example) // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 461–486.

Magyar B. Kampányok a Falusi Térben Az Ötvenes Évek Elején [Деревенские кампании начала 1950-х годов]: рукопись. Будапешт, 1986.

Magyar B. Magyar Polip — a Szervezett Felvilág [Венгерский спрут — Организованное надполье] // Magyar Hírlap. 21.02.2001.

Magyar B. Parallel System Narratives: Polish and Hungarian Regime Formations Compared // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 611–655.

Magyar B. Post World War II History of Polish Agriculture: Doctoral dissertation, Eötvös Lóránd University (restricted circulation by Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences), 1980.

Magyar B. Post-Communist Mafia State: The Case of Hungary. Budapest: CEU Press, 2016.

Magyar B., ed. Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019.

Magyar B. The Post-Communist Mafia State as a Form of Criminal State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / ed. by B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 85–110.

Magyar B. Towards a Terminology for Post-Communist Regimes // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 97–176.

Magyar B., Madlovics B. From Petty Corruption to Criminal State: A Critique of the Corruption Perceptions Index as Applied to the Post–Communist Region // Intersections — East European Journal of Society and Politics. 2019. Vol. 5. № 2. P. 103–129.

Magyar B., Madlovics B. Hungary's Mafia State Fights for Impunity // Project Syndicate (blog). 18.06.2019. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/hungary-mafia-state-viktor-orban-impunity-by-balint-magyar-and-balint-madlovics-2019-06.

Magyar B., Madlovics B. Stubborn Structures: A Path Dependence Explanation of Transitions in the Postcommunist Region // Social Research: An International Quarterly. 2019. Vol. 86. № 1. P. 113–146.

Magyar B., Vásárhelyi J., eds. Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest: CEU Press, 2017.

Magyari L. The Romanian Patronal System of Public Corruption // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 275–315.

Magyari P. The Rise and Fall of Zoltán Spéder // The Budapest Beacon. 16.06.2016. URL: https://budapestbeacon.com/rise-fall-zoltan-speder/.

Magyarország 50 leggazdagabb embere — már nem Csányi az első [50 богатейших людей Венгрии — Чаньи больше не занимает первую строчку] // Forbes Magyarország. 28.12.2018. URL: https://forbes.hu/a-magazin/magyarorszag-50-leggazdagabb-embere-mar-nem-csanyi-az-elso/.

Mainwaring S., O'Donnell G., Valenzuela J. S., eds. Issues in Democratic Consolidation: New South American Democracies in Comparative Perspective. Notre Dame, Ind: University of Notre Dame Press, 1992.

Mair P. Concepts and Concept Formation // Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective / ed. by D. Della Porta, M. Keating. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. P. 177–197.

Majtényi. B., Nagy A., Kállai P. «Only Fidesz» — Minority Electoral Law in Hungary // Verfassungsblog (blog). 31.03.2018. URL: https://verfassungsblog.de/only-fidesz-electoral-law-in-hungary/.

Makarenko B. Populism and Political Institutions: A Comparative Perspective // Populism as a Common Challenge. Moscow: Political encyclopedia, 2018. P. 27–36.

Malejacq R. Warlords, Intervention, and State Consolidation: A Typology of Political Orders in Weak and Failed States // Security Studies. 2016. Vol. 25. № 1. P. 85–110.

Malesky E., London J. The Political Economy of Development in China and Vietnam // Annual Review of Political Science. 2014. Vol. 17. № 1. P. 395–419.

Manion M. Taking China's Anticorruption Campaign Seriously // Economic and Political Studies. 2016. Vol. 4. № 1. P. 3–18.

Marangos J. Was Shock Therapy Consistent with the Washington Consensus? // Comparative Economic Studies. 2007 Vol. 49. № 1. P. 32–58.

March L. Managing Opposition in a Hybrid Regime: Just Russia and Parastatal Opposition // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 3. P. 504–527.

Máriás L., Nagy K., Polyák G, Urbán Á. An Illiberal Model of Media Markets — Soft Censorship 2017 // Mérték Booklets. Budapest: Mérték Media Monitor, 2018. URL: http://mertek.eu/wp-content/uploads/2018/08/MertekFuzetek15.pdf.

Markus S. Property, Predation, and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Markus S. Secure Property as a Bottom-Up Process: Firms, Stakeholders, and Predators in Weak States // SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2012. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=2143322.

Markus S. The Atlas That Has Not Shrugged: Why Russia's Oligarchs Are an Unlikely Force for Change // Dædalus: Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2017. Vol. 146. № 2. P. 101–112.

Markus S., Charnysh V. The Flexible Few: Oligarchs and Wealth Defense in Developing Democracies // Comparative Political Studies. 2017. Vol. 50. № 12. P. 1632–1665.

Martin L., ed. The Oxford Handbook of the Political Economy of International Trade. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Marton S. Regime, Parties, and Patronage in Contemporary Romania // Brave New Hungary: Mapping the «System of National Cooperation» / ed. by J. M. Kovács, B. Trencsényi. Lanham: Lexington Books, 2019. P. 357–378.

Mayfair Y. Guanxi (China) // The Global Encyclopaedia of Informality. London: UCL Press, 2018. Vol. 1. P. 75–79.

Mazmanyan A. Constitutional Courts // Election Watchdogs: Transparency, Accountability and Integrity / ed. by P. Norris, A. Nai. New York: Oxford University Press, 2017. P. 127–143.

Mazmanyan A. Failing Constitutionalism: From Political Legalism to Defective Empowerment // Global Constitutionalism. 2012. Vol. 1. № 2. P. 313–333.

McAdam D., McCarthy J. D., Zald M. N., eds. Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

McChesney F. Money for Nothing: Politicians, Rent Extraction, and Political Extortion. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

McCloskey D. N. Bourgeois Equality: How Ideas, Not Capital Or Institutions, Enriched the World. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017.

McFaul M. Transitions from Postcommunism // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. № 3. P. 5–19.

McGrath C. Lobbying in Washington, London, And Brussels: The Persuasive Communication of Political Issues. Lewiston, N. Y.: Edwin Mellen Pr, 2005.

McLeod I. Kelsen's Hierarchy of Norms // Legal Theory. Macmillan Law Masters. London: Macmillan Education, 1999. P. 68–83.

Mearman A., Berger S., Guizzo D., eds. What Is Heterodox Economics? Conversations with Leading Economists. New York: Routledge, 2019.

Medvegyev G. Állami hitelekből hízik Mészáros Lőrinc birodalma [Империя Лёринца Месароша счет государственных займов] // 24.hu. 30.09.2017. URL: http://24.hu/fn/gazdasag/2017/09/30/allami-hitelekbol-hizik-meszaros-lorinc-birodalma/.

Melville A., Stukal D., Mironyuk M. Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Post-Communist Countries // Perspectives on European Politics and Society. 2013. Vol. 14. № 4. P. 431–459.

Melvin N. Authoritarian Pathways in Central Asia: A Comparison of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and Uzbekistan // Democracy and Pluralism in Muslim Eurasia / ed. by Y. Ro'i. London; New York: Routledge, 2004. P. 119–142.

Melvin N. Uzbekistan: Transition to Authoritarianism on the Silk Road. Amsterdam: Taylor & Francis, 2000.

Member States Jeopardising the Rule of Law Will Risk Losing EU Funds. 17.01.2019. URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190109IPR23011/member-states-jeopardising-the-rule-of-law-will-risk-losing-eu-funds.

Mendelsohn M., Parkin A., eds. Referendum Democracy: Citizens, Elites and Deliberation in Referendum Campaigns. London: Palgrave Macmillan, 2001.

Menshikov S. The Anatomy of Russian Capitalism // Challenge. 2004. Vol. 47. № 6. P. 1–24.

Mertha A. «Fragmented Authoritarianism 2.0»: Political Pluralization in the Chinese Policy Process // The China Quarterly. 2009. Vol. 200. P. 995–1012.

Merton R. K. Sociological Ambivalence & Other Essays. New York: Free Press, 1976.

Merz T. Kyrgyzstan's President Steps down amid Political Unrest // The Guardian. 15.10.2020. URL: https://www.theguardian.com/world/2020/oct/15/kyrgyzstan-president-steps-down-amid-political-unrest.

Mesquita B. B. de, Smith A. A Political Economy of Aid // International Organization. 2009. Vol. 63. № 2. P. 309–340.

Mesquita B. B. de, Smith A., Siverson R. M., Morrow J. D. The Logic of Political Survival. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2004.

Michels R. The Oligarchical Tendencies in Working Class Organizations // Classes and Elites in Democracy and Democratization / ed. by E. Etzioni-Halévy. New York: Garland, 1997. P. 243–250.

Mihályi P. Az Orbán-Korszak Mint a Nemzeti Vagyon 6. Újraelosztási Kísérlete [Эпоха Орбана как шестая попытка перераспределения национального богатства] // Műhelytanulmányok. Budapest: MTA Közgazdaság- és Regionális Tudományi Kutatóközpont Közgazdaság-tudományi Intézet, 2018. URL: https://www.mtakti.hu/wp-content/uploads/2018/08/MTDP1814.pdf.

Mihályi P. Votes, Ideology, and Self-Enrichment: The Campaign of Re-Nationalization After 2010 // Brave New Hungary: Mapping the «System of National Cooperation» / ed. by J. M. Kovács, B. Trencsényi. Lanham: Lexington Books, 2019. P. 185–210.

Mikkel E. Patterns of Party Formation in Estonia: Consolidation Unaccomplished // Post-Communist EU Member States: Parties and Party Systems / ed. by S. Jungerstam-Mulders. Aldershot; Burlington: Routledge, 2006. P. 23–49.

Miller A. Moldova under Vladimir Plahotniuc: Corruption and Oligarchy. Tel-Aviv: Studio Igal Rozental Ltd., 2018.

Min Y. News Coverage of Negative Political Campaigns: An Experiment of Negative Campaign Effects on Turnout and Candidate Preference // Harvard International Journal of Press/Politics. 2004. Vol. 9. № 4. P. 95–111.

Minahan J. Miniature Empires: A Historical Dictionary of the Newly Independent States. Westport: Greenwood Publishing Group, 1998.

Minakov M. Republic of Clans: The Evolution of the Ukrainian Political System // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes / ed. by B. Magyar. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 217–245.

Mindent Beborít a Fidesz-Közeli Média // Mérték. 25.04.2019. URL: https://mertek.atlatszo.hu/mindent-beborit-a-fidesz-kozeli-media/.

Minzarari D. Disarming Public Protests in Russia: Transforming Public Goods into Private Goods // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes / ed. by B. Magyar. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 385–411.

Mises L. von. Human Action: The Scholar's Edition. Auburn Ala.: Ludwig von Mises Institute, 2010.

Mises L. von. Profit and Loss // *Mises L. von*. Planning for Freedom: And Other Essays and Addresses. Spring Mills: Libertarian Press, 1974. P. 108–150.

Mitchell M. D. The Pathology of Privilege: The Economic Consequences of Government Favoritism // SSRN Scholarly Paper. Rochester: Social Science Research Network, 2012. URL: https://papers.ssrn.com/abstract=2130566.

Mizsei K. A Bábmester a Hátsó Ajtón Távozik — Mi Történik Moldovában? [Кукловод уходит через черный ход — что происходит в Молдове?] // Azonnali (blog). 30.06.2019. URL: http://azonnali.hu/cikk/20190630_a-babmester-a-hatso-ajton-tavozik-mi-tortenik-moldovaban-mizsei-kalman.

Mizsei K. The New East European Patronal States and the Rule-of-Law // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes / ed. by B. Magyar. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 531–610.

Mochtak M. Fighting and Voting: Mapping Electoral Violence in the Region of Post-Communist Europe // Terrorism and Political Violence. 2018. Vol. 30. № 4. P. 589–615.

Moiseev V., Kramskoy S., Zhigaeva K., Sudorgin O. Social Policy in Russia: Promises and Reality. Atlantis Press, 2019.

Mong A. Milliárdok Mágusai: A Brókerbotrány Titkai [«Магия» миллиардов: Секреты брокерского скандала]. Budapest: Vízkapu, 2003.

Moody-Stuart G. Grand Corruption: How Business Bribes Damage Developing Countries. Oxford: WorldView, 1997.

Moore G. The Structure of a National Elite Network // American Sociological Review. 1979. Vol. 44. № 5. P. 673–692.

Morel L. Referendum // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / ed. by M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 501–528.

Morlino L. Democratic Consolidation // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 459–464.

Motyl A. Putin's Russia as a Fascist Political System // Communist and Post-Communist Studies. 2016. Vol. 49. № 1. P. 25–36.

Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. № 4. P. 541–563.

Mudde C. The Problem with Populism // The Guardian. 17.02.2015. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/17/problem-populism-syriza-podemos-dark-side-europe.

Mudde C., Kaltwasser C.R. Exclusionary vs. Inclusionary Populism: Comparing Contemporary Europe and Latin America // Government and Opposition. 2013. Vol. 48. № 2. P. 147–174.

Mudde C., Kaltwasser C.R. Populism // The Oxford Handbook of Political Ideologies / ed. by M. Freeden, L.T. Sargent, M. Stears. Oxford: OUP Oxford, 2013. P. 493–513.

Mukhopadhyay D. Warlords, Strongman Governors, and the State in Afghanistan. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Müller J.-W. What Is Populism? University of Pennsylvania Press, 2016.

Müller M. Goodbye, Postsocialism! // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71. № 4. P. 533–550.

Müller W.C., Strøm K., eds. Policy, Office, Or Votes?: How Political Parties in Western Europe Make Hard Decisions. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Mungiu-Pippidi A. Romania's Italian-Style Anticorruption Populism // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 3. P. 104–16.

Muqiao X. China's Socialist Economy. Beijing: Foreign Languages Press, 1981.

Murphy W.F. Constitutions, Constitutionalism, and Democracy // Constitutionalism and Democracy: Transitions in the Contemporary World / ed. by D. Greenberg, S.N. Katz, S.C. Wheatley, M. Beth Oliviero. New York: Oxford University Press, 1993. P. 3–25.

Musacchio A., Lazzarini S. G., Aguilera R. V. New Varieties of State Capitalism: Strategic and Governance Implications // Academy of Management Perspectives. 2015. Vol. 29. № 1. P. 115–131.

Nagy C. Á. The Taming of Civil Society // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 559–574.

Nagy G. M. Club Rezsim: Mészáros Lőrincék Átszabják Balatonaligát [Клубный режим: Месарош Лёринц и его друзья реформируют Балатоналигу] // Magyar Narancs. 09.02.2019. URL: https://magyarnarancs.hu/belpol/club-rezsim-121640.

Naím M. Mafia States: Organized Crime Takes Office // Foreign Affairs. 20.04.2012.

Naím M. Missing Links: What Is a GONGO? // Foreign Policy. 2009. № 160. P. 95–96.

Nardelli A., Grozev C., Kozyreva T., Dobrokhotov R. Unmasked: The Russian Men At The Heart Of Italy's Russian Oil Scandal // BuzzFeed News. 03.09.2019. URL: https://www.buzzfeednews.com/article/albertonardelli/russians-matteo-salvini-metropol-meeting-italy-russia-oil.

Naudé W., Santos-Paulino A. U., McGillivray M. Fragile States: Causes, Costs, and Responses. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Nazarbayev's Christmas Tree. URL: https://www.elka-nazarbaeva.net/en/.

Nelson R. Capitalism as a Mixed Economic System // The Oxford Handbook of Capitalism / ed. by D. C. Mueller. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. P. 277–298.

Nem ártatlannak való vidék [Невиновным тут не место] // hvg.hu. 23.01.2013. URL: https://hvg.hu/velemeny.nyuzsog/20130123_Nem_artatlannak_valo_videk.

Neuman G. Subsidiarity // The Oxford Handbook of International Human Rights Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 360–378.

Niebuhr R. Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics. Eugene, Oregon: Wipf and Stock Publishers, 2010.

Nikoladze T. Protests in Tbilisi Continue after Dispersal — Demonstrators Plan to Disrupt Parliament. 20.11.2019. URL: https://jam-news.net/protests-in-tbilisi-continue-after-dispersal-demonstrators-plan-to-disrupt-parliament/.

Nodia G. External Influence and Democratization: The Revenge of Geopolitics // Journal of Democracy. 2014. Vol. 25. № 4. P. 139–150.

Nölke A., Vliegenthart A. Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // World Politics. 2009. Vol. 61. № 4. P. 670–702.

Norris P. Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Norris P. The Evolution of Election Campaigns: Eroding Political Engagement? // Paper for the conference on Political Communications in the 21st Century, St Margaret's College. University of Otago, New Zealand, 2004.

Norris P., Inglehart R. Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. New York, NY: Cambridge University Press, 2019.

North D. C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112.

North D. C. Structure and Change in Economic History. New York: W. W. Norton & Co, 1981.

North D. C. Transaction Costs, Institutions, and Economic History // Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1984. Vol. 140. № 1. P. 7–17.

Novak B. Hungary Has Legalized Corruption, Says TI Legal Director Miklós Ligeti // The Budapest Beacon (blog). 24.01.2017. URL: https://budapestbeacon.com/hungary-has-legalized-corruption-says-ti-legal-director-miklos-ligeti/.

Nozick R. Anarchy, State and Utopia. New York: Basic Books, 1999.

Nureev R. Power-Property as a Path-Dependence Problem: The Russian Experiance. Paper presented at the 24th Annual Conference of the European Association for Evolutionary Political Economy (EAEPE). Krakow, 2012.

Oates S. The Neo-Soviet Model of the Media // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59. № 8. P. 1279–1197.

Oberschall A. Social Conflict and Social Movements. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1973.

O'Donnell G. The Quality of Democracy: Why the Rule of Law Matters // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. № 4. P. 32–46.

O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1986.

Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. 1991. Vol. 58. № 4. P. 865–892.

Offe C. Civil Society and Social Order: Demarcating and Combining Market, State and Community // European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie. 2000. Vol. 41. № 1. P. 71–94.

Offe C. Political Corruption: Conceptual and Practical Issues // Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition / ed. by J. Kornai, S. Rose-Ackerman. New York: Palgrave MacMillan, 2004. P. 77–99.

Offe C. The Politics and Economics of Post-Socialist Capitalism in Central East Europe // 20 Years since the Fall of the Berlin Wall: Transitions, State Break-Up and Democratic Politics in Central Europe and Germany / ed. by E. Bakke, I. Peters. Berlin: BWV Verlag, 2011. P. 25–42.

Okara A. Sovereign Democracy: A New Russian Idea or a PR Project? // Russia in Global Affairs. 2007. Vol. 5. № 3. P. 8–20.

O'Neil P. H. The Deep State: An Emerging Concept in Comparative Politics // SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2017.

Ong L. H. «Thugs-for-Hire»: Subcontracting of State Coercion and State Capacity in China // Perspectives on Politics. 2018. Vol. 16. № 3. P. 680–695.

Oniani E. Towards Strengthening the Rule of Law through Independent Judiciary: Georgian Experience: presented at the «Partners in Eastern Europe: Multiple Crossroads»: Conference. Budapest, 09.12.2019.

Orbán és Polt fergetegesen érezte magát a pénteki meccsen — fotó [Орбан и Польт отлично провели время на матче в пятницу — фото] // hvg.hu. 20.05.2016. URL: https://hvg.hu/itthon/20160520_Orban_es_Polt_fergetegesen_jol_erezte_magat_a_penteki_meccsen__foto.

Orbán K. Száz Év Szorongás: A Magyar Politika a Felzárkózás Ellen [Сто лет беспокойства: Венгерская политика против догоняющего развития] // Hegymenet / ed. by A. Jakab, L. Urbán. Budapest: Osiris Kiadó, 2017. P. 74–85.

Orbán V. A Munkaalapú Állam Korszaka Következik [Приближается эра рабочего государства]: речь, произнесенная в XXV Летнем университете и студенческом лагере в Бэиле-Тушнад (Тушнадфюрдё). 26.07.2014.

Orbán V. Magyarország Jövője Jövőre [Что ждет Венгрию в будущем году]: речь, произнесенная в XVI Летнем университете и студенческом лагере в Бэиле-Тушнад (Тушнадфюрдё). 23.07.2005. URL: http://2001-2006.orbanviktor.hu/hir.php?aktmenu=3_3&id=2215.

Orbán V. Megőrizni a Létezés Magyar Minőségét [Сохраняя венгерское качество жизни] // Nagyítás. 17.02.2010. URL: http://tdyweb.wbteam.com/Orban_Megorizni.htm.

Orbán V. Speech at the 29th Bálványos Summer Open University and Student Camp. 28.07.2018. URL: https://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/the-prime-minister-s-speeches/prime-minister-viktor-orban-s-speech-at-the-29th-balvanyos-summer-open-university-and-student-camp.

Oroszi B. Fidesz-közeli oligarchákhoz került a Vajna-örökség legjava [Oligarchs near Fidesz get the best of the Vajna heirloom] // HVG.hu. 14.05.2020. URL: https://hvg.hu/gazdasag/20200514_andy_vajna_vagyon_oligarcha_vida_meszaros.

Oroszi B. Hungarian Government Classified Whether Russia Gets Compensation If Paks II Nuclear Plant Expansion Is Called Off // Atlatszo.hu (blog). 07.02.2018. URL: https://english.atlatszo.hu/2018/02/07/hungarian-government-classified-whether-russia-gets-compensation-if-paks-ii-nuclear-plant-expansion-is-called-off/.

Orsi D., ed. The «Clash of Civilizations» 25 Years On: A Multidisciplinary Appraisal. Bristol: E-International Relations, 2018.

Orts E. The Rule of Law in China // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2000. № 33. P. 314–317.

Paczyński W. Oil and Gas Wealth — the Impact on Development Prospects of CIS Countries // The Resource Wealth Burden: Oil and Gas Sectors in the Former USSR / ed. by A Łabuszewska. Prace OSW / CES Studies. Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2003. URL: http://pdc.ceu.hu/archive/00001675/01/PRACE12en.pdf.

Padgett J., Ansell C. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434 // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98. № 6. P. 1259–1319.

Pakulski J., Waters M. The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society // Theory and Society. 1996. Vol. 25. № 5. P. 667–691.

Palánkai T. Az Európai Integráció Gazdaságtana [Экономика европейской интеграции]. Budapest: Aula Kiadó, 2001.

Palonen E. Political Polarisation and Populism in Contemporary Hungary // Parliamentary Affairs. 2009. Vol. 62. № 2. P. 318–334.

Panyi S. Orbán Is a Tool in Putin's Information War against the West // Index.hu. 04.02.2017. URL: http://index.hu/kulfold/2017/02/04/orban_is_a_tool_for_putin_in_his_information_war_against_the_west/.

Papkova I. The Orthodox Church and Russian Politics. New York: OUP USA, 2011.

Pappas T. Are Populist Leaders «Charismatic»? The Evidence from Europe // Constellations. 2016. Vol. 23. № 3. P. 378–390.

Pappas T. Distinguishing Liberal Democracy's Challengers // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 4. P. 22–36.

Pappas T. Populism and Liberal Democracy: A Comparative and Theoretical Analysis. New York: Oxford University Press, 2019.

Pappas T. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary // Government and Opposition. 2014. Vol. 49. № 1. P. 1–23.

Pappas T. Populists in Power // Journal of Democracy. 2019. Vol. 30. № 2. P. 70–84.

Pareto V. The Governing Elite in Present-Day Democracy // Classes and Elites in Democracy and Democratization / ed. by E. Etzioni-Halévy. New York: Garland, 1997. P. 47–52.

Pásztóy A. A Munka Neoliberális Világa Egy Illiberális Demokráciában [Неолиберальная трудовая деятельность в нелиберальной демократии] // Neoliberális Hegemónia Magyarországon: Elemzés És Kritika [Неолиберальная гегемония в Венгрии: анализ и критика] / ed. by A. Antal. Progress Könyvek. Budapest: Noran Libro, 2019. P. 74–92.

Patients Bearing Gifts // The Economist. 24.03.2015. URL: https://www.economist.com/europe/2015/03/24/patients-bearing-gifts.

Pavlović D. Mašina Za Rasipanje Para: Pet Meseci u Ministarstvu Privrede [Машина по растрате денег: пять месяцев в Министерстве экономики]. Belgrade: Dan Graf, 2016.

Pei M. Comment: How Will China Democratize? // Journal of Democracy. 2007. Vol. 18. № 3. P. 53–57.

Pei M. From Reform to Revolution: The Demise of Communism in China and the Soviet Union. Cambridge; London: Harvard University Press, 2009.

Peña A. M., Davies T. Responding to the Street: Government Responses to Mass Protests in Democracies // Mobilization: An International Quarterly. 2017. Vol. 22. № 2. P. 177–200.

Persily N. The 2016 U.S. Election: Can Democracy Survive the Internet? // Journal of Democracy. 2017. Vol. 28. № 2. P. 63–76.

Peters A., Ley I., eds. The Freedom of Peaceful Assembly in Europe. Baden-Baden: Nomos, 2016.

Peters B. G. Institutional Theory in Political Science*:* The New Institutionalism. New York: Bloomsbury Publishing USA, 2011.

Pethő A, Vorák A. Orbán Öt Éve Harcol Az EU-Val. Legszűkebb Köre Addig Gazdagodott Belőle [Орбан пять лет боролся с ЕС. За это время его ближайший круг разбогател за счет средств ЕС] // 444.hu (Direkt36) (blog). 26.02.2015. URL: http://444.hu/2015/02/26/orban-ot-eve-harcol-az-eu-val-legszukebb-kore-addig-gazdagodott-belole.

Petrov N. Putin's Neo-Nomenklatura System and Its Evolution // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 179–215.

Petrov N., Lipman M., Hale H. Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. № 1. P. 1–26.

Petsinis V. Identity Politics and Right-Wing Populism in Estonia: The Case of EKRE // Nationalism and Ethnic Politics. 2019. Vol. 25. № 2. P. 211–230.

Pettai V. Understanding Politics in Estonia: The Limits of Tutelary Transition // Pathways: A Study of Six Post-Communist Countries / ed. by K. H. Pedersen, L. Johannsen. ISD LLC, 2009. P. 69–87.

Pettai V., Ivask P. Estonia // Nations in Transit 2018. Freedom House, 2018. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/NIT2018_Estonia.pdf.

Peyrouse S. The Kazakh Neopatrimonial Regime: Balancing Uncertainties Among the «Family», Oligarchs and Technocrats // Demokratizatsiya. 2012. Vol. 20. № 4. P. 345–370.

Peyrouse S. The Russian Minority in Central Asia: Migration, Politics, and Language // Kennan Institute Occasional Papers. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2008. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/OP297_russian_minority_central_asia_peyrouse_2008.pdf.

Pikulik A. Belarus, Russia, and Ukraine as Post-Soviet Rent-Seeking Regimes // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 489–505.

Pintér új ötlete: napszámosnak lehetne igényelni a közmunkásokat [Новая идея Пинтера: людей на общественных работах можно использовать в качестве поденщиков] // hvg.hu. 12.06.2015. URL: https://hvg.hu/itthon/20150612_Pinter_uj_otlete_napszamosnak_lehetne_ige.

Podgórecki A. Totalitarian Law: Basic Concepts and Issues // Totalitarian and Post-Totalitarian Law / ed. by A. Podgórecki, V. Olgiati. Dartmouth, 1996. Aldershot; Brookfield: Dartmouth, 1996. P. 3–38.

Pogátsa Z. A Neoliberalizmus Politikai Gazdaságtana [Политическая экономия неолиберализма] // Neoliberális Hegemónia Magyarországon: Elemzés És Kritika [Неолиберальная гегемония в Венгрии: анализ и критика]. Budapest: Noran Libro, 2019. P. 50–73.

Poirot P. L. Ownership as a Social Function // Toward Liberty: Essays in Honor of Ludwig von Mises on the Occasion of His 90th Birthday / ed. by G. R. Velasco, F. A. Harper, L. E. Read, H. Hazlitt, and F. A. Hayek. Menlo Park, California: Institute for Humane Studies, 1971. Vol. 2. P. 293–298.

Polányi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston: Beacon Press, 2001.

Polese A., Ó Beacháin D. The Color Revolution Virus and Authoritarian Antidotes: Political Protest and Regime Counterattacks in Post-Communist Spaces // Demokratizatsiya. 2011. Vol. 19. № 2. P. 111–132.

Political Discrimination in Hungary: Case Studies from the Hungarian Justice System, Local Government, Media, Agriculture, Education and Civil Sector. Brussels: Policy Solutions, 2017. URL: https://www.policysolutions.hu/userfiles/elemzes/265/political_discrimination_in_hungary.pdf.

Politkovskaya A. A Russian Diary: A Journalist's Final Account of Life, Corruption, and Death in Putin's Russia. London: Random House Publishing Group, 2009.

Pomerantsev P. Nothing Is True and Everything Is Possible. New York: Public Affairs, 2014.

Pomerantsev P. The Kremlin's Information War // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 4. P. 40–50.

Pomerantsev P. This Is Not Propaganda: Adventures in the War Against Reality. New York, NY: Public Affairs, 2019.

Pomerantsev P., Weiss M. The Menace of Unreality: How the Kremlin Weaponizes Information, Culture and Money. New York: Institute of Modern Russia, 2014. URL: http://www.interpretermag.com/wp-content/uploads/2014/11/The_Menace_of_Unreality_Final.pdf.

Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2000.

Pop-Eleches G., Robertson G. After the Revolution // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61. № 4. P. 3–22.

Pop-Eleches G., Tucker J. Communism's Shadow: Historical Legacies and Contemporary Political Attitudes. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2017.

Popescu N. «Outsourcing» de Facto Statehood: Russia and the Secessionist Entities in Georgia and Moldova // CEPS Policy Briefs. 2006. № 1–12. P. 1–8.

Popova M. Putin-Style «Rule of Law» & the Prospects for Change // Dædalus — Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2017. Vol. 146. № 2. P. 64–75.

Popovic S. Blueprint for Revolution: How to Use Rice Pudding, Lego Men, and Other Nonviolent Techniques to Galvanize Communities, Overthrow Dictators, or Simply Change the World. New York: Spiegel & Grau, 2015.

Posner R. A. Antitrust Law. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

Prooijen J.-W. van, Krouwel A. P. M., Pollet T. V. Political Extremism Predicts Belief in Conspiracy Theories // Social Psychological and Personality Science. 2015. Vol. 6. № 5. P. 570–578.

Przeworski A. Transitions to Democracy // Democracy and the Market. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 51–99.

Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J. A., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. New York: Cambridge University Press, 2000.

Pu X. Z. How to Block the Connection between «Public Power» and «Private Desires» // CAAS Journal of Political Science. 2009. № 6. P. 31–37.

Qiang X. President Xi's Surveillance State // Journal of Democracy. 2019. Vol. 30. № 1. P. 53–67.

Raby D. L. Controlled, Limited and Manipulated Opposition under a Dictatorial Regime: Portugal, 1945–1949 // European History Quarterly. 1989. Vol. 19. № 1. P. 63–84.

Rádi A. Indebtedness of National Oligarchs Risk Banking System, Experts Say // Atlatszo.hu (blog). 02.02.2018. URL: https://english.atlatszo.hu/2018/02/02/indebtedness-of-national-oligarchs-risk-banking-system-experts-say/.

Radnitz S. In Georgia, Two Machines Are Better Than One // Foreign Policy (blog). 27.09.2012. URL: https://foreignpolicy.com/2012/09/27/in-georgia-two-machines-are-better-than-one/.

Radnitz S. Oil in the Family: Managing Presidential Succession in Azerbaijan // Coloured Revolutions and Authoritarian Reactions / ed. by E. Finkel, Y. M. Brudny. London: Routledge, 2013. P. 60–77.

Radnitz S. The Color of Money: Privatization, Economic Dispersion, and the Post-Soviet «Revolutions» // Comparative Politics. 2010. Vol. 42. № 2. P. 127–146.

Raico R. The Theory of Economic Development and the European Miracle // The Collapse of Development Planning / ed. by P.J. Boettke. New York; London: NYU Press, 1994. P. 37–58.

Rapoza K. Russia's Top 10 Most Influential: A Spy, A Woman And Only One Private Company // Forbes. 03.09.2018. URL: https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2018/09/03/russias-top-10-most-influential-only-one-woman-and-one-private-company/.

Ratliff T., Hall L. Practicing the Art of Dissent: Toward a Typology of Protest Activity in the United States // Humanity & Society. 2014. Vol. 38. № 3. P. 268–294.

Rawls J. A Theory of Justice: Revised Edition. Belknap Press. Cambridge: Harvard University Press, 1999.

Rawls J. Justice as Fairness: A Restatement. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Reh C.I. Informal Politics Undemocratic? Trilogues, Early Agreements and the Selection Model of Representation // Journal of European Public Policy. 2014. Vol. 21. № 6. P. 822–841.

Rényi P D. A Százmilliárdos Bombaüzlet, Amit Orbán Inkább Elvitt Felcsútról [Джекпот в 100 миллиардов, который Орбан решил забрать у Фельчута] // 444 — Tldr (blog). 04.11.2019. URL: https://tldr.444.hu/2019/11/04/a-szazmilliardos-bombauzlet-amit-orban-inkabb-elvitt-felcsutrol.

Rényi P.D. Ez Nem Újságírás, Ez Politikai Nehézfegyverzet [Это не журналистика, это политическая тяжелая артиллерия] // 444 — Tldr (blog). 18.05.2017. URL: https://tldr.444.hu/2017/05/18/fideszmedia.

Rényi P.D. The Rise and Fall of the Man Who Created Viktor Orbán's System // 444 — Tldr (blog). 22.04.2019. URL: https://tldr.444.hu/2019/04/22/the-rise-and-fall-of-the-man-who-created-viktor-orbans-system.

Reus-Smit C., Snidal D., eds. The Oxford Handbook of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Riabov O., Riabova T. The Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism, and the Legitimation of Power Under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61. № 2. P. 23–35.

Richards R.A. Biological Classification: A Philosophical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Ripp Z. The Opposition of the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 575–609.

Roache M. Poland Is Trying to Make Abortion Dangerous, Illegal, and Impossible // Foreign Policy. 01.08.2019. URL: https://foreignpolicy.com/2019/01/08/poland-is-trying-to-make-abortion-dangerous-illegal-and-impossible/.

Roberts A. Czech Democracy in the Eyes of Czech Political Scientists. East European Politics. 2017. Vol. 33. № 4. P. 562–572.

Robertson G. Society: Protest, Civil Society, and Regime in Putin's Russia // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 3. P. 528–547.

Robinson N. Russian Patrimonial Capitalism and the International Financial Crisis // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2011. Vol. 27. № 3–4. P. 434–455.

Rochlitz M., Kulpina V., Remington T., Yakovlev A. Performance Incentives and Economic Growth: Regional Officials in Russia and China // Eurasian Geography and Economics. 2015. Vol. 56. № 4. P. 421–445.

Rogoff K., Sibert A. Elections and Macroeconomic Policy Cycle // The Review of Economic Studies. 1988. Vol. 55. № 1. P. 1–16.

Rohac D. Authoritarianism in the Heart of Europe // American Enterprise Institute, 2018. URL: http://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/07/Authoritarianism-in-the-Heart-of-Europe.pdf.

Rohac D., Zgut E., Győri L. Populism in Europe and Its Russian Love Affair // American Enterprise Institute, 2017. URL: http://www.aei.org/wp-content/uploads/2017/01/Populism-in-Europe-and-Its-Russian-Love-Affair.pdf.

Rojansky M. Corporate Raiding in Ukraine: Causes, Methods and Consequences // Demokratizatsiya. 2014. Vol. 22. № 3. P. 411–443.

Roniger L. Political Clientelism, Democracy and Market Economy // Comparative Politics. 2004. Vol. 36. № 3. 353–375

Rooduijn M. The Nucleus of Populism: In Search of the Lowest Common Denominator // Government and Opposition. 2014. Vol. 49. № 4. P. 573–599.

Rooduijn M. What Unites the Voter Bases of Populist Parties? Comparing the Electorates of 15 Populist Parties // European Political Science Review. 2018. Vol. 10. № 3. P. 351–368.

Roper S. D. Romania: The Unfinished Revolution. London: Routledge, 2004.

Roper S. D. Post-Soviet Moldova's National Identity and Foreign Policy // Europe's Last Frontier?: Belarus, Moldova, and Ukraine between Russia and the European Union / ed. by O. Schmidtke, S. Yekelchyk. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 79–96.

Rotenberg R. May Day Parades in Prague and Vienna: A Comparison of Socialist Ritual // Anthropological Quarterly. 1983. Vol. 56. № 2. P. 62–68.

Rothbard M. For a New Liberty: The Libertarian Manifesto. Alabama: Ludwig von Mises Institute, 2006.

Rothbard M. Man, Economy, and State with Power and Market: The Scholar's Edition. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 2011.

Rothbard M. The Ethics of Liberty. New York: NYU Press, 1998.

Rouda U. Is Belarus a Classic Post-Communist Mafia State? // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 247–274.

Rubin M., Zholobova M., Badanin R. Master of Puppets: The Man Behind the Kremlin's Control of the Russian Media // The Project. 05.06.2019. URL: https://www.proekt.media/portrait/alexey-gromov-eng/.

Russell J. Chechen Elites: Control, Cooption or Substitution? // Elites and Identities in Post-Soviet Space / ed. by D. Lane. New York: Routledge, 2013. P. 149–164.

Russia: Draconian Penalties for Peaceful Protests // Human Rights House Foundation. 10.06.2012. URL: https://humanrightshouse.org/articles/russia-draconian-penalties-for-peaceful-protests/.

Russia: Mass Detentions after Putin Critic Navalny Jailed // BBC News. 03.02.2021. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-55913614.

Russian Lawmakers Back Law Jailing Anyone Urging Teenagers to Protest // Reuters. 18.12.2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-russia-protests-law-idUSKBN1OH1FW.

Russia's Putin Signs Anti-Protest Law before Rally // Reuters. 08.06.2012. URL: https://www.reuters.com/article/us-russia-protests-idUSBRE8570ZH20120608.

Ryabov A. The Institution of Power&Ownership in the Former U.S.S.R.: Origin, Diversity of Forms, and Influence on Transformation Processes // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 415–435.

Ryabov A. The Reasons for the Rise of Populism in Developed Countries and Its Absence in the Post-Soviet Space // Populism as a Common Challenge / ed. by C. Crawford, B. Makarenko, N. Petrov. Moscow: Political encyclopedia, 2018. P. 37–46.

Saakashvili M., Bendukidze K. Georgia: The Most Radical Catch-Up Reforms // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 149–163.

Sadurski W. Poland's Constitutional Breakdown. Oxford: Oxford University Press, 2019.

Sajó A. Clientelism and Extortion: Corruption in Transition // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook. Budapest; New York: CEU Press, 2002. P. 1–21.

Sajó A. Limiting Government: An Introduction to Constitutionalism. Budapest; New York: CEU Press, 1999.

Sakwa R. Putin and the Oligarchs // New Political Economy. 2008. Vol. 13. № 2. P. 185–191.

Sakwa R. Soviet Politics in Perspective. London; New York: Routledge, 1998.

Sakwa R. Systemic Stalemate: Reiderstvo and the Dual State // The Political Economy of Russia. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. P. 69–96.

Sallai D., Schnyder G. The transformation of post-socialist capitalism — from developmental state to clan state? Greenwich Papers in Political Economy. University of Greenwich: Greenwich Political Economy Research Centre, 2018.

Sallai D., Schnyder G. What Is «Authoritarian» About Authoritarian Capitalism? The Dual Erosion of the Private–Public Divide in State-Dominated Business Systems // Business & Society. 15.01.2020.

Sándor K. Miért Nemzeti a Trafik? [Почему табачные магазины принадлежат государству?] // Galamus (blog). 02.10.2013. URL: http://www.galamus.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=219953:miert-nemzeti-a-trafik-218926&catid=68:cssandorklara&Itemid=133.

Sárközy T. Illiberális Kormányzás a Liberális Európai Unióban: Politikailag Igen Sikeres Túlhajtott Plebejus Kormányzás — a Harmadik Orbán-Kormány, 2014–2018 [Нелиберальное управление в либеральном Европейском союзе: Политически успешное, чрезмерное и вульгарное управление — третье правительство Орбана, 2014–2018]. Budapest: Libri Kiadó, 2019.

Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry Into Structures, Incentives, and Outcomes. New York: NYU Press, 1997.

Sartori G. Comparing and Miscomparing // Journal of Theoretical Politics. 1991. Vol. 3. № 3. P. 243–257.

Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. 1970. Vol. 64. № 4. P. 1033–1053.

Sartori G. Constitutionalism: A Preliminary Discussion // The American Political Science Review. 1962. Vol. 56. № 4. P. 853–864.

Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Sata R., Karolewski I. P. Caesarean Politics in Hungary and Poland // East European Politics. 19.12.2019. P. 1–20.

Savage P. The Russian National Guard: An Asset for Putin at Home and Abroad // American Security Project. 2017. URL: https://www.americansecurityproject.org/wp-content/uploads/2017/12/Ref-0208-Russian-National-Guard.pdf.

Scarrow S. Political Finance in Comparative Perspective // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. № 1. P. 193–210.

Schabert T. Boston Politics: The Creativity of Power. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989.

Schedler A. Authoritarianism's Last Line of Defense // Journal of Democracy. 2010. Vol. 21. № 1. P. 69–80.

Schedler A. Democracy's Past and Future // Journal of Democracy. 2010. Vol. 21. № 1. P. 5–8.

Schedler A. The Logic of Electoral Authoritarianism // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. Boulder: Lynne Rienner Publishers, Inc., 2006. P. 1–23.

Schedler A. The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2. P. 36–50.

Scheiring G. Egy demokrácia halál [Как умирает демократия]. Budapest: Napvilág Kiadó, 2019.

Scheirin G. The Retreat of Liberal Democracy: Authoritarian Capitalism and the Accumulative State in Hungary. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.

Scheiring G., Szombati K. The Structural Trap of Labour Politics in Hungary // Rupture Magazine. 04.08.2019. URL: https://rupturemagazine.org/2019/08/04/the-structural-trap-of-labour-politics-in-hungary-gabor-scheiring-kristof-szombati/.

Schelling T.C. Strategies of Commitment // Strategies of Commitment and Other Essays. Harvard: Harvard University Press, 2007. P. 1–26.

Scheppele K.L. Autocratic Legalism // University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85. № 2. P. 545–583.

Scheppele K.L. Making Infringement Procedures More Effective: A Comment on Commission v. Hungary, Case C-288/12 (08.04.2014) (Grand Chamber) // Verfassungsblog (blog). 30.04.2014. URL: https://verfassungsblog.de/making-infringement-procedures-more-effective-a-comment-on-commission-v-hungary/.

Scheppele K.L. Orban's Emergency // Verfassungsblog (blog). 29.03.2020. URL: https://verfassungsblog.de/orbans-emergency/.

Schimmelfennig F., Sedelmeier U. The Europeanization of Central and Eastern Europe. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2005.

Schlager E., Ostrom E. Property-Rights Regimes and Natural Resources: A Conceptual Analysis // Land Economics. 1992. Vol. 68. № 3. P. 249–262.

Schlumberger O. Rents, Reform, and Authoritarianism in the Middle East // Internationale Politik Und Gesellschaft. 2006. № 2. P. 43–57.

Schmidt D.K., Heilmann S. 2.5. Provincial- and Municipal-Level Governments // China's Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 85–93.

Schmid M. Nyugaton a Helyzet Változóban [Не все спокойно на западном фронте]. Budapest: Közép- és Kelet-európai Történelem és Társadalom Kutatásáért Közalapítvány, 2013.

Schmitter P.C. Transitology: The Science or the Art of Democratization? // The Consolidation of Democracy in Latin America / ed. by J.S. Tulchin. Boulder: Lynne Rienner, 1995. P. 11–41.

Schmitter P.C., Karl T.L. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 1. P. 173–185.

Schmitter P.C., Karl T.L. What Democracy Is... and Is Not // Journal of Democracy. 1991. Vol. 2. № 3. P. 3–16.

Schmitz R. As An Election Nears In Poland, Church And State Are A Popular Combination // NPR.org. 12.10.2019. URL: https://www.npr.org/2019/10/12/768537341/as-an-election-nears-in-poland-church-and-state-are-a-popular-combination.

Schneider F., Enste D. The Shadow Economy: An International Survey. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Schneper W.D., Guillén M.F. Stakeholder Rights and Corporate Governance: A Cross-National Study of Hostile Takeovers // Administrative Science Quarterly. 2004. Vol. 49. № 2. P. 263–295.

Schoeller-Schletter A. Structural Deficits in Legal Design and Excessive Executive Power in the Context of Transition in Uzbekistan // Patterns of Transformation in and around Uzbekistan / ed. by P. Sartori, T. Trevisani. Reggio Emilia: Diabasis, 2007. P. 134–149.

Sebestyén E. Az Orbán-Kormány És a Társadalom Tranzakcióanalízise — A Maffiaállam Megvéd Az Önállóságtól [Транзакционный анализ правительства Орбана и общества — Мафиозное государство защищает от экономической независимости] // Magyar Polip 3 — A Posztkommunista Maffiaállam. Budapest: Noran Libro, 2015. P. 410–426.

Sedelmeier U. Political Safeguards against Democratic Backsliding in the EU: The Limits of Material Sanctions and the Scope of Social Pressure // Journal of European Public Policy. 2017. Vol. 24. № 3. P. 337–351.

Seligman A. Animadversions Upon Civil Society and Civic Virtue in the Last Decade of the Twentieth Century // Civil Society: Theory, History, Comparison / ed. by J. Hall. Cambridge: Polity, 1995. P. 200–223.

Sen A. Democracy as a Universal Value // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. № 3. P. 3–17.

Shenfield S. Pripiski: False Statistical Reporting in Soviet-Type Economies // Corruption: Causes, Consequences and Control / ed. by M. Clarke. London: Francis Pinter, 1983. P. 239–258.

Shentov O., Stefanov R., Vladimirov M., eds. The Russian Economic Grip on Central and Eastern Europe. Abingdon; New York: Routledge, 2018.

Shilling G. «People's Democracy» in Soviet Theory-I // Soviet Studies. 1951. Vol. 3. № 1. P. 16–33.

Shirk S.L. The Political Logic of Economic Reform in China. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1993.

Shklar J. Legalism: Law, Morals, and Political Trials. Cambridge; London: Harvard University Press, 1986.

Shkliarov V. Belarus Is Having an Anti-«Cockroach» Revolution // Foreign Policy. 04.06.2020. URL: https://foreignpolicy.com/2020/06/04/belarus-protest-vote-lukashenko-stop-cockroach/.

Shlapentokh V., Woods J. Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

Shleifer A., Treisman D. A Normal Country: Russia After Communism // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. № 1. P. 151–174.

Sievers E. W. Academy Science in Central Asia 1922–1998 // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22. № 2–3. P. 253–279.

Simis K. USSR: The Corrupt Society: The Secret World of Soviet Capitalism. New York: Simon & Schuster, 1982.

Simon Z. What's Boosting the World's Best-Performing Stock? // Bloomberg. 17.12.2017. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-07-25/what-s-boosting-the-world-s-best-performing-stock.

Simonovits A. The Mandatory Private Pension Pillar in Hungary: An Obituary // International Social Security Review. 2011. Vol. 64. № 3. P. 81–98.

Skaaning S.-E. Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework. Stanford University: Center on Democracy, Development and the Rule of Law, 2006.

Skilling G. Interest Groups and Communist Politics Revisited // Communist Politics: A Reader, ed. by Stephen White and Daniel N. Nelson. Macmillan International Higher Education, 1986. P. 221–242.

Skilling G. Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe. London: Palgrave Macmillan, 1989.

Smaele H. de. The Applicability of Western Media Models on the Russian Media System // European Journal of Communication. 1999. Vol. 14. № 2. P. 173–189.

Smet S. Resolving Conflicts between Human Rights: The Judge's Dilemma. New York: Routledge, 2016.

Smith A. The Wealth of Nations. New York: Bantam Classics, 2003.

Smith D. Estonia: Independence and European Integration. Oxford; New York: Routledge, 2013.

Snyder J. L. From Voting to Violence*:* Democratization and Nationalist Conflict. Norton, 2000.

Snyder T. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York: Tim Duggan Books, 2018.

Solovyov V. In Moldova's Vote, the Real Winner Is Plahotniuc // Carnegie Moscow Center (blog). 18.11.2016. URL: https://carnegie.ru/commentary/66197.

Solovyov V. Moldovan Regime Change Is Rare Example of Russian-Western Teamwork // Carnegie Moscow Center (blog). 19.06.2019. URL: https://carnegie.ru/commentary/79333.

Soós E. P. Comparing Orbánism and Gaullism: the Gaullist physiognomy of Orbán's post-2010 Hungary // Studia Politica: Romanian Political Science Review. 2015. Vol. 15. № 1. P. 91–108.

Soós K. A. Informal Pressures, Mobilization, and Campaigns in the Management of Centrally Planned Economies // Economics of Planning. 1987. Vol. 21. № 1. P. 39–48.

Soós K. A. Politics and Policies in Post-Communist Transition: Primary and Secondary Privatisation in Central Europe and the Former Soviet Union. Budapest; New York: CEU Press, 2011.

Soós K. A. Tributes Paid through Special Taxes: Populism and the Displacement of «Aliens» // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 259–278.

Sørensen A. Toward a Sounder Basis for Class Analysis // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. № 6. P. 1523–1558.

Sornette D., Woodard R. Financial Bubbles, Real Estate Bubbles, Derivative Bubbles, and the Financial and Economic Crisis // Econophysics Approaches to Large-Scale Business Data and Financial Crisis / ed. by M. Takayasu, T. Watanabe, H. Takayasu. Springer Japan, 2010. P. 101–148.

Soroka S., Blake A., Toril A., Shanto I., Curran J., Coen Sh., et al. Auntie Knows Best? Public Broadcasters and Current Affairs Knowledge // British Journal of Political Science. 2013. Vol. 43. № 4. P. 719–739.

Spaskovska L. From Feudal Socialism to Feudal Democracy — the Trials and Tribulations of the Former Yugoslav Republic of Macedonia // OpenDemocracy (blog). 23.07.2014. URL: https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/from-feudal-socialism-to-feudal-democracy-trials-and-tribulati/.

Stanley B. The Thin Ideology of Populism // Journal of Political Ideologies. 2008. Vol. 13. № 1. P. 95–110.

Staun J. Siloviki versus Liberal-Technocrats: The Fight for Russia and Its Foreign Policy. Copenhagen: DIIS Report, 2007.

Stefes C. H. Historical Institutionalism and Societal Transformations // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation / ed. by W. Merkel, R. Kollmorgen, H.-J. Wagener, 95–105. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 95–105.

Stefes C. H. Understanding Post-Soviet Transitions: Corruption, Collusion and Clientelism. New York: Springer, 2006.

Stekelenburg J. van, Klandermans B. The Social Psychology of Protest // Current Sociology. 2013. Vol. 61. № 5–6. P. 886–905.

Stephenson S. It Takes Two to Tango: The State and Organized Crime in Russia // Current Sociology. 2017. Vol. 65. № 3. P. 411–426.

Stern G. H., Feldman R. J. Too Big to Fail: The Hazards of Bank Bailouts. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004.

Sternberger, Dolf. Legitimacy // International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: Macmillan, 1968. P. 244–248.

Stigler G. The Theory of Economic Regulation // The Bell Journal of Economics and Management Science. 1971. Vol. 2. № 1. P. 3–21.

Stockman D. The Great Deformation: The Corruption of Capitalism in America. New York: Public Affairs, 2013.

Stoebuck W.B. A General Theory of Eminent Domain // Washington Law Review. 1971–1972. Vol. 47. P. 553–608.

Stokes S. Political Clientelism // The Oxford Handbook of Political Science / ed. by R.E. Goodin. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 648–672.

Stovel K., Shaw L. Brokerage // Annual Review of Sociology. 2012. Vol. 38. № 1. P. 139–158.

Stoyanov A., Gerganov A., Yalamov T. State Capture Assessment Diagnostics // Center for the Study of Democracy, 2019. URL: https://csd.bg/fileadmin/user_upload/publications_library/files/2019_06/SCAD_eng_All_06.pdf.

Stråth B. Ideology and Conceptual History // The Oxford Handbook of Political Ideologies / ed. by M. Freeden, L.T. Sargent, M. Stears. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 3–19.

Streeck W. Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism. London; New York: Verso Books, 2014.

Stulberg A.N. Out of Gas?: Russia, Ukraine, Europe, and the Changing Geopolitics of Natural Gas // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62. № 2. P. 112–130.

Sullivan E.J. A Brief History of the Takings Clause // Eminent Domain and Economic Growth: Perspectives on Benefits, Harms and New Trends / ed. by J. Gonzalez III, R. Kemp, J. Rosenthal. Jefferson: McFarland, 2018. P. 14–22.

Sun Y. China Grants Immunity to Executives to Bolster Private Sector // Financial Times. 15.12.2019. URL: https://www.ft.com/content/96ecc224-1ca6-11ea-9186-7348c2f183af.

Surányi G. Magyar Gazdaság: Jobban Teljesít? [Венгерская экономика: работает ли она лучше?]. Budapest, 2016. URL: http://republikon.hu/media/38319/suranyiprez_republikon_20161208.ppt.

Svensson J. Foreign Aid and Rent-Seeking // Journal of International Economics. 2000. Vol. 51. № 2. P. 437–461.

Swami V., Voracek M., Stieger S., Tran U.S., Furnham A. Analytic Thinking Reduces Belief in Conspiracy Theories // Cognition. 2014. Vol. 133. № 3. P. 572–585.

Sweet A.S. Constitutional Courts // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / ed. by M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 816–830.

Swianiewicz S. Forced Labour and Economic Development; an Enquiry into the Experience of Soviet Industrialization. London; New York: Oxford University Press, 1965.

Sz. Bíró Z. Az Elmaradt Alkotmányozás: Oroszország Története a XIX. Század Második Felében [The Cancelled Constitution Making: The History of Russia in the Second Half of the 19th Century]. Budapest: Osiris Kiadó, 2017.

Sz. Bíró Z. The Russian Party System // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 319–352.

Szabó A., Mikecz D. After the Orbán-Revolution: The Awakening of Civil Society in Hungary? // Social Movements in Central and Eastern Europe: A Renewal of Protests and Democracy / ed. by G. Pleyers, I.N. Sava. Bucharest: Editura Universității din București, 2015. P. 34–43.

Szabó B. Tisztességtelen Játék — Így Születnek a Sokmilliárdos NER-Vagyonok [Нечестная игра: так рождается миллиардное состояние NER] // 168 Óra. 10.11.2019. URL: http://168ora.hu/itthon/tisztessegtelen-jatek-igy-szuletnek-a-sokmilliardos-ner-vagyonok-162885.

Szabó, Miklós. A jó kommunista szilárdan együtt ingadozik a párttal: Előadások a kommunista pártok történetéről és a fekete–piros-fehér-zöld színre festett sztálinizmusról [Хороший коммунист непоколебим в своей готовности колебаться вместе с партией: Лекции по истории коммунистических партий и чёрно-красно-бело-зеленому сталинизму] / ed by J. Attila. JATEPress Kiadó, 2013.

Szabó Y. Purgatorbánium // HVG. 04.01.2019. URL: https://matarka.hu/cikk_list.php?fusz=161987.

Szakonyi P., ed. A 100 Leggazdagabb 2014. Budapest: Napi Gazdaság Kiadó, 2014.

Szakonyi P. ed. Befolyás-Barométer // A 100 Leggazdagabb 2017. Budapest: Napi.hu, 2017.

Szamosszegi A., Kyle C. An Analysis of State-Owned Enterprises and State Capitalism in China. Capital Trade, Incorporated for US-China Economic and Security Review Commission, 2011. Vol. 52.

Szczerbiak A. Dealing with the Communist Past or the Politics of the Present? Lustration in Post-Communist Poland // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. № 4. P. 553–572.

Szczerbiak A. Power without Love: Patterns of Party Politics in Post-1989 Poland // Post-Communist EU Member States: Parties and Party Systems / ed. by S. Jungerstam-Mulders. New York: Routledge, 2006. P. 91–124.

Széky J. A Tradition of Nationalism: The Case of Hungary // New Eastern Europe. 2014. Vol. XI. № 2. P. 108–115.

Széky J. Bárányvakság: Hogyan Lett Ilyen Magyarország? [Дневная слепота: Как Венгрия стала тем, чем стала?]. Bratislava: Kalligram, 2015.

Szelényi I. Capitalisms After Communism // New Left Review. 2015. Vol. II. № 96. P. 39–51.

Szelényi I., Mihályi, Péter. Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality: The Top 20%. Cham: Palgrave Pivot, 2019.

Szelényi I., Mihályi P. Varieties of Post-Communist Capitalism: A Comparative Analysis of Russia, Eastern Europe and China. Studies in Critical Social Sciences. Leiden; Boston: Brill Academic Pub, 2019.

Szelényi I., Szelényi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe: Introduction // Theory and Society. 1995. Vol. 24. № 5. P. 615–638.

Szentkirályi B. Orbán Viktor félreértett rendszere: Hogyan bukhat el a NER? [Неверно понимаемый режим Виктора Орбана: Как NER может потерпеть неудачу?] // Index.hu. 26.10.2016. URL: http://index.hu/gazdasag/2016/10/26/orban_viktor_felreertett_rendszere/.

Szepan M. 4.5 Government Involvement in the Chinese Economy // China's Political System / ed. by S. Heilmann. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. P. 207–212.

Szicherle P., Lelonek A., Mesežnikov G., Syrovatka J., Štěpánek N. Investigating Russia's role and the Kremlin's interference in the 2019 EP elections // Friedrich Naumann Foundation — Political Capital. 05.2019. URL: https://www.politicalcapital.hu/pc-admin/source/documents/pc_russian_meddling_ep2019_eng_web_20190520.pdf.

Szíjjártó P. Még több stratégiai megállapodás jöhet [Предстоят новые стратегические соглашения]: интервью с Тар Габором. Világgazdaság. 13.06.2013. URL: https://www.vg.hu/velemeny/meg-tobb-strategiai-megallapodas-johet-interju-szijjarto-peterrel-405633/.

Szilágyi Á. Kompromat and Corruption in Russia // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook. Budapest; New York: CEU Press, 2002. P. 207–231.

Sztompka P. The Sociology of Social Change. Oxford, UK; Cambridge, Mass: John Wiley & Sons, 1993.

Szűcs J. The Three Historical Regions of Europe: An Outline // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. Vol. 29. № 2/4. P. 131–184.

Taagepera R. Baltic Values and Corruption in Comparative Context // Journal of Baltic Studies. 2002. Vol. 33. № 3. P. 243–258.

Talmazan Y. Christianity Faces One of Its Biggest Splits in Centuries This Weekend // NBC News. 14.12.2018. URL: https://www.nbcnews.com/news/world/ukraine-moves-create-its-own-orthodox-church-out-russia-s-n947451.

Tamanaha B. Z. On the Rule of Law: History, Politics, Theory. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004.

Tamás G. M. A Gyurcsány-Eset [Дело Дюрчаня] // Magyar Narancs. 2011. № 21. URL: http://magyarnarancs.hu/publicisztika/a_gyurcsany-eset-76201.

Tamásné Szabó Z. Club Aliga: 350 milliót kasszírozhatnak Mészárosék a nagycsaládos üdülésből [Club Aliga: Месарош может получить 350 млн форинтов от льготного отдыха многодетных семей] // 24.hu. 09.08.2019. URL: https://24.hu/fn/gazdasag/2019/08/09/club-aliga-nagycsaladosok-erzsebet-program-nyaralas/.

Tandoc E. C., Lim Z. W., Ling R. Defining «Fake News»: A Typology of Scholarly Definitions // Digital Journalism. 2018. Vol. 6. № 2. P. 137–153.

Tansey O. The Problem with Autocracy Promotion // Democratization. 2016. Vol. 23. № 1. P. 141–163.

Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Tavares R. Draft Report on the Situation of Fundamental Rights: Standards and Practices in Hungary // Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs, 2013.

Tazmini G. The Islamic Revival in Central Asia: A Potent Force or a Misconception? // Central Asian Survey. 2001. Vol. 20. № 1. P. 63–83.

Tellér G. Született-e «Orbán-Rendszer» 2010 És 2014 Között? [Возникла ли система Орбана между 2010 и 2014 годами?] // MATARKA. 2014. № 3. P. 346–367.

Teorell J. A Deliberative Defence of Intra-Party Democracy // Party Politics. 1999. Vol. 5. № 3. P. 363–382.

The Chart of N. Nazarbayev's Family OCG. URL: https://www.elka-nazarbaeva.net/en/scheme1.jpg.

The World Factbook 2006. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 2006.

Theilmann J., Wilhite A. Campaign Tactics and the Decision to Attack // The Journal of Politics. 1998. Vol. 60. № 4. P. 1050–1062.

Theocharis Y., Lowe W., van Deth J. W., García-Albacete G. Using Twitter to Mobilize Protest Action: Online Mobilization Patterns and Action Repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi Movements // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. № 2. P. 202–220.

TI. Black Book: Corruption in Hungary 2010–2018. Budapest: Civitas Institute and Transparency International Hungary. 29.03.2018. URL: https://transparency.hu/wp-content/uploads/2018/03/Black-Book_EN.pdf.

TI. Corruption Perceptions Index 2017 // Transparency International. 21.02.2018. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017.

TI. Corruption Perceptions Index 2017 — Full Source Description // Transparency International, 2018. URL: http://files.transparency.org/content/download/2183/13748/file/CPI_2017_Technical%20Methodology%20Note_EN.pdf.

TI. What Is Grand Corruption and How Can We Stop It? // Transparency International (blog). 21.09.2016. URL: https://www.transparency.org/news/feature/what_is_grand_corruption_and_how_can_we_stop_it.

Tiido A. Where Does Russia End and the West Start? // The «Clash of Civilizations» 25 Years On: A Multidisciplinary Appraisal / ed. by D. Orsi. Bristol: E-International Relations, 2018. P. 98–111.

Tilly C. European Revolutions: 1492–1992. New York: Wiley-Blackwell, 1996.

Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading: Addison-Wesley, 1978.

Tilly C. Trust and Rule. New York: Cambridge University Press, 2005.

Tobin J. On Limiting the Domain of Inequality // The Journal of Law & Economics. 1970. Vol. 13. № 2. P. 263–277.

Tőkés R. Opposition in Eastern Europe. London: Springer, 2016.

Tölgyessy P. Válság Idején Teremtett Mozdíthatatlanság [Неподвижность, вызванная кризисом] // Társadalmi Riport 2014. Budapest: TÁRKI, 2014. P. 636–652.

Tomer J. What Is Behavioral Economics? // The Journal of Socio-Economics. 2007. Vol. 36. № 3. P. 463–479.

Tormey S. Anti-Capitalism // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization. American Cancer Society, 2012.

Török G. A tüntetésektől nem lesz vége Orbán királyságának, de fordulat jöhet [Возможно, протесты не приведут к концу царства Орбана, но перемены грядут]: Интервью Даниэля Биты и Петера Петё // 24.hu. 09.01.2019. URL: https://24.hu/belfold/2019/01/09/torok-gabor-interju/.

Tóth D., Gál L. I., Kőhalmi L. Organized Crime in Hungary // Journal of Eastern-European Criminal Law. 2015. № 1. P. 22–27.

Tóth I. J., *Hajdu M.* Versenyerősség, társadalmi veszteségek és a 25 millió forintos értékhatár rejtélye: 2009–2016 közötti magyar közbeszerzések statisztikai vizsgálata. [Интенсивность конкуренции, социальные потери и загадка порога в 25 млн форинтов: Статистический анализ государственных закупок Венгрии с 2009 по 2016 год] // Working Paper. CRCB Working Papers, 2017. URL: http://www.crcb.eu/wp-content/uploads/2017/09/t25_2017_paper_170927.pdf.

Tóth I. J. Nyolc Ábra Egy Magyar Csodáról [Восемь примеров венгерского чуда] // G7 (блог). 21.05.2019. URL: https://g7.hu/kozelet/20190521/nyolc-abra-egy-magyar-csodarol/.

Tracking the «Arab Spring» [Special Section] // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. № 4. P. 29–96.

Treisman D. The Political Economy of Change after Communism // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 273–296.

Trencsényi B. What Should I Call You? The Crisis of Hungarian Democracy in a Regional Interpretative Framework // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 3–26.

Tsygankov A. Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking after the Soviet Break-Up // Communist and Post-Communist Studies. 2003. Vol. 36. № 1. P. 1–27.

Tsvetkova M., Osborn A. Kremlin Critic Alexei Navalny Jailed, Declares Putin «the Underwear Poisoner» // Reuters. 03.02.2021. URL: https://www.reuters.com/article/us-russia-politics-navalny-idUSKBN2A20N6.

Tucker J. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5. № 3. P. 535–551.

Tullock G. The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft // Economic Inquiry. 1967. Vol. 5. № 3. P. 224–232.

Turcsányi R. Central and Eastern Europe's Courtship with China: Trojan Horse within the EU? // EU-Asia at a Glance. European Institute for Asian Studies, 2014.

Turkmenistan to Cut State Funding for Science // Business Insider. 30.01.2019. URL: https://www.businessinsider.com/ap-turkmenistan-to-cut-state-funding-for-science-2019-1.

Turovszkij D. Orosz hekkerek: Így lettek lázadókból Putyin katonái [Русские хакеры: как бунтари стали солдатами Путина]. Budapest: Athenaeum, 2020.

Turp C. Moldovan Court Prevents Pro-European Election Winner From Becoming Chisinau Mayor // Emerging Europe. 20.06.2018. URL: https://emerging-europe.com/news/moldovan-court-prevents-pro-european-election-winner-from-becoming-chisinau-mayor/.

Udvarhelyi É. T. «If We Don't Push Homeless People out, We Will End up Being Pushed out by Them»: The Criminalization of Homelessness as State Strategy in Hungary // Antipode. 2014. Vol. 46. № 3. P. 816–834.

Ungváry K. A Szembenézés Hiánya: Felelősségrevonás, Iratnyilvánosság És Átvilágítás Magyarországon 1990–2017 [Отсутствие конфронтации: судебное преследование, доступ к документам и люстрация в Венгрии 1990–2017 годов]. Budapest, 2017.

Ungváry R. A láthatatlan valóság: A fasisztoid mutáció a mai Magyarországon [Невидимая реальность: Фашизоидная мутация в современной Венгрии]. Pozsony: Kalligram, 2014.

Universal Declaration of Human Rights. Paris: United Nations, 1948. URL: http://www.un.org/en/ universal-declaration-human-rights/.

Urbinati N. Representative Democracy and Its Critics // The Future of Representative Democracy / ed. by S. Alonso, J. Keane, W. Merkel. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2011. P. 23–46.

Urfi P. Újra Meghosszabbította Az Ügyészség a Spéder Elleni Nyomozást [Прокуратура снова продлила расследование в отношении Шпедера] // 444.hu. 09.01.2018. URL: https://444.hu/2018/01/09/ujra-meghosszabbitotta-az-ugyeszseg-a-speder-elleni-nyomozast.

Ústavní soud. Nález II: ÚS 1969/10 z 27. Prosince. 2011. URL: http://nalus.usoud.cz/Search/ResultDetail.aspx?id=72560.

Vachudova M. A. Europe Undivided: Democracy, Leverage, and Integration after Communism. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Vahabi M. A Positive Theory of the Predatory State // Public Choice. 2016. Vol. 168. № 3. P. 153–175.

Vahabi M. The Political Economy of Predation: Manhunting and the Economics of Escape. New York: Cambridge University Press, 2015.

Vahabi M. The Resource Curse Literature as Seen through the Appropriability Lens: A Critical Survey // Public Choice. Vol. 75. № 3. P. 393–428.

Vámos P. A Hungarian Model for China? Sino-Hungarian Relations in the Era of Economic Reforms, 1979–1989 // Cold War History. 2018. Vol. 18. № 3. P. 361–378.

Vanderhill R. Promoting Authoritarianism Abroad. Boulder, Colo: Lynne Rienner Publishers, 2012.

Váradi B. Nothing But a Mafia State? // Brave New Hungary: Mapping the «System of National Cooperation» / ed. by J. M. Kovács, B. Trencsényi. Lanham: Lexington Books, 2019. P. 303–310.

Varese F. The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy. Oxford; New York: Oxford University Press, 2001.

Vargas-Hernández J. G. The Multiple Faces of Corruption: Typology, Forms and Levels // Organizational Immunity to Corruption: Building Theoretical and Research Foundations / ed. by A. Stachowicz-Stanusch. Information Age Publishing, 2013. P. 111–134.

Várhegyi É. A Bankszektor Elrablása [Рейдерство в банковском секторе] // Mozgó Világ. 2019. № 2. P. 3–14.

Várhegyi É. The Banks of the Mafia State // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 295–309.

Varian H. R. Intermediate Microeconomics: a Modern Approach. New York: W. W. Norton & Company, 2014.

Varshney A. Ethnicity and Ethnic Conflict // The Oxford Handbook of Comparative Politics, ed. by Carles Boix and Susan Stokes. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 274–294.

Vartanova E. The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics // Comparing Media Systems Beyond the Western World / ed. by D. Hallin, P. Mancini. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 119–143.

Vásárhelyi M. The Workings of the Media: A Brainwashing and Money-Laundering Mechanism // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / ed. by B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 491–525.

Vaskor M. Elsült a Fidesz csodafegyvere [Чудо-оружие «Фидес» выстрелило] // 24.hu. 18.04.2018. URL: https://24.hu/kozelet/2018/04/18/elsult-a-fidesz-a-csodafegyvere/.

Veebe V., Markus R. Lessons from the EU-Russia Sanctions 2014–2015 // Baltic Journal of Law & Politics. 2015. Vol. 8. № 1. P. 165–194.

Vetik R. Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia // Journal of Peace Research. 1993. Vol. 30. № 3. P. 271–280.

Viktorov I. Russia's Network State and Reiderstvo Practices: The Roots to Weak Property Rights Protection after the Post-Communist Transition // Stubborn Structures: Reconceptualizing Post-Communist Regimes. Budapest; New York: CEU Press, 2019. P. 437–459.

Volkov V. Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

Vörös I. A «Constitutional» Coup in Hungary between 2010–2014 // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 41–68.

Vörös I. Hungary's Constitutional Evolution During the Last 25 Years // Südosteuropa. 2015. Vol. 63. № 2. P. 173–200.

Voslensky M. Nomenklatura: The Soviet Ruling Class. Garden City: Doubleday, 1984.

Votes of the Poor: Public Works and the Perils of Clean Elections // Budapest: Átlátszó, K-Monitor, Political Capital, Transparency International Hungary. 16.04.2015. URL: https://www.politicalcapital.hu/wp-content/uploads/Votes_of_the_poor-public_works_and_the_perils_of_clean_elections.pdf.

Wakefield J. Russia «successfully Tests» Its Unplugged Internet // BBC News. 24.12.2019. URL: https://www.bbc.com/news/technology-50902496.

Waldner D., Smith B. Rentier States and State Transformations // The Oxford Handbook of Transformations of the State / ed. by S. Leibfried, E. Huber, M. Lange, J. D. Levy, F. Nullmeier. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 714–729.

Walker S. Anti-Asylum Orbán Makes Exception for a Friend in Need // The Guardian. 20.11.2018. URL: https://www.theguardian.com/world/2018/nov/20/anti-asylum-orban-makes-exception-for-a-friend-in-need.

Waller M. Democratic Centralism: An Historical Commentary. Manchester: Manchester University Press, 1981.

Wang P. Extra-Legal Protection in China: How Guanxi Distorts China's Legal System and Facilitates the Rise of Unlawful Protectors // The British Journal of Criminology. 2014. Vol. 54. № 5. P. 809–830.

Wang P. The Increasing Threat of Chinese Organised Crime // The RUSI Journal. 2013. Vol. 158. № 4. P. 6–18.

Wang P., Blancke S. Mafia State: The Evolving Threat of North Korean Narcotics Trafficking // The RUSI Journal. 2014. Vol. 159. № 5. P. 52–59.

Way L. The Authoritarian Threat: Weaknesses of Autocracy Promotion // Journal of Democracy. Vol. 27. № 1. P. 64–75.

Way L. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016.

Way L. Weaknesses of Autocracy Promotion // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 1. P. 64–75.

Way L., Casey A. The Structural Sources of Postcommunist Regime Trajectories // Post-Soviet Affairs. 2018. Vol. 34. № 5. P. 317–332.

Way L., Casey A. The Methodology of the Social Sciences. Illinois: The Free Press of Glengoe, 1949.

Wedel J. R. Clans, Cliques and Captured States: Rethinking «Transition» in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union // Journal of International Development. 2003. Vol. 15. № 4. P. 427–440.

Wedel J. Corruption and Organized Crime in Post-Communist States: New Ways of Manifesting Old Patterns // Trends in Organized Crime. 2001. Vol. 7. № 1. P. 3–61.

Wedeman A. Does China Fit the Model? // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 86–95.

Weems C. F., Costa N. M., Dehon C., Berman S. L. Paul Tillich's Theory of Existential Anxiety: A Preliminary Conceptual and Empirical Examination // Anxiety, Stress, & Coping. 2004. Vol. 17. № 4. P. 383–399.

Wei Sh.-J., Xie Zh., Zhang X. From «Made in China» to «Innovated in China»: Necessity, Prospect, and Challenges // The Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. № 1. P. 49–70.

Weßels B. Corporate Actors: Parties and Associations // The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation / ed. by W. Merkel, R. Kollmorgen, H.-J. Wagener. Oxford; New York: Oxford University Press, 2019. P. 426–430.

Weyland K. Autocratic Diffusion and Cooperation: The Impact of Interests vs. Ideology // Democratization. 2017. Vol. 24. № 7. P. 1235–1252.

White G. Democratization and Economic Reform in China // The Australian Journal of Chinese Affairs. 1994. Vol. 31. P. 73–92.

White S. Economic Performance and Communist Legitimacy // World Politics. 1986. Vol. 38. № 3. P. 462–482.

White S., Kryshtanovskaia O., Kukolev I., Mawdsley E., Saldin P. Interviewing the Soviet Elite // The Russian Review. 1996. Vol. 55. № 2. P. 309–316.

Whittington K., Kelemen D., Caldeira G., eds. The Oxford Handbook of Law and Politics. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Wigell M. Mapping «Hybrid Regimes»: Regime Types and Concepts in Comparative Politics // Democratization. 2008. Vol. 15. № 2. P. 230–250.

Wilkinson C. Putting «Traditional Values» Into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia // Journal of Human Rights. 2014. Vol. 13. № 3. P. 363–379.

Williams K., Deletant D. Security Intelligence Services in New Democracies: The Czech Republic, Slovakia and Romania. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2000.

Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. № 3. P. 595–613.

Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven: Yale University Press, 2005.

WJP. Rule of Law Index 2019. Washington DC: World Justice Project, 2019. URL: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/ROLI-2019-Reduced.pdf.

Wójcik A. Poland // Nations in Transit 2018. Freedom House, 2018. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/NiT2018_Poland_0.pdf.

Wolman H., McManmon R., Bell M., Brunori D. Comparing Local Government Autonomy Across States // Proceedings: Annual Conference on Taxation and Minutes of the Annual Meeting of the National Tax Association. 2008. № 101. P. 377–383.

Wood C. Is This the Beginning of Kyrgyzstan's Next Revolution? // Foreign Policy. 07.10.2020. URL: https://foreignpolicy.com/2020/10/07/beginning-kyrgyzstan-next-revolution-election-protests-bishkek/.

World Bank. Economies in Transition: An OED Evaluation of World Bank Assistance. Washington, DC: World Bank (Operations Evaluation Department), 2004. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/14885.

World Bank. GDP (Current US$). 12.09.2019. URL: https://data.worldbank.org/indicator/ny.gdp.mktp.cd.

World Bank. Population, Total. 12.09.2019. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL.

World Bank. Transition — The First Ten Years: Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington, DC: World Bank (Operations Evaluation Department), 2002. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/319481468770972868/Transition-The-first-ten-years-analysis-and-lessons-for-Eastern-Europe-and-the-former-Soviet-Union.

Wright E. O. Approaches to Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Wright E. O. Understanding Class: Towards an Integrated Analytical Approach // American Sociological Review. 2009. Vol. 67. № 6. P. 832–853.

WTO Members and Observers. 20.09.2019. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm.

WVS Database — Findings and Insights. 23.10.2018. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp.

Wyrick T. L., Arnold R. Earmarking as a Deterrent to Rent-Seeking // Public Choice. 1989. Vol. 60. № 3. P. 283–291.

Yakovlev A. The Evolution of Business: State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. № 7. P. 1033–1056.

Yan X., Huang J. Navigating Unknown Waters: The Chinese Communist Party's New Presence in the Private Sector // China Review. 2017. Vol. 17. № 2. P. 37–63.

Yang C., Harkreader R., Zhang J., Shin S., Gu G. Analyzing Spammers' Social Networks for Fun and Profit: A Case Study of Cyber Criminal Ecosystem on Twitter // Proceedings of the 21st International Conference on World Wide Web, 2012. P. 71–80.

Yashin I. Criminal Russia Party: An Independent Expert Report. Moscow: Free Russia Foundation. 2016. URL: https://www.4freerussia.org/wp-content/uploads/2016/10/Edro_full_US-paper.pdf.

Yavlinsky G. Realeconomik: The Hidden Cause of the Great Recession (and How to Avert the Next One). New Haven; London: Yale University Press, 2013.

Yavlinsky G. The Putin System: An Opposing View. New York: Columbia University Press, 2019.

Youngs R. Exploring «Non-Western Democracy» // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 4. P. 140–154.

Yu F. T. C. Campaigns, Communications, and Development in Communist China // Communication and Change in the Developing Countries. Honolulu: East-West Center Press, 1967. P. 195–215.

Yuichi Kono D., Montinola G. Does Foreign Aid Support Autocrats, Democrats, or Both? // The Journal of Politics. 2009. Vol. 71. № 2. P. 704–718.

Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 6. P. 22–43.

Zakharov N. Asymmetric Oil Price Shocks, Tax Revenues, and the Resource Curse // Economics Letters. 02.07.2019.

Zakharov N., Law I. Post-Soviet Racisms. London: Palgrave Macmillan, 2017.

Zárug P. F. Leviatán Ébredése [Пробуждение Левиафана] // Leviatán Ébredése: Avagy Illiberális-e a Magyar Demokrácia? [Пробуждение Левиафана или Либерална ли демократия в Венгрии?]. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2015. P. 127–195.

Zaslavsky V., Brym R. The Functions of Elections in the USSR // Soviet Studies. 1978. Vol. 30. № 3. P. 362–371.

Zassoursky I. Media and Power in Post-Soviet Russia. New York: Routledge, 2016.

Zengping H., Genliang J. An Institutional Analysis of China's Reform of Their Monetary Policy Framework // Working Paper. Levy Economics Institute, 2019. URL: http://www.levyinstitute.org/pubs/wp_925.pdf.

Zhu J. Corruption in Reform Era: A Multidisciplinary Review // The SAGE Handbook of Contemporary China / ed. by Y. Wu, M. W. Frazier. London: SAGE Publications Ltd, 2018. P. 302–323.

Zhu J. Corruption Networks in China: An Institutional Analysis // Routledge Handbook of Corruption in Asia / ed. by T. Gong and I. Scott. Oxford: Routledge, 2017. P. 27–41.

Zuckerman E. New Media, New Civics? // Policy & Internet. 2014. Vol. 6. № 2. P. 151–168.

Zúquente J. P. The European Extreme-Right and Islam: New Directions? // The Populist Radical Right*:* A Reader. London; New York: Taylor & Francis, 2016. P. 103–123.

Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. Oxford: Oxford University Press, 1998.

ГЛОССАРИЙ

Автократия (*Autocracy*) 7.2.1
— консервативная (*conservative*) 7.2.1
— патрональная (*patronal*) 7.2.1
Авторитаризм фрагментированный (*Fragmented authoritarianism*) 7.4.2
Актор (*Actor*)
— пользующийся идеологией (*ideology-applying*) 6.4.1.2
— ставящий под сомнение
  — легитимность режима (*legitimacy-questioning*) 4.3.2
  — политику режима (*policy-questioning*) 4.3.2
— управляемый идеологией (*ideology-driven*) 6.4.1.2
Амбиции имперские (*Imperial ambition*) 7.4.2.2
Амплитуда (*Amplitude*)
— произвола (*of arbitrariness*) 2.4.6
— уязвимости (*of vulnerability*) 5.4.1.2
Анархия олигархическая (*Oligarchic anarchy*) 2.5.1
Аппаратчик (*Administrative cadre*) 3.3.5
Аукцион (*Auction*)
— публичный (*public*) 5.5.2.1
— с ограниченным участием (*restricted*) 5.5.2.1
Бартер (*Barter*) 5.6.1.2
Беззаконие (*Lawlessness*) 4.3.5.1
Безнаказанность международная (*International impunity*) 7.4.3.2
Бизнес-группа (*Business group*) 5.4.2.3
Блат (*Blat*) 5.3.5.2
Брокер (*Broker*)
— государственного органа (*state ogarnization's representative*) 5.3.3.2
— группы корешей (*crony's representative*) 5.5.3.2
— коррупционер (*corruption*) 3.4.2
— независимый (*freelance*) 5.5.3.2
— олигарха (*oligarch's representative*) 5.5.3.2
— полигарха (*poligarch's representative*) 5.5.3.2
Бухгалтерия двойная (*Double accountancy*) 5.6.1.4
Власть (*Power*)
— закона (*rule of law*) 4.3.5.1
— неограниченная (*unconstrained*) 3.3.1
— ограниченная (*limited*) 3.3.1
— собственность (*& ownership*) 5.5.3.5
— тоталитарная (*totalitarian*) 3.3.1
Влияние западное (*Western leverage*) 7.4.4.2

Вмешательство (*Intervention*)
— военное (*military*) 7.4.2.2
— государственное (*state*) 5.4.1.1
— дискреционное (*discretional*) 5.4.1.1
— надзорное (*supervisory*) 5.4.1.2
— нормативное (*normative*) 5.4.1.1
— регуляционное (*regulatory*) 5.4.1.2
— с отъемом собственности (*property-taking*) 5.4.1.2
Война информационная (*Information war*) 7.4.2.2
Волокита бумажная (*Red tape*) 4.3.5.3
Вход / выход (*Entry / exit*)
— несвободный (*unfree*) 6.2.1.2
— свободный (*free*) 6.2.1.1
Выборы (*Election*) 4.3.3.2
— манипулируемые (*manipulated*) 4.3.3.2
— нечестные (*unfair*) 4.3.3.2
— с одним кандидатом (*uncontested*) 4.3.3.2
— честные (*fair*) 4.3.3.2
Гетерогенность режима (*Regime heterogeneity*) 7.4.3.2
Геттоизация (СМИ) (*Ghettoization* (*of media*)) 4.3.1.2
Гомогенизация режима (*Regime homogenization*) 7.4.4.2
Гомогенность режима (*Regime homogeneity*) 7.4.3.2
ГОНГО (Государством организованные негосударственные организации) (*GONGO*) 3.5.2
Госзакупка (*Public procurement*) 5.5.3.3
Господство (*Authority*)
— легально-рациональное (*legal-rational*) 4.2.5
— субстантивно-рациональное (*substantive-rational*) 4.2.5
Госслужащий (*Civil servant*) 3.3.5
Государство (*State*) 2.2.1
— всеобщего благоденствия (*welfare*) 2.3.2
— клановое (*clan*) 2.4.1
— клептократическое (*kleptocratic*) 2.4.3
— конституционное (*constitutional*) 2.3.2
— коррумпированное (*corrupt*) 2.4.4
— криминальное (*criminal*) 2.4.4
— мафиозное (организованное надполье) (*mafia* (*organized upperworld*)) 2.4.5
— неопатримониальное (*neopatrimonial*) 2.4.2
— неосултанистское (*neosultanistic*) 2.4.2
— нерелигиозное (*irreligious / anti-religious*) 3.5.3.1
— несостоявшееся (*failed*) 2.5.1
— нормальное (*normal*) 2.5.2
— «ночной сторож» (*night-watchman*) 2.3.2

— патримониальное (*patrimonial*) 2.4.2
— патрональное (*patronal*) 2.4.1
— плененное (*captured*) 2.4.4
— развития (*developmental*) 2.3.2
— рантье (*rentier*) 5.4.2.4
— рентоориентированное (*rent-seeking*) 2.4.3
— секулярное (*secular*) 3.5.3.1
— сетевое (*network*) 2.4.1
— сильное (*strong*) 2.5.2
— слабое (*weak*) 2.5.2
— субсуверенное мафиозное (*sub-sovereign mafia*) 2.5.3
— султанистское (*sultanistic*) 2.4.2
— ханжеское (*hypocrite*) 3.5.3.1
— хищническое (*predatory*) 2.4.3
— цивилизации стержневое (*core of civilization*) 7.4.3.1
Гражданин (*Citizen*) 3.5.1
Группа (*Group*)
— интересов (*interest*) 4.3.2.3
— преступная крышевателей (*criminal protection*) 2.5.2
— стигматизированная (*stigmatized*) 6.4.2.3
Двор патрона (*Patron's court*) 3.3.2
Дворяне служилые (*Service gentry*) 6.2.2.3
Действия добровольные (*Voluntary action*) 2.2.1
Демократия (*Democracy*) 7.2.1
— либеральная (*liberal*) 7.2.1
— патрональная (*patronal*) 7.2.1
Демонстрация (протесты) (*Demonstration* (*protests*)) 4.3.2.1
— ставящие под сомнение
  — легитимность режима (*legitimacy-questioning*) 4.3.2.2
  —политику режима (*policy-questioning*) 4.3.2.2
Деприватизация (*Deprivatization*) 5.5.3.3
Деформация либеральная (*Liberal deformation*) 7.4.4.2
Диктатура (*Dictatorship*) 7.2.1
— коммунистическая (*communist*) 7.2.1
— с использованием рынка (*market-exploiting*) 7.2.1
Дипломатия газпромовская (*Gazprom diplomacy*) 7.4.3
Дискреционность (*Discretionality*) 2.4.6
Договор межклановый (*Clan pact*) 7.4.1
Жертва (*Prey*) 5.5.4.1
Зависимость (*Dependence*)
— от международной экономики (*international economic*) 7.4.5
— от прямых иностранных инвестиций (ПИИ)
  (*foreign direct investment* (*FDI*)) 7.4.5
— от экспорта (*export*) 7.4.5

Завышение цен (*Overpricing*) 5.3.3
Закон (*Law; lex*) 4.3.4.2
— власти (*law of rule*) 4.3.5.1
— дискреционный (*discretional law*) 4.3.4.2
— инструментальный (*instrumental law*) 4.3.4.2
— нормативный (*normative law*) 4.3.4.2
— ограниченный (*limited law*) 4.3.4.2
— по индивидуальному заказу (*custom-tailored lex*) 4.3.4.2
Захват государства (*Capture state*) 5.3.2.3
— криминальный (*criminal*) 5.3.2.3
— олигархический (*oligarchic*) 5.3.2.3
— сверху вниз (*top-down*) 5.3.2.3
— снизу вверх (*bottom-up*) 5.3.2.3
Захват рынка (*market raiding*) 5.5.3.3
Идентичность этническая (*Identity ethnic*) 7.4.1
Идеология (*Ideology*) 6.4
Инструмент идеологический (*Ideological instrument*) 4.2.3
Интеграция международная (*International integration*) 7.4.3.2
Источник подлежащей распределению ренты (*Source of distributable rent*) 7.4.6
Кабинет (*Cabinet*) 3.3.2.1
Кампания (*Campaign*)
— конкурентная (*competitive*) 4.3.3.1
— маркетинговая (*marketing*) 4.3.3.1
— политическая (*political*) 4.3.3.1
— с монополизацией общественного дискурса (*floor-monopolizing*) 4.3.3.1
— с приостановлением прав (*rights suspending*) 4.3.3.1
— управленческая (*managing campaign*) 4.3.3.1
— формирующая лояльность (*loyalty-structuring*) 4.3.3.1
— экономическая (*economic*) 5.6.1.2
Капитализм (*Capitalism*) 5.6
— для корешей (*crony*) 5.6.3
— мафиозный (*mafia*) 5.6.3
— олигархический (*oligarchic*) 5.6.3
— патрональный (*patronal*) 5.6.3
— политический (*political*) 5.6.3
Каста (*Caste*) 6.2.2.2
Клан (*Clan*) 3.6.2.1
— братский (*fraternity-based*) 3.6.2.1
— номенклатурный (*nomenklatura-based*) 3.6.2.1
— партийный (*party-based*) 3.6.2.1
— этнический (*ethnicity-based*) 3.6.2.1
Класс (*Class*) 3.6.1.1

Клиентарность (*Clientage*) 6.2.2.2
— высокого уровня (*upper*) 6.2.2.4
— низкого уровня (*lower*) 6.2.2.4
— среднего уровня (*middle*) 6.2.2.3
Клиентелизм (*Clientelism*) 6.2.2.2
Когерентность (*Coherence*)
— двусторонняя функциональная (*bilateral functionality*) 6.4.2.1
— функциональная (*functionality*) 6.4.1.1
— ценностная (*value*) 6.4.1.1
Командир полевой (*Warlord*) 2.5.2
Компания (*Company*)
— охранная (*security*) 2.5.2
— подставная (*shell*) 3.4.3
— транснациональная (ТНК) (*transnational* (*TNC*)) 7.4.5
Компенсация (*Compensation*) 5.5.2.2
Комплекс жертвы (*Victimhood*) 6.4.2.4
Компромат (*Kompromat*) 4.3.5.2
Консолидация автократическая (*Consolidation autocratic*) 4.4.1.3
Конституционализм (*Constitutionalism*) 4.2.2
Координация регулируемая рыночная (*Regulated market coordination*) 5.6.1.1
Коррекция электоральная (*Electoral correction*) 4.4.4
Коррупция (*Corruption*) 2.4.4
— добровольная (*voluntary*) 5.3.2.2
— крупная (*grand*) 5.5.3.1
— мелкая (*petty*) 5.5.3.1
— на свободном рынке (*free market*) 5.3.2.2
— несистемная (*non-systemic*) 5.5.3.1
— принудительная (*coercive*) 5.3.2.3
— системная (*systemic*) 5.5.3.1
— системообразующая (*system-constituting*) 5.6.1.5
— системоразрушающая (*system-destroying*) 5.6.1.5
— системосмазывающая (*system-lubricating*) 5.6.1.5
— эндемичная (*endemic*) 5.5.3.1
— эпизодическая (*sporadic*) 5.5.3.1
Крыша (*Krysha*) 3.6.3.1
Крышевание преступное (*Criminal protection racket*) 2.5.2
Крышеватель преступный (*Criminal protector*) 2.5.2
Куратор учрежденческий (*Gatekeeper*) 5.5.3.2
Легализм (*Legalism*) 4.3.5.3
— автократический (*autocratic*) 4.3.5.3
— демократический (*democratic*) 4.3.5.3
Легитимация (*Legitimacy*) 4.2.1
— гражданская (*civil*) 4.2.1
— нетелеологическая (*non-teleological*) 6.4.1.2
— телеологическая (*teleological*) 6.4.1.2

Лицо доверенное (*Trustee*) 3.3.4
Лицо подставное (*Frontman*)
— политическое (*political*) 3.3.3
— рядовое (*low-profile*) 3.4.3
— среднего уровня (*mid-profile*) 3.4.3
— экономическое (*economic*) 3.4.3
— элитное (*high-profile*) 3.4.3
Лоббирование (*Lobbying*) 5.3.1
Лоббист (*Lobbyist*) 3.4.2
Марксизм-ленинизм (*Marxism-Leninism*) 4.2.4
Марш проправительственный (*Pro-government march*) 4.3.2.1
Маскировка (*Camouflage*) 6.5
Мафизация партии-государства (*Mafiafication of the party state*) 5.6.2.3
Мафия (организованное подполье) (*Mafia* (*organized underworld*)) 2.4.5
Махинация финансовая (*Financial scheming*) 5.6.1.4
Меньшинство этническое (*Ethnic minority*) 7.4.1.
Механизм (*Mechanism*)
— аннексионный (*annexing*) 5.6.1.3
— деформирующий (*distorting*) 5.6.1.3
— доминирующий экономический (*dominant economic*) 5.6.1.1
— защитный (*defensive*) 4.4
— корректирующий (*correcting*) 5.6.1.2
— модифицирующий (*modifying*) 5.6.1.2
— подчиненный экономический (*subordinate economic*) 5.6.1.1
— экономический (*economic*) 5.6.1.1
Минигарх (*Minigarch*) 3.4.1.1
Модель (*Pattern*)
— криминально-государственная (*criminal state*) 5.3.2.3
— расходования средств (*of expenditure*) 5.4.3.3
Монополия на власть (*Monopoly of political power*) 4.3.4.4
Мотив приватизации технократический
(*Motive of privatization technocratic*) 5.5.2.1
«Мы и они» («*Us and them*») 6.4.2.2
Накопление имущества / обогащение (*Accumulation of wealth*)
— структурное (*structural*) 5.5.4.2
— циркулярное (*circular*) 5.5.4.2
Накопление капитала первоначальное (*Original accumulation of capital*) 5.5.1
Налог (*Tax*) 5.4.3.1
— дискреционный (*discretional*) 5.4.3.1
— общий (*general*) 5.4.3.1
— секторальный (*sectoral*) 5.4.3.1
Направления экономической теории (*Schools of economic thought*)
— гетеродоксальные (*heterodox*) 5.2

Нарушение целостности (*Integrity breaking*) 3.6.3.2
Насилие (*Violence*) 2.2.1
Национализация (*Nationalization*)
— бандитская (*bandit*) 5.5.3.3
— горячая (*hot*) 5.5.3.3
— коммунистическая (*communist*) 5.5.1
— монополистическая (*monopolizing*) 5.5.3.3
— путем отзыва компетенций (*competency*) 5.5.3.3
— путем получения рынка (*market acquiring*) 5.5.3.3
— холодная (*cold*) 5.5.3.3
Нейтрализация (*Neutralization*) 4.3
Нейтроллизация (*Neutrollization*) 4.3.1.2
Нелояльность (*Disloyalty*) 3.6.2.4
Неравенство (*Inequality*)
— патрональное (*patronal*) 6.2.2.2
— перед законом (*before the law*) 4.3.5.1
— после закона (*after the law*) 4.3.5.1
— рыночное (*market*) 6.2.2.2
Несбалансированность прав (*Non-balancing of rights*) 4.3.2.1
Неформальность (*Informality*) 2.2.2.2
Неэлита (*Non-elite*) 2.2.2.1
Нигилизм моральный (*Moral nihilism*) 6.4.2.4
Номенклатура (*Nomenklatura*) 2.2.2.2
Нормативность (*Normativity*) 2.4.6
НПО/НКО (неправительственная/некоммерческая организация) (*NGO*) 3.5.2
Обвинение сфабрикованное (*Fabricated accusation*) 4.3.5.2
Область тяготения цивилизационная (*Civilizational gravitational field*) 7.4.3.1
Обмен реципрокный (*Reciprocal exchange*) 3.2
Обсуждение публичное (*Public deliberation*) 4.2.2
Объект (*Subject*) 3.5.1
Общество (*Society*)
— гражданское (*civil*) 4.4.1.2
— клиентарное (*clientage*) 6.2.2.2
Олигарх (*Oligarch*) 3.4.1.1
— автономный (*autonomous*) 3.4.1.3
— ближнего круга (*inner-circle*) 3.4.1.3
— конкурент (*rival*) 3.4.1.3
— поддерживаемый патроном (*patron-bred*) 3.4.1.3
— покорившийся (*surrendered*) 3.4.1.3
— попутчик (*fellow-traveler*) 3.4.1.3
— приемный (*adopted*) 3.4.1.3
— ренегат (*renegade*) 3.4.1.4
— упорствующий (*recalcitrant*) 3.4.1.3
— устраненный (*liquidated*) 3.4.1.3

ОПР (организация — «приводной ремень») (*TRANSBO*) 3.5.2
Орган законодательный, принимающий решения (*Legislature decision-maker*) 4.3.4.4
Особенности характерные (*Specific feature*)
— политики (*policy-specific*) 7.4
— режима (*regime-specific*) 7.4
— страны (*country-specific*) 5.5.3.3
Откат демократический (*Democratic backsliding*) 7.3.3.1
Отмывание (*Laundering*)
— денег (*money*) 5.3.4.3
— репутации (*reputation*) 7.4.4.2
Отношения (*Relationship*)
— добровольные (*voluntary*) 2.2.2.2
— патронально-клиентарные (*patron-client*) 2.2.2.2
Отступление диктатуры (*Dictatorship retreat*) 7.3.2.1
Охранник (*Security guard*) 2.5.2
Очередь (*Queueing*) 5.6.1.2
Падение диктатуры (*Dictatorship collapse*) 7.3.2.1
Парад (parade) 4.3.2.1
Парадигма (*Paradigm*)
— критики правительства (*government-critique*) 4.4.4
— критики режима (*regime-critique*) 4.4.4
Партия (*Party*)
— абсорбированная (*absorbed*) 3.3.9
— вассалов (*vassals'*) 3.3.7
— демократическая (*democratic*) 3.3.7
— ликвидированная (*liquidated*) 3.3.9
— маргинализованная (*marginalized*) 3.3.9
— оппозиционная (*opposition*) 3.3.9
— патрона (*patron's*) 3.3.7
— политиков (*politicians'*) 3.3.7
— «приводной ремень» (*transmission-belt*) 3.3.8
— приручeнная (*domesticated*) 3.3.9
— фейковая (*fake*) 3.3.9
— функционеров (*cadres'*) 3.3.7
— управляющая (*governing*) 3.3.8
— централизованная (*centralized*) 3.3.7
Партия-государство (*Party state; state party*) 2.3.2; 3.3.8
— реформированная (*reformed state*) 3.3.8
Патримониализация (*Patrimonialization*) 4.2.3
Патрон (*Patron*)
— верховный (*chief*) 3.3.1
— главный (*top*) 2.2.2.3
Патронаж (*Patronage*) 5.3.6

Патронализация (*Patronalization*) 4.2.4
— общественная (*societal*) 6.2.2
— политическая (*political*) 5.6.1.3
— экономическая (*economic*) 5.6.1.3
Переворот конституционный (*Constitutional coup*) 4.4.1.3
Передача деятельности на контрактной основе (*Contracting out*) 5.5.2.1
Перераспределение (*Redistribution*)
— ресурсов бюрократическое (*bureaucratic resource*) 5.6.1.1
— рынка реляционное (*relational market*) 5.6.1.1
Петля режимная (*Regime cycle*) 7.3.4.1
Пирамида единая (*Single-pyramid*)
— многоуровневая (*multi-tier*) 2.2.2.3
  — бюрократическая (*bureaucratic*) 7.4.2.1
  — неформальная (*informal*) 7.4.2.1
— одноуровневая (*one-tier*) 2.2.2.3
Планирование заниженное (*Under-planning*) 5.6.1.2
Плата за крышу (*Protection money*) 5.5.3.1
Поддержка международная финансовая (*International transfers*) 7.4.6.2
Полигарх (*Poligarch*) 3.3.3
Полиция частная (*Private police*) 2.5.2
Политбюро (*Politburo*) 3.3.2
Политик (*Politician*) 3.3.3
Политика (*Policy*) 4.3.4.1
— государственная (*public*) 4.3.4.1
— клановая (*clan*) 7.4.1
— монетарная (*monetary*) 7.4.6.3
— патрональная (*patronal*) 4.3.4.1
— силовая (*power*) 4.3.4.1
Получение / извлечение ренты (*Rent-seeking*) 5.4.2.2
Популизм (*Populism*) 4.2.3
Популист (*Populist*)
— пользующийся идеологией (*ideology-applying*) 6.4.1.2
— управляемый идеологией (*ideology-driven*) 6.4.1.2
Попытка установления автократии (*Autocratic attempt*) 4.4.1.3
Порог терпения (*Stimulation threshold*) 7.4.7.3
Порука круговая (*Peer control* (*Krugovaya poruka*)) 6.5
Порядок (*Order*)
— ограниченного доступа (*limited-access*) 2.4.6
— открытого доступа (*open-access*) 2.4.6
Поставщики придворные (*Court purveyors*) 6.2.2.3
Потенциал (*Potential*)
— демобилизующий (государства) (*demobilization* (*of the state*)) 4.3.2.1
— мобилизующий (людей) (*mobilization* (*of the people*)) 4.3.2.1
— генерирования страха (*fear-generating*) 6.4.2.3

Права (*Rights*)
— имущественные (*property*) 5.5.3.2
— экзогенные (*exogenous*) 5.5.3.2
— эндогенные (*endogeneous*) 5.5.3.2
  — контроля (*control*) 5.5.3.4
  — пользования (*use*) 5.5.3.4
Правоприменение (*Law enforcement*)
— нормативное (*normative*) 4.3.5.1
— политически выборочное (*politically selective*) 4.3.5.1
Предоставление защиты (*Shelter provision*) 3.6.3.1
Предприниматель (*Entrepreneur*) 3.4.1.1
— главный (*major*) 3.4.1.2
— силовой (*violent*) 2.5.1
Президент — хромая утка (*Lame-duck president*) 4.4.3.3
Преступление экономическое (*Economic crime*) 5.3.5.2
Приватизация (*Privatization*)
— инсайдерская (*insider* (*MEBO*)) 5.5.2.2
— при смене режима (*regime-changing*) 5.5.1
— прямая (*direct*) 5.5.2.1
— путем эмиссии акций (*share issue*) 5.5.2.1
— с трансформацией власти (*power-transforming*) 5.5.2.2
— справедливая (*justice-making*) 5.5.2.2
Принуждение (*Coercion*) 2.2.1
— белое (*white*) 4.3.5.4
— серое (*grey*) 4.3.5.4
— черное (*black*) 4.3.5.4
Принцип (*Principle*)
— интересов элиты (*of elite interest*) 2.3.1
— общественных интересов (*of societal interest*) 2.3.1
— реализации идеологии (*of ideology implementation*) 2.3.1
— функционирования государства доминирующий (*of state functioning dominant*) 2.3.1
Продажа (*Sale*)
— голосов (*vote-selling*) 6.5
— договорная (*negotiated*) 4.3.2.1
Продвижение (*Promotion*)
— автократии (*autocracy*) 7.4.2.2
— демократии (*democracy*) 7.4.2.2
Проектировщик коррупции (*Corruption designer*) 5.2.3.1
Прорыв автократический (*Breakthrough autocratic*) 4.4.1.3
Протекция для корешей (*Cronyism*) 5.3.2.2
Противоправность (*Unauthorized*)
— несанкционированная (*illegality*) 5.3.4.2
— санкционированная (*legality*) 5.3.4.2

Процесс показательный (*Show trial*) 4.3.3.1
Пузырь (*Bubble*)
— коррупционных ожиданий (*corruption expectation*) 5.5.3.2
— рыночный (*market*) 5.5.4.3
— трофейный (*booty*) 5.5.4.3
— экономический (*economic*) 5.5.4.3
Равенство (*Equality*)
— перед законом (*before the law*) 4.3.5.1
— после закона (*after the law*) 4.3.5.1
Равновесие патрональной сети динамическое (*Dynamic equilibrium of patronal networks*) 4.4.2.1
Раздача гражданам (ваучеров) свободная (*Free distribution among citizens* (*voucher*)) 5.5.2.2
Разделение (*Separation*)
— ветвей власти (*of branches of power*) 4.4.1.1
— ресурсов власти (*of resources of power*) 4.4.3.2
— сфер социального действия (*of spheres of social action*) 3.2
Различия этнические (*Ethnic cleavage*) 7.4.1
Революция цветная (*Revolution color*) 4.4.2.3
Регион исторический (*Historical region*)
— западно-христианский (*Western-Christian*) 1.3.1
— исламский (*Islamic*) 1.3.1
— православный (*Eastern-Orthodox*) 1.3.1
Режим (*Regime*) 2.2.1
— идеологически нейтральный (*ideology-neutral*) 6.4.1.3
— пользующийся идеологией (*ideology-applying*) 6.4.1.3
— управляемый идеологией (*ideology-driven*) 6.4.1.3
Рейдерство (*Reiderstvo; raiding*) 5.5.3.1
— белое (*white*) 5.5.3.1
— серое (*grey*) 5.5.3.1
— черное (*black*) 5.5.3.1
Реляция (отношение) (*Relation*) 5.3.1
Ренационализация (*Renationalization*) 5.5.3.3
Рента (*Rent*) 5.4.2.1
Реорганизация структуры собственности политическая (*Reorganization of ownership structure political*) 5.5.1
Реприватизация (*Reprivatization*) 5.5.2.2
Реституция (*Restitution*)
— экстраэлекторальная (*extra-electoral*) 4.4.4
— электоральная (*electoral*) 4.4.4
Ресурсы природные (*Natural resources*) 7.4.6.1
Референдум (*Referendum*) 4.3.3.3

Реформа диктатуры (*Dictatorship reform*) 7.3.2.1
Риск коррупционный (*Corruption risk*) 5.5.4.3
Руководитель государственного предприятия (*State enterprise leader*) 3.4.1.1
Рынок (*Market*)
— административный (*administrative*) 5.6.1.2
— дискреционно-закрытый (*discretionally closed*) 5.4.2.2
— закрытый (*closed*) 5.4.2.1
— конкурентный (*competitive*) 5.6.1.3
— нормативно-закрытый (*normatively closed*) 5.4.2.2
— открытый (*open*) 5.4.2.1
— реляционный (*relational*) 5.6.1.3
Ряд / последовательность (*Sequence*) 7.3.1
Самоцензура (*Self-censorship*) 4.3.1.2
Санкции международные (*International sanction*) 7.4.3.2
Свобода выхода (*Freedom of exit*) 2.2.2.2
Связи
— западные (*Western linkage*) 7.4.4.2
— социальные (*social tie*) 6.2.1.1
Сговор (*Collusion*) 5.3.1
— инициированный государственным органом (*state organization*) 5.3.2.2
Сделка (*Bargain*)
— бюрократическая (*bureaucratic*) 7.4.2.1
—плановая (*plan*) 5.6.1.2
Семейственность аморальная (*Familism amoral*) 3.6.2.4
Семья приемная политическая (*Adopted political family*) 3.6.1.4
Сеть (*Network*)
— безмасштабная (*scale-free*) 6.2.1.1
— бюрократическая патрональная (*bureaucratic patronal*) 2.2.2.2
— непатрональная (*non-patronal*) 2.2.2.2
— неформальная патрональная (*informal patronal*) 2.2.2.2
Сила (*Strength*)
— сильных связей (*of strong ties*)
  — неформальные, передающие влияние (*informal, influence-carrying*) 6.2.1.2
  — формальные, передающие влияние (*formal, influence-carrying*) 6.2.1.2
— слабых связей (*of weak ties*)
  — неформальные, передающие информацию (*informal, information-carrying*) 6.2.1.1
Синтез неоклассический (*Neoclassical synthesis*) 5.2
Система (*System*)
— двухпартийная (*two-party*) 4.3.2.4
— мультипатрональная сетевая (*multi patronal network*) 4.3.2.4
— мультипирамидальная (*multi-pyramid*) 2.2.2.2

— однопирамидальная (single-pyramid) 2.2.2.2
— партийная (*party*) 4.3.2.4
— демократическая с автократическим претендентом (*democratic with autocratic challenger*) 4.3.2.4
— конкурентная (*competitive*) 4.3.2.4
— патрональная с демократическим претендентом (*patronal with democratic challenger*) 4.3.2.4
— самоподдерживающаяся (*self-sustaining*) 4.4
— с доминирующей партией и конкурентным окружением (*dominant-party system with competitive fringe*) 4.3.2.4
— с доминирующей партией и фейковой оппозицией (*dominant-party system with fake opposition*) 4.3.2.4
Слияние сфер социального действия (*Merger of spheres of social action*) 3.2
Слуга (клиент) (*Servant* (*client*)) 3.5.1
Служба безопасности (*Security service*) 2.5.2
— государственная (*state's*) 3.3.6
— партийная (*party's*) 3.3.6
— патрона (*patron's*) 3.3.6
Служащий патрональный (*Patronal servant*) 3.3.5
Смена (*Change*)
— конфигурации (*pattern*) 7.3.1
— модели (*model*) 7.3.1
— режима (*regime*) 7.3.1
— системы (*system*) 7.3.1
Смешение сфер социального действия (*Collusion of spheres of social action*) 3.2
Собственность (*Ownership*) 5.5.1
Сообщество воображаемое (*Community imagined*) 6.4.2.4
Сословие феодальное (*Feudal order*) 3.6.1.2
Сотрудничество (*Cooperation*) 5.3.1
Социализм (*Socialism*) 5.6
Союз международный (*International alliance*) 7.4.3.2
Способ (*Mode*)
— дойной коровы (*cash cow*) 5.4.3.3
— расходования государственных средств (*of state expenditure*) 5.4.3.3
— эгалитарный (*egalitarian*) 5.4.3.3
— элитистский (*elitist*) 5.4.3.3
Стабильность режима (*Regime stability*) 6.3
Стоимость (*Value*)
— допрессинговая (*unmolested*) 5.5.4.1
— рыночная (*market*) 5.5.4.1
— стоимость в фазе выслеживания (*stalking*) 5.5.4.1
— стоимость в фазе охоты (*hunting*) 5.5.4.1
— трофейная (*booty*) 5.5.4.1

Структуры жесткие (*Stubborn structures*) 1
Субпатрон (*Sub-patron*) 2.2.2.3
Суверенитет народный (*Popular sovereignty*) 4.2.1
Сфера (*Sphere*)
— коммуникации (*of communication*) 4.3.1.2
  — закрытая (*closed*) 4.3.1.2
  — контролируемая (*dominated*) 4.3.1.2
  — открытая (*open*) 4.3.1.2
— политического действия / политическая (*of political action*) 3.2
— общинного действия / общинная (*of communal action*) 3.2
— экономического действия / экономическая (*of market action*) 3.2
Тендер публичный (*Public tender*) 5.5.2.1
Теория заговора (*Conspiracy theory*) 6.4.2.5
Толкач (*Tolkach*) 3.4.2
Точка стабильная (*Stable point*) 7.3.1
Траектория режима (*Trajectory regime*) 7.3.1
— вторичная (*secondary*) 7.3.1
— первичная (*primary*) 7.3.1
Трайбализм (*Tribalism*) 6.4.2.4
Трансфер денежный (*Transfer*) 5.4.3.1
Трансформация (*Transformation*)
— антидемократическая (*anti-democratic*) 7.3.4.1
— антипатрональная (*anti-patronal*) 7.3.4.1
— власти горизонтальная (*power horizontal*) 5.5.2.2
— власти сверху вниз (*top-down power*) 5.5.2.2
— власти снизу вверх (*bottom-up power*) 5.5.2.2
— двухуровневая (*dual-level*) 7.3.4.1
— демократическая (*democratic*) 7.3.4.1
— диктатуры (*dictatorship*) 7.3.2.1
— одноуровневая (*single-level*) 7.3.4.1
— патрональная (*patronal*) 7.3.4.1
Триба (*Tribe*) 3.6.2.4
Увещевание масс политическое (*Mass political persuasion*) 6.3
Угроза ненасильственного характера (*Non-violent threat*) 2.2.1
Услуги оффшорные финансовые (*Offshore finance*) 5.3.4.3
Фаза (*Phase*)
— выслеживания (*stalking*) 5.5.4.1
— охоты (*hunting*) 5.5.4.1
— потребления (*consuming*) 5.5.4.1
Формальность (*Formality*) 2.2.2.2
Франчайзинг (лицензирование) (*Franchising* (*licensing*)) 5.5.2.1
Функционер партийный (*Party cadre*)
— высокого уровня (*high level*) 3.3.3
— среднего / низкого уровня (*middle / low level*) 3.3.4

Хищение (*Embezzlement*) 5.3.5.2
Хищник (*Predator*) 5.5.4.1
Хищничество (*Predation*) 2.4.3
Цена прогнозируемая (*Forecasted value*) 5.5.4.1
Цензура (*Censorship*) 4.3.1.2
Центрист (*Centrist*) 6.4.1.2
Церковь (*Church*)
— клиентарная (*client*) 3.5.3.1
— независимая (*independent*) 3.5.3.1
— репрессированная (*repressed*) 3.5.3.1
Цивилизация (*Civilization*)
— западная (*Western*) 1.3.1
— православная (*Orthodox*) 1.3.1
— синская (*Sinic*) 1.3.1
Шум информационный (*Noisemaking*) 4.3.1.2
Эгоизм коллективный (*Collective egosim*) 6.4.2.4
Экономика (*Economy; economics*)
— институциональная (*institutional*) 5.2
— плановая (*planned*) 5.6
— поведенческая (*behavioral*) 5.2
— реляционная (*relational*) 5.2, 5.6
— рыночная (*market*) 5.6
— теневая (*shadow*) 5.6.1.3
Экосистема криминальная (*Criminal ecosystem*) 5.3.4.3
Экспроприация (*Expropriation*) 5.5.3
Экстремист (*Extremist*) 6.4.1.2
Элита(*Elite*) 2.2.2.1
— автономная (*autonomous*) 3.7.1.1
— инкорпорированная (*incorporated*) 3.7.1.2
— неправящая (*non-ruling*) 2.2.2.1
— патронализованная (*patronalized*) 3.7.1.3
— политическая (*political*)
  — авторитарная (*authoritarian political*) 3.7.2.1
  — демократическая (*democratic political*) 3.7.1.1
  — доминантная (*dominant political*) 3.7.2.2
  — конкурирующая патрональная (*competing patronal political*) 3.7.2.3
  — монополистическая патрональная (*monopolistic patronal political*) 3.7.1.3
  — с ограниченной властью (*limited political*) 2.2.2.2
  — тоталитарная (*totalitarian political*) 3.7.1.2
— правящая (*ruling*) 2.2.2.1
  — непатрональная (*non-patronal ruling*) 2.2.2.2
  — патрональная (*patronal ruling*) 2.2.2.2

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абашидзе Аслан **II:** 638
Абрамович Роман **I:** 510
Аг Аттила **II:** 712
Адам Золтан **II:** 499
Адер Янош **I:** 425
Акаев Аскар **I:** 690
Алиев Гейдар **I:** 310, 698, 722; **II:** 654
Алиев Гусейн **I:** 123
Алиев Ильхам **I:** 577, 698, 722
Ара-Ковач Аттила **I:** 6
Арендт Ханна **I:** 29
Аристотель **I:** 182
Ахметов Ринат **I:** 420

Бабиш Андрей **II:** 601–603
Баез-Камарго Клаудия **I:** 6; **II:** 93, 368, 525–526, 528–531, 534, 536–538
Байарт Жан-Франсуа **II:** 101
Бакиев Курманбек **I:** 690–691, 693
Балашши Бела **II:** 679
Балог Золтан **II:** 264
Бальцерович Лешек **II:** 597
Банс Валери **I:** 535, 550
Банфилд Эдуард К. **I:** 428
Барабаши Альберт-Ласло **II:** 378–379, 385–387
Барди Лучано **I:** 545
Бекетов Михаил **II:** 755
Бенкё Балаж **I:** 6
Бердымухамедов Гурбангулы **I:** 335
Бережной Игорь **I:** 98; **II:** 250
Березовский Борис **I:** 355, 510; **II:** 612–613
Берецки Андраш **I:** 6
Бжезинский Збигнев **I:** 29
Биро Золтан С. **I:** 6, 92
Боббио Норберто **II:** 455
Бозман Барри **I:** 636
Бозоки Андраш **I:** 6, 29, 449–450; **II:** 499
Бокрош Лайош **I:** 113; **II:** 200
Бокс Джордж **II:** 9
Боле Дороти **II:** 701
Борис Янош **I:** 6, 145
Браун Арчи **I:** 29
Буассевейн Джереми **II:** 120
Бузек Ежи **II:** 597
Буллоу Оливер **II:** 102
Бухарин Николай **I:** 562
Бэсеску Траян **I:** 674; **II:** 584

Вайна Эндрю Джордж **II:** 248
Вайс Майкл **I:** 515; **II:** 108, 671
Валенса Лех **II:** 594
Вамош Петер **I:** 6

Вартанова Елена **I:** 509
Вархеди Аттила **I:** 425
Вархеди Эва **I:** 7, 64
Вахаби Мердад **I:** 7; **II:** 8, 253–254, 259, 719
Вачудова Милада Анна **II:** 600, 602
Вашархейи Мария **I:** 514
Вебер Макс **I:** 14, 40–41, 44–45, 54, 59, 62, 94, 99–100, 115, 152, 155–156, 198–200, 203–204, 206, 210, 230, 239, 279, 294, 302–306, 396–397, 400–401, 429, 463, 465, 479, 488–490; **II:** 143, 148, 396, 765
Ведель Джанин **I:** 199, 218, 395
Ведеман Эндрю **I:** 212–213; **II:** 352
Ведрес Балаж **I:** 7
Вельцель Кристиан **I:** 121
Вёрёш Имре **I:** 64
Вигелл Микаель **I:** 30
Вида Ильдико **II:** 688
Волков Вадим **I:** 240–243, 250, 430
Волчек Шэрон **I:** 535, 550
Вольчик Вячеслав **I:** 98; **II:** 250
Воронин Владимир **II:** 631–633, 743
Восленский Михаил **I:** 408
Вудс Джошуа **II:** 662
Вэй Лукан **I:** 29, 328, 564, 696, 702; **II:** 650–651, 677–678, 694, 763

Габор Дьёрдь **I:** 64; **II:** 488, 490
Гавел Вацлав **I:** 29
Гагиев Аслан **II:** 90
Гайзер Вячеслав **I:** 258–260, 432; **II:** 747
Галлаи Тамаш **II:** 140–141
Гамбетта Диего **II:** 27–28, 30–31, 53
Гамсахурдия Звиад **II:** 637
Гельман Владимир **I:** 122
Герлах Юлия **I:** 535
Герра Симона **I:** 392–393
Гершевски Йоханнес **II:** 433–434, 439
Гилберт Леа **I:** 31
Гирц Клиффорд **I:** 15
Говард Марк Морже **II:** 563
Гоголь Николай **I:** 314
Горбачев Михаил **I:** 502; **II:** 581
Гранвиль Джоанна **I:** 344
Грановеттер Марк **II:** 371–373, 376–377
Грешкович Бела **II:** 701
Громов Алексей **I:** 299
Грос Даниэль **II:** 700–701
Груевский Никола **I:** 572; **II:** 628–630, 650
Гуд Пол Джон **II:** 494
Гусинский Владимир **I:** 510; **II:** 612–613
Гэдди Клиффорд **II:** 164, 717–718, 720

Даймонд Ларри **I:** 25, 29
Даль Роберт **I:** 29, 468
Дальгерн Леннарт **I:** 540
Деак Андраш **I:** 6
Дейч Тамаш **I:** 425

Демочка Виталий **II:** 95–96
Демсец Гарольд **II:** 251
Демски Габор **II:** 658
Джуда Бен **I:** 390; **II:** 613
Джуканович Мило **II:** 97
Димитрова-Грейзл Валентина **I:** 112
Додон Игорь **II:** 635–636, 743
Дубровский Владимир **II:** 622, 624
Дэн Сяопин **II:** 589
Дюверже Морис **I:** 316
Дюмон Луи **II:** 395–396
Дюрчань Ференц **II:** 483, 608
Дянков Симеон **II:** 293

Ельцин Борис **I:** 306, 420, 568; **II:** 169–170, 213, 612–613

Закария Фарид **I:** 29
Заславская Татьяна **I:** 9
Зедельмайер Ульрих **I:** 25
Зеленский Владимир **II:** 625
Зеллер Майкл С. **I:** 6, 519, 537

Жапаров Садыр **I:** 691
Жээнбеков Сооронбай **I:** 691

Ивани Дёрдь **I:** 383
Иванишвили Бидзина **II:** 638, 640
Икес Барри **II:** 164, 717–718, 720
Илиеску Ион **II:** 582–583
Ин Чжэн **II:** 667
Инглхарт Рональд **I:** 121; **II:** 476, 478, 486
Иоанн Павел II **II:** 595
Иоселиани Джаба **II:** 637
Исэреску Мугур **II:** 584

Йоханнис Клаус **II:** 585

Кадар Янош **I:** 50
Казакевич Андрей **I:** 544
Каримов Ислам **I:** 724; **II:** 650
Карл Терри Линн **I:** 467–469
Картье-Брессон Жан **II:** 59–60
Каценштейн Питер **I:** 72, 74, 86–88; **II:** 771
Качиньский Ярослав **I:** 144, 392, 394, 550; **II:** 447, 550, 597–599
Кёвер Ласло **I:** 425
Кёрёшеньи Андраш **I:** 6, 29
Керн Кристиан **II:** 673
Кирай Юлия **I:** 6, 337
Китовани Тенгиз **II:** 637
Киш Янош **I:** 650–651, 659–660, 703
Кищак Чеслав **I:** 699
Кленор Ян **II:** 603
Клима Михал **II:** 38, 47–48, 401
Ковач Мария М. **I:** 5
Козак Мартон **I:** 6, 82, 706
Козулин Александр **I:** 333, 699
Коллинз Кэтлин **I:** 124, 416; **II:** 649

Коллинз Рэндалл **I:** 86

Коломойский Игорь **II:** 625

Кононенко Вадим **I:** 197

Конрад Дьёрдь **II:** 455

Корнаи Янош **I:** 6, 10, 31, 45, 47, 62, 105–106, 107, 109–110, 138–146, 263, 268, 270, 320–321, 338–341, 372, 483–486, 492, 494, 653; **II:** 8, 116, 196, 295, 298, 300–303, 315–316, 545–554, 561, 564, 572, 643, 748, 760, 778

Корралес Хавьер **I:** 640

Косалс Леонид **II:** 362

Коуди Дэвид **II:** 512

Краутер Уильям **II:** 626, 628

Креко Петер **II:** 516–517

Кремер Балаж **I:** 6

Кригер Мартин **I:** 587

Крыштановская Ольга **I:** 291, 396; **II:** 211–214

Кубатов Габор **I:** 579

Кули Александр **II:** 103

Кулибаев Тимур **II:** 587

Кулов Феликс **I:** 690

Куровска Ксимена **I:** 516

Кучма Леонид **I:** 457, 690; **II:** 229, 620–621

Лазар Янош **I:** 718–719; **II:** 725

Лазаренко Павел **II:** 620

Лакло Эрнесто **II:** 368, 485

Лакнер Золтан **II:** 725

Ланской Мириам **I:** 258–259

Ланци Андраш **II:** 471–473

Латынина Юлия **II:** 325

Левицкий Стивен **I:** 29, 174, 328, 564, 696; **II:** 678, 692, 694, 763

Леденёва Алена **I:** 6, 107, 171, 430, 450, 622, 626; **II:** 93, 113–114, 316, 324–328, 368, 382, 525–526, 528–531, 533–534, 537–538

Лейпхарт Аренд **I:** 538

Ли Питер Пинг **II:** 372, 374–375

Лигети Габор **I:** 6

Лин Цзихуа **II:** 353

Линц Хуан **I:** 25, 29, 206

Лукашенко Александр **I:** 333–334, 577, 698–699; **II:** 464–465, 676

Лучинский Петр **II:** 631

Ма Джек **I:** 454

Маделей Джон **I:** 89

Мазманян Армен **I:** 6, 592, 623, 635

Мазовецкий Тадеуш **II:** 597

Майлс-Примакофф Дилан **I:** 258–259

Манион Мелани **II:** 356

Манчини Паоло **I:** 501

Мао Цзэдун **II:** 123, 589

Маркс Карл **I:** 401; **II:** 192–194

Маркус Станислав **I:** 176, 262, 272–273, 362, 364–367; **II:** 221–224, 263, 265, 269, 281, 538

Мартин Йожеф Петер **I:** 5; **II:** 56

Матольчи Дьёрдь **II:** 729

Медведев Дмитрий **I:** 258, 292, 295–296; **II:** 613

Медичи Козимо **I:** 95, 396

Меркель Вольфганг **I:** 29
Мерфи Уолтер **I:** 466, 471
Месарош Лёринц **II:** 85, 286–290, 723, 728–729
Мечьяр Владимир **I:** 114, 685
Мижеи Кальман **I:** 6, 64, 624; **II:** 623, 631, 638, 640–641
Милошевич Слободан **I:** 696–697
Минаков Михаил **I:** 5, 64, 313–314, 412, 456; **II:** 620
Минзарари Думитру **I:** 64, 532–533
Мирзиёев Шавкат **I:** 724
Михайи Петер **I:** 5, 210, 454, 490; **II:** 144, 190
Млодинов Леонард **II:** 762
Мобуту Сесе Секо **II:** 730
Монтескье Шарль Луи де **I:** 655–656, 670
Мохсени Паям **I:** 31
Мудде Кас **II:** 478
Мэдисон Джеймс **I:** 188, 661–662, 674
Мэйнуоринг Скотт **I:** 25
Мэйр Питер **I:** 545
Мюллер Вольфганг **II:** 446
Мюллер Ян-Вернер **I:** 472

Навальный Алексей **I:** 537, 637, 700, 732
Надь Адам **I:** 704
Назарбаев Нурсултан **I:** 290–291, 721–722; **II:** 586–588, 669, 742
Наим Мойзес **II:** 100
Найшуль Виталий **II:** 212
Немцов Борис **I:** 700
Норрис Пиппа **II:** 476, 478, 486
Норт Дуглас **I:** 164, 182, 231–232, 236, 433, 664, 712; **II:** 155–156, 369–370, 437
Ньяко Иштван **I:** 579
Нэстасе Адриан **II:** 584
Нэстасе Андрей **I:** 730

О'Доннелл Гильермо **I:** 25, 29, 656
Оливье де Сардан Жан-Пьер **I:** 14
Олсон Мансур **I:** 227, 253, 701; **II:** 222, 255
Орбан Виктор **I:** 49–50, 82, 144, 263, 290, 293, 295, 299, 309, 329, 359–362, 392–394, 403, 422, 425, 449, 475–476, 484, 511–514, 550, 599, 623, 638, 710–711, 718–719; **II:** 85, 241, 248, 277, 286–287, 290, 308, 420, 428, 465–469, 471, 483, 487, 490, 495, 499, 606, 616, 657, 672, 690–691, 695, 697–699, 708–709, 712, 723–726, 728–729, 732, 739, 742–744, 747, 756, 764
Оркень Антал **I:** 5
Ослунд Андерс **I:** 344
Остром Элинор **II:** 243
Оутс Сара **I:** 504
Оффе Клаус **I:** 33, 76, 78, 279, 281

Павел I **I:** 405
Павлович Душан **I:** 212
Пакульски Ян **I:** 400
Паппас Такис С. **I:** 667; **II:** 508
Парето Вильфредо **I:** 159

Пашинян Никол **I:** 693
Пейтман Кэрол **I:** 29
Петр I **I:** 102, 108
Петров Николай **I:** 5, 64, 306; **II:** 655, 751, 755
Пикулик Алексей **II:** 165
Пиночет Аугусто **I:** 578; **II:** 408, 551
Пинтер Шандор **II:** 658
Пинчук Виктор **I:** 457; **II:** 620
Плахотнюк Владимир **I:** 319, 573, 730; **II:** 101, 632–636, 670, 714, 743, 771
Подгурецкий Адам **I:** 301, 588, 615
Покорни Золтан **I:** 425
Полани Майкл **I:** 15
Поланьи Карл **I:** 56, 59, 84, 280; **II:** 8, 298–301, 308
Политковская Анна **II:** 418, 483, 727
Полтерович Виктор **II:** 746
Польт Петер **II:** 725
Померанцев Питер **I:** 243, 245, 515; **II:** 95, 108, 611, 671
Понта Виктор **I:** 674
Попова Мария **I:** 639
Поп-Элеш Григор **I:** 693
Порошенко Петр **I:** 692; **II:** 623, 625
Путин Владимир **I:** 130, 176, 259, 288, 290–292, 295–296, 298–299, 306, 310, 355, 365, 390–391, 420–421, 450, 475–476, 484, 509–510, 528, 537, 539–540, 559, 578, 700, 711, 732–733; **II:** 96, 97, 164, 170, 226, 235, 241–242, 280, 419, 480, 489, 491, 498, 612–613, 632, 655, 660–663, 668–670, 673, 676, 697–698, 714, 717–719, 727, 742, 746–747, 776
Пшеворский Адам **I:** 25, 470

Радниц Скотт **I:** 695
Райк Ласло **I:** 562
Рейльян Виллу **I:** 444
Ресимич Милош **I:** 6
Рёсслер Филип **II:** 563
Решетников Анатолий **I:** 516
Робертсон Грэм **I:** 693
Ролз Джон **I:** 180
Роман Петре **II:** 582
Рот Гюнтер **I:** 205
Руда Владимир **II:** 464, 676
Рябов Андрей **I:** 5, 98

Саакашвили Михаил **I:** 690; **II:** 638–642
Сабо Андреа **I:** 7
Сабо Миклош **I:** 307
Савоини Джанлука **II:** 672
Сайер Йожеф **I:** 425
Саква Ричард **I:** 446, 583–584, 589, 609; **II:** 225
Салазар Антониу ди **II:** 551
Сальвини Маттео **II:** 672
Санду Майя **II:** 636
Саргсян Серж **I:** 693
Сартори Джованни **I:** 195, 635
Сатмари Тибор **I:** 6

Сатпаев Досым **I:** 418
Секи Янош **I:** 7, 656
Селеньи Иван **I:** 6, 9, 59, 94, 110, 210, 341, 454, 490; **II:** 144, 209, 213–214, 455
Селеньи Соня **II:** 213–214
Семерей Тамаш **II:** 729
Серто Мишель де **I:** 14
Си Цзиньпин **II:** 353, 355–356, 590–591
Сиберт Фред **I:** 504
Силади Акош **I:** 628
Сиярто Петер **II:** 707
Скаанинг Свен-Эрик **I:** 152
Сланский Рудольф **I:** 562
Смит Адам **I:** 264, 267; **II:** 145
Снегур Мирче **II:** 631
Сомбати Кристоф **II:** 309
Сорос Джордж **II:** 514,
Сталин Иосиф **I:** 316, 485
Стивенсон Светлана **II:** 101
Стиглер Джордж **II:** 158–159
Стоукс Сьюзан **II:** 401, 426
Стрём Кааре **II:** 446
Сурков Владислав **I:** 476
Сюч Ено **I:** 89–91, 102–103

Таргамадзе Каха **II:** 638
Теллер Дьюла **I:** 484; **II:** 467
Тиборц Иштван **II:** 290, 723–724
Тилли Чарльз **I:** 178, 525; **II:** 90–94, 98
Тимошенко Юлия **I:** 413
Токвиль Алексис де **I:** 635
Тот Иштван Янош **I:** 6; **II:** 73–74, 84, 85
Тоунсли Элеанор **I:** 94
Трамп Дональд **II:** 674, 713
Туровский Даниил **II:** 97

Уайт Кевин **II:** 53–54
Уайт Стивен **I:** 291, 487, 577; **II:** 211–214
Удальцов Сергей **I:** 537
Уотерс Малколм **I:** 400

Фабри Адам **II:** 403
Файерстоун Томас **II:** 220
Филат Владимир **II:** 634
Фисун Александр **I:** 5, 126, 205; **II:** 242
Фишман Роберт М. **I:** 152
Флек Золтан **I:** 5, 64, 622
Фрай Тимоти **I:** 150, 265, 269; **II:** 187, 483
Франке Аня **II:** 733, 746
Фридрикс Дэвид О. **I:** 218
Фридрих Карл **I:** 29
Фукуяма Фрэнсис **I:** 19; **II:** 477–478, 484, 497, 569

Хабермас Юрген **I:** 29
Хаврилишин Олег **II:** 750
Хазард Джон **I:** 590
Хайду Миклош **II:** 84
Хайек Фридрих Август фон **I:** 59, 154–156; **II:** 737

Хайльманн Себастьян **I:** 321; **II:** 348–352, 357, 590, 664
Халлин Дэниел **I:** 501
Хантингтон Сэмюэл Филлипс **I:** 25, 74, 80, 85–90, 101–102, 116; **II:** 121, 477, 530, 674–675, 771
Харасти Миклош **I:** 6, 497–499, 504, 566
Хегедуш Дэниел **I:** 29
Хейл Генри Е. **I:** 6, 62, 97, 104–105, 107, 131, 133, 165, 198, 398, 570–571, 679, 681, 688, 696, 713, 715, 722, 724, 731; **II:** 537, 580, 583, 586–588, 612, 615, 618, 628, 630, 637, 641, 767
Хеллман Джоэл **II:** 279
Хельмке Гретхен **I:** 174
Хигли Джон **I:** 29
Хизершоу Джон **II:** 103
Хилл Рональд **I:** 577
Хиршман Альберт **I:** 364, 705; **II:** 281
Хобсбаум Эрик **I:** 224–225
Ходорковский Михаил **I:** 355; **II:** 612–613
Хокинг Стивен **II:** 762
Холкомб Рэндалл Г. **I:** 59; **II:** 19–25, 147, 153–154, 157, 359
Холл Эдвард **I:** 14
Хомский Ноам **I:** 15
Хорн Габор **I:** 5
Хоскинг Джеффри **I:** 95
Хрущев Никита **I:** 289
Ху Цзиньтао **II:** 353, 590
Хэнли Шон **II:** 600, 602
Цинь Шихуанди *см.* Ин Чжэн
Чаба Ласло **I:** 6; **II:** 668, 737, 746, 757, 778
Чавес Уго **I:** 640
Чанади Мария **I:** 6; **II:** 330, 333–334, 336, 342–343, 348
Чарнота Адам **I:** 587
Чаушеску Николае **II:** 582
Чейз Сара **I:** 64; **II:** 634, 712–714, 720
Чен Сяо **II:** 775
Чепели Дьёрдь **I:** 5
Черных Люси **II:** 235–236
Чехаби Хучанг **I:** 206
Чжоу Юнкан **II:** 51, 351, 353
Чжу Цзяннань **I:** 7; **II:** 346–349, 355
Чорбя Виктор **II:** 584
Шайринг Габор **I:** 359–361; **II:** 309, 708, 712
Шандор Клара **I:** 6; **II:** 487, 761
Шарман Джейсон **II:** 103
Шеварднадзе Эдуард **I:** 690; **II:** 637–638
Шедлер Андреас **I:** 29, 552, 558, 565
Шенфилд Стивен **II:** 316
Шепан Марк **II:** 339–340
Шеппеле Ким Лейн **I:** 470, 638
Шимичка Лайош **I:** 293, 362–363, 513, 606, 719; **II:** 606, 723
Шиммельфеннинг Франк **I:** 25
Шимон Эстер **I:** 112

Шлэгер Эделла **II:** 243
Шляйфер Андрей **I:** 150, 263, 265, 267, 269
Шляпентох Владимир **II:** 662
Шмиттер Филипп **I:** 25, 29, 467–469
Шойом Ласло **II:** 607
Шоош Карой Аттила **I:** 7; **II:** 195, 199, 206
Шпедер Золтан **I:** 718–719
Шрёдер Герхард **II:** 673
Штумпф Иштван **I:** 425
Шюссель Вольфганг **II:** 673

Эйзенштадт Шмуэль **I:** 86, 205
Элиас Норберт **I:** 86
Эньеди Жольт **I:** 6
Эрл Дженнифер **I:** 644
Эскриба-Фольч Абель **I:** 572
Эспинг-Андерсен Геста **I:** 190
Эял Гил **I:** 94

Юхас Пал **I:** 5
Ющенко Виктор **I:** 690; **II:** 622

Явлинский Григорий **II:** 152, 323, 480
Явор Иштван **I:** 596
Якоб Андраш **I:** 660
Янукович Виктор **I:** 314, 420, 572, 690–692, 695 **II:** 226, 229, 622–623, 625, 712
Янчич Давид **I:** 6, 64, 375–376, 596; **II:** 43, 64–65, 69, 71, 688, 730, 732
Ясаи Геллерт **II:** 729
Яшин Илья **I:** 259

СОДЕРЖАНИЕ

5. Экономика

5.1. Гид по главе 6

5.2. Реляционная экономика как полемика с неоклассическим синтезом 10

5.3. Реляция 19

5.3.1. Основные определения: реляция, сотрудничество, сговор 19

5.3.2. Сговор и коррупция: вариант типологии 26

5.3.2.1. Обоснование аналитической структуры . . . 26

5.3.2.2. Добровольная коррупция: коррупция на свободном рынке, протекция для корешей и сговор, инициированный государственным органом 33

5.3.2.3. Принудительная коррупция: захват государства снизу вверх и сверху вниз и криминальное государство . 44

5.3.3. Сравнительная типология коррупции: общие измерения и исследование проблемы трансформации коррупции на конкретном примере 56

5.3.3.1. Разделение сфер социального действия и прочие измерения 56

5.3.3.2. Типология брокеров-коррупционеров 63

5.3.3.3. От коррупционного риска до нормализации коррупции в госзакупках: пример Венгрии 72

5.3.4. Измерение масштабов коррупции, криминальная экосистема и роль коррупционных средств в выживании режима 86

5.3.4.1. Критика мировых показателей коррупции . . 86

5.3.4.2. Отношение криминального государства к несанкционированной противоправности 89

5.3.4.3. Криминальная экосистема: национальный и мировой уровень 99

5.3.4.4. Использование коррупционных средств: потребление, накопление и инвестирование в экономику и политику . 105

5.3.5. Реляция в коммунистических диктатурах 110
5.3.5.1. Тотальное подчинение и три экономики . . . 110
5.3.5.2. Блат в сравнении с другими формами коррупции 113
5.3.5.3. Влияние смены режима на динамику коррупции 117
5.3.6. Культура реляции в посткоммунистическом регионе: от семейных обязательств до блата и гуаньси (*guanxi*) . . . 119

5.4. Государственное вмешательство 125
5.4.1. Общие принципы 125
5.4.1.1. Характер государственного вмешательства: нормативность и дискреционность 125
5.4.1.2. Инструменты государственного вмешательства 134
5.4.2. Регуляционное вмешательство: разновидности создания ренты 141
5.4.2.1. Основные определения 141
5.4.2.2. Нормативно- и дискреционно-закрытые рынки . 146
5.4.2.3. Получатели ренты: от групп интересов до патрональных сетей 156
5.4.2.4. Сбор ренты государством: рентоориентированное государство 162
5.4.3. Бюджетное вмешательство: виды налогообложения и расходования 166
5.4.3.1. Основные определения 166
5.4.3.2. Налогообложение и его функции 171
5.4.3.3. Способы и модели государственного расходования 175

5.5. Собственность 181
5.5.1. Политическая реорганизация структуры собственности в посткоммунистическом регионе 181
5.5.2. Совокупность основных черт приватизации: технократические и не технократические мотивы 195
5.5.2.1. Технократическое измерение: открытость рынка приватизации и ее объект . . . 196
5.5.2.2. Мотивы не технократического свойства: установление справедливости и трансформация власти 202

5.5.3. Совокупность основных черт патронализации: хищничество и имущественные права 214

5.5.3.1. От силовых предпринимателей до криминального государства: типология рейдерских практик 217

5.5.3.2. На пути к патронализации: экзогенные и эндогенные права собственности 230

5.5.3.3. Экзогенные права: типы национализации . . 231

5.5.3.4. Эндогенные права: результат патронализации . 242

5.5.3.5. Система власть-собственность: от рыночной экономики к реляционной 249

5.5.4. Хищничество и экономическая динамика: стоимость в фазе выслеживания и в фазе охоты, а также трофейная стоимость 251

5.5.4.1. Хищники и жертвы: динамика передачи собственности при сером и белом рейдерстве 251

5.5.4.2. Динамика на макроуровне: структурное и циркулярное накопление имущества 273

5.5.4.3. Динамика на микроуровне: деформация предпринимательской деятельности и пузыри в реляционной экономике 278

5.6. Сравнение экономических систем 293

5.6.1. Административный, конкурентный и реляционный типы рынков 297

5.6.1.1. Доминирующие экономические механизмы . . . 297

5.6.1.2. Социализм: административный рынок 309

5.6.1.3. Капитализм: от конкурентного рынка до реляционного 317

5.6.1.4. Модифицирующие механизмы реляционной экономики: двойная бухгалтерия и финансовые махинации 323

5.6.1.5. Коррупция: от модифицирующего механизма к доминирующей функции 328

5.6.2. Смешанная рыночная экономика: динамический баланс трех экономических механизмов в диктатурах с использованием рынка 330

5.6.2.1. Экономика в промежуточных типах режима . 330

5.6.2.2. Бюрократическое перераспределение ресурсов и регулируемая рыночная координация: сеть партии-государства меняет модель, но не меняет режим . . . 333

5.6.2.3. Регулируемая рыночная координация и реляционное перераспределение рынка: трехстороннее давление неформальности на реформированную партию-государство 345

5.6.3. Типы политического капитализма: от капитализма для корешей до мафиозного капитализма . 357

6. Общество

6.1. Гид по главе 366

6.2. Уровень общественных структур 369

Сети и общественная патронализация

6.2.1. Порядки открытого и закрытого доступа: устранение силы слабых связей 369

6.2.1.1. Общие определения и порядок открытого доступа либеральных демократий 369

6.2.1.2. Порядки ограниченного доступа в коммунистических диктатурах и патрональных автократиях 380

6.2.2. Клиентарное общество: неравенство и социальная мобильность в патрональных автократиях 387

6.2.2.1. «Удушающий прием»: холодная патронализация и дорога к клиентарному обществу . 387

6.2.2.2. Понятие клиентарности и клиентарного общества 394

6.2.2.3. Клиентарные группы среднего уровня в политической и экономической сферах: «служилые дворяне» и «придворные поставщики» . . 409

6.2.2.4. Клиентарные группы высокого и низкого уровня: как рыночные преимущества и денежные трансферы трансформируются в дискреционные подарки 417

6.2.2.5. Сила сильных связей и социальная психология клиентарного общества 422

6.3. Стабильность власти и политическое увещевание масс 431

6.4. Уровень дискурсов: идеология и политический рынок 442

6.4.1. Идеологический спрос: акторы и режимы, пользующиеся идеологией 445

6.4.1.1. Универсальные функции идеологии 445

6.4.1.2. Управляемые идеологией и пользующиеся идеологией популисты 450

6.4.1.3. Управляемый идеологией, пользующийся идеологией и идеологически нейтральный типы режимов 457

6.4.1.4. Идеологические фасады, отвечающие интересам элит и приемной политической семьи . . . 461

6.4.2. Идеологический спрос: от политики идентичности до конспирологических теорий . 474

6.4.2.1. Функциональная когерентность спроса на популизм на Западе и на Востоке 475

6.4.2.2. «Мы»: достижение двусторонней функциональной когерентности путем использования аргументов о боге, нации и семье . . . 484

6.4.2.3. «Они»: создание образа врага и стигматизация как способы использования идеологии 500

6.4.2.4 Социальная психология популизма: жертвенность и коллективный эгоизм 508

6.4.2.5. Универсальное объяснение: двусторонняя функциональность теорий заговора 512

6.4.3. Краткая характеристика популизма: идеологический инструмент политической программы неограниченного с моральной точки зрения коллективного эгоизма 518

6.5. Модели неформального управления: краткая характеристика 525

7. Режимы

7.1. Гид по главе 542

7.2. Треугольная структура: определяя шесть режимов идеального типа 545

7.2.1. Удвоение идеальных типов демократии, автократии и диктатуры, разработанных Корнаи 545

7.2.2. Одиннадцать измерений треугольной структуры . . 554

7.3. Динамика режимов: типология и смоделированные траектории двенадцати посткоммунистических стран . . 569

7.3.1. Общие определения: последовательность, траектория и смена конфигурации 569

7.3.2. Первичные траектории после коммунизма (Эстония, Румыния, Казахстан и Китай) 575
7.3.2.1. Конец диктатуры и первичные траектории идеального типа 575
7.3.2.2. Смена режима на либеральную демократию: Эстония 579
7.3.2.3. Смена режима на патрональную демократию: Румыния 582
7.3.2.4. Смена режима на патрональную автократию: Казахстан 585
7.3.2.5. Смена модели на диктатуру с использованием рынка: Китай 589
7.3.3. Вторичные траектории после смены режима (Польша, Чехия, Венгрия и Россия) 591
7.3.3.1. Демократический откат и отсутствие прецедентов восходящего движения в рамках вторичной траектории 591
7.3.3.2. Откат к консервативной автократии: Польша 594
7.3.3.3. Откат к патрональной демократии: Чехия . . 599
7.3.3.4. Откат от либеральной демократии к патрональной автократии: Венгрия 604
7.3.3.5. Откат от олигархической анархии к патрональной автократии: Россия 610
7.3.4. Режимная петля и двойственность персональных и безличных институциональных изменений (Украина, Македония, Молдова и Грузия) 614
7.3.4.1. Антипатрональная трансформация, режимная петля и цветные революции 614
7.3.4.2. Режимная петля и цветные революции: Украина 620
7.3.4.3. Режимная петля и конфликт внутри элит: Македония 626
7.3.4.4. Режимная петля и иностранное вмешательство: Молдова 630
7.3.4.5. Попытка разорвать режимную петлю: Грузия . 636
7.4. За рамками особенностей режима: особенности стран и политики 643
7.4.1. Этнические противоречия как источник плюрализма и беспорядков 646
7.4.2. Глубинное государство и коммунистические спецслужбы 653

7.4.3. Размер стран и глобальные амбиции бывших империй 659
7.4.3.1. Пересмотр стратификации однопирамидальных патрональных сетей 659
7.4.3.2. Имперские амбиции Китая и России 666
7.4.4. Геополитическая ориентация и сосуществование либеральных и патрональных режимов в Европейском союзе 674
7.4.4.1. Стержневые государства и притягиваемые ими государства в цивилизационных областях тяготения . 674
7.4.4.2. Международные интеграции и Европейский союз как полузавершенный цивилизационный стержень . . 679
7.4.5. Зависимый характер капитализма и глобальные связи локальных патрональных сетей 699
7.4.6. Природные ресурсы и другие источники распределяемой ренты 714
7.4.6.1. Нефть и природный газ 716
7.4.6.2. Международная финансовая поддержка . . . 722
7.4.6.3. Трофейные компании и финансовые институты 727
7.4.6.4. Государственный бюджет. 730
7.4.7. Особенности политики: анализ режимов и пространство для маневра 733
7.4.7.1. К альтернативной аналитической парадигме: от публичной политики к патрональной 733
7.4.7.2. Устойчивость и консолидация как критерии успеха патрональных режимов 741
7.4.7.3. Пространство для маневра: кризисы и социальные ограничения для политики, проводимой в нормальных условиях 747

Заключение 758
Значение языка и базовые аксиомы анализа посткоммунистических режимов 758
В поисках глобальной перспективы: избавление от скрытых аксиом при рассмотрении посткоммунистического региона 766
Технологии и климатические изменения: особенности эпохи и перспективы на будущее 772
Библиография 779
Глоссарий 857
Указатель имен 872

Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Концептуальная структура

Том 2

Дизайнер обложки *Д. Черногаев*
Научный редактор *А. Решетников*
Редакторы *А. Гуменский, Д. Ассалаулова, Н. Бочкарева*
Корректор *Н. Бочкарева*
Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
Адрес издательства: 123104, Москва, Тверской бульвар, 13, стр. 1
тел./факс: +7 495 229-91-03
e-mail: real@nlobooks.ru
http://www.nlobooks.ru

Формат 60 × 90 1/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 55,5. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14